

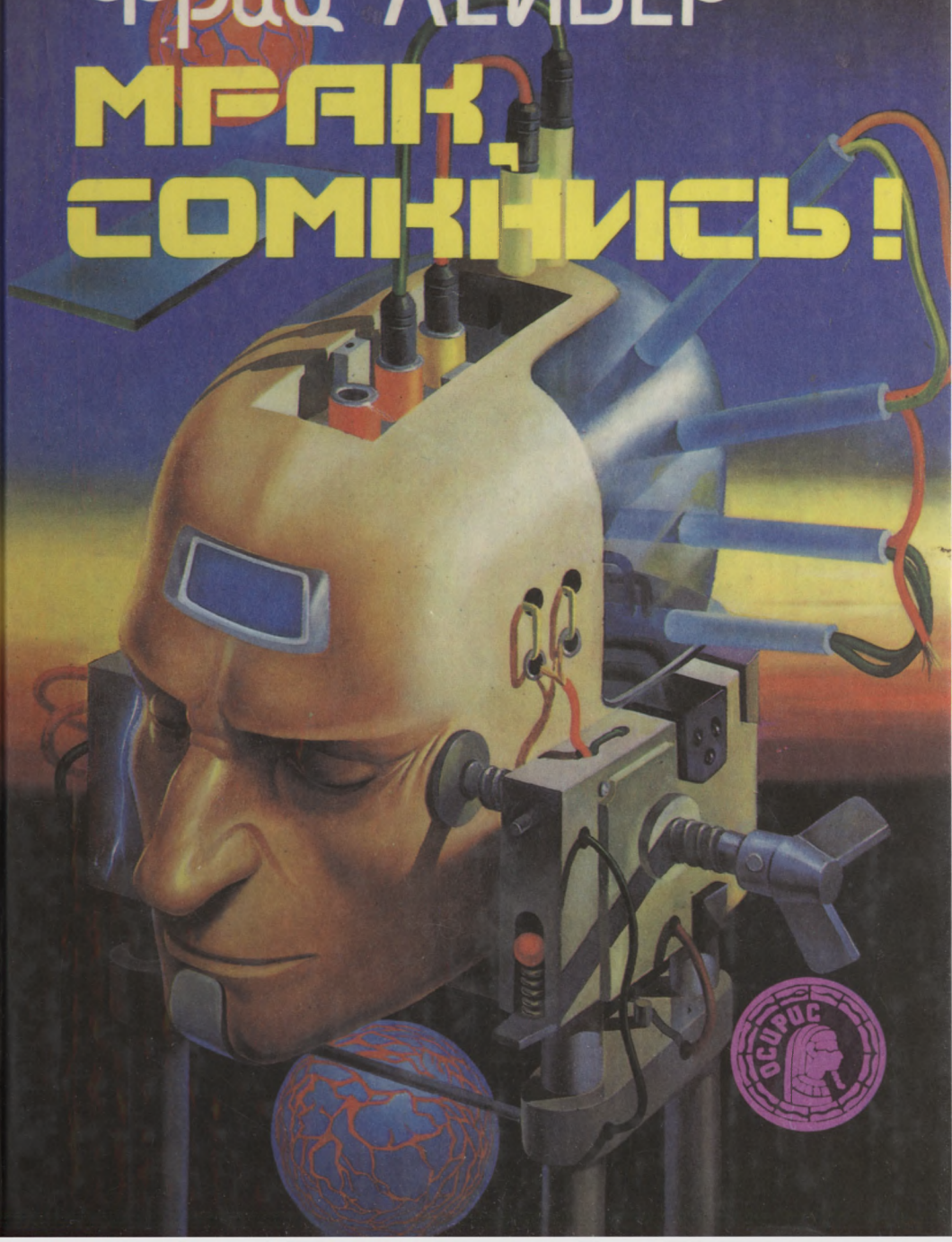

**МРАК.
СОМКИНЬСЬ!**

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

21

ФРИЦ ЛЕЙБЕР МРАК. СОМКИНЬСЬ!

Фриц ЛЕЙБЕР

МРАК, СОМКНИСЬ !

СТРАННИК

ТРЕБУЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЬ

романы, рассказы

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

Москва

1993

ББК 84.7 (США)
Л42

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Выпуск 21

Художник А.Б.Державин

Лейбер Ф.
Л42 Мрак, сомнись! Фантастические романы, рассказы. — Пер. с англ. — «Осирис». Вып. 21 — М.: Центрполиграф, 1993. — 542 с.

Актер, священник, издатель, преподаватель теории драмы, лектор-популяризатор и, наконец, писатель-фантаст, один из самых влиятельных, — такова биография Фрица Лейбера. В отличие от многих собратьев по цеху Лейбер написал очень немного. Но каждое его новое произведение придирчиво раскупалось в миллионах экземпляров, придирчиво изучалось писателями-фантастами, поскольку, как правило, оно означало новый шаг в развитии американской фантастики в целом.

Фрицу Лейберу всегда есть, что сказать читателю. Он всегда интересен.

ББК 84.7 (США)

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
«Центрполиграф», 1993

ISBN 5-7001-0063-0

МРАК, СОМКНИСЬ !

•

•

Глава первая

Брат Жарль, жрец Первого и Наружного Круга, недавно вошедший в Иерархию, старался сдерживать постоянно возникающие у него порывы гнева, изо всех сил сохраняя на своем лице маску, маску не только для прихожан, что должен был делать каждый член Иерархии, но маску и для своих братьев жрецов.

Любой жрец, ненавидящий Иерархию, как и он, должен был бы сойти с ума от этих пугающих приступов ярости.

Но жрецы не могут сойти с ума или же вести себя так, чтобы об этом не стало известно Иерархии, которой известно все.

Тогда притворство? Но жрец перед назначением тщательно проверялся по всем параметрам. Жрец не мог ненавидеть свою работу.

Нет, должно быть, он сумасшедший. И Иерархия знает это, но скрывает от него самого по каким-то своим соображениям.

Или же все наоборот? Тогда она права.

Стараясь держаться подобающим образом, Жарль заставил себя сконцентрироваться на каменной доске, где был высечен год постройки здания в секторе прихожан. Надпись гласила: «139 В.Б.»

Чтобы успокоить себя, он погрузился в вычисления. Год 139 Великого Бога — это значит год 206 Золотой Эры, хотя тогда не вели летоисчисления. Кроме того, это год 360 Атомной Эры. И наконец, это год 2305 Ранней Цивилизации. Как же называли тогда бога? Христос.

— Хамсер Кон, прихожанин Пятого участка, встань впереди, сын мой.

Брат Жарль моргнул. В таком настроении, как у него сейчас, слышать этот елейный голос было невыносимо. Почему его поставили в пару с Братом Хулианом? Почему жрецам не разрешается работать по одному, а только парами?

Но он знал, почему. Чтобы жрецы могли шпионить друг за другом, сообщать друг о друге. Вот так Иерархия узнала обо всем.

Стараясь каждое мгновение поддерживать маску на лице, он обернулся. Его глаза автоматически отметили одно лицо, четвертое в ряду, в толпе прихожан, выстроившихся перед ним и Братом Хулианом.

Этот толстый, голубоглазый, с выбритыми мягкими щеками жрец просматривал рабочие листы, отпечатанные специально для прихожан примитивным образом. Прихожане не знали, да им и не за чем было

знать, о других методах хранения информации. Ненавидеть именно Брата Хулиана у Жарля не было особых причин. Просто обычный жрец Второго Круга, обычный жирный ребенок.

Но Жарль мог ненавидеть и этого жирного ребенка, когда он разыгрывал перед прихожанами роль школьного наставника, министра, строгого учителя.

Одно ценилось — это работа, такая отвратительная для Жарля, но она внушала Брату Хулиану ощущение собственной важности, и он был готов ее делать один.

Маленький толстый жрец посмотрел поверх рабочего листа на молодого прихожанина, нервно мнущего бесформенную шляпу в больших узловатых руках и время от времени вытиравшего руки о пиджак из грубой домотканой материи.

— Сын мой, — пропел он, — ты на следующие три месяца направляешься на работу в шахты. Это уменьшит твои выплаты в Иерархию до половины твоего заработка. Завтра утром ты доложишь о себе декану.

Молодой прихожанин глотнул, кивнул дважды и быстро отошел в сторону.

Гнев Жарля вспыхнул с новой силой. Шахты! Хуже, чем полевые и даже дорожные работы. Об этом должен знать прихожанин. И тем не менее, услышав назначение, он даже был благодарен: тот же самый преданный взгляд, какой он видел в старых книгах у верных домашних собак.

Жарль отвел глаза в сторону и снова заметил то же самое лицо, теперь уже третье в шеренге. Это было лицо женщины.

Заходящее солнце отбрасывало длинные тени на Большую Площадь. Толпа прихожан становилась все реже. Остались только небольшие очереди людей, ждущих, что же написано для них в рабочих листах. Тут и там прихожане в грубой одежде собирали свои товары — то, что они сделали сами дома и принесли сюда на продажу или обмен, — и таскали их сами или везли на мулах в свои секторы. Некоторые были в примитивных широкополых шляпах, другие уже натянули на себя серые капюшоны, хотя вечерняя прохлада еще не наступила.

Глядя на секторы прихожан Мегатеополиса, Жарль вспомнил виды городов Темных Веков, или — как они назывались в период Ранней Цивилизации — Средних Веков. Подобно тем городам, дома Мегатеополиса были в основном одноэтажные, почти без окон.

И хотя Жарль был жрецом только Первого Круга, он понимал, что такое сходство не случайно. Иерархия не терпит простых совпадений. У нее для всего есть причины.

Мимо него проковыляла какая-то карга в лохмотьях и конусообразной шляпе. Прихожане все отстранялись от нее. Какой-то мальчик закричал:

— Мать Джуди! Ведьма! Ведьма! — и, запустив в нее камнем, убежал.

Но Жарль слегка улыбнулся ей. И она улыбнулась ему в ответ. Это была скорее гримаса, чем улыбка: сморщенные губы искривились над беззубыми деснами, ее крючковатый нос почти коснулся острого подбородка. Затем она пошла своим путем, нащупывая палкой дорогу.

В другом направлении Мегатеополис был совсем иным. Там возвышались сверкающие здания Святилища, неповторимая громада Собора, который выходил фасадом на Большую Площадь.

Жарль смотрел на Великого Бога, и сквозь гнев в его душу стал прокрадываться страх, который этот идол разбудил в нем еще в те времена, когда он был всего лишь сыном прихожанина, задолго до того, как он прошел тесты и стал постигать тайны жрецов. Мог ли Великий Бог увидеть такой святотатственный гнев своими глазами, своими огромными, слегка прищуренными глазами? Но такая слепая вера непростительна даже для новичка Иерархии.

И без Великого Бога Собор являл собой грандиозное сооружение с огромными колоннами, высокими окнами. Но там, где можно было ожидать шпиль или пару башен, вырастала фигура Великого Бога, будто скульптура человека по пояс, внушающая трепет своей надменностью. Она была частью самого Собора. Тяжелые складки мантии, спадая вниз, переходили в колонны Собора. И сам Собор, и скульптура сделаны из того же серого пластика.

Он доминировал над всем Мегатеополисом, как какой-то невообразимый кентавр. Трудно найти аллею в городе, где можно было бы укрыться от его всевидящего взора и не видеть надменного лица и светящегося голубого нимба вокруг головы.

Каждый ощущал, что Великий Бог рассматривает всякого, проходящего по Большой Площади, и в любой момент может нагнуться и взять человека в руку для более внимательного изучения.

Но эта массивная фигура не пробуждала в Жарле ни капли гордости за величие Иерархии, за то, что ему выпало счастье быть избранным, стать частью ее. Нет, гнев его рос, становился оболочкой для всех его остальных эмоций, такой же красной, как красная мантия, которую он носил.

— Шарлсон Наурия!

Жарль вздрогнул, когда Брат Хулиан произнес это имя. Но теперь момент настал. Жарль почувствовал, что он должен посмотреть на нее. Каждый жрец при вступлении в сан испытывал большие трудности в том, чтобы разорвать все связи, соединяющие его с прихожанами, — с семьей, с друзьями и больше, чем с друзьями. Теперь он был перед фактом: Наурия никогда не станет для него кем-то близким.

Как и он для нее, пронеслось у него в мозгу, когда он повернулся, чтобы посмотреть в ее лицо. Кажется, она не узнала или не заметила его, хотя, если не считать его мантии и выбритых щек, он остался внешне прежним.

Она стояла спокойно, не нервничая, как мужчины. Лицо ее, кажущееся бледным из-за массы темных волос, совершенно не выражало эмоций — это была даже лучшая маска, чем его лицо.

Что-то из-за того, как она держала свое тело, откинув назад плечи, из-за затаенной глубины ее зеленых глаз пробило оболочку его эмоций и поразило сердце.

— Дочь моя, Наурия, — многозначительно протянул Хулиан, — у меня для тебя хорошие вести. Великая честь для тебя. В течение следующих шести месяцев ты будешь прислуживать в Святилище.

Она не проявила никакой реакции, выражение лица ее абсолютно не изменилось, она только задержала ответ на несколько секунд.

— Это слишком большая честь. Я недостойна. Такая работа не для таких, как я, простых ткачих.

— Это, верно, — важно сказал Хулиан, покачивая лысой яйцевидной головой в узком туннеле воротника. — Но Иерархия, если захочет, может возвысить тебя и сделать достойной святого труда. Радуйся, дочь моя. Радуйся.

Голос ее остался таким же спокойным.

— И все же я недостойна. Я знаю это своим сердцем. Я не могу выполнить это.

— Не можешь, дочь моя? — Внезапно голос Хулиана стал жестким. — Ты хочешь сказать — «не будешь»?

Наурия кивнула еле заметно. Все прихожане выпучили на нее глаза и прекратили нервно помаргивать.

* * *

Маленький мягкий рот Брата Хулиана превратился в узкую щелочку. Рука в красной перчатке резко смяла рабочий лист.

— Ты понимаешь, что ты делаешь, дочь моя? Ты понимаешь, ведь ты отказываешься подчиниться приказу Великого Бога, которому служит Иерархия?

— Я знаю своим сердцем, что недостойна. Я не могу.

На сей раз кивок был решительным. Снова Жарль почувствовал, как его кольнуло в сердце.

Хулиан вскочил со скамьи, на которой сидел с Жарлем.

— Ни один прихожанин не может судить действия Иерархии, так как они всегда правильны. Я чувствую, что здесь не просто упрямство, не просто сознание своей ничтожности. Есть только один тип прихожан, который боится войти в Святилище. Я чувствую в тебе ведьму! — драматически провозгласил он и ударил себя в грудь ладонью.

Мгновенно его красная мантия раздулась, окружив его оболочкой, не касаясь его тела ни в одной точке. Эффект был поразительным. Брат Хулиан словно превратился в раздувшегося красного голубя и над его бритой головой зажегся фиолетовый нимб.

Лица прихожан еще больше побледнели. Но Наурия слабо улыбнулась, и ее зеленые глаза, казалось, проникали в Жарля.

— И это легко доказать, — продолжал торжественным тоном раздувшийся жрец.

Хулиан быстро шагнул вперед. Его рука в красной перчатке стиснула плечо девушки, даже не коснувшись его. Но Жарль видел, как ее лицо исказилось гримасой боли. Она прикусила губу. Затем красная перчатка рванулась вниз, разрывая ткань одежды и обнажая плечо.

На белой коже виднелись три круглые метки. Одна из них горела злым красным цветом. Остальные тоже стали загораться.

Жарлю показалось, что Хулиан удивился: увидев красные метки, он некоторое время колебался, затем, взяв себя в руки, завопил:

— Ведьма! Вот доказательства!

Жарль неуверенно встал. Гнев уже полностью овладел им. Он ударил в свою грудь, почувствовав, как внутреннее давление мягко сдавило тело, а мантия раздулась. Уголком глаза он заметил фиолетовый нимб. Затем он ударил кулаком в шею Брата Хулиана.

Удар не достиг цели, но Брат Хулиан упал и покатился по земле, как шар, красный резиновый шар.

Жарль снова ударил себя в грудь. Мантия опала, и нимб исчез. В это мгновение гнев его взорвался, сжег маску загадочности на его лице.

Пусть они проклянут его! Пусть они ослепят и оглушат его, лишив общения, пусть волокут его в подвалы под Святилищем! Иерархия довела его до сумасшествия, так пусть она узнает, что это такое!

Он вскочил на скамью, поднял руки, требуя внимания.

— Прихожане Мегатеополиса!

Это остановило разбегающуюся в панике толпу. Глаза всех обратились к нему. Люди не могли понять, что случилось, но когда вещал жрец, каждый должен был слушать.

— Вам говорили, что невежество — добро. Я утверждаю, что это — зло. Вас учили, что размышление — это зло. Я утверждаю, что это — добро. Вам внушали, что ваше предназначение — это работать с утра до ночи, пока ваши спины не будут разламываться от усталости, а руки не смогут держать инструменты. Я утверждаю, что предназначение каждого человека — добиваться хорошей, радостной жизни. Вы позволили жрецам править вами. Я говорю вам: вы должны править собой сами! Вы верите, что жрецы обладают сверхъестественным могуществом. Я считаю, что жрецы не обладают ничем, чего не было бы у вас. Вы верите — жрецы избраны свыше, чтобы передавать приказы Великого Бога. Но если Бог и существует, вы своим невежественным сердцем знаете о нем больше, чем самый высокопоставленный архиепископ! Вам внушали, что Великий Бог правит Вселенной — Небом и Землей! Я утверждаю: Великий Бог — фальшивка!

Как удары хлыста, эти короткие фразы разлетались по всей Большой Площади. Все глаза устремились на Жарля. Слова его были не-

понятны. Но они совсем другие, чем те, которые обычно произносили жрецы. Люди испугались. Но что-то притягивало их к Жарлю. Со всех концов Площади прихожане, не слушая приказов своих жрецов, ошеломленных происходящим, потихоньку тянулись к Жарлю.

И Жарль в замешательстве смотрел на народ. Он был уверен, что его сразу заставят замолчать. Он только хотел сказать то, что сможет успеть в эти короткие мгновения свободы.

Но удара не последовало. Ни один жрец не бросился к нему, все вели себя так, как будто не происходит ничего необычного. И Жарль продолжал:

— Прихожане Мегатеополиса! То, о чем я собираюсь просить вас, сделать трудно. Труднее, чем работа на шахте, хотя я не попрошу вас даже шевельнуть пальцем. Я хочу, чтобы вы выслушали мои слова, убедились в том, что они правдивы, сделали свое заключение об услышанном и действовали в соответствии со своим суждением. Вы вряд ли понимаете, о чем я говорю, но тем не менее выслушайте меня. Чтобы убедиться в правдивости моих слов, подумайте о своей жизни и сравните реальную картину с тем, что вам преподносят. Вы должны решить для себя, хотите ли вы или не хотите такую жизнь, если поймете, что вся она построена на обмане. Я знаю, жрецы будут убеждать вас в том, что я лгу. Не верьте жрецам! Забудьте, что на мне красная мантия! И слушайте, слушайте.

Теперь уже удар последует. Они не могут позволить ему говорить дальше. Невольно он поднял глаза на Великого Бога. Но этот суровый идол обращал внимание на Площадь и людей на ней не больше, чем обратил бы человек на муравьев, суевившихся под его ногами.

— Все вы знаете историю Золотой Эры, — снова заговорил Жарль, и голос его вибрировал. — Вы слышите ее каждый раз, войдя в Собор. О том, как Великий Бог дал божественные силы всем людям, чтобы они могли жить, будто в раю, — без трудов и забот. О том, как люди, обуреваемые жадностью, хотели получить все больше и больше, грешили и жили в разврате и грехе. О том, как Великий Бог сдерживал свой гнев, ожидая, что люди одумаются. Но люди в своем дьявольском тщеславии решили завоевать небеса и все звезды. И тогда Великий Бог поднялся в гневе и, руководствуясь мудростью, отобрал тех немногих, что не грешили и всегда жили по его законам, создал из них Иерархию и наделил их силой, еще более могущественной, чем раньше. Остальных, тех, кто грешил, он швырнул вниз, в грязь и пыль, дал Иерархии власть над ними, позволил ей применять силу против тех, кто осмелится ослушаться приказа. Затем Бог велел, чтобы Иерархия из каждого поколения отбирала тех, кто может стать жрецами, а остальных приказал оставить в невежестве под ласковым, но непреклонным руководством жрецов, входящих в Иерархию.

Жарль помолчал, посмотрев в лица прихожан.

— Все это вы знаете, но ни один из вас не знал настоящей правды.

Гнев уже прошел у Жарля, и он понял, что может идти в Святилище и спускаться в сырые подвалы: такая тупая реакция была у прихожан. Он видел, что они ни слова не поняли из произнесенного им. Сначала они были в замешательстве, но слушали внимательно, как всегда. Они внимали точно так же, как слушали, когда их направляли на работу. Они поняли Жарля буквально, предполагая, что их ждет работа еще более трудная, чем на шахтах. Рассказ о Золотой Эре немного возбудил их. Это было им чуть знакомо. Но последняя его фраза не пробудила их, и снова они перешли в состояние тупого ожидания.

А что еще он мог ждать от них? Если бы хоть в одного прихожанина он смог заложить семена сомнения.

— Да, Золотая Эра была. Это правда. Хотя, насколько я знаю, известен там и труд, были и печали. Но зато люди имели там немного свободы и желали получить еще больше. Но ученые испугались... Но вы даже не знаете, кто такие ученые! Верно? Мало кто из вас знает, что такое доктор, судья, адвокат, учитель, политик, художник... Ибо для вас это все жрецы. Они объединили все профессии, все привилегированные классы в одном. Но вы даже не понимаете, что такое жрец! Религия и поклонение Богу существовали всегда — и в Золотой Эре, и раньше. Существовали до тех пор, пока человек своими руками и своим мозгом не поколебал эту веру и не завоевал всю планету! И жрецы тех эпох имели дело только с моральной и духовной жизнью человека; тогда духовные мужи были мудры и добры. Все остальное они оставляли людям других профессий. И они не применяли силу. Но сейчас я говорю не об этом. Я хочу рассказать вам об ученых и о том, как закончилась Золотая Эра. Ученый — это мыслитель. Он размышляет об устройстве мира. Он наблюдает за миром. И, поняв основные закономерности, он старается использовать их для пользы человека. Вы видите, никакой магии. Никаких сверхъестественных сил. Только наблюдение, размышление, работа.

Он уже перестал удивляться тому, что его заставили замолчать. Жарль только думал, как найти правильные слова, сделать так, чтобы они проникли в души, в ум, высекли хотя бы искру в этих безучастных лицах.

— Ученые Золотой Эры боялись, что люди вернутся во времена варварства и невежества, тогда их позиция привилегированного класса окажется под угрозой. Ученые решили: им нужно захватить контроль над миром. Но они не могли осуществить это, поскольку не были борцами. Поэтому они надумали создать новую религию, подобную старой, но поддержанную силой науки. В старых религиях проклятья действовали через разум человека. В той религии, которую предложили создать ученые, — через силу. Вам нужны доказательства. Вы получите их.

Его рука скользнула по мантии от ворота до самого низа. Появилась щель. Жарль быстро вышел из мантии. Почти все прихожане подались в ужасе назад. Видеть жреца без мантии — то же святотатство. Правда, жрец сам пошел на это. Но все равно прихожане могут быть наказаны.

— Вам всегда говорили, что от жреца исходит божественная аура, которой он может управлять с помощью своей воли. Смотрите!

Он ударил по груди пустой мантии. Мгновенно она надулась, как шар. Жарль оттолкнул ее от себя, и она, покачиваясь, поплыла по воздуху. Прихожане, толкаясь, пятились от нее, чтобы она не задела их.

Пустая мантия застыла примерно в двух футах от земли и плавно покачивалась. Сейчас она походила на раздутого жреца, даже с красными перчатками, только не было бритой головы под фиолетовым нимбом. А все прихожане знали, что нимб — это не что иное, как видимый знак священных мыслей жреца.

Охваченная паникой толпа старалась держаться подальше, на расстоянии, которое им казалось безопасным и символизирующим их почтение.

Слова Жарля стали горькими, как лекарство:

— Может быть, вы можете подняться в рай Иерархии таким же способом, как пытается сделать это мантия? Я не знаю другого способа. Разве вы не поняли, что это фокус? Загляните внутрь мантии. (Один прихожанин ахнул в ужасе, полагая, что это приказ.) И вы увидите там целую сеть тонких проводов. Зачем Великому Богу провода? Нет, в мантии собран билатеральный многофункциональный излучатель поля. Это поле защищает жреца и увеличивает силу его слабых рук и пальцев, так что они становятся сильнее, чем у кузнеца! И поле же создает этот нимб. Не пяльте глаза не него, открыв рты, дураки! Это же все мошенничество! Как я мог постичь все это? — почти кричал Жарль. — Это вы должны были задать мне этот вопрос. Мне обо всем рассказали жрецы! Знаете ли вы, что происходит с человеком, когда он проходит все тесты и вступает в Иерархию? — Может, хоть этим ему удастся пробудить любопытство в их тупых мозгах. — С ним происходит очень многое, но я расскажу только одно. Ему повторяют — не сразу, маленькими дозами, — что Великого Бога вовсе нет! Что правят миром жрецы! Долг жрецов — помогать ученым, и ученые мужи по справедливости пользуются выгодами своего положения. Неужели вы не понимаете? Все, что задумали ученые в Золотую Эру, работает сейчас. Их новая религия завоевала мир. И как только они смогут ухватить мир за горло покрепче, они будут делать с ним, что захотят. Для себя они создали небольшой рай на земле. Чтобы найти модель мира, в котором должны жить вы, ученые совершили путешествие в далекое прошлое, в Средние Века, и выкопали там одну штуку, которая

называется рабство. Да, они немного почистили его, придали вид законности, но рабство осталось рабством. Это именно то, что им нужно, — держать мир в страхе, невежестве, с вечно согнутой спиной, в безотказном подчинении. Да, они избежали скатывания мира в период варварства. Но вернулись к рабовладельческому строю. В Средние Века была еще одна специфическая особенность, которую мы имеем и сегодня. При обучении мне ничего не говорили об этом, но я и сам догадался о колдовстве! Не пугайтесь, идиоты! Это же еще один из их фокусов. Колдовство было неотъемлемой частью старой религии, ведь оно пробуждало в людях самые примитивные страхи и суеверия. Ученые решили, что колдовство необходимо для их религии. Поэтому они позволили нескольким полоумным старухам, вроде матери Джуди, бродить по городу, творить заклинания, готовить любовное зелье и прочее. Это просто средство усилить суеверие среди вас, запугать вас. И избавляться от неугодных, объявляя их колдунами. Как, например, жрец Хулиан объявил ведьмой эту девушку.

Он поискал глазами Шарлсон Наурию, но не нашел в толпе ни ее, ни Брата Хулиана. Наступал вечер. Бледные лица стали расплываться в полумраке. Он понял, что солнце село. Холодный ветер подул с холмов, и ему стало холодно. Он ведь был почти раздет.

И все же Иерархия не оставила его демарш без внимания. Вокруг Площади стояли по двое жрецы — тени цвета старого вина в наступающих сумерках.

Жарль заметил признаки чего-то более необычного, чем просто любопытство невежественных зевак, на нескольких лицах прихожан, белевших перед ним. И как человек, оберегающий слабенький огонек в холодной снежной пустыне, то единственное, что отделяет его от смерти, так Жарль старался аккуратно раздуть искорку того понимания, которое, ему казалось, он заметил, хотя это, может быть, только обман зрения в полумраке.

— Многие из вас слышали, почему Шарлсон Наурия обвинена в колдовстве. Ей приказали прислуживать в Святилище, но она отказалась. И тогда жрец Великого Бога приблизился к ней и с помощью излучателя поля сделал колдовские знаки на ее плече, прежде чем сдернул с нее ткань одежды. Все вы можете предположить, почему Наурия отказалась. Вы все знаете, кто там живет.

Он показал на маленькую темную улицу, ведущую к Святилищу. Все взоры устремились в том направлении.

— Падшие сестры, так их называют. Девушки, отобранные Иерархией для служения в Святилище, которые затем так нагрешили, что Великий Бог не мог позволить им остаться в Святилище или вернуться домой, чтобы они не развращали невинных. И поэтому милосердный Бог дал им место, где они могут жить отдельно от всех. — Голос его наполнился иронией. — Вы-то знаете! Некоторые из вас посещали их, когда получали разрешение жрецов.

При этих словах по толпе прошел слабый шепот.

— Кто забирает ваших самых красивых девушек в Святилище, прихожане Мегатеополиса? Кто посылает вас на работу на шахты, на поля, на дороги, где вы с утра до ночи гнете спины?

Снова раздалось перешептывание, но уже нарастал гнев, что становилось опасным. По краям площади вспыхнули фиолетовые нимбы, темно-красные тени раздулись.

Жарль сразу заметил это.

— Видите, они включили поле? Обеспечивают себе безопасность. Они боятся вас, прихожане, смертельно боятся. Пользуясь своим полем, увеличивающим силы, они могли бы возделывать весь мир, выткать на нем паутину прекрасных дорог, выкопать тысячи шахт. И ни один человек даже не взял бы в руки кирку или лопату. И вам рассказывают еще одну небылицу: когда Иерархия очистит человечество, Великий Бог создаст новую Золотую Эру, где не останется места греху. Я спрашиваю вас, особенно стариков, не отодвигается ли с каждым годом все дальше наступление Новой Золотой Эры? Сейчас она уже просто стала чудесным несбыточным сном, сказкой, которой убаюкивают младенца, чтобы он быстрее уснул, в то время как его родители устали до полусмерти на тяжелой дневной работе. Может быть, ученые и предполагали когда-нибудь создать Новую Золотую Эру; тогда исчезнет угроза перехода людей в варварство. Но жрецы думают только об одном: как бы сохранить свою власть до тех пор, пока существует человечество, пока не погаснет солнце, пока не замерзнет земля!

И вдруг Жарль осознал, что перешептывание прекратилось, что никто его не слушает и все смотрят вверх, откуда разливалось голубое сияние, освещающее их лица: они казались толпой утопленников.

И он посмотрел тоже туда.

Великий Бог наклонился вперед, заслоня собою первые звезды. Его гигантское лицо смотрело прямо на Площадь, его голубой нимб светился грозно и торжественно.

— Вот их самый главный фокус! — крикнул Жарль. — Всемогуший Бог. Божественный Автомат!

Но его уже никто не слушал, и он замолчал. Зубы его стучали от холода. Он обнял себя руками, чтобы немного согреться.

«Вот оно, — думали прихожане, — это была проверка. Как мы сразу не догадались? Мы не должны были слушать. Мы не имели права подходить. И теперь мы будем прокляты за наш грех, величайший из грехов — даже подумать что-либо плохое об Иерархии».

Рука Великого Бога протянулась вниз. Вытянутый указательный палец, толстый, как бревно, указывал на скинутую мантию Жарля, которая все еще парила в воздухе.

Потрескивающее голубое сияние скользнуло от нимба по его горлообразному плечу, по руке и вырвалось молнией с конца пальца. Мантия

засветилась, раздулась еще немного, затем взорвалась с оглушительным треском, как рыбий пузырь в огне.

Этот звук и дождь огненных искр будто разбудил толпу, застывшую в ужасе. Толпа рассыпалась, все бросились бежать в узкие темные улицы, ведущие с Площади. Все равно куда, лишь бы отсюда.

Потрескивающая молния медленно направилась к скамье, на которой еще стоял Жарль, расплавляя по пути булыжники, оставляя огненно-красный след — издавна известный как знак Гнева Великого Бога.

Жарль ждал.

И вдруг его накрыла чернота, он словно оказался под гигантскими черными крыльями. И затем жрец-рenegат оказался в странной сфере, странной из мрака, сквозь который его обнаженное тело еле просвечивало.

И эта странная сфера имела форму двух громадных когтистых лап, сомкнутых вместе.

Голубой луч от пальца Великого Бога коснулся черной сферы, прошелся по ней, рассыпая искры.

Сфера как бы поглощала энергию луча и становилась менее темной.

Луч превратился в столб голубого сияния. На Площади стало светло как днем, волны горячего воздуха поднимались вверх.

И все же Жарль не мог ничего поделать со сферой, представляющей собой сомкнутые лапы.

Можно было даже рассмотреть фигурку жреца внутри, чудесным образом оставшегося живым в самом сердце пламени.

И тут раздался громopodobный голос, который словно задул весь горячий воздух с Площади, остановил разбегающихся прихожан и заставил их обернуться туда, где разыгрывался внушающий ужас спектакль борьбы огня и мрака.

— Бог Зла отрицает Великого Бога!

— Бог Зла берет этого человека себе!

Затем раскаты сатанинского хохота потрясли даже само Святилище.

Глава вторая

— Брат Жарль начал собирать толпу на Большой Площади, ваше преосвященство.

— Прекрасно! Когда он закончит, пришли мне отчет в Высший Совет.

Брат Гонифаций, архиерей Седьмого Круга, глава секции Реалистов в Высшем Совете, улыбнулся, но улыбка не получалась на бледной маске его лица. Он привел в действие бомбу, которая должна взорвать Высший Совет, вывести его из состояния благодушия: и Умеренных с их дурацкими компромиссами, и Реалистов с их ослиным консерватизмом.

Его маленький опасный эксперимент начался, и его уже не остановить. Пусть Брат Фрезерис и остальные Умеренные вопят сколько хотят, но потом.

Ведь потом, когда все кончится, Брат Жарль будет мертв, сожженный священным Гневом Великого Бога, поучительный пример для прихожан и неудовлетворенных молодых жрецов. А Гонифаций объяснит Высшему Совету, сколько жизненно важной информации получено при изучении искусственного кризиса, который он вызвал.

Да, человек живет по-настоящему только в такие времена, как эти! Иметь власть хорошо, но еще лучше, когда можешь использовать ее, рискуя. А использовать ее в борьбе с врагом, возможно, таким же сильным, как и ты, лучше всего.

Он поправил отделанную золотом алую мантию, приказал дверям открыться и вошел в Комнату Высшего Совета.

В дальнем конце ее на возвышении стоял длинный стол, и все места вокруг него были заняты. Кроме одного.

Гонифацию нравились эти долгие секунды, когда он шел к своему месту, а все остальные уже ждали его. Ему нравилось осознавать: они ведь наблюдают за каждым его шагом, надеясь, что он хоть раз споткнется или поскользнется на полу. Нравилось думать, что все они бросились бы на него, как взбесившиеся коты, если бы проникли хоть чуть-чуть в тайны его темного прошлого.

Эти долгие секунды под критическими взглядами Высшего Совета! Да, ни один другой архиепископ не способен понять, не способен оценить происходящего. Это то, что он не позволит даже десятку Жарлей отобрать у него. Возможность упиваться — в самом прямом смысле — могуществом и славой Иерархии, самого стабильного правительства, которое когда-либо знал мир. Единственное правительство способно оценить сильного человека, делающего все для укрепления могущества правительства. Оно создано на лжи, как, впрочем, и любое другое правительство, подумал Гонифаций, оно лучше других приспособлено для решения самых сложных проблем человеческого общества. И оно было устроено так: чем большее могущество получал любой член элиты жрецов в борьбе с остальными, тем крепче он связывал себя с целями и благосостоянием этой элиты.

В минуты, подобные этим, Брат Гонифаций становился ясновидцем. Он мог проникать взглядом сквозь толстые стены цвета серого жемчуга и видеть Святилище, ощущать его непрерывную интеллектуальную и исполнительную активность. Затем за Святилищем он видел тщательно возделанные поля, а дальше по всей Земле сверкающие стены других Святилищ — маленьких и скромных деревенских, роскошных и огромных городских. В каждом городе существовала Большая Площадь, Собор и Божественный Автомат, возвышающийся над городом. И это было везде — и на континентах за голубыми океанами, и на многочисленных островах, и в безмолвных Гималаях, и в ледовых пустынях Антарктиды.

Везде выполняли свою работу люди в алых мантиях — жрецы. Святилища, как паутина, оплели весь мир.

Пройдя больше половины пути к своему месту, Гонифаций позволил своему воображению вернуться из путешествия. Сейчас он окинул мысленным взглядом структуру социальной пирамиды, вернее, конуса. Сначала широкое основание, прихожане, необходимый, почти необладающий разумом фундамент. Затем тонкая изолирующая прослойка деканов. Жрецы первых двух Кругов — новички в Иерархии. Их количество составляет семь восьмых от всего количества жрецов. Затем конус быстро сужается — это идут следующие Круги. Жрецы каждого Круга имеют свои специфические интересы и обязанности. И, наконец, очень маленький Седьмой Круг, состоящий из жрецов высшего ранга.

А на вершине конуса — архиепископы и Высший Совет.

И на Вершине всего, независимо, знают ли высшие жрецы об этом или нет, хотят этого или нет, на вершине конуса он сам — Брат Гонифаций.

Он уселся в свое кресло и спросил, хотя знал ответ:

— Какое дело у нас сегодня?

Ему ответил хорошо поставленный голос клерка Второго Круга:

— Дело, которое вы, Ваше Преосвященство, назвали делом Перепуганных Жрецов.

Гонифаций почувствовал, как будто волна беспокойства пробежала вокруг Стола Совета. Это было одно из тех фантастических дел, которое не укладывалось в установленные процедуры и потому требовало длительных дискуссий. Уже в течение двух дней Высший Совет занимался разбором этого дела.

— Что скажете, Братья? — спросил он спокойно. — Может, нам стоит собрать всех их вместе? Пусть им будет стыдно, когда они выслушают эту чушь друг от друга.

— Вряд ли это находится в согласии с психологической практикой, — заметил Брат Фрезерис. Голос его по силе и красоте напоминал звучание органа на средних регистрах. — Мы можем вызвать массовую истерию.

Гонифаций вежливо кивнул:

— Ты используешь слишком сильные выражения, чтобы обрисовать ситуацию.

Он снова обвел стол вопрошающим взглядом.

— Собрать их вместе! — настаивал союзник Гонифация реалист Джомальд. — Иначе мы просидим тут всю ночь.

Гонифаций посмотрел на старейшего члена Совета Брата Серциваля, чьи седые волосы, недавно побритые, подернули серебром желтый пергаментный череп.

— Вместе, — процедил Брат Серциваль через презрительно изогнутые тонкие губы. — Старый Фанатик!

Но во всяком случае предложение Гонифация принято.

— Все это неважно, — пробормотал Брат Фрезерис, движением руки как бы отодвигая это дело в сторону. — Я просто хотел избежать ситуации, которая может смутить тех из вас, кто недостаточно подготовлен психологически.

Клерк передал необходимые приказы.

Пока они ждали, Брат Фрезерис, глядя на свои руки, сказал очень осторожно:

— Меня информировали, что на Большой Площади беспорядки.

Гонифаций не взглянул на него.

— Если произойдет что-то серьезное, наш слуга Брат Дет сообщит вам.

— Твой слуга, Брат, — поправил Фрезерис.

Гонифаций промолчал.

Через боковую дверь ввели толпу жрецов. С первого взгляда они ничем не отличались от жрецов Святылища Мегатеополиса, но члены Совета по манерам, по способу носить мантию сразу поняли, что это жрецы из провинций.

Они встали перед столом Совета, приниженные, перепуганные.

Эта толпа только подчеркивала огромное помещение Зала Совета с его серыми стенами и высокими потолками.

— Ваши преосвященства, — начал щуплый человек, наверное, впитавший в себя что-то от бесчисленных возделанных полей, на которых никогда не работал. — Я считаю, то, что я скажу, покажется невероятным здесь, в Мегатеополисе. — Он говорил прерываясь, глаза его непрерывно двигались, пока не устались в потолок. — Здесь вы можете, если захотите, превратить ночь в день. Но там, откуда мы все, по-другому. Там наступившая ночь царит над всем, а тишина опускается на город и стискивает его в своих объятиях...

— Не нужно эмоций, человек! Факты! — прервал его Фрезерис.

— Факты, — вдруг рявкнул Серциваль.

— Это... это война, — сказал щуплый жрец почти с вызовом. — Я знаю, что их сейчас нет и о них можно прочесть только в старых книгах. Но мы видим их по ночам. Дымчато-серые, такой же окраски, как эти стены, большие, как лошади, с красными глазами. Они бегают стаями по полям, как облако серого тумана, заходят в город, бродят вокруг Святылища. И если пара жрецов выходит на улицу, они гонятся за жрецами. Палец Гнева не может повредить им. Они просто увертываются от луча света, оставаясь все время в тени. Уверю вас, ваши преосвященства, что все прихожане и новички сходят с ума от страха. И еще ночью к нам в кельи что-то приходит!

— Я знаю! — истерически вскрикнул другой жрец. — Холодные, мохнатые, они забираются в одежды и трогают лица. Они легкие, как воздух, так что ты даже не понимаешь, во сне ли это происходит или

наяву, а они в это время своими тонкими голосами твердят тебе в уши то, что даже страшно повторить. Но когда наступает утро и ты пытаешься схватить их, они ускользают. Но все же они были ночью, холодные, мохнатые. Они покрыты волосами, волосами, как у человека.

Третий жрец, высоколобый, похожий на школьного учителя, услышав это, побледнел еще больше.

— Я именно это и ощущал! — нервно воскликнул он. Глаза его смотрели куда-то вдаль. — Мы с Братом Голдуином пришли обыскивать дом, который подозревали в сокрытии пряжи, предназначенной для Иерархии. Это плохие прихожане, и хуже всего дочь — бесстыдная девица! Но я знаю все их штучки и быстро нашел нишу в стене. Открыв ее, я стал ощупывать внутреннюю часть. Эта рыжеволосая шлюха улыбалась мне самым наглым образом. Я нащупал рулон ткани и просунул руку дальше, чтобы захватить и вытащить кусок. И вдруг я почувствовал что-то живое. Оно двигалось. Холодное, мохнатое, живое, хотя там было пространство не более четырех дюймов шириной. Мы сломали внутреннюю стену и никого не нашли там. В наказание мы обложили дом дополнительным налогом, а затем нашли ведьмины знаки на дочери, поэтому мы послали ее на шахты вместе с мужчинами. Одно я не забуду никогда. Когда я вытащил руку из ниши, под ногтями у меня оказалось два волоса, такие же рыжие, как волосы этой девки. И теперь, когда я сплю, я все время ощущаю эти существа, тонкие паучьи лапы на моих ладонях.

Теперь развязались все языки. Перепуганные жрецы кричали со всех сторон. Один голос прорезался над остальными:

— Говорят, что они делают ведьмины знаки!

Роскошно одетый архиепископ презрительно рассмеялся мелодичным голосом. Но в смехе его ощущалась нервозность.

Брат Фрезерис улыбнулся, подняв брови, будто говоря: «Я же предупреждал, что будет массовая истерия».

— Я же сказал, что здесь, в Мегатеополисе, все это покажется нереальным, — снова заговорил первый оратор, тон его был извиняющийся, но все же в нем ощущался вызов. — К нам присылали жреца Пятого Круга для расследования, когда получили наши первые рапорты. Он увидел то, что видели мы. И он не сказал ничего, а на следующий день уехал. Если он выяснил что-то, то мы ничего не узнали об этом!

— Мы ждали, что Иерархия защитит нас!

— Мы хотим знать, что собирается предпринять Иерархия!

— Говорят, — снова начал тот, кто кричал о ведьминых знаках, — что существует Черный Высший Совет, подобный Высшему Совету, да простят меня ваши преосвященства. И Черная Иерархия, организованная, как наша, но служащая Сатане, Богу Зла!

— Да, — эхом откликнулся первый жрец, — я хочу знать об этом! Вдруг мы, утверждая, что где-то существует реальный Бог, каким-то образом разбудили настоящего Сатану? Что тогда?

Гонифаций выпрямился и начал говорить охваченной ужасом толпе жрецов. В его голосе не хватало музыкальности голоса Фрезериса, но ощущалась каменная твердость.

— Тихо! Или вы разбудите настоящего Дьявола! Дьявола нашего гнева!

Он посмотрел на членов Совета.

— Что будем делать с этими идиотами? — спросил он.

— Выпороть их! — рявкнул Серциваль.

Маленькие глазки его злобно сверкали.

— Выпороть их! За то, что они оказались такими трусами перед кознями Сатаны!

Жрецы беспокойно зашевелились. Фрезерис поднял глаза к небу, будто такое решение казалось ему невыносимо варварским. Но Гонифаций вежливо кивнул, хотя это не выражало согласия. Он размышлял, насколько глубоко Серциваль и другие фанатики верят в существование Великого Бога и вечного соперника Бога — Зла Сатаны.

Разумеется, это только поза с их стороны, но, возможно, существует и вера в глубине подсознания. Не слепая вера, рожденная невежеством прихожан, а вера, возникшая от самогипноза, существующего годы обладания могуществом Иерархии, могуществом, которое уже стало казаться им, пришедшим свыше, сверхъестественным. К счастью, фанатиков мало. Их даже нельзя было назвать партией. Только один в Высшем Совете, своей надменностью он никогда не завоеует себе сторонников. Но даже этот старый дурак может оказаться полезным. Он был кровожаден и вполне мог служить инструментом для выполнения исключительных мер. К тому же фанатики служили противником партии Умеренных, что позволяло Реалистам Гонифация осуществлять почти полный контроль за ситуацией.

Но эти бедняки из провинции не фанатики. Далеко не фанатики. Если бы они хоть немного верили в Великого Бога, любого Бога, они бы не были так напуганы. Гонифаций поднялся, чтобы выпроводить их.

Но его прервали. Высокие двери Зала Совета открылись. В зал ворвался жрец, в котором Гонифаций узнал одного из Умеренных Фрезериса.

При приближении к столу Совета у него отсутствовала почтительность. Он почти бежал.

Гонифаций ждал.

Жрец, тяжело дыша от непривычного напряжения, протянул что-то Фрезерису, который быстро посмотрел записку.

Он тут же поднялся и обратился прямо к Гонифацию так, что все слышали:

— Мне сообщили, что жрец Первого Круга святотатствует перед толпой прихожан на Большой Площади. Твой слуга Дет приказал не

вмешиваться в происходящее. Я требую, чтобы ты перед Советом объяснил свои действия.

— Так кто же вызывает массовую истерию, Трат? — быстро ответил Гонифаций. — Твоя информация неполна. Стоит ли мне объяснять все перед теми, кто не сможет ничего понять? — Он указал на провинциальных жрецов. — Или, может, стоит сначала покончить с этим делом?

И прежде чем члены Совета опомнились, он стал говорить:

— Жрецы из провинциальных Святилищ! Вы сказали, что ваши рассказы покажутся нереальными здесь, в Мегатеополисе. Это неправда. Нереального не существует ни здесь, ни в другом месте. Сверхъестественное нереально, и, значит, оно не существует.

Разве вы забыли то основное, чему вас учили в Первом Круге? Все сущее создано без души и без цели из элементарных частиц, электронов. И только нейтронные клетки нашего разума вкладывают во все цель и душу. А все ваши рассказы не описывают ничего реального, это все порождения ваших нейронов.

Есть много реальных вещей, которые не может сжечь палец Гнева. Напомню только о солидографе, о тенях тех волков и других существ, которых вы так боитесь. А что касается мысленных порождений, то их можно сжечь только вместе с вашими черепами, где они родились.

Кто-то из вас упомянул о ведьмах. Но разве вы забыли, что Ведьмы и прочие колдуны — это наше изобретение.

Не я должен был вам указывать на это. Это вы должны были разъяснить новичкам.

Разве Иерархия когда-нибудь предавала вас? И все же вы хотите, чтобы мы бросили все важные дела и занялись только вами, потому что вы напуганы; вам не причинен вред, вы только напуганы.

Откуда вы знаете, что все описанное вами не проверка вашего мужества, вашей твердости? Это проверка, подумайте, какими жалкими вы выглядите?

А вдруг это наши враги хотят нанести удар по Иерархии, пользуясь нашим изобретением Ведьмовства? И мы сейчас выжидаем, чтобы лучше узнать планы врага и затем нанести смертельный удар. Иерархия дважды не наносит удары.

А если это так, то элементарная стратегия требует, чтобы вы не поднимали шума и не спугнули врага.

Иерархия знает обо всем, что происходит у вас, уже давно. И это глубоко беспокоит нас.

Вот все, что вам нужно знать. И вы должны были догадаться об этом с самого начала, не задавая глупых вопросов...

С холодным удовлетворением Гонифаций заметил, что паника стала исчезать. Жрецы выпрямились, уже больше похожие на людей. Все еще перепуганные, но уже своим начальством. Как это и предполагалось.

— Жрецы провинции! Вы провинились перед Иерархией, так как сразу же, как начались все эти явления в вашей провинции, вы взмолились о помощи. Было предложено, чтобы вас высекли. Я склонен согласиться. Но я также уверен, что в ваших душах сохранилось достаточно стойкости, чтобы снова не провиниться.

Иерархия держит землю в своей руке. И вы — пальцы этой руки. Мы наблюдаем за вами более пристально, чем вы думаете, и готовы вмешаться, как только любой из вас ослабит силу духа.

Возвращайтесь в свои Святителища.

Делайте то, что вы должны делать.

Призовите все свое мужество и способности.

Страх — это оружие, которое вы должны использовать против врагов, а не враги против вас.

Вас этому учили.

Используйте его!

А что касается Сатаны, то он тоже наше изобретение, наш Бог Зла, черный противник нашего Великого Бога. — Гонифаций бросил иронический взгляд на Серциваля, чтобы увидеть, как этот старый фанатик воспринял его слова. — Используйте и его тоже. Вышвырните его из своего города, если это будет необходимо. Но никогда — вы слышите? — никогда не опускайтесь так низко, ниже, чем прихожане, чтобы поверить в его существование.

И Гонифаций увидел, что его пламенные слова затронули душу жрецов, они выпрямились, готовые преодолеть свой страх. И потом слышался смех. Стены Зала Совета были толстыми и не пропускали обычных звуков жизни.

И все же эти звуки проникли — дьявольские, неестественные.

Казалось, кто-то смеется над Иерархией и над любым, кто осмеливается провозглашать, что есть и чего нет.

Жрецы провинций побледнели и сжались в тесную кучку. Надменные лица архиепископов более или менее удачно хранили на лице маску безучастия, скрывающую беспокойство, недоумение. Они лихорадочно думали, что бы это могло быть, что могло означать. Фрезерис неожиданно посмотрел на Гонифация. Старый Серциваль вдруг задрожал мелкой дрожью. Было видно, что он испытывает страх и одновременно удовлетворение.

Но именно для Гонифация этот смех прозвучал неожиданно. Мысли мелькали, как искры, в его мозгу.

И все же он старался не отвести своего взгляд от жрецов, чтобы противодействовать воздействию этого жуткого смеха. И ему удалось, хотя он видел их глаза, расширившиеся от сомнения.

Раскаты смеха прокатились последний раз, заставив содрогнуться стены.

— Аудиенция закончена, — хрипло сказал Гонифаций. — Покиньте нас.

И жрецы поспешили к выходу, путаясь в своих мантиях. Шелест мантий был похож на перешептывание.

Старый Серциваль поднялся, как древний пророк, вытянув дрожащую руку к Гонифацию.

— Это хохот Сатаны! Это наказание Великого Бога, наложенное на нас и всю Иерархию за столетия самодовольства! Великий Бог спустил на мир черного пса — Сатану!

И он рухнул в свое кресло.

Все беспокойно задвигались.

Гонифаций ощутил то же самое, что ощутил много лет назад, когда тайны его прошлого были на волосок от раскрытия.

Толстый маленький жрец протиснулся через толпу выходящих жрецов и поспешил к Гонифацию.

Гонифаций остановил его:

— Доложи обо всем Высшему Совету, Брат Хулиан!

Маленький толстый жрец открыл свой рот херувима, как рыба, выброшенная на сушу:

— Какие-то огромные черные лапы обхватили Брата Жарля и унесли его! Сатана говорит!

— Только свой рапорт! — резко приказал Гонифаций. — Остальное мы узнаем от тех, кто сможет нам рассказать лучше.

Жрец отшатнулся назад, как будто ему плеснули водой в лицо. Казалось, он впервые заметил присутствие Совета. Он заговорил торопливо, глотая слова:

— Как мне было приказано, я спровоцировал жреца Первого Круга Жарля на гнев. Я сделал это, приказав прихожанке Шарлсон Наурии, на которую Брат Жарль все еще смотрит, не скрывая эмоций, отправляться на службу в Святилище. Она, как мне было известно, очень боится Святилища, и она отказалась там работать. Я обвинил ее в ведьмовстве и, схватив за плечо, сделал ведьмины знаки. Брат Жарль ударил меня. В это время мы оба были с включенными полями. Я упал на землю. Затем я...

— Твой рапорт закончен, Брат Хулиан, — прервал его Гонифаций.

В наступившей тишине голос Брата Фрезериса прозвучал еще более музыкально, чем всегда.

— Мы все услышали отчет о невообразимых событиях, направленных против стабильности Иерархии. Так что теперь мне нет необходимости требовать экскоммуникации Брата Гонифация. Каждый архиепископ потребует это вместо меня.

— Вы услышите все, а услышав, поймете, — сказал Гонифаций.

Но он почувствовал, что его слова не возымели действия. Даже на лицах Реалистов он видел подозрение и недоверие. Брат Джомальд посмотрел на него так, будто предложил:

— Партия слагает с себя ответственность за все твои проступки. Выкручивайся сам, если можешь.

Маленький толстяк, казалось, хочет сказать еще что-то. Рот его нервно двигался. Гонифаций кивнул ему.

— Могу я кое-что добавить к моему рапорту, ваше преосвященство?

— Если это касается твоего участия в событиях.

— Да, ваше преосвященство. И это очень удивило меня. Когда я сорвал одежду Шарлсон Наурии, чтобы показать ведьмины знаки, там было три пятна, хотя я уверен, что коснулся ее только двумя пальцами.

— Брат Хулиан, ты уже теперь мог бы стать жрецом Третьего Круга, если бы к своему дару наблюдать добавил дар делать выводы из увиденного. — Гонифаций с сожалением покачал головой: — Но я дам тебе шанс реабилитировать себя. В конце концов, это может быть просто совпадение. Возьми другого жреца, ибо у тебя теперь нет партнера Брата Жарля, и арестуй ведьму!

Толстяк с удивлением посмотрел на него

— Какую ведьму, ваше преосвященство?

— Шарлсон Наурию. И тебе лучше поторопиться, если ты хочешь схватить ее!

Понимание вспыхнуло в детских голубых глазах Брата Хулиана. Он немного потоптался возле стола, затем повернулся и поспешил прочь.

Но на этот раз ему пришлось встать в сторону, чтобы пропустить входящих. Тощий вертлявый человек в черной мантии декана самоуверенно вошел в Зал Совета, сопровождаемый несколькими жрецами, что-то несущими в руках.

Он вместе со жрецами встал возле стола Совета. Это был исключительно безобразный человек с выпуклым лбом и оттопыренными ушами, похожими на поварешки. Тем не менее на лице своем он хранил непроницаемое выражение, котонизированную копию тех масок, что были на лицах членов Совета. Казалось, он наслаждается тем впечатлением, которое произвел на членов Совета своим появлением. Хотя по своему происхождению он не имел никаких шансов стать жрецом, Хулиан был горд тем, что его боялись больше, чем любого архиепископа.

— И что твой слуга Дет намерен сообщить нам? — спросил один из Умеренных.

Декан низко поклонился.

— Я никогда не говорю словами, — с кислой ухмылкой ответил он. — Пусть эти свидетели все скажут за меня. — Он показал предметы в руках жрецов. — Это звуко- и видеозаписи всего того, что происходило на Площади. Все записи синхронизированы с нейроэмоциональным излучением, выделяемым толпой во время речи. Проведен также анализ физической природы той оболочки, которая укрывала Брата Жарля: запись слов и смеха.

Он снова поклонился так низко, что длинные рукава его черной мантии коснулись пола.

— Нам не нужны эти картинки, декан! — выкрикнул с покрасневшим от гнева лицом один из Умеренных. — Расскажи нам, что же там происходило?

Гонифаций заметил, что Фрезерис безуспешно подает сигналы своему приспешнику, чтобы тот не тратил время на такие бесполезные вспышки гнева. Дет, совершенно несмущившийся, посмотрел на Гонифацию, который кивнул ему.

— Все происходило так, как было запланировано, — начал Дет. Призрак циничной улыбки играл на его щелеобразном рте. — А в конце концов оболочка в виде сцепившихся лап сомкнулась вокруг жреца. Она не смогла выдержать довольно длительное время гнева Великого Бога. Затем она исчезла. По вашему приказу у нас были наготове ангелы, — и он поклонился Гонифацию. — Мы знаем сектор, где она исчезла, так что поиски начались.

Гонифаций встал и приказал Дету подготовить все для просмотра материалов.

Нужный момент настал, почувствовал Гонифаций. Слова Дета взбесили всех, особенно Умеренных. Реалисты же были подавлены случившимся. Они не знали, как реагировать. Гонифаций обратился к Совету:

— Архиепископы Земли! Пословица гласит: куда идет Мегатеополис, туда идет Земля. Но чтобы извлечь из этого афоризма практическую пользу, мы должны заранее знать, куда собирается идти Мегатеополис.

Ни одно правительство, которое считает себя реалистичным, не может пренебрегать этим вопросом.

Кто из вас, за исключением, возможно, Брата Серцивала, верил, что враг нанесет удар по Мегатеополису?

Я не верил. Но я хотел знать. И вот я провел эксперимент на Большой Площади.

Братья, вы знаете ответ. Сатана явился.

Больше мы не можем отрицать, что наша выдумка — ведьмовство — скрывает в себе реального врага, врага опасного и наглого.

Больше мы не можем отрицать, что внутри выдуманного нами колдовства родилось другое, которое использует орудие страха не только против прихожан, но и против жрецов. Есть основания полагать, что члены этого Внутреннего Круга могут быть опознаны по специфическим знакам на телах. Мы уже убедились, что они хитры и коварны.

Больше мы не можем пренебрегать такими случаями массовой истерии, как в деле Перепуганных Жрецов. Чтобы вернуть им мужество, я сказал им, что это просто проверка. Но вы знаете, посланные вами жрецы Пятого Круга видели то же самое.

Гонифаций помолчал. Умеренные буквально кипели от гнева. Разговоры об опасности всегда бесили их. Но Реалисты слушали, а на

лице Брата Джомальда даже появилось выражение восхищения своим собратом.

— Вернемся к вопросу, куда идет Мегатеополис? Братья, есть только один способ узнать это, узнать истинные настроения прихожан. Обычные наблюдения и психологические тесты малоэффективны. Необходимо создать небольшую кризисную ситуацию, и только тогда мы получим истинные результаты.

Самый злой из Умеренных начал подниматься. Фрезерис остановил его. Он понял: ситуация изменилась и им не нанести поражения Гонифацию прямой атакой.

— Никто не тушит огонь, подливая масло в него, — начал он.

— Тушит! — возразил Гонифаций. — Масло обладает большей проникающей способностью, чем вода. Бывает так, что огонь теплится только в глубине, куда вода не может добраться, а масло может. Оно преграждает доступ воздуха к огню, и пожар прекращается. Такой огонь, Братья, тлеет в сердцах прихожан. И силы, действующие против нас под покровом ведьмовства, — второй такой огонь, скрытый и опасный.

Чтобы обнаружить истинный характер настроения прихожан и испугать их примером наказания святотатствующего жреца, а также чтобы заставить открыться нашего врага, я и спровоцировал данный кризис.

А теперь, архиепископы Мегатеополиса, я продемонстрирую вам видеозаписи происшедшего на Площади, чтобы вы сами были готовы к будущим, более серьезным кризисам.

После же просмотра можете подвергнуть меня экскомуникации, если пожелаете.

Пока Гонифаций говорил, помощники Дета уже все подготовили. В центре стола появился круг шести футов диаметром. Круг начал светиться, и в нем появилось изображение.

Дет коснулся ручек управления, и серо-жемчужный Зал Совета погрузился в темноту.

Теперь на круглом экране в центре стола хорошо была видна Большая Площадь. Маленькие фигурки в серой одежде, жрецы в алых мантиях, лошади, повозки, ряды столов с товарами — все было здесь, только в миниатюре.

И архиепископы склонились над миниатюрной Большой Площадью, как гигантский Великий Бог склонялся над настоящей Площадью.

Из серой массы прихожан, находящихся на площади, вверх поднимались столбы света — желтые, зеленые, голубые, фиолетовые. Их цвет и интенсивность характеризовали нейроразмоциональное состояние прихожан.

С Площади доносился шум голосов, ржанье лошадей, скрип колес... Да, это была подлинная жизнь.

Рука Дета показала на две маленькие фигурки в алых мантиях.

— Жарль и Хулиан, — объяснил он. — Сейчас я настроюсь на их голоса.

Гонифаций с удовлетворением откинулся назад. Он изучал лица членов Совета, все внимание которых было приковано к экрану в центре стола. Но сам Гонифаций тоже время от времени посматривал туда же.

Он взглянул на экран, и в момент обвинения в ведьмовстве фиолетовый столб света, означающий страх, отвращение и подобные эмоции, вспыхнул и погас. Он успел заметить и лицо девушки, и тут же едва успел сдержать себя от возгласа удивления. Он взял себя в руки и наклонился к столу, чтобы лучше рассмотреть происходящее там.

Не может быть!

И тем не менее это правда. Маленькое, холодное, целеустремленное, более совершенное лицо, чем древняя камья, темные выющиеся волосы. Не совсем то же самое, конечно, как то, что отпечаталось в его памяти о прошедших годах.

Джерил. Ноулис Джерил.

Но Хулиан называл ее другим именем — Шарлсон Наурия.

Давно запретная дверь в памяти Гонифация заскрежетала, когда на нее навалились воспоминания, и стала поворачиваться на скрипучих петлях.

Он посмотрел через стол на желтеющую карикатуру, какой было лицо Дета в темноте, перехватил взгляд его темных глаз. Дет отступил назад, растворился в темноте.

Гонифаций медленно встал, пошел вокруг стола, будто желая размяться от долгого сидения. Затем он отошел прочь от стола.

Он ощутил присутствие Дета возле себя, схватил его тонкую, костлявую руку и прошептал в ухо:

— Найди женщину, которую должен арестовать Хулиан. Забери от Хулиана, если она у него. В любом случае разыщи ее. Она будет моим тайным пленником.

И затем, будто только что вспомнил:

— Не причиняй ей вреда, по крайней мере, пока я не поговорю с ней.

Гнусная улыбка скользнула по лицу Дета.

Глава третья

Брату Хулиану показалось, что в темноте к нему бросилось что-то серое. Он отшатнулся, ударившись своей раздувшейся мантией о раздувающую мантию своего компаньона.

— Я поскользнулся, — извиняющимся тоном сказал он. — Видимо, кто-то из прихожан бросил на мостовую жирные объедки.

Второй жрец не ответил. Хулиан отчаянно надеялся, что он повернет направо на следующем перекрестке. Так было немного дальше, зато не нужно проходить мимо заколдованного дома.

К его облегчению, напарник повернул направо даже без просьбы Хулиана.

Конечно, торопливо напомнил себе Хулиан, насчет того, что дом заколдован, это чепуха. Чушь собачья. Это уродливое, старое здание времен Золотой Эпохи, и о нем ходило много разных слухов. Прихожане рассказывали ему на исповедях очень жуткие истории.

— Почему у прихожан возле домов такие узкие, извилистые улицы, почему на улицах никого нет? — пожаловался себе Хулиан. — Как город мертвых. Ни души, ни света, ни звука. Конечно, — напомнил он себе, — это законы. Иерархии. И все же должны быть исключения в таких случаях, как этот. Нужно добиться, чтобы жрец мог приказать любому прихожанину сопровождать его и освещать путь факелом. От нимба так мало света, даже под ногами ничего не видно.

Два круглых фиолетовых нимба плыли сквозь мрак по извилистым улицам Мегатеополиса.

Позади светилось здание Святилища. Хулиану оно показалось теплым очагом, из которого его вытолкнули в холод и тьму. Почему именно его выбрали для такой работы, как эта? Он ведь всего лишь маленький клерк и не желает большего. Все, что ему нужно от жизни, — это покой и удобства, возможность в любой момент лечь в постель — он физически ощутил нежную мягкость подушек, — немного любимых книг — видеокниг, отпечатанных на солидографе, и редкие развлечения в квартале Падших Сестер.

Почему мир так жесток и не позволяет ему жить так, как хочется?

И это все произошло потому, что его поставили в пару с этим Жарлем, подумал он про себя. Если бы он не был в паре с Жарлем, он не попал бы в эту историю, которую он совершенно не понимал, но чувствовал: она принесет в этот мир тревогу и опасность. А этот мир мог бы быть таким приятным, если бы все были такими, как он, Хулиан.

И если бы он не был дураком и не упоминал об этом лишнем ведьмином знаке, то все сошло бы. Но тогда, если бы этот знак обнаружили, его бы жестоко наказали.

Ведьмины знаки!

Хулиан содрогнулся. Перед глазами встали горящие круги на белой коже этой девушки. Почему встречаются такие строптивые и упрямые девушки-прихожанки? Почему бы им не быть податливыми, мягкими и послушными. Тогда не пришлось бы ходить к Падшим Сестрам.

Ведьмины знаки!

Ему не хотелось думать о них. При обучении он читал о Средних Веках, Ранней Цивилизации и примитивном ведьмовстве. Ведьмины знаки появлялись на том месте, куда ведьму целовал ее покровитель Сатана.

Конечно, все это чепуха. Так было и тогда, как сейчас.

Но почему Гонифаций назвал эту девушку ведьмой, услышав о лишнем знаке, и послал Хулиана арестовать ее?

Хулиан не ждал ответа. Он не хотел стать жрецом Третьего Круга, просто мечтал, чтоб его оставили в покое. Если бы он только был в состоянии объяснить все это.

Компаньон подтолкнул его, показывая на темный прямоугольник в темной пластиковой стене. Они пришли.

Хулиан громко постучал в деревянную дверь. Когда рука находится в раздувшейся перчатке, можно не бояться повредить руку.

— Откройте, именем Великого Бога и Иерархии! — громко приказал он, и тишина усилила его голос.

— Дверь не закрыта, открывайте сами, — послышался спокойный приглушенный ответ с чуть заметной насмешкой.

Хулиан обозлился. Какая наглость!

Но они пришли арестовать девушку, а не учить ее манерам. Он толкнул дверь.

Комната была освещена мигающим пламенем очага. Из него поднимались струйки дыма, устремляясь в квадратное отверстие в потолке. Компаньон Хулиана закашлялся. В комнате дымно. Перед очагом стоял ткацкий станок, и челнок бегал туда-сюда, сплетая сложный узор ткани.

Этот непрекращающийся ритм челнока, похожего на змеиную головку, вселил беспокойство в Хулиана. Он заколебался и бросил быстрый взгляд на своего компаньона. Двигаясь вместе, они пошли вперед, пока на другой стороне станка не увидели Шарлсон Наурию.

Она была одета в узкое платье из серой материи. Глаза ее, казалось, смотрели не на работу, хотя пальцы бегали проворно, без задержки. Материю ли она ткёт сейчас? Или что-то еще?

И, почти чувствуя вину, он понял, кого она ему напоминает. Конечно, это только предположение, но... В ее лице была та же самая темная сила, то же ощущение скрытой и беспредельной целеустремленности, какую он видел и ощущал в лице архиепископа Гонифация.

Через мгновение она повернулась и посмотрела на него. Но выражение ее лица не изменилось, оно будто было частью невидимой ткани, которую она ткала. Девушка неторопливо, поставив челнок на место, поднялась, глядя на гостя, сложив руки на груди.

— Шарлсон Наурия, — торжественно, но с волнением проговорил Хулиан, — мы, эмиссары Иерархии, пришли сюда исполнить волю Великого Бога.

Ее зеленые глаза улыбнулись при этих словах, если глаза могут улыбаться. Но Брат Хулиан отметил, что она смотрит сквозь него, куда-то вдаль. Что же там находится? Проклятая девчонка! Какое она имеет право оставаться такой спокойной?

Он взял себя в руки.

— Шарлсон Наурия, от имени Великого Бога и его Иерархии я арестую тебя!

Она склонила голову, и теперь в ее улыбающихся глазах сверкали дьявольские огоньки. Она внезапно подняла голову и раскинула широко руки.

— Беги, Пусс, — крикнула она повелительно, — скажи Черному Человеку!

Блестящий ноготь появился из ткани ее серого платья, откуда-то изнутри. Затем материя на уровне талии зашевелилась и через разрез что-то выскочило.

Что-то мохнатое, размером с кота, но больше похожее на обезьяну и невероятно тощее.

Быстро, как паук, оно без всяких усилий пробежало по стене, по потолку.

У Хулиана свело мышцы лица. С хриплым возгласом его компаньон выбросил вперед руку. Из указательного пальца вырвался голубой луч, который зигзагами перемещался по стене и потолку.

Существо задержалось на мгновение возле дыры в потолке, озираясь. Затем оно исчезло, и голубой луч с опозданием вырвался через отверстие в небо, где светила одинокая звезда.

Но Хулиан продолжал смотреть вверх, челюсть его мелко дрожала. Он успел разглядеть лицо существа. Не тогда, когда оно бежало по стенам, а когда остановилось на мгновение, оглянувшись.

Не все части лица присутствовали на нем. Некоторые отсутствовали вовсе, другие слились в одно целое. И мягкая шерсть покрывала это лицо.

Но, несмотря на шерсть, можно было рассмотреть это лицо — без носа, без подбородка, искаженное диспропорциями — отвратительная, но вполне узнаваемая карикатура на Шарлсон Наурию!

И шерсть на лице была того же цвета, что и темные волосы девушки.

Наконец Хулиан посмотрел на нее. Она не двинулась с места. Глаза ее продолжали улыбаться.

— Что это за существо? — спросил он. Скорее, это была испуганная моляба, чем повелительный вопрос.

— Разве вы не знаете? — медленно ответила хозяйка.

Она взяла шаль, висевшую на спинке стула.

— Я готова, — сказала она. — Разве вы не пришли забрать меня в Святилище?

И, накинув шаль, она пошла к двери.

На улице стало еще темнее, тишина казалась могильной. Если прохожане что-либо слышали, никто из них не вышел узнать, в чем дело. Конечно, это закон, но Брат Хулиан от души хотел, чтобы этот закон хоть раз был нарушен. Или чтобы им встретился патруль деканов.

По узким темным улицам и светящемуся маяку Святилища торопливо плыли два фиолетовых нимба.

Если бы хоть девушка шла побыстрее. Конечно, они могли бы поторопить ее, коснуться своими перчатками, но Хулиану не хотелось

причинять ей боль: ведь пока она была послушна и миролюбива. К тому же это существо наверняка где-то рядом по крышам преследует их. В любой момент он может посмотреть вверх и увидеть эту жуткую карикатуру на фоне звездного неба.

Когда они подойдут к Святилищу, все окажется по-другому.

Темные двери домов, темные пасти улиц на перекрестках остались позади. На следующем перекрестке нужно повернуть налево, чтобы миновать заколдованный дом, напомнил себе Хулиан.

Но когда они дошли до перекрестка, улица налево была закрыта стеной мрака. Глубокая чернота.

Не такая чернота, когда светятся звезды, по ней они шли, но чернота абсолютная, на фоне которой все, даже самое черное, кажется черным.

И ничего больше.

Хулиан заглянул под нимб, в лицо Брата Арольда, и увидел вопиющий испуганный взгляд.

Торопливо, словно боясь передумать, они погрузились в черноту. Девушка между ними.

Их нимбы сразу погасли, и они оказались в абсолютном мраке.

Они поспешно вынырнули обратно, как из чернил. Одно жуткое мгновение Хулиан даже думал, что они останутся во мраке навеки.

Они свернули направо, мрак уже заполнил и эту улицу.

А Шарлсон Наурия стояла спокойно между ними. Она могла бы бежать от них, когда была в черноте. Они не осмелились бы преследовать ее. А вдруг девушка тоже боится мрака? Но Брат Хулиан сомневался в этом.

Уголком глаза он осмелился посмотреть назад. И там было именно то, чего он боялся. Чернота заливала уже улицу, по которой они только что шли. Темень преследовала их!

Единственный открытый путь для них — вперед, мимо заколдованного дома. Кто-то стремился, хотел, чтобы они там прошли, кто-то загонял их туда. Если они не пройдут туда, чернота нагонит их и поглотит.

Видимо, они оба одновременно подумали об этом, так как торопливыми шагами бросились вперед, таща девушку за собой.

Мрак бесшумно гнался за ними, почти настигал их. К тому времени, когда они добрались до площади и заколдованного дома, они почти бежали.

Этот дом много выше остальных, он носил на себе печать запустения. Но Хулиан едва бросил взгляд на жуткое строение с высокими узкими окнами, похожими на прищуренные слезящиеся глаза. Мрак неожиданно нахлынул на них со всех сторон, охватив их, как сеть. Он отрезал им все пути, кроме одного. И темень постепенно стягивала свои жуткие объятия, подталкивая, направляя их к потрескавшейся овальной двери дома...

И тут Хулиан испытал вспышку отчаянного, рожденного страхом мужества. Он указал пальцем на Наурию.

— Именем Великого Бога, если ты не прогонишь мрак, я сожгу тебя, — проговорил он дрожащими губами.

И мгновенно мрак охватил их, так что Хулиан не видел ничего.

— Не буду! Не буду! — отчаянно закричал он, опуская руку.

Мрак медленно отступил.

И теперь Шарлсон Наурия улыбнулась ему губами. Она протянула руку, и, прежде чем он понял, что она хочет сделать, она ударила рукой по его груди в определенном месте. Мантия его сразу опала, нимб мигнул и погас.

Она похлопала его по щеке, как ребенка. Кожа его напряглась при мягком прикосновении ее руки.

— Гуд бай, маленький Брат Хулиан, — сказала она, проскользнув в дверь заколдованного дома.

Мрак моментально исчез.

И тут они увидели бегущего по улице Дета.

— Ваша арестованная! Где она? — быстро спросил он.

— Разве ты не видишь, какой жуткий мрак? — сказал Хулиан.

Дет отступил от него.

— Я не считал, что жрецы боятся темноты.

Некоторое время Хулиан думал только о том, что декан оскорбил его.

— Она вошла сюда, — злобно сказал он, — и если ты так хочешь забрать ее, почему бы тебе не пойти за нею?

Дет отвернулся от него.

— Поднять прихожан! — крикнул он кому-то. — Выставить кордон вокруг дома.

Затем он снова обратился к Хулиану:

— Возможно, меня завтра попросят войти сюда и очистить этот дом от зла. Ты очень хочешь видеть, как я войду в этот дом? Тогда я попрошу, чтобы тебя послали со мной, руководить моими действиями.

Глава четвертая

Рука коснулась локтя Жарля, слегка пожала его и отпустила. Это означало:

— Оставайся здесь!

Он оступил под ногами ящик или скамью, но не стал садиться.

Постепенно во мраке стали появляться детали комнаты, где он находился, как будто художник рисовал их фосфоресцирующей краской на темном фоне.

Жарль находился в большой комнате с низкими потолками. Он понял это еще раньше по звуку своих шагов.

В дальнем конце комнаты на возвышении находилось что-то вроде кресла или трона. Перед ним стоял стол, на котором лежала старая раскрытая книга. Какие-то маленькие существа играли возле трона. Он не мог рассмотреть их, но, улавливая где-то на полу движение, слышал цапанье, шуршанье, шелест.

Затем одно из существ вспрыгнуло на трон — маленькое, очень тощее, напоминающее по виду обезьяну.

То, что произошло потом, заставило Жарля содрогнуться, мурашки побежали по коже. Существо заговорило! По крайней мере, он слышал какой-то тоненький шепот; он был мало похож на человеческий голос, и все же это была речь человека. Жарль едва улавливал обрывки разговора.

— ... вечером, Миси?

— В его мантии. Жрец Четвертого Круга... перепуганные мозги...

— Джил?

— ... ушел туда, чтобы сказать...

— Мер?

— На... на его груди, пока спал...

— И Пусс? Но я знаю...

— Да, Дикон.

Тот, что сидел на троне, наверное, спрашивал. Остальные отвечали ему, докладывая, будто он их предводитель. Последний голос был настолько знаком Жарлю, что он вздрогнул.

— Кто вы? — громко спросил он. В голосе его было гораздо больше уверенности, чем он ощущал на самом деле. — Что вы хотите от меня?

Эхо его голоса покатилося по комнате и умолкло. Ответа не последовало, только шуршанье. Трон уже оказался пуст.

Жарль сел. Если они решили играть с ним в эту игру, то он не может воспрепятствовать им. Но своего страха и подавленности он не покажет.

Но какая у них цель? Пытаясь найти объяснение действиям своих освободителей, он стал вспоминать, что произошло с ним с тех пор, как он ждал смерти на Большой Площади.

Первая часть случившегося потом помнилась ему плохо. Он тогда находился в шоке. Ощущение чего-то твердого, полупрозрачного вокруг себя... Ослепительный голубой свет и оглушительный голос, смех... А затем тошнота от быстрого подъема и последующего спуска в черную дыру, принявшую их.

Потом ожидание в крошечной тьме. Затем руки, которые повели его в темноте и затем оставили в небольшой келье. Снова ожидание — и вот его привели сюда.

Долго он всматривался в возвышение и трон, пока ему не стало казаться, будто он видит какие-то призрачные очертания. настолько призрачные, что они исчезли, стоило ему посмотреть на них. Странные

силуэты сидели между ним и бархатной темнотой, скрывающей дальнюю стенку. Но между ним и тронем не было никого.

Внезапно в одном из силуэтов он уловил фосфоресцирующее свечение — в том месте, где должны быть зубы. Затем желтоватые полосы, движущиеся в воздухе. Пять полосок. Пять пальцев: кто-то махнул рукой в воздухе.

Жарль посмотрел на свою руку. Каждый его ноготь на руке светился желтым светом. Видимо, комната освещается ультрафиолетовыми лучами. Значит, силуэты — это живые существа, одетые в соответствующую одежду, которую не видно в ультрафиолетовых лучах.

— Черный Человек задерживается, Сестры.

Он вскочил. Не потому, что он услышал голос — женский голос, — голос человека. И не потому, что в словах содержалась какая-то тайна, неизвестная ему. Этот голос, хотя и человеческий, но похож на те голоса, что он слышал от загадочных существ.

— Дикон здесь... Черный Человек не может быть далеко.

Другой женский голос — и снова ощущение схожести.

Первая женщина:

— Какая работа сделана сегодня ночью, Сестры?

Вторая женщина:

— Я послала Миси потревожить во сне жреца Четвертого Круга, пусть Сатана вечно мучает его! Миси забралась в его мантию и перепугала до того, что он чуть не сошел с ума. Если, конечно, она не врет. Она может приврать, такое случилось не раз. Однако она очень проголодалась, когда вернулась, и выпила бы из меня всю кровь, если бы я позволила.

Внезапно мозг Жарля связал воедино все, что он видел и слышал в последнее время.

Ведьмовство Ранней Цивилизации!

Это, вероятно, шабаш ведьм, где служители Сатаны сообщают о том, что сумели предпринять. Черный Человек, видимо, их предводитель. А эти маленькие существа, сосущие кровь ведьм и оставляющие ведьмины знаки... Как же они называются?

Вампиры?

Но он всегда говорил прихожанам — и сам верил в это, — что ведьм нет, за исключением тех полупомешанных старух, которых Иерархия специально держит для своих целей.

А как оценить такой факт? Поворот эволюции назад? И безвредны ли эти существа? Он не знал.

Жарль снова повернулся к трону, намереваясь задать вопросы мраку и требовать от него ответа.

Но трон был пуст. На нем сидел кто-то угольно-черный, похожий на человека.

И затем раздался голос, мягкий, однако в нем звенела сталь:

— Прошу простить за задержку, Сестры. Но сегодня вечером я был занят, исполняя функции жреца. Во-первых, я направил Руки Сатаны, чтобы увести отступника жреца прямо из-под носа Великого Бога. Великий Бог чуть не упал с Собора от удивления. Затем Пусс сообщил мне, что служители Иерархии схватили нашу Сестру Персефону и потащили ее в Святые. Поэтому мы с Диконом, полетев над крышами, раскинули Черную Вуаль, заставив похитителей привести свою пленницу туда, где она может спастись.

Этот голос и привлекал, и отталкивал Жарля. Он ощущал одновременно любовь и ненависть к этому человеку.

— Я с удовольствием применяю все уловки жрецов против них самих. И этим я избавляю нашего хозяина от лишней работы. Вы знаете, что такое Черная Вуаль, Сестры? Еще один из маленьких трюков, которые мы совершаем с помощью солидографа жрецов. Два источника света могут создать мрак, если они имеют одинаковую частоту. Это называется интерференцией. Проектор Черной Вуали излучает, таким образом, все частоты, регулируя их фазы, гася любой свет в фокальной плоскости. Это абсолютный мрак, Сестры, и он рождается при столкновении двух светов!

Однако я слишком разговорился, хотя уверен, что и у вас есть что рассказать. Но сначала окажем знаки почтения нашему господину.

Черный Человек встал, раскинув руки, и его тень на туманном фосфоресцирующем потолке стала похожа на летучую мышь.

— Черному Сатане, Богу Зла храним мы свою верность.

— Сатане — нашу верность, — звучали женские голоса — не меньше десяти.

И эти женские голоса сопровождал хор вампиров. Такое сопровождение было омерзительной пародией на детский хор.

— Асмодею, повелителю демонов, — наше вечное повиновение.

— Асмодею — наше повиновение, — пропел хор.

— Нашим Сестрам-ведьмам и братьям-вампирам на земле и в их тайных убежищах на небесах — наша преданность и любовь.

— Ведьмам — наша любовь.

— Великому Богу, считающему, что он управляет Вселенной, старому толстому импотенту — наши насмешки и ненависть.

— Великому Богу — нашу ненависть.

— Его блюдолизам Иерархии, надутым красным паразитам, — наше презрение.

— Иерархии — наше презрение.

Затем голос Черного Человека стал низким, зловещим, внушающим ужас:

— Опустись, ночь, и окутай землю! Приди, страх, и сотряси мир!

— Мрак, сомкнись!

В следующий момент Черный Человек уже расслабился. И теперь его сардоническая улыбка стала более миролюбивой.

— Прежде чем мы перейдем к рассмотрению обычных дел, нам нужно обсудить вопрос о новых членах. Персефона!

Откуда-то из темноты послышался ответ. Жарль узнал голос Наурии.

Он был удивлен ее присутствием тут и ее словами.

— Я предлагаю принять в наши ряды бывшего жреца Первого Круга Армона Жарля. Он публично оскорбил Великого Бога и вызвал на себя его гнев. Он может стать вполне приличным колдуном.

— Выведите его вперед! — приказал Черный Человек. — Возьмем от него то, что должны взять.

Пара рук схватили локти Жарля. Он почувствовал, как что-то острое кольнуло его в спину, и его поволокли вперед.

— Не бойся, — сказал, гримасничая, Черный Человек. — У нас есть то, что нам нужно, — семена будущего, которые должны прорасти. Приведите его к алтарю, Сестры, чтобы он мог положить свою голову на книгу. Я дам ему новое имя, колдовское имя — Дис!

И тут Жарль подал свой голос:

— А почему я должен присоединиться к вам?

Тишина.

Затем Шарлсон Наурия прошептала ему на ухо:

— Успокойся, — и легонько сжала его локоть.

Предупреждение только подстегнуло его.

— Почему вы так уверены, что я стану колдуном?

Снова шепот Наурии:

— Идиот, а у кого ты еще можешь найти убежище?

Послышался со всех сторон шепот.

Черный Человек встал.

— Осторожно, Персефона. Помни: никто не может стать ведьмой или колдуном под насилием. Только добровольно. Я вижу, что твой избранник не проявляет особого желания. Пусть он расскажет нам о себе.

— Сначала скажите, что вы хотите от меня? — спросил Жарль.

Голос Черного Человека заполнил всю комнату:

— Я думал, что ты понимаешь. Отказаться от Великого Бога. Отдать свое тело и душу на службу Сатане. Записать свое имя в эту книгу и коснуться ее лбом, чтобы мы имели отпечаток твоего мозгового излучения, который невозможно подделать. Выполнить некоторые другие формальности.

— Такое объяснение мне недостаточно, должен знать ее цели. Ведь вы требуете, чтобы я стал ее рабом.

— Не требуем, Армон Жарль, — ответил Черный Человек. — И не рабом ты будешь, а свободным человеком, взявшим на себя некоторые обязательства. А что касается целей, то ты слышал при выполнении нашего ритуала: свергнуть Великого Бога и его Иерархию.

Ответ Жарля вызвал новую волну перешептываний.

— Для чего? Чтобы вы подняли свое суеверие до положения новой Иерархии и в свою очередь стали тиранить мир? Ученые Золотой Эры имели благие намерения, но они забыли о них, как только вкусили сладость власти. А откуда вы знаете, что вы не пешки в руках Иерархии? Да, вы действительно освободили меня. Но методы Иерархии коварны. Иерархия, разрешив мне говорить перед прихожанами, легко могла остановить меня, заставить замолчать. Возможно, она позволила мне спастись для каких-то своих целей.

— Я не знаю, как мне удовлетворить твое любопытство, Армон Жарль, — произнес Черный Человек, — если тебя вообще могут удовлетворить наши ответы. Я не могу с тобой обсуждать конечные цели ведьмовства, когда Иерархия будет свергнута. Это вопросы высшей политики. Но если у тебя есть конкретные предложения или сомнения, назови мне!

— Есты! — горячо воскликнул Жарль, не обращая внимания, что Наурия предостерегающе сжала его локоть. — Если вы искренни в своей ненависти к Иерархии и в своей любви к простым прихожанам, откажитесь от этого маскарада. Не нужно использовать суеверие простых людей. Неужели вы не видите, что их невежество — это корень их страданий. Скажите им правду! Поднимите их против Иерархии!

— И погибнуть? — прервал насмешливо Черный Человек. — Ты забыл, что произошло на Большой Площади? И как прихожане восприняли твои слова?

— Я прошу слова, — торопливо вмешалась Шарлсон Наурия. — Этот человек настоящий идеалист. Сделайте его колдуном насильно. Он пойдет с нами, когда все увидит своими глазами.

— Нет, Персефона. Мы не можем делать исключений даже для идеалистов.

— Тогда спрячьте его, пока он сам не увидит свет истины.

— Персефона, мы не можем использовать силу, хотя, должен признать, мне иногда приходится прибегать к этому, — и он рассмеялся.

Затем Черный Человек стал серьезным, насколько это было возможно при его цинизме.

— Боюсь, что тебе придется сделать выбор, Армон Жарль. Что ты скажешь относительно того, чтобы присоединиться к нам. Да или нет?

Жарль колебался. Он взглядом окинул бледные фосфоресцирующие силуэты, которые сейчас тесным кругом окружали его. Если он откажется, они, скорее всего, убьют его.

И кроме того, здесь была Наурия, которую он чуть было не потерял навеки. Если он согласится, он останется рядом с ней. Ему кажется, она только об этом и мечтает. Ну что же, Дис — король, а Персефона — королева Ада?

И затем все эти люди — Черный Человек и остальные... Чувства его по отношению к ним не были определенными. Может, ему и не

наверное, что они делали, но лично к ним у него не было неприязни, они же спасли его жизнь.

Внезапно он понял, что ужасно устал. Нельзя же дважды в день добровольно обрекать себя на смерть.

И пальцы Наурии все время стискивали его локоть.

— Скажи «да», скажи «да».

И он уже открыл рот, чтобы сказать: «Да».

Но тут произошло то, что уже было с ним на Большой Площади: в нем вспыхнул гнев. Он не хотел примириться с этими демонами, ведьмами и прочей сверхъестественной мразью.

— Нет! Я сказал — нет! Я не хочу никаких компромиссов! Я не буду принимать участия в вашей Черной Иерархии.

— Отлично, Армон Жарль! Ты сделал свой выбор, — прогремел голос Черного Человека.

Руки Наурии отпустили его. Черный Человек, казалось, был готов броситься на него. Чернота наполнилась движением, превратилась в фосфоресцирующий хаос.

Его схватили другие руки — гладкие, холодные и очень сильные. Он почувствовал, что сила их обусловлена полем, но другим по своей природе, чем то, которым пользовались жрецы. Он тщетно старался вырваться.

Какое-то маленькое мохнатое существо схватило когтями его голую ногу. Он с силой пнул это существо, и тут же услышал приказ Черного Человека:

— Назад, Дикон, назад!

Ногу его отпустили. Затем Жарля потащили куда-то, несмотря на его сопротивление. Он кричал:

— Наурия! Это все ложь и обман! Ложь и обман!

И откуда-то из тьмы до него донесся ее хохот.

— Идиот! Идеалист!

Его тащили по узкому извилистому коридору. Он ударялся о стены, спотыкался, чуть не падая. Затем его потащили по лестнице, кто-то накинуд ему повязку на глаза. Снова коридоры, лестница, у него кружилась голова.

Наконец ему в лицо ударил холодный воздух, освежил вспотевшее лицо. Под ногами ощутил булыжники.

И он услышал издевательский голос Черного Человека:

— Я знаю, идеалисты никогда не изменяют своим принципам. Но вдруг ты исключение? Мы отпускаем тебя, и ты жди, может, мы вступим с тобой в контакт и дадим тебе еще один шанс.

Они прошли еще несколько шагов и остановились.

— А теперь, Брат Жарль, — сказал Черный Человек, — иди и претворяй на практике то, что ты проповедуешь.

Сильный толчок в спину, и Жарль полетел вперед, упав на булыжники. Он вскочил, сорвал повязку с глаз.

Но Черный Человек уже исчез.

Жарль находился на одной из улиц, выходящей на Большую Площадь.

На небе уже появились признаки близкого рассвета. Пустая Площадь казалась еще более огромной. Лучи невидимого пока солнца уже позолотили шпили и башни Святилища, заставив поблекнуть свечение нимба Великого Бога.

И откуда-то с полей подул холодный ветер, безжалостно ударивший его обнаженное тело, заставив его съежиться в комочек.

Глава пятая

Серебряный звон невидимых цимбал и жиденкий, но сладкий хор невидимых голосов встретили на пустынной улице отряд приближающийся к заколдованному дому. Кордон из прихожан, окруживших дом, подался в сторону, пропуская прибывших. И тут же со всех сторон сюда прибежали толпы прихожан, хотя прежде все они опасались приближаться к зловещему зданию.

В толпе возбужденно переговаривались. Мегатеополис был уже полон слухов о кознях Черного Мира, о присутствии в городе самого Бога Зла — Сатаны, который поднялся из Ада, чтобы бросить вызов могуществу самого Великого Бога.

Сегодня утром Иерархия отдала приказ очистить заколдованный дом от Зла. И даже стереть его с лица Земли. Это решение было правильным, поскольку данный дом сохранился еще со времен Золотой Эры, и, следовательно, Сатана и его друзья, любившие такие древние мрачные дома, вполне могли избрать его в качестве своего логова.

При появлении торжественной процессии возбуждение толпы достигло максимума.

Впереди шли четыре молодых жреца, красивых, высоких, как ангелы. Каждый нес, словно знамя, сверкающий стержень гнева.

За ними шли два декана, раскачивая кадильницы, распространяющие ароматный дым.

А затем выступал жрец, один. Видно, он был главным в этой процессии. Маленький и толстый, он высоко держал свою голову. Прихожане Пятого участка сразу узнали своего Брата Хулиана, ныне облеченного такой властью.

За ним шествовал отряд жрецов. На их мантиях вышиты были золотом спираль и молния — эмблема жреца Черного Круга. В руках жрецы несли различные символы религии, шары, сверкающие, как солнце, даже при дневном свете, трубки, странной формы металлические ящики, украшенные драгоценностями. И на всем виднелись религиозные эмблемы.

Процессию замыкали четыре угрюмых жреца, между которыми по воздуху плыл гигантский металлический сосуд. Жрецы пронесли сосуд на небольшую площадку в палисаднике перед домом, затем один из

них сделал магические пассы, и шар медленно опустился вниз, поднимая собой траву и низкий кустарник. Открытое горло сосуда оказалось направленным на заколдованный дом.

Толпа прихожан как зачарованная двинулась вперед. Но тут же все подались назад, возбужденный говор стих: появился человек в черном. Дет пользовался особой репутацией среди прихожан.

При виде предмета, который несли вслед за ним, дети подняли плач. Это был большой, тщательно закрытый сосуд, из которого валил белый туман. Туман быстро рассеивался, но на земле оставались белые пятна. Эти пятна тоже испарялись, но ступить голой ногой на землю в том месте было опасно: земля обжигала холодом ступню. Прихожане, стоявшие рядом, почувствовали волну морозящего холодного воздуха.

Такие сосуды со святой водой стояли возле входа в Собор, замораживая вход. И немало детей, осмелившихся прикоснуться к ним, лишились своей кожи с пальцев. Неудивительно, что жрецы, несущие сосуд, включили поле на всю мощность.

Невидимая музыка, последний раз грянув своими аккордами, резко стихла. Шепот толпы прекратился. Установилась тишина. Затем один из юных жрецов направился к дому, держа над головой стержень Гнева, словно меч. Затаив дыхание, прихожане следили за юношей.

— Это дом Зла! — внезапно крикнул жрец. — Его присутствие оскорбляет Великого Бога! Трепещи, Сатана! Бойтесь, враги! Ибо я начерчу здесь знак Иерархии!

Он встал перед потрескавшейся дверью, вытянув вперед стержень, из которого вырвался фиолетовый луч, едва видимый при свете дня. Медленно жрец начертил пылающим стержнем круг над дверью.

То, что случилось дальше, видимо, не предусматривалось программой. Жрец внезапно наклонился к двери, оставив круг незамкнутым. Должно быть, он увидел что-то интересное, так как просунул голову в дверь. Мгновенно дверной проем сомкнулся и крепко стиснул его шею. Жрец стал отчаянно тянуть свою голову обратно, а его стержень, все еще излучающий фиолетовый луч, начал жечь траву.

В толпе послышались испуганные вопли, истерический смех. Три молодых жреца бросились на помощь своему товарищу, один из них подхватил жезл, который сразу же потух.

Жрецы ринулись в дом, молотили каблуками в стену, но та только прогибалась под их ударами, как резиновая. И не разрушалась.

Затем дверь внезапно открылась сама, и жрецы почувствовали, как все вчетвером покатились по дымящейся траве. Молодой жрец, захваченный в ловушку, вскочил и бросился в дом прежде, чем остальные могли остановить его. Дверь за ним захлопнулась.

Весь дом начал содрогаться.

Стены его всгучивались и прогибались, по ним будто ходили волны, как по поверхности воды. Весь дом перекосило, окна потеряли первоначальную форму.

Одно из верхних окон распахнулось, и из него выпало тело жреца, словно дом попробовал его на вкус и тут же выплюнул. В полете жрец успел включить поле. Поэтому мантия его раздулась и он не получил травм при падении.

На этот раз смех в толпе не звучал истерично.

Дом понемногу стал приобретать прежние формы.

Жрецы опомнились, начали торопливо готовить свои инструменты. Двое пошли к Дету за указаниями. Те, что принесли огромный сосуд, направленный сейчас на дом, выжидательно взирали на Дета.

Но никто из жрецов не чувствовал себя совершенно не при деле здесь, кроме Брата Хулиана. Почему именно с ним происходит такое? Он попал сюда благодаря просьбе Дета, которую нужно расценивать как издевательство, и теперь он меньше всех знал, что следует предпринять. Как он мог забыть той ночью и оскорбить этого декана?

Четыре молодых жреца отошли подальше от заколдованного дома, остановившись возле Хулиана. Забыв о своем достоинстве и маске непроницаемости на лице, они отчаянно спорили между собой, жестикулируя. Жрецы расспрашивали того, кого выбросило из окна.

— А кто из вас бы не заглянул в дом? — горячо утверждал потерпевший. — Я увидел две голые женские ноги — и все, только ноги, никакого туловища. Они стали удаляться, пританцовывая, и я сунул голову в дверь, хотелось посмотреть, куда они направляются. А когда прищемило мою голову, уже выпала толпа прихожан. Они все, рассматривая мою голову, делали самые обидные замечания. Будто на этой стене моя голова подвешена в качестве украшения. Вы бы тоже взбесились. Поэтому я бросился в дом, чтобы расправиться с ними.

— А что же выбросило тебя из окна?

— Сам дом, я же сказал. Прихожан я нигде не заметил, и тут дом начал трястись и выгибаться. Пол трянуло под моими ногами, меня ударило о стену, стена отбросила меня к другой стене. И так перебрасывало меня, как мячик, стены и пол подныли меня на второй этаж и выкинули в окно. Я ничего не мог поделать.

Хулиану не хотелось это слушать. Он и так был уже подавлен и потрясен. Почему Иерархия поручает подобные дела ему? И почему смеются прихожане? Деканы обязаны были заткнуть им рты.

Мимо прошел Дет в сопровождении жрецов.

— А теперь, когда ваши преосвященства немного развлекли толпу, — сказал он, — может быть, нам следует начать действовать по инструкциям, данным нам архиепископом Гонифацием?

— Ты имеешь в виду инструкции, данные тебе! — горячо воскликнул один из молодых жрецов. — Мы действуем по приказам Центра Контроля Святилища и Высшего Совета. Нам приказано выполнять стандартную процедуру.

Дет холодно посмотрел на него:

— Видишь ли, это не обычный заколдованный дом. Боюсь, началась настоящая война. И возможно, только ничтожный незаконнорожденный декан знает, как действовать в этой войне. Он не боится испачкать свои руки. Подготовь распылитель нулевой энтропии, Брат Саул!

Длинный узкий распылитель был подключен к сосуду, который принесли по приказу Дета. Брат Хулиан почувствовал его холодное дыхание даже сквозь защитное поле. С опаской отодвинулся.

— Короткое воздействие по всему дому, — приказал Дет. — Этого достаточно, чтобы закрепить наружные стены. А затем полная интенсивность непосредственно в стену. Мы проделаем в ней собственную дверь. Готов? Отлично! Брат Джафид, произноси свой абзац.

Раздался сильный, неприятно слащавый голос Брата Джафида:

— Пусть Воды Совершенного Мира откроют этот дом. Пусть они протекут сквозь него и смоят с него все порождения Зла.

Со слабым звуком, почти неслышным, напоминающим скрежет льда, включился излучатель нулевой энтропии. Снежные хлопья замороженного воздуха повисли в расширяющемся конусе его излучения. Заколдованный дом оказался в небольшом радиусе действия снежной бури. От него веяло арктическим холодом. Толпа, охваченная любопытством и притиснувшаяся к дому, подалась назад.

Конус излучения сузился, сконцентрировался на передней стене, проморозил ее насквозь. Затем слабое потрескивание прекратилось.

Жрец направился к дому по сверкающей кристаллами льда земле и ударил в стену жезлом. Промороженный материал разлетелся на части. В стене образовалось отверстие с зазубренными краями. Жрец пробежался по периметру отверстия, обкалывая острые углы и сосульки. Они, падая на землю, разлетались с нежным звоном.

— Теперь мы можем войти! — резко сказал Дет. — Сначала излучатель и жезлы гнева. Держитесь вместе. Опасайтесь ловушек и дверей. Слушайте мои приказы. Если найдете молодую ведьму, сразу сообщите мне.

Затем он заметил Брата Хулиана, стоящего в стороне.

— О ваше преосвященство, я совсем забыл о тебе! А ведь именно это ты хотел увидеть. Уступаю тебе почетное место. Веди нас, Брат Хулиан.

— Но...

— Мы ждем тебя, Брат Хулиан. Весь Мегатеполис ждет тебя.

Хулиан неохотно побрел по замерзшей траве. Холод проник сквозь защитное поле, и он стал дрожать.

Хулиан рассматривал дом. Его замороженные стены уже начали отплетать под лучами солнца. Даже в таком виде нельзя было не заметить своеобразие пропорций, мрачную красоту его помещений. Он где-то читал о регулируемых домах Золотой Эры, пластиковые стены которых были эластичными и управлялись, а также закреплялись с помощью силового поля. Тот же самый принцип использован и для управления движущейся фигурой Великого Бога на Соборе.

Но эти воспоминания совсем не воодушевили Брата Хулиана. В значительной степени он разделял страх и почтительный трепет перед теми гордыми людьми, что жили в Золотую Эру. Вероятно, они так же отличались непредсказуемостью и самоуправляемостью, как и их дома, обладали таким же критическим и мятежным разумом, что и брат Жарль, наделены таким же насмешливым характером, как эта девушка-ведьма.

Хулиан полагал, что в Золотую Эру жизнь была трудна и неприятна. Ведь тогда не существовало Иерархии, которая планировала и управляла жизнью каждого. Тогда каждый зависел только от самого себя, от своих способностей, пробивной силы.

Он уже был совсем рядом с проделанным в стене проходом. А что, если древние обитатели дома все еще живут в нем? Идиотская мысль, конечно, но...

— Если в доме заметим какое-либо движение, — услышал он голос Дета, — мы сразу включим излучатель и заморозим видение. Тебе лучше передвигаться поживее, если ты не хочешь, чтобы твое защитное поле превратилось в оазис изо льда.

Хулиан торопливо вошел в заколдованный дом, протиснувшись в первую же дверь, которую увидел. Ему совсем не понравилась угроза Дета. Перспектива оказаться замороженным, пусть не надолго, в этом доме пугала его.

Слабое свечение нимба позволило ему разглядеть комнату среднего размера с куполообразным потолком, с мебелью, потерявшей первоначальный цвет от времени, но линии мебели, ее формы свидетельствовали об удобстве, комфорте. Хулиан кашлянул. Недавнее сотрясение стен подняло громадное количество пыли, которая все еще не улеглась. Пол слегка пружинил под его ногами.

Несмотря на то что Хулиан испытывал отвращение к этому дому, комната странным образом положительно подействовала на него. Кое-что ему даже понравилось. Например, диван, весьма напоминавший ему роскошную постель в его маленькой келье в Святилище.

Леденящее дуновение и скрежет, похожий на скрип зубов, раздался позади него. Он резко повернулся. Никого.

Но дверь в стене исчезла. Он был отрезан от остальных.

Первой мыслью его было: «А что, если все стены начнут сближаться?»

Диван, так понравившийся ему, пополз к нему навстречу по пыльному полу, как гигантская змея.

С истерическим хохотом Хулиан отскочил в сторону, но диван тут же последовал за ним. Причем увеличив скорость.

Двери в комнате отсутствовали. Хулиан попытался забаррикадироваться от живого дивана, используя другую мебель. Но диван раскидывал все предметы по сторонам. Снова Хулиан спасся бегством, но диван преследовал его с дьявольским упорством, как некое разумное существо. Хулиан поскользнулся, упал, отчаянно барахтаясь, охваченный паникой.

Теперь он оказался загнанным в угол. Медленно, будто наслаждаясь ужасом Хулиана, диван двигался к нему. Затем диван подался назад, издавая какой-то оскорбительный звук, распростер свои ручки и бросился к Хулиану. Диван крепко обхватил его ручками.

Давление на грудь мантии выключило защитное поле, нимб погас. Мрак и эти гнусные оскорбительные объятия дивана... отчаянно Хулиан боролся с ним, старался вырваться, оттолкнуть его.

Если диван коснется его лица, он сойдет с ума. Хулиан знал это.

Но диван коснулся его лица. Сначала мягко, напомнив ему пальцы Шарлсон Наурии.

«Гуд бай, маленький Брат Хулиан», — вспомнил он.

Затем все сильнее и сильнее диван надавливал на его лицо. И Брат Хулиан теперь страстно желал одного: сойти с ума.

В его мозгу появлялась и исчезала одна идиотская мысль: если он выберется отсюда живым, ему никогда не спать спокойно по ночам в своей келье.

Внезапно давление ослабело. В стене открылась дверь, проник слабый свет. Хулиан, шатаясь, совершенно лишенный сил, тупо смотрел туда.

Затем в его парализованном страхом мозгу родилась мысль: там может быть спасение. Он бросился вперед.

И, выскочив в дверь, Хулиан оказался в окружении алых мантий жрецов. Среди них стоял Дет. Хулиан заметил искаженное лицо Дета, совершенно белое, за исключением глаз. Он кричал:

— Вот оно! Вот оно! В отверстии!

Хулиан наполовину полз, наполовину карабкался вслед за всеми, пока не выбрался из дома через проделанную в стене дырку.

В его ушах громом раздавался неудержимый безумный смех толпы.

* * *

Пальцы Черного Человека пробежали по ручкам управления. Его сверкающие глаза смотрели на маленький экран солидографа, на котором выделялся заколдованный дом. Он видел, как маленькие фигурки в красных мантиях поспешно убегают из дома, скрываясь за пределами экрана. Он заметил, как последним покинул дом брат Хулиан.

С лица Черного Человека исчезло напряжение и появилась радостная, немного натянутая улыбка. Приплюснутый нос и короткие взъерошенные рыжие волосы подчеркивали характерные признаки проказы.

Он пробормотал своему компаньону:

— Мне начинает нравиться этот неуклюжий толстяк. Он так очаровательно пугается.

Черный Человек откинулся назад. Маленький экран засветился ярким светом.

— Наконец они взорвали дом! — воскликнул он. — Но Сатана всегда смеется последним.

И, приложив микрофон к губам, он засмеялся в него.

* * *

Впечатление было таким, как будто взорвался вулкан. Заколдованный дом пылал, плавился, корчился в огне. Четыре жреца получили приказ привести в действие свой огнемет. Однако огненное пламя имело скорее адское, чем небесное происхождение. Языки пламени разлетались в разные стороны. В толпе раздались крики, многие получили серьезные ожоги. Вскоре прихожане в панике разбежались.

Заколдованный дом содрогнулся последний раз и рухнул. Он перестал существовать.

Но из пламени, из остатков заколдованного дома раздался леденящий душу торжествующий хохот.

* * *

Черный Человек выключил приборы и встал, с сожалением глядя на панель управления.

— Плохо. Этот дом был нам очень полезен, мне будет очень не хватать его, Наурия.

— Но он принес много пользы. — Наурия серьезно смотрела на него.

— О, да! Прихожане смеялись над жрецами — это наше большое достижение. Правда, эти бедняги-работяги скоро пожалеют об этом, когда Иерархия удвоит с них налоги. Данный дом во многом помогал мне, и я имею право пожалеть его. Посмотри на панель управления: тут управление стенами, а вот здесь — полом и потолком. Можешь мне поверить, я очень долго тренировался, пока не достиг совершенства в управлении. Вспомни, как ловко я выкинул этого парня из помещения. А вот эти ручки — окна и двери. Там — вентиляторы и кое-какая мебель, которую мы можем оживлять. В том числе и этот влюбившийся в Брата Хулиана диван. — Он нежно погладил ручки управления.

— Скажи мне, — с любопытством наклонилась вперед Наурия. — Люди Золотой Эры всегда строили такие управляемые дома?

— Конечно нет. Это слишком дорого. Дом легко регулировать в зависимости от того, что тебе требуется в данный момент. Например, ты ждешь гостей и тебе нужен зал для танцев. Нажимаешь соответствующие кнопки, и все! Стены разошлись. Можно даже сделать зал овальным или в форме восьмиугольника. Все очень просто.

Он радостно рассмеялся.

— Конечно, приборы действовали крайне медленно, но, когда мы обнаружили, что старая аппаратура работает, не стоило труда применить новые двигатели и источники энергии. Вот мы и придумали: заставили дом танцевать джигу. Затем мы смонтировали дистанционное управление. Вот и все.

Шарлсон Наурия покачала головой:

— Я не могу отделаться от мысли, что такая роскошь безнравственна. Представь себе, что, если тебе лень идти, ты можешь просто подзвать стул к себе. Или этот диван, меняющий форму в зависимости от ширины твоего зада! Нет, мне это противно, — она сделала гримасу отвращения.

В своей черной тунике, с обнаженными руками и ногами Черный Человек выглядел как древний маг. Он повернулся к Наурии и указал пальцем на нее:

— В тебя въелась эта рабская нравственность, которую Иерархия извлекла из вековой пыли, слегка почистила и предложила людям. — Он рассмеялся. — Лично я рад, что наши предки любили комфорт, это позволило мне, используя их дом, сделать многое, чтобы освободиться от Иерархии.

Наурия внимательно смотрела на него, положив левую руку на край панели управления, занимающей большую часть этой пустой комнаты без окон. Черный Человек откинулся назад в своем кресле, стоящем перед панелью — единственная мебель в комнате, — и посмотрел на девушку с любопытством.

У нее было холодное лицо с загадочными глазами. Она казалась более мудрой и опытной, чем он.

— Неужели цель твоей жизни — вот такие шутки? — наконец спросила она. — Я все время наблюдала за тобой, когда ты управлял этим домом. Ты манипулировал с теми маленькими фигурками, как хотелось тебе, ты улыбался, как будто твоя единственная цель в жизни — играть роль этого злобного полубога.

— Ты коснулась моего слабого места. Телесолидограф всегда дает такое ощущение, ты богоподобен. Скажем, ты ощущаешь то же самое, признайся.

Она кивнула, мрачно улыбаясь.

— Да. А как работает прибор? Я впервые вижу солидограф в действии.

— Да? Я был уверен, что ты знаешь, раз ты так близка к Асмодею. Она покачала головой.

— Я ничего не знаю об Асмодее.

Он пристально взглянул на нее.

— А он проявляет к тебе столько интереса, будто ты самая важная персона из нас.

Девушка не ответила.

— Но ты всегда знаешь заранее работу, которую он хочет тебе поручить, Наурия. Или Асмодей информирует тебя так же, как и меня? Методом непрямого сообщения? — Он некоторое время смотрел на нее, затем беззаботно пожал плечами. — Впрочем, я верю, что ты не знаешь его. Я еще никогда не встречал ведьмы или колдуна, который бы знал этого человека. Включая и меня, хотя я второй после него. Только приказы свыше — вот и все его общение с любым из нас. Невидимый

фонтан приказов. Великая тайна. — В голосе его промелькнули нотки недовольства. Черный Человек изменил положение в кресле. — Но, раз уж Асмодей приказал мне устроить тебя здесь, я думаю, что имею право рассказать тебе о телесолидографе. Все очень просто. Солидограф Иерархии — это формирователь объемного движущегося изображения. Телесолидограф — это то же самое, но первичный тройной пучок невидим, обладает большой проникаемостью и может передаваться на большое расстояние. Трехмерное изображение формируется в том месте, где фокусируются все три луча. Например, если ты желаешь создать иллюзию голых ног. Для этого просто нужно записать данные части тела на телесолидограф, а затем воспроизвести пленку и спроецировать изображение. Фантом готов! Точно так же и со звуковым сопровождением.

Этот солидограф, разумеется, посложнее. Я предусмотрел здесь возможность формирования движущихся фантомов без предварительной записи. Я могу управлять ими на расстоянии.

Вот на чем строятся наши трюки такого рода, Наурия. Сравнительно простое усовершенствование достижений Иерархии. Если Иерархия поймет, в чем дело, а это только вопрос времени, она раскроет наши уловки. И люди Иерархии уже начали догадываться. Излучатель нулевой энтропии — неплохой способ проникнуть в наш дом. Странно, — сказал он, улыбнувшись, — что мы со своей тривиальной техникой смогли так напугать декана Дета. Он ведь хитер. Правда, когда Асмодей прислал нам биографию декана, было уже нетрудно нанести удар в правильное место. В чем дело, Наурия? У тебя есть причина ненавидеть этого человека?

Она покачала головой, но в глазах ее застыла ненависть.

— Человека, который стоит за ним, — ответила она.

— Гонифаций? Я, конечно, знаю, что тебе поручена работа, где в качестве объекта включен и он. У тебя что-то личное к нему? Может быть, месть?

Она не ответила, и Черный Человек встал.

— Ты только что спросила меня о моих целях? А каковы твои цели, Наурия? Почему ты стала ведьмой Персефоной?

Казалось, она не слышала его вопросов. Затем ее лицо смягчилось.

— Интересно, что же случилось с Армоном Жарлем?

Он быстро взглянул на нее.

— Разве он интересен тебе? Я видел, что ты страдала, когда он отказался вступить в наши ряды. Ты его любишь?

— Возможно. Во всяком случае, он не предмет твоих шуток. Я чувствую в нем какие-то твердые корни, твердые устои.

Черный Человек хмыкнул.

— Слишком твердые. Хотя мне жаль, что мы потеряли его. Нам нужны стойкие люди, способные люди. А таких людей и завербовывает Иерархия и жрецы.

— Интересно, что же случилось с ним? — задумчиво проговорила она.

— Боюсь, ничего хорошего.

Глава шестая

Армон Жарль забрался туда, где тень была погуще, и скорчился там, пытаясь придумать какой-либо план. Сильный ожог на плече, полученный им от стержня Гнева, сильно болел, пульсирующая боль расходилась по всему телу, туманила мозг. И танцевальная музыка, взрывы смеха, которые доносились до него из соседнего дома, казались ему дьявольскими кознями.

Это был единственный район Мегатеополиса, где Иерархия терпела грехи. Это район, где жили Падшие Сестры. Район крадущихся фигур, жрецов без нимбов, быстро закрывающихся и открывающихся дверей, свистков, перешептываний, приглушенных приветствий, плотских наслаждений с приступами жестокой душевной меланхолии. Стройная, красивая, роскошно одетая женщина, стоявшая в освещенном прямоугольнике открытой двери, заметила проходящего Жарля. Видимо, что-то жуткое показалось ей в его походке, манерах, потому что глаза ее расширились от ужаса, а когда Жарль скрылся, она послала прибежавших на ее зов мужчин преследовать его. По счастью, преследователи сразу же ринулись не по той улице, сбились со следа. Но они ведь могли вернуться.

Нужно срочно что-то придумать.

Жар и боль приглушили голод, но во рту у него пересохло. Грубые сандалии давили на распухшие ноги. Он даже не предполагал, что два года в Святылище так изнежили его.

Но разве боль в ногах можно сравнить с болью в плече, которое натурала грубая, украденная где-то туника.

Нужно что-то придумать.

Он поразмыслил о том, чтобы покинуть Мегатеополис. Но на бедных фермах трудно найти убежище, а если фермеры будут настроены к нему хоть наполовину так же враждебно, как прихожане Мегатеополиса...

Нужно что-то придумать...

Звуки музыки воспроизводили в его затуманенном болью мозгу изможденное рабочей лицо матери. Даже сейчас он с трудом понял, что она предала его. И его отец, братья сделали то же самое. Дом. Единственное место, где он мог надеяться отыскать укрытие. Даже их холодная, недружественная реакция на его появление дома не насторожила Жарля. Но их косые взгляды, а потом брат, которого куда-то неожиданно послали, заставили его понять правду. И вовремя. Он едва успел скрыться от деканов, которых привел брат. Вот когда он

и получил ожог. И тогда же он узнал, что за его голову назначена награда и каждый прихожанин не прочь получить ее.

Жарлю пришлось ударить отца и сбить его с ног, когда старик попытался преградить ему дорогу. Теперь лицо матери, казалось, смотрело на него из темноты. Он движением руки отогнал это видение.

Может, он должен радоваться тому, как они поступают с ним? Ведь это свидетельствует, насколько глубоко в душе прихожан затаилась ненависть к Иерархии. Жрец, которого поддерживает Иерархия, внушает страх, ему почти поклоняются. Но жреца, которого вышвырнула Иерархия, прихожане ненавидят. Это ведь прихожане преследуют его сейчас, прихожане, которыми руководят деканы.

Два года он думал над тем, как улучшить условия жизни прихожан, как усовершенствовать их душу, как приблизить наступление Новой Золотой Эры. Он ломал голову над тем, как помочь своей семье.

И вот сегодня его родные отвернулись от него, считая его потерянным навеки, он ведь даже перестал быть для них человеком, он стал жрецом!

— Смотрите, это он! Вот он!

Жарль пригнулся, стараясь скрыться от луча, затем, преодолевая боль, кинулся в боковую аллею. Луч Гнева ударил в стену напротив. Камни.

Боль от ремней в сандалиях. Боль в плече, которое нещадно трет грубая ткань.

Темнота.

Квадрат света. Женское ненакрашенное лицо.

Крики.

Снова бежать. Бежать...

Опять крики преследователей позади него.

Голубоватая игла света над головой.

Но прежде чем она успела вонзиться в него, он свернул в боковую улицу, пересек ее и вбежал в развалины, куда он постоянно и бессознательно стремился.

Обломки, сожженная трава. Нащупать путь. Большие каменные блоки, покореженные листы пластика. Стены, возведенные еще до Золотой Эры.

Голоса преследователей позади. Круг света прямо над головой. Быстрее спрятаться!

Азартные возгласы совсем близко. Панические поиски укрытия. Сильная боль от удара о камень плечом. Он прикусил губу, сдержав крик боли. Во рту солоноватый вкус.

Теперь ему ничего не оставалось, как спрятаться здесь, в развалинах, закопаться поглубже. Иногда голоса удалялись, затем снова звучали совсем рядом. Со временем они, конечно, найдут его, но он так устал, так вымотался, что ему уже все равно.

Жарлю казалось, что в мозгу звучит музыка, а ритм ее совпадает с пульсацией боли в плече, и вся Вселенная покачивается в такт этой музыке, в такт его боли. Он тоже хотел танцевать, но у него очень болела рука. И он уже не Армон Жарль, а кто-то другой. Его отец... Его отец — архиепископ! Эти слабые, старые руки схватили Жарля и попытались остановить!

Его брат — пухленький, розовенький, как поросенок, и зовут его — Брат Хулиан.

Его мать...

Прекрасная девушка стоит в дверях, улыбается, зовет его... Он подходит ближе, ближе... Его сомнения и подозрения тают. А затем она резко бросается к нему, хватая за рану на плече, сжимает ее... А за нею уже показалась толпа в красных мантиях...

И девушка на глазах дурнеет, становится старой, сморщенной старухой, и вот уже лицо матери смотрит из темноты.

Но нет, это не его мать, это какая-то другая старуха. Щеки ввалились, нос превратился в изогнутый тонкий длинный клюв, подбородок — в коричневый комок.

— Проснись, Брат Жарль, — слышит он хриплый шепот.

Что это с его лицом? Оно реально, а ему не хочется сейчас встречаться с реальностью. Но боль в руке была реальна, она все еще мучает его. Жарль, попытавшись оттолкнуть руку, поднял голову и увидел в свете фонарика то же самое старое лицо карги, узнал ее.

— Идем со мной, Брат Жарль. Иди с матерью Джуди!

Он почти улыбнулся.

— Лучше тебе я дам заработать на мне, чем отцу, — пробормотал он.

Костлявая ладонь зажала ему рот.

— Тихо, они могут услышать. Вставай, Брат Жарль, это недалеко, но необходимо поторопиться.

Вставать гораздо больнее, чем лежать, но все же он поднялся. В голове его туман не рассеялся, а сгустился. Снова появились видения. Жарль шел, тяжело опираясь на ее костлявое плечо, и ему казалось, что старуха постоянно меняет свой облик. Сначала она стала его матерью, затем Шарлсон Наурией, затем матерью Джуди. Потом девушкой, что стоит в дверях. Затем снова его матерью...

— Чего нам искать их? — спросил он, глупо улыбаясь. — Давай я позову Братьев, и они примчатся. Подумай — ты получишь награду за меня. Всю награду тебе одной. Или ты боишься, что они тебя обманут?

Вместо ответа она стукнула его по губам.

— Вот он! И еще кто-то с ним!

Жарль вместе с Джуди резко свернули в какой-то проход. Голоса раздавались со всех сторон. Еще поворот. Затем мать Джуди остановилась, найдя целый участок травы.

— Давай туда! Быстрее!

Удар клюкой привел его в чувство, он спустился в черную дыру, прыгнул, сполз по короткой лестнице, скатился на пол и лежал там.

Крики прекратились. Кромешная тьма. И тишина.

Немного погодя зажглась свеча, и Жарль увидел перед собой беззубую улыбку старухи.

— Ты убедился, как мать Джуди получает свою награду, Брат Жарль? — прокаркала старуха.

Она наклонилась к нему, подняла тунику, осматривая рану на плече.

Он стиснул зубы.

— Нужно заняться раной, — пробубнила она. — Но сначала постараемся уйти отсюда, и побыстрее. Выпей это.

Старуха поднесла к его губам маленький флакон. Огненная жидкость заставила его закашляться.

— Жжет? — радостно спросила она. — Непохоже на сладкие вина Иерархии? Мать Джуди сама делает свой нектар. У нее еще есть немного.

Он осмотрелся.

— Где мы?

— В одном из туннелей Золотой Эры. Не спрашивай меня, зачем они были нужны тогда. Зато я знаю, зачем они требуются теперь. — Мать Джуди хихикнула, качая головой. — Глупые старые ведьмы! Жрецы все знают о нас! О, да!

Он удивленно смотрел на нее.

— Не ломай голову, Брат Жарль. Просто иди за мной.

И он последовал за ней. На некоторых участках туннель — большая полая металлическая труба — даже позволял встать во весь рост. Но во многих местах труба треснула и была забита грязью.

Путешествие показалось Жарлю бесконечным. Он совершенно выбился из сил. Его лихорадило, возможно, от изнеможения, правда, не исключено, что и из-за огненного нектара матушки Джуди.

Жарль начал спотыкаться. Снова вернулись видения. Теперь рядом с ним шла Шарлсон Наурия. Они были король и королева Ада и обходили свое Подземное Царство в сопровождении Первого Министра — матери Джуди, палка которой превратилась в посох, увитый живыми змеями. За ними шел человек весь в черном, а под ногами крутилось множество маленьких полулюдей-полуобезьян.

Еще лестница. Мать Джуди подталкивает его вверх. Узкая кровать, похожая на ящик, открытый с одной стороны. Кровать коротка для Жарля, но удивительно мягкая. На его болезненное плечо лег прохладный бинт, смоченный в темной ароматной жидкости. Им овладел страх: ведь его никто никогда не лечил, кроме жрецов. Жрецы лечили все и всех. Что-то теплое потекло по его горлу. Забыть. Сон...

Его следующее восприятие действительности, несомненно, смешанное с бредом, началось в тот момент, когда он увидел что-то черное на

его постели возле ног. Он терпеливо всматривался, пока не смог сфокусировать свое зрение.

Это оказался большой черный кот, вылизывающий свои лапы и поглядывающий на него с холодным пренебрежением.

Нет, этого не может быть. Данное существо не должно быть котом, у матери Джуди нашло приют существо маленькое, лохматое, но не кот.

Бесконечно долго Жарль размышлял над этим, продолжая рассматривать кота, постоянно ожидая, что он заговорит с ним. Но кот только вылизывал шерсть, бесстрастно поглядывая на него.

Постепенно Жарль стал воспринимать окружающее. Его постель действительно оказалась ящиком, вделанным в стенную нишу. Пол комнаты он не мог рассмотреть из-за высокого края ящика.

Потолок был низким, с балок свешивались какие-то непонятные предметы. Жарль слышал потрескивание дров, бульканье жидкости в котле. Пахло вкусно.

Он попытался рассмотреть подробнее обстановку. Но, попробовав повернуться, он испытал приступ боли, правда не слишком сильный, но дыхание у него перехватило.

В поле зрения появилась старуха.

— О, ты уже снова с нами? Некоторое время мать Джуди даже думала, что потеряла своего маленького мальчика.

Он все еще не мог отделаться от мыслей о коте.

— Это обычный кот? — спросил Жарль беспокойно.

Блестящие глаза ведьмы, глубоко сидящие в глазницах, сузились и внимательно посмотрели на него.

— Конечно!

— И он не пьет твою кровь?

Мать Джуди презрительно прищелкнула языком.

— Может, ему и хочется. Но только пусть попробует.

— Но... ты же ведьма, мать Джуди?

— Ты считаешь, что я сделала все, чтобы меня ненавидели все, причем это я придумала ради собственного удовольствия?

— Но... я считал... другие ведьмы, которых я встречал...

— О, эти? Так, значит, ты встречался с ними?

Он слабо кивнул.

— Кто они?

Старуха посмотрела на него.

— Ты уже задаешь много вопросов. Сейчас время для супа.

Когда она налиwała ему суп, а кот, пригнувшись к кастрюле, провожал взглядом каждую ложку, послышался стук в дверь.

Мать Джуди прошипела:

— Ни звука!

Она задвинула стенную нишу, оставив его в крошечной тьме. Он слышал приглушенный разговор и как будто что-то упало на пол.

Кот уже стоял у него на груди. Жарль ощущал давление всех четырех лап. Как маленький слон.

Из комнаты доносились звуки разговора, но Жарль не мог разобрать ни слова.

Кот улегся на его здоровое плечо и довольно замурлыкал. Жарль уснул.

В течение нескольких следующих дней ниша с постелью Жарля закрывалась несколько раз. Видимо, мать Джуди перестала опускать занавеску на нишу, и теперь Жарль слышал все разговоры. Он знал, что старая ведьма занимается весьма сомнительной магией, дает советы прихожанам всех категорий, особенно девушкам из квартала Падших Сестер. Он познакомился, хотя и косвенно, с преступными элементами Мегатеополиса, с которыми мать Джуди находилась в подозрительно хороших отношениях.

Но это не все ее посетители. Дважды приходили деканы. В первый раз Жарль замер, ожидая худшего. Но странно, этот декан, оказывается, хотел получить помощь от матери Джуди, получить обратно девушку, украденную у него жрецом. Во второй раз обстановка обострилась. Декан подозрительно все вынюхивал в комнате, даже простукивал стены, не переставая повторять о наказаниях тех, кто не подчиняется Иерархии, нарушает ее законы. Однако он, видимо, просто намеревался запугать старуху и получить помощь бесплатно, так как в конце концов все свелось к рассказу, аналогичному тому, что выложил первый декан.

Жарль часто размышлял о Шарлсон Наурии и Черном Человеке. Он донимал мать Джуди расспросами о них и кое-что выудил от нее, хотя у него сложилось впечатление: она знает гораздо больше, чем говорит.

По ее словам, эти «новые» ведьмы появились лишь несколько лет назад. Сначала она думала, что ведьмы подосланы Иерархией, чтобы создать конкуренцию им, старым женщинам.

Немного погодя старуха изменила свое мнение, и теперь она рассматривала молодых ведьм, как не всегда дружелюбно настроенных своих конкурентов. Мать Джуди призналась, что совершала с ними мелкие сделки, хотя и не уточняла, какие.

Когда зажило его раненое плечо, на котором остался только небольшой шрам, и спал жар, несмотря на отсутствие патентованных лекарств Иерархии, Жарль решил все прояснить для себя и однажды прямо спросил:

— Почему ты спасла меня?

Казалось, она смутилась, но затем, взглянув на него, ответила:

— Может, я влюбилась в тебя. Джуди помогала и лечила многих молоденьких мальчиков, когда она сама была красивой и желанной.

А затем добавила уже более серьезным тоном:

— А кроме того, ты относился ко мне без всякого презрения, когда носил мантию.

— Но как ты нашла меня? Каким образом ты оказалась в этих развалинах, когда за мной гнались?

— Это простая случайность, — ответила она. — Я как раз выходила из туннеля.

Позже она уточнила, что ей предстало «видение», будто он будет рядом. Он знал, что Джуди не говорит правдиво.

Позже вечером он настоял на том, что ему необходимо выбраться из ниши, и стал расхаживать по комнате, рассматривая загадочные предметы, висевшие на балках. И тут раздался стук в дверь, совсем не такой, как обычно стучались к старухе. Чьи-то пальцы выбили дробь на двери. Кот Грималкин угрожающе фыркнул. Мать Джуди, загнав Жарля обратно в нишу, пошла к двери, вышла и плотно закрыла ее за собой.

Было уже темно, но она различила темную фигуру мужчины.

— Я тебя вижу, — сказала старуха немного нервозно, плотнее закутываясь в свою рваную шаль, так как на улице было прохладно. — Можешь оставить свои штучки при себе. Ты не обманешь меня.

— Грималкин узнал мой стук, — ответил насмешливый голос. — Может,пустишь Дикона поиграть с ним?

— Он выцарапает глаза твоему Дикону, грязному, гнусному, развратному зверю. Что ты хочешь от меня?

— Как наш пациент?

— Хочет подняться и поджечь весь мир. Мне, наверное, придется связать его.

— А как его образование?

— О, он настроен весьма агрессивно, хотя сам он очень мягкого нрава юноша. Мне кажется, что он уже более примирительно относится к вам; правда, тем хуже для него!

— Прекрасно! Хотя ты очень упряма. Ты недооцениваешь наше влияние на него. Мы очень обязаны тебе, мать Джуди!

— Плевать на это! — Старая карга вздернула острый подбородок. — Слушай, я помогаю тебе и всем твоим только потому, что уверена: вы против жрецов. Но я хочу, чтобы ты понял меня: я с самого начала убеждена, несмотря на все ваши выдумки, на проделки с вашими гнусными обезьянами, — вы не настоящие ведьмы и колдуны!

Из темноты донеслась довольная усмешка.

— Будем надеяться, что у Иерархии нет такой проницательности, как у тебя!

Она не обратила внимания на комплимент.

— Вы просто обманщики, — сказала она. — Настоящая ведьма — это я.

Человек во мраке поклонился.

— Мы не будем оспаривать твое мастерство, мать Джуди.

— Ну и правильно, — согласилась старая ведьма.

— Асмодей сказал, что мы можем увеличивать давление, Дрик. Сегодня вечером волки придут в Мегатеополис. Сначала они будут бродить по окрестностям, но затем обнаглеют. Начиная с полуночи, телесолидографы во всех ключевых городах начнут работать по двадцать четыре часа в сутки. Кое-где нужно установить дополнительную аппаратуру. Необходимо тщательнее заняться жрецами выше Четвертого Круга. Вот ленты с данными относительно индивидуальных страхов жрецов, занимающих ключевые позиции. Можешь распространить их.

Черный Человек показал на катушку с лентой. Его собеседник, молодой человек, низенький, мощный, одетый в такую же черную туннику, взял коробку, просмотрев надписи на лентах, закрыл ее.

— Интересно, откуда Асмодей получает такую подробную информацию? — произнес Черный Человек. — Если бы я был религиозным, я бы решил, что он сам Великий Бог. Ведь он прекрасно ориентируется в Иерархии.

Дрик наклонился вперед:

— Может быть, он сам из Иерархии?

Черный Человек кивнул, задумчиво нахмурившись.

— Может быть, не исключено.

Дрик испытующе смотрел на него.

— Я не Асмодей, Дрик. Я даже не уверен, что первый человек в Мегатеополисе — это я, хотя первым получаю приказы.

— Откуда? — Дрик положил руку на коробку с лентами. — Вот это, к примеру. Это ведь материальная вещь. Кто-то должен был доставить ее.

— Конечно. — Черный Человек улыбнулся, правда, несколько смущенно. — Если я захожу в комнату и нахожу на столе коробку, то логично предположить, что кто-то ее принес. Но кто?

— Вот так она появилась?

Черный Человек кивнул.

Дрик с сомнением покачал головой.

— Да, нам не очень доверяют.

Черный Человек хмыкнул.

— В этом есть рациональное зерно. Если кого-либо из нас схватят, он не сможет, даже если захочет, выдать всех.

— Но пока еще никого из нас не схватили.

Черный Человек медленно посмотрел на него. Его насмешливое лицо внезапно стало серьезным.

— А ты не думал, почему? Может, они уже засекли кого-то из нас и теперь следят, выжидают, чтобы вытянуть сеть, когда в нее попадет самая крупная добыча?

Он взял коробку, встал. Затем вдруг вспомнил что-то.

— Я был с Наурией. Она почему-то очень строптива и не хочет появляться здесь.

— Снова приказы Асмодея. Он что-то скрывает, подготовил специальную работу для нее, выложит все, когда настанет подходящий момент. Будь с ней, Дрик, если получится, развлекай ее.

— О, это приятная работа, — заметил Дрик.

— Но не очень надейся. Думаю, что скоро к нам примкнет этот ренегат-жрец.

— Пациент матери Джуди? Он изменил свои взгляды?

— Надеюсь, изменит.

Дрик кивнул.

— Он неплохой парень, и я уверен, Наурия будет к нему благосклонна.

Уже стоя у двери, Дрик внезапно обернулся. Черный Человек ссутулился и тер свои глаза.

— Если обстановка изменится и не останется такой напряженной, может, тебе стоит отдохнуть хотя бы часов шесть?

Черный Человек кивнул.

— Неплохая идея.

После ухода Дрика он сел, глядя в стену.

— Неплохая идея.

Где-то вдали зазвонил колокол. Язвительная улыбка скользнула по его губам. Он, нахмурившись, покачал головой, как бы отгоняя искушение. Колокол продолжал звонить. Снова на его губы вернулась улыбка. Он, пожав плечами, вскочил.

Казалось, энергия переполняет его теперь.

Из ящика Черный Человек достал предмет, похожий на клубок перепутанных проводов. Он прикрепил его к правой руке. На століке у противоположной стены стояла ваза с цветами. Черный Человек вытянул правую руку, словно проверяя контакт. Ваза слегка дрогнула, затем приподнялась. И в следующее мгновение она упала со стола, расплескав воду вместе с цветами. Он с удовлетворением улыбнулся.

На левую руку Черный Человек прикрепил особое устройство, причем так, что, согнув ладонь, он мог коснуться пальцами кнопок на нем.

Затем он прошел к ящику, включил торжественную музыку и, отойдя на середину комнаты, вытянул левую руку и стал нажимать на кнопки. Торжественная музыка прекратилась, появились резкие диссонансы предыдущей мелодии, музыка стала словно гротескной, зловещей.

Затем Черный Человек достал костюм прихожанина — грубую блузу, брюки, сандалии, капюшон.

Послышался высокий пронзительный голос, исходящий неизвестно откуда.

— Снова за свои шуточки? Думаю, что вся трудная работа достанется мне.

— Что касается тебя, Дикон, мой маленький вампирчик, то ты останешься дома.

Большой колокол перестал звонить, но эхо все еще разносило могучие звуки, словно таинственное послание вечности. Прихожане полностью заполнили Собор, величественный зал которого был освещен тысячами свечей, наполнен ароматом кадильниц. Тут и там мелькали жрецы, шурша мантиями. Они спешили выполнить различные поручения.

Черный Человек, совершив обычный ритуал, устроился в боковом приделе, как раз напротив сверкающего великолепия органа, чьи золотые трубы уже начали наполняться мягкой музыкой, которая чудесным образом смешивалась с эхом от ударов колокола. Черный Человек сидел, словно простой прихожанин, думающий только о том, как бы умиловить Великого Бога, чтобы тот избавил его от грехов.

На него опустился мир и покой, но он знал, что это не последствия воздействия теплого ароматного воздуха, мягкого мерцания свечей, сладкой музыки, а результат облучения, возбуждающего его парасимпатическую нервную систему. И все же он надеялся. Облучение расслабляло его нервную систему, заставляло обмякнуть мускулы, забыть обо всех тревогах.

— Великий Бог, господин Земли и Небес, жрец жрецов, которому верно служит Иерархия...

Распевный голос звучал в призрачном полумраке. Из-за алтаря вверх он бьет лучом света, как золотые трубы, освещающие грандиозную фигуру Великого Бога, уменьшенную копию того, что возвышался над Собором. Прихожане склонили головы.

Религиозный трепет наполнял Собор, когда прихожане в соответствии с ритуалом вторили словам жреца, ведущего службу. Легкое смещение возникало тогда, когда старые прихожане произносили:

— Ускорь наступление Новой Золотой Эры, — слова, которые недавно были исключены из богослужения.

Молодого жреца сменил старый, начавший проповедь. Голос его был чрезвычайно гибок: то жесток и полон гнева, то в изобилии источающий мед. Слова проповеди соответствовали умственному уровню аудитории. Не оказалось ни одного, к которому бы они не проникали в душу.

Как обычно, он говорил о жизни прихожан, о неустанном труде жрецов, молившихся за них Великому Богу и старавшихся, чтобы Бог простил им грехи, вольные и невольные.

Затем мед исчез из его голоса; жрец перешел к рассказу о кознях Сатаны и его приспешников. В Соборе послышался приглушенный шум: это прихожане перемещались, стараясь лучше услышать слова жреца. Он утверждал: Сатана наглет только потому, что они, прихожане, погрязли в грехе, забыли наставления Великого Бога, не слушают своих жрецов.

Семена греха прорастают всюду, и Сатана поливает их, ухаживает за ними, снимает урожай. Иерархия может сокрушить Сатану в любой момент. Но прихожанам не будет пользы от такой победы, если каждый не вырвет Сатану из своего сердца, не засушит семена греха, не заставит их погибнуть, не дав ростков.

И на этом месте проповедь кончалась. Во всех приделах появились жрецы Первого Круга с огромными блестящими блюдами. Жрец, поднявшийся на амвон, предложил прихожанам жертвовать на пользу Иерархии столько, сколько каждый сочтет нужным.

Прихожане стали рыться в карманах.

Жрец в боковом приделе уже обошел все ряды, возвращаясь с полным блюдом. Оно было тяжелым, и один из прихожан, желая помочь жрецу, протянул руки, но жрец тут же прижал блюдо к себе. Однако какая-то сила вырвала блюдо из рук жреца, и оно повисло в воздухе. Жрец попытался схватить его, но блюдо ускользнуло от него, поднявшись выше. Жрец подпрыгнул, стараясь ухватить его, но напрасно.

Внезапно, вспомнив о своем достоинстве, жрец прекратил прыжки и посмотрел на прихожан, на их изумленные лица. Он заметил одного рыжего парня, который, казалось, был ошарашен происходившим больше остальных.

Жрец снова взглянул на блюдо, которое словно плясало в воздухе. Деньги бренчали на нем, несколько монет даже упало вниз, на пол.

Прихожане как зачарованные взирали на парящее в воздухе блюдо.

Вот оно накренилось, описав в воздухе дугу, и дождь монет посыпался на прихожан. Затем блюдо снова приняло горизонтальное положение, повиснув неподвижно.

Удивительно быстро сориентировавшись, вероятно полагая, что это очередной трюк Иерархии, о котором забыли его информировать, жрец закричал:

— Смотрите! Чудо! Великий Бог являет свою милость! Каждый получит то, что он заслуживает!

И мгновенно, как бы услышав его слова, блюдо спикировало на него, нацеливаясь на его голову. Жрец, быстро пригнувшись, взглянул наверх. Блюдо пролетело мимо, круто развернулось и снова спикировало на него. Жрец снова пригнулся. Блюдо зависло над ним, а потом дважды ударило его по бритой голове. Звон разнесся по всему Собору.

Жрец, взвизгнув, включил свое защитное поле.

Среди прихожан началась паника, а может, мятеж. Многие ползали между рядами, собирая монеты, другие в страхе протискивались к выходу, но большинство смотрело вверх, на блюдо, подталкивая друг друга локтями.

И тут же, повинувшись торопливому приказу, органист заиграл громко, торжественно. Это была неплохая идея, если бы мелодия не прекращала звучать. Но ритм игры изменился, послышались диссонирующие звуки. Органист как безумный нажимал на клавиши, и вскоре все узнали

знакомую возбуждающую мелодию, весьма популярную в последнее время в квартале Падших Сестер. Эту мелодию знали многие — и прихожане, и жрецы. Она сопровождала все кутежи...

Облучение, стимулирующее парасимпатическую нервную систему, — коварная штука. Оно пробуждает нервную систему, животные инстинкты. Пока люди под контролем, все хорошо. Им можно внушить что угодно. Но когда люди выходят из-под контроля, начинается неразбериха, что произошло и сейчас. Прихожане пустились в пляс, охваченные квазирелигиозным экстазом. Они кричали, вопили, хохотали, извивались в танце, будто возродилось какое-то языческое празднество, а не шло обычное богослужение.

Группа прихожан окружила жреца в боковом приделе, хватала монеты с его блюда и швыряла в разные стороны. Те, кто ползали под скамьями, собирая монеты, забыли о них и стали кататься по полу, обниматься, хохотать.

Затем орган издал безумные звуки хохота, блудо, висевшее над головами, полетело, раскачиваясь, к алтарю и со звонким шлепком впечаталось прямо к лицу Великого Бога. При виде такого святотатства многие прихожане в панике бросились к выходу.

И тут раздался леденящий душу голос. Он мгновенно остановил всех. Прихожане застыли на месте. Дикий ужас наполнил их души.

И громовой голос приказал в Соборе:

— Не двигаться! В Собор пробрался Сатана! Каждый из прихожан должен быть осмотрен в целях выяснения его причастности к настоящему событию. Все вернитесь на места! Те, кто попытается сбежать, почувствует на себе Гнев Великого Бога!

И тут же отряд деканов в черных мантиях заполнили выходы из Собора. У каждого из них в руках был Жезл Гнева.

Черный Человек, находившийся в рядах тех, кто стремился к выходу, ощутил изменение характера облучения. Теперь оно возбуждало симпатическую систему. Вряд ли это мудрое решение. Хотя безумные танцы мгновенно прекратились, толпа прихожан рванулась к выходу, напоминая зверей, которых загнали в западню. Деканы подняли Жезлы. Толпа остановилась. Люди нерешительно переминались с ноги на ногу.

Правая рука Черного Человека согнулась в локте. Тело слегка сместилось влево, чтобы сбалансировать излучение силового поля.

Декан, стоящий в центре, неожиданно повернулся к стоящему рядом, нечаянно задевшему его.

— Осторожно, болван, — громко прошипел он.

Второй декан обратился к нему:

— Ты меня ударил!

И тут началось.

К этому спору вскоре присоединились и другие деканы. Началась потасовка: жрецы толкали друг друга, ударяли поднятыми кулаками, угрожали. Деканы не прошли курсы хороших манер, как жрецы.

Возбуждение симпатической системы играло свою роль. Оно возбуждало возникновение не только страха, но и ярости. Посыпались обоюдные удары. Все деканы внезапно ввязались в беспорядочную драку. Некоторые отбросили свои Жезлы Гнева, другие пользовались ими, как дубинками.

Таким образом, путь для бегства из Собора оказался открытым и толпа прихожан воспользовалась этим обстоятельством. Мощной волной она хлынула на улицу.

Глава восьмая

Архиепископ Гонифаций барахтался в бесконечных черных пучинах сна.

Сначала глубокий примитивный сон, без видений, без звуков. Ужас. Барахтанье в крошечном мраке. Безнадёжная борьба с чем-то ужасным. Глубокая, пронизывающая Вселенную боль. Что-то очень важное тревожило его. Ведь это может быть использовано против него. Это его тайна, его единственная слабость. То, что может уничтожить его. Борьба страшная, отчаянная, но тщетная...

Затем наступил сон более определенный. Архиепископ бродит среди трупов тех, кого он убил, ибо они пронюхали о его тайне. Трупы — белые, окостеневшие — лежали на мраморных столах под лучами ослепительного света, и он чувствовал себя в безопасности. Но вдруг на одном из столов какой-то труп сел. Прекрасная девушка с темными волосами, рассыпавшимися по мраморным плечам. Она, указав на него пальцем, сказала:

— Тебя зовут Ноулес Сатрик. Ты нарушил самый строгий закон Иерархии. Ты сын жреца. Мать твоя — Падшая Сестра.

Он бросился к ней, стараясь повалить ее и заткнуть ей рот. Но как только пальцы его коснулись девушки, она ускользнула от него. Он преследовал ее, пробираясь между столами. Некоторые столы падали. Он споткнулся о труп своей матери. Архиепископ шел все дальше и дальше, спотыкаясь, задыхаясь. Но девушка ускользала от него, постоянно повторяя:

— Долой архиепископа Гонифация! Его зовут Ноулес Сатрик! Он сын жреца!

Она кричала, и вскоре весь мир присоединился к ней.

Внезапно он превратился в мальчика, а мать, стыдя его, повторяла:

— Сын жреца!

Эти воспоминания совсем близки к реальным событиям. Белое лицо, окутанное темными волосами, лицо его сводной сестры Джерил, когда она падала с моста в темную глубину потока... Наконец его тайна полностью сокрыта от всех. Затем Зал Высшего Совета, и изображение на экране солидографа: девушка с темными волосами, и на лице ее то

же самое выражение, что у той, которая падала в поток. То же самое лицо.

Джерил.

Шарлсон Наурия.

Его тайна снова всплыла на поверхность.

Затем сновидения-иллюзии. Он там, где должен быть, — в своих покоях, в Святилище. В сером полумраке архиепископ видит свою спальню, а в постели, в ногах, карикатурную копию человека, чрезвычайно тощего, мохнатого... Но архиепископ смотрит на него только мгновение. Затем образ мохнатого существа исчезает, лишь слышен звук шагов его мохнатых лап...

И затем пробуждение. Архиепископ сед, тяжело дыша. Глаза его пробежали по спальне, отмечая, что все нормально. Странно, в последнем сне он ясно увидел свою спальню, будто все происходило наяву. Но такие сны не диковинка. Может, это провинциальные жрецы своими рассказами о мохнатых существах пробудили его воображение.

Он ощутил боль в спине — еще один отголосок сна.

Странно, но воспоминания воплощаются в его снах. Так уж устроен человеческий мозг. Все забыть невозможно.

А впрочем, какая разница? Тайна его рождения уже не имеет значения. Это было важно, когда он был жрецом Первого Круга. Но теперь он слишком высоко сидит, сместить его трудно. Такое обвинение ему не повредит.

Но если Джерил действительно спаслась и превратилась в Шарлсон Наурию, если Умеренные наложили на нее свои лапы, они могут доставить ему много неприятностей. Пусть уж лучше Дет устранил ее.

Судя по всему, она стала ведьмой. Но если это правда, почему, зная ее отношение к нему, ведьмы не использовали Джерил против него? Почему они ее спрятали? Ведь было бы более эффективно, если бы она выступила открыто, обвинив его в том, что, будучи сыном жреца, он незаконно проник в Иерархию.

Гонимых раздумывал, и мысли его улетали далеко; он взирал мысленно взором на Империю Иерархии.

А по всей Империи раскинули свои сети новые ведьмы, колдуны. Они с каждым днем нагнали. С ферм они уже добрались до поселков, из поселков в города. А вчера нанесли удар в самом Соброре.

Его разум был занят решением проблемы: кто же руководит всем этим мероприятием, кто осмелился бросить вызов Иерархии? Может, столь могучий ум прибыл откуда-то из-за пределов Земли? Вряд ли. Скорее всего, нужно искать его где-то поблизости.

Телевизионная панель в стене вспыхнула, и на экране появилось лицо жреца Четвертого Круга, дежурного по центру.

— Простите, что беспокою, Ваше Высокопреосвященство... — начал жрец.

— В чем дело?

— Это началось примерно час назад. Внезапно резкое увеличение активности среди ведьм. Сообщения поступают со всей планеты. В провинциях зафиксирована паника. Жрецы бегут из Святилищ. Вот послание Неоделоса. Какие-то звери или призраки зверей появились и в нашем городе. Многие жрецы сообщают о массовых галлюцинациях. Началась паника...

— Ты можешь мне сказать, какие приняты контрмеры?

Жрец кивнул.

— Насколько я знаю, меры приняты. Но Шеф Коммуникаций хочет проконсультироваться с вами. Подключить его?

— Нет. Я спущусь сам.

Экран погас. Гонифаций тронул кнопки, и мягкий свет залил его спальню. Обставленную скромно, но со вкусом.

Он встал с постели, а затем, движимый внезапным импульсом, обернулся назад.

Он вспомнил жгучую боль, которую испытал во сне.

В самом центре постели, где он только что лежал, находился свидетель реальности его сна.

Маленькое пятнышко крови...

Глава девятая

Вторая ночь страха опустилась на Мегатеополис. В темноте и тишине ночи таились угрозы. Весь день в Соборе и часовнях возносились молитвы Великому Богу, дабы он защитил людей от сил Зла. Слухи о призраках животных, которые прошлой ночью являлись даже жрецам, разносились по всему городу. Многие прихожане спешили исповедаться в своих грехах. Две истеричные толпы разорвали в клочья двух женщин, которых сочли за ведьм. Каждый с подозрением смотрел на соседа, размышляя, не агент ли он Сатаны. За час до наступления темноты улицы опустели. И над этими улицами, держась поближе к плоским крышам, летел Черный Человек, наслаждаясь атмосферой ужаса, как наслаждается актер, который знает, что он хорошо играет свою роль.

Над Собором нимб Великого Бога светился с удвоенной яркостью, и Святилище горело огнями. Близлежащие улицы прочесывались патрулями, состоящими из деканов, а в остальной части города царил темнота.

Черный Человек плыл во тьме, направляя свое передвижение с помощью тонкого луча света, энергии. Генератор поля создавал вокруг его тела оболочку, которая уравнивала притяжение Земли. Кроме того, эта оболочка поглощала все виды излучения, что также увеличивало площадь действия поля.

Формально он сейчас был свободен. Час назад Черный Человек сдал дежурство у телесолидографа другому оператору и, немного расслабившись, решил посмотреть, как развивается их план. Он чувствовал себя

актером, который уже сыграл свою роль, но не может покинуть театр, не досмотрев, как дальше идет спектакль.

Кроме того, мать Джуди сообщила ему, что Армон Жарль намеревается этой ночью попытаться вступить в новый контакт с ними. Сама мать Джуди решила укрыться в туннеле, поскольку не хотела попасться под руку разгневанной толпе.

Конечно, он мог кого-нибудь послать к Армону Жарлю, но если человек так упрям, как этот бывший жрец, лучше предоставить ему инициативу. А кроме того, какой эффект — назначить randevu возле Большой Площади, именно в том месте, куда в прошлый раз выкинули жреца.

А сейчас Черный Человек следовал за ним, желая убедиться, что жрец не попадет в ловушку. Он бесшумно плыл вверх, а Армон Жарль, одетый как обычный прихожанин, крался по темным улицам, отыскивая места, где тень погуще, ступая осторожно, дабы не провалиться в сток, постоянно останавливаясь, прислушиваясь и оглядываясь. Однако он не замечал над головой своего демона-хранителя.

Они уже приближались к Большой Площади. Черному Человеку давно хотелось прекратить это бессмысленно-опасное путешествие, но любовь к драматическим эффектам пересилила.

Качающиеся фиолетовые нимбы предупредили о приближении жрецов, куда-то направляющихся ночью. Жарль нерешительно остановился, затем нырнул в темный проход между зданиями. Черный Человек присел на край крыши, внимательно следя за жрецами.

Но они торопливо прошли мимо. Черный Человек, проводив их, узнал в одном из них маленького толстяка, которого так ловко напугал перед заколдованным домом с помощью Черной Вуали, а затем в доме, манипулируя диваном. Он чувствовал даже какую-то нежность к брату Хулиану. Поэтому он не мог упустить прекрасную возможность подшутить над толстяком. Наурия рассказала, что Брата Хулиана до смерти напугал ее вампир Пусс. Черный Человек, в одно мгновение выключив свое левитационное поле, пустил Дикана по силовому лучу прямо к Хулиану.

Маленькое гибкое тело заскользило в темноту, к раскачивающимся нимбам. Черный Человек ждал с приятным замиранием сердца. И вдруг — зловещий шум над головой и жуткая пустота в желудке, хотя он еще не понял причины такого непредвиденного происшествия.

Он, сидя на крыше, быстро повернулся и посмотрел назад и вверх.

Какое-то одно бесконечное мгновение, тут он опомнился, выругав себя. Как мальчишка, он увлекся возможностью пошутить, забыв об осторожности и опасностях.

Ему достаточно было мгновений, чтобы понять, какая угроза нависла над ним. Могучее человекоподобное существо, но раза в два сильнее его. Крепкие ноги вытянуты. Руки угрожающе распростерты, пальцы распрялены, словно когти. Большое лицо, обрамленное кудрями нечело-

веческой, неземной красоты, напоминающее героев мифологии, которых изображали древние художники, огромные светящиеся глаза, которые могли излучать смерть, если захотят.

Ангел!

Еще одно короткое мгновение, но его достаточно, чтобы успеть соскользнуть с крыши и одновременно включить левитационное поле. Ангел был слишком велик, он не мог летать между домами.

Черный Человек зигзагами полетел по узкой улице наподобие ястреба, гнавшегося за добычей и подвергнувшегося нападению орла. Он видел, как остановились два жреца, но у него не было времени обращать внимание на них. Он заметил еще одну деталь: узкая голова и тело Дикона соскользнули с луча и мягко шлепнулись на землю. Черный Человек, всем существом почувствовав опасность сверху, рванулся вверх, но недостаточно быстро, чтобы ускользнуть от удара. Даже через защитное поле он ощутил сильный захват механических рук.

И все же, успев собрать все свои силы, передал приказание Дикону:

— Сток! Дикон, Сток. Пробрись в Святилище. Будь со мной в контакте! Я теряю сознание.

Он даже успел услышать начало ответа, но тут удар, туман, темнота...

Глава десятая

Два декана вели Жарля по серому коридору вниз, в подвалы Святилища. Эти подвалы были окутаны завесой тайны, в них был запрещен вход жрецам низших рангов. Все лифты, за исключением одного, тщательно охраняемого, останавливались двумя этажами выше. Говорили, будто в подвалах ведутся научные исследования, включая и природу самого человека. Рассказывали, что ежедневно в подвалы отправляют партию прихожан, причем всех явно с признаками психического расстройства, а поднимают оттуда уже полностью безумных людей.

Ходили также слухи, будто отправляют туда и жрецов, уличенных в преступных намерениях или деяниях.

Жарль старался не думать о своем ужасном невезении: Иерархия схватила его как раз в тот момент, когда он уже решил вступить в контакт с Новым Ведьмовством.

Не исключено, Иерархия знала, что он скрывается у матери Джуди.

Или мать Джуди предала его? А может, кто-то из Нового Ведьмовства, даже сам Черный Человек? Нет, он не должен допускать таких возможностей! Жарль уже сделал вывод для себя: новые ведьмы на стороне добра, они представляют собой силы, с которыми он решил войти в союз.

Один из сопровождающих его деканов заговорил. Жарль знал, что оба — подчиненные Дета.

— Интересно, каким он станет, когда его поднимут отсюда?

Его компаньона данный вопрос не интересовал.

— Кто его знает? Я наблюдал многих таких, все были разные. Но в одном я уверен: Брат Домас не против заполучить этого человека. Домас всегда радуется, когда к нему приводят кого-то новенького.

— Да, старый проказник!

Они подошли к открытой двери. Оттуда пахло запахом химической лаборатории, но, помимо этого, Жарль ощутил различные излучения, действующие на нервную систему. Как призрачные руки, они ощупывали его, проверяли его эмоции — тревожили, возбуждали, успокаивали, приводили в ярость...

Жарль осмотрел комнату. Первое, что ему бросилось в глаза, — кресло с ремнями. Это плохо. Но механизм и инструменты предназначены для психологических исследований. Это хорошо.

— Правильно, тебе нечего беспокоиться. Мы не будем мучить тебя физически. А что касается психологических пыток — так это только эксперименты.

Какой странный голос — в нем отсутствовала индивидуальность.

Голос человеческий, но без эмоций. Как будто на ленту записали множество человеческих голосов, произносящих одни и те же слова.

Глаза Жарля нашли того, кто говорил с ним. Приземистый толстый жрец, грязная, в пятнах мантия которого украшена изображением человеческого мозга. Эмблема Шестого Круга.

Жарль поднял глаза, взглянув на его лицо. Странно, его лицо, как и голос, тоже было каким-то обобщенным, несмотря на индивидуальные черты: двойной подбородок, толстые губы, редкие брови. Слово с помощью солидографа на одно лицо спроецировали черты множества лиц, окончательно уничтожив всякую индивидуальность.

Если что и имело индивидуальность, так это глаза. Они смотрели на Жарля жадно, почти с любовью, будто он — самая интересная вещь на свете, конечно, не потому, что он Армон Жарль, а потому, что он человек.

Эти глаза так заворожили Жарля, что он с трудом оторвался от них и посмотрел на невысокого человека в черном. Странно, как это он не заметил его сразу. Ведь это был Дет.

— Вот мы и доставили его для тебя, брат Домас, — сказал Дет. — И Его Высокопреосвященство Гонифаций просил предупредить тебя: этот человек не должен сойти с ума. Он нам слишком дорого достался. Учти это пожелание, иначе тебя ждут неприятности.

Не отводя глаз от Жарля, Домас быстро ответил:

— Не нужно меня пугать, маленький человек. Ты прекрасно знаешь, что мои методы чисто эмпирические и результаты непредсказуемы. Если человек сойдет с ума, значит, так и будет. Я не могу ничего гарантировать.

— Я тебя предупредил, — повторил Дет.

Брат Домас приблизился к Жарлю, двигаясь удивительно легко для своей комплекции.

— Я изучил твоё лицо и личное дело, прослушал твою речь на Большой Площади, — он кивком показал на солидограф, но глаза его не отрывались от Жарля. — Ты идеалист, очень интересный идеалист.

Его манера разговора напоминала тон хирурга, обсуждающего необычный случай.

— Я оставляю вас, — сказал Дет, — и проинформирую архиепископа, что ты намереваешься просто проводить эксперименты.

Брат Домас посмотрел на него:

— А твой мозг тоже интересует меня. Я бы с удовольствием запустил в него свои пальцы.

Лицо Дета застыло.

— Маски, маски! — проговорил Домас. — Разве ты не знаешь, что я лучше всех людей умею скрывать свои мысли?

Дет быстро вышел из комнаты в сопровождении деканов.

И снова глаза Домаса устремились на Жарля. Теперь они пристально изучали его, стараясь проникнуть прямо в мозг.

— Большая искренность, — продолжал Домас, кивая, будто он увидел ее в зрачках Жарля. — О, да, негативизм.

С огромным усилием Жарль отвел глаза от него.

— Нет, нет, я не занимаюсь гипнозом, — сказал Домас. — Гипнотизм только мешает работе. Как плохое анестезирующее, он приглушает реакции.

Его осмотр немного погодя закончился.

— А теперь ты, может, сядешь сам? — и указал на кресло.

Жарль заметил, что к нему сразу же приблизились жрецы. Эмблемы, представляющие собой переплетение нервной и циркулярной систем, свидетельствовали, что это жрецы Третьего Круга.

Двое из них, схватив Жарля за локти, повели к креслу. Он начал сопротивляться только для того, чтобы доказать самому себе — он, мол, еще человек. Он умудрился ударить одного из жрецов, но тут пришли на помощь другие, усадили его в кресло, затянув ремни.

И, все это время брат Домас комментировал:

— Давай, сопротивляйся, потом мне будет легче.

Жрецы отступили назад. Кресло было на удивление удобным. Но Жарль не имел возможности повернуть головы.

К нему подключили электрические и записывающие приборы. Шпирк вонзился в его руку. Снова брат Домас прочел его подозрения.

— Нет, это не препарат для извлечения правды. Получить от тебя информацию, которой ты обладаешь, — это наша побочная цель. Мы хотим узнать гораздо больше, чем просто информация.

Брат Домас сел прямо перед креслом. Контрольная панель солидографа находилась у него под руками.

— Что такое личность? — спросил он совсем другим тоном. — Просто точка зрения. И ничего больше. Точки зрения меняются. А меняется ли при этом личность? Требуется ответ, разумеется. Личность изменяется, но очень медленно, постепенно, поэтому изменения незаметны. Твои точки зрения изменились! Твое досье доказывает, что они менялись у тебя чаще, в большей степени, чем у человека среднего уровня. И тем не менее ты ощущаешь себя таким же человеком. Это поднимает интересный вопрос.

Он говорил, словно читал лекцию ученикам.

— Для мыслящего человека нет более поражающего ощущения, чем воспоминания о точках зрения, о взглядах, которые он исповедовал и от которых отказался. Человек помнит их в подробностях, но эти взгляды больше не привлекают его, у него сложилась новая система взглядов. Вообрази, память и интуиция доказывают ему, что он остался тем же самым человеком.

Но память может вызывать любые образы. Она холодна и бесстрашна. У памяти мораль. Представь себе человека, которым ты восхищаешься, и человека, которого ты ненавидишь. Вообрази, что это две жизни одного и того же человека. Предположим: память связывает эти две стадии.

Да, личность меняется. Вся проблема в том, чтобы ускорить это изменение.

Ты начинаешь понимать, какие намерения у нас относительно тебя?

Нет, твое нынешнее сознание не будет стерто и заменено другим. Это равносильно тому, чтобы убить тебя. Ты забыл, что я говорил о памяти. Личность меняется, но память — индивидуальное сознание — остается целой и невредимой.

Жарль почувствовал почти облегчение. Наконец он понял, куда будет произведена атака, и сможет мобилизовать свои силы. Свою ненависть к Иерархии. Вновь обретенную преданность Новому Ведьмовству. Свою любовь к Наурии. Свое презрение к таким, как Дет, и, что самое важное, свою твердую уверенность: каждый прихожанин имеет право на свободу. Да, такие твердые взгляды трудно изменить. Уверенность в том, что человек должен быть свободным, не изменится. Брат Домас блефует.

— Верно, — сказал брат Домас, — это кажется невозможным. Но посмотри на мое лицо. Разве у меня лицо человека, многократно меняющего свою индивидуальность? Как бы мог я приобрести такой опыт, такие знания, если бы не экспериментировал на себе? Ты знаешь, что не я открыл телепатию. Мое знание о человеке, его мозге базируется на дедукции, на эмпирике, на опыте. Я не гнушался экспериментировать на себе. Единственное, о чем я жалею, — не могу коренным образом изменить свою личность. Ведь я же психолог.

Он признался, что не изменил коренным образом свою личность. Не сможет он сделать этого и с Жарлем.

— Правильно, — сказал Домас. — Будь самоуверен. Это делает тебя более уязвимым, когда ты начнешь удивляться. А теперь — дело.

Постепенно подключили все приборы. На Жарля обрушились видения, звуки, запахи, прикосновения... И эмоции. Более специфические и интенсивные, чем те, которые возбуждаются симпатическими и парасимпатическими системами. Он сопротивлялся всему. Но воздействие разбило все его защитные барьеры, и он зашелся в конвульсиях смеха. Старался сдерживать слезы, но они лились. Пытался побороть ярость, которая вырывалась из него ругательства и угрозы, преодолеть страх. Он боролся со всем этим, но тщетно. Создавалось впечатление, что его собственное тело уже не принадлежало ему, и он испытывал стыд, отчаяние, когда Домас — искусный музыкант — извлекал из него реакции на самые разнообразные возбуждения.

Комната погрузилась во тьму, и на Жарля направили десятки световых лучей. Они пульсировали в такт с реакциями Жарля. Брат Домас не отрывал взгляда от него.

От эмоций к мыслям, от тела к разуму продвигались исследования. Жарль ощущал свой мозг, как планету, где его сознание находилось на освещенной ее стороне. Непреодолимые силы вращали планету, и он напрасно пытался удержать свои мысли. А с другой стороны — теневой — на него наплывали призрачные, давно забытые ощущения. Ненависть, зависть — эти эмоции когда-то испытывал и он, а затем похоронил их в глубинах памяти. И воспоминания. О детстве. Его первая исповедь. Шарлсон Наурия. Работа на полях. Пение в хоре. Воспоминания о самом раннем детстве. Он, находящийся в колыбели и взирающий на мир гигантов.

Лицо матери — совсем молодое — склонилось над ним. Затем жуткий полумрак, когда, казалось, все вещи становятся живыми символами невидимых сил.

Медленно отступают темные воспоминания. Неторопливо чужие эмоции покидают его разум. Он уже ощущает только полное изнеможение. И вот облегчение... Он снова Армон Жарль. И у него сохранились те же взгляды, что и раньше. Брат Домас потерпел неудачу!

— Нет, — сказал брат Домас. — Это просто исследование. Нашу-пывание слабых мест. Сейчас стимулирующие ленты автоматически коррелируются с учетом твоих реакций. Хочу быть честным: я действовал в основном по интуиции.

Кроме того, нужно было произвести на тебя общее впечатление. Теперь мы будем лучше сотрудничать с тобой. Разумеется, против твоей воли, твое сопротивление поможет мне.

Дело в том, что градиенты и потенциалы твоего нейронного поля известны мне лишь приблизительно. Поэтому некоторые мысли и воспоминания могут ускользнуть от меня.

А теперь я знаю о тебе все. Ты должен понимать: даже ничтожной доли ощущения хватит, чтобы сформулировать нервную личность. Каж-

дый человек хотя бы ненадолго испытывает приступ ненависти, жестокости, у него порой возникает желание уничтожить весь мир. Ты понимаешь, что, усилив это ощущение, человека легко превратить в чудовище.

Значит, нужно только перевести твой мозг в нужное состояние, а затем заморозить его. Если мне не повезет, я зафиксирую твой мозг в неправильном состоянии, в состоянии безумия.

Вывод таков — теперь наши действия будут целенаправленны. Поехали!

* * *

Снова воздействие — настоящая бомбардировка — на все органы чувств, эмоций, анализ мозга. Но теперь все выполнялось не беспорядочно, а по плану. Сейчас были задействованы два фактора: страх и удовольствие. Жарль мог как бы наблюдать за собой со сторон. У него оставались силы презрительно улыбаться брату Домасу.

Но вскоре ощущения совсем перестали подчиняться ему. Где они достали солидографическую запись его мозга? Он слышал свой собственный голос:

— Армон Жарль, космос — это электронная композиция, лишенная души и цели. И только нейтронный разум человека представляет душу и цель.

Иерархия — это высшая форма существования человека.

Армон Жарль, ни сверхъестественного, ни идеального не существует. Существует только реальное.

И так до бесконечности. Впрочем, такие заявления могли быть записаны раньше, когда он сам делал их. Но потом все изменилось. Лишь его голос и изображение остались неизменными.

— Взгляни на меня, Армон Жарль. Ты будешь таким, когда научишься смотреть верно на реальность, избавившись от своих взглядов. Посмотри на меня, я, Армон Жарль, смеюсь над тобой, потому что ты сейчас такой, какой есть.

И вот солидографический Армон Жарль начал гримасничать, издеваться над настоящим Жарлем с жестоким цинизмом. Сейчас Армон ненавидел этого мнимого Жарля.

Он даже закрыл глаза. И тут на его голову надели обруч. Жарль ощутил давление на глаза. Какая-то механическая сила заставила его медленно мигать.

— Мы совсем не хотим мучить тебя, — сквозь галлюцинации пробился к нему голос Домаса. — Боль сможет сформироваться вокруг твоей индивидуальности. Поэтому боли ты не ощущаешь.

Жарль видел перед собой свою гримасничающую солидографическую копию, непрерывно произносящую что-то, и не мог избавиться от этого, прогнать ее из поля зрения.

И вот некогда подавленные мысли и воспоминания снова стали появляться из тьмы. Они были одного типа — антиидеалистического

направления. Все, воспроизводимое им в противовес этим мыслям, таяло, исчезало. И наконец он нашел основную нить — уверенность в необходимости свободы, равенства, ненависть к тирании. И эта мысль хотя изменялась, но не исчезала. Она превалировала над всеми остальными.

Снова удар по чувствам.

— Что такое идеализм? Искажение. Присвоение фальшивых ценностей тому, кто такими ценностями не обладает. Изменение личности происходит из-за переоценки ценностей. Если ценности фальшивы — личность нестабильна. •

И потом снова провал в черноту, опять противоборство с силами антиидеализма. Свобода и равенство справедливы! Почему человек жаждет их больше, чем любое животное? Ибо он — высшая форма жизни.

Но быть высшим — это значит быть более сложным. Почему же все люди хотят свободы и равенства? Но это же чистейший идеализм.

Жарль как безумный пытался оживить свои убеждения. Когда такого рода сомнения посещали его раньше, он спасался от них в ярости, ненависти и тирании. Но сейчас его эмоции не принадлежали ему. Очищающий поток ярости не поступал. И сухой, мертвый мир фактов и деяний противостоял ему.

Страшными усилиями воли он вызывал в памяти тех прихожан, которых он видел страдающими; он симпатизировал многим, хотел помочь. Но теперь они не казались ему живыми людьми, не вызывали в нем сочувствия.

Как отступающий под напором атаки солдат, он укрывался то за одним укреплением, то за другим, но все оборонительные сооружения таяли.

Его родители, бессердечные животные, предавшие его. Он с удовольствием посмотрит, как они будут умирать.

Дет. Он ненавидел его изо всех сил. Но почему? Дет служит реальности и честно выполняет свои обязанности. Да, Дет тебя не любит. Но кто любит тебя в этом мире, где каждый любит себя?

Новое Ведьмовство. Да, прекрасно остаться с ними, если они победят. Но они не победят, ибо проповедуют идеализм.

Шарлсон Наурия. Он любил ее. Эту любовь не уничтожить. Вот за что можно зацепиться. Сейчас он даже увидел ее. Он обожал ее. Он желал ее. И если он сможет ее убедить или заставить силой вступить в Братство Падших Сестер, он сможет овладеть ею.

Иерархия. Пожалуй, это последнее реальное убежище. Однако он почему-то не считает это настоящим убежищем, только не помнит, почему.

Иерархия. Как огромное золотое солнце, она взошла в его душе, затмевая остальное.

Но вот он превратился в пламя, сжигающее все. Послышался оглушительный грохот. Видимо, он оказался в эпицентре взрыва. Взрыв, который подавил все его эмоции, уничтожил его душу.

Затем все органы чувств погрузились во тьму.

Затем возвращение из тьмы.

Он очутился в той же самой комнате.

В том же кресле. И Брат Домас так же смотрел на него.

Ничего не изменилось!

Что хотел сделать Брат Домас? Изменить его личность? Но он не изменил! Он ведь остался Братом Жарлем! Старый дурак потерпел неудачу!

Конечно, он Брат Жарль, жрец Первого Круга, но он не останется там долго. Четвертый Круг — вот его цель. Круг освобождения. Третий и Пятый Круги просто тупики.

Конечно, он Брат Жарль. Преданный слуга Иерархии, потому что только круглый дурак не желает себе свить теплое гнездышко. Дет его друг. Дет любит его. А тот, кого любит Дет, пойдет далеко в своей карьере.

И затем, словно удар, возвратилась память. Преодолевая жуткую боль, он вспомнил.

Значит, Брат Домас не совсем потерпел неудачу. Наверняка личность его, Жарля, изменилась.

Неохотно, стыдясь в душе, в явном замешательстве, он вспомнил прежнего Армона Жарля.

Какой же сусальный идиот, слащавый тип был этот прежний Брат Армон Жарль!

Глава одиннадцатая

Брат Хулиан боялся человека, лежавшего в постели. Он смотрел на него с опаской, страхась хоть на секунду выпустить его из поля зрения.

Да, этот человек, попав к нему в плен, находился без сознания. И с такими травмами, что даже потребовалось подключить искусственное сердце. Хулиан наблюдал, как по прозрачным трубкам циркулирует кровь.

Наука Иерархии всемогущественна. С ее помощью процесс излечения ускоряется во много раз.

Но даже она не в состоянии поднять этого человека с постели, где ему придется провести еще несколько часов.

И все же Хулиан боялся его. Ведь перед ним был колдун. Даже высшего ранга, из рядов Нового Ведьмовства. А Хулиан уже успел познакомиться с могуществом новых ведьм. Этот диван! Хулиан все еще не мог спать спокойно после тех событий.

Подобные силы за пределами понимания здравого разума.

Разумеется, жрецы высшего ранга сказали, что в этих актах нет ничего сверхъестественного, безусловно, это какие-то хитрые научные опыты, изобретенные врагом Иерархии. Эта мысль в последнее время постоянно вбивалась в головы жрецов низших рангов. Были проведены специальные диспуты, посвященные данной теме. Высшие ранги заявили,

что врага скоро уничтожат. Сейчас дело за малым: изучить врага и хорошенько подготовиться к его отпору. Пока жрецы должны смотреть на все происки неприятеля со скептицизмом и докладывать обо всем.

Насколько было бы проще, если бы жрецам сообщили, что Великий Бог в своем могуществе решил сокрушить приспешников Сатаны. Если только Великий Бог существует! Ну никаких забот, если бы он существовал!

Вошел жрец Третьего Круга, осмотрел человека в постели, подрегулировал что-то в системе искусственного кровообращения и вышел, не сказав ни слова.

Что имел в виду Дет, когда посылал его, Хулиана, на эту работу?

Но что мог он, Брат Хулиан, поделывать? Он постепенно, помимо его воли, стал членом окружения Дета. А за самим Детом возвышалась фигура архиепископа Гонифация. И Брат Хулиан оказался замешанным в хитросплетениях коварной политики Иерархии, хотя всегда старался избежать этого.

По своим взглядам Хулиан принадлежал к Умеренным. Однажды он слышал речь Брата Фрезериса, и она надолго запала ему в память. Этот красивый человек, спокойный, как статуя, подарил Хулиану ощущение покоя, безопасности.

Правда, сейчас Брат Хулиан не удовлетворен политикой Умеренных, которые старались приуменьшить опасность со стороны ведьм. Если бы они испытали то же, что испытал он, они бы изменили свои взгляды и так бы не поступили. Реалисты!

Послышался слабый звук, как будто кто-то кашлянул. Человек в постели, открыв глаза, посмотрел на Брата Хулиана.

Сознание вернулось к Черному Человеку. И первой его мыслью была, когда он вернулся из мрака бессознательности, тревога за Дикона. Без свежей крови его маленький брат не проживет и трех дней.

Он собрал все силы и медленно спросил:

— Ты здесь, Дикон?

Затем он, отключив мозг, стал ждать ответа. Медленно, с трудом пришел ответ.

— Дикон в трубе. Дикон очень ослабел. Бедный Дикон! Но он видит тебя.

Труба? Вентилятор! Где-то есть вход в комнату.

Он подумал:

— Почему ты не можешь прийти?

Снова томительное ожидание. Теперь он понимал, что мозг его маленького брата не реагирует быстро от усталости. Но ответ поступил:

— Дикон ждет здесь целый день. Бедный Дикон! Ему очень трудно. Дикон надеется: большой брат укажет ему, что делать дальше.

— Жрец все еще здесь?

— Если ты повернешься чуть налево, ты увидишь его. Сейчас он не смотрит на моего брата.

Осторожно, бесшумно повернув голову, Черный Человек, увидел Брата Хулиана. Толстый жрец, казалось, полностью погрузился в свои печальные размышления.

— У тебя еще сохранилась энергия, чтобы двигаться, Дикон?

— Да, у Дикона есть еще в запасе несколько капель крови.

— Хорошо. Этого жреца легко испугать. Он сразу же убежит из комнаты, и ты можешь незаметно выскользнуть из трубы.

— А потом Дикон может прийти к своему брату?

— Да.

Черный Человек слегка кашлянул. Он еще не знал, в состоянии ли он говорить. Легкие, кажется, повинуются ему.

Брат Хулиан взглянул на него.

— Я слуга Сатаны, — сказал холодным, шипящим шепотом Черный Человек.

— Ты враг Великого Бога, — справившись с волнением, ответил Хулиан.

Черный Человек постарался изобразить на губах презрительную улыбку.

— Кто боится Великого Бога? — прошептал он. — Великий Бог не имеет власти. Он создан Сатаной, чтобы люди сохраняли надежду и было бы интересно издеваться над ними. Ведь они сопротивляются злу, страху, смерти в надежде на помощь Великого Бога.

— И все же ты в плену у Иерархии, — заметил Хулиан, почему-то трогая свою мантию у бедра.

— Да, — прошипел Черный Человек, — освободи меня, или тебе будет плохо.

Брат Хулиан снова передернулся, но затем его внимание сконцентрировалось на Черном Человеке.

— Ты же не можешь подняться с постели, — изрек он с беспокойством. — Тебе не выйти отсюда. И ты ничего не можешь сделать мне.

— Да? — шепотом сказал Черный Человек и улыбнулся. — Даже сейчас я могу протянуть свои невидимые руки к тебе. Даже сейчас эти руки схватят тебя.

Хулиан вскрикнул, вскочив со стула.

Он потерял свое бедро, испуганно посмотрел на Черного Человека, затем на стул. А потом, боясь, что нервы его не выдержат и он перестанет владеть собой, Хулиан, подняв стул, перевернул его, внимательно осмотрел.

После этого он снова поставил стул на место и сел.

И тут же подскочил снова.

Подскочил, испуганно вскрикнув и пытаясь оттолкнуть невидимые руки.

Затем Хулиан, в ужасе взглянув на Черного Человека, выбежал из комнаты.

Черный Человек услышал мягкий топот ног Дикона. На краю его постели появилась когтистая лапа, покрытая рыжей шерстью. На ладо-

ни лапы выделялась присоска, благодаря чему Дикон мог свободно бегать по полу и потолку.

Было заметно, что вампир уже полностью истощил свои силы. Черный Человек едва воспринимал его телепатические сигналы. И вот Дикон уже влез на постель.

Он похож одновременно и на паука, и на обезьяну. Покрыт рыжей шерстью, под которой ощущались эластичные мышцы. Он походил на лемура с огромными удивленными глазами.

Жуткое существо из кошмарных снов.

Но в Черном Человеке при виде Дикона шевельнулось теплое чувство привязанности. Он знал, что красноватая шерсть Дикона почти идентична цвету его собственных волос, а его мордочка, высоколобая, безногая, — подлинная карикатура на его лицо.

Черный Человек привык к этому существу и любил его как брата. Больше, чем брата, ведь это плоть от его плоти.

Он ласково погладил малышку, когда она взобралась на постель и прильнула своим странным ртом к его коже. А когда он, почувствовав слабое покалывание, понял, что кровь из его жил поступает в тельце животного, он испытал удовлетворение, даже удовольствие.

«Пей больше, маленький брат, — подумал он. — Это кровь Иерархии. Им приходится вливать в меня много крови, чтобы поддерживать деятельность искусственного сердца. Так что пей не жалея».

Внезапно Черный Человек ощутил слабость и сонливость. Видимо, полученная от Дикона кровь, обогащенная кислородом, усилила его слабость.

Как во сне, он воспринял мысли Дикона:

— Дикон стал опять сильным, брат. У него хватит сил, чтобы передать твое сообщение хоть на край света, если ты пожелаешь этого.

Добрый Дикон!

В коридоре послышались шаги. Но прежде чем Черный Человек успел послать предупреждение Дикону, тот, как молния соскользнув с постели, исчез из виду.

— Дикон вернулся в трубу, брат. Подумай о сообщении, которое должен передать Дикон. Дикон будет ждать.

Сквозь туман слабости и головокружения Черный Человек воспринимал слова Дета, его презрительный голос:

— Ну и где же эти руки, которые хватали тебя, Брат Хулиан? Ты соизволишь показать мне их? Ох, да, я совсем забыл, они невидимы. И они щипали тебя, Брат Хулиан?

Затем послышался ответ Брата Хулиана:

— Я говорю тебе, он меня касался. Он смотрел на меня, говорил со мной, а затем коснулся невидимыми руками.

— Как жестоко с его стороны! — заметил саркастический голос. — Думаю, придется поручить присмотр за ним менее чувствительному человеку. О, я верю, что невидимые руки хватали тебя. Он воздейство-

вал на твой мозг убеждением, гипнозом. Колдуны и ведьмы искусны в таких делах.

Голос стал громче. Черный Человек сквозь туман в голове понял, что Дет наклонился над ним и рассматривает его.

— Но интересно знать, насколько ему поможет хитрость, когда он оправится, чтобы идти к брату Домасу.

Глава двенадцатая

В Мегатеополисе был базарный день, но и в обычные дни народ не расходился с площади до темноты. А сегодня прихожане торопливо покинули площадь еще до заката солнца. О делах не думал никто. Мысли о приближающейся ночи заставили забыть о торговле.

Между прихожанами на рынке бродил невидимый торговец, сбивающий цены. Имя его — Ужас.

Кто осмелится пойти домой в сумерках, рискуя встретиться с одним из огромных, серых, с налитыми кровью глазами чудовищ? Или кто захочет, чтобы он оказался отрезанным от дома кромешной тьмой, как это случилось вчера с патрулем деканов? Им пришлось искать убежища в доме прихожанина. Амбер Гон, кузнец, возле дома которого это произошло, утверждал: деканы были напуганы больше, чем он.

У каждого имелось, что порассказать о событиях прошлой ночи. Тут не до торговли. Некоторые клялись, что видели ангелов — огромных, с крыльями, с горящими глазами...

Жрецы трактовали это так: Великий Бог соизволил обратить внимание на разные события, происходящие с его возлюбленными подданными. Но эта мысль вытеснялась из народа слухами о невероятных явлениях, жутких существах, о том, что даже сами жрецы испытывают страх.

Такие слухи передавались шепотом, когда люди были уверены, что поблизости нет жреца или декана. Рассказывали, как один жрец сбежал с проповеди, проходившей в часовне, когда невидимые руки сдавили его горло. Один жрец, сопровождающий группу прихожан, возвращающихся с полей, тоже убежал, хотя обязан был защитить их от сил Зла. Маленький ребенок умер от приступа болезни, ибо ни один жрец Третьего Круга не решился выйти из Святилища.

Приводилось много примеров тому, что сама Иерархия охвачена паникой. Уже два дня провинциальные жрецы сбегались в Мегатеополис. Некоторые утверждали, что прибыли на религиозный праздник, а другие не скрывали, что ищут защиты. Эти же слухи подтверждали и фермеры, прибывшие на рынок. Они заявляли, что все провинциальные святилища опустели.

Жители из соседних городов рассказывали, что в их городах вылазки Сатаны наводят ужас на прихожан и жрецов. Они были заметно потрясены сообщением, что в Мегатеополисе тоже нет покоя.

Сатана хохотал. Земля содрогалась, а Великий Бог никак не реагировал.

Все заявили о трусости жрецов.

— Почему жрецы не защищают нас? Мы все исповедались в грехах. Все мы чисты перед Богом. Жрецы считают, что это проверка. Но она чересчур затянулась. Жрецы всегда повторяли, что могут сокрушить Сатану в любой момент. Почему же они не выполняют своего обещания?

Шарлсон Наурия, пробиравшаяся на Большую Площадь, ощущала страх, смятение прихожан. Это выражалось в том, что они, люди, ругались, ссорились друг с другом, наказывали ни за что детей.

Конечно, такое смятение ей на руку, поскольку оно отвлекало от нее внимание жрецов и деканов, следящих за порядком на Площади.

Она знала, что воспользовалась возможностью побывать на Площади, нарушив приказ Асмодея. Но ситуация сложилась нетривиальная. Исчезли Жарль и Черный Человек. Жарль пробирался на встречу с Новым Ведьмовством, а Черный Человек должен был встретиться с ним. Это все, что сумел выяснить Дрик.

И вот, одетая как прихожанка, плотно закутавшись в шаль, Наурия бродила по Площади среди людей, как бы отыскивая пропавших детей.

И она действительно испытывала именно такие чувства. Да, одного из них она любила. И они оба казались ей большими детьми. Черный Человек — добрый, умный, но склонный к различным проказам, шуткам, розыгрышам. Жарль — серьезный, упрямый, озабоченный моральными проблемами.

Вот прихожанин, фигурой похожий на Жарля. Она ускорила шаг. Это был бородатый человек в низко надвинутом капюшоне. Может, он хочет скрыть тунику жреца?

Она подошла ближе. Совсем как Жарль. Это же Жарль. Смешанные чувства овладели ею, но главное — удовлетворение. Дрик говорил, что бесполезно пытаться обратить Жарля в свою веру. Но сейчас она приведет Жарля прямо на сборище, и Дрик поймет, какого нового члена она смогла завербовать.

Она перехватила его взгляд; едва заметно кивнув, она свернула в боковую улицу. После заметного колебания человек направился к ней.

* * *

Смятение овладело Жарлем. Он не надеялся так быстро войти в контакт с Новым Ведьмовством, но предвидел: впереди его ждут многие опасности, и в том числе угроза физической расправы. А с недавних пор Жарль с большим почтением относился к мешку плоти и костей — к своей особе.

И почему он тогда пошел на такой отчаянный риск без какой-либо выгоды для себя? Он ввязался в дело, связанное с величайшей из тайн, хотя на самом деле был всего лишь слабым, безызвестным идеалистом.

Разумеется, если хочешь чего-то достичь, ты должен рисковать. Задаром ничего не получишь. Гонифаций никогда не произведет его в жрецы Четвертого Круга, если Жарль не выполнит что-либо для него. И именно поэтому Жарль пошел на опасное предприятие — предательство Нового Ведьмовства!

Гонифаций! Вот это человек! Еще никогда Жарль не восхищался никем и не завидовал никому так остро, как Гонифацию. Даже Дет был ниже Гонифация. Архиепископ излучал могущество, он был создан для власти, он упивался господством. Вот такие черты отсутствовали у Дета.

Получение должности в Четвертом Кругу — и связанные с этим привилегии — вот награда, которая делает риск оправданным. Это гораздо лучше, чем возиться с безмозглыми прихожанами. Однако нужно делать все, чтобы риск был минимальным.

И вот обостренными чувствами и разгоряченным разумом Жарль следовал за Наурией в сектор прихожан. С неожиданным удовольствием он обратил внимание на богатые краски, специфические для заката солнца. Жизнь во всей полноте открылась перед ним, и она ему нравилась. Все его чувства как бы родились заново, и он наслаждался этими ощущениями. Теперь-то он ясно понял, что стал независимым человеком, свободным в том смысле, что может в любое время предаваться наслаждениям, которые дарует ему мир.

Тот идиотский идеализм, который исповедовал прежний Жарль, ослепил его, закрыл для него все возможности радоваться жизни. Но тот, другой Жарль больше не беспокоил его. Только во сне.

Теперь, когда они отошли от Большой Площади, Жарль, нагнав Наурию, пошел рядом. Он тихо сказал:

— Теперь я с вами до конца. Я много думал, когда находился больной у матери Джуди.

В ответ девушка легонько ласково пожала его локоть, и это сразу пробудило в его памяти проблему, о которой он старался не думать с тех пор, как в последний раз беседовал с Гонифацием.

Указания Гонифация Дету и Жарлю относительно Шарлсон Наурии были четкими и недвусмысленными. Если она попадетсЯ в их руки — она должна быть немедленно убита.

Конечно, если возникнет необходимость, он пожертвует ею, даже убьет ее сам, когда не будет другого выхода. Но не сейчас, чтобы не навлечь на себя подозрения.

Интересно, почему Гонифаций так заинтересован в ее смерти? Может, она знает какие-то тайны, которые смогут ускорить возвышение Жарля? Тем более следует сохранить ее жизнь, раз такая возможность предоставляется.

На город опускались сумерки. Наурия внезапно свернула в маленькую часовню для прихожан. В полумраке он рассмотрел алтарь, скамьи, изображение Великого Бога. Здесь было пусто; Наурия прошла за алтарь к стене и нащупала резьбу орнамента на деревянной панели.

Тяжелая панель скользнула в сторону. Они вступили внутрь. Жарль несколько задержался у входа, чтобы оставить на панели радиоактивный след, который послужит указателем для Дета. Девушка нетерпеливо подтолкнула его.

Панель закрылась. Они оказались в узком проходе, освещенном слабым светом ламп. Снова она коснулась панели в определенном месте — видимо, включила систему сигнализации, которую выключила при входе. Когда она пошла вперед по коридору, он, быстро нащупав кнопку, нажал ее и двинулся за ней.

В конце коридора они спустились по лестнице. Еще один коридор, еще лестница. Все чувства Жарля были напряжены.

— Эти проходы сохранились со времен Золотой Эры, — объяснила она.

Наконец Наурия остановилась.

— Вход в зал шабаша впереди, за поворотом, — сказала она. — Я хочу привести тебя туда и предложить тебе встать в наши ряды. Именно сейчас происходит встреча. Здесь, — она коснулась стены, — один из запасных входов. Им мы пользуемся в случае крайней необходимости.

Ее палец притронулся к пятну, и панель скользнула в сторону.

Новое «я» Жарля действовало и мыслило быстро. Отрегулировав излучение Жезла Гнева и поставив его на парализующее действие, он направил невидимый, слабо шипящий луч в ее живот. Она застыла, судорожно пытаясь вдохнуть воздух. Рот ее открылся, но она не могла выдать ни звука.

Жарль, схватив ее за руку, повел к нише, которую она только что открыла. Затем, четко отсчитывая секунды, он направил луч на ее голову. Когда он решил, что девушка надолго останется в бессознательном состоянии, он, закрыв панель, направился к залу шабаша.

* * *

Подернутая пурпуром тьма и голос, звучащий в ней и доминирующий над всем. Возле дальней стены темнели силуэты людей, слушающих этот голос. Фосфоресцирующий трон и на нем мертвенно-черный силуэт человека. И оттуда разносился голос.

И сразу же к Жарлю явились воспоминания. Они были такими живыми. Память перебросила мост от одного события к другому, совершенно аналогичному... Но он спохватился, вернулся в реальность, включив ультрафиолетовый прибор видения в темноте, который Жарль где-то достал.

Безболезненный для глаз желтый свет залил весь Зал, хотя видел его только Жарль. И тут для него исчезла вся таинственность. Все стало самым обыкновенным — с двумя исключениями. Зал с низкими потолками, группа людей, слушавших того, кто сидел на простом, ничем не украшенном троне...

Жарль испытал ощущение превосходства.

Единственными исключениями были такие обстоятельства: кто-то сидел на троне и что-то высокое, стоящее за тронном.

Сидящий на троне напоминал человекоподобную фигуру. Видимо, он был окружен полем, поглощающим любое излучение.

А какой-то высокий предмет за тронном озадачил Жарля, он даже не прислушивался к тому, что говорит сидящий на троне. Очевидно, эта высокая фигура не всегда находилась здесь. Она походила очертаниями на ангела. Но крупное, угрюмое, лишенное жизни лицо было безобразно, над высоким лбом маячили рога, а руки напоминали лапы рептилии и были увенчаны когтями... Демон! Он стоял за тронном, ростом вдвое выше человека, и рогами упирался в балки потолка.

Вроде ритуальной скульптуры, решил Жарль.

Эти люди очень впечатлительны — да, и очень умны, возможно. Но они дети в искусстве конспирации, иначе как бы они позволили ему проникнуть в святая святых.

Странно, но человек на троне сейчас высказал ту же мысль. Жарль прислушивался к повелительному голосу.

— Пока что вы играли в ведьм и колдунов. Это трудная и опасная игра — но все же только игра. Многие из вас вступили в наше общество только для того, чтобы приобрести могущество в данном мире, где до сих пор властью обладала только Иерархия. Я и мои помощники сразу поняли это, когда основали наше братство Новых Ведьм. Мы знали: одной великой цели недостаточно, чтобы найти сторонников и привлечь людей. Мы догадывались: вы будете подчиняться нашим приказам только до тех пор, пока это интересно для вас. И поэтому, когда вы занимались личными делами и развлечениями, мы не вмешивались.

Голос замолчал. Воспользовавшись паузой, кто-то спросил:

— Все, что ты сказал сейчас, правда. Но что ты хочешь теперь от нас, Асмодей?

Сердце Жарля подпрыгнуло.

Асмодей!

Лидер Нового Ведьмовства! Захватив его, он получит ранг не Четвертого Круга, а Седьмого, по меньшей мере! К тому же у Жарля как запасной вариант — Наурия, которую он может использовать против Иерархии, против Гонифация, если Асмодей заартачится.

— А теперь, — продолжал голос, — игра кончена. Она вступила в более серьезную фазу. До сих пор в ваших проделках вам сопутствовал успех. Но вашей стороне была неожиданность и тупоголовость жрецов низших Кругов. Иерархия приводила свои силы в готовность медленно. Да это и понятно: до сих пор ей не приходилось иметь дело с достойными врагами. И поэтому, будучи консервативной организацией, а частично из-за своего коварства, она придерживалась политики выжидания.

Но вы недооцениваете Иерархию! Она просыпается, почти проснулась, и это опасно! Ее шпионская сеть активизируется все шире. Они

идут по нашему следу. Их жрецы-преследователи уже раскрыли и продублировали наши научные тайны.

Иерархия столь могущественна, что позволяет себе выжидать. И это не простое бахвальство, когда жрецы утверждают, что они могут призвать на помощь силы небес!

Теперь скоро, подумал Жарль. Дет должен ударить. По его расчетам Декан должен быть уже у часовни. И тревоги нет. И все же он почувствовал приступ страха. Не за себя, и он тщетно попытался определить природу этого страха.

— В военное время существенна любая детали! — гремел голос с трона. Его тон создавал ощущение, что перед вами яркие, всевидящие глаза, не лишенные юмора и сочувствия. — Тем более когда мы ведем чисто психологическую войну. Страх — единственное наше оружие; со временем страх теряет свою эффективность. Тщательно спланировав наше выступление, мы поразили ужасом жрецов низших Кругов, посеяв семена сверхъестественной паники в высших Кругах. Но все наши достижения сведутся на нет, если мы остановимся на достигнутом. Мы обязаны продолжать, усиливать наступление. Именно поэтому я собрал сегодня всех лидеров, решив появиться перед вами лично.

Все к лучшему, Жарль. Все лидеры здесь. И Асмодей! Но страх, жуткий, непостижимый, все еще стискивал его тело. Если бы Дет ударил!

— Я пришел, чтобы обсудить с вами план наших операций. Инструкции, которые передаются вам на лентах, сейчас могут быть перехвачены врагом, я поговорю с каждым отдельно после этой встречи. Но я должен предупредить каждого из вас об ответственности. Вы должны понять, что я и мои помощники находимся в весьма уязвимом положении. Вполне возможно, что мы будем схвачены и уничтожены до того, как придет наша победа. В этом случае вы, занимающие ключевые посты в Ведымовстве Мегатеополиса, должны занять наше место.

* * *

Жарль стиснул руки в нетерпении. Его неясные страхи уже стали более определенными. Он ощущал какую-то угрозу и легко мог устранить ее, если бы знал конкретно, в чем она состоит.

— Наши планы давно разработаны, но они были доверены одному из вас, кто неожиданно исчез — либо убит, либо в плену у Иерархии. Следовательно, теперь мы должны сделать новые распоряжения.

Эта ссылка на Черного Человека заинтересовала Жарля, но новый приступ страха полностью захватил его. Он даже перестал слушать Асмодея. Горло у Жарля пересохло, онемело.

И все же, если бы он знал, что ему угрожает, он смог бы предотвратить опасность. Если так пойдет и дальше, то ему следует включить трейсеры, вызвав Дета, хотя Жарль полагал, что сделает это позже.

— ... критический момент приближается, — едва улавливал он слова Асмодея, — каждое ваше действие с этого момента... наполнено

смыслом. Не только ваша личная безопасность... Судьбы мира... Этот город... недалекое будущее человечества...

И в этот момент совершенно неожиданно для себя Жарль крикнул: — Вы преданы! Это ловушка Иерархии! Спасайтесь!

И затем овладел собой. Ненавидя и презирая себя за то, что он дал возможность действовать тому, другому Жарлю, настоящий Жарль включил трейсеры на максимум интенсивности. Дет должен был уловить их излучение, если он поблизости.

И Дет, вероятно, находился рядом, поскольку ведьмы и колдуны не успели даже привстать со своих мест, как деканы, вооруженные Жезлами, ворвались в зал.

И тут же из толпы сбившихся в кучу ведьм и колдунов выскочили и разбежались по полу, словно крысы, какие-то существа.

Но Жарль не успел включить свой Жезл Гнева. Все животные в одно мгновение скрылись из виду.

Асмодей был единственным, кто успел отреагировать на предупреждающий крик Жарля. Он, вскочив с трона, бросился за скульптуру Демона. Луч Жезла Гнева срезал одну из ведьм, нацелившись на него. В одно мгновение Асмодея окружило яркое сияние — это защитное поле поглощало энергию излучения Жезла. И прежде чем его генератор поля отключился от перегрузки, Асмодей уже укрылся за скульптурой.

Жарль бросился вперед, надеясь поразить его сбоку. Хотя Асмодей и смог укрыться, но долго он там не продержится.

Однако Асмодей спрятался не за Демоном, а внутри его.

Сильный удар — включение поля — бросил Жарля на пол. Демон двинулся, поднялся в воздух и, сопровождаемый десятком лучей Гнева, вылетел через отверстие в потолке.

Лежа на полу, Жарль понял его первое впечатление неправильно. Демон похож на ангела во всем, в частности и в том, что может летать. Демон исчез в круглом отверстии, которое наверняка вело наружу и было замаскировано под каменную трубу.

Дет доложил, чтоверху патрулируют ангелы. Это была последняя надежда схватить Асмодея.

Глава тринадцатая

В серо-жемчужном Зале Высшего Совета Гонифаций смотрел на брата Фрезериса, обвинявшего его. Голос старого Умеренного был шелковым.

— Правильно ли я понял твою цель, когда Дет принес сюда эти инструменты?

И он широким жестом показал на блестящие аппараты, расставленные перед столом Совета. В центре находилось кресло с ремнями. Вок-

руг аппаратуры суетились жрецы Четвертого Круга под руководством Дета. Они проверяли приборы.

Гонифаций кивнул.

— Пытки! — Фрезерис произнес это слово с негодованием. — Неужели мы стали варварами и опустились до такой жестокости?

Жестокость действительно шокирует их, весело подумал Гонифаций. Интересно, как он называет увеличение налогов с прихожан, которые стонут под тяжестью бремени.

Фрезерис продолжал:

— Наш брат Гонифаций неожиданно информировал нас, что его агенты захватили людей, которые, как он утверждает, опасны для Иерархии. Эта акция совершена без согласия Совета, что является грубым нарушением наших законов. Теперь Гонифаций заверяет нас, что пленники — члены Нового Ведьмовства. И в довершение всего он не воспользовался научными методами извлечения правды, он решает — опять же единолично — прибегнуть к физическому воздействию. Почему, я спрашиваю Совет, такой возврат к варварству? — Я скажу вам, почему, — продолжал Фрезерис. Его музыкальный голос спустился на октаву ниже и заварьировал. — Гонифаций стремится захватить абсолютную власть. Он создает Иерархию внутри Иерархии, клику жрецов и деканов, преданных ему. Я докажу, что он использует такие же методы в Ведьмовстве, чтобы, вызвав мировой кризис, захватить власть под предлогом спасения Иерархии.

Обведя взором лица членов Совета, Фрезерис приготовился обвинять дальше, но ему не удалось даже начать.

Архиепископ Джомальд, представитель Реалистов, поднялся и произнес просто, словно речь шла об обычном деле:

— Брат Фрезерис свергнул Иерархию в состояние большой опасности, тормозя выполнение наших акций против Нового Ведьмовства. Он продолжает это осуществлять и сейчас. Его действия крайне подозрительны. Я требую его экскоммуникации на год и прошу, чтобы голосование было проведено сейчас.

Фрезерис посмотрел на жреца с холодным презрением, как бы порицая его за эту непочтительность, с которой тот прервал его.

— Я поддерживаю это! — неожиданно выкрикнул Серциваль.

А Фрезерис все еще стоял с холодным непониманием, словно ожидая, когда эти грубые выкрики закончатся и он сможет продолжить свою речь. Держался он великолепно.

Его приверженцы, Умеренные, поняли, что случилось, раньше, чем он. И они были скорее испуганы, чем негодовали.

— Есть возражения против голосования? — спросил Джомальд.

И медленно, неуверенно один из Умеренных стал подниматься, беспокойно глядя на членов Совета. Оценив обстановку — обстоятельства изменили его намерение, — он сел.

И только теперь Фрезерис понял.

К его чести, это не нарушило его спокойствие. Его лицо было полно величия.

Один за другим сжатые кулаки ложились на блестящую крышку стола. Фрезерис величественно смотрел на архиепископов, голосующих против него. Он был похож на человека, презирающего своих противников.

В конце концов ни одна рука не легла ладонью на стол, обозначая негативное отношение к предложению. Воздержались лишь двое Умеренных, да и те чувствовали себя беспокойно.

— Привести приговор в исполнение! — крикнул Джомальд жрецам Четвертого Круга.

Архиепископы теперь понимали: эта акция была заранее обдумана и спланирована.

А Фрезерис так и остался спокойным. Он стоял, будто мраморная статуя, презирая и своих врагов, и предавших его друзей.

И как мраморная статуя, он принял приговор. Невидимые лучи направились на его голову, блокируя его сенсорные органы. Первыми отключились оптические нервы. Фрезерис, подняв руки к своим ослепшим глазам, не успел тронуть их — отключились осязательные нервы. Он качнулся и тяжело рухнул на стол, которого он не мог ощущать.

Более беспомощный, чем ребенок, Фрезерис лежал на столе, исключенный из мира и Иерархии, обреченный целый год оставаться в аду собственных мыслей, — год, который покажется ему вечностью, ибо у него даже не было средства измерить время.

И когда жрецы вышли вперед, чтобы убрать лежащего лидера, брат Джомальд заговорил снова:

— Я требую, чтобы все наши ресурсы для борьбы против общего врага были переданы архиепископу Гонифацию, которого нужно объявить мировым Иерархом до тех пор, пока Ведьмовство перестанет быть угрозой. В течение этого периода Высший Совет останется только со- вещательным органом.

Данное предложение тоже прошло единогласно. Даже старый Серциваль, от которого можно было ждать отчаянной борьбы за независимость, проголосовал вместе со всеми. Гонифаций поднялся и сказал:

— Приведите пленников. Начнем допрос.

Это вызвало неожиданные возражения старого Серциваля. На его морщинистом, будто изжеванном лице отразилась такая ненависть, что всем стало не по себе.

— Я требую, чтобы мы не вели никаких разговоров с агентами Сатаны. Если нет сомнений, что они ведьмы и колдуны, их следует убить немедленно! Я проголосовал за предоставление тебе высшей власти, — продолжал он, — ибо считаю тебя сильным человеком, желающим и способным драться без пощады с Богом Зла. Никакой пощады ведьмам!

— Я слышал твое мнение, — ответил Гонифаций. — Ты не увидишь во мне сочувствия врагу. Но допросить необходимо.

Сердиваль неохотно сел.

— Я считаю, что они должны быть убиты, — пробормотал он.

Но внимание всех уже переключилось на ведьм, которых вводили в зал деканы. С плохо скрываемым любопытством архиепископы рассматривали врага, они впервые получили возможность встретиться с ним лицом к лицу.

Первое впечатление казалось ободряющим. Все пленники одеты в грубые туники. Они не сопротивлялись грубым толчкам деканов — это создавало ощущение покорности. Нет, такие люди не вызывают страха. Они больше похожи на банду грабителей, хотя среди них есть и женщины. И некоторые очень симпатичные. Если бы их приодеть, вымыть и навести марафет, они бы пользовались большой популярностью в квартале Падших Сестер. А сейчас эти враги производили впечатление ничтожных существ.

Но следующее впечатление уже не было таким обнадеживающим. Лица этих людей, конечно, более интеллигентны, чем лица обычных прихожан. То, что на первый взгляд казалось тупым безразличием, оказывалось задумчивостью. И ощущался дух солидарности, взаимной поддержки. Было очевидно, что люди не испуганно покорились грубому обращению с ними, а игнорируют такое обхождение: они выше мирских дел, сконцентрировавшись на более важных проблемах.

Впечатление глубокой задумчивости было самым тревожным. Создавалось ощущение, что люди находятся в мысленном контакте с какими-то силами вне Зала Совета.

Кивком головы Дет приказал жрецу Второго Круга начать процедуру. С того времени, как Гонифаций принял высшую власть, Дет сбросил маску покорности со своего лица, и все отметили, насколько оно безобразно. Его наглые взгляды в сторону членов Совета говорили больше, чем слова:

— Теперь я второй человек в Иерархии.

— Вы обвиняетесь в заговоре против Иерархии, который вы приняли, изобразив из себя ведьм и колдунов, слуг Сатаны. Если кто-либо из вас встанет, признает свою вину и расскажет все без утайки, он избежит пыток.

Тут же одна из женщин начала трястись, извиваться в судорогах, запрокинув голову с закрытыми глазами. Ее движения становились все более резкими, колени подгибались, будто она с трудом держит себя на ногах.словно какая-то невидимая сила трясла ее. Внезапно она упала, и рот ее перекосило.

— Господи, защити нас! — пронзительно закричала она, извиваясь на полу. — Сатана, помоги своим слугам!

В серой стене Зала материализовалось огромное волкоподобное чудовище. Глазницы его, казалось, были наполнены горящими углями. Зверь медленно подошел к столу Совета, громадный, как дом, настоящее воплощение зла и разрушения.

Архиепископы вскочили. Они не могли сдерживать своих эмоций. Жрецы низших рангов бросились врассыпную.

— Рассей его, — коротко бросил Гонифаций Дету. Затем он тоже встал. — Неужели вы не видите, что это просто телесолидографическая проекция!

Эта фраза будто хлестнула перетрусивших архиепископов. Гонифаций пожалел, что тут нет Фрезериса. Он бы сумел держать себя в руках.

Архиепископы медленно приходили в себя. Они убедились: действительно, через громадное тело чудовища просвечивают стены Зала. Более того, огромные лапы с когтями ступали иногда выше пола Зала, иногда ниже его уровня.

И тут начали работу техники Дета. Целые куски тела чудовища таяли в воздухе. Оставались только незначительные части, на которых техники не смогли сфокусировать излучение. Это зрелище стало более пугающим, чем внезапное появление чудовища. В воздухе в разных местах остались части уха, жуткая челюсть, горящий адским огнем глаз...

— Остальное можно не рассеивать, — холодно сказал Гонифаций. — Я просто хотел продемонстрировать вам, что это не исчадие ада, а обычная телесолидографическая проекция. Наши Братья из Четвертого Круга недавно создали многочастотный нейтрализатор. Все эти явления имеют фотонную природу и создаются на принципе интерференции. Чтобы окончательно избавиться от таких явлений, нам нужно найти и уничтожить телесолидографические проекторы. Это только вопрос времени. Даже если не учитывать информацию, которую мы получим сегодня. — Он многозначительно посмотрел на группу ведьм. — Мы легко можем изолировать этот Зал и все Святилище от появления призраков. Но в этом нет необходимости. Если мы это сделаем, то создастся ошибочное представление, будто мы боимся. — Затем его голос стал суровым. — Я требую: все жрецы и деканы не должны обращать внимания на призраки, являющиеся в их кельи! И в этот Зал!

И архиепископ сел. Зал тут же осветился ярко-красным светом, в котором все дрожало и стало плохо различимо. Предметы и люди потеряли определенность очертаний.

Забыв о приказе Гонифация, архиепископы вскочили, сбившись в кучу у противоположного края стола. Ибо на том месте, где минуту назад сидел Всемирный Иерарх, находился огромный красный дьявол. Его голова, украшенная рогами, покачивалась из стороны в сторону, а глаза злобно глядели на жрецов. Огромная рыжая борода закинута за плечо.

И внутри этого красного ореола смутно виднелась фигура Гонифация, как древнее насекомое, заточенное в кусок янтаря.

Гонифаций встал, и на мгновение голова его очутилась вне красноты. Но дьявол тоже поднялся.

Среди ведьм началось движение. Они упали на колени, вытянув вперед руки, и закричали:

— Господин! Господин!

Старый Серциваль поднял дрожащую руку. Его глаза смотрели не моргая. Видимо, он был больше испуган, чем того желал.

— Что это значит? — завопил он. — Неужели мы голосовали за самого Сатану?

Техники Дета работали вовсю. Они снимали солидографическое изображение с Гонифация

Но тут послышались изумленные возгласы деканов. Чернильное облако мрака внезапно окутало коленопреклоненных ведьм и начало распространяться, угрожая заполнить весь зал. Из облака выскочили охранники-деканы, бросившись к противоположной стене.

— Жезлы Гнева! — крикнул Гонифаций. — Направляйте лучи во мрак на уровне пояса. Нейтрализатор не сможет уничтожить это облако!

Лучи фиолетового огня ударили в облако. Оно начало извиваться, как живое существо, стремясь поглотить всех. Затем подалось стремительно к выходу. Но лучи догоняли его, и постепенно чернота исчезла.

— Если еще одно телесолидографическое изображение появится здесь, мы будем убивать ведьм, — громко произнес Гонифаций. — Пять ведьм за призрака.

— Почему бы их не убить всех сразу? — воскликнул старый Серциваль. — Я же советовал тебе это с самого начала.

— Это я решаю, — ответил Гонифаций. — В этом деле есть такое, что тебе не понять.

Серциваль сгорбился, сел на место, что-то бормоча. Было очевидно: некоторые архиепископы не прочь последовать совету старого фанатика.

— Начать допрос!

Два декана, схватив одну из ведьм, потащили ее к креслу. Это оказалась красивая девушка, слишком хрупкая для прихожанки. Кожа у нее нежная, черты лица тонкие и правильные.

Она шла спокойно к креслу, но потом начала отчаянно сопротивляться, царапаться, кусаться, но стоило ее привязать, жрецы оставили ее.

Клерк стал громко читать:

— Мьюдон Чемми — так тебя зовут, хотя ты это отрицаешь. Мой долг посоветовать тебе отвечать на все вопросы честно и без утайки. В противном случае ты вынудишь нас на неприятную необходимость заставить тебя говорить. Иерархия милосердна, и она не признает телесных пыток. Наши жрецы разработали методы воздействия на болевые центры. Таким образом, тело человека остается целым и невредимым, и нет опасности, что человек умрет во время пыток.

Клерк сел.

Медленно подошел Дет к креслу, повернулся к ведьме.

— Как твое имя?

Пауза. Затем ведьма ответила:

— Слуги Сатаны не имеют имен.

Дет расхохотался. Было неприятно сознавать, что он подавлял в себе такой смех много лет. Он продолжал:

— Твое имя Мьюдон Чемми, прихожанка Одиннадцатого участка, красильщица, жена Мьюдона Ричарда. Ты это отрицаешь?

Ответа не последовало.

— Мьюдон Чемми! Ты обвиняешься в заговоре против Иерархии.

— Ваш клерк сказал больше, чем это. — Голос был слабый, но звонкий. — Он сказал, что я... все мы... уже приговорены.

— Правильно. Но если твои ответы удовлетворят нас, ты спасешься от боли и пыток. Скажи, каким образом вы организовали заговор?

— Я следовала указаниям Сатаны.

Дет рассмеялся.

— Каким указаниям?

— Стать орудием его божественной воли. Накладывать заклятья, проклинать, мучить тех, на кого Сатана укажет мне.

Снова Дет рассмеялся.

— По-видимому, ты привыкла использовать бессмысленный жаргон для описания своих действий. Но нас интересует не это. Нам нужны факты. Каким научным процедурам ты обучена?

— Я не знаю таких процедур. Сатана всемогущ, и он не нуждается в помощи.

Дет перевел взгляд на главного техника.

— Ты готов?

Жрец кивнул. К креслу начало придвигаться тяжелое металлическое покрывало. Оно сомкнулось над головой ведьмы в виде колпака. Спадающие складки следовали линиям ее тела.

Дет снова посмотрел на ведьму.

— Принимая во внимание твою хрупкость и женственность, мы не будем жестоки к тебе. Пытка остановится сразу, как только ты попросишь. Но пойми, мы не хотим далее выслушивать твою чушь о Сатане и сверхъестественных силах. Обязан тебе напомнить: сейчас ты находишься не перед тупыми прихожанами.

За столом Совета возникло движение. Такие переговоры с жертвой были в высшей степени противозаконны. Старый Серциваль негодующе что-то бормотал, другие архиепископы вопросительно смотрели на Го-нифация, но тот избегал встретиться с ними взглядом.

— Мьюдон Чемми, у тебя еще есть шанс, — продолжал Дет. — Если ты сообщить нам факты и они будут правдивыми и удовлетворят нас, мы будем милосердны к тебе.

Лицо ведьмы под колпаком казалось маленьким, как у ребенка.

— Как вы можете быть милосердны ко мне, вы же сами признали, что Иерархия не верит в Великого Бога. Разве вы отпустите меня? Тогда

я расскажу о случившемся прихожанам. Разве вы позволите себе такой риск?

Дет улыбнулся.

— Ну вот, мы и пришли к определенному выводу. Наконец-то ты признала: все акции — только научные штучки.

— Нет, не так. Более, чем столетие Сатана позволял вам считать, что вы проникли глубоко в человеческий мозг и ваши пытки стали более изощренными. Сатана есть! Он правит в Аду, который вы называете космосом.

За столом Совета движение. Гонифаций игнорировал его.

Он сделал Дету знак.

— Мьюдон Чемми! — гаркнул он свирепо. — Кто ваш предводитель?

— Сатана!

— Чепуха! Пусть боль войдет в пальцы левой руки.

И с этими словами напряжение в Зале увеличилось. Жезлы Гнева предупреждающе нацелились на ведьм. Но те, закрыв глаза, молились своему темному божеству.

И затем из-под металлического колпака донесся звук — ведьма втягивала в себя воздух сквозь сжатые губы.

Но Гонифаций не слышал, хотя прислушивался внимательно. Потому что в это самое мгновение пальцы его левой руки будто погрузились в расплавленный металл.

Сверхъестественным усилием воли он заставил себя отдернуть руку, не вскрикнув. С еще большим усилием он принудил себя взглянуть на членов Совета, если он и вздрогнул, то никто из архиепископов не заметил этого движения.

— Мьюдон Чемми, кто ваш настоящий предводитель?

— Сатана! Сатана!

Гонифаций позволил себе взглянуть вниз на руку девушки. В ней не было ничего необычного, за исключением того, что косточки побелели. Он медленно передвинул руку, боль исчезла.

— Пусть боль войдет в кость. Кто — без повторений, прошу тебя, не называй больше Сатану — ваш предводитель?

— Он... о, дай мне силы, Сатана! Он... Асмодей!

Гонифаций чувствовал себя так, будто на руках у него надета раскаленная перчатка.

— Кто такой Асмодей?

— Сатана. Помоги мне. Он король Демонов.

— Боль во всю руку. Кто Асмодей?

— Король... Демонов...

— Мы знаем, что он человек. Как его настоящее имя?

— Король... — приглушенный вскрик. — Пусть Сатана сожжет вас!

Я не знаю!

— Значит, Асмодей человек?

— Да... нет... не знаю. Сатана, сожги их всех, как они сжигают твоего слугу!

Гонифаций чувствовал, как по его лбу стекают капли пота. Боль, непереносимая боль поднималась все выше и выше.

Нужно подумать.

— Мьюдон Чемми! Кто такой Асмодей, как его настоящее имя?

— Не знаю...

— Ты видела его?

— Да... нет... да... Мьюдон Чемми, Сатана! Твоя преданная слуга!

— Как он выглядит?

— Не знаю... чернота... и голос...

Пот струйками стекал со лба Гонифация. Еще немного, и ведьма сломается! И эта боль должна же иметь источник! Думай!

— Отлично, Мьюдон Чемми, оставим пока Асмодее. Где ваша штаб-квартира?

— Я не... там, где вы схватили нас...

— Это только место встреч. Где ваш настоящий штаб?

— Я не... его нет.

— Ложь! Ты что-то знаешь, так как дважды начинала говорить... Где ваш штаб? Где находится вся аппаратура?

— В... ее не существует. Сатана не нуждается...

— Боль в плечо.

Жуткая боль поднимается выше. Думай! Какой-то шум в дальнем конце Зала. Двери Зала открылись. А из группы коленопреклоненных ведьм — тихий ритмический непрекращающийся гул... Как приглушенный барабан.

— Сатана, помоги нам!

— Где штаб, Мьюдон Чемми? Ты на Большой Площади. Ты идешь в штаб. Ты идешь по улице иходишь в него. Что это за улица?

— Тка... нет! — пронзительный крик.

— Ты идешь по улице ткачей. Ты ощущаешь запах шерсти. Ты слышишь, как бегают челноки. Ты уже свернула. Куда?

— Нет, нет! Мьюдон Чемми зовет тебя, Сатана!

От дверей к столу Совета спешит группа жрецов. Их мантии громко шуршат. Медленно, с усилием Гонифаций встает; левая рука его висит, левое плечо опущено, словно он держит страшную тяжесть.

— От плеча...

— Прекратить допрос, — приказал Гонифаций, физически ощущая все взгляды, направленные на него.

Дет подождал мгновение, затем, пожав плечами, дал знак техникам.

С оглушительной внезапностью к Гонифацию пришло облегчение. Он глубоко вдохнул воздух, будто вынырнул из ледяной воды. Казалось, весь зал плывет перед его глазами, и он даже ухватился за край стола.

— В чем дело? — спросил он жрецов. — Только серьезная причина может оправдать ваше появление здесь.

— Прихожане идут к Святилищу! — воскликнул один. — Они бросили работу. Все попытки остановить их провалились. Двух деканов разорвала толпа на части. Жрец Пятого Круга, приказавший им остановиться, схвачен, над ним надругались. Он все еще у них. Они уже заполнили Большую Площадь. Они требуют ответа, почему мы все еще не сокрушили Сатану и не покончили с царством Ужаса. Люди кричат: «Что такое Новое Ведьмовство?» Они избивают любого жреца, который пытается вразумить их.

Тревожный шедот прошел вокруг стола Совета. Гонифаций услышал слова:

— Военный удар! Очистить Площади!

Узнав среди пришедших жрецов одного из Центра коммуникации, он приказал ему говорить.

— Такие же волнения происходят и в других городах Земли. Наверное, происходят по сигналу. Толпа ворвалась в Святилище Неоделоса. Ее удалось вытеснить оттуда, но с большими жертвами. Отовсюду требуют объяснений.

Гонифаций быстро заговорил:

— Направить на всю мощность парасимпатическое облучение на Площадь. Через усилители объявить, что завтра праздник, на котором Великий Бог явит свои чудеса и даст знак грядущей победы над Сатаной. Передать этот приказ по всем Святилищам. Обратит внимание, чтобы использовали полностью парасимпатическое облучение. Если толпа не разойдется после облучения, загипнотизировать ее музыкой. И ни в коем случае не использовать силу! Если толпа займет Святилище, я буду считать это просчетом в работе жрецов. Всем убитым прихожанам организовать пышные похороны. Свяжитесь со всеми Святилищами. Передайте, что инструкции по проведению праздника передадут вечером по времени Мегатеополиса. Каждые два часа сообщать мне сведения об общей ситуации.

Клерку:

— Предоставить мне информацию о предыдущих празднествах, включая и солидографические записи.

Другому клерку:

— Собрать группу социального контроля Шестого Круга. Высшему Совету нужна их консультация. Передать Брату Домасу, что я хочу с ним поговорить, когда он освободится.

Третьему клерку:

— Передать группе физиков Пятого Круга, чтобы они создали телесолидографический барьер вокруг Большой Площади. Все ресурсы в их распоряжении. Они могут использовать любую аппаратуру. Но экран должен быть готов к завтрашнему утру.

Четвертому клерку:

— Свяжитесь с кораблем, доставляющим нам подкрепления из Люциферополиса. Передайте, чтобы поторопились.

Дету:

— Всех пленников по камерам. Держать поодиночке. К каждому приставить двух охранников. Приготовьтесь к самым фантастическим попыткам освобождения. Возлагаю на тебя всю ответственность. Сейчас начнется Тайный Совет, всем очистить зал!

— Ты все еще не хочешь убить ведьм? — раздался едкий голос Серциваля. — Из признаний этой женщины следует, что все они агенты Сатаны. Глупо и опасно оставлять их живыми, это вызов Великому Богу.

— Нам необходимо получить от них информацию, — резко ответил Гонифаций. — Я прервал допрос, поскольку у нас сейчас более важные дела. Нам нужно подготовиться к Празднеству — Воскресению Великого Бога.

Серциваль покачал головой. Огонек безумия или пророчества вспыхнул в его глазах:

— Мы все должны пасть на колени и просить прощения у Великого Бога за долгие годы неверия. Иначе впереди нас ждет тьма, конец для всех нас!

— Ты устал и находишься в смятении. Но я подвергну экскомуникации любого жреца, который упомянет Сатану и сверхъестественную силу.

Ведьмы, уходя, монотонно пели, и их пение заполняло Зал Совета.

— Благодарим тебя, Сатана! Благодарим тебя, Сатана!

Глава четырнадцатая

Когда Жарль, активировав дверь в свои апартаменты в Святилище, увидел загоравшуюся эмблему Четвертого Круга, он нахмурился. Все-таки Гонифаций недостаточно вознаградил его, если учесть важность содеянного. Правда, Асмодею удалось скрыться. И воспоминание об этом было горьким. Жарль не мог простить себе, что не сдержал в себе порывы прежнего Жарля, выкрикнув предупреждение об опасности. Но нельзя отрицать — ему повезло: этот его промах так и не всплыл на свет. Никто ничего не узнал.

Войдя в апартаменты, Жарль первым делом реактивировал замок. Ему было немного обидно, что Дету одному поручили арестовать ведьм. Однако Гонифаций подчеркнул, что он, Жарль, не должен быть на виду, а останется тайным агентом. Гонифаций признался ему, что он первый, кто вернулся в Иерархию после отречения от нее.

Во всяком случае кое-какую компенсацию он получил, решил Жарль, оглядывая свое новое жилище. Он прошел во вторую комнату, обставленную с такой же роскошью, как и первая, затем в третью. Каждый раз он активировал запоры.

На диване, с бледным запрокинутым лицом, с руками, сложенными на груди, как у мертвой, лежала Шарлсон Наурия.

Он долго смотрел на нее. Затем, включив антипарализующее устройство, привел ее в сознание. Глаза ее открылись. Он прочел в них ненависть и воспринял это, как комплимент.

Девушка, поняв его мысли, произнесла медленно, раздельно:

— Ты отвратительное чудовище, гнусный эгоист.

Он улыбнулся:

— Не эгоист, а реалист!

— Реалист! — Презрение дало ей силы. — Ты сейчас не больше реалист, чем тогда, когда был слепым и упрямым идеалистом. Ты просто мошенник. Я думаю, что каждый идеалист, пока лицом к лицу не столкнется с фактами жизни, в глубине души считает, что мошенничество — это самый романтический и интересный способ жизни. И когда они изменили твою индивидуальность, на первый план проступили именно такие стороны твоего характера, как неограниченная амбиция, абсолютное отсутствие эмоций и прочие атрибуты идеологии мошенников.

Она помолчала. Глаза ее широко открылись:

— Тебе нравится, когда я говорю с тобой таким образом?

Он кивнул:

— Конечно. Потому что я реалист. Опыт учит меня, что ненависть находится рядом с любовью.

— Еще одна глупая романтическая выдумка!

Она даже задрожала от гнева.

— Реалист! Ты что, не понимаешь, ведь ты ведешь себя, как последний идиот? Ты уяснил, что подвергаешься страшному риску, когда ведешь двойную игру с таким человеком, как Гонифаций? Реалист! Вспомни о своем безумном поступке, когда ты притащил меня сюда. Подумай, что ожидает тебя, если об этом факте станет известно Гонифацию!

Он улыбнулся.

— Это было необходимо. У меня нет никого, кому бы я мог довериться. И кто будет тебя искать здесь? Гонифаций доверяет мне. Он даже мысли не допускает, будто я в силах предать его.

Она посмотрела на него.

— А что, если я сама откроюсь?

— Ты этого не сделаешь. Ведь ты знаешь, что в этом случае тебя ждет немедленная смерть по приказу Всемирного Иерарха. Вот так обстоят дела. Скажи, почему он так хочет убить тебя? Вероятно, ты знаешь о нем такое, что может поколебать его положение. Скажи мне, в чем суть? Тогда мы вдвоем постараемся скинуть его, когда все успокоится.

Она отвернулась.

— Будь реалисткой, — продолжал Жарль убеждать ее. — Неужели ты не осознала мое предложение? Во всяком случае, ты обязана меня благодарить, что я избавил тебя от больших неприятностей. Се-

годня утром все твои друзья подвергнутся пыткам. Да, твой друг, Черный Человек, передан Брату Домасу. Так что тебе, вероятно, его не узнать, если суждено еще встретиться.

— Значит, они намереваются... — Она пыталась справиться с собой.

— Пробудить в нем состояние здорового реалистического эгоизма. Да. Так что, Наурия, с Вельдством покончено. Это только вопрос времени. И тебе нет смысла сохранять верность. Ты должна понимать это.

Она долго смотрела на него. Затем спросила:

— Тебе сейчас снятся сны?

Он не улыбнулся.

— Нет, — ровным голосом ответил он.

Она медленно покачала головой.

— Ну, конечно, — она не отрывала от Жарль взгляда.

— Сны ничего не означают. Они не реальные.

— Они так же реальные, как и все остальное. Они — наша совесть.

На долю секунды ее взгляд устремился в сторону. Жарль обернулся. Ничего. Только запертая дверь.

— Совесть — это только социальное явление, — сказал он, чувствуя, что непонятное напряжение овладевает им. — Нечто такое, что заставляет человека принять мораль и делать то, что хотят от тебя окружающие, и боясь их суда. Реалистическое отношение к действительности освобождает человека от idiotских уз совести.

— И ты уверен в этом, Жарль? Как насчет твоих снов? Конечно, совесть — это частично то, о чем ты говорил, но и гораздо большее. Это концентрация самых мудрых мыслей, когда-либо рожденных человечеством.

— Ты хочешь убедить меня в существовании нереальности? А потом ты заговоришь об идеалах?

— Безусловно заговорю. Ведь именно идеалы мучают тебя во сне. Я видела, как растут твои идеалы. Вероятно, они росли слишком быстро, и твои корни не выдержали. Сейчас твои идеалы сломаны, обезглавлены и засунуты в самые темные углы твоего подсознания. Но они есть, Жарль, — это твой личный ад. Ночью дверь в твой мозг открывается, и идеалы являются к тебе.

Снова ее взгляд в сторону насторожил его. Он обернулся, и в это время на него бросилось мохнатое существо. Острые, как бритвы, ногти полоснули щеку, хотя удар был нацелен в горло. Жарль успел схватить зверька, отшвырнув его в сторону. Тут же рука его нащупала Жезл Гнева, и луч разрезал животное пополам. На полу образовалась большая лужа крови, слишком большая для животного такого размера.

Он склонился над ним, затем отошел. Ему показалось, что огромные глаза лемура, уже начавшие стекленеть, смотрели на него с жуткой ненавистью. У него даже возникло страшное предположение: не убил ли он Шарлсон Наурию?

Жарль оглянулся на нее. Она сидела в кресле и было видно, что силы оставляют ее. Она не плакала, но плечи ее опустились и вздрагивали. Скорбь по животному и невыразимая ненависть к Жарлю соединились в ней.

— Неужели это существо так много значит для тебя? — спросил он, быстро посмотрев на нее. И тут в нем мелькнула догадка. — Кажется, я понял, — медленно проговорил он больше себе, чем ей. — Я не биолог, но понял тайну ваших вампиров. И Всемирный Иерарх будет рад услышать это.

— Ты убил Пусса, — услышал он ее голос.

— Твою сестру, так я понимаю? — улыбнулся он. — Она уже пыталась убить меня, пока ты отвлекала мое внимание, так что все справедливо. Не думай, что я прошу пощады. Мое открытие обеспечит новую эмблему на моей мантии и еще одну лопату земли из той ямы, которую мы копаем, чтобы навеки похоронить Новое Вежество.

Он взглянул на нее внимательно. Кровь сочилась из глубокой царапины на щеке.

— Мне нравится твое самообладание, твои нервы, — сказал он. — Когда все кончится, нам будет хорошо вместе. Я надеюсь, мне удастся уговорить брата Гонифация простить тебя, и тогда Брат Домас настроит твой разум на нужный лад.

Наурия попыталась подняться, но не смогла. Она успела только сказать, хотя каждое слово стоило ей больших усилий:

— Ты ничтожный, грязный мошенник.

Он кивнул, улыбнувшись.

— Ты права, — и направил парализующий луч на нее.

Глава пятнадцатая

Дикона не было уже четыре дня. Снова и снова Черный Человек отключал свой мозг, стараясь услышать мысленное послание. Но оно не поступало. Без сомнения, трудная работа — отключить мозг, ибо недавнее свидание с Братом Домасом превратило его мозг в подобие хаоса. Он стал как планета, охваченная бурной вулканической деятельностью: из бушующего моря возникали новые континенты и архипелаги, все береговые линии изменились.

Да, это настоящая охота, где Домас охотник, а он добыча. И Черный Человек выиграл. Его плохое физическое состояние потребовало прекращения сеанса, когда Домас еще не достиг цели. Но стоит ему поправиться здесь, в келье, охота начнется.

И если он выиграет второй раз, преследование продолжится и дальше.

А затем... он видел, что происходило с Жарлем. Ренегат жрец в большом фаворе у Гонифация и даже пользуется доверием самого Дета. Жарль уже дважды посещал келью, где лежал Черный Человек.

Он еще раз отключил свой мозг, хотя это давалось ему все труднее. От Дикона никакого ответа. Теперь Черный Человек находится в госпитальной камере, в металлической келье, которую охраняют два декана. Ничто, кроме телепатических сигналов, не проникнет сюда. И Дикон не знает, где он находится. Вероятно, зверек сейчас разыскивает его по всему Святилищу, что представляет для него известную опасность.

Снова Черный Человек отключил свой мозг. Опять никакого ответа. И затем его фантастические мысли, искаженные стараниями Брата Домаса, ворвались в его отключенный мозг.

Дикон пробирался в темноте по круглым трубам, полагаясь только на свое осязание. Осязательные центры расположены на его лапах с присосками.

Дикон не беспокоился. Такие эмоции слишком сложны для него, обладателя упрощенного разума. Даже жалость к самому себе была только рефлексом. Но он понимал, что кровь уже медленнее струится в его жилах. Придет время, когда он не сможет двигаться.

Но пока этого не случилось, он должен исследовать еще несколько ветвей этого огромного полого дерева — так Дикон представлял себе вентиляционную систему Святилища.

В трубах очень ветрено. Поэтому ему все время приходилось пользоваться присосками, иначе бы его покатило по трубам. Дикон считал себя копией человека. Кости его чрезвычайно легкие, в теле ни одной жирной клетки, внутренние органы уплотнены до максимума — одна полость, которая служила для запаса крови и для обеспечения кровообращения. Все физиологические субстанции, вырабатываемые живым организмом для обеспечения функционирования, Дикон получал вместе с кровью, высасывая ее из своего символического партнера. Ему не нужно было дышать, хотя он мог втягивать воздух в ротовую полость и издавать при этом звуки, что позволяло ему даже говорить. У него отсутствуют лапы, а плотная шерсть надежно защищает его от потери тепла.

Только скелет, мышцы, связки, кожа, шерсть, сердце, упрощенная система кровообращения, нервная система, острые уши, глаза — вот и личность, такая же упрощенная, как его физиология.

Цель тех, кто создавал это искусственное существо, — получить быстрый и юркий организм за счет уменьшения веса и большого числа функций организма. Единственным и неизбежным недостатком считалась зависимость от партнера либо другого источника пополнения крови. И активность существа катастрофически падает, когда требуется пополнить запасы свежей крови.

Однако все эти моменты не беспокоили Дикона. Принимая во внимание его назначение, определенное природой, у него был фантастический взгляд на жизнь. Он всегда оставался стойким.

И вот, не испытывая страха, Дикон пробирался по трубам. Если бы было светло и кто-либо увидел бы Дикона, его приняли бы за паука, покрытого рыжей шерстью и удивительно быстро перемещающегося по трубе.

«Должен найти Брата...»

Эти слова неотступно звучали у Дикона в мозгу. И не только потому, что он уже давно не ощущал теплоту тела Большого Брата, прижавшись к которому проводил большую часть своей жизни. Ему было необходимо освободить свой мозг от груза фактов, нужных его Большому Брату. Дикон представлял свой разум как маленькую комнату, набитую ящиками памяти. А посередине комнаты живет Дикон, который смотрит на мир через глаза-окна, слыша звуки растрембам ушей. В комнате есть еще два ящика. Один из них наполнен правилами поведения, другой пуст — это мысли его Большого Брата.

Брат Дикона был самым важным фактором его жизни. Временами Дикон ощущал себя продолжением или близнецом личности Брата. И для этого были причины: Дикон поглощал гормоны эмоций Брата вместе с его кровью.

К тому же Дикон — упрощенная версия своего Брата. Более того, его двойник. Ведь Дикон вырос из клетки тела Брата с помощью биотехники — науки, которая получила широкое развитие в Золотую Эру, а затем была забыта. С помощью этой технологии из хромосом клетки удалялись признаки пола и другие ненужные функции. Но в остальном Дикон был двойником Брата. И именно поэтому Братя могли общаться с помощью телепатии.

Когда в Ранней Цивилизации открыли мысленные импульсы, то всем стало ясно: если телепатия и существует, то она возможна только между идентичными двойниками, у которых мозги настроены в унисон. Но эта идея заглохла, была забыта вплоть до конца Золотой Эры, когда обнаружили, что телепатия может существовать только при условии, когда один из телепатов имеет более простой мозг, тогда и создаются помехи.

Решение проблемы телепатии произошло в пору, когда развитие биотехники позволяло создать абсолютные идентичные упрощенные копии определенного человека. Ученые Золотого Века хотели расширить возможности человека путем создания его партнера — двойника. Затем наступили темные времена, все исследования прекратились, возник всемирный хаос, который обусловил создание Иерархии. Затем, когда обрвалось Новое Ведьмовство, были получены подробные инструкции от Асмодея и налажено производство симбиотических двойников, имитация вампиров из мира старых ведьм.

С самого первого мгновения, только появившись из автоклава, мысли Дикона смешались с мыслями его Брата, так что у двойника не было периода детства: он стал взрослым с самого начала. Прямой контакт с мозгом Большого Брата позволил ему достичь зрелости за несколько

часов; Дикон быстро приобрел жизненный опыт, какой он бы получил с помощью своей упрощенной нервной системы. Кроме того, ему помогли в развитии его собратья-вампиры — двойники других идей, с которыми он общался телепатически, правда, в ограниченных размерах.

И его Брат остался ему ближе всех.

Теперь Дикон исследовал трубы в поисках Брата. Еще одолеть самое большое ответвление, решил он, и ему придется остановиться. И друг в том ящике, в его мозгу, куда помещаются мысли Брата, появились какие-то мысли.

Он замер. Мысли стали исчезать. Дикон двинулся вперед. Мысли исчезли полностью. Снова назад и ждать. Немного погодя снова появились мысли, будто проявлялась фотография. Внезапно страх овладел вампиром, хотя эмоции не свойственны ему. Он еще никогда не видел такой сети мыслей. И все же он был уверен, что это сигнал его брата.

Картина внезапно исчезла. Дикон быстро передал мысленное сообщение.

— Дикон здесь, Брат. Дикон пишет в твоём мозгу.

И тут в мозгу Дикона стали появляться странные мысли, ураган мыслей. Дикон понял: Брат его возбужден. Многие его мысли совсем чужие. Они моментально исчезли, будто Брат его понимал; такая информация не имеет смысла. Он замещал их конкретными вопросами.

— Ты ясно воспринимаешь меня, Дикон? Контакт хороший?

— Да, Правда, мысли твои странные. Некоторые совсем не твои. Кто-нибудь вторгся в твой мозг, Брат?

— Немного. У меня нет времени объяснять.

Тут Дикон получил фрагментарную картину Брата Домаса и его лаборатории.

— А в остальном контакт хороший?

— Да. Но Дикону хотелось бы к тебе. Ты поможешь Дикону отыскать дорогу?

— Прости, Дикон, но это невозможно. Твой Брат надежно спрятан и охраняется. Ты передал мое сообщение?

— Нет. Дикон обнаружил, что все не так, как должно быть. У него много новостей для тебя.

— Расскажи их.

И маленький Дикон в своем мозгу стал распаковывать ящики с памятью.

— После того, как Дикон оставил тебя в комнате болезни, ты так и не поправился?

— Нет, мне уже лучше. Ты отсутствовал четыре дня. Продолжай.

— Дикон пробирался туннелями туда, где должен находиться Дрик, но его там не оказалось. Тогда Дикон направился в зал шабаша. И в туннеле под Залом он нашел много вампиров — Джока, Мега, Миси, Джиль, Сета... Они сообщили Дикону, что в Зал идти нельзя, там жрецы. Там происходит встреча, сказали они, и всех наших Больших

Братьев предали. Деканы, ворвавшись туда, арестовали всех. Все вампиры находились в тяжелом состоянии. Они потеряли контакт со своими Большими Братьями и не знали, что предпринять. Многие из них уже страдали от недостатка крови.

Дикон, вспомнив о хранилищах крови там, где находятся автоклавы, повел вампиров туда. Это была трудная экскурсия. К концу путешествия многих пришлось нести. Если бы они не знали, что возвращаются туда, где родились, я не уверен, смогли бы они дойти.

Когда Дикон и остальные вампиры добрались туда, то увидели: там нет Больших Братьев. Там никого нет. Дикон нашел хранилище крови и, оставив вампиров там, вернулся обратно к тебе: ведь он знал, что тебе нужны мои новости. Когда Дикон вернулся туда, откуда ушел, оказалось, что Брата переместили. И Дикон стал искать. Он искал долго, много раз возвращаясь напиться крови. Затем Дикон пустился на розыски, решив больше не возвращаться в хранилище крови. Он должен искать Брата до тех пор, пока сможет передвигаться. И вот он нашел тебя.

Затем Дикон, очистив свой мозг, стал слушать. Но никакого связанного ответа не поступило. Обрывки смятенных мыслей, какие-то мысленные системы, которые для Дикона были совершенно чужими. Видимо, Брат его в замешательстве.

Внезапно Дикон обнаружил еще один ящичек с памятью, забыв открыть его для Брата.

— Вот еще одно, что я не сказал тебе, Брат. Там, где мы родились, нет больше Братьев, но зато там два новорожденных вампира, очень странных, непохожих ни на ведьм, ни на колдунов.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты должен знать их, Брат. Один из них похож на жреца, который сначала был среди нас и находился у матери Джуди, а потом...

— Как он выглядит?

Дикон передал мысленно изображение темноволосого вампира.

— А другой?

Дикон передал еще одно изображение вампира, шерсть которого была черной с серо-стальным отливом.

Долгое время не поступало никаких посланий, но Дикон ощущал, что мозг его Брата работает, обдумывая создавшуюся ситуацию. И когда наконец пришли мысли, они отличались четкостью и определенностью.

— Слушай, Дикон. Эти новые вампиры. Ты входил в контакт с ними?

— Да, немного. Они очень глупые, поскольку никогда не общались со своими Большими Братьями. Но другие вампиры для развлечения обучали их, добившись неплохих результатов.

— Как ты думаешь, если они еще с вами, могу я войти в контакт с ними через тебя?

— Думаю, да, Брат.

— Хорошо. Слушай внимательно. Возвращайся туда и приведи сюда двух новорожденных вампиров. Можете взять с собой кровь в ампулах, чтобы у вас был запас.

— Дикон даже не подумал об этом... Бедный глупый Дикон...

— Нет, нет. Ты сделал даже больше, чем я надеялся. Но теперь ты должен привести их сюда и войти со мной в контакт. Понял?

— Да.

— Ты можешь это выполнить? — осторожно поинтересовался Черный Человек. — У тебя хватит крови для этого?

— Не знаю, — простодушно ответил Дикон. — В это раз я зашел далеко, надеясь взять кровь у тебя, моего Брата, когда найду его.

— Сатана! — Дикон услышал ругательство Брата. — Слушай, Дикон, задание очень важное, и поэтому я снимаю с тебя запрет. Можешь пить кровь любого человека. Пей кровь там, где тебе представится возможность.

Дикон спокойно ответил ему:

— Дикон понимает всю опасность того, что советует Брат. Он знает: возможно, выпив кровь другого человека, Дикон умрет в страшных судорогах. Но жизнь такая же маленькая, как Дикон, и Дикон не очень цепляется за нее.

Он полностью не осознал тех эмоций, которые воспринял от Большого Брата, но Дикон понимал: Брат благодарит его.

А затем пришла следующая мысль:

— Тебе лучше начать сейчас же, Дикон. Я понимаю, шансы на успех мизерные, такие маленькие, как и ты, Дикон. Но не исключено — это единственный шанс спасти мир Больших Людей.

— Дикон сделает все, что может. Гуд бай, Брат.

Глава шестнадцатая

Еще до наступления утра могучие колокола Мегатеополиса начали сотрясать город. И прежде чем затихло эхо первого удара, Большая Площадь стала заполняться народом. Если бы в темноте ночи не таились ужасы Сатаны, народ пришел бы на Площадь еще в полночь.

— Просыпайтесь! — казалось, вызывали колокола. — Чудо! Чудо! Торопитесь!

Большинство людей в спешке даже не позавтракали и не захватили с собой еды. Но разве это не Большое Празднество? Разве Великий Бог не явит чудо?

Они пришли из каждого уголка Мегатеополиса, даже из окрестных селений. Двойная линия деканов сдерживала толпу, оставляя свободное пространство перед ступенями Собора.

Все крыши домов забиты народом. Мальчишки оседлали даже трубы каминов. Один из балконов, куда набилось слишком много народа, об-

валился. Возникла небольшая паника, но вмешались деканы, и все успокоилось. Пострадавших унесли. Опоздавшие заполнили улицы, прилегающие к Большой Площади. Везде шла ругань, ссоры из-за лучшего места, матери кричали, разыскивая своих потерявшихся детей. И над этим гулом и гамом разносился мерный звон колоколов.

Толпа не выглядела счастливой и миролюбивой. Она была похожа на тех, кто чуть не ворвался в Собор, выкрикивая оскорбления в адрес Иерархии, будто та не может защитить их от Сатаны. Та же самая толпа убила двух деканов, издевалась над жрецом Первого Круга... А сейчас прихожане ждали. Им объявили, что Великий Бог даст знак своей милости по отношению к ним и своего величия над Сатаной. И докажет, сотворив чудо. В эту последнюю ночь, словно предчувствуя свое поражение, слуги Сатаны резко снизили активность.

К тому же, стремясь сделать толпу более покорной, вся Площадь подверглась парасимпатическому облучению.

Это облучение имело и еще один побочный эффект: оно вызывало сильный голод. А большая часть людей не ела сегодня. И вот тысячи прихожан глотали слюну.

И наконец звон колоколов, достигнув своего апогея, стих. Наступила напряженная тишина. Тысячи прихожан затаили дыхание. И затем из Святылища донеслись звуки органа — торжественный марш, полный таинственности, величия, могущества. Эта музыка напоминала отдаленные гармонические раскаты грома — вероятно, такая мелодия звучала, когда Великий Бог создавал Землю из Черного Хаоса.

Медленно, в такт этой титанической мелодии на большом помосте перед Собором стали появляться жрецы в алых мантиях, украшенных золотом. Прихожане в первых рядах могли различить эмблемы на мантиях — треугольник, в вершине которого сиял алмаз. Люди перешептывались: не иначе как Высший Совет явился на Празднество. Немногие из прихожан могли похвастаться, что видели раньше хотя бы одного архиепископа. А тут весь Высший Совет. Это все равно что попасть в рай.

Музыка играла быстрее. Двери Собора распахнулись, и показалась процессия жрецов, символизирующих могущество и величие Иерархии. Жрецы всех Кругов — великолепные мужчины, красивые, как полубоги. Они заняли место на Площади, которое деканы охраняли от толпы.

Музыка звучала в быстром темпе, теплая, радостная, как солнце, сияющее на небе. И толпой овладела радость. Казалось, люди бросили под ноги весь свой мятежный вредный дух, всю непокорность, недовольство, все, что могло заставить их выступить против Иерархии. Стоя на помосте, Гонифаций, поморщив нос, спросил одного из жрецов-служителей:

— Откуда такой запах?

Запах становился сильнее, и его нельзя было не замечать.

Жрец знаком показал: мол, сейчас все выяснит. Гонифаций включил телевизор, стоящий перед ним. На экране появилось лицо Главного Техника.

— Нет, Ваше Преосвященство. Возможность вмешательства Вельмовства полностью исключена, — объяснил он Гонифацию. — Мы смонтировали систему предупреждения и сразу бы узнали, появившись с постороннее излучение. У нас все контрмеры наготове. Короче говоря, Собор и обширная зона вокруг него надежно изолированы. Вы можете быть уверены в этом. Запах? О, мы уже знаем о нем. Нелепая случайность. Неисправность в одном из проекторов запаха. Мы уже исправили.

Гонифаций, расспрашивая его дальше, рассматривал лица других жрецов в Центре Управления. Все лояльные Реалисты, за исключением двух физиков Пятого Круга. Это хорошо.

— Да, Ваше Преосвященство, — ответил техник на его последний вопрос. — При малейших признаках опасности мы опустим на помост защитный купол. Кроме того, мы держим наготове эскадрон ангелов, которые быстро поднимутся в воздух в случае необходимости.

Удовлетворенный объяснениями, Гонифаций выключил телевизор. Действительно, запах уже начал исчезать, и только кое-где люди еще морщили носы. Ему хотелось, чтобы рядом с ним был Дет, но маленький декан занят одной ведьмой. Впрочем, Жарль — неплохая замена.

Музыка завершилась громогласным гимном, символизирующим финальный акт сотворения мира, когда после неудачного эксперимента с Золотой Эрой Великий Бог создал Иерархию.

Толпа, измученная часами ожидания, облучаемая парасимпатическими лучами, стала легкой жертвой проповедников, чьи голоса, усиленные мощными динамиками, звучали над Площадью один за другим, мягкая музыка неназойливо подчеркивала ритм проповедей. Интенсивность парасимпатического облучения изменялась в соответствии с данным ритмом, причем к нему еще подмешивалось симпатическое облучение для усиления эффекта.

И эмоциональное сопротивление толпы рухнуло. Люди стали покачиваться в такт музыке и слов из стороны в сторону. Движение захватило всю Площадь, всех прихожан, даже тех, что стояли на крышах... Все люди превратились в единый организм. Из тысячи глоток раздавались звуки, бессловесные, бессмысленные, животные выкрики, подчеркивая распевный ритм проповедей; это было нечто среднее между всхлипыванием и стоном удовольствия.

То тут, то там появлялись вспышки более резкого проявления эмоций: экзальтированные выкрики, взвизгивания, заламывание рук, многие упали на колени. Теперь легко привести всех в состояние безумия, религиозного экстаза, но это не было основной целью праздника. И отдельные экзотические всплески поглощались в общем размеренном покачивании, в общем пении.

— Великий Бог, сокруши Сатану, сокруши Господина Зла!

Стон и покачивание...

— Он вызвал Ужасы из глубин мрака, но мы взываем к тебе!

Стон и покачивание...

— Он хочет подавить нас страхом, но мы тверды в своей вере!

Стон и покачивание...

— Прогони его обратно в Ад, отправь его к грешникам!

Стон и покачивание...

— Пусть он копошится в грязи, пусть общается с проклятыми!

Стон и покачивание...

Затем, как бы демонстрируя свою власть над толпой, последний из проповедников замер, издав резкий звук не для того, чтобы успокоить толпу, а привести ее в новое состояние — состояние почти переносимого ожидания.

Все глаза обратились на проповедника, который стоял один перед помостом. Он упал на колени, выкрикивая дрожащим от внутренней страсти голосом:

— Великий Бог, народ жаждет твоей любви. Люди уже давно не пили молока твоей бесконечной милости, не насыщались твоей бесконечной силой. Они испытывают жажду! Они голодны!

И это была правда. Фактическая правда.

Все люди, уже довольно долго стоящие на Площади, подвергающиеся облучению, были смертельно голодны.

И жрец, развернувшись на коленях к гигантской скульптуре Великого Бога, возвышающегося над Площадью, воздел руки.

— Великий Бог! — закричал он. — Твой народ выдержал испытание! В ужасе и страданиях они сохранили свою веру! Они вырвали Сатану из своих сердец! Будь к ним добр, Великий Бог! Наклони к ним рог милосердия. Оживи своей божественностью холодные, безжизненные камни, пусть из твоих рук стекает амброзия, а с пальцев капает нектар. Люди давно изголодались. Дай им пищу и питье!

Хотя и разум, и эмоции прихожан были оглушены, но они поняли: близится главное и приготовились к нему. Старые люди знали из прошлого опыта, а молодые узнали из рассказов, что на них с неба посыплются дары. Внезапно появились корзины, ведра, различные сосуды. Некоторые скидывали туники, чтобы ими ловить божественные дары. Люди, особо возбужденные, лезли на плечи своих соседей.

Но большинство прихожан стояло, закинув головы вверх, раскрыв рты.

Внезапно гигантская фигура Великого Бога шевельнулась, и на всей Площади воцарилась тишина. Огромное лицо Бога наклонилось, взглянув вниз... Суровые черты разгладились, смягчились, и на лице появилась добрая всепрощающая улыбка. Будто вечно занятый важными делами отец вспомнил о своих детях, которые собрались возле него. У его ног.

Медленно гигантские руки распростерлись над Площадью, и затем из правой руки брызнули десятки тысяч фонтанов, а из левой посыпались вниз на толпу хрустящие хлопья и маленькие кубики.

Возгласы жадности разносились с Площади, когда питье и пища посыпались на людей.

Одна секунда, две, три... И затем крик внезапно изменился на сдавленные звуки, и по всей Площади, по толпе прихожан, по рядам жрецов пронесся гнуснейший запах. Так пахнет смесь протухшего мяса, прогорклого масла, заплесневелого хлеба.

И все прихожане стали давиться от тошноты, многих стало рвать, а из рук Великого Бога продолжали сыпаться такие «дары». Люди кутались в одежду, опускали капюшоны, пытаясь укрыться от отвратительного месива, сыпавшегося им на головы.

Раздались приглушенные ругательства, затем гневные возгласы, крики. Толпа пришла в ярость. И вот уже некоторые угрожающе двинулись вперед, на заслоны деканов.

Проповедник понял, что настроение толпы резко меняется, и закричал, стараясь перекричать толпу, привлечь ее внимание к себе.

— Великий Бог испытывает вас! — выкрикивал он. — Некоторым из вас недостает веры в него! Вот почему божьи дары не превращаются в нектар и амброзию! Но теперь Великий Бог убедился в твердости вашей веры! — орал он, совершенно не заботясь о логике. — А теперь он совершит настоящее чудо! Смотрите, как он вознаградит вас!

Омерзительный ливень прекратился.

Через громкоговоритель прогремел голос Гонифация, обращенный к техникам:

— Остановить второе чудо!

Главный техник недоумевающе посмотрел на него с экранов телевизоров. Казалось, что он не понимает приказа. Он был поражен, потрясен.

— Но мы же изолированы, — тупо пояснил он. — Никакого сигнала от системы предупреждения не поступало.

— И кто-то включил симпатическое облучение! — быстро продолжал Гонифаций. — Выключить его. И остановить второе чудо!

Главный техник опомнился, дал знак своему помощнику, тот сразу же бросился к пульту Управления.

В первый момент почудилось, что страхи Гонифация беспочвенны, с пальцев Великого Бога стали сыпаться белые шарики, золотые шарики.

Толпа остановилась. Все снова начали взирать вверх. Въевшиеся в плоть и кровь привычки трудно преодолеть. Вера прихожан в слова жрецов стала их второй натурой. И на них действительно посыпался золотой дождь милостей Бога.

Но вот золотой цвет постепенно превратился в красный, даже ярко-красный. И снова в толпе раздались возгласы — вопли боли и яростные ругательства. Раскаленные докрасна кубики обжигали людей, а

те, кто старался схватить сыпавшиеся дары голыми руками, тут же отбрасывал их прочь, ругаясь на чем свет стоит.

С ревом толпа рванулась вперед. Ею двигала не только ярость, но и желание уйти из-под огненного ливня. И только защитная линия деканов смогла остановить людей. Правда, к этому моменту огненный дождь прекратился. Но ярость толпы не угасала. Разгневанные люди кричали громче и громче, задние ряды напирали на передние, и толпа медленно продвигалась вперед.

Замелькали поднятые кверху сжатые кулаки, палки, дубинки. Огрядительная линия деканов разорвалась, подаваясь назад.

Во избежание возможности повторения трагедии, случившейся в Неделосе, Гонифаций запретил деканам вооружаться Жезлами Гнева. А теперь, по его торопливым приказам, жрецы Первого и Второго Круга быстро выдвинулись вперед, чтобы поддержать колеблющуюся линию деканов. На ходу они включали защитное поле, и мантии их раздувались. Толпа швыряла в них испачканные нечистотами сосуды, камни, но это не причиняло вреда жрецам.

Правда, с их нимбами было что-то не в порядке. Они прерывисто вспыхивали и тут же гасли.

Внезапно в рядах жрецов возникло смятение. Вначале несколько жрецов, шедших в центре, прилипли друг к другу, не в силах оторваться. Затем к этому людскому кому стали прилипать другие жрецы справа и слева, спереди и сзади. И в конце концов все они сбились в кучу, совершенно беспомощные, неспособные оторваться друг от друга.

Гонифаций понял: каким-то образом защитное поле жрецов изменило полярность — не отталкивало, а притягивало. И мощность его увеличивалась скачкообразно.

Но большинство архиепископов могли только беспомощно смотреть на Хаос, разворачивающийся перед их глазами. Долгая тренировка позволила им сохранить на лицах маску беспристрастности, но теперь она обозначала только одно: смятение, потрясение. Разумеется, не физический страх приковал их к креслам. Они чувствовали, что материалистический мир, на котором базировались их безопасность и благополучие, рассыпается на куски. Наука, которой они верно служили, вдруг стала игрушкой в руках темных сил, таких могущественных, что они могли разрушать незыблемые физические законы. Возникла реальность, заставившая их усомниться в справедливости основного принципа их мышления: существует лишь космос и электронная структура без души и цели... Теперь в этот принцип вклинились огромные черные буквы: Прихоть Сатаны...

Жрецы высших Кругов, столпившиеся вокруг помоста, находились не в лучшем состоянии. Они сбились в кучу, ничего не предпринимая, в то время как закиданная нечистотами толпа с ревом продвигалась вперед, заглатывая черную цепь деканов, алую груду жрецов низших Кругов, приближаясь к самому помосту, к ступеням Собора.

И тут случилось невозможное: на помост полетел камень. Он не вызвал никакой реакции. За исключением трех человек, все остальные на помосте находились в состоянии полной прострации.

Легко перечислить этих трех человек — Гонифаций, Жарль и старый фанатик Серциваль.

Гонифаций наконец смог установить порядок в Центре Управления. Над Площадью все еще стоял, наклонившись и вытянув руки вперед, Великий Бог. Но вот из-за него вылетел отряд ангелов, будто с неба спустился отряд полубогов.

Они устремились туда, где к помосту подступали первые ряды взбунтовавшихся прихожан. Ангелы так низко пролетели над людьми, что некоторым неудачникам разmozжили головы.

Притягивающее поле, окружавшее сгрудившихся жрецов, изменило траекторию полета ангела, летевшего в центре, и он врезался в середину красной груды. Металлическая конструкция развалилась со страшным скрежетом, и всем открылась кабина пилота, где лежал, скорчившись, мертвый жрец.

Но другие ангелы поднялись в воздух, сделав круг над Площадью, пошли на второй заход.

С Площади неслись жуткие крики тех, кто попал под струи, вылетающие из направленных вниз дюнов.

Безумная ярость толпы внезапно сменилась безумным ужасом.

Люди заметались, как обезумевшие звери, разбегались с Площади. Возникли свалки, где прихожане давили и топтали друг друга.

И затем, когда ангелы скрылись в западной части неба, из-за крыш сектора, где обитали прихожане, появились шесть черных силуэтов; они оставляли после себя густой чернильный след в воздухе. Они летели прямо к Собору, словно зловещие летучие мыши, вышедшие из самого Ада. И чем ближе подлетали, тем очевиднее становился факт: они действительно посланцы Ада. Охваченные ужасом люди уже могли видеть их руки с загнутыми когтями на пальцах, волосатые нижние конечности, короткие черные хвосты и гнусные лица, увенчанные рогами.

Первый Демон стал кружить над возвышением, откуда вещал проповедник, окутывая его клубами черного дыма, пока тот совсем не скрылся из виду.

Другие взмыли вверх, кружась над головой Великого Бога. На лице Бога все еще сохранилась прежняя великодушная улыбка. Правда, теперь, окутанное клубами дыма, это лицо приобрело зверское выражение. И вдруг над Площадью разнесся усиленный мощными динамиками голос Великого Бога:

— Пощади, Господин! Не нужно меня мучить! Я открою правду перед вами! Я раб Сатаны! Мои жрецы лгут! Царь Зла правит всеми нами!

Последние три Демона устремились прямо к помосту.

Побледневшие архиереи повскакивали с мест, с ужасом взирая на Дьяволов. И затем, когда они уже были всего лишь в нескольких ярдах, вопли Бога внезапно оборвались. Это Центр Управления Собора наконец-то смог выполнить приказы Гонифация, включив купол защитного поля над членами Высшего Совета. Трех приближающихся Демонов отшвырнула прочь невидимая сила.

И на этом клочке тишины, находящемся в самом центре невообразимого хаоса, удивительно ясно прозвучал голос старого Серцивала. За все время Великого Празднества изможденный старец с видимым удовольствием следил за происходящим, не произнося ни слова, лишь изредка качая головой и бормоча что-то про себя.

А теперь он вскочил. Голос его вонзился в тишину, как раскаленный кинжал входит в лед.

— Кто, я спрашиваю вас, совершил эти чудеса сегодня? Великий Бог устал от нашего неверия. Он оставил нас, он бросил нас на милость сил Ада. Только молитва и абсолютная вера — если, конечно, еще не упущено время для молитв — может спасти нас!

Архиереи отвели от него глаза, но по их виду было заметно, что Серциваль высказал их мысли. Они стояли неподвижно — старые, слабые люди, охваченные ужасом. Даже надменность и самоуверенность Гонифация заколебались под таким напором сомнений и страхов.

Но в глазах Жарля, жестких и внимательных, вспыхнуло выражение внезапного понимания, осознания происходившего. Он стоял позади старого Серцивала. Впервые ему довелось увидеть лидера фанатиков. А теперь услышал его голос.

В мозгу Жарля вспыхнули воспоминания, и он пришел к самому невероятному выводу. Разум его не мог примириться с тем, что теперь для него становилось очевидностью, но здравый смысл победил. И его новая личность мгновенно приняла решение, связанное с громадным риском, но сулившее невероятные выгоды ему.

Пробудившаяся совесть набросилась на него сразу же. Черные волны вины обрушились на его сознание, внушая ему: это преступление, за него не будет отпущения грехов, преступление, которое заставит всю Вселенную отвернуться от него с отвращением. И все же Жарль подавил свою совесть, как больной человек подавляет приступ рвоты.

Жарль включил Жезл Гнева на полную мощность, направив его на спину Серцивала, на его украшенную золотом мантию, всего на фут ниже головы. И держал так до тех пор, пока не увидел сквозь образовавшееся отверстие дневной свет.

И когда Гонифаций резко обернулся к нему, а другие архиереи отпрянули от этой новой угрозы, когда смертельно раненный Серциваль, пошатнувшись, рухнул на помост, Жарль крикнул:

— Это был голос, который я слышал на шабаше! Он — Асмодей, лидер Ведьмовства!

Жарль подскочил к упавшему архижрецу, приподняв его голову, и узнал в искаженном болью лице того, кто называл себя Асмодеем.

Архижрецы наблюдали за всем этим с неописуемым ужасом. С их лиц наконец сошли маски непроницаемости.

Гонифаций молча взглянул на Жарля и Серцивала.

Сейчас казалось, что этот помост, укрытый куполом, стал центром Вселенной, где в полной обнаженности валялись все тайны, возле которых, как вокруг напряженного и неподвижного сердца, крутилась вся жизнь, совершались действия.

Вне купола прогрессировало безумие, постоянно меняющее фазы. В небе над Площадью разыгралась жестокая воздушная битва между Демонами и вернувшимися Ангелами, которых было в три-четыре раза больше. Ангелы излучали из глаз фиолетовые лучи Гнева, а Демоны использовали свои черные шлейфы как дымовую завесу.

Архижрецы, находившиеся на помосте под защитой купола, рассматривали все происходящее как безмолвную панораму битвы, поскольку ни один звук не доходил до них.

Гонифаций чувствовал, что он должен немедленно допросить умирающего фанатика. Поэтому он, тут же связавшись с Центром Управления, приказал главному технику:

— Схватить двух жрецов Пятого Круга! Это они вмешивались в ваши действия и виновны в том, что произошло. Убейте их, если возникнет необходимость!

Он даже не стал смотреть на схватку, возникшую в Центре Управления между его сторонниками и фанатиками.

Несколько мгновений Гонифаций потерял, отдавая распоряжения своим помощникам.

— Возвращайтесь в Святилище, прочешите помещения. Хватайте фанатиков. При сопротивлении убивайте их. Закрыть двери Святилища, чтобы не допустить бегства фанатиков и проникновение туда прихожан. Информируйте Дета о новой ситуации. Передать в Провинциальные Святилища мои распоряжения. Принять все необходимые дополнительные меры! Действуйте!

Затем с жутким выражением на каменном лице он повернулся к старому фанатику.

Серциваль с трудом улыбнулся. Он дышал тяжело и неглубоко.

— Ты сидел рядом со мной, когда пытали ведьму, — начал Гонифаций, хотя это было не то, что он хотел сказать, — это ты использовал против меня излучатель боли, да?

Серциваль снова с трудом улыбнулся. Голос его звучал, будто из могилы.

— Может, да. А может, нет. Действия Сатаны... Они разные. — Глаза архиепископа расширились. Трепет пробежал по его телу.

— Сатана? Чушь! — возразил Гонифаций. — Ты хотел власти над всеми нами. Ведьмовство — это орудие, при помощи которого ты хотел завоевать власть. Ты...

Но Серциваль, казалось, не слышал. Он, медленно вытянув руку, коснулся серебристой шерсти вампира, запятнанного кровью, уже совсем застывшего.

— Ты тоже умер, Тобит, самый старший из своих Братьев? — Серциваль вздохнул. — Я буду с тобой... в Аду. Там мы станем настоящими Братьями.

— Занавес опущен. Игра здесь ни к чему, — сказал Гонифаций.

Старый Серциваль поднял голову, и из его груди вырвался слабый звук, будто он хотел что-то сказать. Пальцы его левой руки задвигались, пытаясь совершить ритуальный жест.

— Сатана... — прошептал он. — Прими мою душу...

Архиепископы стояли как вкопанные. Дикие сцены вне купола освещались кроваво-красным солнцем, выплывшим на небосвод. На западе сгушалась тьма.

— Ты был очень умен, — продолжал Гонифаций, наклонившись к умирающему лидеру Ведьмовства. Помимо его воли, Гонифацию очень хотелось задать последний вопрос: — ... но ты сделал одну странную ошибку. Почему ты всегда поддерживал меня на Высшем Совете? Почему ты согласился на экскоммуникацию Фрезериса? Отчего ты не протестовал против того, чтобы я, самый опасный человек для Нового Ведьмовства, стал Всемирным Иерархом?

Под куполом наступила мертвая тишина. Архижрец наклонился вперед, стараясь уловить последний ответ. Но его не последовало.

Асмодей был уже мертв.

Глава семнадцатая

С клюкой в одной руке и свечой в другой мать Джуди медленно пробиралась по древнему туннелю. Иногда она что-то бормотала про себя.

— Не дадут старой ведьме дожить последние дни в покое! Не позволяют даже ей спокойно жить под землей. Деканы, проникнув в туннели, загоняют ее все глубже и глубже. Но ищут они не мать Джуди, хотя и убьют ее при случае. Нет, не она им нужна. Им требуются новые ведьмы. Молодые ведьмы. Смазливые девчонки. Когда-то и мать Джуди была молодой и красивой. Эти новые ей в подметки не годятся. Но вот теперь они пришли, превратив ее мир в какое-то безумное место, где нет возможности для существования старой ведьме. Пусть они жарятся на горячих сковородках в Аду за свои проделки.

Она остановилась, потыкав клюкой в низкий потолок. Черный кот, шедший впереди, обернулся, вопросительно мяукнув.

— Нет, Грималкин, это немышь. И мне нечем тебя покормить. Но не волнуйся. Мать Джуди умрет здесь от голода, и ты сможешь грызть мои кости, если найдешь на них остатки мышц. Правда, в том случае, если я сначала не съем тебя. И ты можешь благодарить за это новых ведьм, разрушивших всю нашу коммерцию.

Грималкин снова пошел впереди. Мать Джуди заковыляла за ним, бормоча что-то, затем спереди послышался дикий визг и шипенье. Мать Джуди поспешила вперед. Длинные тени, отбрасываемые свечой, прыгали по стенам.

— Что ты нашел, Грималкин? Крысу или мертвого декана? Все равно что, но из-за этого не стоит поднимать такой шум.

Грималкин, изогнув спину и фырча, отступал от маленького медно-красного предмета.

Мать Джуди подошла, наклонилась над находкой.

— Что это? Красный кот? Нет, обезьянка. Нет, клянусь Сатаной, это же вампир! Грязный мертвый вампир! — И она подняла клюку, чтобы ударить его.

И тут послышался тоненький, слабый голосок:

— Убейте меня. Убейте Дикона. Дикон устал ждать смерти в этой холодной темноте.

Мать Джуди замерла с поднятой клюкой.

— Что это? Тихо, Грималкин. Из-за тебя я ничего не слышу.

— Убейте меня. Убейте Дикона. Сломайте его хрупкие кости палкой, мать Джуди. Позвольте вашему страшному коту, разорвав мое тело когтями, выпить мою застывшую кровь. Дух Дикона только поблагодарит вас за это.

— Почему ты надеешься, что мы смилостивимся над тобой? — ядовито спросила мать Джуди. — Я узнала твой голос. Ты принадлежишь этому насмешнику Черному Человеку.

— Да. Но теперь Брат Дикона находится в подвалах Святилища, где жрецы пытаются его душу. Теперь он не может защитить Дикона. Вы можете спокойно убить Дикона.

— Назад, Грималкин! — прикрикнула старуха на кота, который, подойдя ближе, угрожающе поднял лапу с когтями. — Значит, твой хозяин наконец упал с забора, который строил?

— Да, мать Джуди. И все Новое Ведьмовство уничтожено вместе с ним. Многие уже схвачены и брошены в подвалы. Осталась одна сладкая надежда. Если его Брат сможет двигаться и передать поручение Брата, какое-то событие произойдет. Но теперь Дикон лежит беспомощный в подземном мраке. Убейте Дикона, пока он не умер от слабости.

— Говори громче, я почти не слышу тебя! — повторила мать Джуди, наклоняясь ниже. — Почему ты не можешь выполнить поручение хозяина, а валяешься здесь, как ленивый щенок? — И мать Джуди пошевелила его клюкой.

— У Дикона нет свежей крови. Он устал и лишился сил. Если бы у него была свежая кровь, он побежал бы быстрее ветра. Но тут нет свежей крови.

— Ты оскорбляешь нас, ничтожество? — гневно воскликнула мать Джуди, замахнувшись клюкой. — И у меня, и у Грималкина есть кровь. И уверяю тебя, свежая!

— Прости, мать Джуди! Дикон не хотел обидеть тебя. Он имел в виду кровь, которую может пить.

— Ах ты, грязный клочок шерсти! Почему ты думаешь, что имеешь право решать, чью кровь тебе следует пить?

Вампир смотрел на нее огромными жалобными глазами.

— Не нужно так сильно тыкать меня палкой. Ты ненавидишь Дикона. Лучше убей его сразу, но не мучай!

— Ах ты, проклятый везнайка! — прошипела мать Джуди так жаростно, что вампир вздрогнул. — Ты будешь указывать мне, как поступать? Ты будешь пить кровь Грималкина, она подойдет тебе!

Джуди схватила тщедушное тело вампира. Грималкин, почувствовав, что его хозяйка задумала неприятное для него дело, отступил подальше. И тут вампир заверещал:

— Кошачья кровь убьет меня так же быстро, как его когти! Даже твоя кровь, мать Джуди, может погубить меня!

На мгновение показалось, что мать Джуди готова швырнуть его во тьму туннеля вслед за котом.

— Значит, моя кровь нехороша для тебя? — крикнула она. Голос ее был полон негодования. — Кровь матери Джуди не подходит для этого гнусного ничтожества? Пей сейчас же, иначе Грималкин сдерет с тебя живьем шкуру.

И она обнажила свое костлявое, морщинистое плечо.

— Мать Джуди предлагает кровь Дикону? — спросил вампир. — Она не обманывает его?

— Теперь ты меня называешь еще и лгуньей? — завизжала старая ведьма. — Еще один вопрос, и тебе конец! И я размозжу тебе голову палкой. Пей, грязная тварь!

И она приложила вампира к своему плечу.

Несколько секунд царила тишина. Затем мать Джуди нервно поежилась.

— Ты щекочешь меня.

— У тебя очень жесткая кожа, мать Джуди, — пролепетал вампир извиняющимся голосом.

Снова мать Джуди чуть не швырнула его. Она кипела вне себя от ярости.

— Жесткая? У меня, у молодой, была самая мягкая и гладкая кожа в Мегатеополисе! Ах ты, грязная бесполоая кукла! Для тебя великая честь прикоснуться к моей коже!

Затем Джуди замолчала, и долгое время в подземелье стояла тишина, изредка нарушаемая нервным мяуканьем Грималкина. Он сидел возле стены, ревниво наблюдая за животным в руках хозяйки.

Наконец вампир поднял голову. Движения его стали быстры, резки. Он напоминал пружину!

— Дикон чувствует себя легким как воздух. Сейчас для него нет невозможного. Это была очень хорошая кровь. Хотя и наполнена странными эмоциями. Но Дикону ничто не мешает. О, мать Джуди, как Дикон оплатит тебе? Разве лишь его Брат и его товарищи отдадут тебе долг? Я даже не представляю, насколько неоценима твоя помощь. У Дикона не хватает слов, чтобы высказать благодарность...

— Нет смысла терять время на пустую болтовню, когда ты должен выполнить поручение, — прервала его мать Джуди. — Прочь отсюда. — И она снова замахнулась на него палкой, правда, скорее притворно.

Вампир лукаво улыбнулся старухе. Затем резким движением спрыгнул вниз. Грималкин зафыркал, зашипел и ударил его лапой. Но удар пришелся по воздуху, ибо Дикон уже исчез в темноте туннеля, там, откуда они пришли.

Мать Джуди долго смотрела ему вслед, тяжело опираясь на палку. Воск капал со свечи, застывая на каменном полу.

— Не исключено, что они способны на такое дело, — пробормотала старуха про себя. В голосе ее звучали эмоции, какие она раскрывала только перед Грималкиным. — Сатана поможет им, но и они сами не должны сплеховать.

Глава восемнадцатая

Медленно, тяжело, будто сам воздух сгустился, чтобы мешать ему, Жарль шел в свои покои в Святилище. Его разум был затуманен, отягощен ощущением вины. И это ощущение становилось тем непереносимее, чем более он презирал себя за то, что оно есть.

В каждом коридоре он встречал жрецов, охваченных паникой. Один из них, остановившись, заговорил с ним — толстый маленький жрец Второго Круга.

— Я хочу поздравить тебя в связи с возвышением в жрецы Четвертого Круга, — быстро проговорил он, потирая маленькие пухлые руки. — я думаю, ты помнишь меня. Я Брат Хулиан, твой бывший партнер...

Он говорил так, будто собирал последнее мужество, чтобы осмелиться заговорить с Жарлем. Вероятно, в этой тревожной ситуации, когда везде царили страх и неуверенность, Хулиан хотел заручиться поддержкой у большего числа жрецов.

Жарль, с неприязнью посмотрев на своего бывшего партнера, прошел мимо, не ответив ему.

Святылище было пустынно. Отряды жрецов, прочесывавших Святылище, уже увели своих пленных в подземные камеры.

И чем ближе подходил Жарль к своим апартаментам, тем ощутимее становились его мучения. К его ужасу, черные мысли вины, засевшие в его мозгу, внезапно ожили, стали нашептывать в его уши:

— Ты слышишь нас, Армон Жарль? Ты слышишь нас? Я — это ты. Беги. Заткни уши. Это не поможет тебе. Ты не можешь отключиться от нас. Ты не можешь не слушать нас. Мы, Армон Жарль, ты загнал в самые дальние клетки своего мозга эту мысль. Повтори: я, Армон Жарль, от которого ты отрекся. Но Мы — сильнее тебя.

И что самое страшное, ему слышался не его голос, хотя звучал он и очень похоже. Жарль пытался объяснить этот факт слуховой галлюцинацией, проекцией его подсознания. Но данный голос слишком реален, слишком индивидуален, чтобы быть галлюцинацией. Это голос ближайшего родственника, голос Брата, которого не существовало.

И он устремился в свои апартаменты, будто за ним гнались все силы Ада. Вбежав туда, Жарль торопливо реактивировал замок...

Но внутри он чувствовал себя еще хуже.

— Тебе не убежать от меня, Армон Жарль, — звучал голос. — Где ты, там и я. Ты будешь слушать меня до самой смерти, даже пламя крематория не заглушит меня.

Никого в своей жизни он не ненавидел так безудержно, как этот голос. Ему не приходилось испытывать такой жажды разрушения, ломать, уничтожать все. И еще никогда он не ощущал себя таким беспомощным, неспособным выполнить задуманное.

В его мозгу стали возникать видения. Он пробирается через развалины. Костлявые руки матери Джуди нащупывают его кисть. Он хочет остановить своих преследователей, задушить старуху, разбить ей череп ее собственной палкой... Но не может...

Он сидит за грубым столом. Вместе со своими родными собирается обедать. Он отравил их пищу и теперь ждет, чтобы они первыми набили свои рты...

Он в лаборатории Брата Домаса, однако там все по-другому. В кресле Брата Домаса сидит мрак, имеющий очертания человека. Ведьмы с дьявольскими ухмылками, вампиры готовят аппаратуру, инструменты...

Затем он, посмотрев в зеркало, вместо себя увидел оживший труп Асмодея. Асмодей что-то объяснял жестами, показывая то на Жарля, то на прожженную дыру в мантии и в своем теле. Он повторял этот жест снова и снова.

Ненависть к жизни, ненависть ко всему живому поднялась в Жарле, захватив его мозг полностью. Ему показалось, что один человек, будь он хитер, коварен, упорен, в состоянии уничтожить всю человеческую расу, кроме себя. Это выполнимо.

Собрав всю силу воли, он осмотрел комнату. Сначала он решил, что комната пуста. И только потом он заметил на столе, рядом с проекто-

ром, возле которого разбросаны ленты, животное с темной шерстью и огромными глазами. Вампир. Лицо зверька было копией его собственного лица.

Жарль сразу понял: это именно вампир мучил его видениями, телепатически передавая ему свои мысли, ощущения.

И он тотчас же решил убить вампира. Не лучами Гнева. Сейчас Жарль находился в таком состоянии, что мысли его напоминали мысли первобытного человека. Жарль хотел задушить вампира голыми руками.

Жарль пошел к столу, но вампир не шевельнулся. Однако приближался Жарль к столу мучительно медленно. Он с трудом продвигался сквозь воздух, густой, как желе. И пока он шел, еле передвигая ноги, в его мозгу снова возникло видение.

Он был совершенно один, пальцы на кнопках управления мощного бластера. Он на вершине холма в центре плоской безжизненной серой равнины. Из живых остался он один. Насколько хватает взгляда — а он, кажется, может видеть всю землю — простирались могилы людей, мужчин и женщин, всех возрастов, которые страдали, боролись и погибали, стремясь завоевать свободу, желая получить более того, чем предполагало общество, скованное строгими правилами и ограничениями.

И его охватил страх, хотя, видно, не осталось никого, кто угрожал ему. Он постоянно думал, хватит ли ему мощности бластера.

Только несколько шагов отделяло его от стола. Жарль вытянул руки. Ненавистное существо пожирало его глазами. Однако видение все еще находилось между ними.

Внезапно пустынная равнина начала содрогаться. Будто началось землетрясение. Правда, колебания почвы не отличались мощной силой, лишь беспорядочные сотрясения.

Тут и там земля растрескивалась, и из нее вставали скелеты в истлевших лохмотьях. Их скопилось очень много, уже целая армия. Со всех сторон они направлялись к холму. Земля осыпалась с их костей при ходьбе.

Он, нажав кнопку, стал косить их излучением. Они падали сотнями, тысячами, принимая вторую смерть. Но по их горящим костям шествовали все новые и новые скелеты. И Жарль знал, что по всей Земле поднимаются из могил мертвецы и идут сюда, к нему.

Еще один шаг, и он может наклониться. Его пальцы совсем рядом с горлом. Только один шаг.

А они все наступают. Стройными колоннами. И запах тлеющих костей жжет ему ноздри, дым застилает глаза. Упавшие скелеты уже образовали вокруг холма высокую насыпь, выше, чем сам холм. Ему уже пришлось поднимать дуло бластера вверх, почти вертикально, чтобы уничтожать вновь наступающие скелеты, появившиеся уже на вершине насыпи.

Вот Жарль почти возле стола. Руки уже готовы сомкнуться на горле зверька.

Но те, новые скелеты тоже совсем близко. Они накатывались волнами. Жарль задыхался, кашлял, стонал. Каждый раз, когда он скашивал бластером очередную цепь, расстояние между ней и предыдущей сокращалось. Один из обгоревших скелетов скатился прямо к нему, и почерневшие фаланги пальцев, казалось, пытаются схватить его.

Пальцы его сомкнулись вокруг шеи мохнатого призрака, но ощущение было такое, будто он коснулся прозрачного пластикового воротника. Жарль не ощутил под пальцами шерсти. Еще одно усилие...

И в этот момент костлявые руки схватили его сзади. В пароксизме ужаса, ощущения вины он закричал:

— Я сдаю! Я сдаю!

И удар, более сильный и пронизывающий, чем удар электрического тока, потряс его нервы. В его мозгу пронеслись жуткие видения, чудилось, все в нем переворачивается, крутится со страшной скоростью. И затем внезапно остановка...

Сознание угасло, но не полностью. Клетки памяти напряглись до крайности, но не разорвались. Глаза его, которые он закрыл в последний момент, открылись.

Он жив. Тот, прежний Жарль. Жарль, который ненавидел Иерархию.

Но сознание этого не принесло ему облегчения. Напротив, на него нахлынули новые мучения, еще более непереносимые. Память напомнила ему обо всех поступках. Он вспоминал детально, что делал, будучи Жарлем новым. Предательство Ведьмовства, похищение Шарлсон Наурии, и... самое главное, убийство Асмоеда.

Все это совершил он. Он ответствен за содеянное.

Трясущимися руками Жарль достал Жезл Гнева и направил его на себя.

Но такая легкая смерть не позволена ему.

— Стоп, Армон Жарль! Стоп! — раздался повелительный внутренний голос. — Сначала ты должен искупить свою вину.

И в этот момент из-под стола легко выпрыгнул второй вампир, рыжего цвета. Лицо его представляло карикатурную копию Черного Человека. Даже голос его напоминал Черного Человека.

— Я Дикон, Армон Жарль. Это я с помощью телепатии сказал тебе все, о чем меня просил мой Большой Брат. Но мои слова трансформировались в твоём мозгу, как твои собственные.

Нам нельзя терять времени. Ты должен освободить моего Брата из клетки.

Из-за стола выпрыгнул третий вампир. Смятению Жарля не было границ. На лице этого черного существа он безошибочно угадал знакомые черты Всемирного Иерарха Гонифация.

На мгновение ему показалось, что все люди на земле потеряли своих двойников, а он, оставшийся один, становится их пленником, рабом. Гигант, попавший в плен к карликам.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Дикон, дергая его за мантию.

Жарль повиновался. И вскоре он быстро бежал по угрюмым серым коридорам. Суеверные люди прошлых веков приняли бы его за зомби: такой бледностью отличалось его лицо без каких-либо эмоций, а движения его были чисто механическими.

Глазок автоматического сторожа в толстой железной двери, осмотрев его, убедился: это один из ближайших помощников Гонифация; дверь скользнула в сторону, а затем снова закрылась за ним. Жарль направился к камерам. Сторож-автомат стал расспрашивать его о цели прихода. Жарль лучом Гнева быстро утихомирил любознательного, затем взял у него деактиватор замков.

Как восковая фигура, сторож стоял, открыв рот, готовясь задать вопрос, но словам уже не суждено было родиться на свет.

В коридоре Жарль увидел трех охранников-деканов. Они узнали жреца Четвертого Круга: ведь он не раз приходил сюда допрашивать их пленника. Поэтому на их лицах застыло выражение вежливой почитательности и угодливости, когда он парализовал их лучом.

Затем деактиватор открыл замок.

Дверь медленно двинулась в сторону. Сначала он заметил только руку, неуверенно ощупывающую стену камеры, а затем ее владельца.

Физические и душевные пытки оказали свое действие на Черного Человека. Лицо его сделалось бледным, безжизненным. И эта бледность подчеркивалась серой тюремной туникой.

И мысли его были тоже бесцветными, безжизненными. Он решил, что Жарль — один из тех, кто приходил его мучить. Холодный, застывший взгляд Жарля подтверждал это. Кроме того, в коридоре сидели охранники-декань, будто ничего не случилось.

— Я убил Асмодея! — сказал Жарль. И эти слова окончательно подтвердили худшие предсказания Черного Человека. В отчаянии он собрал силы для броска. Сбить с ног Жарля, завладеть Жезлом Гнева и...

Затем мелькнула медно-рыжая тень, и не успел он понять, что же случилось, Дикон, прыгнув ему на грудь, стал ласкаться.

— Брат, о Брат! — говорил тонкий голос. — Дикон выполнил твое поручение. Брат Дикона свободен!

И Черный Человек, еще не вникнув в смысл слов Дикона, хотя и услышал их, понял, что Жарль повторил:

— Я убил Асмодея.

Черный Человек ничего не понимал. Сначала он решил, что это какая-то хитрая западня Брата Домаса, чтобы сломить его сопротивление.

Затем Жарль добавил:

— Асмодеем был, как вы знаете, фанатик, архиепископ Серциваль.

И тут Черный Человек разразился диким смехом, словно услышал невероятно смешную шутку. А потом он зажал свой рот рукой, ибо услышал, как Дикон просит его сохранять тишину. Он взглянул на Жарля.

— А другие пленники — ведьмы?

— Еще в заточении.

Через несколько мгновений Жарль уже снова шел по коридору. Рядом с ним шагал Черный Человек, закутавшись в мантию декана. На лицо опущен черный капюшон, руки сжимают Жезл Гнева.

Коридор повернул под прямым углом. Вдоль стены тянулись двери камер. Возле каждой стояли охранники-декань. Группа Жарля шла по коридору в тишине, нарушаемой только шипением парализующего луча. Последняя пара деканов почувствовала опасность, но было уже поздно. Они замерли возле стены при попытке достать оружие.

Черный Человек откинул капюшон.

Внезапно одна из дверей открылась, и в коридор вышел Дет. Он, моментально оценив ситуацию, с молниеносной быстротой выхватил Жезл, направив его на Жарля и Черного Человека.

Но реакция вампира быстрее, чем у человека. Рыжая тень бросилась на Дета. Лицо декана искажилось страданием. Второй раз в жизни он испытывал такой страх, впервые он это ощутил, когда в панике бежал из заколдованного дома.

Но затем он спохватился и направил луч Гнева на вампира.

Но Черный Человек выиграл время. Его луч Гнева устремился на Дета. Два луча скрестились, но поскольку оба были непроницаемы друг для друга, Черный Человек, отведя луч Дета от зверька, спас Дикона от смерти.

Колдун и декан начали фехтовать, наподобие двух древних рыцарей. Их оружие — два бесконечно длинных бледно-фиолетовых луча. Но тактика сходна с фехтованием: выпады, отражения, уколы, парирование. Стены, пол, потолок засветились бледным светом. Парализованные деканы, сидящие возле стен, оказались зрителями этого поединка.

Но конец наступил быстро. Ложным движением Дет обманул Черного Человека и нанес ему укол лучом; луч прожег мантию под рукой колдуна. Черный Человек вовремя уклонился и мгновенно сделал выпад, другой... и затем жестокое лицо Дета застыло навеки.

Черный Человек, прыгнув вперед, отключил Жезл Гнева, выпавший из рук декана. Затем выключил и свой.

Он повернулся к Жарлю, стоящему неподвижно во время дуэли. Черный Человек приказал Жарлю открывать замки камер.

Однако он не терял времени на разговоры с ведьмами, которые выбегали в коридор, словно привидения, вызванные из Подземного Мира. Даже с Дриком он поздоровался, только легко кивнув ему. Жарль открыл последний замок. Черный Человек заметил: на бесстрастном лице Жарля уже появились какие-то эмоции. Сейчас дважды ренегат походил на человека, который медленно приходит в себя от действия наркотиков.

Порывисто, с усилием человека, начинающего осознавать, какие ужасающие преступления он совершил, Жарль заявил:

— Я могу отвести вас туда, где заперты жрецы-фанатики. Мы можем освободить их и отправить в Святилище.

Черный Человек едва не поддался искушению. Его дуэль с Детом привела его в такое состояние духа, когда он мог снова пуститься в авантюры.

Но Жезлы Гнева — это оружие не для ведьм, напомнил он себе. Асмодей добивался всего при помощи страха. Страх — вот оружие колдунов.

Снова заговорил Жарль. Черному Человеку показалось, что Жарль старается решить очень важную для себя проблему.

— Если ты хочешь, — начал Жарль, — я попытаюсь убить Всемирного Иерарха Гонифация.

— О, ни в коем случае! — воскликнул Черный Человек. — Он уже засомневался, в здравом ли уме Жарль, не потерял ли он разум после всех потрясений. — Против Гонифация мы задумали операцию совсем иного порядка, если бы я только знал, где Шарлсон Наурия, что с нею...

— Она в моих покоях, — ответил Жарль. — Я ее слегка парализовал.

Черный Человек взглянул на него. Только теперь до него дошло, какого помощника он приобрел в лице Жарля. Он начал понимать, что Жарлю можно довериться, ибо сегодня он является олицетворением слепой судьбы, рока.

— Возвращайся к себе, — приказал Черный Человек. — Подними Шарлсон Наурию. Объясни ей, что операция против Гонифация проводится по задуманному плану. Помоги ей пробраться незамеченной к покоям Гонифация. Возьми с собой своего вампира и вампира Гонифация.

Затем он повернулся, приказав ведьмам и колдунам, освобожденным из тюрьмы, следовать за ним.

Глава девятнадцатая

С небольшим эскортом после обхода контрольных постов в Святилище Гонифаций вернулся в Центр Связи. Сегодня Заседание Высшего Совета проводилось здесь, и он должен быть именно тут. Но главный принцип действий Всемирного Иерарха — личное управление всем развитием событий.

С Главного Поста Наблюдений, расположенного на крыше Святилища, он наблюдал, как маленькая черная точка — очевидно, один из тех черных Демонов, которые появились в небе во время Празднества, — кружит вокруг Великого Бога: черная муха атакует гиганта. Снова и снова он видел, как этот Демон при помощи невообразимых спиралей уклоняется от голубых лучей бластеров, установленных в пальцах Великого Бога.

Этот Демон стал символом мятежа для прихожан, которые сегодня забыли о вере в Бога и необходимости подчиняться Иерархии. Толпа, взбунтовавшаяся на Площади, разделилась на небольшие отря-

ды, которые рассеялись по улицам, совершая нападения на патрули жрецов и деканов, устраивая ловушки для них. В этих выпадах проявлялась изощренная жестокость, накопленная в течение нескольких поколений. А теперь, поверив, что на их стороне силы Зла, они освободились от всех прежних предрассудков. Жрецы или деканы, попавшие к ним в руки, умирали в страшных мучениях. Одна из банд, заманив патруль в дом, заперла его там и подожгла. Кузнецы соорудили большую катапульту и начали обстреливать камнями Святилище. От их снаряда погиб один из жрецов Первого Круга, но затем посланный Ангел уничтожил примитивное орудие прихожан.

Демон, круживший вокруг Великого Бога, был наконец сбит и рухнул на Площадь. Но Гонифаций, уже уходящий с Поста Наблюдения, заметил на горизонте новую черную точку, видимо, готовую занять место погибшего.

В Центре Энергии все нормально. Атомные установки, снабжавшие энергией Святилище, уверенно справлялись с увеличивающейся нагрузкой. Жрецы Четвертого Круга, обслуживавшие установки, и жрец Седьмого Круга, присматривавший за жрецами, казались вполне надежными.

В Центре Управления, после того как оттуда убрали фанатиков, тоже наступило спокойствие.

Гонифация тревожил один неприятный случай. Управляющий системой замков, внезапно потеряв рассудок, начал открывать подряд все двери, ведущие в Святилище. Он реактивировал все замки. Его действия вполне могли остаться незамеченными, если бы сам Гонифаций не обратил внимания на панель, где смонтирована индикация системы замков. Когда управляющего схватили, он начал бормотать насчет того, что Сатана грозил ему страшной карой, если он не откроет двери в Святилище. Вероятно, все-таки он не предатель, просто обезумел от страха. Как он сам утверждал, его уже целую неделю мучает внутренний голос, который ему внушает всякую чепуху, когда он остается один. У него возникают видения, небольшие огненные шары сожгут его мозг, если он не выполнит приказы внутреннего голоса.

Гонифаций проследил, чтобы место управляющего занял надежный человек, но названный выше инцидент оставил у него неприятный осадок. Гонифаций понимал, что действия Вельдмовства очень коварны и непредсказуемы. Неизвестно, откуда будет нанесен следующий удар. У вельдм есть подробные досье на всех жрецов. Вельдм фанатики имели доступ к любым, даже самым секретным документам. Вельдм два клерка в Центре Персонала оказались фанатиками. И значит, у вельдм в руках материалы о самых тайных индивидуальных страхах каждого члена Иерархии. Воздействуя на эти характерные особенности, можно заставить любого делать то, что ему приказано.

Да, думал Гонифаций, страх — это самое сильное оружие Вельдмовства. Самое опасное. Все остальные угрозы легко отразить. Прямая атака на Святилище потерпит неудачу. Вельдм тут сосредоточены основные

силы и оружие. Ведьмы могут поднять прихожан на мятеж. Правда, эти люди не возьмут Святилище приступом: такой акт равносителен тому, что обезьяны отправились бы штурмовать современный защищенный город.

Но страх...

Это совсем иное дело. Гонифаций смотрел на лица своих приверженцев, стараясь увидеть следы страха. Ведь не могли же ведьмы воздействовать страхом на каждого члена Совета. Это означало бы, что их организация такая же огромная, как сама Иерархия. Вот бы определить, кого из жрецов выбрали ведьмы в качестве жертв. Конечно, это выполнимо, только нужно время. Это завтра. А сейчас необходимо выстоять эту ночь и спасти Иерархию.

Гонифаций вошел в Центр Связи, но не прошел к своему месту, а, встав у двери, начал наблюдать. В Центре царила деловая активность, его даже никто не заметил.

Центр Связи напоминал мозг. По всему большому залу стояли пульта, за каждым из них сидел жрец. Всю стену зала занимала карта, куда заносилась получаемая информация. Члены Высшего Совета сгруппировались на галерее перед картой. Дополнительную информацию им доставляли секретари и клерки. Перед членами Совета также были установлены индивидуальные телевизоры; все это позволяло им быстро и компетентно принимать решения. Каждый архиепископ отвечал за определенный сектор Земли. Их приказы немедленно передавались Центром Связи в провинциальные Святилища.

Высший Совет и Центр Связи работали безукоризненно. Не наблюдалось никаких трений. Сегодня в Центре Связи дежурил Брат Джомальд, и он же в отсутствие Гонифация заменял его в Высшем Совете.

В Центре не слышно шума. Для передачи сообщений использовался язык жестов, микропередатчики, наушники, текстовые сообщения по телевизорам.

Огромная карта доминировала в Зале. Она переливалась разными цветами в зависимости от ситуации и казалась живым существом. И действительно, если присмотреться к какому-либо сектору на карте, то можно сразу заметить слабое движение, перемещение. В центре карты находился Мегатеополис, сердце мира. На карте видны и точки — одни черные, другие алые. Черные точки — это Святилища, с которыми отсутствовала связь: они либо занимались ведьмами, либо оттуда ушли жрецы. Почти половина провинциальных Святилищ уже стали черными точками. Но в крупных городах Святилища еще функционировали.

Гонифаций внимательно изучал карту. Он видел расположение голубых символов, обозначающих отряды Ангелов, черных символов — отряды Демонов, заштрихованные серой краской области — там усиленно действовали телесолидографы ведьм, и других условных знаков.

Он нахмурился. Несомненно, Ведьмовство делает успехи, быстро прогрессирует. Гонифаций чувствовал, что все акции врага тщательно скоординированы, выполняются по единому плану. Им, конечно, повезло: ведь у Иерархии недостаточно Ангелов, чтобы контролировать все крупные города.

Завтра прибудет корабль из Люциферополиса с грузом Ангелов, Архангелов, Серафимов. Но это завтра.

Гонифаций прошел на свободное место в центре галереи и сел. Все сидящие беспояюно задвигались. Гонифаций поморщился. Ведь они должны быть полностью поглощены своей работой, ситуация серьезная.

Брат Джомальд стал вводить на карту новую, только что поступающую информацию, но Гонифаций жестом приказал ему подождать, сам обратившись к одному из секретарей:

— Я послал за Детом. Он должен появиться здесь.

— Мы не могли связаться с ним. Мы проверили все возможные пункты.

— Жрец Пятого Круга Жарль. Я послал за ним тоже.

— Мы ищем.

Теперь, когда все увидели Гонифация, к нему стали стекаться сообщения от разных секторов. Все просили его совета.

— Сесодельфи охвачен мраком. Можно вызвать отряд Ангелов из Археодельфии на помощь?

— Из Элезеуса сообщают, что захвачен телесолидограф. Вы не хотите узнать подробности?

— Хиерополис — отказ атомной установки. Можно откуда-либо получить энергию? Или послать опытных ремонтников?

— Из Олимпии пришла срочная информация: все служащие Центра местного Управления находятся под воздействием Ведьмовства. Какие будут указания?

— Святилище 127. Восточно-азиатский вектор. Таинственная катастрофа постигла двух Ангелов. Есть сообщение о появлении Демонов.

— Получено донесение с корабля из Люциферополиса. Он прибудет на рассвете. Приземлять в обычном порту?

Слишком много рапортов. Слишком много просьб о совете. Гонифаций резко вскинул руку, что означало: «Работайте сами. Сами принимайте решения».

Они должны понимать полноту своей ответственности. Слишком уж они полагаются на него, Всемирного Иерарха. Стараются добиться его одобрения, похвалы. Даже такие способные, как Брат Джомальд, заметно изменились, когда он стал Иерархом. Слишком он лебезит перед ним.

Однако на последнее сообщение он ответил.

— Прикажите, чтобы корабль из Люциферополиса производил посадку близ Святилища. Обеспечьте полную безопасность.

Неужели Иерархия состарилась, думал Гонифаций. Он уже давно замечал, что его сторонники потеряли жажду власти, стремление к возвышению, радость превосходства. Везде он видел следы умственной лени, слабости, эгоизма.

Сейчас он не видел в ближайших помощниках соперника для себя. Высший Совет не тот, что в былые времена, когда каждый архиепископ боролся за свою точку зрения, за свой престиж, когда каждое заседание — острейшая дуэль, дуэль умов, характеров, личностей. Это было главной движущей силой Иерархии. А теперь его главный соперник повержен. В Высшем Совете находятся только реалисты, с радостью признавшие в нем своего господина и не претендующие ни на что. Он восседал на своем троне Всемирного Иерарха, и никто не собирался столкнуть его оттуда.

Странно, но только в этом ренегате — Жарле — Гонифаций ощущал силы, подобные своим. Но этот жрец не такой изощренный, как он, тот более наивен.

Ему хотелось, чтобы Жарль сейчас пришел. Его возбуждал сам факт, что рядом с ним стоит молодой горячий человек, открыто завидующий ему. Вдруг, когда кончится кризис, Брат Домас сотворит еще несколько таких же, как этот, чтобы вдохнуть жизнь и энергию в сонную Иерархию.

Идиотские мечты! Совершенно самоубийственные сейчас, в момент кризиса, когда главное — это четкое повиновение и исполнительность. И все же такие мечты, родившись в его мозгу, будоражили его.

Он заметил, что место старого Серцивала не занято никем, и он приказал одному из архиепископов пересесть туда. Отвратительно, когда какой-то предмет напоминает о недавно раскрытом враге в их рядах.

Но стоило архиепископу сесть в кресло, Гонифаций засомневался, правильно ли он поступил. На лице этого жреца появились какие-то черты от старого Серцивала. И к тому же еще одно место все равно пустовало.

Что все-таки хотел Серциваль-Асмодей?

Гонифаций много бы дал, дабы услышать ответ на свой последний вопрос. Почему он не протестовал против того, чтобы Гонифаций получил высшую власть? Не предвидел ли он возникновение ощущения бесцельности у Гонифация, когда тот добьется своей цели, духа устрашающей покорности, который овладеет каждым членом Иерархии?

А кроме того, почему Серциваль даже на пороге смерти продемонстрировал свою веру в сверхъестественное? Неужели он был истинным руководителем Ведьмовства? Невозможно! Лидер Ведьмовства доказал, что он человек удивительной энергии, смелости, граничащей с риском. Значит, Серциваль был всего лишь под его влиянием и действовал таким образом для поддержания престижа Ведьмовства. Даже перед смертью он хотел поколебать скептицизм Высшего Совета в данном

вопросе. Однако Гонифаций понимал, что человек перед смертью перестает играть роль, он становится самим собой.

А этот человек был дьявольски искренним.

— «Сатана... прими мою душу!..» Возможно ли, что он сам верил в свои слова? Имел основания верить им? В конце концов для истинного скептика существование дьявольских сил так же разумно в природе, как и существование неразумных электронов. Все зависит от реальности. Реальность решает все.

Предположим, для Серцивала стало очевидным то, что отрицает большинство людей. Что за доктринами Ведьмовства, их словесной болтовней действительно стоит что-то. Но сама по себе болтовня ничего не стоит. Хотя дьявольские силы могли бы использовать и ее для достижения своих целей.

Такие мысли проносились в мозгу Гонифация, когда стали приходить сообщения из Неоделоса. Там ситуация приближалась к критической. Неоделос сильнее других крупных городов подвергся нападению Ведьмовства. И именно здесь Гонифаций хотел проверить эффективность контрмер, предпринятых Иерархией.

Половина жрецов Неоделоса охвачена страхом и паникой. Они не могли выполнить свои обязанности. Ужасные фантомы бродили по коридорам Святылища в Неоделосе. Невидимые голоса выкрикивали страшные угрозы.

И теперь все сообщения из Неоделоса воспринимались с большим интересом и вниманием.

— Центр Управления Неоделоса вызывает Центр Связи. Два техника из Энергетического Блока поражены страхом и не способны к действиям.

— В Соборе отмечены появления призраков, фантомов. Все техники сбежали оттуда.

— В соответствии с указаниями готовим контратаку, но нет связи с Энергетическим Блоком. Невозможно зарядить энергией Жезлы Гнева.

— Установка отказала. Переключились на резервную. На Пост Наблюдения опустился черный Демон.

— В Центре Управления уже три случая потери рассудка. Близится паника.

— Отказало освещение. Не хватает электроэнергии. Центр Управления забит жрецами, сбежавшими из своих городов.

— Полная темнота. Остались только карманные фонарики. Начинаем контратаку. Двери Центра Управления открылись.

Серые тени...

И панель, на которой загорались сообщения из Неоделоса, погасла.

Тягостные мысли овладели всеми в Центре Связи. Почти отчаяние.

— Центр Управления Неоделоса вызывает Центр Связи. Контратака была успешной. Многие ведьмы убиты, остальные отступили. Атомная установка в порядке. Поступление энергии налажено. Однако пока нет

связи с Собором. Боевые действия продолжаются. Будем сообщать по мере развития событий.

Это сообщение рассматривалось теми, кто сидел в Центре Связи, как отмена для них смертного приговора. Будто парасимпатическое излучение наполнило зал. Черная точка Неоделоса на карте, замигав, стала красной.

* * *

До некоторой степени Гонифаций был удовлетворен. Контрмеры доказали свою эффективность. Они просты, их действия основывались на том, что необходимо удерживать ключевые точки в больших городах. В частности, силовые установки. Пока энергия в руках Иерархии, она не может быть побеждена.

И Ведьмовство, хотя оно пока использовало оружие слова, запугивая и терроризируя жрецов, должно будет прибегнуть к физическому оружию. И в такие моменты ведьмы не устоят против контратаки тех, кого не сумели запугать или не подготовили для них ужасов.

— Кажется, этот план сработал в Неоделосе.

И все же, оглядываясь вокруг себя, видя лица жрецов, охваченных работой, Гонифаций чувствовал, что какой-то мелочи недостает. Где-то в глубине души ему хотелось даже, чтобы Неоделос пал и пала сама Иерархия.

Своим подсознанием он понимал: сейчас он стал свидетелем последнего великого триумфа Иерархии.

Вероятно, полная победа в Неоделосе означает общую победу Иерархии. Но Гонифаций не сомневался, что это не так. После долгих сомнений и колебаний Иерархия наконец поднялась на открытую борьбу с врагом, приняла его вызов. Однако выиграет она или проиграет, великий момент ее расцвета в истории позади. Иерархия, самая совершенная форма правления, которую знал мир, пришла к своему закату. Появятся честолобивые люди, возобновится борьба за власть, но это уже лишь отголоски былого.

Гонифаций вдруг понял, что его собственная судьба и судьба Иерархии очень сходны. Его карьера начиналась фантастически нереально. Изгой, сын Падшей Сестры и жреца, вынужден был взять фамилию матери — Ноулес — и стать самым презренным из презренных, которому навсегда закрыта дверь в Иерархию. Ноулес Сатрик отгородился от мира настолько, насколько мог это сделать сын прихожанина. Он яростно ненавидел свою семью, особенно мать, предавшую его самим актом рождения. И вот этого несчастного парня обуяло тщеславие, такое сильное, что оно переросло в его судьбу. Снова и снова он убивал, пытаясь скрыть свое прошлое, но это были не обычные убийства: будто сама судьба подмешивала яд или вонзала нож. Для его тщеславия такие поступки справедливы. Сама судьба требовала подобных акций. Став новичком Иерархии в Мегатеополисе, он переходил весьма быстро

из одного Круга в другой. А затем стал членом Высшего Совета. И с каждым повышением огонь его тщеславия слегка затухал, но не угасал.

Его путь вверх не обычный путь, характерный для здорового спокойного человека в борьбе за власть. Его мирские дела — лишь прикрытия для достижения его конечной цели.

Гонифаций теперь уже по-настоящему понял, что его собственная судьба и судьба Иерархии похожи.

Его путь вверх — словно выполнение какого-то темного пророчества, фаталистический марш убийцы.

И теперь, когда он достиг вершины, где он стоял только один, Всемирный Иерарх, он ощущал непреодолимое желание подниматься выше. Но там, где должна находиться следующая ступень лестницы, пустота. Он, глядя вниз, увидел: никто не карабкается вслед за ним, нет никого, кто пожелал бы сравниться с ним, столкнуть его с лестницы. Даже Ведемство потерпело поражение.

И неизбежно Гонифаций вынужден повернуть назад, вспомнить самого себя в начале жизненного пути. Будто замкнулся какой-то магический круг. Его память вернулась к тщательно упрятанному периоду его молодости. Он вспомнил то ничтожное существо, которое было его матерью. О своем брате... но больше всего он думал о младшей сестре Джерил. Она была во многом похожа на него — целеустремленная, с твердым характером. И она была жива!

Он сам узнал ее на экране телесолодиграфа — ведьма Шарлсон Наурия. С мрачным удовлетворением он обрадовался, что ей удалось избежать западни, которую он подготовил, и теперь она посвятила свою жизнь одной цели — уничтожить его. Такое же удовлетворение ощущал он, чувствуя бешеную зависть к нему Жарля.

Ноулес Сатрик. Это имя произносил в его мозгу голос, пришедший из пучины времен. Или вернул его в ту пору — Ноулес Сатрик. Ты зашел слишком далеко, Гонифаций. Возвращайся, замкни круг.

Этот голос совсем реален. И он действовал гипнотически, как мигающая лампочка в темноте. Это имя отпечатывалось в его мозгу древними черными буквами. Вдруг Гонифаций очнулся, поняв, что секретарь обращается к нему.

— Святилище хочет поговорить с вами. Есть два разных сообщения. Я уверен, что вы захотите лично ознакомиться с ними. Подключить Святилище к вам?

Гонифаций кивнул. На экране появилось встревоженное лицо управляющего.

— Мы нашли Дета. Вернее, его тело. Лицо сожжено, но это, несомненно, он. Некоторые охранники тоже убиты лучом Гнева. Остальные парализованы. Камеры пусты. Пленников нигде нет.

Некоторое время Гонифацием владела слабость, но потом он понял, что уже давно знал об этом. «Дет ушел, — говорил ему голос, — маленький декан больше не будет улыбаться твоим врагам. Тебе больше

не нужна помощь. Ты достиг всего, к чему стремился, дальше стремиться некуда, Ноулес Сатрик. Возвращайся назад».

Голос будто затягивал его куда-то, тянул в каком-то неопределенном направлении. Может, назад во времени? С усилием он вернулся к действительности. Значит, пленники бежали? Тогда понятно, почему за последний час действия Ведьмовства стали более координированны. К ним вернулись руководители. Но что это меняет? Иерархия победила в Неоделосе, несмотря на то, что появились вражеские лидеры.

— Есть сообщения о жреце Пятого Круга Брате Жарле?

Лицо на экране приняло более встревоженное выражение.

— Да, Ваше Преосвященство. Один из охранников, придя в чувство, сказал: именно Жарль организовал побег. Я сообщу вам, что покажут остальные, когда придут в себя.

Экран погас, и Гонифаций отключил связь. Он не чувствовал ненависти к Брату Жарлю. И к Брату Домасу тоже, в работу которого он слишком верил. Только страшное разочарование.

Жарль тоже ушел, сказал голос. Но что это меняет? Все они уйдут или прекратят существование. Теперь уже безразлично. Возвращайся назад, Ноулес Сатрик. Замкни круг.

Эти мысли заполнили весь его мозг, хотя он, все еще выслушивая доклады, смотрел на карту, отдавая приказы. Но все дела Иерархии казались ему далекими, ненужными, да и сама Иерархия представлялась теперь чем-то несущественным, незначительным. Сейчас для него была важна только тайна его личной судьбы. Ноулес Сатрик. Да, он последует за этим голосом, если только поймет, куда зовет он его. Если только укажет путь, по которому человек сможет идти.

На экране появилось лицо жреца. Гонифаций смутно припомнил, что секретарь сказал ему о связи со Святилищем. Увидев Гонифация, жрец удивленно отшатнулся от камеры. Затем, очевидно подумав, что такой поступок может быть расценен как оскорбление, он угодливо заговорил:

— Прошу прощения, Ваше Преосвященство, но я был уверен, что вас нет в Центре Связи. Я только сейчас, связавшись с вашими покоями в Святилище, получил ответ. Причем я узнал ваш голос, хотя связь не отличалась качеством.

— Что за ответ? — спросил Гонифаций.

— Это самое странное. Только имя. Оно повторялось и повторялось. Имя прихожанина. Ноулес Сатрик.

Для Гонифация при его нынешнем состоянии ума это пугающее совпадение не казалось совпадением, да к тому же пугающим. Это перст судьбы, то, что должно произойти. Значит, голос зовет его в покои Святилища? Он надеялся на более долгое путешествие.

Его немного удивил звук собственного голоса, когда он спросил:

— Ты говоришь, что слышал мой голос из покоев? Не видел ли ты меня на экране телевизора?

— Нет. Но я видел нечто другое, что удивило меня. Я сейчас включу экран, вдруг изображение еще осталось.

Лицо жреца исчезло. Некоторое время экран пустовал. Затем Гонифаций увидел свои покои. Потом на экране возник лист серой бумаги, какую используют прихожане для письма. Изображение увеличивалось, и вот Гонифаций уже смог различить на листе те самые древние черные письмена, которые он видел в своем мозгу: Ноулес Сатрик.

Гонифаций встал, знаком показал Брату Джомальду, чтобы тот взял управление Центром Связи в свои руки. Он чувствовал себя удивительно спокойно. Вполне естественно, если он пойдет к себе и посмотрит, что же написано на обратной стороне листа бумаги. Больше, чем естественно. Неизбежно. Предопределено.

При выходе из помещения эскорт поднялся, чтобы сопровождать Гонифация, но тот отрицательно покачал головой. Этот путь он должен проделать один. И когда Иерарх шел по коридорам мимо куда-то спешивших жрецов, он чувствовал течение времени. Обратное течение.

Ты возвращаешься, Ноулес Сатрик. Ты завершаешь цикл. Ты долго путешествовал, Ноулес Сатрик, но теперь ты возвращаешься домой.

Он вошел в свои покои. Там было полутемно. Он взял лист серой бумаги перед телевизором. На обратной его стороне было пусто.

Он поднял глаза. В дверях стояла девушка, одетая, как прихожанка. Несмотря на полумрак, он видел ее так, будто было яркое освещение. Перед ним стояла ведьма Шарлсон Наурия. И — теперь уже он ясно увидел это — его сестра Джерил.

На мгновение он вышел из транса. Что он делает? Он пришел прямо в западню Ведьмовства!

Но к нему тотчас же вернулась самоуверенность. Он почти улыбался. Так, значит, вот каким образом ведьмы хотят подобрать ключ к нему, напугать его? Западня. Психологическая западня. Но недостаточная эффективная.

Фиолетовый луч вспыхнул в его руке. Первое мгновение казалось, что луч не действует на девушку... Но вот ее туника вспыхнула, а лицо почернело. Она рухнула вниз, исчезла из поля зрения. В ноздри Гонифация ударил запах горящей плоти.

Сначала он ощутил радость победы. Словно победил прошлое, пришедшее поглотить его. Он совершил свое последнее убийство, завершившее его жизнь, его прошлое мертво навсегда. Голос, который так тревожил Гонифация, не раздастся более никогда.

Но сразу он опомнился: это только кажущаяся победа. Это его Неоделос. Последняя вспышка старой энергии. Последний пик, после чего начнется неизбежное падение.

А в дверь вошла Джерил, в том же самом сером платье прихожанки, вошла в дверь, опаленную пламенем, которое только что сожгло ее.

А за нею последовала странная процессия. Старая, изможденная, сгорбленная женщина. Очень старый жрец. Какой-то тощий прихожа-

нин, чуть старше, чем он сам. Еще один жрец и несколько прихожан. Большинство из них старики.

Ты завершил цикл, Ноулес Сатрик. Ты замкнул круг. Теперь все кончено. Словно ничего не начиналось.

Ибо эта молчаливая процессия состояла из тех, кого ты убил. Но они были не такими, какими ты их помнил. Если бы они остались прежними, он заподозрил бы подлог. И тогда ты нашел бы силы сопротивляться.

Но они появились именно такими, какими были бы теперь, оставшись жить. Это не призраки, а существа из плоти, существа из того самого обратного потока времени, захватившего его. Он не убивал их. Все, что предстало перед ним, не совершалось. А вдруг он все-таки убил, а они жили... где-то?

Асмодей прав. Во всех этих видениях и рассуждениях есть большее, чем просто болтовня. И эта неопределенность вызывала ужас.

Образы-видения обошли его кругом, глядя на него холодными глазами, но без памяти.

Гонифаций заметил, что конфигурация комнаты изменилась. Тени сместились.

Последняя вспышка скептицизма: может, это телесолидографический проектор? Одна из дьявольских штук? С усилием, которого он не смог бы повторить, он протянул руку, дотронулся до ближайшего из процессии. Это оказалась Джерил.

Он дотронулся до материальной живой плоти.

Затем Ад сомкнулся вокруг него, дребезжа тюремной дверью.

Он не ощущал ни ужаса, ни вины, хотя ощущаемое им являло собой и то и другое, но имелось понимание предопределенности, понимание того, что он противостоит силам, для которых все его усилия и старания, все его достижения ничто.

Затем перед ним вспыхнул квадрат света. И только через мгновение он понял, что перед ним экран телевизора и на нем лицо Брата Джомальда. Хотя он не сразу вспомнил, кто же такой Брат Джомальд, будто он явился к нему из очень далекого прошлого, из другой жизни.

— Ваше Высокопреосвященство, мы беспокоимся за вашу безопасность. Никто не знает, где вы. Вам следует вернуться сюда. Чрезвычайные обстоятельства.

— Я останусь здесь! — почти зло огрызнулся Гонифаций. Какое надоедливое создание этот Джомальд. — Спрашивай!

— Хорошо, ваше Высокопреосвященство. Ситуация в Неоделосе снова обострилась. Оказалось, что это совсем не победа. Только частный мизерный успех. Энергетические установки снова под угрозой. Месодельфи и Неотеполис захвачены врагом. Может, стоит приказать провести новые контратаки?

Гонифаций с трудом вернулся в то время, где умирала Иерархия. Оно представлялось теперь ему таким далеким, как другие Галактики.

Он поднял глаза, вглядываясь в лица тех, кто стоял вокруг. Они не проронили ни слова, только покачивали головами. Теперь он четко увидел постаревшее лицо матери. Но он узнал его, узнал родинку...

Да, они правы. Иерархии суждено исчезнуть из того времени, как исчез и он. И будет лучше, если это произойдет быстрее.

— Отменить контратаки, — произнес он легко и бездумно. — Отменить все операции до завтра.

Для умирающего времени завтра никогда не наступит. Затем последовал бессмысленный спор с этим призраком, Братом Джомальдом, но Гонифаций настаивал на своем. Он уверен, что исчезновение Иерархии так же необходимо и неизбежно, как и его собственное. Она тоже должна замкнуть круг. Все должно вернуться на круги своя.

И пока он выслушивал возражения Джомальда, он чувствовал усталость и желание, чтобы наступил конец многолетней борьбе, напряжению, и он бесконечно обрадовался, что этот конец уже близок.

— Я подчиняюсь вам, но я не хочу брать на себя одного такую ответственность. Вы должны сами объявить ваше решение Высшему Совету.

И теперь на экране появился Зал. Эти призрачные пигмеи смотрели на него.

— Прекратить все контратаки, прекратить все операции... до завтра, — вещал он.

Странно было думать: разве данный призрачный мир еще существует, разве слова призрака Гонифация еще что-то значат для него?

Снова заговорил Джомальд. Монотонно он перечислил все неудачи и поражения Иерархии. Смешная трагедия умирающего мира.

И наконец Джомальд сообщил испуганным тоном:

— Нет связи с Центром Управления Собора здесь, в Мегатеополисе! Главный Пост наблюдения сообщает, что оттуда не ведется огонь. Не видно вспышек бластеров. Может, провести контратаку?

В последний раз Гонифаций поднял глаза, но ответ он знал заранее:

— Нет!

— В Святилище нет света. Жрецы, прибежавшие сюда, рассказывают, что по всем коридорам разливается мрак, поглощающий все. Нет связи с энергетической установкой. Дать команду на контратаку?

А Гонифаций размышлял: как схожа его судьба и судьба Иерархии и самого последнего жреца в ней. Все они убили свои семьи и свою молодость — физически или духовно, — это не имело значения. Конеч один. Они предали своих родных, оставили их в нищете, продали в рабство, а сами наслаждались властью и удовольствиями, которые сулила им принадлежность к касте тиранов.

— Двери распахнуты! Мрак! Прикажите...

Гонифаций не ответил. Экран погас, но не потому, что прервалась связь. Гонифаций был уверен, что нарушилось течение времени. И по-

следними усилиями воли он попытался противостоять тем силам, которые хлынули, чтобы поглотить его.

Глава двадцатая

День снова пришел в Мегатеполис, озарив лучами солнца ослепительное великолепие Святилища. Город ощущал облегчение, какое наступает у рыбаков после дикого шторма, когда они, собираясь на берегу моря, говорят приглушенными голосами о мощи шторма, о тех бедах, которые он причинил, с почтительным любопытством рассматривая обломки кораблей, прибитые к берегу, отмечая высоту, какой достигли морские волны этой ночью.

Именно такое чувство наблюдалось на лицах прихожан, бродивших возле Святилища небольшими группами. Позже они начнут громко обсуждать события ночи, но сейчас они разговаривали мало и тихо, ни к чему не прикасаясь. Их глаза и умы были заняты другими заботами.

Изредка им встречались жрецы, слоняющиеся столь же бесцельно, как и они. При встречах и те и другие молча уступали друг другу дорогу. Многие жрецы уже были одеты в какие-то черные лохмотья, что означало, наверное, что они отреклись от сана, хотя такого акта от них еще никто не требовал.

Изредка проходил странный человек. Он шел быстро и, видимо, знал, куда и с какой целью он идет. Такие люди в основном были одеты в простые черные туники, но некоторые носили мантии жрецов или туники прихожан. На плече у каждого сидел вампир, похожий на ручную обезьянку.

Внезапно в тишине раздалось слабое шипение, и все пригнулись. Над Площадью возвышалась фигура Великого Бога, и на его плече в утренних лучах солнца можно было увидеть маленькие фигурки людей, занятых каким-то делом. Изредка в их руках вспыхивало голубое пламя.

На верхней террасе Святилища сидели четыре человека — один в золотой мантии архиепископа, двое в черных туниках и одна женщина в одежде прихожанки.

— Да, все было просто, — сказала Шарлсон Наурия, и великое послештормовое облегчение слышалось в ее словах. — Никакого изменения течения времени, никакого восстания мертвых, никаких особых происшествий. Случилось именно то, что планировал Асмодей, хотя чрезвычайные обстоятельства потребовали ввести некоторые изменения. Твой вампир телепатически воздействовал на твои мысли. Он же проносил твоё имя. А призраки мертвых — это только телесолидографическая проекция. Правда, им пришлось подретушировать образы, чтобы создать видимый эффект состарившихся людей.

Ты бы сразу понял, что это только проекции, попытайся дотронуться до них. Но ты коснулся меня, ощутил мое живое тело. Я постаралась сделать так, чтобы ты дотронулся именно до меня.

Ты ощутил: я реальна, хотя этого не могло быть, ибо ты только что убил меня. Вот здесь-то и проявилась хитрость Асмодея. Когда ты впервые увидел меня в своих покоях, это была телесолидографическая проекция. И ты убил ее. Оператор телесолидографа чуть задержал включение эффекта почернения лица. Ты помнишь эту задержку во времени?

Если вдруг наш план почему-либо не удался, тебя немедленно убили бы. Но нам нужно было оставить тебя живым, поскольку ты имел власть над Иерархией и мог помочь нам. Асмодей умер, но Ведьмовство победило. Просто с твоей помощью это оказалось проще...

Гонифаций не ответил. Снова лицо его превратилось в маску, он пытался скрыть горькое презрение к себе. Но он не испытывал отчаяния. Он-то знал, что в конце концов победит Иерархия, хотя сам Гонифаций тут будет ни при чем. Он повернул голову, посмотрев на стены Святилища. В стороне от него лежала серая пустошь, занимающая много сотен акров. Это — посадочная площадка.

— Все свою жизнь я мечтала о таком моменте, — продолжала Шарлсон Наурия. И в ее голосе послышалась некоторая тревога. — Будто я всю свою жизнь, падая с того моста, видела перед собой твое лицо и жаждала того чудесного момента, когда могу схватить тебя, потащить за собой. Теперь этот момент наступил, но он уже никакого значения для меня не имеет.

Странно искаженные очертания человека появились в поле ее зрения. Она взглянула вверх. Черный Человек поднял руку в знак приветствия. В этих искажениях был виноват Дикон. Он, сидя на плече, передразнивал жест хозяина. Шерсть его казалась темно-золотой в солнечном свете.

— Я только что из Центра Связи. Мы установили контакт с нашими людьми во всех ключевых городах. Остались только некоторые маленькие города и провинциальные Святилища.

Почти без удивления он взглянул на Гонифация, который медленно повернул к нему голову. Взгляды двух лидеров скрестились.

В это мгновение послышался отдаленный грохот, все приближающийся. Казалось, он сотрясает всю землю. Присутствующие посмотрели на фигуру Великого Бога, где продолжались работы, но шум, слишком сильный для такого рода работ, разносился явно не оттуда.

Грохот заполнил все небо. Огромное пятно заслонило солнце.

В глазах Гонифация появился триумф. Он повернулся к Черному Человеку.

— Вы выиграли, — сказал он. — Но сейчас проиграете. Поздно, но не слишком поздно, пришла помощь с неба. Сюда прибыла военная техника освободить Землю.

Грохот достиг максимального уровня. Огромная тень закрыла Святилище. На небе возник большой эллипсоид, который завис над посадочной площадкой. Могучие лучи солнца как колонны поддерживали его в воздухе. В днище открылись круглые люки.

Гонифаций надеялся увидеть замешательство на лице своего противника. Но не увидел.

Когда грохот затих, Черный Человек, улыбнувшись, сказал почти дружески:

— О, я знал о прибытии корабля из Люциферополиса. Я пришел сюда, чтобы посмотреть на его посадку. Я ведь в курсе, что Люцифер — это название утренней звезды — Венеры. Но, к несчастью Иерархии, это также одно из имен Сатаны. Вполне понятно, что ты не мог знать о событиях, происшедших там. Ведь связь с Венерой испорчена, не так ли? Полагаю, ты должен был предположить, что Венера перейдет в оппозицию. Ведь в колониях такие события происходят гораздо быстрее. Я предполагаю, что подобные явления произошли и на Марсе, но он находится сейчас за Солнцем и придется подождать пару месяцев, чтобы узнать результаты.

Черный Человек повернулся и взглянул на корабль. Из открытых портов появлялись один за другим черные Демоны. Прихожане, взвизывая на десант, были охвачены паникой, готовые бежать куда глаза глядят.

— Думаю, что перед нами Ангелы, только перекрашенные в черный цвет и слегка обновленные. Но основные аппараты мы не тронули. Вы называете их Архангелами и Серафимами? Как видишь, этот корабль действительно прибыл на помощь, но нам, — продолжал Черный Человек. — Думаю, Асмодей с самого начала полагал: мятеж против Иерархии будет общепланетным. Кроме того, как я проинформирован, у Иерархии довольно шаткие позиции в ее двух колониях. А на межпланетную войну Иерархия не могла пойти. Слишком свежи воспоминания о двух прошлых войнах. Вот эта посадочная площадка — оставшийся след после одной из таких войн. Ведь в те времена применяли дьявольское оружие. Наше оружие по сравнению с ним — детская игрушка.

Он искоса посмотрел на Гонифация, с мрачным видом добавив:

— Вы, жрецы, всегда уповали на помощь с небес, а теперь эта помощь явилась в самом буквальном смысле.

Гонифаций более не стал скрывать свои чувства.

— Вряд ли мне стоит напоминать вам, — холодно сказал он, — что самое мудрое и справедливое с вашей стороны — это подвергнуть меня немедленной смерти. Конечно, если вы не желаете поиздеваться надо мной всласть.

Черный Человек рассмеялся.

— Я бы с удовольствием поразвлекся. — Он взглянул на Шарлсон Наурию. Затем посмотрел на Гонифация уже серьезнее.

— Боюсь, нам не придется насладиться местью. У нас мало умных людей, и мы не можем уничтожить мозг, подобный твоему. Думаю, Брат Домас может преобразовывать мозг людей в любых направлениях. Конечно, это может не сработать. Жарль — весьма сомнительный пример успешного преобразования. Но все же стоит попытаться, приняв соответствующие предосторожности.

После того как бывшего Иерарха увели, Черный Человек и Шарлсон Наурия наблюдали, как на одну из террас приземлился отряд черных Демонов и из него вышли пилоты, венерианцы-колонисты. Затем они, взглянув на Собор, увидели, что работа над Великим Богом почти закончена.

Черный Человек сказал ей доверительным тоном:

— Мне бы очень хотелось, чтобы лучший ум Иерархии работал на нас. Я не шутил, заявив, что нам не хватает умных людей. Особенно если учесть, что нам предстоит сделать. А Асмодей мертв, пусть земля будет ему пухом! Когда я думаю, что скоро произойдет... Первые дни пройдут спокойно, но потом... Сначала прихожане захотят перебить всех жрецов. И мы — единственная их защита. Затем прихожане полностью поверят в сверхъестественные силы, они возведут Ведьмовство в религию. Предполагаю, что они во всех церквах начнут молиться Сатане. Возможно, они даже сейчас разочарованы, что никаких сатанинских чудес не происходит. Когда они поймут, что мы покончили с Ведьмовством, они захотят оживить его против нас. Другие, уже позже, захотят вернуть культ Великого Бога. Естественно, не следует забывать и о приспешниках Иерархии, которые наверняка затевают заговоры и контрреволюцию. Считаю, всем нам предстоят очень трудные годы, мало кто из нас доживет до старости. Наверное, нам придется оживить Иерархию, но под другим названием, придется изменить цвет мантий — с красного на черный.

Он, закончив говорить, заметил маленького толстого жреца с черной повязкой на руке, который издали смотрел на них жалобно и просительно, будто хотел подойти к ним и попросить милости и заступничества. Очевидно, взгляд Черного Человека напугал его, ибо он тут же повернулся и быстро пошел прочь.

— Я знаю этого жреца, — сказала Наурия, — он один из тех, кто...

— Я знаю его еще лучше, — прервал ее Черный Человек. — Брат Хулиан, Добрый маленький Брат Хулиан. Мягкий, беззлобный, но жаждущий хорошей жизни, как большинство из них. Только подумать, нам ведь придется внедрить их обратно в их семьи, в среду прихожан, а прихожане — далеко не воплощение кротости, нет, они давно уже стали холодными, злобными, жестокими и не забывают это демонстрировать, когда предоставляется возможность. И все преобразования нам придется осуществлять! Не думаешь ли ты, что мне нужен человек, с кем я могу отдыхать душой и телом после трудной и неблагодарной работы?

И он выразительно посмотрел на Наурию.

Она тоже взглянула на него, и лицо ее осветилось улыбкой. Затем она, медленно покачав головой, отвернулась. Черный Человек проследил направление ее взгляда.

Он стоял на противоположном конце террасы, повернувшись к ним спиной и глядя вдаль. Он все еще был в мантии жреца.

— О, наверное, ты права, — неохотно признал Черный Человек. — Думаю, что он тоже кое-что заслужил после всего пережитого им. И я надеюсь: наш суд не накажет его за убийство Асмодея. Да, да, я прекрасно понимаю тебя, — закончил Черный Человек.

Она кивнула:

— Я всю жизнь прожила, думая о мести. Я прошла через такой же ад, как и он. Когда все было кончено, он пытался покончить с собой. Я обещала ему...

Когда он повернулся, чтобы идти, она добавила:

— В конце концов, для отдыха у тебя есть чувство юмора.

— Да, — признал он. — Но бывают ситуации, когда чувство юмора бесполезно.

И с этими словами Черный Человек ушел. За ним поспешила какая-то скрюченная старуха в лохмотьях и в сопровождении черного кота. Она отчаянно махала палкой, пытаясь остановить его. Прихожане, встречавшиеся ей, почтительно кланялись. Казалось, они очень рады увидеть хоть кого-нибудь, о ком доподлинно известно — она ведьма. Это удовлетворяло их, поскольку позволяло как-то понимать ситуацию.

— Идиоты! — презрительно бормотала мать Джуди, поднимаясь на террасу. — Все мне кланяются, будто я какой-нибудь архиепископ или чудовище. Несколько дней назад они хотели сжечь мать Джуди, а теперь поклоняются ей.

— Приветствую тебя, почтенная древность, — сказал Черный Человек. — Тебе что-то не нравится? Ты что-то хочешь? Тебе стоит только попросить.

— Может быть, я пришла за пинтой своей крови, — ядовито ответила она.

— О, мать Джуди, — сказал Черный Человек, с любовью поглаживая Дикона. — Эта пинта крови — самая драгоценная на свете. Если бы мы собирались использовать Собор по его прежнему назначению, эта пинта заняла бы почетное место среди святынь.

— Чепуха! Я испорченная старая женщина и люблю сенсации. Вот почему я напоила вампира. Нет, я пришла сюда не за похвалами и благодарностями. Я хочу знать, что будет со мной.

— Думаю, ты можешь помочь нам, — задумчиво произнес Черный Человек. — Прихожане больше, чем когда-либо, будут нуждаться в твоей помощи и советах. А ты свои ответы согласишь с нами. Станешь своего рода офицером по связи с прихожанами...

Мать Джуди загадочно покачала головой.

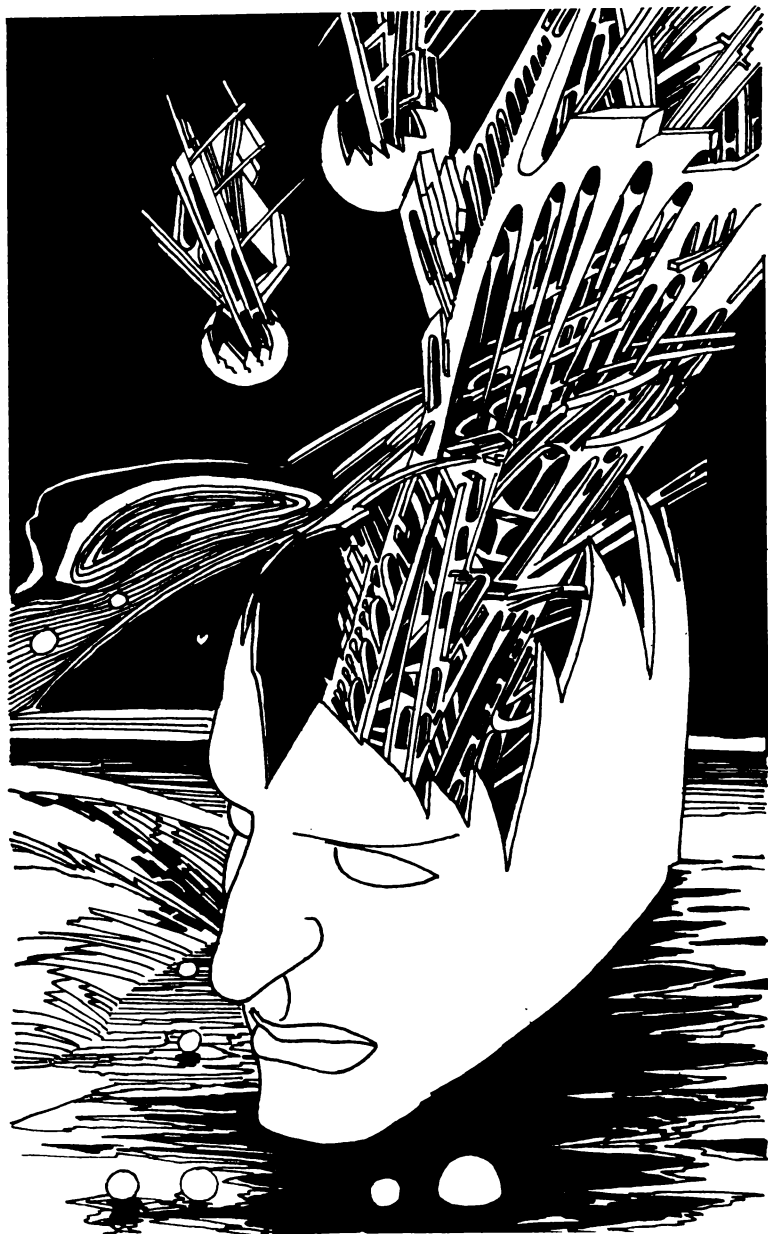
— Нет, ведьмой я была, ведьмой и останусь. Скажу тебе откровенно: мне не нравится, что сейчас происходит. Почему твои люди распространяют слухи среди прихожан, будто Сатана не существует?

— Это правда, мать Джуди. И с Иерархией и с Ведьмовством покончено.

— Мне такое не нравится. Ничего хорошего не получится, если вы с самого начала раскрываете свои карты. Так всегда бывает.

— Боюсь, что ты права.

С гулким грохотом, похожим на раскаты удаляющейся грозы, на Площадь рухнула голова Великого Бога.

СТРАННИК

•

•

•

•

•

Глава 1

Рассказы о катастрофах и сверхъестественных явлениях начинаются обычно с появления в ромбе окна лица, освещенного светом Луны, с чтения старых рукописей, испещренных поблекшими письменами или с раздающегося в вересковых пустошах собачьего воя. Эта история, однако, началась с лунного затмения и с четырех новых глянцевых астрономических фотографий, каждая из которых запечатлела звездные поля и планетарный объект. Только вот что-то странное случилось со звездами.

В тот момент, когда наступило затмение, прошло всего семь дней со времени проявления первой фотографии. Она была сделана с помощью телескопа, находившегося на искусственном спутнике, а остальные — на обсерваториях, расположенных далеко друг от друга. Эти фотографии, выгравированные на бумаге руны чистейшего знания, являлись прямой противоположностью всяческих суеверий, но, однако, они вызвали непонятное беспокойство молодого ученого, который первым их увидел.

На первой фотографии он видел черные точки, которые и должны были быть на ней, но вместе с тем он видел и нечеткие черные зигзаги непонятного происхождения. Его охватило туманное ощущение нереальности и суеверного ужаса, приближающее его на мгновение к пещерным людям, почитателям Сатаны и людям средневековья, испытывающим страх перед ведьмами.

Все четыре фотографии, признанные документами наивысшего значения, достигли Лос-Анджелеса и попали в Командование Лунного Проекта при американских силах космических полетов — центр исследований Луны. Эти исследования едва ли могли сравниться с выполненными советской стороной и не шли ни в какое сравнение с советскими исследованиями Марса. Поэтому Командование Американского Лунного Проекта охватило беспокойство и даже страх, хотя (как всегда, когда ученые сталкиваются с кажущимися сверхъестественными делами) от него пытались отделаться ироническим смехом, одновременно давая свободу буйному воображению.

Эти четыре фотографии, вернее, не сами фотографии, а те явления, которые они запечатлели, оказали влияние на каждое земное существо, на каждый атом нашей планеты. Они оставили глубокие борозды в душе каждого человека.

Из-за них тысячи людей утратили разум, а миллионы — жизнь. Они оказали свое влияние и на Луну.

Так что мы можем начать рассказ с чего угодно — с Вольфа Лонера, находящегося посередине Атлантического океана, с Фрица Шера, проживающего в Германии, с Ричарда Хиллери — в Соммерсете, с Араба Джонса, курящего самокрутку в Гарлеме, с Барбары Кац, крадущейся в черном комбинезоне по газону в Палм Бич. С Салли Харрис, ищущей сильных ощущений в Нью-Йорке, с Рудольфа Брехта, продающего рояль в Лос-Анджелесе, с Чарли Фулби, читающего лекцию о летающих тарелках, с генерала Спайка Стивенса, исполняющего обязанности шефа в американских силах космических полетов. С Рамы Джоан Хантингтон, интерпретирующей буддизм, с Багонга Бунга в Южно-Корейском море, с Дона Мерриама на Американской Лунной базе... и даже с Тиграна Бирюзова, находящегося на орбите вокруг Марса.

Мы могли бы также начать с Тигрицы или с Мяу, с Рагнарока или с президента Соединенных Штатов.

Но поскольку не они находились ближе всех к первому центру беспокойства под Лос-Анджелесом и поскольку были и другие люди, позже сыгравшие в этой истории решающую роль, то мы начнем с Пола Хегболта, пресс-атташе Лунного Проекта и с Марго Гельхорн, невесты одного из четырех молодых американцев, которые полетели к Луне для обслуживания Лунной базы. Начнем также с принадлежащей Марго кошке Мяу, которую ожидало очень странное путешествие, с четырех фотографий, хотя в то время они еще были строго охраняемой государственной тайной и одновременно загадкой, но еще не вестником несчастий. И с Луны, которая должна была погрузиться в поблескивающий мрак затмения.

Выходя на улицу, Марго Гельхорн подняла глаза на гордо сияющую в небе Луну. Земной спутник выглядел словно пупырчатый мраморный баскетбольный мяч. Его светло-золотой оттенок идеально подходил к этому спокойному вечеру, столь редкому для западного побережья.

— А вот и эта старая девка Селена! — крикнула Марго.

Пол Хегболт появился в двери и неуверенно рассмеялся.

— Ты совершенно серьезно относишься к Селене, как к сопернице, — заметил он.

— К дьяволу соперницу, это еще не все. Ведь она забрала у меня Дона, — решительно ответила девушка. — Она загипнотизировала даже Мяу.

Марго осторожно погладила спокойно лежащую у нее на руке серую кошку, в зеленых глазах которой, словно две слегка испачканные жемчужины, отражалась Луна. И опять посмотрела на небо.

Пол тоже взглянул на Луну, вернее, на точку у ее верхнего края, над затемненным пятном Моря Дождей. Он не мог, конечно, увидеть кратер Платона с американской Лунной базой, но знал, что кратер должен обязательно находиться в поле зрения.

Марго с горечью добавила:

— Достаточно уже того, что я должна постоянно смотреть на это отвратительное кладбище, зная, что Дон находится там, предоставленный всем опасностям, которые могут найтись в этой ужасной пустыне. Но теперь, когда вдобавок ко всему появились еще и эти фотографии...

— Марго! — ужаснулся Пол, инстинктивно оглядываясь. — Это государственная тайна. Мы не должны говорить об этом. Во всяком случае, здесь!

— Из-за этого Лунного Проекта ты уже боишься собственной тени! Ведь ты мне почти ничего не сказал...

— Я вообще ничего не должен был тебе говорить!

— Тогда о чем мы должны с тобой разговаривать?

Пол вздохнул.

— Послушай, — произнес он. — Я думал, что мы посмотрим затмение, или, может быть, прокатимся....

— Ой-ой, я совсем забыла о затмении! Луна, пожалуй, стала темнее. Оно уже началось?

— Похоже, — ответил Пол. — Впрочем...

— Что будет теперь с Доном? — перебила она его.

— Ничего особенного. Некоторое время там будет темно. Вот, пожалуй, и все. Да, еще температура вокруг Лунной базы понизится на двести — двести пятьдесят градусов.

— Ледяное дуновение с семьмого круга ада, а он говорит — вот и все!

— Это не так страшно, как кажется. Видишь ли, днем температура достигает каких-то ста пятидесяти градусов, — начал объяснение Пол.

— Ледяные сибирские ветры в соединении с ужасной жарой — это для тебя мелочи? А когда я подумую об этом втором, неизвестном ужасе, надвигающемся из космоса на Луну...

— Перестань! Сейчас же перестань! — улыбка исчезла с лица Пола. — У тебя разыгралось воображение.

— Воображение? Ведь ты сам говорил о тех четырех астроподобиях, на которых было видно...

— Я ничего тебе не говорил — во всяком случае, ничего такого, что нельзя было бы превратно понять. Нет, Марго. Я не хочу даже думать об этом. И не хочу слушать подобный бред от такой хорошенькой женщины. Пойдем в дом.

— В дом? Когда Дон на Луне? Я буду смотреть на затмение до конца!

— В таком случае, — спокойно предложил Пол, — лучше возьми что-то более теплое, чем эта куртка. Теперь тепло, но ночи в Калифорнии изменчивы.

— А ночи на Луне — нет? Подержи Мая.

— Зачем? Если ты думаешь, что я возьму кошку в автомобиль...

— Затем, что мне чересчур жарко в этой куртке! На, возьми, и отдай мне Мяу. А почему ты не хочешь, чтобы она поехала с нами? Кот — это тоже человек. Правда, Мяу?

— Нет. Это только красивое животное.

— Не нет, а да. Даже твой великий Хайнлайн, бог Хайнлайн, признает, что коты — это граждане, хоть и второго сорта, но ничем не хуже, скажем, бушменов или феллахов.

— Меня не волнует эта теория, Марго. Попросту у меня нет намерения везти в машине перепуганную кошку.

— Мяу не перепуганная. Она очень хорошо воспитанная барышня.

— А барышень характеризует спокойствие? Посмотри на себя.

— Так ты не возьмешь ее?

— Нет.

Луна, находящаяся на расстоянии каких-то четырехсот тысяч километров от Земли, медленно входила в тень планеты и постепенно изменяла цвет с бледно-золотого на светло-коричневый. Солнце, Земля и Луна выстраивались в одну линию. Это было обычное рядовое затмение Луны, случавшееся уже, наверное, не один миллиард раз. Действительно, ничего особенного, но, однако, из-под уютной перины земной атмосферы по эту сторону Земли, где воцарилась ночь, сотни тысяч людей наблюдали это зрелище.

Почти все другие планеты находились с противоположной стороны Солнца — далеко, словно люди, спрятанные в дальнем конце огромного дома.

Звезды сверкали в темноте, словно холодные бездомные глаза или же сияющие светом окна на противоположном берегу океана.

Земля и Луна сейчас были подобны одинокой паре, греющейся у солнечного костра среди темного леса, простирающегося на тридцать два биллиона километров. Ужасающее одиночество, особенно если учесть, что что-то неведомое движется по лесу, подкрадываясь все ближе и ближе к костру, раздвигает черные ветви космического пространства и заставляет звезды неустойчиво мерцать и выбиривать.

Далеко, в Северной Атлантике, капли морской воды упали на лицо Вольфа Лонера, вырвав его из плена кошмарного сна в самое подходящее время, чтобы высоко на западе через последний рваный просвет между черными тучами он смог увидеть медный щит Луны. Вольф знал, что это из-за затмения Луна как бы прикрыта пеленой дыма, но он все еще был во власти сна, и ему показалось, что она взывает о помощи из горящего дома — Диана в опасности? Однако черные волны и сильный ветер, надувший паруса, через мгновение размыли и стерли из его сознания эту беспокойную картину.

— Психическое равновесие — это ритм, — сказал Лонер сам себе. В радиусе слышимости его голоса не было не единой живой души и,

собственно, в радиусе трехсот двадцати километров тоже, поскольку согласно его расчетам именно такое расстояние отделяло его от Бостона в этом одиноком плавании с востока на запад, начатого в Бристоле.

Он проверил трос между гротом и рулем, который удерживал семиметровую яхту на нужном курсе, а затем спиной вперед вполз в кабину, не более широкую, чем гроб, чтобы в ее тепле еще немного вздремнуть.

В пяти тысячах километров к югу от яхты Лонера, «Принц Чарльз» — роскошное трансатлантическое судно с атомными двигателями — следовало, словно плавающий скальный массив, сквозь невидимый туман накладывающихся друг на друга радиоволн по направлению к Джорджтауну в Райане и дальше, к Антильским островам. Под погруженным в темноту куполом несколько пожилых людей, зевающих по причине позднего времени, наблюдали начавшееся затмение. Из центрального танцевального зала доносились приглушенные раскаты нежданного произведения по мотивам Рихарда Вагнера. Капитан Ситвайз в это время с тревогой подсчитывал по списку пассажиров количество присутствующих на корабле известных бразильских фашистов, из этих молодых и непредсказуемых, отмечая про себя, что, наверное, где-то опять ожидается революция.

Скрытая в тени огромного дерева в развлекательном районе Кони-Айленд, худенькая Салли Харрис держала руки на шее под торчащими, постоянно наэлектризованными волосами и, улыбаясь, терпеливо ожидала, пока Джейк Лешер пытался расстегнуть у нее на спине черное элегантное платье.

— Веселого развлечения, — сказала она, — но помни, что мы должны успеть в парк, чтобы увидеть затмение со всех десяти вершин.

— О, зачем нам паяться на эту Луну? Это скучно, ужасно скучно, поверь мне, — заявил ее приятель, несколько запыхавшийся. — Сал, где, к черту, эти застегивки и крючки?

— На дне сундука твоей бабушки, — проинформировала его девушка. Она зацепила декольте своими выкрашенными в серебряный цвет ноготками и рванула вниз.

— Магнитное устройство находится на носу, а не на корме, ты, сухопутная крыса, — засмеялась Салли и лихо повела плечами. — Видишь?

— Боже! — вскричал Джейк. — Совсем как свежие, горячие булочки! Ох...

— Поиграйся, — ноздри девушки слегка расширились, — но помни, что ты обещал взять меня на горную железную дорогу. И будь добр, осторожнее обходишься с моим макиажем.

Пытаясь сквозь гущу черных туч над Никарагуа увидеть металлически блестящую поверхность озера Манагуа, дон Гильермо Уолкер, сидя в самолете, пришел к заключению, что бомбардировка цитадели

«Эль президенте» во время затмения была чисто театральной идеей, отчаянной импровизацией, такой же абсурдной, как и та, которая в третьем акте «Алжирского решения» заставляла главную героиню Джейн обнаженной предстать перед зрителями, что, однако, не спасало пьесу от полного провала.

Оказалось, что во время затмения вовсе не наступает полный мрак, и три истребителя «Эль президенте» в течение нескольких секунд могут превратить в решето эту старую колымагу, высокопарно именуемую боевым самолетом, положив тем самым конец Революции Наилучших или, по крайней мере, прервав участие в этом предприятии дон Гильермо Уолкера, потомка и продолжателя традиций известного в Никарагуа середины девятнадцатого века корсара Вильяма Уолкера.

Даже если бы ему удалось выпрыгнуть из подобного самолета с парашютом, его все равно схватили бы. Дон Гильермо точно знал, что не сможет стoisически выдержать обработку электрической дубинкой, предназначенной для того, чтобы подгонять скот. Да он будет вопить, как трехлетний ребенок!

Слишком светло, слишком светло!

— Ты, жалкий актеришка! — крикнул дон Гильермо упрямо светящему месяцу. — Не можешь никак сойти со сцены!

В трех тысячах километрах от Вольфа Лонера и окружающих его черных туч, недалеко от темных силуэтов электростанции в Северне, использующей энергию приливов, поэт Дэй Дэвис, вдребезги пьяный, махал рукой закопченной Луне, желая ей спокойной ночи. Первые лучи рассвета гасили на небе звезды.

— Приятных снов, Золушка! — закричал Дэй. — Умой лицо и иди спать, но завтра ты обязательно должна вернуться!

Севершенно трезвый Ричард Хиллери, болезненный английский прозаик, с едкостью заметил по этому поводу:

— Ты так это говоришь, Дэй, словно боишься, что она уже не вернется.

— Все может случиться, мой Рикки, — зловеще ответил Дэй. — Мы очень мало знаем о Луне.

— Ты слишком много о ней думаешь, — отрезал Ричард. — Постоянно читаешь научно-фантастические романы. Блевать хочется!

— Да, научно-фантастическая литература для меня как еда и питье, ну, по крайней мере, как еда. Блевать хочется? Наверное, ты вспомнил дракона из «Королевы пророчиц» и вообразил, как он сначала отплевывает книги, ненавидимые Спенсером, а затем собрания сочинений Г.-Дж. Уэллса, Артура Кларка и Эдгара Райса Берроуза.

— Научно-фантастическая литература ничего не стоит, так же, как и все формы искусства, которые занимаются скорее явлениями, чем людьми, — заявил Ричард. — Ты, Дэй, должен об этом знать. Ведь уэлльсцы доброжелательны и сердечны.

— Нет. Они бесчувственны, как деревья, — с гордостью произнес поэт. — Они бесчувственны, как эта Луна, которая имеет для нашей планеты гораздо большее значение, чем то, что вы когда-нибудь в состоянии оценить, вы, сентиментальные еретики, потомки саксов и норманнов, пьяницы, похрапывающие в забегаловках, дегенеративные и обладающие маньером гуманизма!

Жестом руки он указал на здание электростанции.

— Энергия прямо от Моны!

— Дэвид, — не выдержал наконец прозаик. — Ты ведь прекрасно знаешь, что это чудо построено только для того, чтобы заткнуть рот таким людям, как я, возражающим — из-за опасения перед бомбой — против всякого применения атомной энергии. И я прошу тебя — не называй Луну Моной, это народная этимология. Мона — это уэльский остров, иначе Энглси, но нет уэльской Луны!

Дэй пожал плечами и продолжал смотреть на бледную заходящую Луну.

— Мона — хорошее имя, а это самое главное. Вся цивилизация — только соска, которой затыкают рот младенцу, называемому человечеством. А кроме этого, — добавил он, насмешливо улыбаясь, — ведь на Луне есть люди.

— Да, — холодно согласился Хиллери, — четверо американцев и черт знает сколько русских. Прежде чем мы начнем транжирить миллиарды на космические путешествия, мы должны ликвидировать на старушке Земле нищету и страдания.

— Но тем не менее на Моне есть люди, стремящиеся к звездам.

— Да, четверо американцев. Ну и что? У меня больше уважения к этому Лонеру из Новой Англии, который в прошлом месяце вышел из Бристоля на лодке, чем ко всем этим звездным мальчикам. Он, по крайней мере, не утверждает, что от успеха его экспедиции зависят судьбы мира.

Дэй, все еще глядя на запад, оскалил зубы.

— Черт с ним, с Лонером, этим бессмысленным анахронизмом! Он, вероятно, давно утонул, и тело его сожрали рыбы. Но американцы пишут прекрасные научно-фантастические книги и строят космические корабли не намного хуже советских. Спокойной ночи, любимая Мона! Вернись с грязным личиком, но вернись обязательно!

Глава 2

Через панорамное стекло шлема, выпуклое, словно шляпка гриба, все еще до половины поляризованное, чтобы оберегать глаза от солнечного света, лейтенант Дон Мерриам из американских космических сил наблюдал, как последний овальный кусок Солнца, уже затуманенный земной атмосферой, исчезает, перекрываемый плоскостью родной планеты.

Последние полосы оранжевого света вдруг напомнили Дону, как зимой заходящее Солнце скрывалось в гуще черных ветвей обнаженных деревьев рядом с фермой в Миннесоте, где он провел детство.

Поворачивая голову вправо, в сторону миниатюрного пульта управления, он нажал кнопку, чтобы уменьшить поляризацию стекла. Дороги к планетам, лишенным атмосферы, проложат люди с длинными языками, сказал когда-то командор Томперт. «Может быть, для этой цели лучше подойдут муравьеды?» — тут же поинтересовался Дюфресне.

На небе одна за другой вспыхивали звезды — ночь в пустыне, невообразимо гигантской, усеянная драгоценными камнями. Жемчужная шевелюра Солнца начала сливаться с Млечным Путем.

Землю окружало красное кольцо — солнечный свет, преломленный густой атмосферой планеты, — которое должно было сохраниться до конца затмения. Ярче всего кольцо светилось у того края, за которым только что скрылось Солнце.

Дон засмотрелся на центральные районы Земли, которые казались сегодня совсем черными. В течение затмения молочный свет Луны не падал на Землю.

Он сидел на корточках, немного отклонившись назад, и опирался на левую руку — в таком положении он мог лучше видеть Землю, находящуюся на полпути к зениту. Однако теперь он оттолкнулся одной рукой, и этого движения в условиях малой гравитации Луны оказалось достаточно, чтобы встать на ноги.

Дон внимательно посмотрел по сторонам.

Свет звезд и блеск окружающего Землю кольца придавали темно-серой равнине, покрытой мягкой пылью порошкообразного пумекса и магнитного феррита, медный оттенок.

Давным-давно, когда кромвелевская Армия Нового образца правила Англией, Гевелий назвал кратер Платона Большим Черным Озером. Даже при полном свете Солнца Дон не смог бы увидеть стен Платона. Этот естественный круглый вал, почти что полутораклометровой высоты, простирающийся на пятьдесят километров на восток, север, юг и запад от Дона, согласно направлениям на Луне, полностью скрывался за изгибами лунной поверхности, поверхности значительно более шероховатой, нежели земля.

Этот же суженный горизонт заслонял нижнюю часть Лунной станции, находящейся в каких-то ста метрах от Дона. Было приятно видеть между темной равниной и звездным полем пять маленьких блестящих иллюминаторов, а рядом с ними, на фоне звезд — очертания срезанных конусов трех космических кораблей, стоящих на трехножных опорах.

— Как ты себя чувствуешь в этой тьме египетской? — раздался в динамике тихий голос Йохансена. — Прием.

— Тепло и уютно. Наша любимая Луна приветствует тебя, — ответил Дон. — Прием.

— А температура?

Космонавт посмотрел через стекло в шлеме на увеличенные фосфоресцирующие циферблаты.

— Понизилась до двухсот градусов Кельвина, — заявил он, передавая почти точный эквивалент семидесяти трех градусов ниже нуля по шкале Цельсия.

— Система СОС действует? — продолжал надоедать Йохансен.

Дон нажал кнопку, и в шлеме раздалось тихое мелодичное гудение.

— Громко и четко, дорогой капитан! — весело доложил он.

— Слышу, — кисло заверил его Йохансен.

Дон языком выключил сигнал.

— Ты уже собрал урожай? — прозвучал следующий вопрос.

Йохансен имел в виду маленькие металлические ловушки, регулярно выставляемые наружу на разных расстояниях от базы и собираемые для того, чтобы определить пути перемещений лунной пыли и других субстанций, в том числе и специально помеченных атомов.

— Я еще не наточил косу, — ответил Дон.

— И не спеши, — посоветовал ему капитан и, многозначительно кашлянув, отключился. Расстановка и сбор ловушек, как они оба хорошо знали, были предлогом для того, чтобы выслать кого-либо из космонавтов за пределы станции во время наибольшей угрозы сейсмических сотрясений — то есть тогда, когда Солнце и Земля притягивали Луну с одной или с двух противоположных сторон. Это происходило каждые две недели. Считалось, что копь скоро сила гравитации вызывает землетрясения, то она может быть также причиной и лунотрясений. Правда, на Лунной базе до сих пор еще не отмечали значительных колебаний лунной поверхности, только легкое сотрясение почвы, во время которого указатель сейсмографа, прикрепленного к покрытой пылью скале под станцией, почти не проявлял активности. Но, несмотря на это, Томперт решил высылать кого-нибудь из персонала базы наружу на несколько часов каждые две недели — когда была «молодая Земля» или «полная Земля» (т. е. во время полной или молодой Луны, согласно земной терминологии, или, попросту, во время приливов). Так что если бы все же случилось что-то непредвиденное и станция оказалась серьезно поврежденной, кто-то все равно мог бы спастись.

Это было одно из тщательно продуманных мероприятий, которые проводились на Лунной базе в целях безопасности. Более того, это было хорошей и систематической проверкой сопротивляемости комбинезонов и способности персонала работать в одиночку.

Дон снова поднял глаза и посмотрел на Землю. Окружающее ее кольцо приобрело более правильную форму. Он не смог заметить в темном круге ни одного знакомого очертания, хотя и знал, что восточная часть Тихого океана и обе Америки находятся с левой стороны, а Атлантика и восточное побережье Африки и Европы — справа. Он

подумал о любимой, безрассудной Марго и о старом друге, веселом невротике Поле, но тут же они показались ему чем-то несущественным — чуть ли не маленькими жучками, бесцельно снующими под защитой земной атмосферы.

Он посмотрел вниз — он стоял на сверкающей белизне. Поверхность Луны в действительности не была белой, но у Дона создалось впечатление, что свежее выпавший снег в Миннесоте, поблескивающий в свете звезд, воссоздан здесь с дьявольской точностью. Двуокись углерода, постоянно сочившаяся через пылевидный пумекс и ферриты со дна Платона, кристаллизовалась в сухие хлопья непосредственно на слое пыли.

Дон улыбнулся, на мгновение чувствуя себя более близким к жизни на Земле. Луна еще не стала для него матерью — ей до этого было далеко, — но она начинала слегка напоминать ему надменную старшую сестру.

Свежий морской воздух врвался в кабину автомобиля, на котором Пол Хегболт, Марго Гельхорн и кошка Мяу ехали по шоссе вдоль побережья Тихого океана. Через равные промежутки времени в свете фар откуда-то издалека выныривал старый желтый дорожный знак, медленно бежал им навстречу, вырастал, пока наконец не показывалась надпись: «Опасно!» или «Внимание — лавины!», после чего знак исчезал в темноте ночи. Шоссе бежало по узкой полоске между пляжем и почти вертикальным скалистым обрывом, наложения которого указывали на очень раннюю геологическую эпоху — окаменевший ил, песок, гравий и другие осадочные породы, хотя кое-где торчали и большие камни.

Марго сидела боком, поджав ноги, чтобы удобнее было наблюдать за задумчивой медной Луной. Ветер развеивал ее волосы, на коленях лежала разложенная куртка, на которой со вкусом спала, или, по крайней мере, прекрасно притворялась, что спит, свернувшаяся в серый клубок Мяу.

— Приближаемся к Вандербергу-Два, — сказал Пол. — Мы могли бы наблюдать затмение с помощью телескопа, а?

— Мортон Опперли там? — поинтересовалась Марго.

— Нет, — с легкой улыбкой ответил Пол. — В последнее время он находится в Долине, на Вандерберге-Три, и разыгрывает роль великого волшебника перед другими теоретиками.

Марго пожала плечами и посмотрела на небо.

— Когда, наконец, эта Луна скроется с наших глаз? — спросила она. — Она уже потемнела, но ее все еще видно.

Пол в общих чертах изложил ей ход затмения.

— Но как долго будет продолжаться затмение? — спросила она, и, когда Пол ответил, что два часа, Марго запротестовала:

— Я думала, что это длится всего несколько секунд. Все нервничают, фотоаппараты падают из рук, а затмение уже кончается.

— Так бывает во время затмения Солнца и когда затмение полное.

Марго улыбнулась и села удобнее.

— А теперь расскажи мне об этих фотографиях звезд, — требовательно обратилась она к своему приятелю. — Не бойся, здесь тебя никто не подслушает. А я уже почти спокойна. Я перестала беспокоиться о Доне — он попросту находится под золотистым прикрытием затмения, а это ему ничем не грозит.

Пол колебался.

Девушка снова улыбнулась.

— Я тебе обещаю, что не буду нервничать. Я хочу только понять, в чем дело.

— Я не могу обещать, что ты что-то поймешь, — ответил он. — Даже корифеи астрономии, и те только сумели сделать умные лица и что-то бормотали себе под нос. Опперли, кстати, тоже.

— Итак?

Пол объехал кучу гравия и сказал:

— Фотографии звездного неба обычно смотрят через несколько лет, иногда даже их вообще не берут в руки, но наши ребята из Лунного Проекта договорились со всеми обсерваториями, чтобы они передавали им снимки, на которых видно что-то необычное. Вот поэтому фотографии и оказались у нас уже через день после того, как их сделали.

— Чрезвычайное приложение к звездному атласу? — рассмеялась Марго.

— Именно! Первая фотография пришла неделю назад. Она представляла звездное поле и Плутон. Но что-то произошло во время экспозиции, и звезды вокруг Плутона исчезли или изменили свои положения. Я сам видел эту фотографию — там, где наиболее яркие звезды рядом с Плутоном изменили свое положение, остались неясные змейки. Черные следы на белом фоне, не удивляйся, все дело в том, что обычно астрономы рассматривают только негативы.

— Строго секретно! — торжественно произнесла Марго. — Пол! — неожиданно вскрикнула она. — В сегодняшней газете была заметка о человеке, который утверждал, что видел, как звезды закружились. Я запомнила заголовок этой статьи «Звезды двигались!» — утверждает водитель».

— Я читаю газеты, — кивнул Пол и кисло улыбнулся. — Этот тип ехал на автомобиле, и его так очаровали эти вращающиеся звезды, что он вляпался в аварию. Но все оказалось проще простого. Он был пьян.

— Да, но его поддерживали люди, которые ехали вместе с ним. А потом другие тоже звонили, даже в планетарий, рассказывая об аналогичных случаях.

— Я знаю, в бюро Лунного Проекта тоже звонили, — сказал Пол. — Обычная массовая галлюцинация. Слушай, Марго, фотографию, о которой я тебе говорил, сделали неделю назад. Наблюдаемое явление обнаружили только благодаря использованию необычайно мощного те-

лескопа. Поэтому давай не будем морочить головы тем, что пишут газеты, — в них всегда полно ерунды типа летающих тарелок. Итак, у нас есть снимок Плутона, представляющий три неясные траектории, оставленные звездами. Слушай дальше! Плутон вовсе не изменил своего положения! На негативе была черная точка!

— И что в этом странного?

— Обычно никого не удивляет свет звезд и даже их легкое колебание. Это вызывается земной атмосферой. Вспомни, как дрожат холмы в жаркий летний полдень. Именно поэтому звезды и мерцают, если на них смотреть с Земли. Но в этом случае то, что исказило свет звезд, должно было находиться за Плутоном. По эту сторону звезд, но за Плутоном!

— А как далеко находится от нас эта планета?

— В сорок раз дальше от Земли, чем Солнце.

— А что могло исказить свет звезд?

— Именно это и стараются понять наши спецы. Может быть, какое-то электрическое или магнитное поле, но оно должно было быть необычайно сильным.

— Ну а как обстоят дела с другими фотографиями?

Пол некоторое время молчал, пока обгонял пыхтящий грузовик.

— Вторая фотография, сделанная четыре ночи тому назад космическим спутником и переданная на Землю телепередатчиком, — это, собственно, та же история, только на этот раз речь идет о Юпитере и поле деформаций увеличилось.

— Значит, то, что вызывает деформацию света звезд, должно приблизиться?

— Вполне может быть. Но стоит добавить, что луны Юпитера не изменили своего положения. Третья фотография, которую я рассматривал позавчера, представляла Венеру и еще большие поля деформаций. Но на этот раз сама планета описала большую дугу.

— Как будто свет передвинулся на эту сторону Венеры?

— Да. Между Венерой и Землей. Конечно, на этот раз причиной такого явления могла быть необычная атмосфера Венеры, но наши считают, что это, скорее всего, сомнительно.

Пол замолчал.

— Ну! — настаивала Марго. — Ты говорил, что было четыре фотографии!

— Четвертую я увидел сегодня, — осторожно произнес Пол. — Она была сделана прошлой ночью. Еще большее поле деформаций. На этот раз был виден кусок Луны, который остался без изменения.

— Пол! Наверняка именно это видел тот тип, который вел машину. Это было сегодня ночью.

— Брось! — отмахнулся Пол. — Невооруженным глазом почти невозможно увидеть вблизи Луны звезды. И, кроме того, сообщения любителей не принимаются во внимание...

— Но, однако, все это выглядит так, — перебила она его, — будто что-то все ближе и ближе подкрадывается к Луне. Сначала Плутон, потом Юпитер, затем Венера, и каждый раз все ближе.

Шоссе поворачивало на юг, и медная Луна, сопутствующая им в дороге, зависла теперь низко над Тихим океаном.

— Подожди, Марго, — запротестовал Пол, на мгновение отнимая от руля левую руку. — Мне пришла в голову такая же мысль, поэтому я спросил Ван Брустера, что он об этом думает. Так вот, он утверждает, что совершенно неправдоподобно, чтобы только одно поле, странствующее в космосе, вызвало все четыре деформации. Он допускает, что в игре участвуют четыре не связанные между собой поля, так что не может быть и речи о том, что кто-то там подкрадывается к Луне. Более того, Ван Брустер утверждает, что его вовсе не удивили эти фотографии. Он говорит, что астрономы уже много лет знали о теоретической возможности существования таких полей и что если мы сейчас получаем доказательства этому, то не из-за случая, а благодаря первому в этом году применению телескопа с электронным усилением и мгновенно действующими эмульсиями. Деформации можно запечатлеть только на моментальных снимках, поэтому их и не могли зафиксировать при съемках с выдержкой.

— А что думает Мортон Опперли? — поинтересовалась Марго.

— Он... Сейчас, подожди, это именно он настаивал на определении траектории деформаций от Плутона к Луне. О, мы проехали мимо горного шоссе. Новая прекрасная дорога через горы Санта-Моника до Вандерберга-Три, где в настоящее время находится Опперли.

— Эта трасса идет по прямой линии? — спросила Марго. — Я имею в виду траекторию деформаций, — поспешно добавила она, заметив недоумение Пола.

— Нет, это наиболее извилистая линия, какую только можно себе представить.

— Но что же все-таки говорит Опперли? — продолжала настаивать девушка.

Пол колебался, но через минуту произнес:

— Он тихо рассмеялся и сказал что-то вроде: «Если их целью является Земля или Луна, то они с каждым выстрелом все ближе».

— Видишь! — с удовлетворением констатировала Марго. — Видишь! Что бы это ни было, оно делится в планеты!

Барбара Кац, молодая искательница приключений и горячая почитательница научно-фантастической литературы, отпрянула на газон и спряталась за толстым стволом пальмы от света полицейского фонарика, прежде чем холодный яркий луч успел упасть на нее. Она горячо поблагодарила Ментора, бога научной фантастики, что купленные очень давно высокие облегающие сапоги, которые были у нее на ногах под черным комбинезоном, тоже черные — модный пастельный цвет бро-

сался бы в глаза даже и без света фонаря. Сумка авиалиний Блек Болл Джетлайнз, болтающаяся на плече, тоже была черной. О лице и руках можно не беспокоиться — она была такой смуглой, что сливалась с мраком ночи, а днем ее принимали за мулатку. Барбара не принадлежала к числу расистов, но иногда жалела, что так быстро загорает под цвет темной бронзы.

Еще одно бремя, которое иудейский народ должен без ропота нести, — так бы сказал ее отец, который, однако, не похвалил бы ее за то, что она охотится на миллионеров в их логове на Флориде, которое они оккупировали совместно с аллигаторами. Он не одобрил бы также и того, что у нее во взятой взаймы сумке лежит бикини.

Полицейский направил фонарик на кусты, растущие на противоположной стороне улицы, и девушка пружинистым шагом перебежала через газон. Она пришла к выводу, что именно в окне этого дома она видела блеск стекол бинокля, когда купалась украдкой на закате.

Чем ближе она подходила к дому, тем гуще становилась окружающая ее темнота. Обходя очередную пальму, она услышала стрекотание миниатюрного электродвигателя и чуть не наткнулась на фигуру в белом костюме, прильнувшую к окуляру большого белого телескопа на белой треноге, направленного в небо.

Дрожащий голос спросил:

— Кто там еще?

— Добрый вечер, — очень вежливо ответила Барбара. Так мило и вежливо, как только могла. — Вы меня, пожалуй, знаете, сэр. Это я переодевалась в черное с желтыми полосами бикини. Могу я вместе с вами наблюдать затмение?

Глава 3

Пол Хейболт смотрел на взгорье, возле которого прибрежное шоссе сворачивало в сторону суши и шло под гору. За ближайшим поворотом, между шоссе и морем, маячило стометровое плоскогорье с Вандербергом-Два — местом расположения Лунного Проекта и новейшей базой американских космических сил, служащее и стартовой, и посадочной площадкой. Космическая станция слежения, окруженная проволоочной изгородью с несколькими темно-красными огнями, блестящими на протянувшейся в бесконечность крыше, таинственно возвышалась над местностью между шоссе и океаном — зловещая крепость будущего.

Они проехали через плоский бетонный мостик над заливом. Колеса автомобиля громко тархтели, и Марго неожиданно выпрямилась. Испуганная Мяу вздрогнула и подняла голову. Девушка крикнула:

— Пол, остановись!

— Что случилось? — буркнул он, не замедляя движения. Шоссе поднималось вверх.

— Я могла бы поклясться, — сказала Марго, обернувшись назад, — что видела табличку с надписью «Летающие тарелки»!

— Что? Летающие тарелки? Может быть, это реклама новых гамбургеров? В конце концов у них такая же форма, — заявил Пол.

— Нет! Я не видела там никакого мотеля или бара. Только маленький белый знак. Перед самым заливом. Вернемся. Я хочу увидеть, что там такое.

— Мы почти в Вандерберге-Два, — возразил Пол. — Разве ты не говорила, что хотела бы увидеть затмение через их телескоп? А если мы вернемся и будем разбираться с тем, что ты там увидела, уйдет много времени, и затмение кончится. Ты понимаешь, что могла бы увидеть кратер Платона?

— Дон...

— Да! Так что вперед! Да, вот что еще. Нам нужно будет оставить Мяу в машине. В Вандерберг нельзя ввозить животных.

— Что? — повысила голос Марго. — Ну уж нет! Я терпеть не могу любые учреждения, где не хотят признавать, что кошки — тоже люди!

— Ну ладно, ладно, — рассмеялся Пол.

— Возвращаемся! Затмение мы увидим отовсюду!

Пол сделал все, чтобы незаметно миновать белую табличку, но Марго приказала ему остановиться.

— Это здесь! Возле зеленой лампы! Остановись!

Когда автомобиль съехал на обочину, Мяу села, потянувшись, и без особого интереса осмотрелась вокруг.

Вдоль пляжа тянулась дорога. Шоссе у самого гребня сворачивало под гору в сторону суши, сначала к небольшим возвышенностям, а потом к плоскогорью Вандерберга-Два.

С одной стороны дороги висела мигающая керосиновая лампа, огонек которой был прикрыт зеленым стеклом. С другой стороны в свете фар виднелась белая табличка со старательно выполненной черной надписью: «Летающие тарелки — симпозиум».

— Нечто подобное может случиться только в Южной Калифорнии, — покачал головой Пол.

— Идем, посмотрим, что там происходит, — попросила Марго.

— Ни за что! — разозлился Пол. — Ты не терпишь Вандерберга-Два, а я не терплю фанатиков летающих тарелок!

— Но, Пол, это не похоже на собрание фанатиков, — настаивала девушка, — у этого есть определенный шик. Посмотри, как красиво написано объявление.

Она взяла на руки Мяу и вышла из машины, чтобы лучше увидеть табличку.

— Но мы даже не знаем, на сегодня ли назначено собрание! — закричал Пол. — Может быть, это было неделю назад. Кто знает? Не видно никаких признаков жизни. — Он тоже вышел из машины.

— Зеленая лампа свидетельствует, что оно должно состояться скоро, — крикнула Марго, которая все еще стояла у таблички. — Идем туда, Пол.

— Зеленая лампа наверняка не имеет с этим ничего общего!

Марго повернулась к нему и в свете фар показала ему испачканный черной краской палец.

— Еще не высохла! — крикнула она.

Луна все ниже спускалась в тень Земли, приближаясь к своему месту на линии, соединяющей три небесных тела. Как всегда, Луна и Солнце, хотя Солнце с неизмеримо большей силой, невидимыми щупальцами гравитации притягивали планету, находящуюся посередине — натягивая земную кору и вызывая деформации ядра, вызывая тем самым как большие, так и малые землетрясения, а также вводя воды океанов и морей, заливов и каналов, проливов, озер и рек в медленный, хотя и разный, ритм приливов и отливов, отдельные циклы которых немногим длиннее дня и ночи.

На противоположной стороне земного шара Багонг Бунг, у которого капли пота текли из-под грязного тюрбана на смуглые плечи и грудь, крикнул своему помощнику, полуодетому австралийцу, чтобы тот выключил двигатель их катера «Мачан Лумпур». Если они поспешат, то успеют доплыть до небольшого залива к югу от Дон-Сона, прежде чем трехметровая волна прилива столкнет их на мель — здесь, в Тонкийском заливе, непокоренный мощный прилив наступает на сушу раз в двадцать четыре часа. Ими может заинтересоваться также патрульный вертолет, если они будут болтаться у входа в залив, вместо того чтобы войти в него и доставить оружие и лекарства антикоммунистическому вьетнамскому подполью, а затем поплыть в Ханой с основным грузом (тоже оружие и лекарства) для коммунистов.

Вода у носа успокоилась и блеснула, как озеро расплавленной латуни. Проржавевший катер колыхался посреди залива шириной в триста километров. Багонг Бунг стоял, опершись рукой на медную оправу бинокля, заткнутого за пояс, и, щуя глаза, всматривался в горизонт.

Он не думал о затмении, потому что, во-первых, стоял полдень, а во-вторых, Луны здесь и ночью не было видно.

Багонг Бунг лениво размышлял о сотнях останков кораблей, лежащих на дне неглубоких вод залива на юг и на восток от его катера и о богатствах, которые он добудет с них, когда накопит достаточно денег от надоевшей ему контрабанды. Нужно будет купить оборудование, заплатить ныряльщикам, дать на лапу полиции...

Дон Гильермо Уолкер думал, что скопление огней, над которыми он только что пролетел, это, наверное, Метона. Но поскольку его астронавигационное мастерство не превышало актерских способностей, не реали-

зуемых им с тех времен, когда он играл в Европе шекспировские роли, то с таким же успехом он мог находиться и над полуостровом Сапата или над Ла Либертад, и что тогда? Может быть, это к лучшему. Если он пролетит мимо, тогда наверняка избежит пыток.

Его борода и щеки были орошены обильным потом.

«Надо было побриться, — думал Гильермо, — если меня сцапают, то эти живодееры, увидев такую бороду, сразу определят в последователи Фиделя Кастро. Причислят к коммунистам, а удостоверение крайне правой политической партии имени Джона Берча, которое я всегда ношу во внутреннем кармане, возле сердца, объявят поддельным».

— А, чтоб тебя черти взяли, из-за тебя и вляпался в это дело! Ты, жиголо в черных плавках, ты, мужеподобная девка! — крикнул дон Гильермо затуманенному оранжевому месяцу.

Трансатлантическое судно «Принц Чарльз» и яхта Лонера «Стойкая» продолжали плыть в противоположном направлении по темным водам Атлантики. Большинство пассажиров океанского колосса уже отправились спать — одни окунулись в мягкие перины, другие — в объятия любовниц, и только капитан Ситвайз нес вахту на мостике. Он чувствовал странное беспокойство. Капитан пытался утешить себя, что это все из-за тех бразильских фашистов, что оккупировали его судно. Эта новая банда смутьянов вела себя совершенно безобразным образом — они словно постоянно подогревали себя алкоголем и наркотиками.

Вольф Лонер мягко покачивался на морских волнах, и полутораклометровый слой соленой воды служил ему отличной мягкой подушкой. Густой туман, в восточный край которого только что вошла яхта «Стойкая», оказался необычайно обширным — полосы его тянулись от Эдмонта до Большого Невольничьего Озера, и от Бостона на севере до Гудзонова пролива.

Салли позволила Джейку новые ласки в темном закоулке Салона Ужаса.

— Ты мнешь мне юбку, дурачок, — сделала она ему замечание. — Как ты думаешь, для чего на юбке сзади разрез?

— Трусики у тебя тоже на магнитных защелках? — хрипло поинтересовался парень.

— Нет. У них тоже есть особые свойства. Будь внимательнее и, ради бога, только не говори, что ягодицы у меня круглые, как буханка хлеба, который пекла твоя мамаша. Все это закончится тем, что дорогу закроют, прежде чем мы увидим затмение.

— Сал, ты еще никогда так не интересовалась астрономией, а эта высокогорная железная дорога нам вовсе не нужна для полного счастья. У тебя же есть ключи от квартиры Хассельтайна, и она пустая. Я никогда там еще не был. Если небоскреб для тебя слишком низок...

— Что мне твои небоскребы! Я хочу на высокогорную железную дорогу! — закричала девушка. — Перестань, я тебе говорю!

Она вырвалась и побежала к рекламе, изображающей трехметрового воина с Сатурна, который направлял на нее ствол пистолета полуметрового калибра — из ствола вырывался голубой искрящийся огонь.

Аса Голкомб, немного запыхавшийся, вскарабкался все же на вершину небольшого плоскогорья на запад от Гор Суеверий в Аризоне. Именно в этот момент у него лопнула стенка аорты, и кровь начала сочиться в грудную клетку. Он не чувствовал пока боли, только слабость и тоскливое ощущение неотвратимой беды. Он осторожно прилег на плоскую скалу, все еще источавшую в пространство тепло жаркого дня.

Это не застало врасплох и не испугало его. Он знал, что слабость или пройдет, или будет нарастать. Он хорошо знал, что такой марш на гору в поисках хорошего места, с которого он мог наблюдать за затмением, опасен для его здоровья. Ведь уже семьдесят лет тому назад мать предостерегала его от путешествий в горах в одиночку, особенно опасных для того, у кого аорта тонкая, словно папиросная бумага. Но Аса всегда был готов многим рискнуть, чтобы в одиночку отправиться в горы и наблюдать за небом.

Какое-то время он с сожалением смотрел на огни поселка, потом отвел взгляд и посмотрел в небо. Пожалуй, он уже в пятидесятый раз видел затмение Луны, но сегодня, в своем темном одеянии, она показалась ему прекраснее, чем когда-либо. Она напоминала ему плод граната, который Персефона сорвала в саду мертвых. Слабость не проходила...

Глава 4

Автомобиль, в котором ехали Пол, Марго и Мяу, легко подпрыгивал на выбоинах проселочной дороги. С правой стороны, у самой дороги, тянулись голые скалы, а слева — пляж. Вдали от шоссе ночь казалась значительно темнее. Трое пассажиров ясно сознавали одиночество Луны, карабкавшейся по звездному небу. Даже Мяу села, чтобы лучше приглядеться к ней.

— Мне кажется, что эта дорога идет к тылам Вандерберга-Два, к так называемым Пляжным Воротам, — вслух размышлял Пол. — Конечно, я должен был въехать через главные ворота, но в этой ситуации... Разве не смешно, — добавил он, — что эти фанатики летающих тарелок всегда встречаются в непосредственной близости от пусковых ракетных площадок или ядерных устройств. Словно надеются, что и им перепадет часть блеска и славы. Знаешь, когда-то это покажется командованию действительно подозрительным.

Свет фар упал на насыпь, загораживающую значительную часть дороги. В высоту она достигала капота машины и, судя по влажным комьям земли, находилась здесь сравнительно недавно. Пол остановил машину.

— Конец экспедиции! — радостно провозгласил он.

— Другим же удалось проехать, — запротестовала Марго, снова выпрямившись. — Видно, как они объезжали это место.

— Ну хорошо, — с насмешливым смирением сказал Пол, — но, если мы застрянем в песке, ты будешь искать на пляже доски, чтобы подложить их под колеса.

Колеса действительно забуксовали, но через мгновение автомобиль без труда двинулся с места. Вскоре они доехали до неглубокой ниши в скале. Дорога теперь была в три раза шире, чем раньше. Дополнительным свободным пространством воспользовались несколько водителей, которые припарковали свои машины друг возле друга задним бампером к скале. Здесь стояли красный лимузин, белый микроавтобус и белый фургон.

За последним автомобилем виднелась следующая зеленая лампа и старательно сделанная надпись:

«Парковать здесь! Потом идти по направлению, указанному зелеными огнями».

— Знаки здесь как на станции метро Таймс-сквер, — обрадовалась Марго. — Наверняка среди этих людей есть нью-йоркцы.

— Они, вероятно, недавно приехали в Калифорнию, — заметил Пол, припарковываясь рядом с последним автомобилем и недоверчиво поглядывая на нависший козырек скалы. — Похоже, что они еще ничего не знают о здешних лавинах.

Марго, держа на руках Мяу, выскочила из машины. Пол вышел вслед за ней и протянул куртку.

— Но сейчас тепло, — сказала девушка. — Зачем она мне?

Пол, ничего не говоря, перекинул куртку через плечо.

Третья зеленая лампа стояла на пляже рядом с высокой кучей морских водорослей. Пляж был идеально ровным. Наконец они услышали плеск волн. Кошка замыкала, и Марго шепотом старалась успокоить ее.

Сразу за площадкой, где они оставили машину, скалы резко сворачивали вправо, и пляж тянулся за ними в глубину суши. Пол подумал, что, вероятнее всего, они находятся рядом с заливом, над которым сегодня уже дважды проезжали по шоссе. Далее местность снова плавно шла вверх. На вершине Пол заметил мигающий красный огонек, а ниже — блеск проволочного ограждения. Эти два доказательства существования Вандерберга-Два как-то странно успокоили его.

Минуя кучу морских водорослей, они направились в сторону океана и четвертой лампы, зеленый свет которой был немногим ярче, чем блеск далекой Луны. Песок легко скрипел под ногами. Марго взяла Пола под руку.

— Знаешь, — шепнула она, — затмение все еще продолжается.

Он кивнул.

— А что, если бы сейчас звезды вокруг Луны начали исполнять какой-нибудь феерический танец? — спросила Марго.

Пол громко рассмеялся.

— За четвертой лампой я вижу белый огонек, какие-то фигуры и низкое здание, — произнес он через мгновение.

Они ускорили шаги.

Низкое здание по виду напоминало большой частный пляжный домик или какое-то место отдыха. Теперь же окна его были заколочены досками. Приближаясь к зданию, они увидели низкую открытую террасу, которая вполне могла служить площадкой для танцев. На ней были расставлены складные кресла, примерно двадцать из которых занимали люди. Кресла были обращены к морю и к длинному столу, расположенному на небольшом возвышении, которое во время сезона, видимо, служило эстрадой для оркестра. За столом сидело три человека. Их лица освещал маленький белый огонек — единственный источник света, если не считать зеленой лампы в глубине террасы.

Первый из сидящих на возвышении был бородат, а второй — абсолютно лыс. Третий обращал на себя внимание фраком, галстуком-бабочкой и темным тюрбаном на голове.

Бородач что-то говорил, но Марго и Пол находились слишком далеко, чтобы услышать.

Девушка сжала Полу локоть.

— Тот, в тюрбане, — женщина, — громко шепнула она.

Маленькая фигурка, сидящая возле лампы, поднялась с песка и направилась к ним. Зажегся белый огонек фонарика, и в его свете они увидели девочку с худощавым лицом и светло-рыжими косичками. Она выглядела максимум лет на десять. В одной руке у нее была пачка бумаги, а указательный палец другой, той, в которой находился фонарик (она переложила его в другую руку), она приложила к губам жестом, приказывающим соблюдать тишину. Она подошла совсем близко к ним и протянула руку с листком бумаги.

— Вы должны вести себя тихо, — шепнула она. — Уже началось. Прошу взять программу.

При виде Мяу глаза ее заблестели.

— О, у вас кошка! Надеюсь, что Рагнарок не будет возражать.

Марго и Пол взяли по листку бумаги, после чего девочка провела их к ступенькам на террасу и жестом указала, что они должны сесть в первом ряду. Пол и Марго с улыбкой кивнули и сели в последнем. Девочка пожала плечами и отошла в сторону.

Марго почувствовала, что Мяу напряглась. Кошка всматривалась во что-то, что лежало на двух боковых креслах в первом ряду.

Это и был Рагнарок — большая немецкая овчарка.

Первое напряжение прошло. Мяу несколько успокоилась, но по-прежнему, прижав уши, настойчиво смотрела на собаку.

Девочка вернулась и стала позади них.

— Меня зовут Анна. Эта женщина в турбане — моя мама. Мы из Нью-Йорка, — тихо сказала она, после чего снова вернулась на свой пост у зеленой лампы.

Генерал Спайк Стивенс и трое его подчиненных сидели, прижавшись друг к другу, в темном помещении резервного штаба американских космических сил. Вся четверка смотрела на два телевизионных экрана, установленных один возле другого. На обоих был виден один и тот же район затуманенной Луны с изображением кратера Платона. Изображение с правого экрана передавалось беспилотным спутником наблюдения и связи, находящимся на высоте тридцати шести тысяч метров над островом Рождества и в двадцати градусах к югу от Гавайских островов, а изображение на экране с левой стороны пересылал такой же спутник, подвешенный над экватором, над той точкой Атлантики неподалеку от побережья Бразилии, где как раз сейчас находился трансатлантический лайнер «Принц Чарльз».

Четверка наблюдателей с большим вниманием смотрела одновременно на оба изображения, которые исходили от двух отдаленных друг от друга на сорок восемь тысяч километров точек в космосе и сливались в одно целое, создавая преувеличенно трехмерный конечный эффект.

— Конструкторы нового электронного усилителя оказались на высоте, — заметил генерал. — В настоящее время, когда спутник, находящийся над островом, передает без помех, у нас есть, наконец, четкое изображение кратера. Джимми, покажи нам теперь весь сектор Луны без увеличения.

Полковник Мейбл Уолминфорд сплела длинные сильные пальцы, украдкой наблюдая за генералом. Кто-то однажды сказал ей, что у нее руки душителницы: глядя на генерала, она всегда об этом вспоминала. Сейчас ей доставляло несомненное удовлетворение, что Спайк, который всегда говорит и ведет себя так свободно и так уверенно, словно осматривает Девять миров с башни Хлитскялф в Асгарде, в сущности, знает о своем местопребывании столько же, сколько и она. А именно — что они находятся на расстоянии в неполных сто километров от Белого дома и минимум в пятидесяти метрах под землей. Их привезли сюда с завязанными глазами, с завязанными глазами они спустились вниз на лифте, не встретив никого из тех, кого должны были сменить.

Араб Джонс, Большой Бенди и Пепе Мартинец курили четвертую самокрутку марихуаны, передавая ее друг другу и долго не выпуская из легких крепкий, сладковатый дым. Они сидели на подушках, разбросанных на ковре, перед небольшой палаткой, разбитой на крыше дома в Гарлеме, неподалеку от Леннокса и Сто двадцать пятой улицы. Вход в палатку заслоняли шнуры из деревянных бус. Они посмотрели друг на

друга доброжелательным взглядом братьев-наркоманов и, как будто сговорившись, подняли глаза к небу, уставившись на потемневшую Луну.

— Э, они наверняка там тоже покуривают, — сказал Большой. — Видите этот коричневый дымок? Эти космонавты скоро будут ходить на бровях!

— Мы, наверное, тоже. Араб, тебя затмило, а? — засмеялся счастливым смехом Пепе.

— Тяни косяк и сиди тихо, — пытался обидеться Араб.

Глава 5

Марго и Пол слушали то, что говорит мужчина с бородой.

— Надежды, страхи и глубокое беспокойство человека всегда от того, что человек видит на небе, независимо от того, будет ли это самолет, планета, космический корабль или летающая тарелка из другого мира. Иными словами, небо является символом!

Бородач говорил спокойно, но в его голосе звучала юношеская страсть. Лысый высокий мужчина в очках с толстыми стеклами и женщина в тюрбане слушали молча. Марго от нечего делать выдумала прозвища для троицы, дискутирующей о летающих тарелках, и для нескольких человек из публики.

Бородач продолжал:

— Священной памяти доктор Юнг в своем эссе тщательно проследил проблему, связанную с появлением на небе летающих тарелок, — он произнес название по-немецки, с хорошим произношением и сразу же перевел: «Современный миф: О вещах, которые видят на небе».

— Кто он, этот бородач? — спросила Марго у Пола.

Пол попытался проверить по программе, но в последнем ряду было слишком темно, чтобы он мог что-нибудь прочитать.

— Доктора Юнга особенно интересовали летающие тарелки в форме круга, разделенного на четыре сектора, — продолжал Бородач. — Эта форма ассоциируется с тем, что в буддизме называется мандалой. Мандала — это символ психической целостности человеческого разума в борьбе с сумасшествием. Проявляется это свойство обычно в моменты большого напряжения и опасности, в такие моменты, как сегодня, когда человека охватывает страх перед атомной бомбой, перед потерей личности в нашем тоталитарном стаде, а также страх перед потерей контактов с наукой, которая ускользает от него и расщепляется на тысячи трудных, хотя и необходимых специальностей.

Пол, как обычно в такой ситуации, почувствовал угрызения совести. Еще несколько минут тому назад он называл этих людей фанатиками, а вот сейчас перед ним человек, который говорит умно и по делу.

Низенький мужчина, который сидел в том же конце первого ряда, что и овчарка Рагнарок, теперь встал.

— Прошу прощения, профессор, — начал он, — но по моим часам осталось только пятнадцать минут полного затмения. Я хотел бы напомнить всем, чтобы они наблюдали за небом, конечно, одновременно слушая то, что говорят наши докладчики. Миссис Рама Джоан говорила о существах из космоса, которые могут думать о многих вещах одновременно. Я не верю, что мы не могли бы думать одновременно по крайней мере о двух! Ведь мы организовали эту встречу из-за исключительно благоприятного случая для наблюдения за летающими тарелками, особенно за теми, которые не отличаются особой смелостью, избегая яркого света дня. Не будем же терять этот случай, и, может быть, нам повезет и мы увидим «боязливые тарелки», как называла их Анна.

Несколько человек в первом ряду послушно задрали головы, показывая свои профили.

Марго толкнула в бок Пола.

— Делай, что тебе говорят, — приказала она шепотом, внимательно осматриваясь.

— Счастливой охоты! Прошу прощения, господин профессор, — закончил невысокий мужчина и сел.

Прежде чем Бородач смог говорить дальше, он должен был принять вызов, брошенный ему плечистым мужчиной, который сидел, деревянно выпрямившись, со сложенными руками. Марго прозвала его Дылдой.

— Господин профессор, вы рассказали нам множество интересных сказочек, — начал Дылда, — однако они касаются того, как люди воображают себе летающие тарелки. То, что этим интересовался Юнг, не означает, что я тоже должен этим интересоваться. Меня привлекают настоящие летающие тарелки, такие, как та, на которой я летал и с экипажем которой разговаривал.

Пол сразу почувствовал себя значительно лучше. Эти люди наконец-то начинают вести себя так, как и должны вести себя обычные фанатики.

Высказывание Дылды несколько сбilo Бородача с толку.

— Мне очень жаль, что у вас создалось такое впечатление, — начал он. — Как мне казалось, я ясно выразился...

Он не успел закончить. Лысый поднял голову и, словно желая сказать: «Оставь мне этого типа» — положил руку на плечо Бородача. Женщина в тюрбане посмотрела на знатока зеленых человечков и слегка улыбнулась. Лысый двинулся вперед и наклонил свой сверкающий череп и поблескивающие очки в сторону Дылды, словно имел дело с интересным энтомологическим экземпляром.

— Прошу прощения, — холодно начал он, — вы, кажется, также утверждали, что побывали на других планетах, не известных астрономам?

— Да, это так, — важно кивнул Дылда и выпрямился еще на два сантиметра.

— А где эти планеты находятся?

— Они... существуют! — ответил мужчина. — Настоящие планеты не позволяют, чтобы ими управляла банда астрономов, — добавил он, что вызвало смех у собравшихся членов симпозиума.

Лысый, не обращая на это никакого внимания, спросил:

— Эти планеты находятся на границе мира, или, может быть, являются планетами какой-то звезды, отдаленной на много световых лет? — Он говорил теперь вежливо, и толстые стекла очков добродушно поблескивали.

— Да нет же, — ответил Дылда. — На Арлетте я был неделю тому назад, а путешествие продолжалось только два дня.

Лысый не давал увести себя от темы:

— Может быть, это маленькие планеты, которые постоянно скрываются за Солнцем, Луной или Юпитером, так, как люди за деревьями в лесу?

— Нет, это не маленькие планеты, — заверил его Дылда. Он снова распрямил плечи, но чувствовалось, что он теряет уверенность. — Они не прячутся ни за чьей юбкой, о, нет. Они попросту существуют. И они вовсе не маленькие, они не меньше Земли. Я посетил уже шесть таких планет.

— Гм-гм, — откашлялся Лысый. — У вас, может быть, они скрыты в подпространстве и показываются только иногда, к примеру тогда, когда вы к ним приближаетесь?

Слушатели вознаградили Лысого аплодисментами. Но он и на этот раз не обратил на это никакого внимания.

— Вы скептик! — с упреком произнес Дылда. — И, вдобавок, теоретик. Я говорю вам, что эти планеты просто существуют.

— Коль скоро они существуют, — мягко, но решительно настаивал Лысый, — то почему мы их не видим?

Он триумфальным движением откинул голову, хотя, вероятно, только потому, что у него с носа сползли очки.

Наступила тишина.

— Да, вы скептик, — кивнул головой Дылда. — Было бы лишней потерей времени объяснять вам, что некоторые планеты невидимы благодаря специальным экранам, которые искривляют свет звезд. Я не буду больше с вами дискутировать на эту тему.

— Я хотел бы, чтобы меня все хорошо поняли, — резко произнес Лысый, обращаясь к собравшимся. — Я готов выслушать любую, хотя бы и невероятную, фантастическую теорию, даже если кто-то утверждает, что неизвестная планета таится где-то в нашей солнечной системе. Но я хочу услышать какое-то рациональное объяснение, хотя бы такое, что планета существует в подпространстве. Чарльзу Фулби, — тут он указал на Дылду, — надо отдать должное за его идею о экранах.

Лысый сел, победно сопя. Низенький мужчина, сидящий рядом с Рагнароком, воспользовался случаем, сорвался с кресла и воскликнул:

— Осталось только десять минут, господа! Я осознаю, что эта дискуссия — очень захватывающая, но прошу продолжить наблюдение за небом. Следует помнить, что нас прежде всего интересуют летающие тарелки. Летающие планеты, несомненно, тоже интересны, но если бы нам всем, собравшимся на этом симпозиуме, удалось увидеть хотя бы махонькую летающую тарелку, то это был бы настоящий успех. Успех всего нашего общества. Благодарю.

На плоскогорье, недалеко от Гор Суеверий, Аса Голкомб подавал сигналы фонариком в сторону городка. В конце концов, нужно было что-то предпринять для своего спасения. Измученный этим усилием, он снова посмотрел на звезды, при полном затмении сверкающие, словно алмазы, и без особого труда узнал отдельные созвездия. Он засмотрелся на погруженную в тень Земли Луну, которая находилась значительно ближе к звездам и выглядела, словно прекрасная эмблема индейцев хопи, выкованная из почерневшего от старости серебра. На неизменном ночном небе всегда можно открыть нечто такое, чего ты ранее не заметил. Он мог бы лежать здесь, наблюдая за этим небом, целую ночь, и это бы ему не надоело. Но он становился все слабее, а скала, на которой он лежал, делалась холоднее и холоднее.

Пепе Мартинец и Большой Бенди поднялись с подушек и нетвердыми шагами подошли к грязной кирпичной стенке, окружающей крышу дома. Движением руки Пепе указал на Луну:

— Еще раз затянулась и... цуф! Вознесусь! Как когда-то Джон Картер на Марс, — произнес он.

— Не забудь о скафандре, — посоветовал ему Большой.

— Один раз, но только глубоко я затянусь этой самокруткой, и этого вполне хватит, — вздохнул Пепе. — Да, совершенно как на витрине ювелирной лавки, ты не находишь? — спросил он, указывая на звезды.

— Нет! Это мотоциклы, старик, мотоциклы с бриллиантовыми фарами. Они мчатся во все стороны света! — закричал Большой.

Араб, который продолжал сидеть на подушке перед палаткой, цедил мускат из тонкой ликерной рюмки.

— А ночь вас не восхищает, дорогие мои? — поинтересовался он.

— Она прекрасна, — согласился Большой.

Луна продолжала путешествовать через холодную, молчаливую тень Земли с собственной, всегда одинаковой скоростью в шестьдесят пять километров в минуту. Это пространство было также необратимо, как просачивание крови в грудную клетку Асы Голкомба, как беспокойное кружение сперматозоидов Джейка Лешера, как адреналин, выделяемый надпочечной железой дона Гильермо, как расщепление атомов, приводящих в движение двигатели трансатлантического лайнера «Принц

Чарльз», как телевизионные волны, несущие изображение глубоко под землей Спайку Стивенсу, как прием и отбрасывание внешних раздражителей мозгом погруженного в сон Вольфа Лонера в ритме того, что мореход называл психическим равновесием.

Луна странствовала по небу уже миллиард лет и будет наверняка странствовать еще не один миллиард. Правда, по утверждениям астрономов, неизвестные силы в конце концов когда-нибудь притянут Луну так близко к Земле, что внутреннее напряжение разнесет на куски ее твердь, и вокруг Земли образуется нечто напоминающее по форме кольца Сатурна. Но это, по мнению астрономов, ждет нас только через сто миллиардов лет.

Глава 6

Пол нервно толкнул Марго, чтобы она перестала хихикать. Одновременно с этим жестом из второго ряда встала женщина и крикнула Лысому:

— Что это такое — подпространство, мистер? Что это такое, если из него могут неожиданно вынырнуть планеты?

— Да, да, может быть, вы нам это вкратце объясните, — тоном опытного спорщика произнес Бородач, обращаясь к Лысому.

— Подпространство — это понятие, употребляемое в теоретической физике. Кроме того, этот термин появляется также в многочисленных научно-фантастических рассказах, — начал свои объяснения Лысый. Он поправил очки и провел рукой по блестящему черепу. — Как известно, наибольшей скоростью считается скорость света. Триста тысяч километров в секунду в масштабах Земли — это много, но это черепаший бег, если говорить об огромных расстояниях между звездами. Не слишком хорошая перспектива для космических путешествий, а?

— Но, однако, — продолжал Лысый, — существует теоретическая возможность, что межзвездное пространство настолько искривлено и неравномерно, что отдаленные районы космоса соприкасаются в другом измерении — в подпространстве, именно здесь можно употребить это слово. Или даже каждый район соприкасается со всеми другими районами космоса. В такой ситуации странствие со скоростью большей, чем скорость света, теоретически возможно, если бы мы могли пробиться из нашей Вселенной в подпространство, а потом вернулись из него в произвольно выбранную точку в нашей Вселенной. Говорится, конечно, о путешествиях в подпространстве только космических кораблей, но я не вижу причин, почему бы соответствующно оборудованная планета не могла бы так путешествовать. Конечно, это только теория. Ученые, например Бернал, и философы, такие, как Стэплтон, я уже не упоминаю о таких писателях, как Стюарт и Смит, уже выдвигали теории о странствующих планетах.

— Теории! — фыркнул Дылда, добавляя вполголоса: — Ну и бредни!
— И что же? — Бородач не отступал от Лысого. — Существуют ли какие-то конкретные доказательства, подтверждающие существование подпространства либо возможность путешествий в подпространстве?

Сидящая за Лысым женщина в тюрбане с интересом посмотрела на мужчин.

— Нет! Ни малейших! — улыбнулся Лысый. — Я пытался уговорить своих друзей астрономов, чтобы они поискали какие-нибудь доказательства, но они не отнеслись к моему предложению всерьез.

— Интересно, — удивился Бородач. — Какие могут быть доказательства?

— Я сам неоднократно задумывался над этим, — с гордостью заявил Лысый. — И, представьте себе, кое-что я получил. Значит, такая сила, необходимая для того, чтобы корабль попал в подпространство, а потом выбрался оттуда, должна создавать временные искусственные гравитационные поля — поля настолько сильные, что они видимым образом деформировали бы свет звезд на этом отрезке пространства. Я сказал знакомым астрономам, чтобы они в безоблачные ночи наблюдали, не вибрируют ли звезды — конечно, при помощи спутниковых телескопов, — и чтобы в моментальных астрономических снимках они искали доказательства этого явления — звезды, гаснущие на короткое время либо вибрирующие странным образом.

Худая женщина из второго ряда сказала:

— Я читала в газете о человеке, который видел, как вибрируют звезды. Это не является доказательством?

— Боюсь, что нет, — улыбнулся Лысый. — Может быть, он просто был пьян? Не нужно относиться слишком серьезно ко всем этим рассказам.

Пол почувствовал, как у него по телу пробежали мурашки. Одновременно с этим Марго схватила его за руку.

— Пол, — возбужденно шепнула она. — Ведь Лысый говорит о том, что ты видел на фотографиях.

— Очень похоже. — Пол задумался, пытаясь привести мысли в порядок. — Даже очень похоже. — Он употребил слово «вибрирует», не так ли? — добавил он удивленно.

— Ты знаешь, — сказала Марго, — то, что он говорит, не так уж глупо.

— Опперли считает, — начал было Пол, но неожиданно понял, что Лысый обращается к нему:

— Господа в последнем ряду... прошу прощения, не знаю, с кем имею удовольствие... хотели бы что-то добавить?

— Нет, нет, — медленно ответил Пол. — Мы просто ошеломлены тем, что вы сказали.

Лысый жестом поблагодарил их за слова признания.

— Врун! — улыбнулась Марго. — У меня есть огромное желание сказать ему обо всем.

Пол не решился запретить ей говорить и, пожалуй, поступил верно. Неожиданно его снова охватило сильное, хотя и неясное чувство вины. Он знал, что не может открыть секретную информацию, и тем более фанатикам летающих тарелок. Но тем не менее ему было тяжело сознавать, что по его вине такой человек, как Лысый, ничего не узнает о фотографиях.

Он вернулся мыслями к дискуссии, и у него снова прошел мороз по коже. К черту, это невероятно, но гипотезы Лысого сходятся с тем, что показывают фотографии. Он неуверенно посмотрел на темную Луну. И снова мысленно услышал вопрос Марго: «А если бы звезды сейчас начали вот так вибрировать?»

Ловушки для лунной пыли, подвешенные на тонких металлических шестах над поблескивающей оболочкой из двуокиси углерода, выглядели словно странные механические фрукты в замерзшем саду. Двигаясь в свете рефлектора, укрепленного в шлеме, Дон Мерриам подошел к первой ловушке, ступая так осторожно, как только мог, чтобы не поднять туман отравляющей пыли. Несмотря на это, его металлические сапоги потревожили кристаллики сухого льда, которые, однако, тут же упали — явление, характерное для пыли и «снега» на лишенной атмосфере Луне. Мерриам прикоснулся к спуску, который автоматически закрывал ловушку, снял ее с шеста и бросил в сумку.

— Я наиболее оплачиваемый сборщик фруктов по эту сторону Марса, — сказал он вслух не без основания. — И, несмотря на это, работаю слишком быстро относительно требований Томперта, босса нашего профессионального союза и сторонника медленного темпа.

Он снова посмотрел вверх, на черную Землю, окруженную сверкающим кольцом.

— Девяносто девять и девять десятых процента людей на Земле думают, что я здесь просто бездельничая, — пробурчал он себе под нос. — Им кажется, что исследования космического пространства — это только общественная нагрузка для безработных, наибольшая со времен строительства пирамид. Земные моллюски! Тропосферные слабаки! — Он оскалил зубы в улыбке. — Они слышали о космосе, но все еще не верят, что космос существует. Они не были здесь, чтобы убедиться собственными глазами, что Землю не поддерживает какой-то гигантский слон, а слона — гигантская черепаха. Когда я говорю «планета» и «космический корабль», у них это ассоциируется с гороскопами и летающими тарелками.

Подходя к следующему шесту с ловушкой, он взбил вверх фонтан кристалликов, которые тихо затрещали на штанах его скафандра. Это было словно эхо давних лет — ему вспомнились морозные дни в Миннесоте, когда сухой снег скрипел под ногами.

— Убедитесь сами, мистер Кеттеринг. Возле Коперника я вижу белый мигающий свет, — заявила Барбара Кац.

Коллинс Кеттеринг III, поскрипывая суставами, занял место Барбары у телескопа.

— Вы правы, — заявил он. — Это, наверное, русские проверяют световые сигналы.

— Благодарю, — ответила девушка. — Когда речь идет о Луне, я не могу полагаться только на себя. Я постоянно вижу огни. Я постоянно вижу огни Луны, Лейперта или других городов из научно-фантастических произведений.

— Признаюсь вам, что я тоже! О, постойте, теперь виден красный сигнал!

— Мне можно посмотреть? Но зачем вы должны постоянно вставать? Может быть, я лучше сяду вам на колени, если вы ничего не имеете против, а столик выдержит.

Коллинс Кеттеринг III рассмеялся.

— Прекрасная идея, но даже при самом крепком столике пластиковая кость в моем бедре, пожалуй, не выдержит, — с сожалением произнес он.

— О, я вам так сочувствую!

— Не надо об этом! Мы и так можем вместе смотреть на небо. Только прошу мне не сочувствовать.

— Хорошо, — обещала Барбара. — Впрочем, это так романтично — иметь пластиковые кости. Совсем как у тех старых солдат, которые преподают в космических академиях в рассказах Хайнлайна и Эдварда Эльмара Смита.

Дон Гильермо Уолкер наконец понял, что сверкающая под ним чернота — маленькое озеро. Нет, не то большое, а именно маленькое, потому что на расстоянии примерно в пятнадцать километров он увидел искрящиеся огни Манагуа.

Неожиданно ему в голову пришла невероятная мысль — он слишком поздно стартовал. Что произойдет, если Луна выйдет из затмения и осветит его, словно лучом прожектора, раскрывая его нахождение реактивным самолетам «Эль президенте» и зенитным орудиям? Наверняка он будет чувствовать себя рабочим сцены, который в темноте, сменяя декорации, неожиданно оказался в кругу света от преждевременного включения прожекторов. И как черт дернул его согласиться на эту авантюру? Как было бы хорошо опять оказаться в Чикаго и выступать, пусть даже во второстепенной труппе! А не участвовать в этой идиотской борьбе под лозунгом «Оружие для Юга!» Как жаль, что ему сейчас не десять лет... да, тогда он организовал в Милуоки собственное цирковое представление и играл со смертью, съезжая на землю по заржавевшей проволоке с высоты шести метров.

Воспоминания детства ободрили его. Коль скоро он готов был умереть ради дешевых дворовых рукоплесканий, то тем более он готов погибнуть, бомбардируя латиноамериканский город! Он включил двигатель на максимальные обороты.

— Ги-льер-мо Дже-ро-ни-мо! — крикнул во все горло дон Гильермо. — Ла Лома, берегись!

Глава 7

Пол Хегболт одним ухом слушал ораторов на эстраде. Странное стечение обстоятельств — звездные фотографии и концепции Лысого о планетах, странствующих в подпространстве, — отвлекло его внимание от дискуссии и разбудило воображение. Словно неожиданно большие часы, которые слышал только он один, именно сейчас начали тикать. Пол четко осознавал, как уходит время, одновременно фиксируя все происходящее вокруг, — тесно сбитую группку людей, ровный песчаный пляж, тихий шум волн, заливающих берег за самой эстрадой, старые, забитые досками пляжные домики, возвышающийся над ними Вандерберг-Два с красными мерцающими огнями, скалы, но, прежде всего, — теплую ночь, наступающую на Землю из космоса, черную Луну и блестящие звезды.

Кто-то адресовал вопрос Раме Джоан. Женщина, сверкнув зубами, посмотрела на Бородача, потом на присутствующих, присматриваясь к каждому в отдельности. Кожа у нее была такой же бледной, как у Анны, а огромный, неожиданно зеленого цвета тюрбан, укрывающий волосы, подчеркивал треугольную форму худощавого лица. Она выглядела, словно плохо питающийся ребенок.

Молча она смотрела на небо, потом через плечо оглянулась на темную Луну и, наконец, направила свой взгляд опять на присутствующих.

Затем тихим, с хрипотцой голосом она сказала:

— Что же мы в действительности знаем о космосе? Меньше чем человек, с самого рождения заключенный в подземной камере знает о миллионах людей, живущих в Калькутте, Гонконге, Москве или Нью-Йорке. Мне кажется, что некоторые из нас думают, что высшие цивилизации Вселенной будут любить и почитать нас. Но давайте подумаем, как человек относится, допустим, к муравьям? Вот так, господа, нам остается сделать только один вывод — там, в космосе, живут чудовища. Дьяволы!

Раздался приглушенный звук, похожий на скрежет, словно кто-то начал заводить стальной механизм старых башенных часов. Кошка застыла на руках у Марго, и шерсть у нее на загривке вздыбилась. Это зарычал Рагнарок.

Рама Джоан продолжала:

— Где-то там, среди звезд, может быть, найдется индус, который не убивает священных коров. А может быть, там обитает какой-то последователь звездного дзен-буддизма, который щеточкой обметает каждый предмет из боязни, чтобы, садясь, не раздавить букашку, и который закрывает рот марлевой повязкой, чтобы не проглотить случайно зазевавшуюся мушку. Но мне кажется, что, в лучшем случае, это исключения.

Остальные не будут принимать близко к сердцу каких-то мух и по отношению к нам будут безжалостны.

Странное, неестественное состояние охватило Пола. Все вокруг казалось слишком реальным, хотя одновременно создавалось впечатление, что в любой момент оно может распылиться в воздухе. Окружающие предметы напоминали остановленное без движения иллюзорное изображение. Пол посмотрел на звезды и Луну, ища в них опору и говоря себе, что в истории человечества, по крайней мере, небо всегда оставалось неизменным. Но неожиданно он услышал внутренний демонический голос: «А если бы звезды начали вибрировать? На фотографиях ведь видно, что они изменили положение!»

Салли вела Джейку по износившемуся деревянному помосту к пятому и последнему вагону железной дороги в Луна-парке. Они оказались единственными пассажирами, если не считать пары перепуганных пуэрториканцев, которые сидели в первом вагоне и уже сейчас судорожно цеплялись за поручни.

— Боже, Сал, сколько я могу ждать, — вздохнул парень. — Я постоянно должен идти на какие-то уступки только потому, что ты так хочешь. Квартира Хассельтайна...

— Тс-с, голубчик, на этот раз ты не идешь ни на какие уступки. — Девушка понизила голос, когда мужчина из обслуживающего персонала быстро прошел мимо, проверяя вагоны. — А теперь слушай внимательно. Как только мы двинемся вверх, подвинься немного вперед, левой рукой изо всех сил держись за спинку сиденья, потому что правой ты должен будешь держать меня.

— Как это правой? Ведь ты сидишь с левой стороны.

— Только пока, — умехнулась Салли и ласково погладила его по щеке.

Джейк вытаращил глаза, а потом недоверчиво улыбнулся.

— Делай то, что я тебе говорю, — продолжала она.

Со скрежетом и хрустом вагоны начали идти вверх. За несколько метров до вершины Салли быстро встала, обвила ногами бедра Джейка. Одной рукой она держала его за шею, а другой...

— О, боже, Сал! — прошептал Джейк, ловя воздух. — О! Похоже, Земля начинает приходить в движение, помнишь, как в книге «О ком звонит колокол»?

— Да что там Земля! — крикнула девушка и, словно валькирия, оскалила зубы в дьявольской улыбке.

Вагоны замедлили ход на вершине и неожиданно помчались вниз.
— Я сделаю так, что звезды начнут кружиться!

— Нам кажется, — говорила Рама Джоан, — что люди со звезд — существа исключительно красивые, и для нас они будут настолько же удивительными, как, допустим, охотник для дикого кабана, который в своей жизни ни разу не слышал грома выстрела. Я сама очень много думаю о них и с каждым разом все больше и больше прихожу к выводу, что по отношению к нам они были бы так же жестоки и недоступны, как девяносто девять процентов наших богов. А кто такие боги, если не наше видение более ушедшей вперед в своем развитии цивилизации? Если вы не верите мне, освежите в своей памяти историю последних десяти тысяч лет. Тогда вы поймете, что там, наверху, — дьяволы!

Рагнарок снова зарычал. Мяу крепко прижалась к плечу Марго и вцепилась в него когтями.

— Конец полного затмения, — объявил низенький мужчина.

— Действительно, Рама Джоан, вы меня удивляете, — покачал головой Лысый.

— Не бойся, Мяу, — шепнула Марго.

Пол посмотрел вверх и увидел, что восточный край Луны начал светлеть. Он почувствовал огромное облегчение. Неожиданно он осознал, что наполняющий его страх начал проходить именно с той минуты, когда низенький объявил, что затмение закончилось.

На востоке от Луны заблестело несколько звезд, мгновение, и звезды закружились вокруг собственной оси, словно призрачные бенгальские огни. Неистовое кружение продолжалось несколько секунд, а затем звезды угасли, как задутые свечи.

На плоскогорье Аса Голкомб увидел, что звезды вблизи Луны начали дрожать, словно их шевелит дуновение играющих в космосе фанфар. И вдруг на черном небе открылись большие, золотисто-фиолетовые ворота, которые были во много раз больше, чем Луна. Аса протянул к ним руки — красота этих ворот сжала ему сердце. Аорта не выдержала этого и лопнула.

Человек умер.

Салли увидела вибрирующие звезды как раз в тот момент, когда на шестой из девяти вершин горок на Кони-Айленде, совместно с Джейком временно теряя по десять килограммов веса на каждого, она достигла оргазма. В ослеплении любовного акта, на грани потери сознания, девушка была уверена, что звезды являются продолжением ее самой — частью Салли Харрис, и закричала со смехом:

— Мне удалось! Я говорила, что они закружатся, и они закружились!

А когда после спирающего дыхания в груди падения и путешествия вверх они оказались на следующей вершине, на месте вибрирующих звезд оказался желто-фиолетовый щит в четыре-пять раз больше, чем Луна, щит настолько яркий, что в его свете четко вырисовывались полоски на костюме Джейка, который прижимал лицо к груди девушки.

Салли отклонилась на металлические поручни и победно крикнула: — О, черт! Вот это аттракцион! .

— О боже! Что за чудо! — крикнул Большой Бенди. — Слушай, Пепе, наверное, с другой стороны земного шара находится сумасшедший старый китаец, большой, как Кинг-Конг, который качает ногами и рисует золотые тарелки, а потом швыряет их в сторону Луны. Одна как раз повисла сейчас над нами.

— Красиво, — согласился Пепе. — Она освещает весь Нью-Йорк. Тарелочное освещение.

— Я тоже вижу! — заорал Араб, который подошел к ним. — О, что за чудесный косяк!

В темноте Палм Бич Коллинс Кеттеринг III, не отрываясь от телескопа, говорил немного напыщенным тоном:

— Имя существительное «планета», мисс Кац, происходит от греческого глагола «планастан», что означает блуждать. Таким образом, слово «планета» означает «странник», то есть то небесное тело, которое странствует между неподвижными звездами.

На мгновение он замолчал.

— Луна уже проясняется, — продолжал он через мгновение. — И причем не только та сторона, которая выходит из затмения. Да, да! Видны даже цвета.

Девичья ладонь нежно опустилась на его плечо, и потрясенный дрожащий голосок (словно Барбара неожиданно превратилась в кузнечика) произнес:

— Прошу тебя, дорогой, не отрывай взгляда от телескопа. Ты должен приготовиться к сильному потрясению.

— Потрясению? Не понимаю, мисс Кац, — беспокойно произнес Кеттеринг, послушно смотря в окуляр.

— Я еще не уверена, — продолжала девушка, — но небо выглядит, словно обложка старого журнала о чудесах космоса. Мне кажется, дорогой, что прибыл твой Странник. Считаю, что греки даже не предполагали, что он может быть таким большим. Это наверняка планета!

Пол вздрогнул и буквально на две секунды закрыл глаза. Когда он открыл их, то увидел Странника, окрашенного в ярко-фиолетовый и желтый цвета.

Странник, диаметром в четыре раза больший, чем Луна, повис в небе на расстоянии в четыре длины Луны к востоку от нее. Его поверх-

ность, в шестнадцать раз большая, чем поверхность Луны, разделялась волнообразной дугой в форме буквы на две части — одну золотую, другую фиолетовую.

Все это Пол увидел в одно мгновение — не было времени для какого-либо анализа. В следующую секунду он бросился на пол, сжался, спрятал голову — только бы быть как можно дальше от этого непонятного сверкающего кошмара. У него было чувство, что нечто мощное и огненное висит над ним, словно какая-то огромная глыба, готовая рухнуть на Землю и подмять его под себя.

Марго, держа кошку в руках, лежала на террасе рядом с ним.

Совершенно случайно глаза Пола остановились на листке бумаги, который он держал в руке. Инстинктивно он отметил про себя, что бородатый докладчик — это Росс Хантер, профессор социологии университета Рида в Портленде, штат Орегон. И тут же он с ужасом осознал, что это свет Странника дает ему возможность читать.

Для дона Гильермо, который, приближаясь к дворцу «Эль президенте», судорожно вцепился левой рукой за поперечную ручку бомбосбрасывателя, Странник явился не чем иным, как реактивным самолетом никарагуанских королевских ВВС, летящим за ним следом и готовым вот-вот открыть по нему огонь. Дон Гильермо сжался в кресле, зажмурил глаза, напряг мышцы спины и шеи, уверенный, что сейчас настанет его последний час... «Сволочь, садист, — непрестанно думал он, — хочешь продлить мои мучения».

Чисто автоматическим движением, следуя плану, он сделал левый разворот в сторону большого озера, а потом все же заставил себя оглянуться назад. К черту все! Это только большой заградительный баллон, освещенный каким-то непонятным способом! И подумать только, его пытались одурачить этой карнавальной игрушкой! Он вернется и задаст им жару!

В ту же минуту он увидел ослепляющий розовый блеск вулкана в Ла Лома и осознал, что левой рукой держит ручку бомбосбрасывателя, с которой теперь свисал только оборванный провод.

В следующую секунду мощный неожиданный взрыв потряс машину. Дон Гильермо выровнял самолет и машинально продолжал следовать в сторону озера Никарагуа.

Но каким образом, недоумевал он, баллон удерживается в воздухе? И почему внизу так светло, словно Землю освещает огромный прожектор?

Багонг Бунг стоял, опираясь на перила мостика. Солнце нещадно пекло ему голову, но перед глазами продолжали стоять обросшие водорослями останки кораблей, полных золота, лежащие на относительно небольшой глубине. Он стоял так, ничего не сознавая, когда гравитационный удар неизвестного небесного тела ударил снизу, дергая каждую частичку его тела. Но поскольку неизвестное тело из космоса с

одинаковой силой влияло на его катер «Мачан Лумпур», на Тонкийский залив и на всю планету в целом, оно не повлияло ни на одну из приятных и безмятежных мыслей Багонга Бунга.

Если бы он посмотрел на компас, то увидел бы, как стрелка резко задвигалась, а потом, дрожа, начала показывать новое направление, слегка сместившись к северо-востоку. Но маленький малаец редко смотрел на компас — он слишком хорошо знал эти мелкие моря. Кроме того, он так давно имел дело с оппортунистами и разными пройдохами, как из коммунистического, так и из капиталистического лагеря, что даже если бы и заметил, что компас указывает новое направление, то подумал бы, что корабль просто выявляет свое политическое непостоянство.

Вольф Лонер скривился во сне как раз в тот момент, когда, проплыв уже половину пути вокруг света, стрелка компаса яхты «Стойкая» задрожала и показала то же направление, что и компас на «Мачан Лумпур», а голубой язык огня святого Эльма замигал на верхушке мачты. Лонер пошевелился, но не проснулся и через мгновение снова погрузился в глубокий сон.

— Джимми, сделай что-нибудь с этим огнем, прежде чем он разнесет нам на куски экран, — рявкнул генерал Стивенс.

— Так точно! — ответил капрал Джеймс Келли. — Но какой экран, сэр? Огонь виден на обоих.

— Потому что он и есть на обоих, — охрипшим голосом вмешался полковник Грисволд. — Посмотри на каждый из них в отдельности, Спайк. Его четко видно, он не меньше, чем Земля.

— Спайк, а может быть, это просто новая вводная? — возбужденно спросила полковник Мейбл Уолмингфорд. — Первое командование может в любую минуту подать новую информацию, чтобы проверить, как мы справляемся со своими обязанностями.

— Верно, — признал генерал и судорожно ухватился за это предположение.

Полковник Уолмингфорд с удовлетворением улыбнулась. Спайк, похоже, боится.

— Если это действительно новое задание, — начал генерал, — то мне, по крайней мере, кажется, что на этот раз они задали нам неплохую загадку. Через пять секунд наши коммуникационные устройства будут лопаться от данных выдуманной опасности. Итак, господа, будем считать, что это новое задание.

Вынуждая себя смотреть наверх, Пол сориентировался, что Странник остается неподвижным и не изменяет очертаний. Он помог Марго встать, после чего поднялся сам, но продолжал стоять съежившись, словно человек, над которым нависла бетонная плита или ожидающий

получить через мгновение удар кулаком в зубы. Оказалось, что реакция «ложись» сработала у всех одновременно. Кресла были разбросаны, и не видно было ни единой живой души — ни тех, кто сидел в первом ряду, ни докладчиков.

Нет, реакция, однако, была не совсем всеобщей. Дылда стоял, выпрямившись, и странно спокойным высоким голосом говорил:

— Не бойтесь. Это только большой воздушный шар. Сделан в Японии, судя по узору.

— Он поднялся из Вандерберга-Два! — истерически закричала женщина, лежащая на полу. — Почему он остановился? Почему горит? Почему не летит выше?

Из-под стола донесся еще более громкий крик Лысого:

— Дураки, не вставайте! Разве вы не поняли, что это огненный атомный шар? — А потом тише, обращаясь уже к Раме Джоан: — Вы не видели мои очки?

Рагнарок, поджав хвост, обошел террасу, стал почти в центре, среди пустых кресел, разбросанных по террасе, поднял морду в сторону Странника и начать выть. Пол и Марго прошли мимо пса и приблизились к эстраде.

За их спиной возникла Анна.

— Почему все так испугались? — весело спросила она. — Это, вероятно, самая большая летающая тарелка в мире! Теперь я уже могу его погасить, — сказала она, выключая фонарик.

Низенький мужчина подошел к Дылде, протянул руку вверх и потряс его за плечо.

— Смог бы воздушный шар до такой степени затмить звезды? — спросил он. — Могли бы мы при его свете различить цвета наших автомобилей? Смог бы он осветить Тихий океан до самого острова Санта-Барбара? Черт возьми, ответьте мне, Чарли Фулби!

Дылда завертел головой. Потом закатил глаза, так что стали видны лишь белки, свалился в кресло и бессильно сполз на пол. Маленький внимательно посмотрел на него и в раздумье произнес:

— Что бы это ни было, это не Арлетта.

Одновременно из-под стола показались блестящий череп и очки Лысого, а также бородатое лицо Хантера, профессора из университета Рида, которого Марго и Пол прозвали Бородачом. В этой забавной позе они производили впечатление двух бравых гномов.

— Это не атомный шар, — заявил Лысый. — Ели бы это было так, он бы увеличивался в объеме. И, кроме того, он с самого начала светился бы значительно ярче.

Лысый помог встать Раме Джоан. Конец ее зеленого тюрбана размотался, блузка была помята.

Анна протянула руку и погладила Маяу.

— Она мурлыкает, постоянно смотрит на эту большую тарелку, — сказала рыжеволосая девочка, — словно хочет ее облизать.

Странник продолжал висеть в небе, мягкий, словно пух, но с четко обрисованными контурами. Он казался необычайно массивным, две его половины — желтая и фиолетовая — складывались в форме символа инь-янь, символа света и темноты, мужчины и женщины, добра и зла.

Пока другие всматривались в неизвестный объект и задумывались о его природе, маленький мужчина достал из кармана на груди небольшой блокнот и на чистом листке старательно набросал схематический рисунок. Он сгладил некоторые нечеткие контуры и параллельными линиями отметил сочетание цветов в окраске нового небесного тела.

Дон Мерриам снял последнюю ловушку и направился в сторону станции. Кольцо ярко светило с правой стороны Земли. Через несколько секунд покажется щит Солнца, на Луну вернется жаркий день, а темный круг Земли снова осветит отраженные Луной лучи Солнца.

Неожиданно Дон остановился. Круглый щит Солнца еще не появился, а Земля, еще мгновение тому назад темная, светила теперь в двадцать раз ярче, чем когда-либо в свете Луны. Он без труда распознал контуры обеих Америк, а наверху справа — маленькую светлую точку гренландского ледяного щита.

— Дон, посмотри на Землю, — раздался в наушниках голос Йохансена.

— Я как раз смотрю, Джо. Что там происходит?

— Мы не знаем. Подозреваем, что где-то на Луне произошел мощный взрыв. Может быть, пожар на советской базе вследствие взрыва ракетного топлива.

— Не было бы так светло, Джо. Но, может быть, Амбарцумян избрел световой сигнал мощностью в двадцать Лун?

— Атомный фонарь, а? — невесело рассмеялся Йохансен. — У Дюфресне предположение лучше. По его мнению, все звезды за нами тысячекратно увеличили свою яркость.

— Может быть, он и прав, — ответил Дон. — Джо, что это за точка над Атлантикой? — неожиданно спросил он.

Точкой, с которой он говорил, было яркое желто-фиолетовое пятно на спокойной воде океана.

Ричард Хиллери задернул занавеску, чтобы резкие утренние лучи солнца не слепили глаза и попытался удобно устроиться в кресле скорого автобуса, который как раз набирал скорость по дороге в Бату. Этот автобус был приятной неожиданностью по сравнению с подпрыгивающим на выбоинах дороги драндулетом, на котором он ехал из Портленда в Бристоль. Хиллери почувствовал, что у него проходит приступ морской болезни: внутренности, которые час назад свивались змеиными узлами, теперь медленно успокаивались.

«Вот что может сделать с воображением один вечер, проведенный с пьяным уэльским поэтом, — с иронией думал он. — Черт, какая была боль! Этого мне хватит на долгое время!»

Во время прощания Дэй Дэвис находился в исключительно приподнятом настроении, громко пел «Прощай, Мона!», импровизируя отдельные обороты под влиянием спиртного. Он создавал ужасные неологизмы, такие, как «лунотемнота» и «человекосвет». Облегчение, которое почувствовал Ричард, когда избавился от Дэвиса, было искренним и глубоким. Ему даже не мешало (по крайней мере, сейчас), что у водителя автобуса было включено радио, вынуждая пассажиров слушать приглушенные звуки американского неодажа, настолько же бессмысленного, как республиканская партия и многие другие порождения бывшей британской колонии за океаном.

Ричард тихо, хотя и глубоко, вздохнул. Да, на какое-то время он наконец-то покончил с этим Дэвисом, покончил с научно-фантастической литературой, покончил с Луной-Моной! Да, прежде всего, именно с Луной!

— Внимание, внимание! Прерываем наши передачи. Уважаемые радиослушатели! Просим внимания. Сейчас мы передадим экстренное сообщение, — раздался голос из динамиков радиоприемника. — Экстренное сообщение из Соединенных Штатов!

Глава 8

Хантер и Лысый разговаривали, наблюдая за Странником. Когда кудрявая шевелюра и буйная борода Хантера заслонили на мгновение золотистую часть шара, блестящий череп Лысого приобрел какой-то странный оттенок.

Пол под влиянием неожиданного прилива энергии прыгнул на эстраду и, не думая о последствиях, крикнул:

— Я обладаю секретной информацией о звездных фотографиях, на которых явно видны поля деформаций! Они полностью подтверждают ваши...

— Довольно! У меня нет времени выслушивать бредни фанатиков! — крикнул Лысый, после чего снова обратился к Хантеру.

— Я могу поспорить, Росс, что если этот объект находится на таком же расстоянии от Земли, как и Луна, то он должен быть величиной с Землю. Наверняка! Но...

— Исходя из предпосылки, что это шар! — резко прервал его Хантер. — Потому что он может быть также плоским, как тарелка.

— Конечно, исходя из предпосылки, что это шар. Но это, пожалуй, наиболее естественное и разумное предположение, правда? Слушай, если этот объект находится всего в тысяче километров над нами, — на секунду он задумался, — то его диаметр составляет сорок восемь километров, да?

— Да, — кивнул Хантер, — подобные треугольники в двадцать тысяч восемьсот километров, разделенные на двести пятьдесят.

Лысый кивнул головой так энергично, что если бы не придержал очки, то они упали бы на землю.

— Если же он находится только в ста шестидесяти километрах, то это означает, что он не отражает солнечные лучи, а светит собственным светом.

— И диаметром будет в четыре, запятая восемь километров, — закончил за него Росс.

— Да, — согласился Пол. — Но а таком случае период его обращения на орбите составит девятнадцать минут, или четыре градуса в минуту, а такое движение мы будем в состоянии наблюдать и без помощи звезд.

— Вы совершенно правы, — кивнул Лысый, обращаясь к Полу, как к старому знакомому. — Четыре градуса — это столько же, сколько и у Пояса Ориона. Если это шар, и он действительно движется с такой скоростью, то мы вскоре заметим его вращение.

— Но откуда ты знаешь, что он вообще перемещается по орбите? — спросил Хантер. — Откуда такая уверенность?

— Еще одна понятная и хорошая гипотеза, — громко и с определенной горечью ответил Лысый. — Так же, как и то, что он отражает солнечные лучи. Я не знаю, откуда он взялся, но, коль скоро он находится в космосе и пока мы не убедимся, что дело обстоит иначе, мы можем допускать, что он подчиняется законам космоса. Что вы хотели сказать о звездных фотографиях? — обратился он к Полу.

Пол начал рассказывать.

Марго не поднялась вместе с ним на эстраду. Она стояла ниже (вокруг нее толпились люди и с жаром дискутировали, две женщины, присев рядом с Дылдой, растирали ему запястья) и всматривалась в странные аметисто-топазовые дорожки, возникшие на водах Тихого океана в отражении лучей Странника. Ей пришла в голову мысль, что все призраки ее прошлого, а может быть, даже прошлого всего мира, придут к ней по этому шоссе, вымощенному драгоценными камнями.

В поле ее зрения показалось лицо женщины в тюбане.

— Я вас узнала, дорогая, — сказала она обвиняющим тоном. — Вы ведь невеста того космонавта. Я видела вашу фотографию в «Лайфе».

— Пожалуй, вы правы, — вмешалась другая женщина в светло-сером свитере и брюках. — Я тоже видела эту фотографию.

— Она пришла с каким-то мужчиной, — сообщила им Анна, которая стояла рядом с матерью. — Они очень милые, и у них есть кошка. Видишь, мамочка, как эта кошка всматривается в нашу огромную бархатную тарелку?

— Да, любовь моя, — кивнула Рама Джоан, криво улыбаясь. — Она видит там дьявола. Коты ведь их очень любят.

— Сейчас же перестаньте нас пугать! — резко произнесла Марго. — Мы и так боимся. Это ведь глупо!

— Вы думаете, что там нет дьявола? — вежливо спросила Рама Джоан. — О, прошу не беспокоиться об Анне. Ей это нравится.

Рагнарок подкрался к ним, поднялся на задние лапы и зарычал на Мяу.

— Сейчас же сядь! — закричал невысокий мужчина, замахиваясь на пса рукой. Марго старалась придержать вырывающуюся и царапающуюся кошку, а Рама Джоан отвернулась и посмотрела на Странника, а потом на Луну, которая медленно выходила из затмения. Невысокий мужчина нашел то, что искал, сел и положил на колени найденное сокровище — предмет величиной с папку, но с более острыми краями.

— Да, — как раз говорил на эстраде Лысый Полу. — Эти фотографии действительно указывают на то, что что-то прибыло из подпространства, но... — толстые стекла очков увеличивали его и без того большие глаза, — но пока что мы не знаем, как далеко от Земли находится это свинство. — Хантер нахмурился.

— Рудольф! Слушай! — крикнул Лысому Хантер.

Рудольф, или Лысый, схватил сложенный зонтик.

— Прошу прощения, Росс, но я должен кое-что проверить, — сказал он и несколько неловко прыгнул с эстрады.

Пол неожиданно понял: его внезапный прилив энергии был просто возбуждением, которое охватило также и всех остальных.

— Но это важно, — громко говорил Хантер, обращаясь частично к Полу, а частично к Рудольфу. — Если этот шар висит только в ста шестидесяти километрах над нами, то он находится в тени Земли и не может отражать солнечных лучей. Но примем, что он только в шестидесяти километрах над нами. Этого будет достаточно, чтобы осветить большой участок Земли. Тогда его диаметр достигнет едва ли четырехсот пятидесяти метров. Рудольф, слушай, я знаю, что мы смеялись над Чарли Фулби, когда он говорил о воздушном шаре, но известно, что воздушные шары с более чем стометровым диаметром поднимались на высоту в тридцать пять километров. Допустим, что это огромный воздушный шар, внутри которого находится необычайно сильный источник света. Этот источник подогревает газ и приводит к тому, что воздушный шар поднимается еще выше... — неожиданно он остановился. — Рудольф, что ты там, к дьяволу, делаешь? — спросил он.

Лысый вбил зонтик глубоко в песок и, присев за ним, смотрел на Пола и Хантера через дугу ручки. Странник четко отражался в толстых стеклах очков.

— Я проверяю орбиту этого свинства! — крикнул он им снизу. — Я стараюсь установить зонтик на одной линии с углом стола и шаром в небе. Пусть никто не трогает стол!

— Я же говорю тебе, — крикнул Хантер, — что у этого шара, может, вовсе и нет орбиты? Вполне может быть, что это просто шар величиной в пять футбольных полей.

— Господин Хантер! — позвала Рама Джоан с легкой насмешкой в голосе. Бородач обернулся. Другие тоже.

— Господин Хантер! — повторила Рама. — Двадцать минут назад вы рассказывали нам о символах, которые мы видим на небе, а теперь приказываете нам удовлетвориться объяснением, что это большой желто-фиолетовый воздушный шар. Так как же прикажете вас понимать? Посмотрите на Луну!

Пол, вслед за другими, прикрыл Странника рукой. Восточная, третья, часть Луны уже вышла из затмения, но ее поверхность тоже покрывали цветные пятнышки. Тем временем на затемненных краях были видны фиолетовые и желтые полосы. Не было ни малейшего сомнения в том, что свет Странника падает на эту сторону Луны с такой же силой, что и на Землю.

Тишину прервал неожиданный стук. Невысокий мужчина, установив на коленях портативную пишущую машинку, упорно бил по клавишам. Это нерегулярное стучание показалось Марго чем-то настолько неподходящим к данной обстановке, насколько неподходящей бывает прогулка темной ночью по кладбищенским надгробиям.

— Ладно, если Первое Командование поручает нам это, за работу! — рявкнул генерал Спайк Стивенс. — Джимми, немедленно передай мой приказ на лунную базу: **ВЫСЛАТЬ КОРАБЛЬ В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ К НОВОЙ ПЛАНЕТЕ ДОПУСКАЕМОЕ РАССТОЯНИЕ ОТ БАЗЫ Сорок тысяч километров...** передай координаты базы... **ИНФОРМАЦИЮ ПЕРЕДАВАТЬ НЕМЕДЛЕННО!**

— Спайк, — отозвался полковник Грисволд. — Бортовые передатчики имеют слишком маленький радиус действия, чтобы передавать информацию непосредственно на Землю.

— Пусть передают через базу.

— Не получится. Они будут на другой стороне Луны.

Генерал щелкнул пальцами.

— Ладно, — сказал он. — Прикажи им выслать два корабля, один разведывательный, а через некоторое время после него — второй, который будет передавать информацию на базу! Подожди! На базе три корабля, готовых к действиям, да? Пусть вышлют два разведывательных корабля, на север и на юг новой планеты, а третий пусть кружится вокруг Луны. Пусть он прикрывает их и передает информацию. Я знаю, Уилл, на базе останется один человек без корабля, но я готов рискнуть ради того, чтобы добыть столь важную сейчас информацию.

В напряженной обстановке подземного помещения полковник Мейбл Уолмингфорд неожиданно почувствовала беспокойство: может быть, это вовсе не вводная? Тогда Спайк не справится! Благодаря ей он одержал первую небольшую победу, но сейчас, похоже, уже теряет достигнутое преимущество.

Марго услышала, как женщина, склонившаяся над Дылдой, говорила:

— Нет, Чарли, не надо, не вставай!

Дылда спокойно всматривался в Странника. Уголками губ он слегка улыбался.

Марго инстинктивно склонилась над ним. То же самое сделала и Рама Джоан, безотчетно подоткнув свисающий конец тюрбана.

— Испан, — прошептал ослабевший мужчина. — Ох, Испан, как же я мог не узнать тебя? Наверное, я никогда не задумывался над тем, как ты выглядишь издалека. Испан, фиолетовый и золотой. Испан — Императорская Планета!

— Испан-Хиспан, — беззлобно передразнил его невысокий мужчина, не переставая стучать на машинке.

— Чарли Фулби, ты старый врун! — нежно проговорила Рама Джоан. — Почему ты постоянно притворяешься? Ведь ты знаешь, что никогда в жизни твоя нога не ступала на другую планету.

Женщина, поддерживающая Дылду, метнула на Раму яростный взгляд, но Дылда посмотрел на нее без злости.

— Это правда, Рама, — прошептал он. — Мое тело ни разу не было ни на одной планете. Но я многие годы посещал их мысленно. Я так же уверен в их существовании, как Платон был уверен в своих универсалиях, а Евклид — в бесконечности. Испан, Арлетта, Брима существуют так же, как существует Бог. Я чувствую это. Но чтобы убедить в этом людей в нашем материальном мире, я был вынужден делать вид, что бывал на них.

— Почему же ты теперь говоришь правду? — ласково спросила Рама Джоан, словно заранее зная ответ.

— Потому что теперь нет нужды притворяться, — тихо произнес Дылда, — Испан прибыл сюда.

Невысокий мужчина вытащил из машинки листок бумаги, приложил его к обложке блокнота, поднялся на эстраду и, стуча по столу, потребовал тишины.

— После места, даты, часа и минут у меня здесь написано следующее. — Он начал читать:

«Мы, нижеподписавшиеся, видели на небе вблизи Луны шарообразный объект. Диаметр объекта был примерно в четыре раза больше диаметра Луны. Объект состоял из двух частей: фиолетовой и желтой, напоминающих символ инь-янь, или зеркальное отражение цифры шестьдесят девять. Его свет делал возможным чтение газеты. В течение по крайней мере двадцати минут объект не изменил своего вида...»

— Есть ли какие-нибудь поправки? Если нет, то прошу подписаться здесь, ниже. И прошу сразу указать свои адреса.

Кто-то тяжело вздохнул, но Лысый закричал со своего поста на песке:

— Верно, Додд! Пусть подписываются!

Невысокий мужчина подsunул блокнот двум женщинам, стоящим ближе к нему. Одна истерически рассмеялась, другая вырвала у него ручку и расписалась.

— Ты уже заметил движение? — спросил Пол у Рудольфа.

— Еще не уверен, — ответил Лысый, осторожно вставая, чтобы не сдвинуть зонтик, вбитый глубоко в песок. — Во всяком случае, шар находится далеко от Земли.

Он поднялся на эстраду.

— Есть ли у кого-нибудь телескоп или бинокль? — спросил он громко, но, кажется, без особой надежды. — Может быть, хотя бы театральный? — мгновение он ждал ответа, а потом пожал плечами. — Что за люди! — обратился он к Полу, снимая очки, чтобы протереть стекла.

Бородатое лицо Хантера неожиданно просветлело.

— А может быть, у кого-то есть радио? — крикнул он.

— У меня есть, — ответила худая женщина, сидящая на полу рядом с Дылдой.

— Хорошо. Найдите какую-нибудь снабжающую новостями станцию, — сказал он.

— Я постараюсь поймать КФАК. Там передают классическую музыку и часто прерывают программу, чтобы сокращенно дать последние известия.

— Если в Нью-Йорке или Буэнос-Айресе тоже виден этот шар, то у нас будет уверенность, что он находится очень высоко, — прокомментировал свои намерения Хантер.

Марго, держа кошку, снова посмотрела на Странника. Неожиданно она почувствовала, что кто-то берет ее за локоть.

— Кларенс Додд, — вежливо представился невысокий мужчина. — Мадам...

— Марго Гельхорн, — ответила Марго. — Эта мощная бестия — ваш пес, мистер Додд?

— Да, — улыбнулся мужчина. — Не хотите ли расписаться, мисс Гельхорн?

— Оставьте меня в покое, — грубо прервала его Марго, выдернула локоть и снова посмотрела в небо.

— Вы будете жалеть об этом, — спокойно заметил Додд. — Раз в жизни я видел настоящую летающую тарелку и не взял письменных свидетельств от четырех человек, ехавших вместе со мной в автомобиле. Через неделю все они утверждали, что это было нечто иное.

Марго пожалала плечами и подошла к эстраде.

— Пол, — позвала она, — мне кажется, что фиолетовая часть уменьшается, а на внешнем краю желтой плоскости появляется фиолетовая полоса, которой до сих пор не было.

— Она права, — сразу же отозвалось несколько голосов.

Рудольф поправил очки, которые постоянно сползали у него с носа. Но прежде чем он успел что-либо сказать, Хантер закричал:

— Вращается! Это наверняка шар!

Пол, которому до этого казалось, что Странник плоский, неожиданно увидел, что это глыба. Вид появляющейся неизвестной стороны шара, до сих пор скрытой от глаз людей, произвел на собравшихся большое впечатление.

Рудольф поднял руку.

— Вращается на восток, — заявил он. — А это значит, что шар крутится в противоположную сторону по сравнению с Землей и большинством планет солнечной системы.

— Слышишь, Билл? Начинается лекция по астрономии, — тихо произнесла одетая в серое женщина сидящему рядом мужчине.

Худая женщина включила транзисторный приемник. Ясно был слышен только треск. Музыка, которую, собственно, можно было едва слышать из-за помех, была плясовой и мелодичной. Через мгновение Пол узнал «Полет Валькирий» Вагнера, который здесь, на обширной открытой местности, звучал так, словно произведение играл оркестр, составленный из мышей.

Дон Мерриам был уже почти на полпути к станции. Быстрым шагом он осторожно шел по светлеющей равнине, поднимая сапогами пыль, когда в наушниках раздался спокойный голос Йохансена. Дон остановился.

— Слушай внимательно, Дон, — сказал Йохансен. — Ты не должен входить на станцию. Садись на корабль и приготовься к старту. Одиному старту!

Дон хотел спросить, что случилось, но сдержался.

Слыша эту тишину, Йохансен рассмеялся и сказал:

— Я знаю, что на кораблях этого типа мы летали поодиночке только во время пробных учебных полетов, но это приказ сверху. Дюфресне уже готов. Он будет лететь на корабле Б. А я с Бабы Яги-7 буду передавать информацию Гомперту, который останется на месте и будет пересылать ее командованию на Землю. Ты и Дюфресне стартуете, когда получите приказ. Ты исследуешь северную сторону желто-фиолетового объекта, а Дюфресне — южную. Мне даже думать не хочется, но командование с Земли говорит, что это...

Слова Йохансена заглушил низкий, сверлящий, почти инфразвуковой рев. Дон ступнями почувствовал идущую снизу вибрацию. Лунный грунт заколыхался у него под ногами, и он потерял равновесие. В тот момент, когда он падал, он думал только о том, чтобы согнуть руки в локтях и прикрыть шлем. Он видел серый слой пыли, которая слегка волновалась, словно толстый ковер, поднимаемый ветром, — это сила инерции удерживала пыль над трясущейся твердью Луны.

Дон рухнул навзничь. Грохот усиливался. Он чувствовал все более сильные толчки. Вокруг начали вздыматься прямо-таки фонтаны пыли. К счастью, шлем не треснул.

Так же неожиданно, как и начался, рев прекратился.
— Джо! Джо! — крикнул Дон и языком включил сигнал тревоги. Фиолетово-желтый свет падал на него с западной стороны Атлантического океана, вблизи от побережья Флориды.
Со станции не было ответа.

Глава 9

Марго и Пол вместе со всеми двинулись назад, к автомобилям. Никто уже не помнил, кто первым крикнул: «Лучше уберемся отсюда!», но, когда эти слова были произнесены, почти все немедленно согласилось сейчас же тронуться в путь. Только Лысый — Рудольф обязательно хотел остаться у своей астролябии, состоящей из зонтика и угла стола. Он пытался даже убедить коллег-наблюдателей, чтобы они оставались с ним, но в конце концов его самого отговорили от этой затеи.

— Рудольф — холостяк, — в порядке объяснения обратился Хантер к Марго, когда они вместе ждали, пока Рудольф соберет свои вещи. — Он может не спать ночами, наблюдая за каким-то явлением, ломая себе голову над шахматной задачей или пытаясь увлечь какую-нибудь актрисочку! — последнее он крикнул Рудольфу, — но у нас у всех есть семьи!

Как только поступило предложение уехать, Пол подумал, что ему нужно немедленно отправиться к Командованию Лунного Проекта. Он решил, что вместе с Марго они свернут к Вандербергу-Два, собственно, он хотел уже сказать, что они пойдут пешком к Пляжным Воротам — так было бы быстрее, — но тут вспомнил, что проверка пропусков там длится значительно дольше.

Когда вся компания была уже готова тронуться в путь, Мяс, видя, что Рагнарок на поводке, набралась смелости, вырвалась и начала бегать по песку возле террасы.

Анна, ожидая, пока Марго поймает кошку, осталась, а вместе с ней и ее мать — Рама Джоан. Они составляли довольно странную пару: спокойная девочка с рыжими косичками и женщина с мужеподобными чертами лица, одетая в мятый фрак.

Когда Рудольф присоединился к ним, вся группа двинулась быстрым шагом, чтобы догнать тех, кто уже вырвался вперед.

Рудольф большим пальцем указал на Бородача.

— Этот тип чернил мое доброе имя? — спросил он у Марго.

— Нет, совсем наоборот! Профессор Хантер рекламировал вас изо всех сил, — с улыбкой ответила девушка. — Если я хорошо его поняла, вас зовут Рудольф Валентино.

— Нет, — рассмеялся Рудольф. — Рудольф Брехт. Но должен вам сказать, что Брехты, так же как и Валентины, вполне удачливые обольстители.

— Ты забыл свой зонтик, — вмешался в разговор Хантер и тут же схватил Брехта за локоть. — Нет, я не разрешу тебе возвратиться за ним.

— Я и не намерен делать этого, Росс, — ответил Рудольф. — Я оставил его там специально, как своего рода памятник. Кстати говоря, нужно было бы на этом листике дописать, что мы банда глупцов. Мы всю ночь должны будем ехать в темноте, среди всеобщей суматохи, вместо того чтобы остаться в этом дивном местечке и использовать время для плодотворных наблюдений, а потом позавтракать на свежем воздухе.

— Я не уверен, действительно ли это дивное местечко, — мрачно начал Хантер, но Рудольф прервал его и указал на Странника.

— Допустим, что это настоящая планета, — сказал он. — Тогда что это, по-твоему, желтые — это пустыни, а фиолетовые — это океаны водорослей.

— Сухие области кристаллизованного йода и серы! — наобум сказал Хантер.

— Границы которых охраняет демон Максвелла? — с легкой иронией спросил Рудольф.

Пол посмотрел вверх. Фиолетовая полоса была теперь шире, а желтая поверхность, которая передвинулась ближе к центру неизвестного небесного тела, своей формой напоминала толстый полумесяц.

— Я думаю, то это океаны с золотистой водой и земля, поросшая фиолетовыми деревьями, — сказала Анна.

— Нет, милая девочка, нужно соблюдать правила игры, — улыбнулся Рудольф. — А это значит, что нельзя выдумывать вещи, которых нет здесь, на Земле.

— У вас такой метод исследования неизвестного? — с нотками веселья в голосе поинтересовалась Рама Джоан. — Вы действительно подходите к этому таким образом?

— Да. Ко всему на свете. Это, пожалуй, самый верный принцип, — ответил Рудольф. — Молодая дама, — снова обратился он к Анне, — как лучше всего попасть в милость к твоей маме? Я еще никогда не добивался расположения буддистки, а это большое искушение.

Анна пожала плечами, и ее рыжие косички подпрыгнули. Рама Джоан сама ответила на этот вопрос.

— Не надейтесь, что я испытываю то же искушение, — сварливо бросила она.

Неожиданно она стянула с головы тюрбан, открывая взору копну великолепных золотисто-рыжих волос. И только тут стало заметно сходство матери и дочери. Фрак Рамы Джоан выглядел теперь еще более странно.

Они медленно нагоняли ушедшую вперед группу людей. Пол с удивлением заметил, что почти все, кто удалялся сейчас от Странника, шли сгорбившись, но тут же сам осознал, что и он тоже идет, сильно ссутулившись.

Они обогнали Дылду и идущих рядом с ним двух женщин, одна из которых держала в руке включенный радиоприемник. Среди треска помех был еще слышен концерт а-моль Грига.

— Я стараюсь поймать другие станции, — объяснила женщина Хантеру, — но помехи стали еще больше.

Неожиданно музыка стихла. Все сразу остановились. Несколько человек впереди тоже замерли на месте.

— Передаем сообщение из Сигалерта, — произнес ясный голос. — Автострады, ведущие к Голливуду, Санта-Монике, а также к Вентуре закрыты по причине заторов. Водителей просят не пользоваться этими автострадами до специального объявления. Мы советуем всем оставаться дома. Неизвестное тело в небе — это не атомный взрыв. Только что мы разговаривали по телефону с профессором Хумасоном Кирком, известным астрономом университета в Тарзане, который сказал нам, что неизвестный объект в небе — это, без сомнения, повторяю — без сомнения — странствующая туча металлической пыли, отражающая солнечный свет. Так что опасаться нечего. Профессор считает, что это пыль золота и бронзы. Общий вес этого облака, как уверяет ученый, не более трех килограммов, а сама пыль не представляет угрозы...

— Что за дурак! — не выдержал Рудольф Брехт. — Это надо же выдумать — пыль!

Несколько человек шикнули на него, но, когда он успокоился, уже был слышен только заглушенный помехами фортепианный концерт а-моль.

Дон Мерриам был в ста метрах от станции, когда произошло новое лунотрясение — на этот раз вертикальное, предваренное ужасным сверлящим грохотом, как будто кто-то вырвал из Луны все внутренности. У Дона начали стучать зубы, а металлические части скафандра резко завибрировали, словно вторя звукам огромного космического фортепиано.

Твердый лунный грунт выскользнул у него из-под ног, но мгновением позже снова с силой ударил в рифленые подошвы его сапог. Нелепые прыжки поневоле следовали один за другим. Ковер пыли подпрыгивал и падал вместе с Доном. Кое-где целые тучи пыли фонтаном били вверх на высоту более четырех метров и падали вниз стремительнее, чем пыль на Земле.

Сотрясение не прекращалось. Дон словно балансировал на хребте брыкающегося коня и боролся, чтобы удержать равновесие, помогая себе резкими взмахами рук. Неожиданно поднимающаяся пыль создала толстые, резкие дуги на фоне звездного неба. Солнечный свет снова начал заливать равнину внутри кратера Платона.

Лунотрясение прекратилось, космонавт настроил поляризацию шлема на 4/5 и осмотрелся, разыскивая станцию. Он уже оставил попытки

связаться с Йохансенom при помощи передатчика, размещенного в скафандре. Дон не видел иллюминаторов, но по опыту знал, что при солнечном свете их трудно заметить. Руководствуясь звездами, он выбрал необходимое направление и решительно двинулся вперед. Ему показалось, что он видит блестящие бока двух космических кораблей, стоящих на высоких треножниках.

Новая серия поперечных сейсмических сотрясений свалила Дона с ног. Он выставил руки как раз вовремя, чтобы смягчить падение. На этот раз сотрясение продлилось дольше — ему сопутствовали несколько боковых толчков. Кратер Платона колыхался до самого горизонта, словно озеро густой, тягучей жидкости. Потоки пыли поднимались и опадали. В сущности, это больше напоминало земные фонтаны воды, нежели фонтаны лунной пыли. Пылевые волны вздымались вокруг остроконечных скал, и целые облака пыли опускались на шлем Дона.

Вертикальные толчки следовали за горизонтальными. Грохот ошеломил Дона. Скафандр побрякивал, словно пустая консервная банка в бетономешалке.

Мерриам решил больше не испытывать судьбу вертикальным перемещением и, словно жук, покрытый серебряной пылью, пополз в сторону кораблей. Он страшно сожалел, что у него сейчас не столько ног, сколько у этих насекомых.

Приближаясь к автомобилям, которые четко вырисовывались у подножия темных скал, члены симпозиума разделились на группы. Свет Странника, в котором слилось желтое и фиолетовое сияние, придавал окружающему оттенок абсолютной нереальности.

— Наверное, вы из Лунного Проекта и знаете значительно больше нас, — с оттенком зависти в голосе произнес Хантер, обращаясь к Полу. — У вас, прежде всего, лучшая система информации. И, кроме того, орбитальные телескопы, радары и все прочее!

— Я в этом не уверен, — ответил Пол. — Работа в Проекте вырабатывает у всех узкие и ограниченные взгляды на происходящее.

Низенький мужчина подошел к ним — в правой руке он держал короткий поводок с Рагнароком, а в левой — блокнот.

— Вы меня еще не забыли, господа? — весело спросил он. — Меня зовут Кларенс Додд. Может быть, вы будете так любезны и подпишетесь? — умильно спросил он, протягивая Марго блокнот. — Завтра каждый из вас будет говорить: «Почему я не подписался?» Но будет поздно.

Марго, пытаясь удержать вырывающуюся кошку, рывкнула:

— Идиот! До отцепитесь вы, наконец, от меня!

— Я подпишу все, что хочешь, Додд, — весело закричал Рудольф. — Только иди отсюда и перестань дразнить зверюшек.

Анна тихо засмеялась.

— Ты знаешь, мамочка, мне нравится мистер Брехт; — сказала она. Рыжеволосая женщина во фраке ответила ей едва заметной улыбкой.

— Прекрасно! Может быть, такая реклама убедит твою мамочку! — закричал Рудольф.

Пол взял Марго за локоть и уже хотел было отвести ее к машине, когда внезапный импульс заставил его остановиться и посмотреть на Странника. Окруженная фиолетовым полем желтая фигура была теперь четкой — более широкая у основания, сужающаяся кверху и согнутая под острым углом у верхушки. Новая фигура на диске Странника вызвала у Пола непонятное беспокойство.

Кларенс Додд — невысокий мужчина, как продолжал называть его про себя Пол, — дал Рудольфу подержать поводок Рагнарока и быстро нарисовал новый, упрощенный рисунок, заштриховывая фиолетовую плоскость горизонтальными линиями. Под рисунком он написал «Через час».

Один из автомобилей, красный лимузин, резко взял с места, стремительно набирая скорость.

Внезапно раздался крик какой-то женщины:

— Помогите, помогите! У Ванды, кажется, сердечный приступ!

Рагнарок заскулил. Мяу зашипела.

Неожиданно Пол понял, что ему напоминает желтое поле, — динозавра с длинными челюстями, стоящего на мощных задних лапах. Он почувствовал, как покрывается гусиной кожей. Внезапно его пронзила дрожь, и лишь с некоторым опозданием он понял, что дрожит земля под ногами.

В детские годы Пол любил становиться на качели, висящие на крыльце, — это была солидная скамейка, выложенная подушками, на которой умещалось три человека. Скамейка цепью крепилась к потолку. Ему тогда казалось, что сохранить равновесие на качелях — это вершина отваги. Теперь неожиданно он словно опять оказался на качелях, поскольку земля с приглушенным грохотом легко колебалась у него под ногами, сначала на несколько сантиметров назад, потом вперед, потом снова назад. И он вынужден был балансировать, чтобы удержать равновесие, как делал это когда-то в детстве на качелях.

Среди криков и призывов о помощи выделялся повелительный голос Хантера:

— Как можно дальше держитесь от автомобилей!

Марго прижалась к Полу. Мяу, зажата между ними, тихо пищала.

Коричневая скала в нескольких метрах от них словно выпятилась и покрылась глубокими трещинами. Через мгновение она начала разваливаться — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, словно под сокрушающими ударами молота какого-то великана. Посыпался град камней. Осколок ударил Пола в щеку, но сейчас было не до того, чтобы обращать внимание на боль. В воздухе поднялась туча пыли. Неожиданно потянуло сильным запахом влажной земли.

— Быстро! Быстро! — кричал Хантер. — Некоторых засыпало.

Пол бросил еще один взгляд на желтый вертикальный контур, ярко обозначенный на черном фоне звездного неба, и только тут понял, кто перед ним.

Король хищников — ТИРАНОЗАВР РЕКС!!!

Першинг Север — комплекс небольших фонтанов и ухоженной зелени, растущей на крыше подземного городского гаража и атомного бомбоубежища, — находился в самом сердце старого района Лос-Анджелеса.

В эту ночь пьяницы, бродяги и немногочисленные прохожие, которые, кроме обычных здесь белок и голубей, являлись самыми частыми завсегдатаями этого места, могли наблюдать нечто значительно более интересное, чем взлохмаченные бороды проповедников, предрекающих Второе Пришествие, и истерические жесты оборванных монахов.

В эту ночь завсегдатаи площади высыпали на угол улицы Оливье и Пятой авеню, где лицом к «Балтимору», к холму Банкера и к зданию баптистов, которое служило одним из главных театров в городе, стоит бронзовый памятник задумавшегося Бетховена. Свет Странника заливал лица и глаза, обращенные вверх, в молчании наблюдающие за огромным знаменем в южной части неба. Глаза Бетховена, который смотрел вниз, на свой расстегнутый жилет, запачканный птичьим пометом, оставались, однако, в тени лохматых бровей музыканта и буйной гривы его волос.

Мгновение царила напряженная, полная ужаса тишина, а потом раздался приглушенный далекий грохот. Какая-то женщина вскрикнула, и собравшиеся оторвали глаза от неба. Некоторое время им казалось, что по улице Оливье наступают мощные гривастые волны, увенчанные желто-фиолетовой пеной — огромные волны черного океана, которые ворвались на тридцать километров в глубь суши к северу от Сан-Педро, заливая верфь и автостраду в Лонг-Бич.

Неожиданно собравшиеся поняли, что это вовсе не темные воды, а черный асфальт, что это вся улица идет волнами под влиянием подземных толчков,двигающихся на север. В следующую минуту грохот превратился в ужасающий рев, какой могли бы произвести разве что сто реактивных самолетов, асфальтовые волны начали вздыматься на большую высоту, сбивая людей с ног, а бетонные валы уничтожали стены домов. На мгновение глубоко посаженные глаза гигантского металлического Бетховена блеснули зловещим фиолетовым светом, когда тяжелая отливка, медленно переворачиваясь, начала клониться к земле.

Хантеру, Полу и остальным доставили много хлопот последствия большого землетрясения, которое охватило территорию от Лос-Анджелеса до Лонг-Бич. Когда они частично откопали и вытащили из-под обломков трех женщин, которые находились на краю оползня, в том числе и худую женщину с радиоприемником, то быстро пересчитали

всех, и оказалось, что троих все еще не хватает. Десять минут они яростно копали, пользуясь тремя новенькими лопатами, которые невысокий мужчина достал из своего «комби»: у автомобиля были засыпаны только задние колеса и немного вмята крыша. Неожиданно кто-то вспомнил о красном лимузине, который отъехал первым, а кто-то другой — что именно в нем приехали те трое, которых не доставало.

Во время отдыха Пол, автомобиль которого был полностью засыпан, объяснил, что он является сотрудником Лунного Проекта, и поэтому намеревается вместе с Марго отправиться к Пляжным Воротам Вандерберга-Два. Он предложил забрать с собой тех, кто захочет к нему присоединиться, так как был готов поручиться за них перед охранниками — хотя происходящая катастрофа и так должна обеспечить им вход.

Рудольф Брехт с энтузиазмом поддержал этот план Пола. Возразил ему крепко сложенный мужчина в кожаной куртке по фамилии Ривис. Он высказал не особенно лестное мнение обо всех военных учреждениях, явно не веря, что от них можно ожидать какой-либо помощи. У автомобиля Ривиса оказался засыпанным только радиатор и передние колеса. Ривис, у которого было четверо милых детей, очаровательная жена и склонная к истерике теща — они сейчас находились в Санта-Барбаре, — утверждал, что нужно откопать все машины и отправляться по домам.

Его поддерживали владельцы микроавтобуса и белого фургона — обе машины были только легко присыпаны землей. Особенно настаивали на том, чтобы уехать как можно быстрее, владельцы фургона — опрятные, прилично выглядевшие Хиксоны — муж и жена, одетые в одинаковые серые брюки и свитера.

Дискуссия все больше обострялась. Будут ли пробки на прибрежном шоссе, или же оно полностью разрушено землетрясением? Является ли Пол тем, за кого себя выдает? Будут ли работать двигатели, когда автомобили откопают? (Ривис тут же завел свою машину и доказал, что он работает, только в радиоприемнике был слышен ужасный треск). Действительно ли у Ванды сердечный приступ? И, наконец, не являются ли докладчик и его подозрительные новые друзья бандой интеллектуалов, которые боятся, что на их нежных ручках появятся пузыри от лопаты?

Наконец половина членов симпозиума, прежде всего те, чьи автомобили были лишь слегка засыпаны, поддержали Ривиса и Хиксонов. Вдобавок они безжалостно отказались позаботиться о Ванде, у которой был сердечный приступ, хотя бы до момента, пока Пол придет за ней вездеход.

Остальные направились к Пляжным Воротам.

Дон Гильермо Уолкер, видя, что как шар, так и его яркое отражение в черном озере Никарагуа уже на протяжении ста километров

сопутствуют ему в полете на юго-восток и не изменяют своего положения — только теперь шар находится ближе к западному горизонту и немного ближе к Луне, — проникся твердым убеждением, что Странник является планетой. На шаре теперь появилось нечто, что вызвало у него мысль о золотом петушке, который поет, чтобы разбудить Симона Боливара. «Играл ли я когда-нибудь в «Золотом Петушке»? — подумал Уолкер. — «Пожалуй, нет, потому что это опера или балет».

Кое-где на западном горизонте свет приобрел розовый оттенок, и дон Гильермо не мог понять причины этого явления. Пролетая над вытянутым гористым островом Ометепе, он увидел в Альта Грациа больше огней, чем обычно в полночь. «Все, наверное, встали, прячутся вверх, сходят с ума либо мчатся в церковь», — думал он.

Неожиданно за городком вспыхнуло красное зарево и раздался взрыв — дон Гильермо на какое-то мгновение решил, что это он, не желая того, сбросил бомбу. Однако потом он осознал, что, вероятно, произошел взрыв одного из вулканов на Ометепе. Он направил свой самолет на восток. Дальше, дальше от этого взрыва! Этот розовый свет, ведь все побережье Тихого океана — это один большой вулкан, от залива Фонеска до залива Никойя.

Дон Мерриам, побитый и измученный, тяжело поднялся на ноги у гордо стоящего магниевого флагштока и вместо станции увидел пропасть метров в шесть шириной — с ее противоположного неровного края сыпались узкие струйки пыли.

Один из кораблей исчез вместе со станцией, второй лежал на боку, словно мост над пропастью, две из трех амортизирующих опор торчали вверх, словно ноги дохлой курицы, под третью же Бабу-Ягу он почти что впольз, прежде чем заметил это.

Космонавты называли свои маленькие космические корабли «Баба-Яга», поскольку (Дюфресне это первому пришло в голову) они напоминали избушки на курьих ножках, которые фигурировали в нескольких популярных произведениях русской классической литературы и музыки и которые, согласно народным преданиям, имели обыкновение разгуливать по ночам. Дон слышал, что советские космонавты называли свои корабли «джиннами».

Однако теперь похожесть этих кораблей на странствующие избушки становилась все более заметной — непрекращающиеся вертикальные толчки, которых Дон уже почти не чувствовал, приводили к тому, что последняя Баба-Яга, раскачиваясь во все стороны, неуклонно приближалась к пропасти.

Мерриам присел, широко расставив ноги. Он сказал себе, что Дюфресне наверняка успел взлететь на недостающем корабле (хотя сам он не видел вспышки стартующей Бабы-Яги), что Йохансен лежит мертвый — или живой!!! — в этом корабле над пропастью, а Томперт...

Баба-Яга продвинулась еще на несколько метров в сторону пропасти. Дон поднялся, сделал несколько быстрых шагов, преодолел неровную местность, выпрямился и схватился за последнюю ступеньку лесенки, которая свисала с корпуса между тремя опорами корабля.

Он подтянулся на руках и вскарабкался в люк, размещенный между пятью соплами, по форме похожими на трубы. Баба-Яга зашаталась. У Дона мелькнула мысль, что под влиянием его веса центр тяжести корабля несколько сместился вниз, уменьшая длину шагов Бабы-Яги.

Глава 10

Поезд метро, на котором ехали Салли и Джейк, был остановлен на Сорок второй авеню, и пассажирам приказали выйти. Уличные пробки были такими, что несколько раньше Джейк решил оставить свой автомобиль на паркинге во Флэтбуше и добираться домой на метро. Полицейские помогали служащим метро освобождать вагоны и поспешно направляли пассажиров вверх.

— Что случилось? — не мог успокоиться Джейк. — Должно быть, произошло нечто страшное!

— Брось! Вечно ты паникуешь. Наверняка ничего такого, о чем ты так любишь думать, — отмахнулась Салли. — Если бы взорвалась бомба, то они направляли бы всех вниз. Да, пожалуй, мы ведь далеко от квартиры Хассельтайна. Я так возбуждена, Джеки.

Выходя из подземки, они увидели, что на Таймс-сквер исключительнолюдно для трех часов утра.

Бросив взгляд на запад от Сорок второй авеню, они увидели Странника, неподвижно висящего в небе так близко от Луны, что он почти соприкасался с ней. Двухцветное сияние Странника освещало желтым людей, стоящих на южной стороне улицы, и фиолетовым — тех, кто стоял на той же стороне, что Джейк и Салли. Неоновые рекламы, как всегда, беспрестанно мигали, но теперь они казались бесцветными в мощном свете новой Луны.

На Таймс-сквер было тише, чем когда бы то ни было, однако эту тишину прервал мужчина, который вышел за ними из подземки и закричал:

— Грядет гнев божий! Наконец-то! Настал день страшного суда! Теперь уж никому не помогут покаяния!..

Его никто не слушал. Джек купил за двадцать пять центов газету «Дейли Орбит», на первой странице которой был рисунок Странника в ярких резких тонах — желтом и красном, шесть строчек информации, которую мог получить любой человек, достаточно было только поднять голову и взглянуть на небо. Заголовок статьи гласил:

СТРАННЫЙ ШАР ВЫЗЫВАЕТ У ВСЕХ БЕСПОКОЙСТВО

— Как странный! — закричала Салли, которая все еще находилась в прекрасном настроении. — Это ведь я его создала! И поместила на небо! — добавила она, улыбаясь Джейку.

— Не кажется ли молодой даме, что это святотатство! — резко оборвал ее фанатично настроенный мужчина с квадратной челюстью.

— Вы думаете, что я лгу? — спросила она. — Да я сейчас докажу вам, что говорю истинную правду. — Локтями они расчистили себе место, и Салли сбросила на руки Джейка свою куртку. Потом указала пальцем на мужчину с квадратной челюстью и Странника, ликуя, рассмеялась, щелкнула пальцами и звонким голосом начала петь песенку, слова которой тут же позаимствовала из «Зеленой двери» и «Странного плода»:

Странный шар! Бремя которого несет небо
Странный свет! Ты зачем падаешь на Землю?..

Дон Мерриам включил двигатель Бабы-Яги прежде, чем пристегнул ремни безопасности, и еще до того, как включил систему жизнеобеспечения.

Причина была простой — он чувствовал, что корабль уже почти перешагнул край пропасти.

Он делал все, что мог, чтобы выиграть время. Не дожидаясь, когда воздушный шлюз, находящийся между топливным баком и резервуаром с окислителем, опустеет, а затем снова наполнится, он вбежал внутрь, выпуская тем самым из корабля воздух. Затем он быстро захопнул за собой крышку люка и в спешке только прикоснулся к рычагу, пускающему кислород, хотя отлично знал, что запас его уже почти израсходован.

Двигатель заработал мгновенно. Струя раскаленных добела молекул выстрелила из хвоста Бабы-Яги со скоростью более трех километров в секунду. После секундного ожидания корабль начал подниматься, но вместо того чтобы вертикально подняться вверх, он летел как-то боком, словно старый самолет на старте.

Ошибка, наверное, заключалась в том, что Дон пытался выровнять полет — может быть, корабль с таким же успехом и сам вышел бы на орбиту. Но Дон был предоставлен самому себе, посоветоваться было не с кем, и его беспокоил вид потрескавшейся белой Луны, вырастающей перед самым экраном. Он знал, что чем скорее он выправит корабль, тем меньше израсходует топлива, а он не был уверен, полны ли баки, собственно, он все еще не был уверен в том, какой из тех кораблей базы сейчас оказался в его распоряжении, и, кроме того, он уже сильно ослабел и находился в полубессознательном состоянии из-за недостатка кислорода.

Не обращая внимания на силу тяжести, он отклонился в сторону и потянулся к оранжевой кнопке, расположенной неудобно и достаточно далеко, поскольку в обычных условиях это было делом работа или второго пилота. Оранжевая кнопка была кнопкой включения трех ракет,

работающих на твердом топливе и находящихся с правого борта, который сейчас оказался ближе к Луне.

Сила отдачи выбросила его из кресла. Рычаг управления медленно и неумолимо ускользал из его руки. Дон пролетел несколько метров и тяжело грохнулся на пол кабины, значительно тяжелее, чем он упал бы на Луне, ударившись при этом головой о палубу, разбивая шлем и теряя сознание.

Через десять секунд отключился главный двигатель (на кораблях такого типа это происходит автоматически, когда пилот выпускает рычаг управления из рук). Но выравнивание полета, принимая во внимание условия, в которых оно производилось, было необычайно точным. Баба-Яга летела сейчас прямо вверх, с почти достаточной кинетической энергией, чтобы освободиться от силы притяжения Луны. Но теперь, при выключенном двигателе, слабая гравитация Луны с каждой секундой начала оказывать свое замедляющее действие на этот маленький кораблик, который еще длительное время должен был резко подниматься по инерции.

Шлем Дона валялся на полу, почти соприкасаясь с незакрытой крышкой люка. Узкая струйка белого пара медленно сочилась из трещины в переднем стекле шлема. Вдоль этой трещины оседал иней.

— Через мгновение они сойдутся, — сказала Барбара Кац Коллинсу Кеттерингу III. Говоря «сойдутся», она имела в виду ту минуту, когда Странник заслонит Луну.

— Прошу прощения, — услышали они позади себя тихий мужской голос. — Но что произойдет, если они столкнутся?

Барбара обернулась. В большом доме теперь горел свет. На его фоне вырисовывались фигуры высокого негра в ливрее шофера и двух негритянок, прижавшихся друг к другу. Они бесшумно вышли на террасу.

— Я уже говорил вам несколько часов назад, чтобы вы шли спать! — с раздражением произнес Кеттеринг, продолжая сидеть. — Перестаньте наконец обо мне беспокоиться.

— Прошу прощения, сэр, — упрямо продолжал негр, но в Палм-Бич никто не спит. Все наблюдают за небом. Что произойдет, сэр, если они столкнутся?

Барбара хотела было подать голос и объяснить шоферу и горничным много вещей: что это Луна приближается к Страннику, потому что телескоп, вращающийся при помощи электричества и синхронизированный с движением Луны, показывает, что именно Луна немного сместила свою орбиту, что все еще неизвестно, какое расстояние отделяет Странника от Земли, хотя оно должно быть большим, коль скоро единственные четкие контуры — это контуры самой планеты, и даже при помощи телескопа нельзя заметить на ней ничего, кроме мягкой желто-фиолетовой плоскости. Что небесные тела редко сталкиваются в космосе — обычно одно начинает кружиться по орбите вокруг другого.

Но Барбара знала, что мужчины, а особенно миллионеры, сами любят объяснять научные вопросы. Кроме того, она не хотела совершать бестактность, так как не ориентировалась в обычаях, принятых в Палм-Бич по отношению к цветным.

Она посмотрела вверх и увидела, что проблема перестала существовать.

— Они не столкнутся! — закричала она. — Луна проходит перед Странником. — И импульсивно добавила: — Ох, дорогой, я только сейчас начинаю верить, что все это правда!

Горничные с облегчением вздохнули.

— Перед странником? — удивился негр. — Каким «странником», сэр?

Теперь слово взял Коллинс Кеттеринг.

— Странник, — сухо начал он, — это название, которое мисс Кац и я дали этой неизвестной планете. А теперь отправляйтесь немедленно спать!

— Эй, смотрите, теперь они занялись любовью! — закричал Араб Джонс Пепе Мартинецу и Большому Бенди, которые на другой стороне крыши танцевали вальс, причем каждый по-своему. — Луна влезает на эту штуковину, вот это да!

Трое собратьев-наркоманов разной национальности выкурили еще четыре самокрутки, чтобы достойно почтить появление на небе Странника, и теперь, одурманенные марихуаной, чувствовали себя особенно легко. Словно бумажные китайские змеи, они парили высоко-высоко. Но все же не настолько, чтобы забыть о мире, в котором они живут, потому что Пепе как раз крикнул:

— Наверное, сейчас эти сдвинутые мексиканцы хлопают себя по голой заднице, а в Рио черномазые танцуют на улицах!

— Чудеса на небе, чудеса на Земле, — подвел итог Большой.

— Свернем палатку и сойдем вниз, братья мои, — предложил Араб и обратился к ним свое коричневое лицо, освещенное Странником. — Смешаемся с объятой ужасом толпой, друзья!

— Ну вот Луна его и пригвоздила! — заметил Хантер, обращаясь к Брехту и показывая на белый кружок, заслоняющий Странника. — Собственно, Рудольф, возвращаясь к подобным треугольникам, я начинаю задумываться, не составляет ли, к примеру, расстояние от Странника до Земли четыре миллиона километров, а его диаметр — сто двадцать тысяч?

— Юпитер прилетел к нам с визитом? — рассмеялся Рудольф и сразу же обратился к остальным: — Кстати, может ли кто-нибудь из вас указать мне сейчас, где Юпитер? Правда, — добавил он через мгновение, — я должен признать, что никогда не слышал о том, чтобы Юпитер был фиолетовым или имел желтое пятно в форме утки.

— Пингвина! — поправила его идущая следом Анна.

Мужчины шли в середине процессии, с трудом передвигающейся по песку по направлению к Пляжным Воротам Вандерберга-Два. Во главе группы шли Пол, Марго и Рудольф Брехт. Хантер, Дылда и двое других мужчин несли складную алюминиевую кровать, на которой время от времени стонала Ванда, полная женщина, у которой случился сердечный приступ. Рядом с кроватью шла худая женщина, которая во время землетрясения потеряла радиоприемник. Теперь она шепотом успокаивала больную. Тыловое охранение состояло из Рамы Джоан, Анны и Кларенса Додда — невысокого мужчины, который вел на поводке испуганного Рагнарока.

Алюминиевая кровать была еще одним из бесчисленных сокровищ, хранящихся в автомобиле Додда. (Марго поинтересовалась, есть ли у него примус и керосин. «Да, но я считаю, что их не стоит брать с собой», — не моргнув глазом, ответил он.)

После того, как Рудольф не без причины упомянул о Юпитере, Рама Джоан крикнула сзади, чтобы они посмотрели на Странника. В течение последних сорока минут они наблюдали значительные изменения. Теперь утка (а может быть, динозавр) вся передвинулась на левую сторону диска, и только ее голова выдавалась вправо, словно золотистый чепчик Северного полюса. Посреди фиолетовой плоскости, которая как раз оказалась в поле зрения, находилось большое пятно, напоминающее равнобедренный треугольник или гигантскую букву Д.

— Посмотрите! — крикнула Рама Джоан. — За буквой Д видна тоненькая черная дуга. Луна почти целиком ее заслоняет.

— Это только тень, которую отбрасывает Луна на новую планету! — после короткого раздумья закричал возбужденный Брехт. — Если даже Странник меньше, чем Луна, то я, по крайней мере, этого не замечаю. Росс, эти небесные тела разделяют какие-то несколько тысяч километров. Тем самым можно утверждать, что Странник почти такой же величины, как Земля.

— Мапочка, значит ли это, что они не столкнутся? — шепотом спросила Анна. — Господин Брехт поэтому радуется?

— Не совсем, любовь моя. Наверное, он с удовольствием наблюдал бы и за столкновением. Господин Брехт радуется, потому что любит точно знать, что где происходит, где что находится, чтобы потом делать из этого только верные выводы.

— Но зачем ему знать об этом Страннике? Ведь он не сможет ходить по этой планете, мамочка!

— Почему же, дорогая. Он вполне может мысленно побывать на ней.

Смесь кислорода и гелия из резервуара, который Дон открыл сразу после взлета, постепенно заполнила кабину Бабы-Яги. Давление этой смеси плотно закрыло крышку люка и открыло клапаны давления в шлеме космонавта. В кабине включились небольшие вентиляторы, ко-

торые, несмотря на то что корабль все еще поднимался по инерции, привели в движение свежий воздух. Он ворвался в шлем, вытесняя из него двуокись углерода. Лицо Дона дрогнуло, дрожь пробежала по телу. Но он не очнулся от забытья.

Баба-Яга достигла вершины своей траектории, на мгновение неподвижно зависла, а затем снова начала падать на Луну. Падая, она размеренно кувыркалась. Примерно каждые тридцать секунд на экране появлялась Луна, а потом — Земля. При каждом обороте ракеты Дон, в покрытом пылью скафандре, очень медленно перекачивался по палубе.

— Я не хотел бы ставить под сомнение вашу правдивость! — крикнул Полу идущий сзади него Кларенс Додд. — Вы понимаете меня, мистер Хегболт?

— Конечно, — крикнул Пол.

— Но мне кажется, — продолжал коротышка, — что Пляжные Ворота Вандерберга-Два находятся значительно дальше, чем вы утверждали. Успокойся, Рагнарок!

— Они там, возле мигающего красного огонька, — бодро ответил Пол, в то же время с сожалением признаваясь самому себе, что он вовсе не так в этом уверен. — Я должен признать, что в темноте плохо оценил расстояние.

— Не волнуйся, Додд. Пол нас доведет, — с убеждением заявил Брехт.

Они втроем как раз должны были сменить Хантера, Дылду и еще одного мужчину, которые несли кровать с больной.

— Как ты себя чувствуешь, Ванда? — спросила худая женщина, приседая на корточки рядом с кроватью. — Может быть, тебе дать еще латансида?

— Нет, спасибо. Мне уже немного лучше, — шепнула Ванда, отрывая глаза. Ее взгляд упал на Странника. — О боже! — застонала она, отворачиваясь.

Странный шар продемонстрировал людям свой новый облик. Остатки динозавра, или же пингвина, образовали большую букву С на левой стороне планеты, а желтое Д передвинулось на середину. Конечным результатом этого процесса было Д, вписанное в С. Кларенс Додд быстро набросал еще один рисунок, под которым сделал надпись «через два часа».

— По-моему, С — это перевернутая набок соломенная корзина, а Д — это кусок пирожного с лимонной глазурью, — закричала Анна, хлопая в ладоши. — А Луна — это сладкая дыня!

— Сейчас нам понятно, кто здесь голоден, — усмехнулась Рама Джоан.

— Или же Д — это ушко в большой фиолетовой игле, — быстро добавила девочка.

— Золотая змея обвивается вокруг треснувшего яйца, — пробормотал Дылда. — И вылупляется Хаос.

Луна вместе со своей тенью полностью пересекла новую планету. Все почувствовали облегчение, когда кусочек ночного неба проглянул в расширяющейся щели между двумя небесными телами.

Находящийся у четвертого угла кровати Игнаций Войтович, сварщик по профессии, — мужчина крепкого сложения с широким лицом, желая продлить мгновение отдыха, сказал:

— Одного я только не понимаю, господа: если это настоящая планета, величиной с Землю, то почему мы не ощущаем ее силы притяжения? Ведь в этом случае мы должны чувствовать себя более легкими!

— Совершенно так же, — быстро ответил Хантер, — как мы не чувствуем силы притяжения Луны или Солнца. Кроме того, хотя мы и можем догадываться о величине планеты, мы совершенно ничего не знаем, понятия не имеем об ее массе. — Он на мгновение замолчал. — Конечно, — продолжал он задумчиво, — если она действительно пришла из подпространства, то в какой-то момент ее гравитационное поле для нас не существовало. Зато в следующий мы должны были бы внезапно оказаться под его воздействием. Можно допустить, что фронт появившегося гравитационного поля передвигается со скоростью света, но все равно никаких последствий выхода из подпространства не было замечено. Не так ли, господа?

— Видимых последствий, — поправил его Рудольф. — Кстати, Росс, у тебя есть какие-нибудь сомнения относительно моей теории, что Странник прибыл сюда из подпространства? Откуда бы тогда он мог здесь оказаться?

— Он мог войти в Солнечную систему замаскированным или же на какое-то время погашенным, — заявил Хантер. — Мы должны взвесить все возможности. Это твои собственные слова, не так ли?

— Гм... — откашлялся Рудольф. — Нет, я считаю, что сказанное Полом о полях деформации, видимых на картах звездного неба, склоняет чашу весов в сторону гипотезы Брехта о подпространстве. Кроме того... кстати, сколько прошло времени с момента появления Странника?

— Два часа и пять минут, — тут же ответил Кларенс Додд.

— Отлично! Двадцать три ноль два — пусть это время останется у вас в памяти, может быть, когда-нибудь внуки спросят вас, в котором часу вы увидели чудовище, выскочившее из подпространства. Во всяком случае, в час ночи полная Луна должна была уже миновать зенит. В два наступает закат. Однако сейчас Луна все еще находится в зените. Таким образом, можно предположить, что она сместилась на три или четыре градуса на восток, что соответствует примерно шести или восьми собственным ее диаметрам. А это может означать только одно — что гравитационное поле новой планеты ускорило движение Луны по орбите. Следовательно, пришелец отнюдь не перышко!

— О господи! — застонал Войтович. — А какое это ускорение, если принять, что Луна... это, допустим, ракета?

— От одного километра в секунду до... — Рудольф заколебался, словно не доверял собственным расчетам, потом все же решился: — до шести или даже более километров в секунду!

Они с Хантером посмотрели друг на друга.

— О господи! — повторил Войтович. — Но Луна вращается по старой орбите, только немного быстрее, да?

Пока шел этот разговор, черный перешеек между Луной и планетой немного расширился.

— Пожалуй, нам уже пора в путь, — задумчиво произнес Рудольф и наклонился, чтобы поднять край кровати.

— Верно, — коротко поддержал его Хантер.

Большие ротационные насосы работали, качая воду на левый борт трансатлантического лайнера «Принц Чарльз», чтобы компенсировать тяжесть пассажиров и команды, так как все толпились у иллюминаторов правого борта, и, хотя рассвет уже осветил небо, они продолжали смотреть на Странника и Луну, повисших над Атлантикой. Густая земная атмосфера привела к тому, что фиолетовые участки планеты покраснели, а золотой цвет стал оранжевым. Цветные световые полосы, пересекающие спокойные воды Атлантического океана, поражали своей красотой и необычностью.

Инженер-радиотехник доложил капитану «Принца Чарльза» Ситвай-зу о странных и постоянно усиливающихся радиопомехах.

Несмотря на сломанный левый элерон и несколько дыр, выбитых или выжженных в крыльях раскаленными докрасна осколками пумекса, дону Гильермо Уолкеру удалось приземлиться на южном берегу озера Никарагуа, у самого устья реки Сан-Хуан. «Повезло мне, — думал он, — что эта большая глыба в меня не попала!»

Почти в восьмидесяти километрах к северу-востоку от Уолкера к вулкану на Ометепе присоединился вулкан на соседнем острове Мадера, и они вместе начали выбрасывать вверх огненные столбы дыма и лавы, похожие друг на друга, словно близнецы. Хотя дон Гильермо и перестал уже на что-то рассчитывать в эту сошедшую с ума ночь, не далее чем в полутора километрах от себя он увидел два мигающих красных огонька, которые, как и обещали ему братья Аранза, должны были указать ему путь к лодке. Карамба! Больше уже никогда он не будет подозревать ни одного брата-латиноамериканца в легкомыслии или в коварстве!

Отражение Странника в черном озере неожиданно задрожало и двинулось на него. Дон Гильермо увидел приближающиеся грозные массы воды, похожие на широкие ступени. Он едва успел направить на них свой самолет. Старый гидроплан, разбрызгивая воду, с трудом преодолел первую волну. Пожалуй, в самом деле где-то произошло землетрясение или обрушилась лавина!

— Даже если мы в нескольких шагах от Пляжных Ворот, все же предлагаю хоть немного отдохнуть, — тяжело сопя, произнес Рудольф.

Он осторожно опустил свой край кровати на песок, что заставило остальных мужчин сделать то же самое, и присел. Руку он положил на колено, опустил голову на грудь и открытым ртом ловил воздух.

— Разврат дает себя знать, — с легкой насмешкой в голосе заметил Хантер, а потом, обращаясь к Марго, шепнул: — Дадим отдых старому Казанове.

— Я мог бы заменить его, — охотно предложил свою помощь молодой парень с худощавым лицом, который приехал на симпозиум из Оксфорда вместе с Войтовичем.

— Нам всем не помешает немного отдохнуть, Гарри, — сказал Войтович и тут же обратился к Хантеру: — Господин профессор, по-моему, Луна снова замедлила ход, возвращаясь к прежней скорости.

Все, кроме полной женщины, посмотрели на западную часть неба. Даже Рудольф, продолжая сопеть, поднял голову. Не было ни малейшего сомнения в том, что черный перешеек между Странником и Луной больше не расширялся.

— Мне кажется, что Луна уменьшается, — заявила Анна.

— Мне тоже, — сказал Додд.

Он присел, обнял Рагнарока и успокаивающе гладил его большую черно-коричневую морду, одновременно поглядывая на небо.

— Я знаю, что это звучит совершенно неправдоподобно, — добавил он, — но у меня такое впечатление, что Луна становится овальной, сплюснутой сверху и снизу и выпуклой по бокам. Может быть, у меня просто устали глаза, но я мог бы поклясться, что она принимает форму яйца, особенно тот ее конец, который обращен к Страннику.

— Да, да! — закричала Анна. — Кроме того... такая тоненькая черточка вертикально бежит через весь диск!

— Черточка? — переспросил Додд.

— Да, как будто трещина, — объяснила девочка.

«Треснувшее яйцо знаменует рождение Хаоса, — думал Дылда. — Исполняется мое предсказание. Испан-Змея оплодотворяет, а Белая Дева готова родить».

— Я должен признать, что не вижу никакой черточки, — удивился Додд.

— Нужно хорошо присмотреться, — объяснила Анна.

— Я верю ей на слово, — вмешался Войтович. — У детей прекрасное зрение.

— Если там есть трещина, которую видно даже отсюда, то она должна тянуться на многие километры, — оживился Рудольф.

— Мне кажется, — медленно и с напряжением произнес Хантер, словно ему было трудно говорить, — что Луна переходит на орбиту

вокруг новой планеты в районе зоны Роше... Рудольф, в зоне Роше твердые тела распадаются?

— Этого никто не знает, — пожал плечами Брехт.

— Вскоре узнаем, — заявил Бородач.

— Мы тоже скоро узнаем, что чувствуют муравьи, когда кто-то начинает ворошить их муравейник, — добавила Рама Джоан.

— Неужели... Луна должна рассыпаться? — ужаснулся Войтович.

Марго схватила Пола за руку.

— Пол! — крикнула она. — Боже мой, Пол, я совершенно забыла о Доне!

Когда Странник впервые показался на небе, он находился в сорока тысячах километрах от Луны, то есть был в девять раз ближе к ней, чем она к Земле. Поэтому его воздействие на Луну, вызвавшее деформации лунной поверхности и «лунотрясения», было в тысячу раз сильнее, нежели воздействие Земли на Луну. Нелишне напомнить, что воздействие одного тела на другое обратно пропорционально расстоянию, возведенному во вторую степень, и тогда масса Солнца вызывала бы на Земле значительно более мощные приливы, чем Луна, в то время как реально лунные приливы примерно в два раза сильнее, чем солнечные.

Когда Луна, которую теперь разделяли со Странником четыре тысячи километров, вышла на орбиту вокруг него, то она оказалась в сто раз ближе к новой планете, чем к Земле. Поэтому влияние гравитационного поля Странника на Луну, как на ее кору, так и на ядро, стало в миллион раз сильнее земного.

В тот момент, когда на экране Бабы-Яги появилась Земля, Дон наконец-то пришел в себя.

Поступление в кабину свежего кислорода из резервуаров привело к тому, что космонавт проснулся бодрым и полным сил. Он два раза оттолкнулся от пола, один раз перевернулся — и уже сидел в кресле пилота, застегивая ремни безопасности.

Картинка на экране поменялась, и в поле зрения возникли белые кратеры Луны, явно выраставшей на глазах. Среди блестящих новообразованных скал внезапно разверзлась вертикальная пропасть, кажущаяся бездонной, а еще через мгновение в самой глубине пропасти засияла узкая полоска желто-фиолетового света.

Дон Мерриам сориентировался и понял, что он находится максимум в двадцати пяти километрах над поверхностью Луны и что он падает вниз со скоростью полтора километра в секунду. У него было слишком мало времени, чтобы, включив главный двигатель, остановить падение.

Чисто автоматическим движением Дон включил коррекционные двигатели и остановил кувыркание Бабы-Яги. Как экран, так и он сам, находились теперь прямо над бездной.

Единственную призрачную надежду давали ему постоянно меняющиеся цвета. За Луной он увидел что-то фиолетово-желтое, светящееся

с невероятной силой. Внезапно фиолетово-желтый шнур проблеснул в темноте сквозь овал Луны. Может быть, он видит сквозную трещину?

Луна, треснувшая, словно спелый арбуз? Но ядра небесных тел не должны лопаться! Они должны быть текучими!

Стены свежерасколотых скал мчались на него. В детстве Дон читал «Богов Марса» Эдгара Райса Берроуза. В этом научно-фантастическом романе Джон Картер, лучший космический пилот двух миров, вместо того чтобы позволить поднимать себя силе вытеснения лучевых резервуаров, вылетел на марсианском корабле прямо в узкую многокилометровую шахту, ведущую в космос, и вместе со своими товарищами убежал из обширного вулканического подземного мира Черных Пиратов Барсума с их отвратительным культам кровожадных богов. Картер оказался от единственно правильной линии поведения, но именно этот безумный полет к звезде, видневшейся в конце вертикальной шахты, спас жизнь ему и его товарищам.

Может быть, боги Марса приняли на себя заботу о всех начинаниях Дона? Во всяком случае, Мерриам внезапно ощутил беспокоящее присутствие в кабине космолета Черного Ксодара — увешанного драгоценностями предателя, Карториса — таинственного Красного Марсианина, словно наяву увидел Матан Шанга — жестокого отца, а также Фандору — его отважную и красивую, хотя и всегда вероломную дочь. И правда, когда Баба-Яга начала падать в пропасть между скалами, впервые за миллиарды лет залитыми солнечным светом, Дон умудрился-таки управлять кораблем при помощи коррекционных двигателей, пытаясь лететь посредине сверкающих стен пропасти, метался в фиолетово-желтом шнуре, рассекающем черную полосу на две части.

Люди, идущие по пляжу, почувствовали, как песок под ногами уступает место твердой, высохшей земле, которая поднималась вверх к высокой металлической сетке, окружавшей плоскогорье с расположенным на нем Вандербергом-Два. В том месте, где сетка доходила до дороги, возвышались большие ворота, рядом с которыми располагалась сторожевая башня. Ворота оказались закрытыми, но дверь в башню была распахнута, хотя внутри не было огня.

Этот вид придал Полу бодрости, и он невольно распрямил плечи и поправил галстук. Небольшая процессия остановилась в нескольких метрах перед воротами, а Пол, Марго и Рудольф Брехт подошли ближе. Их черные тени были фиолетово-желтыми по краям.

Из репродуктора над дверью раздался громкий голос:

— Стоять! Военная территория! Вход строго воспрещен! Никому нельзя входить. Прошу вас вернуться!

— Ко всем чертям! — взорвался Рудольф.

С тех пор, как Гарри Макхит сменил его при переноске кровати, у Рудольфа снова появилась энергия.

— Вы что, думаете, что мы передовой отряд зеленых человечков? — крикнул он в сторону репродуктора. — Разве вы не видите, что мы обыкновенные люди?

Пол, не замедляя шага, положил руку на плечо Брехта и покачал головой. Подходя к башне, он крикнул:

— Меня зовут Пол Хегболт, удостоверение номер 329-КВ.ДЖР. Я штатный пресс-секретарь Вандерберга-Два в чине капитана. Прошу впустить меня и этих застигнутых несчастьем одиннадцать человек. Нам нужна медицинская помощь!

Из темноты башни вышел солдат — теперь его освещал блеск Странника.

Это, несомненно, был солдат — на ногах у него были тяжелые солдатские ботинки, а на голове — шлем. С пояса свисали нож, пистолет и две гранаты. В правой руке он держал автомат, а на спине, что особенно удивило Пола, в ранце находился небольшой реактивный двигатель.

Солдат стоял выпрямившись, с каменным выражением лица. Его правая нога немного подрагивала — быстро и ритмично, — словно через мгновение он собирался сплясать лихой индейский танец, или, что казалось более правдоподобным, словно он безуспешно пытался справиться с нервным тиком.

— КВ и ДЖР, сэр? — спросил он, подозрительно посмотрев на Пола. Однако в голосе прозвучала определенная нотка уважения. — Могу я посмотреть на ваше удостоверение?

В воздухе носился едва уловимый запах чего-то кислого. Мяу, которая во время землетрясения вела себя чрезвычайно спокойно, посмотрела на солдата и запищала.

Когда Пол отдавал документы, он явственно разглядел, что руки у солдата сильно дрожат.

Часовой начал проверять документы, наклоняя их вперед, чтобы на них падал свет Странника. Его лицо ничего не выражало, но Рудольф заметил, что он время от времени искоса поглядывает на новую планету, словно ожидая от нее какой-нибудь очередной пакости.

— Вы уже знаете что-нибудь об этом? — дружелюбно спросил он, кивая головой на Странника.

Солдат посмотрел ему прямо в глаза и отрезал:

— Да, мы знаем все и ничего не боимся. И, к тому же, не даем никому никакой информации. Ясно?

— Конечно, конечно, — спокойно заверил его Рудольф.

— Все в порядке, мистер Хегболт. Я позвоню сейчас на КПП и передам дежурному вашу просьбу, — кивнул часовой, не обращая никакого внимания на Рудольфа. Он повернулся и хотел уйти.

— Хорошо все запомнили? — крикнул ему вслед Пол. И тут же повторил просьбу, добавляя, что дело чертовски важное и что необходимо поставить в известность некоторых офицеров, фамилии которых он назвал.

— Прошу также известить профессора Мортон Опперли, — подчеркнула Марго.

— У одной из присутствующих женщин, — закончил Пол, — был сердечный приступ. Мы хотели бы поместить ее к вам в башню, там тепло. И еще, нам нужно немного воды..

— Исключено! Вы должны дожидаться снаружи! — резко произнес солдат, оборачиваясь, и, отступая, слегка поднял ствол автомата.

— Прошу вас! — через минуту закричал он Полу. — Подойдите сюда!

Из темноты башни он подал Полу одеяло, а потом двухлитровую бутылку воды.

— У меня нет пластиковых кружек, — объяснил он, подавляя истерический смех. — Откуда я могу взять пластиковые кружки?

Солдат исчез в темноте сторожевой башни, и Пол явственно услышал звук набираемого по телефону номера.

Пол вернулся с добычей и вручил одеяло худой женщине. Воду передавали друг другу из рук в руки, пили по очереди прямо из бутылки.

— Мы должны немного подождать, — шепнул Пол. — Он наверняка неплохой парень, только немного перепуган. Он выглядит так, словно в одиночку должен отбить атаку новой планеты.

— Мяс почувствовала, что он страшно перепуган, — заметила Марго.

— Если бы я был совершенно один, когда появился этот шар, — тихо начал Рудольф, — если бы у меня был доступ к оружию, то я, пожалуй, прежде всего выключил бы свет, вооружился до зубов и тоже начал трястись от страха. Мы оказались в более счастливой ситуации, так как в этот момент искали на небе летающие тарелки, разговаривали о подпространстве и все такое...

— А мне кажется, — решительно вмешалась в разговор Анна, — что если бы вы боялись, то включили бы все огни в доме. Разве не так?

— Нет, моя дорогая девочка, — покачал головой Рудольф. — Если бы я был смертельно испуган, то наверняка не включал бы свет из опасения, что какое-то большое, черное, косматое чудовище увидит, где я прячусь, и съедает меня.

Анна довольно рассмеялась.

— Луна прячется за новую планету. Она исчезает? — закричал Додд, вонзая в небо свой палец.

Глаза всех присутствующих устремились вверх в поисках подтверждения его слов. Фиолетово-желтый диск заслонял край Луны.

— Боже мой.. боже мой.. — шепнул Войтович.

Худая женщина зарыдала.

— Дон, — беззвучно шепнула Марго. По ее телу пробежала дрожь, но она опустила голову и отодвинулась от него.

— Луна, кажется, теперь движется по очень маленькой орбите, — сказал Хантер. — От Странника ее отделяет от силы пять тысяч километров.

«Родовые боли уже начались, — думал Дылда. — Белая Дева ищет убежище в одеянии Испана».

Додд сложил ладони мисочкой, и Рама Джоан налила воды для Рагнарока.

Полковник Мейбл Уолмингфорд резко заметила:

— Спайк, я разговаривала с генералом Вандамме. Он говорит, что это не маневры. Они не вмешивались в наши дела, поскольку мы реагировали быстро и четко. Твои приказы подтверждены и переданы дальше.

Спайк Стивенс посматривал на два экрана, похожих, словно близнецы, которые показывали сейчас Луну, исчезающую за Странником. Он откусил кончик сигары и рывкнул:

— Ладно, пусть он подтвердит это мне лично!

— Джимми, соединишь с командованием! — приказала полковник Уолмингфорд.

Генерал закурил сигару.

На третьем экране появился улыбающийся лысый мужчина. Генерал стремительно вынул сигару изо рта и встал.

Полковник Уолмингфорд почувствовала прилив безмерной радости, наблюдая за Спайком, который сейчас вел себя, как покорный вежливый мальчик.

— Господин президент! — поздоровался генерал.

— Должен поблагодарить вас, генерал, — сказал президент. — Даже трудно поверить, но вы прекрасно справились с этой кризисной ситуацией. Даже если считать, что происходящее просто считали очередной вводной!

— Не так уж прекрасно, сэр, — начал генерал. — Я боюсь, сэр, что мы все-таки потеряли Лунную базу. Уже более часа у нас нет никаких известий от них.

Лицо на экране стало серьезным.

— Мы должны быть готовыми к потерям, — решительно произнес президент. — Я покидаю сейчас Пентагон, чтобы встретиться с представителями Прибрежной охраны. Продолжайте действовать до конца... — было видно, что он ищет блестящую и точную формулировку, которыми он был повсеместно известен, — этой астрономической угрозы!

Изображение на экране исчезло.

Полковник Грисволд саркастически заметил:

— Так вы говорите, что мы потеряли Лунную базу, Спайк? Да... Похоже, что мы потеряли всю Луну!

Дон уже пятнадцать минут летел сквозь Луну со скоростью три километра в секунду, и фиолетово-желтая нить, которая уже достигла ширины ленты, перестала расширяться. Это не предвещало ничего хорошего, но у Дона не было выбора. Он должен был мчаться дальше между гладкими стенами расщепленной Луны, поскольку она лопнула ровненько, словно умело расколотый алмаз, внимательно смотря и терзаясь ужасными мыслями, которые у него не было сил отбросить прочь.

После первого сильного толчка Дон выключил главный двигатель, однако теперь он включал его периодически, управляя кораблем в основном при помощи коррекционных ракетных установок.

Он мчался через середину Луны, пролетев уже через ядро; в пути ему попеременно сопутствовал блеск стен, темнота, а также фиолетовая нить, пересекающая экран, который местами покрывали молочно-белые пятна. У Дона пересохло в горле, глаза жгло, он чувствовал себя словно хрупкая стеклянная пчела, которая пытается пролететь через небольшую щель в стопке тонких жестяных листов, тянущихся на многие километры, или как заколдованный принц, летящий по тесному, изобилующему всевозможными опасностями коридору...

А если бы он, сам того не желая, прикоснулся к стене, это была бы большая ошибка!

Примерно на половине пути появились черные, словно сажа, полосы и блеск зеленого огня, но Дон не имел понятия, откуда они.

А вот молочно-белые пятна на экране — это уже нечто иное, это следы от неожиданных вихрей разреженной пыли, которые в определенный момент почти полностью закрывали от Дона цветную ленту на дне пропасти.

Солнечный свет погас раньше, чем Дон ожидал, и он был вынужден управлять Бабой-Ягой только при слабом блеске сверкающих стен. Однако этот блеск был коварным, поскольку желтый цвет был значительно резче, чем фиолетовый, так что Дон часто неосознанно отдалялся от золотисто поблескивающей стены пропасти.

Но теперь фиолетовая лента начала сужаться, и Дон почувствовал, что это уже конец, конец значительно худший, чем если бы он разбился об стену. Он вообразил себе, как разорванные половинки Луны смыкаются за кораблем, перекрывая доступ солнечному свету, после чего отталкиваются друг от друга, а затем, двигаясь значительно медленнее, чем он, Дон, но достаточно быстро, чтобы опередить его, под влиянием могучей силы притяжения смыкаются перед самым носом корабля.

Когда он был уже близко к противоположному краю, когда преодолел расстояние почти в три тысячи километров, фиолетовая лента почернела.

И вдруг, совершенно неожиданно, словно он после смерти вернулся к жизни, Дон вылетел из темноты на свет. Звезды мерцали со всех сторон, а лучистая шевелюра Солнца излучала сверкающе-белый свет.

Только теперь он увидел, что перед ним находится!

Это был большой шар, не меньшего размера, чем Земля, видимая с двухчасовой орбиты. Правая сторона огромного диска, за которым находилось Солнце, была ярко-фиолетовой и желтой, левая же сторона — черной, с тремя светло-зелеными сияющими пятнами, исчезающими за невидимой частью планеты.

Космонавт увидел, что четко вырисованная граница между светлым полушарием и тем, на котором царила ночь, медленно передвигается вправо, в то время как Солнце приближается к фиолетовому горизонту. Дон осознал, что когда он был внутри Луны, то потерял из виду фиолетовую ленту, не потому, что над ним сомкнулась бездна Луны, а потому, что темная сторона новой планеты передвинулась, заслоняя собой все на свете.

Почти сразу Дон подумал, что шар, возникший перед ним, — большая планета, и что Луна вышла на низкую орбиту вокруг нее. Это было, по его мнению, единственное и самое разумное объяснение того, чему он стал свидетелем за последние три часа: свет, заливающий ту часть Земли, на которой должна была быть ночь, фиолетово-желтая полоса на водах Атлантики и, прежде всего, треснувшая Луна.

А впрочем, не надо было думать — он собственными глазами видел этот огромный шар и чувствовал, что это может быть только планета.

Дон повернул корабль и в каких-то восьмидесяти километрах над собой обнаружил огромный диск Луны — одна ее половина была черной, а другая — ослепительно белой от падающего на нее солнечного света. Видя блестящую клубящуюся пыль, поднимающуюся в освещенном Солнцем космическом пространстве, а также сюрреалистическую гротескную шахматную доску, которую создавали мелкие трещины на поверхности Луны, и поднимающиеся над ними небольшие тучи пыли, Дон понял, что именно здесь за ним сомкнулись стены бездны.

Он находился в восьмидесяти километрах над поверхностью Луны, которая с каждой минутой все больше напоминала булькающий каменный океан.

Но поскольку Дон не хотел (по крайней мере сейчас) рухнуть на темную сторону планеты со скоростью полтора километра в час, а его корабль был обращен к планете соплами, то он включил главный двигатель, чтобы замедлить скорость, и, проверив наконец уровень топлива и кислорода, обнаружил, что их едва ли хватит на этот маневр. Но только эти действия могли вывести его на орбиту вокруг неизвестной планеты, орбиту еще более низкую, нежели лунная.

Баба-Яга и Луна вместе заходили в конус тени — в ночь, полную тайны. Мерриам знал, что через мгновение Солнце исчезнет из поля зрения и что преображенная Луна снова войдет в затмение.

Фриц Шер сидел, деревянно выпрямившись, за письменным столом в Гамбургском институте исследований приливов. С радостью и одновременно с раздражением он прослушал идиотские утренние новости о происшествии на другой стороне Атлантики. Потом выключил радио, крутанув ручкой с такой силой, что чуть не оторвал ее, и крикнул Гансу:

— Проклятые американцы! Они нужны нам только для того, чтобы держать в страхе этих коммунистических свиней! Но что за интеллектуальная деградация для Великой Германии!

Он встал и подошел к устройству, занимающему всю длину комнаты и служащему для прогноза приливов. Через движущиеся приводные колесики (каждое из которых означало какой-то фактор, действующий на приливы в исследуемой точке гидросферы) проходила тонкая проволочка, заканчивающаяся иглой, которая рисовала кривую возникающих приливов на барабане из миллиметровой бумаги.

— Луна кружится по орбите вокруг какой-то планеты, которая взялась неизвестно откуда! — театральным голосом закричал Шер. — Ха-ха!

Он со злостью стукнул по обтекаемому корпусу стоящего возле него устройства и выругался.

«Мачан Лумпур», показывая проржавевшим носом направление несколько к югу от Солнца, заходящего над Вьетнамом, проплыл над мелью у входа в маленький заливчик к югу от До-Сана. Глядя на хорошо известные ему переплетения манговых зарослей и полуистлевшую сваю, которые он знал как свои пять пальцев, Багонг Бунг отметил про себя, что вода прилива стоит на ладонь выше, чем когда-либо ему доводилось видеть в этих краях. Хороший знак! Небольшие волны таинственно морщили поверхность залива.

Ричард Хиллери через окно большого удобного автобуса, которым он ехал в Лондон, наблюдал, как медленно выпрямляются солнечные лучи. Баг остался далеко позади, и теперь автобус проезжал Силбурн Хилл.

Сам того не желая, он прислушался к звучащему возле него разговору о передаваемых по радио бессмысленных известиях о летающей тарелке величиной с планету, которую видели в Соединенных Штатах тысячи людей. «Научная фантастика дает о себе знать!» — невольно думал он.

В Бекхэптоне в автобус села девушка, несколько вульгарная, но, в общем, все же привлекательная, одетая в широкие брюки, свитер и с платком на голове. Она села перед Ричардом и сразу же завязала разговор с сидящей рядом женщиной. С одинаковым энтузиазмом она распространялась как на тему новой планеты и легкого землетрясения, которое произошло в некоторых районах Шотландии, так и на тему яйца, которое ела на завтрак, а также колбасы и картофельного пюре,

которые она будет есть на обед. В честь Эдварда Лира Ричард на скорую руку сочинил рифмованное пятистишие об этой девушке:

Молодая девушка в шароварах
Думала только о двух вещах на свете.
Большинство мыслей она брала из тарелки,
И все же некоторые из них касались и Луны!

Повторяя это стихотворение до Савернейк Форест, Ричард Хиллери мысленно смеялся.

Глава 13

В пять утра Таймс-сквер была также заполнена людьми, как и во время высадки первого человека на Луну или сразу после ложного сообщения о начале войны с Советским Союзом. Круговое движение, правда, уже давно прекратилось, но улицы все еще кишели людьми. Странник, отлично видный с Сорок второй авеню и с двух параллельных ей главных улиц, находился теперь низко над горизонтом: его желтая плоскость несколько поблекла, фиолетовая же начала переходить в красную.

В сравнении со светом заходящего Странника неоновые огни реклам сверкали намного ярче. Особенно выделялась реклама, изображавшая двадцатиметрового джинна, быстро жонглирующего тремя апельсинами величиной с большую корзину для цветов.

На улицах не умолкал гомон. Только некоторые люди стояли неподвижно, смотря на западную часть неба, большинство же, ритмично раскачиваясь, мурлыкали себе что-то под нос или, напротив, громко пели хором. Некоторые, взявшись за руки и энергично притоптывая, змеей пробирались сквозь толпу. Тут и там самозабвенно танцевали молодые пары. Почти все напевали, пели или выкрикивали слова песенки, которая уже носилась по городу во многих вариантах, и самую новую версию, которую пела сама автор — Салли Харрис. Салли продолжала танцевать, однако теперь кроме Джейка у нее был эскорт, состоящий из десятка модно одетых молодых людей. Песенка, которую она пела слегка охрипшим голосом, звучала следующим образом:

Станный шар!.. Бремя которого несешь ты, небо!
Станный свет!.. Ты падаешь на Землю.
Хоть вид твой и может нас ужасать,
Внимания не будем на это обращать!
Играйте нам, музыканты!
Златой!.. Это корабли с сокровищами!
Пурпурный!.. Это губы, запятнанные грехом!
Луна исчезла, и мы больше никогда ее не увидим,
Осталась только
Планета!.. На Сорок второй авеню!

Неожиданно все перестали петь и танцевать — асфальтовый тротуар задрожал. Произошел небольшой толчок. Со стен посыпалась штукатурка. С крыш кое-где упало несколько черепиц, которые со страшным шумом разбились в наступившей тишине. Через мгновение площадь наполнилась голосами испуганных людей. Когда все обрели способность здраво смотреть на вещи, оказалось, что двадцатиметровый джинн потерял свои апельсины, хотя и продолжал совершать движения жонглера.

Араб Джонс и два его собрата-наркомана покинули Леннокс и теперь поспешно направлялись по Сто двадцать пятой авеню в том направлении, куда были обращены лица всех людей, наблюдавших за заходом Странника. Странник — большой, блестящий покерный жетон с огромным X на своей оранжевой плоскости — почти полностью заслонял бледный золотистый диск Луны.

Землетрясение, которое вынудило выйти на улицы тех немногих, кто еще сидел в домах, усилило возбуждение трех наркоманов, вызванное большим количеством выкуренных самокруток с марихуаной.

На востоке небо уже окрасилось в розовый цвет. Солнце, которое приостановилось у врат горизонта, ожидая, пока они откроются, разогнало звезды и одновременно принесло на Манхэттен рассвет. Но никто не смотрел на восток, никто не двигался, чтобы идти на работу или же отправиться спать. Башни нижнего Манхэттена выглядели словно покинутый сказочный город, город, закрытый на замок.

Араб, Пепе и Большой уже давно отказались от попытки пробиться сквозь толпу на тротуаре. Они сошли на мостовую, по которой было легче идти, так как автомобили стояли, но, несмотря на отсутствие движения, здесь собралось значительно меньшее количество народа. У Пепе создалось впечатление, будто новая планета вызвала к жизни силу, которая заставляет камень мышцы людей и блокирует двигатели автомобилей. Нечто похожее он уже встречал в комиксах — лучи смерти, парализующие движение... Он перекрестился.

— Теперь этот черт действительно до нее дорвался, — шепнул Большой Бенди. — Он покрутился перед ней, пришел к выводу, что она ему нравится, и — БУМ!

— Может быть, он прячется, потому что боится? Так же, как и мы? — задумался Араб.

— Мы? Чего мы боимся? — удивился Большой.

— Конца света, — ответил Пепе Мартинец высоким, напоминающим волчье завывание голосом.

Теперь только край Странника виднелся над зданиями генерала Гранта, которые росли на глазах по мере приближения к ним трех собратьев-наркоманов.

— Идем! — неожиданно крикнул Араб, хватая друзей под руки. -- Если это конец света, то я отсюда убираюсь. Только бы уйти как можно

дальше от этих глазающих трупов, ожидающих звука трубы. Одна планета развалится, так мы пересядем на другую! Идемте, прежде чем она скроется от нас! Сцапаем ее над рекой и там запрыгнем! — И все трое побежали.

Марго, Пол и их новые друзья сидели на песке метрах в пятнадцати от темных ворот, когда почувствовали второй толчок. Земля легко колебалась, а поскольку они ничего не могли с этим поделать, то колыхались вместе с ней, едва дыша от ужаса.

Часовой выбежал из башни, держа в руке автомат, приостановился и через мгновение опять отступил внутрь. Он промолчал, когда Рудольф весело крикнул ему:

— Бомба, нет?

Через какое-то время отозвалась Анна:

— Мамочка, теперь я уже действительно голодна.

— Я тоже, — заметил Макхит.

— Смешно, — хмыкнул невысокий мужчина, поглаживая нервничающего пса. — После затмения мы должны были выпить кофе и съесть бутерброды. Кофе был в четырех больших термосах, я знаю это, потому что сам их привез. Все осталось на пляже.

Несмотря на возражения худой женщины, Ванда села на кровати.

— Откуда этот красный блеск над морем? — раздраженно спросила она.

Не без иронии Хантер начал объяснять ей, что это просто свет новой планеты, когда вдруг заметил, что существует какой-то другой источник света, который рассеивает грозный красный блеск и который до этого был заслонен Странником.

— Может быть, это горят заросли? — мрачно предположил Войтович.

— Боже! — вздохнула худая женщина. — Только этого нам не хватало. Слово и без этого у нас недостаточно хлопот.

Хантер сжал губы. Он не хотел пугать собравшихся, но был уверен, что это пылает Лос-Анджелес.

Додд снова обратил внимание на небо. Фиолетово-желтый диск теперь полностью заслонил Луну.

— Мы должны придумать этой новой планете какое-то название, — сказал он. — Знаете, это даже забавно, минуту назад мне казалось, что эта планета является самым прекрасным чудом на свете, но уже в следующее мгновение я думал о ней, как о каком-то куске мертвого камня, который легко можно заслонить, протягивая вверх руку.

— Прошу прощения, — обратилась Анна к Рудольфу Брехту, — а что в действительности означает слово «планета»?

— «Странник», любовь моя, — ответила Рама Джоан.

«Испан известен человеку под сотнями названий, — думал Дылда, — и, несмотря на это, продолжает оставаться Испаном».

Гарри Макхит, который недавно познакомился с древнескандинавской мифологией и исландской Эддой, подумал: «Пожиратель Луны — вот было бы хорошее название для этой новой планеты. Правда, для большинства людей это прозвучит слишком ужасно».

«Она могла бы называться Дон», — подумала Марго. Она закусила губу и так прижала к себе Мяу, что кошка даже запищала. У девушки на глазах выступили слезы.

— Странник — это самое подходящее название, — заявил Дылда.

Желтая плоскость, которая для Дылды олицетворяла лопнувшее яйцо, а для Анны — игольное ушко, находилась у левого края Странника. Желтые заплатки на полюсах остались без изменения, но такие же пятна начали возникать и с правой стороны. В сумме: четыре желтые пятна, указывающие на север, юг, восток и запад.

Додд достал блокнот и начал рисовать:

— Фиолетовый цвет образует большой Икс, — заметил Войтович.

— Косой крест, — возразил Дылда, наконец-то произнося что-то вслух. — Выщербленный щит. Круг, разделенный на четыре части.

— Символ психической целостности, — кивнул Бородач.

Рама Джоан вздохнула.

Пара больших желтых глаз выглянула над краем оврага, заливая территорию Вандерберга-Два светом. Люди услышали глухое ворчание. В сторону ворот мчался вездеход, дрожащие фары которого освещали кусты и небольшой участок проселочной дороги.

— Подъем! — приказал Пол. — Наконец-то начинается что-то происходит!

Смотря на экран Бабы-Яги, Дон видел звезды, которые располагались в форме неровного контура песочных часов с едва обозначенным сужением. Тучи пыли, которые осели на экране, когда он летел через середину Луны, приводили к тому, что местами изображение было затуманенным.

Черная глыба, с левой стороны вонзающаяся в песочные часы, была Лунной, теперь совершенно отрезанной от Солнца могучим новым небесным телом.

Странник, врывающийся в звездные песочные часы справа, не был полностью черным — Мерриам заметил на нем семь блестящих светло-зеленых пятен, каждое из которых достигало примерно пятисот километров в ширину: самые дальние пятна имели форму эллипса, ближайшие — круга. Пятна были идеально плоскими, хотя время от времени Дону казалось, что он видит на них фосфоресцирующие ямы или шахты. У него не было ни малейшего понятия, что означают эти пятна, он чувствовал, что не в состоянии объяснить бледно-зеленые пятна на черном брюшке паука.

Баба-Яга и Луна вращались вокруг Странника, но маленький кораблик постепенно догонял спутник Земли, поскольку находился ближе к Страннику и летел по ближней, более низкой орбите.

Дон включил радар, внимательно следя за эхом импульсов, отраженных от поверхности Луны. Через несколько минут он пришел к выводу, что поверхность земного спутника подвергается далеко идущим изменениям, и процесс его уничтожения продолжается.

Неожиданно сильное эхо от неизвестной планеты свидетельствовало о том, что Странник был абсолютно гладким шаром.

Планета-выскачка, появившаяся неизвестно откуда! Это невероятно, однако, и очевидно! Дон попытался вспомнить фрагменты прочитанных или слышанных им рассуждений на тему о подпространстве. Он припомнил гипотезу о том, что, входя в континуум вне измерений, внешней оболочкой которого является наша Вселенная, какое-то тело может прийти к нам из далекого космоса без необходимости преодоления огромного разделяющего нас пространства. Но где среди неисчислимого множества звезд и галактик находится подпространство? Почему в нашей Вселенной должно быть подпространство? А может быть, пространство вне измерений имеет бесконечное множество трехмерных поверхностей, каждая из которых именуется космосом?

Но внутренний голос монотонно повторял:

— Земля и Солнце справа, за покрытым зелеными пятнами шаром. Они зашли десять минут тому назад и появятся через двадцать минут. Я пролетел только через Луну, а не через подпространство. Я не нахожусь в межгалактической темени, не всматриваюсь в созвездие в форме снопа или песочных часов, в то время как семь бледно-зеленых туманностей блестят у меня с правой стороны...

Мерриам все еще был в скафандре, однако треснувший шлем он все же снял и бросил на пол. В шкафчике должен быть запасной.

— За работу! — решительно произнес он, но слова застряли у него в горле. Он отстегнул ремни, чтобы передвинуться в кресло поближе к экрану. В кабине было холодно и темно, но Дон не включал ни обогревателя, ни освещения и даже пригасил огни на пульте управления. В этот момент самым важным было видеть все как можно четче.

Вращаясь по внутренней орбите, он опережал Луну. Скопище звезд очень медленно вырастало на глазах, а черная глыба находившейся в затемнении Луны медленно отступала назад.

Внезапно ему показалось, что на фоне усыпанного звездами Млечного Пути он видит тонкие черные нити, соединяющие вершину Странника — скажем, северный полюс планеты — с выступающим краем Луны. Выходящие в космосе черные нити были едва заметны, подобно тому как бледно светящиеся звезды можно было увидеть, глядя не непосредственно на них, а куда-то вбок.

У Дона возникло чувство, что Странник, схватив и лишив свободы передвижения Луну, теперь принялся за него, создавая вокруг маленького кораблика черную паутину, желая в скором времени высосать из человека жизненные силы.

Черт! Не нужно думать о пауках!

Внутренний голос опять прорвался в сознание: «Солнце и Земля находятся за покрытым зелеными пятнами черным шаром, видимым с правого борта. Я лейтенант Дональд Бернард Мерриам из американских космических сил...»

На другой стороне континента, в пяти тысячах километров к востоку от места пребывания членов симпозиума, Барбара Кац, стоя спиной к Атлантическому океану, взглянула на Странника и подумала, что он похож на колесо с фиолетовыми спицами. Огромное колесо сделало четверть оборота, и планета столкнулась с горизонтом.

— О боже, дорогой! Это выглядит так, словно Странник вот-вот исчезнет, — обиженно произнесла Барбара, обманутая в своих ожиданиях и отчаявшаяся, что уже не увидит нового облика планеты и показывающуюся из-за нее Луну. — Ну что ж, посмотрим это по телевидению. Но... Будет ли вообще телевидение? — рассуждала она, с недоверием осматриваясь. Приближающийся рассвет, который должен был наступить на побережье Тихого океана через три часа, здесь уже освещал небо.

— Я очень устал... прощай... — начал Коллинс Кеттеринг III. Его голос звучал слабо, как никогда.

Барбара схватила его под руку. Старик, шатаясь, бессильно оперся на нее, однако он оказался не слишком тяжелым. Его тело под белым костюмом было сморщенным и легким, словно чешуйка насекомого, а запавшие щеки и покрытое морщинами лицо делали его похожим на индианку почтенного возраста. Барбара невольно почувствовала брезгливость, но тут же взяла себя в руки, понимая, что это ее собственный миллионер, о котором она должна заботиться и которого просто обязана полюбить. Она держала его осторожно, словно плечо старика было скорлупкой, которую можно было раздавить, не желая того.

Пожилая негритянка, одетая в серое платье с белым воротником и белыми манжетами, подбежала к ним и поддерживала старика с другой стороны. Это поразило Кеттеринга и словно прибавило ему сил.

— Эстер! — закричал он, сильно опираясь на Барбару. — Я ведь давно приказал вам, тебе, Бенджи и Лин, отправляться спать!

— Где там! — рассмеялась негритянка. — Мы не можем оставить вас одного в темноте у телескопа, сэр. Прошу вас идти осторожно. Ваше пластиковое бедро устало, служа вам целую ночь. Оно может сломаться.

— Пластик не устает, Эстер, — слабым голосом ответил Кеттеринг.

— Конечно! Пластик не такой сильный, как вы! — заметила негритянка и вопросительно посмотрела на Барбару. Девушка решительно кивнула в ответ. Они прошли по толстому покрову травы, по трем сияющим чистотой бетонным ступеням и по длинной холодной кухне со старой большой плитой, на которой можно было смело готовить пищу для большого отеля.

На широких ступенях внутри дома Кеттеринг приказал им остановиться. Может быть, здесь, в огромном холле, где царил холод, мужчина вернулся мыслями к ночному небу.

— Мисс Кац, — начал он, — когда небесное тело находится высоко в небе, оно выглядит так, словно стоит, а когда оно восходит или заходит, создается впечатление, что оно лежит. Это же касается и созвездий. Я часто задумываюсь над этим...

— Нет, прошу вас, сэр! Вы должны отдохнуть, — прервала его Эстер, но миллионер, разозленный, передернул плечом, за которое его поддерживала негритянка, и продолжал:

— Я часто задумываюсь над тем, что является ответом на загадку сфинкса: — что утром ходит на четвереньках, в полдень — на двух ногах, а вечером — на трех? Это не человек, а видимое перед Собачьей Звездой созвездие Ориона, восход которого сигнализировал о разливах Нила.

При последних словах голос его задрожал, голова упала на плечо. Кеттеринг позволил женщинам отвести себя наверх. Барбара с удовольствием заметила, что старец опирается на ее плечо значительно сильнее, чем на плечо негритянки, и подумала, что, пожалуй, она знает, почему вечером думаешь о трех и даже о четырех ногах.

Девушка и негритянка уложили старика в постель в темной спальне, еще более огромной, чем кухня. Эстер выгатила что-то из-под подушки и спрятала в выдвижную полку. Однако через мгновение она раздумала и показала Барбаре предмет, который хотела спрятать.

Это была изящная, довольно большая кукла с кудрявыми черными волосами, одетая в черное кружевное платье, черные чулки и длинные черные перчатки.

— Под полуднем следует понимать полночь, — с трудом пробормотал Коллинс Кеттеринг.

Эстер поверх куклы посмотрела на черные сапоги Барбары, на ее кудрявые черные волосы, на черный комбинезон и улыбнулась.

Барбара, несмотря на усталость и тревогу, тоже не смогла сдержать улыбку.

Глава 14

Пол смотрел через ворота Вандерберга-Два на майора Хамфрейса. Рядом с Полом стояла Марго, держа на руках Мю, десять остальных членов симпозиума толпились за ними. Фиолетовые и оранжевые огоньки мигали на серебристой металлической сетке вокруг контуров их теней.

Точно такие же огоньки мигали и на водах Тихого океана, где Странник, стоявший до этого высоко в небе, уже начинал опускаться к спокойным водам. На его диске продолжал сиять знак, который Рама Джоан назвала мандалой. Но по мере того как планета вращалась,

желтое пятно на западной части Странника увеличивалось, а пятно на восточной части уменьшалось. Странник заливал своим светом поросшее низким кустарником побережье, отчего на седеющем небе звезды казались с трудом различимыми.

Вездеход, на котором майор Хамфрейс съехал с плоскогорья Вандерберга—Два на дно оврага, продолжал ворчать, и его фары светились по-прежнему ярко. Один из двух солдат, которые приехали с майором, сидел за рулем, другой сопровождал офицера к воротам.

Часовой стоял у темного входа в сторожевую башню и внимательно следил за приближающимся майором. Его автомат целиком находился в тени, и только на стволе блестело фиолетовое пятно.

Глаза офицера и опущенные уголки рта делали его похожим на старого учителя, но, присмотревшись, можно было заметить, что его лицо выдавало такое же состояние духа, что и лицо часового: напряжение, под которым крылся страх!

Интеллигентное симпатичное лицо Пола приобрело решительное выражение: он чувствовал себя ответственным за всех.

— Я надеялся, что приедете именно вы, господин майор, — сказал он. — Это уберет нас от хлопот.

— Вам повезло, потому что я приехал сюда вовсе не из-за вас, — резко ответил офицер, а потом поспешно добавил: — Несколько наших из Лос-Анджелеса приехали до того, как прибрежное шоссе было разрушено. Мы рассчитываем, что другим удастся добраться сюда через долину по шоссе через горы Санта-Моника или через Окснард. В противном случае мы привезем их сюда вертолетом — особенно этих, из Калифорнийского университета. Пасадена лежит в развалинах после второго землетрясения.

Хамфрейс неожиданно замолчал, сморщился и потряс головой, словно злился на себя за то, что разболтался. Через мгновение он уже продолжал, не обращая внимания на восклицание ужаса, которое невольно вырвалось у стоящей позади Пола группы людей.

— Ну, Пол, я спешу. Я не могу терять ни минуты. Почему ты не пришел к главным воротам? Конечно, я узнаю мисс Гельхорн, — он легко поклонился Марго, — но кто эти остальные?

Он окинул внимательным взглядом собравшихся у ворот членов симпозиума, подозрительно задержав взгляд на буйной бороде Хантера.

Пол заколебался.

Брехт, который со своей лысиной и очками с толстыми стеклами выглядел словно современный Сократ, откашлялся и уже хотел было рискнуть и сказать, что они все подчиненные мистера Хегболта. Он считал, что это именно одна из тех ситуаций, когда нужно блефовать.

Но он раздумывал на долю секунды дольше, чем было нужно. Додд протиснулся вперед, стал между ним и Войтовичем и добродушно посмотрел на майора. Уверенный в себе, он улыбнулся в коротко подстриженные усы и сказал с апломбом опытного адвоката:

— Мы — члены южнокалифорнийской секции, объединяющей исследователей метеоритов и неопознанных объектов. Я секретарь этого общества. Получив письменное согласие от владельца и согласие вашего командования, мы организовали во время затмения симпозиум в пляжном домике Роджерса.

Брехт тихо застонал.

Майор окаменел.

— Так... — еле выдавил он из себя, — значит, вы фанатики летающих тарелок?

— Да, — с умильной улыбкой кивнул Додд. — Только я очень прошу — не фанатики, а исследователи!

Неожиданно что-то потянуло его назад, и мужчина уперся пятками, чтобы не упасть. Это Рагнарк беспокойно дергал за поводок.

— Исследователи? — с недоверием повторил офицер, приглядываясь к собравшимся так, словно хотел проверить у всех документы (такая мысль, по крайней мере, мелькнула у Пола).

— Во время землетрясения их автомобили оказались засыпанными, — вмешался немедленно Пол. — Кстати, то же случилось и с моим, господин майор. Без помощи этих людей ни я, ни мисс Гельхорн никогда бы не добрались сюда. Им некуда идти. К тому же у одной из женщин был сердечный приступ, а с нами еще и ребенок.

Взгляд офицера остановился на Раме Джоан, которая стояла за Хантером. Женщина вышла вперед, серьезно улыбнулась и слегка поклонилась — майор увидел фрак и золотисто-рыжие волосы, спадающие на плечи. Анна, с такими же волосами, заплетенными в косички, подошла к матери. Мать и дочь в таинственном свете Странника казались столь же изысканно-прелестными, как иллюстрации Обри Бердслея к ежеквартальнику «Желтая Книга».

— Это я — тот ребенок, — холодно сказала Анна.

— Понимаю, — майор быстро кивнул головой и отвернулся.

— Пол, — поспешно обратился он к Хегболту, — мне очень жаль, но Вандерберг-Два не может предоставить убежище всем жертвам землетрясения. Мы обдумали ситуацию, и наше решение не подлежит обсуждению. Мы проводим здесь важные исследования, и в настоящей ситуации мы должны предпринять дополнительные меры предосторожности.

— Вы говорите, — вмешался Войтович, — что в округе Лос-Анджелеса землетрясение было сильным?

— Разве зарева пожаров вам недостаточно? — буркнул офицер. — Должен вам заметить, что я не могу отвечать на ваши вопросы. Войди через сторожевую башню, Пол. И мисс Гельхорн тоже, но больше никого.

— Это специалисты, господин майор, — возразил Пол. — Они могут нам пригодиться. Они произвели уже много интересных наблюдений за Странником.

Как только он упомянул о Страннике, фиолетово-золотой шар, о котором все на мгновение забыли, снова овладел их мыслями.

Майор Хамфрейс схватился руками за металлическую сетку и наклонился к Полу. Голосом, в котором странно смешались подозрительность, любопытство и страх, он спросил:

— Странником? Откуда вы знаете, что у него такое имя? Что вы вообще знаете об этом... небесном теле?

— Небесном теле?! — разозлился Рудольф. — Теперь каждый глупец видит, что это планета. Луна вращается вокруг нее и теперь находится как раз за ней!

— Претензии просим предъявлять не к нам, — шутливо вмешалась Рама Джоан. — Нашего колдовства здесь нет.

— Точно. Она явно сама упала с неба, — с ехидством добавил Брехт. — Она нам нужна как собаке пятая нога.

Хантер украдкой толкнул его.

— Мы называли ее Странником, хотя настоящее название звучит как «Испан», — донесся до них голос Дылды, костистое лицо, провалившиеся глазные ямы и скрытые в тени щеки которого виднелись за спиной Хантера. Через мгновение он добавил: — Наверняка королевские мудрецы уже приземлились у Вашингтона.

Майор Хамфрейс вздрогнул, словно кто-то ударил его.

— Я понимаю, — коротко ответил он, после чего обратился к Полу. — Вы сможете войти, сэр. Мисс Гельхорн тоже, но без кота.

— Так, значит, вы не впустите этих людей? — выкрикнул Пол. — Несмотря на то что я за них ручаюсь? Несмотря на то что жизнь одной из женщин в опасности?

— Профессор Опперли наверняка соответствующим образом оценит ваши действия, майор, — резко вмешалась Марго.

— Где больная? — требовательно спросил Хамфрейс. Его нога начала подрагивать, так же, как у часового.

Пол поискал взглядом кровать, но как раз в этот момент фигура Ванды возникла между Хантером и Рамой Джоан.

— Это я! — с гордостью заявила она.

Брехт снова застонал. Войтович, потирая плечо, которое болело после перетаскивания кровати, с упреком посмотрел на полную женщину.

Майор откашлялся.

— Вы можете войти, миссис, — произнес он наконец.

Он еще раз осмотрел всех по очереди и повернулся к машине.

— Лучше идите, пока он не передумал, — шепнул Марго Хантер. — Это для вас наилучший выход.

— Без Мяу? — возмутилась Марго.

— Я позабочусь о ней, — сказала Анна.

Слова девочки развеяли все сомнения Пола. Может быть, это была всего-навсего обычная сентиментальность, но почему-то кошка и беспокойность девочки перевесили чашу весов, и он неожиданно крикнул:

— Я никуда не иду!

— Перестаньте драматизировать, Пол! У вас нет выбора. Вы не можете бросить проект, — произнес майор с плохо скрытой угрозой.

Свободной рукой Марго обняла Пола и прижала к себе, словно желая прибавить ему бодрости. Брехт шепнул ему на ухо:

— Я надеюсь, вы знаете, что...

— Вот именно! — крикнул Пол.

Майор пожал плечами и сел в вездеход. Часовой закрыл дверь в башню и подошел к группе людей, стоящих перед воротами.

— Прошу уйти отсюда, господа, — приказал он с раздражением, наводя на них ствол автомата. В левой руке часовой держал конец провода — это было устройство, управляющее реактивным движком, расположенным у него на спине.

Все, кроме Додда, отпрянули от автомата, даже Рагнарок, так как его хозяин, с возмущением глядя через сетку, выпустил из рук поводок.

— Майор, — закричал Додд, — Ваше поведение бесчеловечно. Я прослежу, чтобы об этом узнали соответствующие власти. Я плачу налоги! Из моих денег платят зарплату государственным чиновникам, несмотря на то, носят они мундир или нет, и сколько у них звездочек на этих мундирах! Подумайте об этом!

Часовой подошел к нему. Было видно, что он хочет наказать наглеца, пока майор еще не уехал.

— Заткнитесь наконец и проваливайте отсюда! — процедил он, слегка толкнув Додда в бок стволом автомата.

Раздалось ворчание, похожее на скрежет несмазанных шестеренок. Рагнарок бросился вперед и, волоча за собой поводок, прыгнул на грудь часовому и примерился вцепиться ему в горло.

Двигатели на спине часового неожиданно полыхнули двумя языками огня, словно у солдата выросла пара новых ярко-оранжевых ног. Часовой начал медленно подниматься в воздух, и в самой верхней точке своей траектории он проявил редкостное мастерство в стрельбе с лета, послав четыре пули прямо в нападающего. Большой пес упал и уже не шевелился.

Все бросились бежать, но через мгновение остановились.

Часовой проплыл в воздухе над сеткой и опустился на землю. Из двигателя снова на мгновение полыхнул огонь, чтобы самортизировать толчок.

Додд упал на колени рядом с трупом Рагнарока.

— Рагнарок? — неуверенно спросил он, после чего осторожно коснулся шерсти собаки и тут же поднял лицо: — Он мертв!

Войтович взял складную кровать и подбежал к собаке.

— Ему уже ничего не поможет, — прошептал Додд.

— Вы не можете оставить его здесь, — заявил Войтович.

Они уложили мертвое животное на кровать. Странник светил теперь так ярко, что в его блеске они увидели цвет сочащейся из раны крови.

Марго подала кошку Полу, сняла куртку и прикрыла Рагнарока. Додд в молчании кивнул головой.

Небольшая процессия двинулась обратно по дороге, по которой пришла. Уже светало, но на воде еще мерцали фиолетовые и золотые огоньки.

Гарри Макхит указал рукой на небо над океаном.

— Смотрите! — крикнул он. — Виден белый краешек. Луна показалась из-за Странника.

Дона Мерриама била дрожь. словно в дурном сне, он наблюдал, как тонкие черные нити, соединяющие Луну с северным полюсом Странника, становятся ослепительно белыми. Теперь они были четко видимы и все больше напоминали паутину.

Неожиданно часть Луны, соединенная нитями со Странником, тоже стала ослепительно белой. Эта часть стала похожа на маленький белый конус, который быстро удлинялся, одновременно расширяясь. Из него начали вылетать новые белые нити, которые стремительно возносились вверх.

В этом растущем конусе было что-то странно беспокоящее — по мере того как он рос, он становился все более выпуклым, словно Луна принимала форму мяча для регби. Излишне выпуклый край вовсе не казался гладким на фоне черного, усыпанного звездами космического пространства. Наоборот, он был слегка выщербленным. Ломаной была также и линия между ослепительно белой частью и остальной темной поверхностью. Более того, поверхность теперь покрывали какие-то черточки, и Луна выглядела, словно византийская мозаика.

Неожиданно с правого борта Бабы-Яги внутрь проник свет. Сверкание, отраженное на левой стороне экрана, ослепило Дона.

Он закрыл глаза и на ощупь начал искать на полке защитные очки. Он нашел их, надел и настроил поляризацию на максимум, а затем запустил коррекционные двигатели и направил корабль несколько влево.

Сверкающее Солнце, которое как раз показалось из-за Странника, блеснуло рядом с черным диском Земли. Эта пара выглядела, словно раскаленный добела десятицентовик и закопченный доллар. Баба-Яга тоже закончила путешествие по темной стороне Странника и теперь вышла на солнечный свет.

Дон установил козырек над очками так, чтобы заслониться от света Солнца, после чего уменьшил поляризацию, чтобы при сиянии Странника получить возможность увидеть ту сторону Земли, на которой царила ночь. На восточной части североамериканского континента уже был день. Южной Америки вообще не было видно. Остальную часть земного шара заполнял Тихий океан, только внизу, с левой стороны постепенно показывалась Новая Зеландия — там наступили сумерки.

Пол удивился, что вид родной планеты, удаленной от него на какие-то ничтожные четверть миллиона километров, а не затерянной где-то в глубинах космоса, доставил ему столь большую радость.

Жители Новой Зеландии и Полинезии выбегали из домов, оставляя на столах и циновках ужин, чтобы наблюдать за чудом, которое появилось на небе вместе с приходом вечера. Многие из них думали, что Странник — это Луна, чудовищно деформированная, вероятнее всего, вследствие американских или советских атомных испытаний, и потребовалось несколько часов, чтобы убедить их, что они ошибаются. Большинство обитателей Австралии, Европы и Африки жили в счастливом неведении, о Страннике они знали только то, что это какая-то несерьезная журналистская выдумка, типично американское явление, такое, например, как религиозный фундаментализм, кока-кола, новости о жизни сенаторов или кинозвезд. Более хитрые думали, что это реклама нового фильма ужасов или предлог для новых демаршей по адресу Китая или Советского Союза. И только несколько исключительно сообразительных наблюдателей заметили связь между информационными сообщениями о Луне и несомненно правдивыми докладами о землетрясениях.

Атлантика тоже находилась на той стороне земного шара, где царил день, но здесь ситуация представлялась иначе, так как на большинстве самолетов и кораблей во время последних часов ночи проводились наблюдения за Странником. Экипажи самолетов и кораблей настойчиво искали среди атмосферных помех волну, по которой передавали бы какие-нибудь сообщения по поводу неизвестной планеты, и пытались связаться с аэропортами или руководством морского флота, чтобы дать отчет о происходящем и спросить совета. Некоторые суда шли в ближайшие порты. Команды других мудро и предусмотрительно направляли свои суда в открытое море.

На трансатлантическом лайнере «Принц Чарльз» произошли драматические события. Группа фашиствующих бразильских молодчиков с помощью двух офицеров корабля португальского происхождения овладели большим роскошным лайнером. Капитан Ситвайз сидел арестованный в собственной каюте. У мятежников был детально разработанный план, но, кто знает, удалось бы им его реализовать, если бы не всеобщее возбуждение в связи с «астрономической угрозой»? Почти с ужасом они обнаружили, что ценой жизни шести мужчин (среди своих у них было трое раненых) в их власти оказался не только корабль, большой, как отель для отдыха, но также и два атомных реактора.

Вольф Лонер не торопясь позавтракал и приступил к своим обычным утренним занятиям. Его яхта «Спокойная» продолжала лениво плыть на запад под низко нависающими тучами. Одинокий мореход продолжал размышлять о порядке, царящем в природе, когда его не смущает быстрый темп современной жизни.

Когда красный утренний свет осветил джунгли, дон Гильермо Уолкер уже мчался вперед на моторной лодке братьев Аранза, из озера Никарагуа он попал в реку Сан-Хуан и вот уже миновал Сан-Карлос.

Теперь, когда Странник исчез с неба, дон Гильермо не забивал себе голову вулканами и землетрясениями. Он со все возрастающим удовольствием думал о том, как он бомбил крепость «Эль президенте», летя на своем маленьком самолетике, который покоится сейчас на дне озера. Пускай такая судьба ждет всех левых, дон Гильермо наконец-то показал всем этим слизнякам, этим никчемным людишкам, что он лучше их! По крайней мере, так он оценивал свои силы, гордясь недавно совершенным поступком.

Он с гордостью ударил себя в грудь и крикнул:

— Я человек!

Один из братьев Аранза, прищутив глаза от света восходящего солнца, кивнул и сказал: — Да. — Но это прозвучало без особого энтузиазма, словно то, что ты являешься человеком, вовсе не было большой честью.

Глава 15

Пол был вынужден признать, что долгая прогулка по песку мучительна, даже если идешь в обществе приятных людей, а на небе сверкает новая планета. Радость от того, что он настоял на своем, вопреки желаниям Хамфрейса и командования Лунного Проекта, быстро прошла. Изнурительный марш по песку показался ему бесцельным и необычайно угнетающим.

— Тебе грустно, да? — мягко спросила Рама Джоан. — Ты сжег за собой мосты и связал свою судьбу и судьбу твоей девушки с горсткой безумцев, которые идут хоронить пса.

Они шли в конце процессии, далеко позади кровати, которую несли Кларенс Додд и Войтович.

Пол рассмеялся.

— Ты не права, — покачал он головой. — Марго не моя девушка. Да, я люблю ее, но без взаимности. Мы только друзья.

— Действительно? — Рама Джоан испытующе посмотрела на него. — Вся твоя жизнь может пройти в такой дружбе, Пол!

Пол виновато пожал плечами.

— Я знаю, Марго тоже говорит мне об этом. Она утверждает, что я счастлив, имея возможность окружать ее материнской опекой и отбывая атаки других мужчин. Конечно, кроме Дона. Она считает, что мои чувства к нему, даже если я сам этого не осознаю, — нечто большее, чем братские чувства.

Рама Джоан усмехнулась.

— Может быть, она и права, — заметила она через некоторое время. — Но все же ваше братство — ты, Марго и Дон — выглядит довольно странно.

— Нет! По-своему это совершенно нормально, — с грустью заверил ее Пол. — Мы вместе ходили в школу. Нас интересовали точные науки.

Мы дружили. Потом Дон закончил университет и стал космонавтом. Я занимался журналистикой и стал комментатором, а Марго всегда влекли гуманитарные науки. Но мы решили держаться вместе, поэтому когда Дон получил работу в Лунном Проекте, нам тоже удалось пролезть туда, то есть мне удалось. Уже тогда Марго знала, что Дон нравится ей больше, чем я, и что он, похоже, любит ее. Вот поэтому они и обручились. Но все осталось по-прежнему. Может быть, потому что наше общество искоса смотрит на подобные треугольники. Потом Дон полетел на Луну, а мы остались на Земле. Вот и все, до вчерашнего дня, когда мы встретили вас.

— Наверняка в конце концов должен произойти взрыв, Пол. Такая ситуация не может длиться вечно, — печально произнесла Рама Джон-ан. — Я расскажу тебе свою историю. Я могла бы припеваючи жить на Манхэттене, будучи женой руководителя отдела рекламы одной большой компании. Анна ходила бы в спецшколу, а я время от времени читала бы лекции о мистицизме в женском клубе. Вместо этого я развелась и едва свожу концы с концами, живя тем, что мне платят за лекции, и на проценты от небольшой суммы сбережений. Я ношу эти странные карнавальные одеяния, — с пренебрежительной улыбкой она указала на белую манишку и фрак, — чтобы возбудить в людях большую заинтересованность мистицизмом. «Мужской протест» — шутили когда-то по этому поводу мои друзья. «Нет! — говорила я им. — «Человеческий протест!» Я хотела свободно выражать свои взгляды и говорить то, что действительно чувствую. Я хотела, чтобы у Анны была настоящая мать, а не хорошо одетая кукла.

— Веришь ли ты в то, что говоришь? — скептически спросил Пол. — В буддизм и тому подобные вещи?

— Не так, как я этого хотела бы, но в такой степени, на которую меня хватит, — сказала она. — Ограниченная вера — это роскошь. Но, если говоришь с убеждением и с пылом, то, по крайней мере, не подражаешь другим. Даже если немного притворяешься, то не теряешь своей личности. Если человек постоянно старается, то в один прекрасный день он может открыть частичку правды — так, как сделал это Чарли Фулби, когда он признался, что о существовании странствующих планет знает только интуитивно, а не потому, что был в космосе, как утверждал до этого.

— Это параноик, — ответил Пол, глядя на Дылду, который шел за кроватью. Справа от него шла Ванда, а слева — худая женщина. — Кто эти две — ученицы, опекуны? — поинтересовался он.

— До определенной степени он действительно параноик, — начала объяснять Рама. — Но ты ведь не считаешь, что только у нормальных людей есть монополия на правду? А те две женщины, это... как бы это сказать... две его жены. Чарли принадлежит к секте, признающей многоженство. Ох, Пол, ты ведь, пожалуй, считаешь всех нас ненормальными?

— Нет! — запротестовал он. — Хотя я чувствую себя уверенней, зная, что большинство людей думают так же, как я.

— Большинство — это, значит, те, у кого есть деньги и власть! — кивнула Рама. — Ну, не хмурься, с одной стороны — большинство, а с другой — безумцы, но все стремятся к одному и тому же: к удовлетворению основных потребностей. Мы возвращаемся в домик на пляже, потому что знаем, что нас ждет кофе и бутерброды.

Во главе шествия аналогичный разговор шел между Хантером и Марго.

— Я начал ходить на такие собрания, потому что проводил социологические исследования, — доверился ей Хантер. — Я встречал там разных людей, ненормальных фанатиков, таких, как Чарли Фулби, и трезвомыслящих, таких, как Рама Джоан, а также совершенно обычных людей, каких можно встретить на каждом шагу. Я поставил себе цель исследовать определенное общественное явление и написать несколько статей. Но через определенное время сам втянулся.

— Почему? — поинтересовалась Марго, прижимая к себе кошку. Ей было холодно без куртки, а Мяу грела ее, словно бутылка с горячей водой. — Эти интересы, доктор Хантер, так же, как и ваша борода, должны были доказать, что вы современны и отличаетесь от других?

— Я хотел, чтобы вы называли меня по имени. Нет, я так не считаю. Хотя немалую роль тут сыграла, наверное, кичливость. — Он погладил рукой бороду. — Просто я встретил людей, которые чем-то увлекались и делали что-то совершенно бескорыстно. Это неслыханная редкость в нашем материалистическом, эгоистичном мире, в котором в счет идут только деньги и положение в обществе. Я увлекся этим настолько, что захотел внести свой вклад в общее дело — какие-то доклады, дискуссии, и все прочее. Теперь я подхожу ко всему этому с таким же увлечением, как и Брехт, который зарабатывает на жизнь, продавая пианино, дошел в этом до совершенства — чтобы иметь возможность посвящать остальное время летающим тарелкам и женщинам.

— Брехт холостяк, а вы, кажется, говорили, что у вас есть семья? — несколько иронично напомнила ему девушка.

— Да... — признался с некоторым нежеланием Хантер. — В Портленде осталась миссис Хантер и двое мальчиков, которые придерживаются мнения, что их папочка решительно чересчур много времени проводит среди фанатиков летающих тарелок. А отсюда — пишет слишком мало научных статей и совсем забросил карьеру.

Он хотел добавить, что они теперь наверняка не спят и думают, почему папочки нет дома, когда небо преобразилось, а летающие тарелки перестали быть фикцией, но заметил, что они дошли до забитого досками пляжного домика. Он увидел все еще горящую зеленую лампу, а рядом с ней столик с небольшим конвертом, в котором находились

программки, пустые кресла, выстроившиеся рядами... Получит ли когда-либо Додд деньги, которые он отдал в залог, беря эти кресла в похоронном бюро, которое содержали в Окснарде поляки? Он увидел также плащ, который где-то забыл, а под ним — картонные коробки, брошенные во время всеобщей спешки. Неподалеку стоял воткнутый в песок сложенный зонтик, который служил частью примитивной астролябии, когда Брехт впервые исследовал движение Странника.

Видя все это на фоне забрызганного огоньками фиолетово-желтого цвета Тихого океана, Хантер почувствовал неожиданный прилив радости и облегчения от того, что понял, почему они, принужденные к странствию по вине лавины и отогнанные от ворот убежища офицером-службистом, вернулись на это место.

Просто это место было для них домом — здесь они сидели вместе, здесь они стали свидетелями изменений, которые произошли на небе. Каждый в глубине души чувствовал, что, быть может, это его последний дом.

Ванда, худая женщина и Гарри Макхит медленно направились к коробкам.

Войтович и Додд опустили на песок кровать с Рагнароком, полуприкрытым курткой Марго.

Войтович осмотрелся, потом, указывая на зонтик, решительно сказал:

— Это, пожалуй, самое подходящее место. Вы не имеете ничего против? — он адресовал вопрос Брехту, который всю дорогу от Вандерберга шел в молчании рядом с Доддом.

— Нет, это для меня большая честь, — хрипло ответил тот.

Они перенесли кровать, и Брехт вытащил зонтик из песка. Из-под матраса Войтович вытащил лопату и начал копать могилу.

— Ничего странного, что меня всю дорогу что-то кололо! — крикнула с террасы Ванда при виде лопаты.

Войтович прервал работу.

— Вы должны быть благодарны, — крикнул он, — за дармовую езду во время вашего так называемого сердечного приступа.

— Я хорошо знаю, когда у меня бывает сердечный приступ! — ответила со злостью женщина. — И хорошо знаю, когда он у меня проходит!

— Пусть будет так! — бросил Войтович через плечо и снова начал копать.

Песок тихо скрипел под лопатой. Худая женщина и Макхит вытирали кружки от песка и ставили их на стол. Остальные смотрели на Луну, появляющуюся из-за Странника, который, слегка склоняясь на бок, плыл над океаном.

Луна приняла форму придавленного конуса. На ее диске вместо гладких контуров «морей» были видны едва заметные линии, которые иногда отражали цветной свет Странника. Вид был отталкивающим, он наводил на мысль о коконах с яйцами паука.

«Белая Дева, оплодотворенная Испаном, — подумал Дылда, — рождается в муках. Как мне это раньше не приходило в голову?»

— Ее жених на Луне, правда? — шепнула Рама Джоан Полу. — Так что теперь вы можете считать ее своей девушкой. Я думаю, что на это есть все основания.

Войтович выпрямился.

— Глубже копать нельзя, — охрипшим голосом обратился он к Додду, — потому что можно докопаться до воды.

Они подошли к кровати. Додд отцепил поводок от тяжелого толстого ошейника и, посмотрев на Марго, снял куртку, прикрывающую тело пса. Девушка отрицательно покачала головой, и Додд, грустно улыбаясь, снова прикрыл тело Рагнарока курткой. Вместе с Войтовичем и Брехтом он опустил овчарку в могилу. Кошка, лежащая на руках Марго, подняла голову и с интересом рассматривала происходящее.

Подвешенный над Тихим океаном Странник выглядел так, словно оделся в праздничные одежды. В противоположность деформированной Луне он представлял собой идеальный шар. Желтая плоскость с западной стороны планеты исчезла из поля зрения, и на диске остались только три желтых пятна. Однако более всего бросалась в глаза фиолетовая бестия с раскрытой пастью, которая возникла, когда два восточных плеча фиолетового креста расширились по обеим сторонам большого желтого пятна.

«Волк Фенрис, — подумала Марго. — Теперь, когда Луна находится перед раскрытой пастью, Странник действительно выглядит так, словно пожирает Луну».

— Это напоминает мне большого пса, который хочет цапнуть прохожего, — задумчиво произнесла Анна. — Мамочка, боги поместили на этом Страннике нашего Рагнарока, так же, как раньше помещали на звездах греческих героев и нимф.

— Похоже, что так, любовь моя, — ответила Рама Джоан.

Додд инстинктивно вытащил блокнот, ручку и с грустью посмотрел на чистый лист. Марго, передав Полу кошку, взяла у него из рук блокнот с ручкой и сделала набросок Странника, похожий на те, которые рисовал сам Додд.

«Змея пожирает яйцо, — думал Дылда. — А может быть, это просто развилка дорог».

Войтович поспешил засыпать могилу, сначала сухим, а потом мокрым песком. Брехт взял из рук Додда поводок, тесно оплел им ручку сложенного зонтика и застегнул наверху. Когда Войтович прибил песок лопатой и отошел в сторону, Брехт глубоко воткнул зонтик в середину могилы.

— Да, Додд, — произнес он, обнимая друга за плечи, — я обозначил могилу. Теперь у Рагнарока есть нечто вроде надгробия...

С эстрады к ним донесся зов худой женщины.

— Идите пить кофе, а то остынет!

Дон Мерриам снова оказался в темноте. На этот раз Луна, миновав Странника, отрезала от Бабы-Яги источник света. Маленький космический кораблик кружил между двумя небесными телами. Он летел быстрее, чем Луна, но еще не перегнал ее.

Солнце, которое в течение определенного времени заглядывало в кабину, нагрело ее изнутри, но прежде чем жара стала невыносимой, Луна втиснулась между Бабой-Ягой и Солнцем.

Однако в кабине было светлей, чем тогда, когда Луна впервые заслонила корабль, — то тут, то там прорывался отраженный Солнцем фиолетово-золотистый свет Странника. Этот свет позволял увидеть безуданно кипящие скалы на поверхности Луны — это выглядело, как буря на море, которую наблюдаешь из самолета в звездную ночь.

Находясь в 2560 километрах над Странником — он проверил это при помощи радара, — космонавт видел только пятую часть планеты. Пролетая над ее поверхностью, по-разному наблюдаемой на Земле — в виде выщербленного диска, в виде икса, в виде шара, креста Святого Антония и мандалы, — он видел только желтое пятно на западной стороне и край фиолетового района. Желтое пятно на востоке и пятна на полюсах находились вне поля его зрения.

Наблюдая за тем, как желтое пятно показывается из ночной стороны Странника и передвигается на дневную, Дон убедился, что Странник вращается и что две его вершины — это, по существу, полюса, а ось примерно параллельна оси Земли.

Измеряя скорость, с которой показывалось желтое пятно, он подсчитал, что полный оборот Странника вокруг своей оси длится шесть часов, то есть «день» на Страннике равняется одной четвертой земного дня.

Зеленые светящиеся точки на ночной стороне новой планеты исчезали, как только на этой стороне наступал день. Судя по всему, их флюоресценция была видима только в темноте.

Более половины огромного желтого пятна занимала черная тень Луны, которая, несомненно, имела форму удлиняющегося эллипса. Внимательно присматриваясь к ней, Дон заметил, что бледные светло-зеленые огни постепенно показываются на ближайшем краю тени — зеленые огни, невидимые в солнечном свете, явно перемещались вместе с планетой.

Неожиданно он осознал, насколько противоестественна и странна ситуация, в которой он сейчас оказался. Сейчас он подобен маленькой мушке, подвешенной между черной сливой и розовым грейпфрутом, мчащейся вместе с ними сквозь космическое пространство.

Дон вообразил, что он снова маленький мальчик. Сейчас вечер, и мрак заглядывает в окна домика в Миннесоте, а он, Дон, рассказывает на кухне маме, что он нашел в лесу большую черную дыру. И что он уверен, что она проходит на другую сторону Земли, потому что на дне ее он видел мерцающую звезду. Он испугался... и когда он бежал домой, то увидел за сеновалом большую желто-фиолетовую планету.

Он стряхнул с себя эти воспоминания. Несмотря на то что ситуация совершенно противоестественна, она наверняка показалась бы ему еще более странной, если бы он перед этим не находился целый месяц на Луне, а потом не продирался сквозь нее на корабле.

Его внимание привлекли белые нити, выходящие из диска Луны. Он сориентировался так, чтобы их паутина оказалась у него перед глазами. Они вились среди звезд, пока наконец не исчезли за фиолетовым краем Странника.

Если нити соединяли Луну со Странником, то было бы логичным, чтобы они соединяли ее с полюсом планеты. Если бы они были соединены с какой-либо точкой на экваторе, то растянулись бы и лопнули, или — поскольку Луна движется в три раза быстрее, чем вращается планета, — оплели бы ее.

Соединили бы!!! Оплели бы!!! Он поймал себя на том, что думает о них как о настоящих нитях, словно два небесных тела — Луна и Странник — были игрушками на новогодней елке.

Но, в таком случае, чем являются эти нити?

Следя за ними взглядом, он посмотрел туда, где они сходились с Луной. Баба-Яга опередила Луну, но все еще находилась в ее тени, поскольку вместе с ней заходила теперь за Странника. Черная линия ночи, которую Дон впервые увидел через бездну Луны, уже попала в поле зрения, отсекая собой фиолетовый край горизонта.

Итак, край Луны находился во мраке, и его медная поверхность бурлит. Космонавт потянулся к полке, взял сильный бинокль и навел на резкость.

На вытянутой стороне Луны он заметил несколько глубоких шахт, внутренняя часть которых быстро вращалась по направлению часовой стрелки. Они производили впечатление водоворотов в лопающейся коре планеты.

Блестящие белые нити, которые в тени Луны приобретали цвет латуни, падали в шахты и кружились с такой же скоростью, что и их стены, делая на дне маленькие круги. В кружащихся центрах нити были несколько толще. На ум невольно приходили ассоциации, связанные с водоворотами или торнадо.

Возле каждой шахты находились три или четыре ярко-фиолетовые точки на нитях. Он подумал, что это, скорее всего, большие устройства (но у него и мысли не было, что они имеют искусственную природу), которые вырабатывают гравитационные поля.

Вывод, который можно было сделать, глядя на кружащиеся шахты и падающие в них нити, был простым. Лунная материя в форме пыли, гравия и даже больших камней каким-то образом высасывается и переносится в район северного полюса Странника.

Араб, Большой и Пепе стояли на берегу реки Гудзон, куря самокрутки, готовые в любую минуту бросить их в грязную, покрытую слоем мазута воду, если бы кто-то неожиданно подошел к ним.

Но пока все было спокойно. В городе царила исключительная тишина, даже для шести часов утра. Большой бросил, наконец, окурок в воду. Араб прикурил новую самокрутку, и все трое снова начали затягиваться сладким дымком.

На западе они видели серое небо, далекие волнорезы, склоны Палисада. И, кроме этого, более ничего.

— Она куда-то исчезла, — заявил Большой. — Может быть, уже даже зашла.

Он рассмеялся и направил взгляд в сторону могилы генерала Гранта.

— Как ты думаешь, генерал? — спросил он Араба.

— В реке прибыло воды, адмирал, — ответил Араб и, морща лоб, прикурил третью самокрутку.

— Пожалуй, ты прав, — признал Большой. — Смотрите, братья, вода заливает док!

— Это не док, — презрительно сказал Араб. — Это затопленная баржа!

— Ты сошел с ума!

— Я знаю, куда она исчезла! — неожиданно заорал Пепе. — Этот большой фиолетовый шар не что иное, как дьявольское соединение воздушного шара с подводной лодкой. Сейчас она нырнула, и поэтому вода поднялась. Она находится на дне и светит в глубине.

Араб и Большой задрожали от возбуждения при мысли о странном явлении, а Пепе схватился за голову и застонал:

— Нет! Подождите! Это не так. Это же замороженный атомный взрыв! Сначала производят взрыв, а потом замораживают огненный шар. Такой шар плывет себе в воздухе, воде, а когда полностью растает — БУМ! Город взлетает в воздух! Смотрите!

Солнце на противоположном берегу реки, красное Солнце, отражалось в окнах домов. Три брата-наркомана мгновенно поверили в выдуманную ими самими атомную бомбу, и их охватил неожиданный страх, который еще никогда не смог отогнать ни один наркоман.

— Бежим! — приглушенным голосом закричал Араб.

Они повернулись и пустились со всех сил в сторону Гарлема.

Джейк презрительно оттопырил губу, посматривая на редешую толпу. Вместе с заходом Странника и приходом серого рассвета всеобщее возбуждение на Таймс-сквер прошло. Развалины на Манхэттене, появившиеся в результате землетрясения, напоминали груды мусора при сносе дома.

Почти с недоверием, словно все это было только театральным представлением, он вспомнил песенку Салли и топот танцующей толпы, освещенной янтарно-фиолетовым светом мощного прожектора, висящего в небе. Он улыбнулся, широко открыл глаза, но в этот момент он ничего

не видел — в его воображении родилась определенная идея, идея, приближенная ко сну, поскольку для Джейка понятие «сон» и «воображение» были почти синонимичны.

Салли неожиданно подошла к нему сзади и просунула свою руку ему под мышку. Прижимаясь, она начала с жаром шептать ему на ухо:

— Бежим! Бежим, пока эта свора опять не добралась до меня. Это только в четырех кварталах отсюда.

— Ох, как ты напугала меня, Сал, — недовольно пробурчал он. — Мне как раз пришла в голову идея, как заработать кучу денег. А куда мы должны идти?

— Только вчера ты говорил, что никто не в состоянии испугать тебя. Ха-ха! Я забираю тебя на завтрак в квартирку Хассельтайна — я и мой маленький ключик. После этого землетрясения я буду чувствовать себя тем безопаснее, чем выше буду находиться. Понимаешь?

— Я понимаю, — кивнул Джейк. — Но знаешь, что в таком случае тебе придется дольше падать?

— Конечно, — рассмеялась девушка, теснее прижимаясь к парню. — Но, по крайней мере, на меня ничего не упадет. Идем же, хотя на голодный желудок и приходят лучшие идеи.

Высоко в небе показался розовый свет.

Глава 16

Брект довольно откашлялся.

— Я охотно съел бы еще один бутерброд, — сказал он.

— Мы подумали, что надо оставить что-то на обед, — извиняющимся тоном сказала худая женщина, сидящая на другом конце стола.

— Это была моя идея, — несмело признался Гарри Макхит.

— Все в порядке, — кивнул Брект. — Прямо как из «Швейцарского Робинзона». Кто-нибудь хочет виски?

Из кармана плаща он достал четвертьлитровую бутылку. Ванда презрительно фыркнула.

— Она может пригодиться нам позже, Рудольф, — остановил его Хантер.

Брект вздохнул и спрятал бутылку.

— Наверное, комиссия общественной безопасности также запретила выпить по второй чашке кофе? — рявкнул он.

Гарри покачал головой и поспешно налил кофе Бректу и другим желающим.

— Рудольф, — отозвалась Рама Джоан. — До этого ты задумывался, откуда взяли на Страннике эти цветы?

Анна, укутанная плащом, который кто-то дал ей, лежала на двух креслах, положив голову на колени матери. Рама смотрела на Странника. Теперь фиолетовый ореол окружал желтую плоскость восточной

стороны, что свело на нет картину раскрытой пасти. Два желтых пятна на полосах уменьшались, медленно исчезая из поля зрения. Планета производила впечатление фиолетовой мишени с большим желтым пятном в центре. Тем временем покрытая сеткой трещин Луна, которая имела теперь явную форму ромба, уже дошла почти до западного края Странника, заканчивая свой второй круг.

— Мне не кажется, что цвета являются естественной особенностью Странника. Я считаю, что это.. нечто вроде декорации, — заметила Рама Джоан и на мгновение замолчала. — Если существа на Страннике могли сделать так, чтобы их планета прошла через подпространство, они наверняка могут украсить ее так, чтобы она была, по их мнению, привлекательной и оригинальной. Пещерные люди не разрисовывали свои дома снаружи, а мы делаем это...

— Такое предположение мне нравится, — оборвал ее Брехт и даже чмокнул губами. — Двухцветная планета! Пускай нам завидуют соседи из ближайшей галактики!

Войтович и Гарри Макхит неуверенно рассмеялись.

«Постепенно они начинают ценить красоту Испана», — думал Дылда.

— Если бы мы дошли до такого уровня цивилизации, — произнес Хантер низким, ломающимся от напряжения голосом, — не имело бы смысла использовать для такого передвижения естественные планеты. Мы проектировали бы их и строили такие, какие лучше всего подходили бы для такого способа передвижения.

Он некоторое время помолчал, а потом добавил: — О боже! Это ведь чистой воды безумие...

— Нет! — возразил Брехт. — Гораздо проще воспользоваться уже готовой планетой. Заполнить ее внутренности складами, спальнями, генераторами и черт знает чем! Конечно, для этой цели нужна была бы дьявольски совершенная технология... разные там подъемные механизмы...

— Только в том случае, если они не открыли принцип антигравитации, — вмешалась Рама Джоан...

— О боже, — вздохнул Войтович.

— Ты очень умная, мамочка, — сонным голосом произнесла Анна.

— Если бы исчезла гравитация вращающейся планеты, — заметил Хантер, — ее нужно было бы довольно солидно сконструировать. В противном случае центробежные силы разорвали бы ее на части.

— Ты ошибаешься, — заявил Брехт, — масса и ускорение перестали бы существовать.

Пол откашлялся. Он сидел рядом с Марго. Сняв спортивную куртку, он прикрыл ею девушку. Сейчас он охотно обнял бы ее, хотя бы только для того, чтобы самому немного согреться. Но на такой шаг было очень трудно решиться.

— Если у них действительно существует настолько развитая цивилизация, они, пожалуй, должны стремиться не принести вреда и не

мешать ходу жизни на других обитаемых планетах, к которым они пожаловали в гости. Не так ли? — поинтересовался Пол, после чего неуверенно добавил: — Я говорю это, словно существует какая-то благородная галактическая федерация, или как ее можно еще назвать?

— Космическая ООН, — язвительно заметил Брехт.

— Да, молодой человек, вы совершенно правы, — решительно сказала Ванда, а худая женщина, сжав губы, утвердительно кивнула головой. — Наша основная обязанность — это забота и внимательное отношение к любым формам жизни.

— А фирма «Дженерал моторс» тоже считает это своей основной обязанностью? — поинтересовался Хантер. — И генерал Мао?

Рама Джоан насмешливо улыбнулась и обратилась к Полу:

— Когда ты едешь в автомобиле, то принимаешь средства предосторожности, чтобы не переехать кота или собаку? — спросила она. — Каждый ли муравейник обозначен в твоём саду?

— Ты продолжаешь считать, что там дьяволы, да? — подал голос Брехт.

Рама Джоан пожала плечами.

— Дьяволом может быть каждый, кто упрямо стремится к своей цели, которая входит в противоречие с тем, к чему стремимся мы!

— Значит, езда на автомобиле означает зло?

— Может быть. Необходимо помнить, что в мире полно водителей, которые своей рискованной ездой стараются выразить свою личность.

— Даже если такой машиной является планета? — спросил Пол.

Рама Джоан утвердительно кивнула.

— Гм... лично я предпочитаю выражать свою личность обнаженным телом, — заявил Брехт и плутовски улыбнулся.

Марго, обнимая Мяу, спавшую у нее на коленях, резко вмешалась:

— Когда я веду машину, то вижу любого кота, пусть он находится от меня за три квартала! Кот — это тоже человек! Поэтому без Мяу я ни за что не вошла бы в Вандерберг, даже если бы к нам отнеслись более внимательно.

— Но всегда ли человек является человеком? — с улыбкой спросил Хантер.

— Вот в этом я не уверена, — вынуждена была признать Марго, морща нос.

Ванда снова фыркнула.

— Я надеюсь, — невинно вмешалась Рама Джоан, — что, когда дела приобретут... ну, скажем, худший оборот, ты не будешь жалеть, что отвергла предложение майора и осталась с нами. Ты вполне могла воспользоваться предоставившейся возможностью.

Неожиданно вскочил Войтович.

— Смотрите! — крикнул он и указал на огоньки фар, мерцающие на пляже. Они услышали все более громкое рычание двигателя.

— Должно быть, майор Хамфрейс изменил свою точку зрения и посылает кого-то к вам, Пол, — заявил Хантер.

— Нет, машина подъезжает с противоположной стороны, — покачал головой Брехт.

— Да, кто-то едет сюда со стороны шоссе. Наверное, объехал пляж, — добавил Войтович.

Свет фар описал дугу, на мгновение погас, затем снова загорелся. Ослепленные фарами, люди не могли рассмотреть машину, хотя уже светало.

— Кто бы это ни был, он обязательно вскоре должен будет забуксовать в таком песке, — предположила Марго.

— Если будет ехать с такой скоростью, то не застрянет, — сказал Войтович.

Автомобиль ехал прямо на них, словно водитель хотел разбить машину о террасу. Однако метрах в пятидесяти от домика двигатель перестал работать. Машина остановилась. Свет фар погас.

— Это фургончик Хиксонов! — крикнул Кларенс Додд.

— А вот и сама миссис Хиксон, — кивнул Брехт, видя, как неясная фигура в брюках и свитере выскакивает из машины и бежит в их сторону.

Войтович, Хантер и Макхит поднялись и направились ей навстречу.

— Помогите Биллу. Рей, кажется, сломал ногу, — произнесла миссис Хиксон, пробегающая мимо них, и поспешила к террасе.

Еще несколько часов тому назад это была ухоженная, элегантная женщина. Теперь лицо и руки у нее были испачканы, брюки и свитер вымазаны грязью, волосы свалялись, глаза неестественно широко открыты, с подбородка капала кровь. Когда она остановилась, то стало видно, что она дрожит.

— Шоссе заблокировано с двух сторон, — заявила она, судорожно хватая воздух, — мы потеряли остальных. Вполне возможно, что они погибли. Похоже, что рушится весь мир. — О боже! У вас есть что-нибудь выпить?

— Ну, вот ты и накаркал, — обратился Брехт к Хантеру. Он достал бутылку виски, в пустую чашку кофе налил приличную порцию и потянулся за водой, чтобы развести виски. Однако сделать это он не успел, так как миссис Хиксон, все еще дрожа, схватила чашку и почти одним махом опорожнила ее, через мгновение содрогнувшись от неприятного вкуса. Брехт крепко обнял ее.

— А теперь прошу нас подробно все рассказать, — сказал он. — С самого начала.

— Мы откопали три машины — Ривиса, нашу и микроавтобус Венгчеров. В фургоне с нами ехал еще Рей. Когда мы добрались до шоссе, оказалось, что оно совершенно пустое. Это должно было предостеречь нас, но мы тогда только обрадовались. Боже! Ривис повернул на север. Мы поехали в направлении Лос-Анджелеса вслед за микроавтобусом.

Несмотря на помехи, мы все же поймали две станции. Но были слышны только отдельные слова. Что-то о большом землетрясении в Лос-Анджелесе и какие-то советы: выключить свет, закрыть воду, и тому подобное. Мы непрестанно объезжали осыпи и валуны. На дороге не было ни одной машины.

Микроавтобус ехал далеко впереди нас. Вдоль шоссе, по которому мы ехали, пляжа не было — только обрыв и море.

Неожиданно асфальт пошел волнами, — продолжала миссис Хиксон, зябко передернув плечами, — прямо так, без всякого предупреждения. Автомобиль начал качаться, словно корабль на волнах океана. Дверца открылась, и Рей выпал. Я ухватилась за Билла, который сидел за рулем весь белый, отчаянно нажимая ногой на педаль тормоза. Скалы начали ползти вниз. Огромный валун свалился прямо перед нами и увлек с собой под обрыв добрых три метра шоссе. Я помню, что прикусила язык. Биллу как-то удалось остановить машину. И тут все стало еще хуже. Если раньше в воздухе было полно пыли, то сейчас на нас хлынули массы воды — огромные валуны падали в море, и нас окатывали брызги. Во рту чувствовалась пыль, соль и кровь. Создавалось такое впечатление, что у нас вытаскивают из черепа мозги.

Через мгновение все затихло. Шоссе перестало колебаться. Все было завалено, обломки достигали бампера нашей машины. Не знаю, удалось бы нам взобраться на осыпь и перебраться на другую сторону в другой ситуации, но мы непременно хотели узнать, что случилось с микроавтобусом. Засыпало его или он успел благополучно уехать. И тогда земля снова начала трястись. Падающий валун чуть не попал в меня. Следующий с грохотом прокатился в стороне, в нескольких метрах. Билл крикнул, чтобы я вернулась в машину, сам же пешком направился через насыпь, показывая, как я должна сдавать назад автомобиль, чтобы объезжать валяющиеся на дороге камни, куски скал и массы земли и песка. Он с трудом мог давать мне советы, непрерывно кашлял и проклинал новую планету.

Кто-то другой тоже изрыгал проклятия... но уже в наш адрес. Это был Рей. Мы совершенно забыли о нем. Нога у него была сломана выше колена, и нам пришлось уложить его на брезент, для того чтобы перенести в машину. Я села рядом с ним. Билл завел мотор, и мы отправились назад.

Осыпей на дороге было уже гораздо больше, но нам, слава богу, удалось все же проехать. Шоссе продолжало быть пустынным. Ни одной встречной машины! Возле первой же телефонной будки Билл остановился, но телефон не работал. По радио были только атмосферные помехи. Внезапно сквозь адский треск раздалось одно-единственное слово — ПОЖАР!

Рей и я продолжали кричать Биллу, чтобы он ехал быстрее.

Мы проехали мимо дороги, ведущей сюда, но сотней метров далее шоссе снова оказалось завалено скалами. Не было видно ни единой

живой души, ни одного огня, кроме этого ужаса на небе. Мы вернулись. У нас не было другого выхода.

Она тяжело дышала.

— В каком состоянии дорога через горы Санта-Моника? — спросил Брехт. — Я имею в виду автостраду, — добавил он.

— Дорога? — миссис Хиксон посмотрела на него с недоверием. Через мгновение она уже истерически смеялась. — Идиот, кретин, эти горы кипели, словно жаркое на плите!

Брехт встал и закрыл ей рот рукой. Некоторое время она пыталась вырваться, потом голова ее бессильно упала. Ванда и худая женщина повели миссис Хиксон на другой конец террасы. Рама Джоан пошла за ними, но прежде попросила Марго, чтобы она села на ее место, для того чтобы Анна, которая тихо как мышка присматривалась ко всему, могла положить ей голову на колени.

Пол обратился к Брехту:

— Я думаю, почему другие автомобили не застряли на этом отрезке? Даже странно.

— Наверное, они быстро убрались оттуда при первых небольших толчках, — ответил Брехт. — Толчки могли вынудить всех водителей повернуть назад. Но, несмотря на это, некоторые все же должны были решиться продвигаться вперед.

— Эй, принесите сюда кровати! — крикнул Хантер. — Мы вынесем Рея из машины, а потом поедем к завалу.

Араб, Пепе и Большой, запыхавшиеся и дрожащие после безумного бега мимо мрачного здания могилы генерала Гранта, с облегчением вздохнули, когда заметили, что они находятся поблизости от негритянско-латиноамериканского района, и, шатаясь от усталости, медленно направились по Сто двадцать пятой авеню на восток.

Тротуары, забитые народом еще два часа назад, теперь были пустыми. Только разбросанные, помятые пластиковые стаканчики, бумажные сумки, пустые бутылки от тонизирующих напитков и спиртного свидетельствовали о недавнем присутствии здесь толпы. Автомобильного движения не было, все машины стояли припаркованные у обочины, двигатели двух из них еще работали, а из выхлопных труб валили клубы голубоватого дыма.

Посмотрев на восток, трое собратьев-наркоманов прищурили глаза от солнечного света, но, как они уже поняли, длинная улица, ведущая к сердцу Гарлема, была совершенно безлюдной.

Сначала кроме топота их ног и глухого ворчания работающих двигателей двух автомашин были слышны только замогильные звуки, издаваемые невидимыми радиоприемниками. Судя по тону, это были неслышанно важные известия, но из-за треска и помех слова были неразборчивы, тем более что их заглушало далекое тревожное завывание сирен и клаксонов.

— Куда все подевались? — шепотом спросил Большой.

— Это ядерная атака! — заявил Пепе. — Русские пошли ва-банк! Поэтому все попрятались в подвалах и бомбоубежищах! Идем домой! — А потом голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: — Огненный шар выходит из воды!

— Нет, — тихо возразил Араб. — Когда мы были возле реки, настал судный день. Старый проповедник оказался прав. Всех похитили — бедняги даже не успели выключить двигатели своих машин, не говоря уже о радиоприемниках. Остались только мы.

Они взялись за руки и на кончиках пальцев, чтобы производить как можно меньше шума, направились дальше, вверх по улице, очень испуганные.

Салли и Джейк бесшумно вышли из маленького алюминиевого лифта, в котором они проехали последние три этажа. Они стояли в полумраке, а падающие через окно лучи Странника освещали огромное пианино. Их ноги погрузились в толстый ковер.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвала Салли.

Дверь лифта с легким шипением начала закрываться, но девушка придержала ее, вставив в проем край маленького столика с серебряной крышкой.

— Что ты делаешь? — удивился Джейк.

— Не знаю, — ответила она. — Мы услышим звонок, если кто-то другой захочет войти сюда.

— Подожди минутку. Ты уверена, что Хассельтайна нет?

Салли пожала плечами.

— Я осмотрюсь, а ты пока узнай, что есть в холодильнике. Только держи лапы подальше от серебряных вилок. У тебя, наверное, кишки уже марш играют?

Словно мышь, которая привела свою подругу на пир, девушка повела парня на кухню.

В маленькой пивной в Северне, около Портшеда, в которую после двухчасового сна направился Дэй Дэвис, чтобы отработать задолженность в питье (потому что он не пил целое утро), он со злорадной радостью слушал приходящие по радио отчеты о Страннике. Время от времени он цветисто комментировал их, добавляя собственные наблюдения, чтобы развеселить собутыльников, которые, однако, не оценили его усилия.

— Фиолетовая с оттенком придымленного янтаря? — кричал он весь голос. — Это большая американская реклама, написанная рукой звезд. Да, парни, реклама виноградного сока и безалкогольного пива.

Через некоторое время он добавил:

— Это святой супервоздушный шар, мои милые, присланный русскими. Он взорвется над Чикаго, потому что там царит беззаконие, и

засыплет само сердце Америки листовками с наисвятейшим «Манифестом Маркса»!

Известия с другой стороны Атлантики приходили телеграфным путем, как заявил иронический голос по радио, поскольку необычно сильные магнитные бури на западе вызвали помехи в приеме радиопередач.

Дэй очень жалел, что Ричард Хиллери уехал — эти высокие бредни довели бы до бешенства такого человека, как он, человека, который не терпит космических полетов и научно-фантастической литературы. Кроме того, Хиллери лучше бы понял изысканную остроту уэльского поэта, нежели мрачные жители Соммерсета...

Однако когда он выпил два бокала, то услышал в докладах упоминание о потрескавшейся луне — диктор говорил все более ироничным тоном, но теперь в его голосе слышались нервные нотки, почти истерика, — и у него пропало хорошее настроение. Он прекратил упражняться в остроумии и гневно крикнул:

— Можно подумать, что эти прохвосты-американцы хотят украсть у нас Луну! Похоже, что они не знают, что она уже давно принадлежит Уэльсу! Если они только сделают ей что-нибудь плохое, мы поплывем к ним и сотрем в порошок этот их Манхэттен!

Отозвалось несколько голосов:

— Заткнись, пьянчуга, мы хотим послушать!

— К черту этого уэльского болтуна!

— Да это же большевик!

— Не наливай ему, он уже пьян!

Эти последние слова были адресованы владельцу пивной.

— Трусy! — во весь голос закричал Дэй. Он схватил со стола кружку и начал размахивать ею, словно кастетом. — Если вы не присоединитесь ко мне, то я вас всех оболью!

Дверь открылась, и на фоне легкого тумана появилась кошмарная фигура, напоминающая пугало, одетая в комбинезон и непромокаемую шляпу с широкими полями.

— Передают по телевидению или по радио что-нибудь о приливах? — поинтересовался этот упырь. — Еще два часа до отлива, а вода в Канале уже быстро опускается. Я не видел ничего подобного даже во время равноденствия, когда дует восточный ветер. Можете убедиться сами! Если так пойдет дальше, то в полдень весь Канал будет сухим!

— Вот и прекрасно! — крикнул Дэй и, в то время как другие направились к двери, позволил, чтобы хозяин отобрал у него кружку. Он оперся о стойку бара и закричал во весь голос:

— Вы трусы! Я оставляю вас и отправляюсь пешком до Уэльса. Все восемь километров я пройду пешком по руслу Северна. Видит бог, я сделаю это!

— Мы поставим тебе крестик на дорогу, — пробормотал кто-то, а какой-то остряк добавил:

— Если ты хочешь добраться до Уэллса, иди немного на восток, держись берега реки Северн. Но тебе придется преодолеть отнюдь не восемь километров, а все восемнадцать! Прямо перед нами Монмут, парень, а не Уэлльс.

— Для меня Монмут — это Уэлльс, и пусть черти возьмут этот проклятый Договор 1535 года, — заорал Дэй, опираясь на буфет. — Отправьтесь плялиться на этот чудный отлив. Я говорю, что американцы сначала уничтожили Луну, а теперь, очевидно, крадут у нас океан.

— Джимми, соединишь с ретранслирующей станцией, — рявкнул генерал Стивенс. — Скажи им, что изображение, идущее со спутника над островом Пасхи, начинает идти волнами.

Четверка наблюдателей в подземном командном пункте сидела перед правым экраном, не обращая внимания на второй монитор, на котором уже более часа видны были только вибрирующие полосы помех.

Изображение, передаваемое правым монитором, представляло диск Странника и заходящую за него Луну. Однако теперь и на этом экране начали возникать помехи.

— Я стараюсь, сэр! Но ничего нельзя сделать. Связи нет, — сказал капитан Джеймс Кидлей. — Радиосвязь нарушена. Остались, правда, кабельные реле и волноводы, но даже эти...

— Но ведь мы — ставка!!!

— Мне очень жаль, сэр, но...

— Немедленно соедините меня со Штабом!

— Господин генерал, связи нет...

В эту минуту пол задрожал, раздался громкий треск. Свет замигал, погас и снова зажегся. Помещение задрожало. Посыпалась штукатурка. Снова погас свет, и только правый экран бледно светился.

Неожиданно звездочки помех исчезли с монитора, и весь экран заняло изображение огромной кошачьей головы с торчащими ушами и оскаленными клыками. Это выглядело так, словно черный тигр заглянул в телескоп, помещенный в беспилотном спутнике, подвешенном в 36 800 километрах над Тихим океаном. Некоторое время изображение оставалось неизменным. Потом оно пошло волнами, и экран погас.

— Боже! Что это было? — воскликнул в темноте генерал.

— Ты тоже видел? — полковник Уолмингфорд нервно рассмеялся.

— Заткнись, идиотка! — завопил генерал. — Джимми!

— Это случайное расположение помех, сэр... — голос молодого мужчины дрогнул. — Пятна, сэр. Иного просто не может быть!

— Тихо! — приказал всей тройке полковник Грисволд. — Послушайте!

До их слуха явственно донесся шум плещущейся воды.

На «Принце Чарльзе» радиопомехи в эфире заставили волноваться всех.

Как повстанцы, которые овладели трансатлантическим лайнером, так и члены старой команды безуспешно пытались передать при помощи коротковолнового передатчика известие о захвате судна, первые — своим революционным вождям, вторые — британскому военному флоту.

А в пяти тысячах километрах к северу от них Вольф Лонер раздумывал о том, как хорошо, что у него нет ни газет, ни радио, и сожалел, что вскоре его яхта доплывет до Бостона.

Магнитное поле Странника, значительно более сильное, чем земное, вносило помехи в функционирование чутких к его наличию радиоустройств. Однако кроме мощного магнитного поля Странник направил на ту сторону Земли, которая была обращена к нему, странный луч, который, прорвавшись через пояс Ван Аллена, наполнил атмосферу Земли огромным количеством протонов и электронов.

Мощное непосредственное воздействие усилилось еще больше, когда Луна вошла на орбиту вокруг Странника и начала распадаться, что вызвало сильную ионизацию атмосферы и другие менее заметные последствия, наиболее ощутимым из которых оказалась невозможность электромагнитной связи в стратосфере и в низких слоях земной атмосферы.

Когда первая ночь Странника передвинулась в западном направлении, а вернее, тогда, когда Земля сама двинулась в нее, вращаясь в восточном направлении, радиопомехи охватили весь мир, словно катастрофический туман, который отрезал страну от страны, город от города, человека от человека.

Глава 17

В то время как поспешно собранная санитарная бригада, состоящая из Брехта, Рамы Джоан и Дылды, готовилась помочь Рею Ханксу, Додд собирал мужчин, чтобы отправиться к засыпанным автомобилям. Четверо из них подтолкнули фургончик, и машина без особого труда двинулась по песку, но как только они попытались усесться в нее, машина опять забуксовала. В конце концов Хиксон, Додд и Макхит сели в машину и поехали, а Пол, Хантер и Войтович пошли пешком.

Когда они были на полпути к цели, им навстречу уже бежал обратно Макхит, неся шины и бинты из аптечки машины Брехта.

— Не спеши так, малыш! — крикнул ему вслед Войтович. — Это же не Олимпиада!

Парень, не оборачиваясь, помчался дальше.

Когда после короткого марша они пришли на место, то помогли Додду и Хиксону выгрузить разные предметы из незасыпанного багажника «комби» Додда и загрузить их в фургончик. Они нашли там массу нужных вещей: коробки с едой и имбирным пивом, одеяла, две кожаные

куртки, маленькую палатку, брикеты древесного угля, керосин, примус и даже подозрную трубу с семикратным увеличением. Хантер тут же направил ее на Странника, стекла только удлинiali фиолетовые и желтые полосы, однако он с ужасом отметил, что черточки на Луне, сплюснутый на полюсах, расширяются прямо на глазах.

Из автомобиля Додда они достали два мачете (Пол тихо рассмеялся при мысли о романтизме ситуации), два старых военных карабина и патроны, более того — три двадцатилитровых канистры и кусок резинового шланга, при помощи которого они перелили бензин из баков засыпанных автомобилей в бак фургончика и до краев наполнили канистры.

Войтович взял карабин, сделал «на плечо» и крикнул:

— О боже! Я словно снова в армии! Вперед, марш!!! Я иногда люблю подучаться, — искренне признался он Полу.

Тяжело груженный фургончик два раза застревал в песке, но все же успешно доехал до пляжного домика. Хиксон даже лихо развернулся и элегантно подъехал к домику, так, чтобы задний борт машины можно было опустить прямо на террасу.

Брехт присмотрелся к сокровищам и прокомментировал:

— Я вижу, Додд, что у нас здесь есть все, что необходимо человеку на первый случай. Не хватает разве что спиртного... и воды, — добавил он через мгновение. Читая надпись на банке с имбирным пивом, он неодобрительно покачал головой.

— Зато есть большие запасы барбитуратов и бензедрина, — ответил Додд.

— Это не одно и то же, — вздохнул Брехт. — Не нравится мне это свинство. Вот если бы у тебя был, например, мескалин, пейтоль, или, на худой конец, несколько самокруток с марихуаной...

Ванда с возмущением посмотрела на него, Макхит нервно рассмеялся, Войтович подмигнул Брехту и серьезно сказал:

— Он шутит, Гарри.

Брехт широко улыбнулся и обратился к худой женщине:

— Налейте нам еще кофе, Ида. Хиксоны наверняка очень проголодались, да и мы, думаю, охотно согласились бы выпить стаканчик кофе и съесть бутерброд. Додд привез много кофе, так что его можно уже не экономить. А кроме того, термос нам необходим для хранения воды. Она находится в резервуаре за домом, я проверил, она годится для питья. Некоторые из вас думают, что я пью только спиртное, но я должен заметить, что время от времени мне все же необходима вода.

Предложение выпить кофе было принято единогласно. Все так устали, что с удовольствием перешли с песка на террасу. Посредине они поставили складную кровать, на которой лежал Рей Ханкс. Его забинтованная нога выглядела сейчас словно муляж из мастерской скульптора. Раненый получил в виде лекарства остатки виски Брехта и теперь относительно спокойно переносил боль. Дылда положил ему руки на

бедр, так как Рей утверждал, что эти прикосновения обладают целительной силой.

Ида сначала подала кофе Хиксонам, которые сидели, обнявшись. Они посмотрели друг на друга и серьезно чокнулись кружками. Всех охватило торжественное настроение. Они начали сосредоточенно потягивать кофе. Как и предвидел Хантер, каждый из собравшихся здесь по-своему относился к этой террасе, словно она была его домом, и боялся той минуты, когда его необходимо будет покинуть. Здесь, на пляже, не было гор, которые могли обрушиться, домов, которые могли рухнуть или сгореть, газовых трубопроводов, которые могли лопнуть и взорваться желтым пламенем, проводов, которые могли оборваться и засыпать землю ослепительным снопом искр. Правда, пляжный домик, а вместе с ним и сама терраса немного перекошился, потому что землетрясение повредило одну его стену, но на это сейчас никто не обращал внимания.

Здесь не было ни чужих, которые говорили бы им, что они должны делать, ни раненых, которые просили бы о помощи. Помехи в эфире не позволяли слушать последние известия о катастрофе, заглушали приказы и запрещения, многочисленные указания полиции, Красного Креста и гражданской обороны. Так что лучше всего было бы остаться здесь и просто сидеть, наблюдая за Странником, который все ниже опускался над Тихим океаном. Диск этой неизвестной планеты теперь представлял собой фиолетовую голову атакующего быка — желтая середина почти совсем исчезла, а снизу появилась большая желтая плоскость. Случайно, а может быть, даже преднамеренно, две маленькие овальные точки создавали глаза быка. Додд отставил чашку и начал рисовать.

— Эло торо! — прокомментировала Марго.

— Голова осьминога! — возразила Рама Джоан. — Жители Крита именно таким образом рисовали ее на вазах.

— Однако через три-четыре часа мы должны будем уехать отсюда, — неожиданно сказал Брехт, словно прочел по глазам собравшихся непроизнесенную вслух мечту — навсегда остаться здесь, на пляже.

— Прилив! — пояснил он.

Хантер предупреждающе посмотрел на него, и Брехт поспешно добавил:

— Я прошу не понимать меня превратно. В этот момент нам ничего не грозит. Даже наоборот. Время между отливом и приливом составляет здесь около десяти часов, а это значит, что отлив начнется примерно через четыре часа, после того как Луна дойдет до зенита. Другими словами, через час будет максимальный отлив. Видите, как далеко отошла вода? Так что у нас есть много времени для отдыха, которым, по крайней мере, я собираюсь воспользоваться.

— Не понимаю, Рудольф, что за прилив? — спросил Войтович.

Хантер нахмурился и покачал головой.

— Росс! — продолжал Брехт. — Именно теперь, когда нам ничего не грозит, нужно посмотреть правде в глаза. — А потом, обращаясь к Войтовичу, сказал: — Ты знаешь, что Луна, вернее, масса Луны, вызывает приливы? Хорошо. Теперь у нас там еще и Странник. Он находится на той же высоте, что и Луна, так что можно допустить, что ритм приливов будет похожим.

— Вот это хорошо, — рассмеялся Войтович. — А то на мгновение мне стало страшно.

Остальные смотрели на Брехта — им было не до смеха. Брехт вздохнул и продолжал:

— Однако, судя по способу, которым Странник притянул Луну, можно допустить, что у него такая же масса, что и у Земли, другими словами — в восемьдесят раз большая, чем масса Луны.

Воцарилась тишина. Слово «восемьдесят» повисло в воздухе, словно серый валун, который с каждой минутой становился больше и тяжелее. Только на Дылду и сопровождающих его женщин это не произвело никакого впечатления. Хантер с беспокойством наблюдал за реакцией остальных. Рама Джоан, чьи колени снова служили подушкой спящей дочери, неожиданно лучезарно улыбнулась Брехту. Миссис Хиксон подняла руку, словно хотела возразить, но муж снова обнял ее и серьезно кивнул Брехту. Пол последовал его примеру и наконец-то позволил себе обнять Марго. Додд спрятал блокнот в карман и сложил руки на груди.

Брехт стоял, задумавшись, и с грустью улыбался им.

Гарри Маххит наконец облек в слова немой вопрос, занимавший всех.

— Это значит, что прилив произойдет в то же самое время и таким же образом, как и раньше, только будет в восемьдесят раз сильнее?

— Я с этим не согласен! — горячо выкрикнул Хантер. — Рудольф, ты не принимаешь во внимание фактор времени. Мы в любом случае можем рассчитывать на один спокойный день. Кроме того, приливы — это резонансное явление. Нужно время, чтобы океанические волны приливов начали колебаться с большей амплитудой.

— Может быть, и так, — ответил Рудольф. — Однако, — он говорил все более решительным тоном, — эта планета находится над нами, и наши рассуждения никак не могут изменить ее массу. Вы ведь видите, что она сделала с Луной! Займет ли это семь часов, или неделю, так или иначе, но огромный прилив наступит, а когда это произойдет, я буду себя чувствовать в безопасности только на вершине какой-нибудь горы Санта-Моники, — объяснил он Хиксонам. — Однако я считаю, что человек, которого ждут немалые усилия, — тут он повысил голос, пытаясь таким образом препятствовать появлению комментариев со стороны возбужденных людей, — должен восстановить свои силы... так, как это сделаю я через несколько секунд. Если кто-то хочет терять энергию на пустую болтовню — пожалуйста, мне это не мешает.

Он вытянулся на четырех креслах, прикрыл рукой глаза и вскоре громко, почти театрально, захрапел.

Во второй раз пролетая за Странником, Дон Мерриам неожиданно осознал, что само присутствие в космосе этой странной планеты может угрожать Земле. Ведь могут произойти землетрясения, вероятны также огромные океанические приливы, хотя он не был уверен в том, как быстро это может произойти, а также... нет, ему показалось невозможным, чтобы с такого расстояния Странник мог расколоть на части Землю. Однако, несмотря на это, Дон на мгновение пожалел, что не может посмотреть на Землю через бинокль и убедиться в том, что ей ничего не грозит.

Он решил, что должен чем-то помочь, или, по крайней мере, постараться предупредить Землю об опасности, несмотря на то, каким безнадёжным кажется это занятие. Включив радиопередатчик, он начал кричать в микрофон позывные основной базы Лунного Проекта. Один раз ему показалось, что донесся ответ, но уже через мгновение он не был уверен в этом.

На ум постоянно приходила страшная мысль — а не подслушивает ли его какое-нибудь существо на крапленном зелёно полушарии этой странной планеты?

Если на пляже под Лос-Анджелесом ещё царила ночь, то на Манхэттене, где находились Араб Джонс и два его собрата-наркомана, солнце уже светило высоко в небе — линия дня и ночи передвигалась на запад в своем обычном темпе — тысяча сто двадцать километров в час — и теперь проходила через Скалистые Горы. Таким образом, над плоскогорьем Асы Голкомба занимался рассвет.

Вблизи площади Рузвельта Араб указал на крыши и закричал:
— Они там!

Большой и Пепе посмотрели вверх. На низких крышах стояли толпы людей, что отчасти объясняло загадку, почему на Сто двадцать пятой улице было так пусто. Несколько человек смотрели с крыш вниз, некоторые горячо размахивали руками и что-то кричали.

Однако нельзя было услышать ни слова, поскольку их заглушал звук работающего мотора брошенного такси, которое стояло так близко, что Большой оперся об его раскрытую дверцу, чтобы удержать равновесие.

— Безумцы. Они думают, что на крыше бомба их не достанет, — рассмеялся Пепе, задирая голову. — Неужели они до сих пор не знают, что бомбы падают сверху, а не снизу?

— Ты в этом уверен? — поинтересовался Большой. — А этот огненный шар, выскакивающий из реки?

— Они ждут чудесный огненный шар! — громко крикнул Араб, вытянутой рукой указывая на крыши. — Это уже трупы, а не люди! Музей восковых фигур на крышах! Весь Нью-Йорк!

Когда он заговорил о восковых фигурах, то почувствовал какое-то странное беспокойство. Он перестал притворяться, что боится, потому что неожиданно его охватил настоящий страх, а мысль, что в пятнадцати метрах над головой эти темные живые восковые мумии наблюдают за ним, что-то передают ему и зовут к себе, становилась все невыносимее.

— Бежим! — крикнул Большой. Он влез в такси на место водителя. — Я убираюсь отсюда!

Араб и Пепе сели сзади. Такси резко тронулось с места, дверь захлопнулась сама, а рывок вжал людей в холодную кожаную обшивку сиденья. Большой направлялся на запад и, набирая скорость, объезжал брошенные на дороге автомашины.

Переполох, который охватил подразделения нью-йоркской полиции и пожарников, мешая приготовлениям, которые они быстро и исправно предприняли перед лицом катастрофы, был вызван несколькими причинами: преувеличенными донесениями о наводнении в Хелл Гейт и об уничтожении медицинского центра на Бродвее землетрясением, беспонтовыми указаниями, посылаемыми из подземного центра новой системы координации между отделами, из-за компьютера, в котором вода вызвала короткое замыкание, и фальшивым донесением о беспорядках у спортивного центра.

Но нервы тоже сыграли здесь свою не последнюю роль — панический страх в соединении с бравурным желанием совершить героические деяния. словно это именно к Страннику относились извечные суеверия о Луне, а именно, что ее лучи доводят людей до безумия. На всем западном полушарии — в Буэнос-Айресе и в Бостоне, в Вальпараисо и в Ванкувере — случались странные бессмысленные выходы.

В трех кварталах к западу от Леннокса Большой Бенди отжал газ до отказа, когда они слышали завывания сирен. Сначала наркоманы не могли понять, откуда идет завывание, они знали, что оно приближается, потому что с каждой минутой становилось все громче.

Когда такси проезжало по Восьмой улице, хриплый вой усилился, и в нескольких десятках метров перед собой три приятеля увидели мчащиеся в их сторону две полицейские машины, а за ними еще две с мигающими красными огоньками на крыше.

Большой прибавил газа. Сирена должна была бы затихнуть на несколько секунд, когда здания отделили такси от представителей закона. Но она не утихла. Наоборот, вой стал еще громче.

Посреди следующего перекрестка стояла брошенная кем-то ветхая машина. Большой намеревался объехать ее справа. С юга, с Седьмой авеню, выскочило два лимузина — полицейская машина и автомобиль коменданта пожарной службы. Первый направился в левую сторону от развалины, второй — в правую. Большой выжал газ до упора и, не

сворачивая с определенной им самой трассы, пересек Седьмую авеню за лимузинами, прямо перед капотом огромной пожарной машины, которая мчалась за ними. Пепе увидел огромный красный капот и перепуганное лицо водителя так близко, что сам в испуге закрыл глаза.

Прежде чем такси доехало до следующего перекрестка, на Ленноксе показались новые красные и черные автомобили, мчащиеся на север. Безумный вой сирен доводил до умопомрачения.

Если бы три собрата-наркомана не были так ошеломлены марихуаной, то они наверняка осознали бы, что вереница пожарных и полицейских машин, мчащихся в переполохе, не имеет с ними ничего общего и что автомобили вовсе не собираются останавливаться на Сто двадцать пятой авеню, а мчатся дальше, на север Манхэттена.

Но Пепе, Араб и Большой были одурманены наркотиками, поэтому их охватил ужас, что это их преследует и полиция, и пожарники. Пепе боялся, что полиция сделает их козлами отпущения и обвинит в том, что они подложили бомбу с целью уничтожения Манхэттена — они обязательно обыщут их, и если даже не найдут взрывчатки, то осудят их за обладание обычной газовой зажигалкой.

Араб думал, что полиция просто узнала — наверняка при помощи телепатии, — что они курили марихуану. Он нажал на тормоз и остановил машину перед Ленноксом. Они вышли.

Темный вход в метро искушал, словно пещера или нора, манила безопасность, которую ищут все испуганные создания. Вход загораживал белый деревянный барьер, который они обошли и быстро сбежали по ступенькам. Будка билетера была пуста. Они перелезли через вертушку. В подземелье стоял освещенный поезд с открытыми дверями, в вагонах никого не было. На станции горел свет, но ни на этом перроне, ни на следующем не было ни единой живой души. Поезд тихо сопел и, когда сирены отдалились, этот звук остался единственным в тишине пустой станции.

Глава 18

Никто, кроме Рамы Джоан, не последовал примеру Брехта, который, желая подать пример другим, громко храпел, но даже он через полчаса поднял голову: его заинтересовала дискуссия Пола и Хантера о том, какую трассу в результате взаимного воздействия выберут в космосе Земля и Странник.

— Я уже себе это просчитал, приблизительно, конечно, — вмешался в разговор Брехт. — Принимая за основу, что у них идентичная масса, они будут вращаться вокруг точки, лежащей между ними. Таким образом, месяц будет длиться около девятнадцати дней.

— Я считаю, что он будет значительно короче, — возразил Пол. — Ведь невооруженным глазом видно, что Странник двигается очень быстро.

Он указал на странную планету, бросающую сиреневый и светлоранжевый свет на собравшихся людей. Теперь эта планета, склонившись набок, двигалась в сторону океана, а тупой желтый нос Луны начал заслонять ее нижний край.

Брехт рассмеялся.

— Это Земля вращается, благодаря чему у нас есть восход Солнца, — сказал он, а когда Пол скривился, злясь на себя за такую несообразительность, тут же добавил:

— Понятная ошибка, Пол. Мой разум, унаследованный так же, как и копчик, от пещерных предков, совершает такую же ошибку! Росс, посмотри, как далеко отступило море! Я боюсь, что прилив произойдет раньше, чем мы ожидаем.

Пытаясь не прервать нить беседы, Пол одновременно старался вообразить себе приливы, которые больше обычных в восемьдесят раз, а за ними следуют отливы, которые тоже должны быть в восемьдесят раз больше, и все это происходит через каждые шесть часов.

— Кроме того, — продолжал Брехт, — через каких-то десять дней мы выйдем на девятнадцатидневную орбиту, потому что земное ускорение идет со скоростью тринадцать сотых сантиметра в секунду. Кумуляционное ускорение Луны, также по отношению к Страннику, теперь составляет метр двадцать в секунду.

Холодный ветер с суши овеял Пола, так что он поднял воротник спортивной куртки, которую вернула ему Марго, когда Кларенс Додд дал ей одну из привезенных кожаных курток. Девушка, которой, несмотря на это, тоже было холодно, прижимала к себе под курткой теплое тельце кошки и внимательно рассматривала обнажившееся дно океана.

— Посмотри, как блестит мокрая галька, — обратилась она к Полу. — Выглядит так, словно кто-то рассыпал целый вагон аметистов и топазов.

— Тихо! — зашипела Ванда. — Он принимает новости из космоса.

Рядом с ней сидел Дылда и, опершись подбородком на кулак, в позе, напоминающей роденовского «Мыслителя», как загипнотизированный всматривался в Странника.

— Цезарь говорит: Земле не будет ничего плохого, — монотонным голосом, словно в трансе, произнес Дылда. — Ее воды успокоятся, океаны отступят от берегов...

— Истинный король Кнут, — шепнул Брехт.

— Этот твой Цезарь должен был сориентироваться раньше, — перебила Дылду миссис Хиксон, — и предотвратить землетрясения.

Мистер Хиксон обнял ее и шепнул что-то на ухо. Женщина пожалала плечами, но все же удержалась от дальнейших комментариев.

Рама Джоан открыла глаза.

— Ну как, Рудольф, на кого ты теперь ставишь? — поинтересовалась она. — На ангелов или чертей?

— Я подожду, пока кто-нибудь из них подлетит достаточно близко, чтобы увидеть, какие у него крылья — белые или черные, — усмехнулся он, но тут же понял, что эти слова в нынешней ситуации вовсе не смешны, и быстро посмотрел на Странника. Затем Брехт потянулся, встал, распрямил плечи и направил взгляд на террасу.

— Вот это да! Пока я спал, вы загрузили фургон! — прокомментировал он увиденное. — Это очень мило с вашей стороны. Вы даже не забыли о термосах с водой. Это, наверное, твоя заслуга, Додд. — Потом он шепотом спросил Хантера. — Как там Рей?

— Даже не проснулся, когда мы переносили его в кровати в фургон. Мы укрыли его двумя одеялами.

Вверху внезапно раздался какой-то гул. Все замерли. Некоторые подозрительно взглянули наверх, на Странника, словно ожидали, что звук исходит именно оттуда. Неожиданно Макхит возбужденно закричал:

— Это вертолет из Вандерберга!..

Издали это напоминало коромысло, но в действительности было патрульным вертолетом, который снизился над морем, повернул и летел вдоль пляжа максимум в пятнадцать метрах над землей. Неожиданно он свернул по направлению к ним и завис над террасой. Гул перешел в рев. Воздушный вихрь, вызванный вращающимися лопастями, развеял во все стороны ненужные уже программки симпозиума.

— Ненормальный он, что ли? Он намеревался сесть прямо на нас! — разозлился Брехт, который, как и все, присел и смотрел наверх.

Сквозь рев он услышал зычный голос:

— Уходите! Уходите отсюда!

— А черт! Они что, с ума сошли? — закричал Брехт, заглушая то, что говорил голос из вертолета. — Мало того, что они захлопнули дверь перед самым нашим носом, теперь они еще приказывают вообще убираться отсюда! По какому праву?

Стоящий рядом с ним Додд поднял кулак и грозно потряс им в воздухе.

— Сами убирайтесь отсюда! — крикнул он.

И, словно услышав его приказ, вертолет медленно повернул, набрал высоту и полетел вдоль берега пляжа дальше.

— Послушайте! — обратился к собравшимся Войтович, — а, может быть, они хотели предостеречь нас от какой-то беды, например, от прилива?

— Но ведь он наступит только через шесть часов! — Брехт неожиданно осознал, что рев не затих с отлетом вертолета. Он увидел, как сквозь щели в террасе в нескольких местах начала проступать вода.

Песок вокруг домика покрывала белая пена бурлящей воды. Вода подошла к террасе, когда глаза всех были обращены к вертолету, а рев машины заглушал шум подступающих волн.

— Но... — возмущенно начал Брехт.

— Это не прилив, а цунами! — кричал Хантер. — Волны, вызванные подводным землетрясением!

Брект стукнул себя по лбу.

Шипя и волоча за собой камни, вода начала отступать, оставляя перед собой заплатки белой пены.

Однако уже через несколько минут Пол кричал:

— Вода подходит! Немедленно заводите мотор!

Хиксоны уже поместились на переднем сиденье. Двигатель затарахтел и заглох, только тихо выл стартер. Хантер, Додд, Брект и Макхит прыгнули на песок, встали по бокам фургончика и начали его толкать. Рама Джоан потянула Анну с террасы и впихнула в машину. Когда та захотела выйти, она ударила девочку по щеке.

— Сиди здесь и крепко держись! — грозно приказала она.

Ванда тоже хотела сесть рядом с Анной, но Войтович с силой удержал ее.

— На этот раз не выйдет, толстуха! — кричал он.

Пол поднял откинутый задний борт, пытаясь его закрыть.

Двигатель наконец заработал. Войтович оттолкнул Ванду, и они вместе с Полом подняли задний борт и упали на террасу, когда машина немного продвинулась вперед. Задние колеса пищали, буксуя в мокром песке. Мужчины снова подтолкнули, но остановились — еще один толчок, и неожиданно фургончик поехал, раскачивая открытым бортом, освещающая габаритными огнями догоняющую его покрытую инеем пены волну.

Вторая волна была такой высокой, что залила край террасы, которая слегка задрожала, а из щелей в полу, словно фонтан, брызнула вода. Когда волна отступила, Пол схватил Марго, и они побежали по скользким доскам. Девушка судорожно прижимала к себе Мяу. Пол остановился на краю террасы и посмотрел вниз, а потом на находящихся на песке мужчин, которых волна сбила с ног.

— Бежим! Быстро, быстро! Пока не пришла третья волна! — завопил он и вместе с Марго прыгнул с террасы. Другие последовали его примеру, пытаясь догнать фургончик.

Араб, Пепе и Большой ожидали, что целый табун одетых в темносиние мундиры полицейских побежит за ними на станцию, поэтому они тут же спрятались в туалете. Араб вытащил самокрутки и держал их над раковиной, готовый немедленно выбросить их при первых звуках, приближающихся к их укрытию. Большой должен был в этом случае слить воду. Пепе стоял в стороне и изображал собой совершенно случайного посетителя. Все это было не очень умно, но надо отдать должное наркоманам, действовали они просто инстинктивно.

Однако никто не подходил к ним, не было слышно ни топота ног, ни криков полицейских. Здесь вокруг царила полная тишина. Через несколько минут они вышли из туалета.

Пустая станция напоминала дом с привидениями, поэтому они некоторое время чувствовали себя очень неуверенно. Пепе вскоре освоился и попытался вытащить из автомата плитку шоколада. Это не удалось, тогда он со всей силой треснул по автомату кулаком, но тут же присел от испуга, услышав гулкое эхо шума в пустом огромном помещении станции. Братья сели в последний вагон и перешли по нему в электровоз. Там Араб начал манипулировать какими-то рычагами. Двери начали закрываться, поэтому он мгновенно вернул последний тронутый им тумблер в исходное положение. Но занятие это настолько захватило его, что он не удержался и потрогал еще один, ворчание двигателя усилилось, поезд задрожал — Араб быстро передвинул рычаг на прежнее место.

— Лучше этого не трогать! — сказал он и нервно рассмеялся.

Они смотрели через переднюю дверь в глубь черного двойного туннеля, ожидая, когда по второму пути пройдет поезд, но ничего не было видно.

Чем дольше находились они на пустой станции, тем больше казалось им, что это их собственный, частный мир. Чувствуя себя его хозяевами, они закурили по самокрутке. Стоя в кабине машинистов, они жадно затягивались.

— Ты, Большой, как считаешь, что здесь происходит? — наконец спросил Араб.

Большой наморщил лоб и через мгновение сказал:

— Русские подводные лодки вынырнули у парка Баттерси. Русские победили легавых в битве на площади Юнион-сквер и те отступают на север, непрестанно отбивая атаки наседающего врага. Но русские продолжают продвигаться вперед. Мой дневной приказ: — Солдаты, прятаться! Мы ни о чем не знаем!

Араб кивнул.

— А ты, Пепе? — спросил он.

— Это огненный шар! Это он показался в Баттерси, а потом по улицам проплыл в центр города. Люди думают, что это ядовитые газы и убегают на крыши домов, но это не так. Это хороший дым, сладкая маковая смесь. Но все от нее могут задохнуться, все, кроме нас. Они должны бояться дышать, а мы — нет!..

Внезапно они почувствовали легкое дуновение воздуха из туннеля. Он нес характерный для железной дороги запах металла, сухой пыли, немытых тел и даже электрических разрядов.

— Ну, Араб, ведь это же ты начал. Давай, твоя очередь, — произнес Пепе.

— Хорошо, мне уже все ясно, — кивнул Араб. — Уровень воды в реке повысился, вы сами видели. И продолжает повышаться. Вода заливает Баттерси, выходит из берегов и идет на север. Потоп, как при Ное. Они приказывают людям выйти на крыши, иначе они превратятся в соляные столбы. Покинуть подвалы и станции метро. Легавые смыва-

ются. Пожарники ждут со шлангами, но ведь с водой они не умеют бороться, поэтому тоже смываются! А воды все больше...

— Неплохо, — с убеждением заявил Большой. — Совершенно правдоподобно.

Поток воздуха стал сильнее, а вместе с ним усилился и смрад, несущийся из туннеля. Вместе с ним пришел какой-то незнакомый запах.

Внезапно в глубине туннеля они заметили голубое сверкание.

— Поезд подходит! — воскликнул Пепе.

И снова голубое сверкание. Потом еще и еще. Ветер становился все сильнее. Три наркомана узнали незнакомый запах — это был запах воды. До них донесся все нарастающий рев.

— Темный поезд мчится по обоим путям! — крикнул Араб.

Голубые молнии все приближались, становясь более яркими. Соленый сильный ветер перерос в настоящий вихрь. Рев усиливался. Казалось, рычала тысяча львов.

Внезапно в обоих туннелях они увидели пенящуюся, темную от грязи волну, увенчанную голубым сверканием.

Но уже через мгновение в них ударил поток заряженной электричеством соленой воды.

Салли и Джейк ели яичницу с серебряного блюда, закусывая черной икрой, которую черпали ложкой из хрустальной миски, поставленной среди кубиков льда.

— Вот мы и забрались высоко-высоко, — сказала Салли, выглядывая в окно, — видно только Эмпайр Стейт Билдинг, башню радио и здание Крайслера... а вот далекая точка, это Уолдорф Астория, а?

— Я насчитал сорок этажей, прежде чем мы сели в личный лифт Хассельтайна, — ответил парень, намазывая на ломоть хлеба густой слой черной икры.

Салли взяла чашку кофе, подошла к высоким хромированным перилам и сильно перегнулась вперед.

— О боже! — закричала она. — Люди выглядят отсюда словно муравьи. Бегут. Интересно, почему? Джейк, когда-то я тебя спрашивала, для чего служат гидранты в зданиях — помнишь? Я думала, что с их помощью тушат пожары автомобилей или сдерживают бунтующие толпы рабочих с предприятий по производству одежды.

— Нет, с их помощью по утрам моют улицы, — объяснил Джейк. Он налил себе кофе из высокого продолговатого кувшина.

Девушка кивнула.

— Я тоже согласна с этим. Раньше я еще сомневалась. Но сейчас — нет. Внизу как раз моют улицы.

— Что? Улицы обычно моют в четыре часа утра. А сейчас уже восемь!!

Взгляд Джейка становился все более отсутствующим. Он пытался вспомнить свою идею о том, как заработать деньги, которая пришла ему в голову на Таймс-сквер.

— Может быть, — засмеялась Салли, — но улицы в воде. — Некоторое время она смотрела вниз.

— Джейк? — снова позвала она.

— Что? Дай мне сосредоточиться, Салли!

— Ты был прав. Вода идет не из гидрантов. Она вытекает из метро.

Джейк подпрыгнул в кресле и тут же стукнулся пятками об пол с такой силой, что невольно вскрикнул. Пол задрожал. Раздался мощный рев, здание накренилось, выпрямилось и снова накренилось. Замахав руками, Джейк ухватился наконец за перила, возле которых визжала от страха Салли. Чашка, которую она выпустила из рук, и куски штукатурки, осыпавшиеся со стен, перекатывались по полу.

Болтанка внезапно прекратилась, и рев затих. Салли выглянула за перила и указала на черную ленту, которая выплывала внизу из их дома.

— Смотри! — крикнула она. — Дым! О, Джейк, что за прекрасное зрелище! — почти пропела она, когда парень попытался оттащить ее от перил. — Мы должны написать об этом пьесу!

Несмотря на замешательство, Джейк мгновенно понял, что это именно та идея, которую он никак не мог вспомнить.

Но тут погас красный огонек в подставке кувшина для кофе, погас также оранжевый светлячок в тостере...

Марго, Пол и их товарищи смогли преодолеть следующие три волны. Дылда и Ида почти всю дорогу совместными усилиями тянули за собой Ванду. В волнах не было пены, вода теперь достигала лишь до икр. Запыхавшись, они остановились наконец на сухом песке, но вскоре мощные гривастые волны вновь вынудили их к дальнейшему бегству.

Перед ними на фоне неба, бледнеющего вместе с приходом рассвета, виднелись могучие черные горы Санта-Моника. Немного ближе, хотя и очень далеко, мигали уменьшающиеся огоньки фургончика. Хиксон избрал самую короткую дорогу с пляжа, ведущую между большой возвышенностью с Вандербергом-Два и более низкими разбитыми скалами, которые засыпали автомобили. Остальные члены группы побежали за фургончиком. И это было верное решение. Если бы Хиксон выбрал другую дорогу, то они бежали бы боком к волнам, по еще более низкому пляжу. Однако все затруднение состояло в том, что даже эта дорога долгое время шла по песку — гладкой песчаной местности, руслу высохшей реки.

За их спинами Странник уже касался поверхности океана. Окруженный ромб Луны снова прикрывал неизвестную планету спереди.

Сейчас диск планеты напоминал символ инь-янь, только слегка склонившийся набок. С трудом хватая воздух, Брехт подумал, что именно с этого все началось. Планета сделала полный оборот — ее день длился шесть часов.

Неожиданно какой-то черный квадратный силуэт, выщербленный по краям, поднялся вверх и заслонил от него Странника.

Это была терраса, на которой они организовали симпозиум, вырванная из земли мощным валом.

И тогда они услышали рев.

Все бросились бежать. Брехт едва поспевал за ними, чувствуя, как маленькие острые иголки начинают колоть сердце.

Затем им показалось, что Странник каким-то образом преодолел четыреста тысяч километров и завис над ними, заслоняя собой все небо, за исключением серой полукруглой ленты горизонта.

Они в ужасе замерли на месте, не обращая внимания на догоняющий их рычащий, пенящийся вал, который в любую минуту мог раздавить их обломками террасы.

Хантер первым правильно оценил расстояние и размеры, отметив про себя, что это только... боже мой... только летающая тарелка диаметром около пятнадцати метров, украшенная фиолетово-желтым символом инь-янь и, вопреки законам притяжения, висящая в четырех метрах над ними. Но ноги автоматически несли его вперед. Сейчас было не до мифической летающей тарелки. От скорости его бега зависела жизнь.

Первый и самый маленький из водяных валов плеснул на них пеной и опал. Вода достигала до колен. Руки цеплялись за скользкие руки товарищей, хватались за мокрые талии и плащи. Ванда упала, и Войтович нырнул, чтобы вытащить ее из воды.

Марго вцепилась ногтями в шею Пола и крикнула ему:

— Мяс! Немедленно спасай Мяс! — другой рукой она указала в воду.

Пол увидел кончик хвоста и уши, исчезающие в грязной пене. Без раздумья он вытянул руки и бросился на помощь кошке, поэтому он не мог видеть, что произошло в это время.

Посреди тарелки открылся розовый полутораметровый люк — держась за раму люка остроконечным, цепким хвостом и когтями передних лап, из него выглянуло зелено-фиолетовое существо...

— Это дьявол! — завопила Ида. — Рама была права, на этой планете живут дьяволы!

— Тигр! — крикнул Гарри Макхит.

Слыша этот крик, Брехт невольно думал: «Боже, совсем как в научно-фантастической книге! Тигры с Марса!»

— Владычица! — закричал Дылда, озябшие ноги подогнулись, а расширившимися ноздрями, несмотря на запах мутной воды, он ощутил чудесный аромат небесных духов...

Большие фиолетовые глаза с черными зрачками быстро изучали их лица, однако существо смотрело на них как бы с презрением.

Вторая огромная волна была не далее чем в десяти метрах от них: терраса, словно доска для виндсерфинга, мчалась на ее гребне. Вокруг нее болтались в воде кресла, за нею плыл разбитый пляжный домик.

Из люка высунулась зеленая лапа с серым пистолетом с сужающимся стволом, нацелилась в сторону моря и повела стволом вправо и влево.

Не было никакого сверкания, огня или шума, но огромная волна начала опадать на глазах. Терраса сдвинулась с гребня и поплыла в сторону Вандерберга-Два. Пена отступила и исчезла. Вода бурлила уже не так устрашающе. Когда волна наконец добралась до того места, где они стояли, у нее уже не осталось силы первого вала и она достигала икр.

Серый пистолет продолжал двигаться из стороны в сторону.

Со стороны суши подул сильный ветер. Брехт потерял равновесие и наверняка упал бы, если бы его не поддержала Рама Джоан.

Голова и плечи Пола вынырнули из пены. Он прижимал к себе мокрую Мю.

Ветер не прекращался.

Странное существо, выглядывающее из розового люка, невероятно удлинилось в сторону Пола, создавая зеленую дугу в фиолетовых полосах.

Серый пистолет упал, но Марго сумела подхватить его на лету.

Фиолетовые когти вонзились в плечо Пола и какая-то сила, значительно большая, нежели сила человеческих мышц, втянула его вместе с кошкой через люк внутрь тарелки. Марго, Брехт и Рама Джоан, судорожно держась за руки, чтобы сохранить равновесие, видели все это очень отчетливо, хотя и не знали, верить ли собственным глазам.

Фиолетово-зеленое существо скрылось в летающей тарелке, взяв с собой Пола и Мю.

И сразу, без какого-либо заметного движения, тарелка, не больше теперь, чем Луна, оказалась в сотнях метров над их головами, а люк стал только едва видимой точкой.

Марго спрятала серый пистолет под куртку. Ветер, дувший с суши, прекратился. Точка погасла, летающая тарелка исчезла в глубине неба.

Держась за руки, вся группа направилась в сторону суши — они брели по колено в воде, которая стремилась затянуть их назад, в глубь океана.

Багонг Бунг, выходя на своем катере «Мачан Лумпур» из поднимающихся вод маленького залива к югу от До-Сона, куда ему наконец удалось успешно, хотя и с неприятным, с возможными последствиями опозданием, доставить на место контрабанду, увидел вскоре после на-

ступления темноты, как Странник выныривает из прикрытого тучами Тонкийского залива. В то же время на другой стороне земного шара, на пляже, маленькая группка людей, которой удалось убежать от волн цунами, наблюдала, как последний клочок неизвестной планеты исчезает, погружаясь за горизонт Тихого океана. Для Багонг Бунга знак инь-янь был известным китайским символом — он называл его про себя «двумя китами», а бесформенная Луна, на которую он снова направлял свой латунный бинокль, ассоциировалась у него с огромным мешком желтоватых алмазов.

Так что для Багонг Бунга Странник, который восходил на небе там, где должна была показаться Луна, не был непрошеным наглецом, но вестником счастья, сверхъестественным поощрением. Алмазы привели его к мысли о затопленных кораблях, полных сокровищ, лежащих где-то здесь, на дне мелких вод. Немедленно он принял решение, что, когда придет рассвет, а вместе с ним и отлив, он по крайней мере один раз попробует нырнуть там, где, как он подозревал, лежат затопленные останки «Королевы Суматры».

— Выйди на палубу, Холбер Хумс! — крикнул он в заржавевшую переговорную трубу австралийцу, работавшему механиком на «Мачан Лумпур». — Нам повезло. Да что тебе говорить! Иди, сам все увидишь! Давай ко мне!

Глава 19

Пол неожиданно оказался в море тепла, в море сладких, резких запахов и веселых пастельных цветов, среди которых преобладал желтый, хотя кое-где виднелись и ярко-зеленые пятна.

В течение первых секунд он не был уверен, действительно ли он похищен и находится сейчас в летающей тарелке. Ему это казалось скорее перенесением в другое измерение, в другое место во Вселенной — сонное и поросшее джунглями место.

Он, собственно, не видел летающую тарелку. Когда она зависла над головами убегающих людей, он, судорожно сжимая Мяу, захлебывался и боролся с соленой водой, а когда был поднят вверх, то первой мыслью, которая пришла ему в голову, было предположение, что следующая волна подхватила его, вознесла высоко-высоко, и он теперь плывет на ее гребне.

Только мгновением позже перед его глазами мелькнули три короткие, но необычно четкие картины: первая — огромная, острая, фиолетово-зеленая морда кошки, вторая — пара смотрящих на него глаз с неестественной пятикольцевой радужной оболочкой, окружающей черные, пятисторонние звезды зрачков, третья — длинная, изящная лапа величиной с человеческую руку, с узкими голубыми подушечками и четырьмя фиолетовыми когтями. Он подумал, что именно эти когти

вонзились ему в воротник куртки, а может быть, даже и в шею, при-
нуждая поспешить.

В следующий момент он уже плыл, медленно вращаясь, по теплomu,
кое-где отливающему зеленому розовому морю.

И неожиданно в этом море появилось темное отверстие, в которое он
увидел Марго — она стояла по бедра в грязной пенящейся воде, держа
в руке какой-то серый блестящий предмет, и смотрела вверх на него,
а рядом с ней — Брехта, покрытого клочьями пены, Раму Джоан, выма-
занную песком, и ее золотисто-рыжие волосы, мокрые и спутавшиеся.
Неожиданно все эти люди, находящиеся внизу, начали стремительно
уменьшаться — у Пола даже создалось впечатление, что он рассматри-
вает их через бинокль, повернутый наоборот. Именно в этот момент он
осознал, что находится на борту летающей тарелки, которая прежде едва
мелькнула у него перед глазами, тарелки, которая летит сейчас со ско-
ростью большей, чем минометный снаряд и, несмотря на это, не чувст-
вуется никакого ускорения. И тогда, когда он это понял, входное
отверстие заслонили какие-то розовые пятна, постепенно вырисовавшиеся
в странные розовые цветы, да, да, именно в розовые цветы.

В его мыслях настойчиво начало повторяться одно-единственное сло-
во — антигравитация! Если у этой машины собственное гравитационное
поле нулевое — вероятно, также и нулевая инерция, — то это объясняло
бы и отсутствие притяжения, и то, что он сейчас парит — вместе с кап-
лями воды, оставшимися на его одежде, в низком помещении, поросшем
цветами, воздух в котором пропитан духами.

Он почувствовал неожиданную резкую боль в левой руке, словно
ее ужалило несколько ос: это Мяу, испуганная странными толчками и
необычным состоянием своего тела в этом странном помещении, вонзила
в его руку когти. От неожиданной боли Пол отшвырнул от себя мокрую
кошку, которая, переворачиваясь в воздухе, тут же исчезла среди цве-
тов, оставляя за собой облако желтовато-розовых лепестков.

В следующий миг его что-то схватило сзади и перевернуло, он
ударился спиной о твердую, гладкую, как шелк, поверхность. Больше
всего его поразило то, что лапа, которая оплела его шею — блестящая,
необычайно сильная, покрытая зеленоватым мехом с поперечными фи-
олетовыми полосами, — имела два локтя.

Так быстро, что он не успел к нему присмотреться, зелено-фиоле-
товое существо что-то сделало с его запястьями и щиколотками. Лапы
с фиолетово-серыми когтями начали щипать его, не причиняя, однако,
боли. В какой-то момент он почувствовал себя так, словно его оплела
змея. Потом тигриное существо отпрыгнуло и исчезло в цветнике вслед
за Мяу, размахивая длинным пушистым хвостом с фиолетово-зелеными
полосами и поднимая облако лепестков.

Пол пытался подняться, но оказалось, что он может двигать только
головой. И, хотя гравитация продолжала оставаться нулевой, он лежал
спутанный, не имея возможности оторваться от пола, что он осознал

еще более явственно, когда посмотрел вверх и в неполных трех метрах над собой (а может быть, и под собой, или где-то сбоку — он не знал, как назвать такое направление) он увидел свое отражение: он лежал распростертый, мокрый, грязный, бледный, с вытаращенными глазами, и этот смешной и ужасный вид усугубляли многочисленные повторяющиеся с постоянным уменьшением отражения отражений.

Постепенно он начал воспринимать форму и оборудование внутренней части воздушной машины, на которой находился. Большинство цветов, которые он видел, были зеркальными отражениями. Потолок и пол образовывали округлые, плоские зеркала, расположенные метрах в трех от друга и имеющие шесть метров в диаметре. Он лежал посреди одного из них. Стены между зеркалами украшали экзотические цветы с огромными лепестками. Здесь были большие и маленькие цветы, бледно-желтые, светло-голубые с зеленым оттенком, однако преобладали розовые или светло-красные. Цветы выглядели настоящими, поскольку их листья и стебли изгибались в неповторимой искусственной форме серпов, копий, очевидно, гидропонная рама заполняла свободное пространство между сужающимися боковыми краями этой тарелки.

Но этот летательный аппарат с сечением треугольника растения не заполняли целиком, потому что перед собой Пол увидел серебристо-серый пульт управления — во всяком случае, плоскую металлическую тумбу с гладкими серебристыми выпуклостями и странными геометрическими узорами. С трудом поворачивая голову, он увидел подобные пульта в остальных углах. Все три были установлены в вершинах равностороннего треугольника, вписанного в машину, и каждый из них был прикрыт заслоном буйных цветов так же, как бывают прикрыты типично потребительские предметы — жаровня для кофе, умывальник, телефон или стереофоническое оборудование в тесной комнате женщины, придающей значение моде и эстетике интерьера.

Все помещение заливал яркий теплый свет, идущий из ...нет, Пол не знал, откуда он льется. Словно собственное внутреннее солнце — странное это чувство.

Все более странным становилось впечатление, что кто-то вторгся в его разум и читает его мысли, как карты. Он припомнил избитое утверждение, что тонущий в течение нескольких секунд переживает всю свою жизнь, и тут же задумался, происходит ли то же самое с человеком, тонущим в цветах или распятым тигром, который намеревается, скорее всего, разорвать его на части и потом сожрать?

Еще более странным было впечатление, что кто-то вторгся в его мысли очень быстро, и от этого смог уловить только какие-то неясные, отрывочные фрагменты мыслей. Нельзя забывать, что он был очень ошеломлен происшедшим и в его мыслях был полный кавардак. Что за унижение! Несколько картин, которые удалось ему заметить под конец этого «таможенного досмотра» разума касались главным образом зоопарка и балета.

Он постарался взять себя в руки и осмотрелся. Однако не было видно ни тигриного существа, ни Мая, невидимое солнце продолжало нести тепло. Цветы застыли в неподвижности и выделяли удушающий запах духов.

Дон Мерриам находился в середине своего третьего витка вокруг Странника. По правую сторону от него находилась усеянная зелеными пятнышками ночная сторона странной планеты, которая продолжала от этого напоминать ему брюшко паука. Перед собой он видел скопление звезд, а слева — черную, продолжающую удлиняться эллипсоидную Луну с паутинообразными нитями, тянущимися от ее носа и ясно выделяющимися на сверкающем фоне неба. Дон замерз и устал, он больше не пытался даже установить радиосвязь с Землей.

На фоне Странника, между планетой и кораблем, у самого скопления звезд, появилась туманная желтоватая точка. Точка молниеносно превратилась в желтую горизонтальную черточку, потом — в две черточки, между которыми черное пространство выглядело, словно модные флюоресцентные автомобильные фары, а через минуту перед его взором начали обретать контуры два желтых растущих веретена.

Только тогда космонавт понял, что это не выпуклость на поверхности Странника, а какие-то материальные объекты, которые мчатся прямо на Бабу-Ягу. Он содрогнулся и закрыл глаза. Когда он открыл их, то обнаружил, что без видимого замедления желтые веретена внезапно оказались по обеим сторонам его кораблика. Они находились так близко от него, что экран не мог охватить их целиком.

Теперь эти веретена выглядели, как два космических корабля в форме тарелок — каждая длиной метров пятнадцать и шириной метра три. Дон, по крайней мере, надеялся, что это корабли, а не какие-нибудь космические чудовища.

Предположения по поводу их формы вскоре нашли подтверждение, когда без всякого видимого блеска из коррекционных двигателей неизвестные корабли повернулись в его сторону, принимая круглую форму — в один круг был вписан желтый треугольник, на втором виднелось фиолетовое пятно, напоминающее солнце, лучи которого шли от середины до окружности круга.

Дон почувствовал, что его комбинезон прилипает к креслу — Баба-Яга стремительно стягивалась между кораблями (Мерриам назвал бы это эскортом). Только передние края таинственных кораблей виднелись теперь у него на экране. С этого момента они все летели в одинаковом положении. Казалось, Баба-Яга спеленута невидимой паутиной, которая заставляла ее двигаться вслед за летающими тарелками.

Затем Дон заметил, что светло-зеленые пятнышки, словно фосфоресцирующие стеножки, передвигаются по черной выпуклости Странника.

Потом он увидел, что скопление звезд расширяется, а черная эллипсоидная Луна остается позади.

Тогда только он понял, что этот эскорт поднимает его кораблик вверх со скоростью около ста шестидесяти километров в секунду. Дон не чувствовал ни малейшей перегрузки, если бы она была, то его швырнуло бы о стену Бабы-Яги, может быть, даже пробило бы им стену навывлет.

Ни разу в течение последних нескольких часов, даже тогда, когда он летел сквозь Луну, Дон не думал, что это галлюцинация. Но именно теперь это пришло ему в голову. Ускорение есть, однако нет перегрузок. То, что сейчас происходило с его телом и с Бабой-Ягой, было не только чем-то странным и непонятным, но одновременно было отрицанием всего того, что он знал о космических полетах и их возможностях. Совсем недавно он летел со скоростью восемь километров в секунду, а теперь сто шестидесят километров в секунду, под прямым углом к прежней траектории. И при этом, не ощущая скорости и не слыша гула работы ракетного двигателя, стреляющего огнем более горячим, чем голубая звезда, — это не только неестественно, но и совершенно невероятно!

Но зеленые точки внизу постепенно исчезли из поля зрения, а скопление звездверху продолжало расширяться, пока неожиданно Баба-Яга не вылетела из тени Странника на солнечный свет. Лучи, отраженные с левой стороны рамы экрана от желтого края левой летающей тарелки, ослепили Дона. Он закрыл глаза, на ощупь отыскал поляризующие очки, надел их и только после этого открыл глаза, чтобы внимательно осмотреться.

Баба-Яга, заключенная между эскортирующими ее стражниками, с невероятной скоростью взбиралась вверх вокруг Странника. Экран легко передвинулся вправо, и, смотря поверх планеты, Мерриам увидел Землю, главным образом Тихий океан, и ослепительную белизну Солнца, лучи которого резали глаза даже через специальные очки.

На поверхности планеты, находящейся под ним, царила ночь, однако вскоре показался знаменующий день желтый серп, только дальний край которого был окрашен в фиолетовый цвет.

Над Доном и вокруг него белые лунные нити вились на фоне мерцающего звездного неба, устремляясь в сторону северного полюса Странника. Там, сгруппированные, хотя все еще не соединяющиеся в одно, они сливались с бархатной поверхностью планеты, некоторые — на ее дневной стороне, другие — на ночной. В общей сложности их было больше десятка. Они напоминали по форме странные безлистные виноградные лозы, вырастающие из верхушки этой не менее странной планеты. В этом же направлении мчалась Баба-Яга и ее эскорт.

Затем, когда он был уверен, что они сейчас неминуемо столкнутся с этими удивительными нитями, его обоснованные и глубокие знания о космических полетах снова оказались ошибочными. Баба-Яга и летающие тарелки в одно мгновение, без каких-либо ощутимых изменений, потеряли скорость, зависая над черно-желтым местом, из которого вырастали эти нити.

Либо эскорт Бабы-Яги обладает безынерционным приводом (гипотеза, над которой смеются все, кроме авторов научно-фантастических романов) и несет Бабу-Ягу в своем нулевом гравитационном поле, либо у него, Дона, продолжаются галлюцинации.

Он повернулся в сторону пульта управления, чтобы при помощи радара установить расстояние от поверхности, находящейся под ним. И, к своему удивлению, сразу же поймал на экране эхо-сигнал.

Он находился в пятистах километрах над поверхностью планеты и сейчас начал приближаться к ней со скоростью в шестнадцать километров в секунду.

Дон инстинктивно пытался установить коррекционные двигатели так, чтобы в случае необходимости можно было бы тормозить главным двигателем, используя для этого остатки топлива.

Однако Баба-Яга даже не дрогнула. Экран все еще был обращен к планете. Мерриам только теперь заметил, что летит к дневной стороне планеты, параллельно одной из нитей, которая по мере приближения его к Страннику сначала превратилась в шнур, потом в стебель, а через несколько секунд — в ствол дерева-гиганта — огромный, шириной километра в полтора, заполняющий одну четвертую часть экрана.

Но с этой неестественной перспективы стебель, словно карикатура колонны, спроектированной Райтом, — широкий сверху и более тонкий у основания — превращался почти в точку там, где он соприкасался с планетой на ее ночной стороне, совсем рядом с линией дня. Осматривая колонну с такого близкого расстояния, Дон заметил, что она гладкая только снаружи, а внутри заполнена многочисленными камнями, обломками скал и лунной пылью, ведущими свое происхождение, как он уже понял раньше, из вибрирующих шахт на поверхности Луны.

Камни мчались мимо него, словно поезд, который едет по соседнему пути несколько быстрее, чем тот, которым ехал он сам. Это означало, что колонна падает вниз с меньшей скоростью, чем Баба-Яга, — шестнадцать метров в секунду. Но почему в таком случае не происходит гигантского взрыва, когда камни ударяются о поверхность Странника?

Неожиданно все содержимое колонны с небывалой скоростью начало пролетать у него перед глазами, так что уже через мгновение он не смог его разглядеть, словно поезд на соседнем пути неожиданно превратился в экспресс.

Или колонна увеличила скорость, или... Он снова включил радар. Высота Бабы-Яги и ее эскорта уменьшилась до пятидесяти километров, но теперь они приближались к планете со скоростью только полтора километра в секунду...

Значит, это второе — затормозило его корабль.

Радар указывал, что скорость уже не уменьшается. В течение последних двадцати минут Дон пытался что-то различить на поверхности, расстилающейся под ним. Но не нашел ничего — никаких огней на

ночной стороне планеты, ничего, кроме гладкой, лимонного цвета поверхности, там был день. Мощная широкая колонна с каменной начинкой продолжала опускаться.

Время бежало — космонавт уже находился в тени планеты. Он снял очки. У передних краев сопутствующих ему кораблей был тот же фосфоресцирующий желтый оттенок, как и тогда, когда они находились за планетой. Некоторое время ему казалось, что он видит их неясное отражение на темной поверхности внизу, которая с какого-то мгновения начала стремительно нестись навстречу.

Мерриам начал готовиться к столкновению и смерти.

Внезапно черная поверхность исчезла, словно Баба-Яга вместе с эскортирующими ее летающими тарелками пролетела сквозь потолок огромного освещенного помещения и оказалась вверх, над другой, новой поверхностью.

Не подлежало сомнению, что эта поверхность наверняка находится далеко внизу, поскольку падающая колонна лунных камней, все еще широкая сверху, сужалась до точки при столкновении с новой поверхностью — это странное перспективное сокращение приводило к тому, что она выглядела теперь, как треугольник.

Можно было сделать один вывод. Поверхность Странника, которую он видел до этого мгновения, — поверхность, которая так старательно отражала солнечный свет и лучи радара, которая была желто-фиолетовой там, где царила ночь, была не чем иным, как оболочкой, оболочкой настолько тонкой и нежной, что такой малюсенький кораблик, как Баба-Яга, смог ее пробить, летя со скоростью полтора километра в секунду без какого-либо толчка или повреждения корпуса... оболочкой, которая заслоняет и маскирует искусственное освещение и настоящую жизнь Странника, оболочкой, которая растянута на высоте около тридцати километров над настоящей поверхностью, а не очередным оптическим обманом.

Это была истинная поверхность, если сложность и массивность рельефа можно принять за критерий. Экран Бабы-Яги заполняла обширная слабо освещенная равнина, покрытая озерами или, по крайней мере, какими-то бирюзовыми, блестящими заплатами, равнина, на которой виднелись разбросанные в каком-то порядке округлые полуторакилометровые в диаметре шахты, равнина, заполненная огромными глыбами всех цветов и геометрических форм, какие только можно себе вообразить: конусы, шестиугольники, цилиндры, спирали, полушария, розетки — Дону все это представлялось чисто геометрической абстракцией.

Что это? Громадные здания, машины, движущиеся механизмы, произведения искусства?

Ему пришли в голову определенные сравнения. Японское искусство создания сада камней... Обложки научно-фантастических романов, изображающие тянущиеся в бесконечность дороги, покрытые абстрактной резьбой, которая при ближайшем рассмотрении выглядит, словно живая...

Затем он вернулся мыслями к воспоминаниям детства. Он вспомнил, как родители взяли его как-то в Миннеаполис, к бабушке. Он явственно почувствовал кислотовато-терпкий запах ее гостиной. Вспомнил, как отец подсадил его, чтобы он увидел — не дай бог, ни к чему не прикасаясь — странную мебель, заставленную, как он позже понял, раковинами каури, китайскими божками, пресс-папье из отшлифованных геологических образцов, залитыми в пластмассу цветами и какими-то другими безделушками, которые были для маленького мальчика странными и загадочными, хотя и необычайно от этого притягательными.

Он снова почувствовал себя ребенком. Между ним и равниной, хотя и не непосредственно под ним, висели небольшие темные тучи неправильной формы, в которых, словно радужные яйца в гнезде, лежали большие блестящие шары, испускающие лучи света самых разнообразных оттенков.

Вскоре тучи остались позади, напоминая ему о том, что Баба-Яга, скорость которой почти не изменилась, приближается к поверхности, истинной поверхности этой неизвестной планеты. Видимый на экране участок равнины постепенно сокращался в видимых размерах. Однако Дон не чувствовал страха — это чувство пропало, когда он так спокойно пролетел через оболочку Странника.

Баба-Яга и ее эскорт направлялись к точке между двумя большими шахтами, находящимися так близко друг от друга, что у Дона возникло впечатление, что они соприкасаются. В одну из этих шахт падал водопад лунных камней. Из другой исходил характерный для этих сооружений туманный свет.

Через мгновение он мог уже различить пространство, разделяющее шахты, — оно напоминало серебристую ленту. Один из кораблей, сопровождавших его кораблик, так близко приблизился к падающей колонне камней, что он даже испугался, что произойдет столкновение.

В следующую секунду, без малейшего толчка, словно все это происходило во сне, Баба-Яга остановилась в четырех метрах над матово-серебристой лентой. Она была так близко, что Дон без труда увидел вырезанные на ней узоры — круглую витую арабеску, окруженную кольцом странных иероглифов.

Все еще в состоянии невесомости, он висел над экраном и смотрел вниз: он чувствовал себя, как рыба, выглядывающая через стеклянную стенку аквариума.

Неожиданно кораблик начал переворачиваться, словно были включены коррекционные двигатели или какая-то сильная рука начала завлаживать им. Дон схватился за кресло, чтобы не потерять равновесия.

Движение прекратилось, когда сопла главного двигателя оказались точно под прямым углом к серебристой поверхности. Гравитационное поле начало медленно воздействовать как на космонавта, так и на корабль. Дон почувствовал три легких толчка: опоры корабля

теперь твердо стояли на поверхности Странника. Дон продолжал судорожно цепляться за кресло, его тело становилось все тяжелее, пока — насколько он мог быть уверен после месяца, проведенного на Луне, — не достигло такого, или почти такого веса, какой был у него на Земле.

Однако это явление было отмечено им мимоходом, так как все внимание он направил на экран, в котором было видно небо Странника.

Вверху маленькие темные тучи, еще меньше чем прежде, так как уже не были видны лежащие в них поблескивающие шары, медленно плыли по небу, словно маленькие дождевые облака, гонимые легким западным ветерком над пустынными районами юго-восточной части Соединенных Штатов. Падающая колонна камней, достигающая самого неба, широкая теперь у основания и сужающаяся кверху, заслоняла значительную часть неба.

Небо не было ни светло-фиолетовым, ни желтым, ни черным, ни звездным. Оно представляло собой медленно кружащуюся смесь всех темных цветов, сумрачную радугу после бури, постоянно переливающуюся волнами. В нем была гармония и красота безудержной мимолетной симфонии цветов, одновременно оно казалось естественным, несшим обещание новых существенных изменений. Дон не знал, откуда берется свет, — может быть, это светится планета, или же он идет из уже видимых им шаров на тучах, а может быть, происходит из какого-то другого источника. У него это зрелище ассоциировалось с радужными полосами разлитого по воде масла или с полной динамизма картиной Ван Гога «Звездная ночь», но больше всего это напоминало ему яркие блестящие искры, которые мелькают перед глазами в темноте, если надавить на глазное яблоко.

Пока он размышлял, чувствуя себя так, словно оказался внутри какого-то гигантского мозга, послышался тихий скрежет, от которого у него кровь застыла в жилах. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как последняя задвижка на крышке люка медленно передвигается. Крышка открылась без видимой помощи, показывая странного вида лестницу, ведущую из кабины на пустой серебряный тротуар-ленту.

Станный, но приятный голос с легким акцентом произнес:
— Иди! Снимай скафандр и спускайся вниз!

В Австралии, Индонезии, на Филиппинах, в Японии, в восточной части Китая и Сибири уже наступила ночь. Странник, в котором все видели символ инь-янь, или мандалу, затронул религиозные и мистические струны в миллионах человеческих разумах. Восточная Азия присоединилась к Америке, предостерегая обитателей старых континентов, расположенных дальше на запад, центры культуры мира о том, что им суждено увидеть на небе, когда придет ночь.

Невидимое солнце высушило мокрую одежду Пола Хегболта, который продолжал лежать, не имея возможности пошевелиться и по принуждению всматривался в свое изображение, когда неожиданно возле пульта управления, прямо перед собой, он увидел две загадочные кошачьи мордочки, выглядывающие из цветника. Меньшая принадлежала Мяу, другая же была величиной с человеческое лицо. Коты грациозно выплыли из мрака, не зацепив ни одного розового лепестка или зеленого стебля и, не обращая ни малейшего внимания на него, повисли в воздухе друг напротив друга над самым цветником, профилем к узнику.

Тигриное существо держало маленькую серую кошечку на вытянутой лапе и тонком втором зеленом предплечье. Пол внезапно понял, что добавочный локоть, который сначала очень удивил его, на самом деле не что иное, как обычное кошачье запястье, находящееся над удлинёнными костями лапы.

Шерстка Мяу была теперь сухой и пушистой: кошка явно не ощущала ни малейшего страха, потому что, перевернувшись на спину и положив серый хвостик на лапу зеленого в фиолетовых полосах существа, она серьезно смотрела в большие фиолетовые глаза... судя по всему, своей новой подружки.

Эта пара до странного напоминала Полу образ матери с маленькой дочкой на руках.

Отношение человека к тигриному существу и даже его понятие о нем подверглись неожиданной перемене, когда он хорошо к нему присмотрелся. Он думал сейчас о нем, как о существе женского пола, поскольку не видел никаких половых органов, кроме пары маленьких фиолетовых сосков, скрытых в зеленом мехе на высоте груди.

Для кошки у нее было необычно короткое туловище, лапы же очень длинные — из земных кошачьих она больше всего напоминала гепарда, хотя и была значительно больше него. В высоту она достигала роста метр шестьдесят — метр семьдесят. Общие пропорции ее тела казались скорее человеческими, нежели кошачьими. Пол подозревал, что в нормальных гравитационных условиях это существо передвигалось бы с одинаковой свободой как на двух, так и на четырех лапах. Шею, грудь, нижнюю часть живота, тыльную сторону лап покрывал зеленый мех, остальные части тела — зеленый мех с фиолетовыми полосами. Уши у этого существа были стоячими, как у всех кошачьих, но в противоположность им — высокий и широкий лоб, который подчеркивал треугольную форму мордочки. Это была, тем не менее, типично кошачья морда, от самого кончика голубого носа до конца светлых усов. Кроме небольшой зеленой маски вокруг глаз, мех на мордочке был фиолетовым.

Тонкие лапы, несмотря на второе предплечье, теперь выглядели как руки — руки с четырьмя сложенными и одним отогнутым большим пальцем. Когтей не было видно, вероятнее всего, она могла вобрать их внутрь и спрятать, подобно земным кошачьим.

Полосатый фиолетово-зеленый хвост грациозно свисал над слегка согнутой ногой.

Пол неожиданно осознал, что в общем — несмотря на хвост! — существо напоминало худощавую высокую женщину в облегающем костюме, в котором она могла танцевать роль кошки в балетном спектакле. Когда он подумал об этом, его пронзила беспокойная дрожь.

Именно в этот момент существо заговорило — не слишком правильно и со странным акцентом, но совершенно четко, обращаясь, впрочем, не к нему, а к Мяу.

У Дона возникло такое ощущение, словно все это происходит во сне, настолько неправдоподобной была вся эта ситуация.

— Иди, маленькая, — сказала существо, легко двигая красными губами. — Мы теперь друзья. Будь смелей.

Мяу продолжала смотреть на нее серьезно, урча от блаженства.

— Ты и я — из одной семьи, — продолжало существо. — Я чувствую, что у тебя уже нет страха. Так говори же! Спрашивай!

Наступила тишина. Пол начал понимать, что происходит большое недоразумение.

Через некоторое время тигриное существо снова подало голос:

— Ты никак не можешь решиться! Хочешь, я скажу тебе свое имя? Твое я знаю. Мое — Тигрица! Я выдумала его специально. Ты думаешь, что я ужасный тигр... и красивая балерина.

И тогда Пол все понял. Это неземное существо совершило огромную ошибку. Тигрица читала в его мыслях — этим способом она за несколько секунд выучила его язык, — но приписывала эти мысли своей «кузине» Мяу.

Одновременно ему стал понятен характер дрожи, которая пронзила его тело при виде этого грациозного существа — это была дрожь желания!

Тигрица прочитала также и эту мысль, потому что шутливо погрозила Мяу голубым пальцем и сказала:

— Довольно невежливые мысли, маленькая! Ты слишком мала... да к тому же — мы обе девушки! Ну, скажи хоть что-нибудь!

И неожиданно Тигрица тоже поняла неприятную для нее ошибку, потому что медленно повернула голову, прикоснулась лапой к полу и посмотрела на Пола. В следующую секунду она прыгнула и зависла прямо над ним, выпустила длинные острые когти и сморщила пурпурные губы, обнажая тонкие, острые, трехсантиметровые клыки. Она продолжала держать в руке Мяу, которая несколько не испугалась этого неожиданного прыжка.

Над ее зелеными плечами Пол увидел десятки отражений спины существа и своего лица, искривленного ужасом.

— Ты... обезьяна! — прошипела Тигрица.

Она наклонила голову с широко раскрытой пастью так низко, что Пол зажмурил глаза. Потом, медленно выговаривая каждое слово, словно она разговаривала с тупой деревенщиной, спросила:

— Ты относишься к маленькой... как к животному... как к безделушке?

Последнее слово она произнесла с презрением, холодным, полным возмущения тоном.

Пол, обезумевший от ужаса, сразу вспомнил, что постоянно говорила Марго и крикнул:

— Нет! Нет! Кот — это тоже человек!!!

Когда-то Дон Мерриам стоял на краю Большого Каньона на Земле. Он бывал также на вершине Горы Лейбница на южном полюсе Луны. Но никогда еще, за исключением пролета Бабы-Яги сквозь Луну, он не видел ничего настолько глубокого, как эта открытая округлая шахта диаметром в полтора километра, находящаяся едва ли в десятке шагов от того места, где на серебристом тротуаре, с лестницей, опущенной между трех опор, стояла Баба-Яга.

Какова глубина этой шахты? Восемь километров? Сорок? Восемьдесят? Шахта, в противоположность падающей колонне лунных камней, далеко внизу сужалась в маленькое неясное пятно, не большее, чем точка, но это было только оптическим обманом, вызванным специфическими особенностями человеческого глаза. У Дона мелькнула мысль, что шахта пронизывает планету насквозь: если он прыгнет вниз, то не сможет достигнуть противоположной стороны планеты, а после преодоления приблизительно шести с половиной тысяч километров — изнурительный, почти двадцатичасовой полет, пожалуй, достаточно долгий, чтобы человек умер от жажды, если принять, что максимальная скорость падения в атмосфере этой планеты такая же, как и на Земле, — он пролетит несколько раз туда и обратно через центр планеты, в состоянии невесомости задержится на месте и медленно доплывет до стенок шахты, так же, как это было в кабине Бабы-Яги во время свободного падения сквозь Луну.

Конечно, там, внизу, в шести с половиной тысячах километрах ниже, давление воздуха может раздавить его в одно мгновение — может даже превратить кислород в атомарный, — но они наверняка могут справиться с этим. У них должны иметься способы для того, чтобы на разных глубинах воздух был настолько разреженным или густым, как они того желают.

Он размышлял об их возможностях, число которых все время увеличивалось, как только он на чем-то останавливал свой взгляд.

Снова вернулись воспоминания детства. Он вспомнил яму, на которую как-то наткнулся на ферме своих родителей и которая, как он считал тогда, вела на другую сторону Земли. Так же и сейчас

он смотрел на шахту, ища там звезды, а может быть, свет дня, идущий с противоположной стороны Странника. Он страстно хотел увидеть это, хотя разумом понимал, что оптически это невозможно. Во всяком случае, это сделало бы невозможным наличие огней, которые пылали, блестели и мигали со стены на каждом этаже этой странной шахты.

Самой странной и наиболее неестественной особенностью шахты было именно то, что она выглядела совершенно неестественной — она не была геологическим явлением и не была шахтой, высверленной в толще планеты. Вне всякого сомнения, это было искусственное сооружение, состоящее из этажей, пригодных для обитания и тянувшихся в бесконечную глубину планеты. Первые этажи начинались примерно в тридцати метрах от края, а дальше между ними уже не было никаких перерывов.

Он был уверен, что ясно видит сотни этажей, только дальние сливались в единое целое, и это снова было следствием ограниченных возможностей человеческого зрения. Однако, судя по верхним этажам, все они были высокими и просторными, словно здесь существовала более прекрасная и богатая жизнь, чем на Земле, несмотря на то, что у Дона эта многочисленность комнат и коридоров вызывала ощущение, похожее на клаустрофобию.

Зрелище всего этого вызвало у него мысль — хотя эти ассоциации были далекими от действительности — об обрамленных балконами внутренних дворах больших торговых центров или административных зданий... или же об окошках на крыше огромной библиотеки, сквозь которые видны бесчисленные ряды полок с книгами.

Ему казалось, что внизу он замечает маленькие дирижабли, которые, словно ленивые жуки — некоторые из них даже блестели как фосфоресцирующие насекомые в тропических странах, — летают в шахте по разным направлениям.

Желая заглянуть поглубже в шахту, он склонился, держась за гладкий верхний поручень балюстрады, окружающей шахту. Даже такая простая деталь, как балюстрада, была интригующим доказательством высоты развития этой цивилизации, поскольку у поручней не было подпорок. Она состояла из двух тонких серебристого цвета поручней, каждый длиной в полтора километра (диаметр шахты!), висящих один в полуметре, а другой в метре над краем пропасти. Если даже у них и были невидимые подпорки, то Дон ни на одну из них не наткнулся. Через первые двести метров поручни исчезали вдаль, словно телеграфные провода, однако он допускал, что они окружают всю шахту.

Имея столько красноречивых доказательств их почти волшебных возможностей, знаний и техники как в шахте, так и наверху, Дон начал задумываться, где же обитатели этой планеты? Почему они так долго не показываются?

Он повернулся к шахте спиной и беспокойно осмотрелся вокруг, но ни на серебристой ленте, ни у поднимающихся за ней разбросанных по равнине геометрически безукоризненных глыб не было видно ни одного живого существа или чего бы то ни было, что можно было бы признать живым, и что по своему виду напоминало бы человека, животное или растение.

Две фиолетово-желтые, выпуклые посредине летающие тарелки, так же как и тогда, когда он видел их в последний раз, продолжали таинственно висеть в четырех метрах над лентой, а Баба-Яга находилась между ними в том же положении, что и тогда, когда он покинул кабину. Он не видел еще ни одного из существ, захвативших его корабль: когда кто-то певучим голосом с легким акцентом заговорил с ним, он послушно, пожалуй, даже слишком быстро избавился от тесного скафандра и быстро сошел по лестнице, но внизу никого не увидел. Он подождал несколько минут, потом подошел к шахте и здесь остановился, зачарованный.

Теперь Дон начал задумываться, не был ли этот голос просто слуховым обманом. Ведь безрассудно допустить, что обитатель чужой планеты сразу, без всякого обучения смог научиться разговаривать на английском языке! Хотя в действительности так ли это безрассудно? Их возможности... Он сделал глубокий вдох. По крайней мере, воздух был здесь настоящим!

Вокруг царил гробовая тишина. Только когда он закрыл глаза и, стоя без движения, начал медленно выдыхать воздух, до него донесся далекий, приглушенный, глухой грохот. Что это? Пульсирование крови этой странной планеты? Или его собственной крови? А может быть, грохочущий звук издает колонна лунных камней, которая падает в шахту, находящуюся от Бабы-Яги и кораблей, непонятным образом подвешенных в воздухе, не дальше, чем он сам, только на противоположной стороне.

На первый взгляд серая колонна, занимающая одну треть горизонта и резко сужающаяся в маленькую точку на небе, выглядела, как мощная гора, но космонавт знал, что колонна падает с такой скоростью (предположительно со скоростью шестнадцать километров в секунду), что попросту нельзя заметить ее отдельных составных частей.

Наблюдая за колонной, Дон заметил изменения, постоянно происходящие в ее контурах: выпуклости и впадины, которые медленно возникали и сохранялись в течение нескольких секунд, а потом утапливались в гладкое целое. Это приводило на ум странные, гротескные формы, которые принимает сильная струя воды из крана — иногда ее странная форма удерживается так долго, что создается впечатление, что это не бегущая вода, а твердый кристалл.

Но как могло стать возможным, чтобы колонна, падающая со сверхзвуковой скоростью — в две секунды от неба до Земли! — сквозь воздух, о котором Дон знал, что тот существует, поскольку он им дышал, — не вызвала порывистой пыльной бури и не гудела, как десяток стартующих ракет или как несколько десятков Ниагарских водопадов?

Они наверняка, применяя какое-то неизвестное людям силовое поле, создали бесстенный пустотный канал, так же как (к нему только сейчас пришла эта мысль) они создали лишенную стен трубоподобную пустоту, по которой, после того как она пробилась сквозь оболочку, летела Баба-Яга и ее эскорт... и даже раньше, когда она летела через разреженную плазму и микрометеориты в космическом пространстве.

Он смотрел на эту странно сужающуюся сверху серую колонну. Как долго может продолжаться эта удивительная переброска? Как долго при существующем темпе эксплуатации будет существовать Луна, даже в виде эллипта из светлого щебня? Сколько времени пройдет, прежде чем масса Луны целиком окажется на поверхности Странника?

Разум человека, знакомый с механикой и пространственной геометрией, сразу же дал ему приблизительный ответ, что нужно восемь тысяч дней, чтобы одна такая колонна, мчащаяся со скоростью шестнадцать километров в секунду, поглотила всю массу Луны. Этих колонн он видел здесь больше десятка! Но они могут сделать больше скорость колонн, могут привести в движение новые и, кроме того, не исключено, что у них в запасе есть что-то еще более ужасное!

Небо стало темно-голубым, темно-зеленым и коричневым одновременно. Цвета кружились на нем медленно, как вода в огромной, стремительно несущейся реке. Дон посмотрел на более светлые глыбы, возвышающиеся вокруг шахты. Он пробежал взглядом по этим мощным, гладким, пастельного цвета глыбам всевозможных форм, круг которых прерывала только падающая колонна камней, и неожиданно у него появилось ощущение, что с тех пор как он видел их последний раз, некоторые более отдаленные глыбы изменили свое положение и форму и даже подвинулись немного ближе.

Сама мысль, что огромные здания — или чем бы они ни были — двигаются, когда вокруг нет никаких других следов жизни, беспокоила его. Он повернулся в сторону, окруженную серебряными поручнями шахты и, наблюдая за ее верхними этажами, начал отчаянно искать хотя бы малейшие признаки жизни. Осматриваясь вокруг, он сначала попытался непосредственно исследовать верхние этажи, находящиеся прямо под ним, но серебряный выступ, на котором он стоял, выдвинутый, словно отвес крыши, на несколько метров над шахтой, заслонял ему вид. Поэтому все свое внимание он обратил на окна и балконы, расположенные на противоположной стороне и в следующий момент ему показалось, что он видит маленькие, подвижные фигурки... Но с такого расстояния он не мог быть уверен в том, что не ошибается. Тем более что у него все кружилось перед глазами от увиденного. Он подумал, не вернуться ли ему назад в кабину за биноклем, но тут услышал позади себя приятный, но решительный голос:

— Иди!

Дон очень медленно обернулся. Перед ним стояло — с грацией и гордым взглядом матадора — худощавое, немного выше, чем он, черное

двуногое создание, покрытое красными пятнами: что-то среднее между кошкой и человекоподобным существом. Оно выглядело, как гепард с высоким лбом, выше, чем стоящий на двух ногах кугуар, или как худощавый черный тигр в красных заплатах, одетый в черный тюрбан и узкую красную маску. Хвост, словно красное копье, торчал за спиной. У создания были стоячие уши и большие спокойные глаза, зрачки которых напоминали цветы.

Почти не меняя положения тонких ног, обаятельным танцевальным движением создание располагающим жестом протянуло вперед руку с четырьмя пальцами, раскрыло тонкие губы в черной половине маски и, показывая острые концы клыков, мягко повторило:

— Иди.

Медленно, как во сне, Дон подошел. Когда он остановился, создание кивнуло головой, и неожиданно плита тротуара, на которой они стояли, — округлая серебристая плита диаметром примерно метра в три — очень медленно начала опускаться. Создание осторожно положило руку на его плечо. Дону вспомнился Фауст и Мефистофель, спускающиеся в ад. Фауст хотел получить наивысшее знание. При помощи магических зеркал Мефистофель позволил ему увидеть все, что можно пожелать. Но какой магический прибор мог бы дать понимание происходящего здесь, на этой планете?

Они опустили до высоты колен, когда на небе что-то сверкнуло. За Бабой-Ягой неожиданно повисла третья летающая тарелка и еще один корабль, настолько похожий на его, что у Дона даже перехватило дыхание. Он подумал, что Дюфресне удалось спастись! Но уже через мгновение некоторые конструктивные особенности бросились в глаза, добавок ко всему на боку сверкала ярко-красная советская звезда.

Плита, на которой они стояли, опустилась ниже, и серебристый край тротуара заслонил Дону происходящее на равнине.

Глава 21

Только небольшое количество лиц вступило в непосредственный контакт со Странником и его обитателями, несколько больше людей наблюдали за планетой при помощи приборов — телескопов или биноклей, но подавляющее большинство знало о планете только то, что смогло увидеть невооруженным глазом и сделать выводы из разрушений, вызванных этим пришельцем. Первая серия разрушений носила вулканический и тектонический характер. Последствия приливов, а вернее, приливного усиления, значительно скорее проявились в земной коре, нежели в гидросфере. В течение первых шести часов со времени появления Странника в сейсмической зоне, окружающей Тихий океан, происходили страшные землетрясения, которые через центр Азии достигли даже северных берегов Средиземного моря. Земля растрескалась,

города превращались в развалины. Вулканы дымились и плевались огнем. Толчки, среди которых очень много подводных, происходили в таких удаленных друг от друга местах, как Аляска и Антарктида. Цунами, словно гигантские кулаки великанов, интенсивно опускались на прибрежные районы. Гибли сотни тысяч людей.

Несмотря на это, существовало много районов, даже вблизи от моря, в которых о разрушениях знали только по слухам, заголовкам в газетах или же из выпусков известий, услышанных по радио, до тех пор, однако, пока своим появлением на горизонте Странник не вызвал помехи на всех радиоволнах.

Ричард Хиллери спал почти всю дорогу через Беркс, совсем не помнил Ридинга и только сейчас, когда автобус первый раз проехал через Темзу неподалеку от Мейденхеда, он начал просыпаться. Он попытался убедить себя, что устал не столько от ночной прогулки (он был отличным пешеходом), сколько от литературных тирад Дэя Дэвиса.

Приближался полдень, и уже виднелись вдалеке темные очертания закопченного Лондона. Ричард отодвинул занавеску и начал грустно размышлять о пагубных последствиях чрезмерного развития промышленности, перенаселения и урбанизации.

— Вы много потеряли, приятель, — произнес вступительную фразу невысокий мужчина в котелке, садясь рядом с ним.

Ричард из вежливости, хотя и без энтузиазма, поинтересовался, что такое случилось, и незнакомец в ответ начал охотно излагать краткий ход событий. Вечером во всем мире произошли многочисленные землетрясения — какой-то сейсмолог сосчитал пики на ленте прибора и волне и воскликнул: «Невероятно!» — в результате которых есть многочисленные жертвы и разрушения. Возникла угроза гигантских приливов у берегов Великобритании и уже были предупреждены рыбаки и владельцы парусных судов. Начата эвакуация населения из некоторых низко расположенных приморских местностей. Некоторые ученые, наверное для того, чтобы вызвать сенсацию или панику, предсказали цунами, которые обрушатся на берега Англии, однако власти решительно возразили против сильно преувеличенных домыслов.

В этом всеобщем возбуждении уже никто, по крайней мере, не говорил об огромной американской летающей тарелке. Однако, чтобы не остаться позади, Советский Союз бурно запротестовал против таинственного, но тем не менее все же успешно отбитого, нападения на его бесценную Лунную базу.

Ричард не впервые заметил, что телекоммуникационная промышленность, которой бахвалится наше столетие, прежде всего нагоняет на правительство и государства смертельный страх, а потом уже приводит к тому, что вызывает смертельную тоску.

Однако этим открытием он не поделился со своим соседом. Но когда автобус замедлил ход, проезжая через Бренфорд, Ричард отвернулся к

окну и начал наблюдать за городком более внимательно и мгновенно был вознагражден бытовой сценкой, которую вполне можно было бы назвать «гонкой водопроводчиков» — он насчитал три маленьких автомобильчика с эмблемами водопроводной фирмы и пятерку бегущих мужчин с сумками для инструментов и французскими ключами в руках. При мысли о пищеварительных хлопотах жизни пусть даже небольшого города у него невольно появилась улыбка.

Автобус остановился около рынка, вблизи от места впадения Брента в Темзу. Тут в автобус сели две женщины — одна из них говорила другой:

— Да, я как раз звонила маме в Нью. Она ужасно взволнована и говорит, что у нее залит весь газон.

Потом произошло что-то совершенно неожиданное — коричневая вода из городской канализации начала выливаться на улицы, и такого же цвета жидкость хлынула из ворот некоторых домов широким потоком, затопляя тротуары.

Ричард с ужасом смотрел на это, испытывая искреннее отвращение: где-то в подсознании зрело убеждение, что это больные от переедания дома выделяют — совершенно независимо от людей, их населяющих, — все, что они не смогли переварить. Архитектонический понос! Ему не пришло в голову, что очень часто первым признаком наводнения является выброс канализационных вод.

Через мгновение показались мчащиеся в панике люди, которых настигал поток уже чистой воды, которая стремительно набирала скорость по улице, смывая с нее грязь.

Вода, вероятнее всего, была из Темзы, из «сладкой» Темзы Спенсера.

Дальнейшие и значительно большие разрушения Странник вызвал, воздействуя на моря и океаны, занимающие, как известно, три четверти поверхности Земли. Может быть, такое количество воды является ничтожным по сравнению с безмерностью космоса, но для землян оно издавна является символом бескрайних просторов, глубины и силы. У морей всегда были свои боги: Ноденс, скандинавская Рана, финикийский Дагон, египетский Нун, бог Ридги, которого чтит туземцы Австралии, а также всемирно известные Нептун и Посейдон.

А ведь музыка морей — это приливы!

Струнами арфы, на которой сосредоточенно играет Диана, богиня Луны, являются огромные пространства морских вод — длиной в несколько сот и глубиной более десятка километров.

На огромных пространствах Тихого и Индийского океанов, от Филиппин до Чили, от Аляски до Колумбии, от Антарктиды до Калифорнии, от Саудовской Аравии до Тасмании тянутся эти длинные струны. Оттуда идут самые глубокие тона, и вибрация некоторых струн может длиться целыми днями.

Когда струны прекращаются, звуки пропадают. Это происходит, к примеру, в узлах течений у берегов Норвегии, у Подветренных островов

и на Таити, где контроль над небольшими приливами взяло на себя Солнце — музыка далекого Аполлона, слабее ударяющего по струнам, неизменно несет с собой прилив в полдень и в полночь, а отлив — на восходе и закате солнца.

Виолончельные звуки океанической арфы возникают благодаря приливному эху в заливах, устьях рек, проливах и морях, закрытых во многих местах сушей. Самые короткие струны вообще-то самые громкие и динамичные — скрипки доминируют над виолончелью, и эти самые короткие струны — высокий прилив в заливе Фанди, в устье реки Северн, в районе Северной Франции, в Магеллановом проливе и в Арабском и Ирландском морях.

От прикосновения южных пальцев Луны водные струны мягко вибрируют — полметра вверх и вниз, один метр... три метра, гораздо реже — шесть метров, очень редко — выше шести метров...

Но сейчас арфу морей вырвали из рук Дианы и Аполлона. Теперь струны морей рвут пальцы в восемьдесят раз более сильные. В первый же день после появления Странника приливы и отливы были от пяти до пятнадцати раз больше, чем обычно, на второй день — больше от десяти до двадцати пяти раз — и вода молниеносно отреагировала на виртуозную игру Странника. Двухметровые волны стали двадцатиметровыми — достигли высоты ста метров и даже более.

Мощные приливы происходили примерно так же, как и раньше: играл другой арфист, но арфа была той же! Таити был только одним из немногих районов на Земле — не все были отодвинуты в глубь суши, — где пришелец не причинил вреда, а представлял собой только эффектное астрономическое зрелище.

Побережья сдерживают моря высокими береговыми валами, постоянно подмываемыми приливами. Однако кое-где на Земле с морем граничат обширные низменные районы — здесь прилив ежедневно проходит несколько километров в глубь страны. Это Голландия, северные области Германии, северо-западная часть Африки, представляющие из себя многие километры песчаных пляжей и соленых топей.

Но существует также много плоских берегов, возвышающихся всего на несколько метров над уровнем моря. Там усиленные Странником приливы врывались на расстояние от пятидесяти до восьмидесяти — и больше — километров в глубь суши. Огромные водные массы, смешанные с песком и грязью, заливали узкие долины и мчались, подхватывая и унося вслед за собой все, что находилось на их пути, с гулом перекатывая камни и гигантские валуны. В другие места вода врывалась тихо, как смерть.

Там, где прилив был стремителен, а берега почти отвесными, хотя и не очень высокими — к примеру, над заливом Фанди и Бристольским каналом, в устье Сены и Темзы, — волны фонтаном вздымались вверх и падали на сушу.

Отступающая вода уносила в океанические глубины песок с низких континентальных шельфов. Из воды выныривали глубоко расположенные рифы и острова, другие рифы и острова вода затапливала.

Из мелких морей и заливов, например, из Персидского залива, вода уходила дважды в день. В проливах волны делали русла более глубокими. Морская вода заливала узкие перешейки, отравляла солью плодородные земли, смывала урожай и скот с пастбищ, сравнивала с землей дома и города, затапливала большие порты.

Несмотря на неожиданность, люди, принимающие участие в спасательных экспедициях, рискуя жизнью, совершали чудеса, рядом с которыми бледнеет известная эвакуация в Дюнкерке. Пограничники и Красный Крест развили кипучую деятельность. Гражданская оборона оказалась на высоте положения. Однако, несмотря на все мероприятия, погибли миллионы людей.

Некоторые знали, что нужно убегать, поскольку ситуация становилась все более угрожающей. И они уходили с насиженных мест. Другие, даже в наиболее опасных районах, не могли заставить себя сдвинуться с места.

Дэй Дэвис шагал с неукротимой энергией и вместе с тем с сосредоточенностью пьяницы на вершине алкогольного опьянения через редящий туман по замусоренному песчаному руслу реки Северн, у самого ее устья. Два раза он поскользнулся и упал, испачкав руки и одежду, но сразу же поднимался и, не теряя времени, он оглядывался на оставленные им самим следы и, видя, что идет криво, выравнивал направление. Также время от времени, не замедляя шага, он делал глоток из бутылки.

Побережье Сомерсет давно уже исчезло из поля его зрения, и только вверх по течению реки, возле Авонмута, сквозь остатки тумана он видел маячащие вдали рыбообрабатывающие заводы. Давно уже утихли крики и безразличные предупреждения, вроде тех, что он утром слышал в пивной.

Через определенные промежутки времени Дэй пел:

— Иду в Уэллс, мелькают мили, а отлив все в большей силе!

Иногда он разнообразил эти слова проклятиями типа:

— Паршивые соммерсетцы! Я им покажу!

Или:

— Падаль эти янки! Хотят у нас украсть и Луну!

Внезапно вдали раздался приглушенный рев. Вертолет, словно дух, пролетел недалеко от него. Однако гул работающего мотора почему-то не прекратился. Дэй шел теперь по исключительно илистой наклонной местности. Сапоги увязали в песке, и он каждый раз вынужден был прикладывать много сил, чтобы вытащить ноги. Невольно на ум приходила мысль, что он находится сейчас над каналом Северн, идя по песчаному дну поймы Велш Граундс.

Рев стал сильнее, но идти стало легче, поскольку песчаное дно снова стало опускаться.

Последняя завеса тумана исчезла, и дорогу неожиданно преградила быстрая мутная река шириной более ста метров. Ее волны, покрытые пеной, жадно вгрызались в песчаные берега по обеим сторонам русла.

Дэй онемел. Ему просто не пришлось в голову, что даже при малейшем приливе Северн снова станет рекой. Он внезапно понял, что еще не преодолел даже одной четверти длины канала.

В верховьях реки там, где Эвон впадает в большую реку, он заметил — да, без сомнения, — грозные бушующие белые волны.

Далеко в низовьях реки Дэй увидел перекосившуюся корму парохода, севшего на мель. Над ним висел вертолет. Слышался далекий отзвук сирены.

Дэй отпрыгнул назад, когда кусок земли с берега упал в воду прямо перед ним. Несмотря на это, он отважно снял плащ — ведь его ожидала переправа через эту преграду — и вынул из кармана бутылку. Черная обломанная толстая палка с прибитыми к ней планками, похожая на большой перочинный нож с раскрытыми лезвиями, с плеском проплыла мимо него вниз по течению. Дэй пожал плечами и приложился к бутылке. Но она оказалась пустой.

От внезапного ощущения беспомощности на душе стало нехорошо. Беспомощность муравья с наполеоновскими амбициями! Его охватил страх. Дэй оглянулся. Следы сапог на песке стали теперь нечеткими углублениями. Песок поблескивал от воды, которой еще несколько минут назад не было и в помине. Начинался прилив.

Он отбросил бутылку и как можно быстрее побежал по следам, которые еще пока были видны. Ноги погружались глубже, чем раньше, когда он шел в другую сторону.

Джейк Лешер большим пальцем несколько раз нажал на выключатель, хотя и догадывался, что в доме нет электричества. Он стоял в темноте комнаты и смотрел на лифт. Во время последнего толчка лифт сантиметров на пятнадцать опустился вниз и несколько перекосился. Падающая на лифт тень приводила к тому, что алюминиевые стены кабины казались какими-то сморщенными. Парню внезапно померещилось, что он видит идущие из них черные нити дыма. Поэтому он тут же вернулся в комнату к Салли.

— Дыма все больше! — крикнула та, увидев его. Потом, склонившись над перилами балкона, указала рукой вниз: — Эй, посмотри! Видно даже пламя! Оно поднимается вверх, и люди наблюдают за ним из окон напротив, но уровень воды, пожалуй, поднимается все выше. Настоящие гонки! О боже, Джейк, это совсем как библейский потоп, а квартира Хассельтайна — наш Ноев ковчег! На этой идее надо будет основать нашу пьесу. Но нужно добавить к ней еще и пожар!

Джейк схватил девушку за плечо и сильно встряхнул.

— Ты, идиотка! Разве это шутки?! Только дурак не видит, что здесь можно запросто поджариться.

— Но, Джейк... — запротестовала Салли. — Искусство должно основываться на настоящих событиях! Я читала об этом!

Во всем мире люди не отдавали себе отчета в тех изменениях, которые происходили в связи с приливами. Те, кто находился в глубине континента, вообще сомневались в том, чего не могли видеть собственными глазами, или же преуменьшали размеры катастрофы, не говоря уже о том, что многие никогда в жизни не видели волну прилива, поднимающую корабль, они едва чувствовали волны, вызванные землетрясением, так что они совершенно не ориентировались, является ли волна прилива, по которой они плывут, на несколько метров выше, а отлива — ниже, чем должно быть.

Повстанцы, которые овладели судном «Принц Чарльз» были по горло загружены работой — им приходилось следить за порядком на большом трансатлантическом лайнере, заниматься пассажирами и сводить на нет попытки команды восстановить контроль за судном. Поэтому они пришли к выводу о необходимости назначить четырех капитанов с равными правами. Прошло довольно много времени, прежде чем революционный совет повстанцев направил судно по курсу к мысу Сант-Рок и дальше, на Рио-де-Жанейро, где их предводители должны были возглавить восстание по свержению законного правительства. Повстанцы отделились смехом от усиленных просьб капитана Ситвайза свернуть в сторону приливного узла у подветренных островов, считая эту просьбу явным подвохом, позволяющим приблизить их к судам британского военного флота.

На яхте «Стойкая» Вольф Лонер наблюдал за густым облаком тумана, которое опускалось все ниже и ниже, почти полностью закрывая видимость. В этом микрокосмосе, состоящем из яхты, воды и неясной белизны, он снова начал воображать себе, что весь мир, кроме его яхты, исчез. Не исключено, что произошла атомная война и города исчезли с лица Земли, словно куски угля исчезают в печи... а может быть, на всех континентах распространилась эпидемия и он, Лонер, остался единственным живым человеком на Земле. От такой мысли на его устах заиграла улыбка.

Некоторые люди не хотели принять к сведению даже наиболее очевидные факты. В Институте исследований приливов в Гамбурге Фриц Шер объяснял — к полному своему удовольствию и почти к полному удовольствию Ганса Орфеля — каждую необычную для данного района составляющую записи приливов.

— Вот увидишь, — говорил он, улыбаясь, Гансу Орфелю, когда тот указал на растущую пачку донесений о Страннике и уничтожении

Луны. — Вот увидишь. Когда опустится ночь, наша старая знакомая снова появится на небе, и тогда все будут смеяться над собой! — Он изгибно оперся на полированную поверхность прибора, прогнозирующего приливы, и ласково похлопал его по боку.

— Ты, по крайней мере, знаешь, какие это идиоты, правда? — нежно шепнул он.

Однако были люди, которые вполне ясно отдавали себе отчет о том, что происходит.

Барбара Кац с аппетитом съела яйцо, сосиску и блинчик, политый кленовым сиропом, подала чашку Эстер и умиротворенно вздохнула. С улицы доносилось пение птиц. Большие настенные часы с римскими цифрами показывали половину десятого. Под часами висел большой календарь с видом парка Эверглейдс во Флориде.

Эстер налила Барбаре отличного крепкого кофе и, широко улыбаясь, сказала:

— Хорошо, что у старого ККК наконец-то появилась настоящая приятная девушка. А то как подумаешь об этой странной кукле, прямо мурашки бегут по телу. По-моему, девушка — это более естественно и здорово.

Молодая негритянка, по имени Елена, хихикнула, отводя веселый и немного стыдливый взгляд, но Барбару это нисколько не смутило.

— Эта модель куклы называется «Барбара», — улыбнулась она. — Но так получилось, что и меня тоже зовут Барбара, Барбара Кац.

Эстер фыркнула, а Елена снова захихикала.

— Почему ты говоришь о нем «старый ККК»? — невозмутимо спросила Барбара.

— Потому что его второе имя Келси, — объяснила Елена. — Коллинс Келси Кеттеринг III. А ты Кац... еще одно К... — и снова рассмеялась.

Ее смех прервал долгий тихий скрип.

— Закрой дверь, Бенджи, — резко произнесла Эстер, стараясь побороть смех, но высокий негр не двинулся с места, он стоял в дверях, одетый в белую рубашку и серебристо-серые брюки с темными лампасами.

— Сейчас очень сильный отлив. Такого еще никогда не было, — взволнованно произнес он с порога. — Создается впечатление, что можно запросто пройти к Багамским островам, даже не замочив ног. У некоторых уже полные корзины свежей рыбы.

Барбара выпрямилась, отставила кофе и удивленно уставилась на него.

— У других тоже не работает ни радио, ни телевизоры, — продолжал Бенджи, смотря на Барбару. Эстер и Елена тоже уставились на нее.

— Когда начался отлив? — быстро спросила девушка.

— Около половины восьмого, — не колеблясь, ответил Бенджи. — Час тому назад.

— Какой автомобиль у мистера Кеттеринга?

— Сейчас — только два «роллс-ройса», — ответила Эстер.

— Приготовь мне, парень, самый большой из них к длительному путешествию, — решительно приказала Барбара. — Собери как можно больше бензина, выкачай даже из баков второго автомобиля! Нам также потребуются одеяла, все лекарства господина Кеттеринга, много еды, термосы с кофе... и несколько бутылок с минеральной водой...

Они смотрели на нее с нескрываемым удивлением. Им передалось ее возбуждение, но они все еще не понимали, о чем идет речь.

— Зачем вам это, дитя мое? — удивилась наконец Эстер. Елена снова начала хихикать.

Барбара серьезно посмотрела на них и сказала:

— Потому что скоро надо будет ожидать огромного прилива! Такого же большого, как и этот отлив, а может быть, и больше!

— Из-за Странника? — спросил Бенджи.

— Да. Кстати, у господина Кеттеринга есть маленький телескоп. Не знаете, где он может быть?

— Телескоп? — улыбнулась Эстер. — А зачем, ах да, вы же тоже интересуетесь астрономией. Второй телескоп, тот, через который старик подсматривает за девушками, находится в охотничьей комнате.

— В охотничьей комнате? — глаза девушки заискрились. — А различные?

— В каком-то из сейфов, — ответила Эстер и слегка нахмурилась.

Глава 22

После неожиданного купания и бега наперегонки с волнами, люди почувствовали, что наконец-то снова живут.

Мужчины собрали доски, выброшенные морем, разожгли костер у низкого бетонного мостика над заливом, почти у самого прибрежного шоссе, и теперь все обсыхали, толпясь возле огня, справедливо делясь одеждой и сухими одеялами из фургончика.

Рама Джоан отрезала мокрые штанины, превратив брюки в короткие шорты, безжалостно отрезала у фрака рукава и длинные фалды, зеленый платок, который до этого служил ей тюрбаном, она повязала вместо испорченной манишки, а золотисто-рыжие волосы собрала в конский хвост.

Все выглядели донельзя жалко. Марго заметила, что Росс Хантер как будто более опрятен, чем остальные мужчины, но уже через мгновение до нее дошло, что в то время, как у остальных только сейчас начала пробиваться щетина, у Хантера с самого начала была буйная борода, которой он и был обязан своим прозвищем — Бородач.

По мере того, как небо светлело и становилось все более голубым, настроение у всех улучшалось, и они едва могли поверить, что все случившееся ночью произошло в действительности и что фиолетово-золотистая планета именно в этот момент терроризирует население Японии, Австралии и островов по другую сторону Тихого океана.

Но они видели огромный валун, блокирующий шоссе в неполных двухстах метрах к северу от них, а Брехт указал на валявшийся в отдалении разбитый пляжный домик и террасу, опирающуюся на блестящую сетку Вандерберга-Два.

— Однако скептицизм человечества по отношению к собственным переживаниям с течением времени возрастает, — заявил Брехт. — Додд, может быть, мы подпишем следующее заявление?

— Все события я записываю водостойкими чернилами, — заверил его невысокий мужчина. — Если кто-то интересуется, я готов предоставить записи в любой момент.

В подкрепление своих слов он достал блокнот и начал медленно переворачивать страницы.

— И если кто-то считает, что я где-то ошибся, то, пожалуйста, скажите. Я охотно внесу поправки, но при условии, что тот, у кого есть замечание, аргументированно обоснует его.

Войтович, заглядывая через плечо Додда в блокнот, тут же заметил:

— Знаешь что, Кларенс, мне кажется, что Странник все же выглядит немного не так, как на твоих рисунках.

— Потому что я старался сгладить контуры, — признался Додд. — Это схемы, а не картинки. Однако, если ты хочешь нарисовать эту новую планету по памяти и подписаться под рисунками, то пожалуйста...

— Нет, нет, спасибо, я плохой художник, — с улыбкой покачал головой Войтович.

— А кто ночью хорошо рисует? — попытался пошутить Брехт.

— Не напоминай мне об этой ночи! — Войтович заслонил рукой глаза и даже зашатался в притворном ужасе.

Только Дылда казался грустным: он сидел на широких перилах моста, тоскливо всматриваясь в горизонт, за которым исчез Странник, и шевелил губами, словно что-то говорил.

— Она выбрала его, — наконец смог он выразить свои мысли вслух. — Я верил, но она обошла меня. Втянула в летающую тарелку его.

— Не принимай так близко к сердцу, Чарли, — пыталась утешить его Ванда, положив ладонь на его худое плечо. — Может быть, это вовсе и не императрица, а только ее служанка, которая перепутала приказ.

— Да, действительно, было очень страшно, когда эта летающая тарелка зависла над нами, — кивнул Войтович. — Но одна вещь не дает мне покоя — уверены ли вы, что Пол похищен? Я не хотел бы каркать, но, может быть, его унесли волны, ведь нас всех чуть не смыло в океан!

Брехт, Рама и Хантер поклялись, что собственными глазами видели, как Пола втянуло в летающую тарелку.

— Мне кажется, что... что для того существа кошка была важнее, чем Пол, — внезапно заявила Рама Джоан. — Для нее это было важнее!

— Почему? — удивился Додд. — И откуда ты взяла, что это «она»? Рама Джоан пожала плечами.

— Сама не знаю. Я не заметила у этого пришельца никаких половых признаков, но по виду он очень напоминал кошку.

— Я тоже заметил, — поддержал ее Брехт, — хотя это был не совсем подходящий момент, чтобы всматриваться, ища их сладострастным взглядом.

— Ты думаешь, что у этой тарелки был безынерционный двигатель, такой же, как и у звездолетов Эдварда Эльмара Смита? — спросил Гарри Макхит.

— Судя по способу, каким она прилетела, я думаю, что да. Впрочем, в данной ситуации научная фантастика — единственный для нас источник информации. Но с другой стороны...

Марго воспользовалась моментом, когда все были заняты разговором, и исчезла в кустах, которые ранее исполняли роль женского туалета. Она взшла на небольшой холмик у залива и осмотрелась. Никого. Из-под куртки она вытащила серый пистолет. Впервые она смогла внимательно осмотреть оружие. Прятать его во время сушки одежды было весьма хлопотно.

Гладкий, обтекаемой формы пистолет был матово-серым — судя по его весу он был сделан из алюминия или магния. В сужающемся стволе не было никакого отверстия, через которое могла бы вылететь пуля. На месте курка находилась овальная кнопка. Рукоятка была приспособлена для захвата двумя пальцами и большим пальцем. С левой стороны пистолета виднелась утопленная в рукоятку и напоминающая термометр узкая горизонтальная полоска, которая по всей длине светилась фиолетовым светом.

Марго на пробу охватила пальцами рукоятку. Перед самым стволом, на краю выступа, лежал полуметровый валун. Ее сердце начало бешено колотиться, когда она решилась испытать чужое оружие. Она прицелилась и нажала кнопку. Ничего не произошло. Она нажала немного сильнее, еще сильнее, и вдруг, несмотря на то, что при выстреле совсем не было отдачи, валун вместе с метровым обломком скального выступа поднялся в воздух и тихо упал в тридцати метрах от нее, вздымая в воздухе фонтан песка. Марго почувствовала на спине легкое дуновение. Со склона посыпался щебень.

Она глубоко вздохнула, проглотила слюну и широко улыбнулась. Фиолетовая полоска если и уменьшилась, то только на миллиметр. Она спрятала пистолет под куртку и застегнула пояс на одну дырку дальше, а затем в размышлении нахмурила брови.

Направившись в обратную сторону, она не сделала и десятка шагов, как увидела Хантера. Лучи восходящего солнца окрашивали его волосы в медный цвет.

— Эй, профессор! — закричала она. — Разве это прилично?

— Что? — удивился Хантер и неуверенно улыбнулся, однако Марго не была в этом уверена, так как борода закрывала его рот.

— Подсматривать за девушкой, когда она отходит в сторону!

Хантер внимательно посмотрел на нее. Марго чисто автоматически поправила волосы.

— Ты прекрасно знаешь, что каждый мужчина должен интересоваться тобой, — произнес он тоном светского льва, но тут же добавил:

— Мне показалось, что где-то произошла осыпь. Или даже небольшая лавина.

— Да, кусок скалы скатился на пляж, — ответила она, проходя мимо него. — Но я не верю, что ты мог услышать этот шум.

— Я слышал, — ответил Хантер и направился вслед за ней вниз по склону. — Сними куртку, тепло ведь.

— Я смогла бы придумать более тонкий предлог, — с иронией заметила он.

— Я тоже, — заверил ее Хантер.

— Да, пожалуй, верно, — через мгновение произнесла Марго. Она остановилась у подножия и задала вопрос:

— Росс, знаешь ли ты выдающегося ученого, вернее, физика с мировым именем, который своими знаниями хотел бы оказать услугу всему человечеству? Человека с большим воображением и очень доброго?

— Трудный вопрос. Ну... есть Друммонд, Стендаль, хотя этого трудно считать физиком, Розенцвейг... и конечно же Мортон Опперли.

— Именно его я и имела в виду, — кивнула Марго.

Дэй Дэвис постучал в застекленную часть двери, состоящей из четырехугольных плит, заключенных в оловянные рамки, двери маленькой пивной около Партишеда. Его колени дрожали, лицо было мертвенно бледным. Мокрые черные волосы висели сосульками, с одежды капала вода. Однако одежда не была грязной, несмотря на многочисленные падения, поскольку грязь с нее смыла вода, когда Дэй убежал от наступающего прилива, вплавь преодолевая последние сто метров Бристольского канала.

Энергия, пробудившаяся в нем под влиянием испуга, уже исчерпалась — если бы ему пришлось сделать еще несколько движений руками или ногами, то он уже не смог бы доплыть до берега, не выбравшись бы из рвущейся вперед, пенящейся воды прилива, мчащегося в верховья Северна. Теперь ему был нужен крепкий напиток — алкоголь! — чтобы восстановить силы. Так же, как больному, подвергшемуся тяжелому отравлению окисью углерода, необходимо срочное переливание крови.

Но эти сволочи из Коммерсета по неизвестной причине закрыли двери и спрятались, а поскольку в эти часы пивная должна быть открытой, то он не сомневался, что они просто делают ему назло, не впуская его, так как ненавидят всех уэллсцев, а тем более поэтов. Он поклялся, что сообщит соответствующим властям о закрытии питейного заведения. И прильнул лицом к одному из оправленных в оловянных матовых стекол, пытаясь разглядеть прячущихся в этой норе трусов, но темный зал был пустым, а огни потушены.

Шатаясь, он отошел от пивной, похлопывая себя руками, чтобы хоть немного согреться. Кружась по улице, Дэй начал кричать охрипшим голосом:

— Куда все подевались? Вылезайте! Ну, кому говорю, вылезайте!

Но никто не вышел к нему, ни одна дверь приглашающе не раскрылась, ни одно бледное, враждебное ему лицо не смотрело в окно.

Он был совершенно один!

Дрожа всем телом, он вернулся к двери пивной, обеими руками схватился за дверную раму, чтобы не потерять равновесия, с трудом поднял ногу, которую схватила судорога еще тогда, когда он плыл через канал, и каблуком сильно пнул в стекло. Посыпались осколки. Дэй опустил ногу, присел возле дыры и просунул внутрь руку по самое плечо, стараясь отыскать замок и открыть дверь. Через мгновение ему удалось это сделать и, освободив руку, он, с силой толкнув дверь, вошел внутрь. Близкий к обмороку, он направился к бару.

Остановившись, он с трудом переводил дыхание. Когда глаза привыкли к полумраку помещения, Дэй охватило радостное чувство. Неожиданно ему показалось, что это так прекрасно, что он в этот момент находится здесь один — он давно мечтал об этом, и вот его мечта наконец-то сбылась!

Он не обращал ни малейшего внимания на приглушенный рев, доносившийся с улицы, а поскольку так ни разу и не обернулся, то и не увидел, как снаружи в Бристольском канале медленно поднимается грязная пенящаяся вода. Он смотрел только на коричневые и зеленые бутылки, стоящие на полках за баром, и на их восхитительные этикетки. Бутылки, как ценные книги, были для него источником различных знаний, друзьями в одиночестве, а бар — прекрасной библиотекой, из которой следовало черпать и вкушать произведения, которые, как Дэй хорошо знал, никогда не смогут ему надоесть.

Медленно приближаясь к ним, счастливый и улыбающийся до ушей, он начал тихо и мелодично читать по этикеткам названия своих любимых книг.

Вместо романов Стендала перед ним стояло любимое виски «Черное и белое», некоторые названия — «Старый контрабандист», «Учитель», «Белая лошадь» — ассоциировались у него с похоже звучащими названиями произведений Ричарда Блекмора, Чарльза Сноу и Герберта Кийта Честертона.

Двигаясь в холодной соленой воде, генерал Стивенс прошел мимо шахты лифта, в которой вода поднималась так бурно, что трещали металлические двери. Фонарик, висящий на его шее, освещал воду, достигающую бедер, а также стену, оклеенную обоями с изображением исторических битв. Сразу же за генеральским фонариком, пытаясь рассеять темноту, пробирались еще три луча света.

— Совсем как банда воров из какой-то музыкальной комедии, — заявил полковник Грисволд.

Стивенс ощупал стену, пальцами разорвал обои и открыл полуметровой ширины двери, за которыми они увидели неглубокую нишу с большим черным очагом.

Генерал обернулся к остальным:

— Предупреждаю вас, господа, — поспешно произнес он, — только я знаю, где находится дверь к запасному выходу. Но так же, как и вы, я понятия не имею, куда он ведет, потому что место нашего пребывания является государственной тайной. Будем надеяться, что этот выход ведет в какую-нибудь башню, так как сейчас мы находимся в шестидесяти метрах под землей в шахте, которая постепенно наполняется морской водой. Ясно? Ну, так я открываю!

Он повернулся к ним спиной и начал опускать рычаг. Полковник Мейбл Уолмингфорд стояла как раз за ним, полковник Грисволд и капитан Джеймс Кидлей — немного в стороне.

Рычаг немного опустился, но тут же остановился. Генерал надавил сильнее и почти повис на руках. Полковник Уолмингфорд подошла ближе, тоже схватила рычаг и изо всех сил начала тянуть его вниз.

Рычаг подался и опустился еще сантиметров на двадцать...

— Подождите! — закричал Грисволд. — Если его заело, значит...

Почти в метре от них внезапно разорвались обои, распахнулась небольшая дверь, и черный поток воды хлынул внутрь, сбивая с ног капитана Кидлея и полковника Грисволда. Мейбл увидела, как фонарик Грисволда опускается все глубже и глубже.

Вода все прибывала — один большой, мощный поток. Она шла на полковника Уолмингфорд и генерала Стивенса, которые судорожно цеплялись за рычаг, чтобы не оказаться сбитыми с ног.

Глава 23

Марго и Кларенс Додд стояли, опершись локтями о верхний поручень бетонного моста, и смотрели на взгорья, пытаясь отгадать, откуда берется завеса разреженного дыма, плывущая с юга и приводящая к тому, что у солнца появился какой-то странный красноватый оттенок, а лучи его приобрели зловещий медный цвет. Марго пришла сюда в основном, чтобы убежать от Росса Хантера.

— Конечно, вполне возможно, что это горят заросли в каньонах и горах, — предположил Додд. — Однако мне почему-то кажется, что это нечто более серьезное. Вы живете в Лос-Анджелесе, Марго? — поинтересовался он.

— Я снимаю домик в Санта-Монике. В принципе это одно и то же.

— Вы живете одна?

— Да, совершенно одна.

— Это хорошо. Потому что если не пойдет дождь...

— Посмотрите! — крикнула девушка, прерывая его и указывая вниз, на залив. — Вода! Это, наверное, из-за того, что там, — она показала в глубь суши, — идет дождь!

Но именно в этот момент Хиксон, который отправился на исследование местности, вернулся, триумфально нажимая на клаксон, а за ним ехал небольшой, угловатый желтый школьный автобус. Обе машины остановились на мосту. Из автобуса выскочил Войтович, за ним показался Брехт, который остановился на ступеньках автобуса, словно на эстраде.

— С истинным удовольствием объявляю вам, что мы нашли транспорт! — громко и радостно изрек он. — По моему предложению мы поехали осмотреть шоссе, ведущее через горы Санта-Моника, и там, в маленькой долине, почти в ста метрах от дороги, я увидел вот этот очаровательный автобус, который как раз ждал пассажиров. И этими пассажирами оказались сегодня мы! Баки полны, большой запас провизии, и, кроме всего прочего, много пакетов с ферментированным молоком. Прошу готовиться в дорогу. Отъезд через пять минут!

Он сошел со ступенек и обошел желтый капот автобуса.

— Додд, — Брехт подошел к краю моста, — это не дождевая, а приливная вода. Посмотри только на другую сторону моста, и ты увидишь блестящую поверхность воды, которая тянется до самого Китая. Все объединилось против нас, Кларенс. И поэтому надо убраться отсюда как можно скорее. Ты поедешь с Хиксонами, потому что у тебя второй карабин. Ида поедет с вами, чтобы заботиться о раненом Ханксе. А я приму командование в автобусе.

— Прошу прощения, — заметила Марго, — вы намереваетесь ехать через горы до самой долины?

— Если сможем. Я хотел бы, чтобы мы добрались хотя бы до тех возвышенностей, что находятся в шестистах метрах над уровнем моря. А потом...

Брехт пожал плечами.

— Вандерберг-Три находится в конце этого шоссе, — продолжала Марго. — Как раз на склонах. Там должен быть Мортон Опперли, который руководит теоретической стороной исследований, связанных с Лунным Проектом. Я считаю, что мы должны с ним связаться!

— Неплохая идея, — признал Брехт. — У Опперли, вероятно, больше ума, чем у тех офицеров из Вандерберга-Два, и, может быть, он

охотно примет к себе трезвомыслящих новобранцев. Да, это вполне разумно, чтобы мы в этой, почти сюрреалистической ситуации сгруппировались вокруг лучших умов. Но только один бог знает, удастся ли нам доехать туда, а если да, то застанем ли мы там еще Мортон Опперли, — добавил он, снова пожимая плечами.

— Это не имеет значения, — решительно произнесла Марго. — Если только существует какой-то шанс найти с ним взаимопонимание, то я прошу, чтобы вы помогли мне. У меня есть на это очень важная причина, которую я пока не могу открыть.

Брехт испытующе посмотрел на нее и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он.

Хантер и другие начали толпиться вокруг Брехта, засыпая его вопросами и собственными предложениями.

Марго немедленно села в автобус и заняла место за водителем. Это был пожилой человек с хмурым лицом и подбородком, настолько сдвинутым назад, что создавалось впечатление, что у старика вообще нет зубов.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы согласились прийти к нам на помощь, — начала благодарить его Марго.

— Я? — удивился водитель и посмотрел на нее с недоверием. Он указал пальцем на Брехта, стоящего у двери, и сказал:

— Он мне сказал о шестидесятиметровой волне, которая затопит здесь все вокруг, и меня в том числе, если я как можно скорее не выберусь из долины. Он очень выразительно все это рассказал. А потом сказал, чтобы я не ломал себе голову над решением этой проблемы, потому что с ним тип с карабином...

С этими словами он указал на Войтовича, и Марго постаралась подавить смех.

— ...вы считаете, что это было очень мило с моей стороны? У меня не было другого выхода. А кроме того, — добавил он, — лавина перекрыла дорогу на юг, по которой я должен был ехать. Поэтому я подумал, что за неимением лучшего могу присоединиться к вашей компании ненормальных.

Марго смущенно рассмеялась.

— Вы к нам привыкнете, — сказала она старику.

В этот момент в автобус сел Дылда, крича Брехту:

— Ну, хорошо. Мы с Вандой поедem на этом драндулете, но я категорически отказываюсь пить молоко с этими вашими радиоактивными осадками и отравой для крыс!

Водитель бросил на Марго быстрый взгляд и кисло ответил:

— Может быть...

Остальные пассажиры уселись. В то время, когда водитель разговаривал с Марго, Хантер сел рядом с ней. Марго демонстративно отодвинулась, но Хантер даже не заметил этого. Брехт стал в дверях и посчитал пассажиров.

— Все в сборе, — удовлетворенно констатировал он, а затем выглянул и крикнул Хиксону: — Поехали! Поворачивай и двигайся за нами!

Автобус и фургончик развернулись на мосту. Марго заметила, что уровень воды в заливе поднялся почти на метр. По воде пошли небольшие волны, увенчанные пеной. пляж, на который волны нанесли множество валунов, уже был полностью залит водой. Всю ночь море почти на километр отстояло от шоссе, а теперь только какие-то сто метров отделяли его от воды.

Брехт уселся в стратегически удобное место, которое зарезервировал заранее, — напротив Хантера и возле дверей.

— Направление — горы Санта-Моника, — обратился он к водителю. — Скорость — пятьдесят километров в час, и будьте внимательны. На дороге полно камней. Через шесть километров прибрежное шоссе сворачивает в горы, так что у нас будет достаточно времени, чтобы убежать от Тихого океана, если он захочет поиграть с нами. Помните! — обратился он ко всем. — Приливы на побережье Тихого океана изменчивы. Нам повезло, что сегодня утром прилив был не очень большой. Гарри! — закричал он через плечо. — Ты будешь нашим офицером связи. Следи, чтобы фургончик не исчез из поля зрения. Эй, не расслаживайтесь все со стороны моря! Автобус должен быть загружен равномерно, когда мы въедем в горы. Прилив нас уже не сможет догнать, так что не бойтесь! Нам ничего не грозит!

— Пожалуй, если будут новые... — начала Марго, но сразу же прикусила язык. Она хотела сказать — цунами, вызванные землетрясением. Хантер улыбнулся ей.

— Ты права. Лучше не вызывать волка из лесу, — шепнул он ей на ухо, а потом немного громче сказал Брехту: — Рудольф, откуда ты выпряс эти шестидесятиметровые волны?

— Двухметровая амплитуда прилива в Лос-Анджелесе, умноженная на восемьдесят раз, — пояснил Брехт. — Мне очень хочется, чтобы это было преувеличением, но мы должны твердо представлять себе, чего примерно можно ожидать... О, жизнь на волнах, дом в безмолвной глыбе, ла-ла-ла!..

Марго вздрогнула, услышав охрипший голос Брехта, который пел, желая придать всем бодрости. Как он пел — это другое дело, — и вскоре она начала жалеть, что это не голос Пола. Она сложила руки на груди и посмотрела на спинку водительского кресла. Хотя оно явно было только недавно починено, она смогла прочесть на нем кое-какие надписи. «Оззи — вонючка», «У Джо-Энн искусственная грудь» и даже «У моего дедушки тринадцать зубов».

Несмотря на заверения Брехта, что им ничего не угрожает, в автобусе царил беспокойство, напряжение росло — пассажиры внимательно следили за догоняющими их волнами. Марго почувствовала, что напряжение ослабло, когда автобус свернул на черное двухполосное шоссе, которое взбиралось вверх. Однако общее беспокойство через мгно-

вание снова увеличилось, когда все стали высматривать на дороге каменные осыпи и выбоины. Неожиданно Марго вспомнила необычайно убедительное описание происшедших событий, данное миссис Хиксон, и ее фразу: горы кипели, как жаркое на плите. Но, по крайней мере, первый отрезок дороги, ведущий не на особенно высокое взгорье, был пустым и гладким.

— Фургончик поворачивает за нами, — крикнул сзади Макхит, словно рапортующий солдат.

— Все в порядке, Гарри! — крикнул ему в ответ Брехт, а потом вернулся к Хантеру и Марго и громко, так чтобы все слышали, сказал:

— Я рассчитываю на это горное шоссе. О нем в свое время очень много писали в прессе, но ведь это действительно огромный шаг вперед в истории дорожного строительства. — Рудольф! — крикнул Войтович. — Если бы это шоссе было целым до самой долины, то оно не было бы таким пустым, а?

— Ты сегодня очень наблюдателен, парень, — усмехнулся Брехт. — Но для нас главное, чтобы оно не было повреждено хотя бы на протяжении пяти километров. Тогда мы будем уже метрах в двухстах над уровнем моря и в безопасности. И оставшиеся тридцать пять километров нас уже не будут касаться. Собственно, было бы лучше для нас, чтобы дорога дальше оказалась забаррикадированной!

— Это можно понять. В противном случае, мы рисковали бы застрять среди пятидесяти миллионов автомобилей.

— Мамочка, небо становится все более черным, — сказала Анна, которая вместе с Рамой сидела за Брехтом. — О, посмотри, сколько там дыма!

— Мы находимся между водой и огнем, господа, — торжественно объявил Дылда, которого снова охватило мечтательное настроение. — Но ничего, Испан обязательно вернется!

— Именно этого я и опасаюсь, — вполголоса заметил Хантер, обращаясь к Марго, и, посмотрев на ее куртку, застегнутую на молнию, добавил:

— Может быть, ты покажешь мне, что сбросила тебе эта кошка? Я видел, как ты схватила какой-то серый предмет. А сегодня утром его испробовала, не так ли? И что же, хорошо действует?

Марго не ответила, но Хантер продолжал дальше:

— Ты можешь, конечно, ничего не отвечать, если так чувствуешь себя безопаснее. Я слышал твой разговор с Брехтом и от всего сердца поддерживаю тебя. В противном случае я сразу же отобрал бы у тебя «это».

Марго даже не посмотрела на него. Может быть, он и расчесал бороду, но от него все еще пахло мускусом и потом.

Автобус забрался на первый холм, сделал медленный зигзаг вниз и снова начал взбираться на следующую, уже более крутую, гору. На дороге все еще не было видно никаких скал и камней.

— Шоссе через горы Санта-Моника, — громко сказал Брехт, — идет почти по самым горным вершинам. Оно сделано из укрепленного асфальта, поэтому более устойчиво к тектоническим толчкам. Я узнал это, копаясь в разных технических журналах. Вот что значат всесторонние интересы!

— Всесторонний болтун! — буркнул кто-то сзади.

Брехт осмотрелся, холодно улыбаясь, и подозрительно покосился на Раму Джоан.

— Мы находимся уже в ста метрах над уровнем моря! — заявил он.

Автобус повернул и начал взбираться на следующую гору, на вершине которой они бросили последний взгляд на прибрежное шоссе, уже залитое водой, где волны разбивались о склоны, поросшие кустами...

Дэй Дэвис с пренебрежением и равнодушием, словно зачарованный сын Посейдона, находящийся в библиотеке своего отца, наблюдал за широким серым Бристольским каналом, который в затуманенном серебристом свете заходящего солнца сверкал кое-где, как сталь, в то время как вода медленно поднималась, заливая поросший боярышником склон противоположной стороны улицы.

Когда он в последний раз выглядывал в окно, два грузовых и одно пассажирское судно плыли вниз по течению, борясь с наводнением. Теперь их уже не было видно — на поверхности мутной воды плавали только отдельные доски, а вдали виднелась маленькая лодочка — Дэй решил, что к ней даже не стоит присматриваться.

Полчаса назад он включил радио и начал слушать передаваемые глухим голосом объявления о чудовищных приливах: объяснения, что эти приливы вызваны сильными толчками, которые потрясли земную кору за последние несколько часов, отчаянные инструкции для моряков, водителей автобусов и машинистов, приказывающие им сделать все возможное, чтобы спасти пассажиров, и мрачные истерические призывы, направленные к жителям всей Англии, рекомендующие немедленно отправиться куда-нибудь, лучше всего на вершины близлежащих гор.

Дэй отметил про себя, что более ранняя серия отчаянных предупреждений заставила здешних трусливых жителей закрыть бары и дома и убежать из города. Но через минуту к нему опять вернулось отличное настроение, и он опять начал танцевать, громко распевая во все горло:

— Кто боится приливов и воды? Наверняка не славный малый Дэй!..

В этот момент с зеленовато-белым свerkанием погас свет, вместе с ним умолкло и радио. Желая создать себе более веселое настроение, Дэй поискал свечи и расплавленным стеарином артистически приклеил к стойке бара целых семь штук.

Он посмотрел на свечи — все они красиво горели, огоньки танцевали, словно семь серебристо-золотых красавиц, бросая теплый свет на прекрасные зеленые и коричневые книги, старательно обозначенные красивыми этикетками.

— Сейчас, мои милые, сейчас я почитаю вас, — прошептал он сладострастно. — Может быть, взять Харди, — сказал он себе, обходя огоньки и присматриваясь к бутылке «Олд Бушмилс». — А может быть, взять «Песнь 69» Эзры Паунда, — он уставился на виски «Ват-69». — Гм-м... что за выбор, боже мой! А как насчет иностранного автора? К примеру, Генрих Гейне! О, кстати! — и с этими словами он широко улыбнулся бутылке с этикеткой «Киршвассер».

Генерал Стивенс и полковник Мейбл Уолмингфорд лежали рядом примерно в полуметре от бетонного потолка на большом, как кровать, верху металлического шкафа. Полковник Уолмингфорд потеряла фонарик, но у генерала он остался висеть на шее и теперь освещал неподвижную поверхность воды, которую от верхнего края шкафа отделяло каких-то пятнадцать сантиметров.

Они лежали неподвижно. В голове шумело от давления разогретого сжатого воздуха.

На стене и потолке не было ничего такого, на чем они могли остановить внимание, кроме разве что решетки вентилятора, находящейся как раз над головой полковника Уолмингфорд.

Странно низким и одновременно очень далеким голосом генерал сказал:

— Не понимаю, почему, если сейчас такое давление, воздух не уходит туда, — и он указал на вентиляционную шахту. — Тогда бы все было давно кончено. Наверное, воздуховод заблокирован задвижкой на случай попадания радиоактивных осадков.

Полковник Уолмингфорд отрицательно покачала головой. Она лежала на полу, краем глаза рассматривая решетку.

— Нужно просто лучше присмотреться, — тихо произнесла она через мгновение. — Вентиляционная шахта уже полна воды, а в решетке есть выпуклости, напоминающие черные подушечки или кончики больших черных пальцев. Давление воды наверху и внизу сравнялось, во всяком случае, пока, то есть до тех пор пока что-то не нарушит поверхностного натяжения на этой решетке.

— У тебя галлюцинации, Мейбл, — ответил генерал, — и пробел в изучении гидростатики. Давление воды под нами больше, и поэтому должно было моментально вытеснить воздух...

— Может быть, шахта лифта еще не полностью залита водой, — предположила Мейбл, слегка пожимая плечами. — И нет у меня никаких галлюцинаций!

Она подняла руку и ткнула пальцем в одно из ближайших отверстий вентиляционной решетки, а затем быстро вытащила его, когда

толстая, как сигара, струя воды брызнула из решетки и с громким плеском ударила в находящуюся ниже гладкую поверхность — могло показаться, что это мочится слон.

Генерал схватил Мейбл за плечо.

— Ты, глупая девка! Чтоб тебе содохнуть! — рявкнул он, потом посмотрел ей в лицо, засунул палец за воротничок ее блузки и сильно, словно намереваясь разорвать его, дернул.

— Да! — заявил он охрипшим голосом и кивнул. — Хочешь ты того или нет, но так будет!

Он подумал, а потом извиняющимся, но все же решительным тоном добавил:

— Все дороги отрезаны. Только так мы можем найти забвение.

Полковник Уолмингфорд сверкнула зубами в улыбке.

— Мы должны это очень хорошо разыграть, ты, сукин сын, — сказала она, слегка щуря глаза. — Для нас уже нет спасения, — задумчиво продолжала она, четко выговаривая каждое слово. — Если нам удастся достигнуть оргазма в тот момент, когда начнем захлебываться, то... мы, пожалуй, должны подождать, пока вода начнет заливать нас... С этим нельзя спешить...

— Прекрасно, Мейбл! — громко закричал склонившийся над ней генерал, скаля зубы в неестественной ухмылке.

Мейбл нахмурилась.

— Это еще не все, — сказала она тихо, но настолько выразительно, что генерал услышал ее, несмотря на шум льющейся воды — из решетки уже летели три струи. — Есть еще кое-что. Но пока мы можем начинать, а потом я скажу тебе, что надо делать...

Она расстегнула мокрый плащ, блузку и сняла бюстгальтер. Фонарик, висящий на шее генерала, осветил ее грудь. Стивенс прижался к Мейбл, и они приступили к делу.

— Не спеши так, ты, сукин сын! — прошептала она спустя некоторое время.

Когда вода была уже почти в двух сантиметрах от верха шкафа, генерал и Мейбл на мгновение остановились.

— Как крысы в ловушке, — нежно прошептала она.

— Для крысы у тебя совсем неплохая шерстка, — засмеялся он. — Я почему-то всегда думал, что ты лесбиянка.

— Да, — согласилась она. — Но не только...

— Помнишь, как нам показалось, что мы увидели черного тигра...

— Нам это вовсе не показалось, — прошептала Мейбл, и неожиданно ее лицо осветила улыбка, — смерть от удушения не будет тяжелой...

Она опустила руку в воду, словно лежала в лодке, и на мгновение у генерала создалось впечатление, что это так и есть на самом деле.

— Это цитата из «Принцессы д'Амальфи», генерал. Слова принца Фердинанда. Здорово, правда? — А когда Стивенс в задумчивости нахмурился, Мейбл продолжала, блаженно улыбаясь, развивать свою

мысль: — Я читала, что у повешенного перед смертью бывает оргазм, а удушение и повешение — это почти одно и то же. Не знаю, относится ли это утверждение также к женщинам, может быть... Впрочем, женщинам не привыкать рисковать. Во всяком случае, действие воды только ускорит удушение, а если бы нам еще удалось соединить это с оргазмом... Ну как, генерал, принесет ли вам удовольствие убийство женщины? Да, я лесбиянка и спала с девушками, которыми ты никогда не владел. Помнишь ту, маленькую, рыженькую, из отдела статистики, которая всегда прищуривала левый глаз, когда ты на нее кричал?

— Сначала я буду душить тебя не слишком сильно, ты, жалкая лесбиянка, — крикнул ей на ухо генерал. — Я постараюсь помнить, что ты все же женщина.

И он снова принялся за дело.

— Ты так думаешь? — попыталась перекрыть шум падающей воды Мейбл. Она протянула руки и сжала у него на шее свои длинные, сильные пальцы душителницы.

Глава 24

Нулевая гравитация предоставляла определенные удобства, но, несмотря на это, у Пола все тело страшно болело от того, что он лежал в крайне неудобном положении. Несколько раз он мысленно жаловался на боль, надеясь, что Тигрица как-то отреагирует на это, но пока что все было безрезультатно. Когда он немного пришел в себя от пережитого ужаса и перестал пугаться каждого шороха, он попытался задать Тигрице несколько вопросов. Однако она сразу же заявила: «Обезьяний виз!» и на мгновение приложила к его губам свою пушистую фиолетовую лапу. И тут же странный паралич сковал Полу горло и нижнюю часть лица — словно кто-то запихнул ему в рот невидимый кляп.

Но боль позволила ему, по крайней мере, забыть об унижении. Ведь он лежал полностью обнаженным! Когда Тигрица сообразила, что примитивный разум, разговаривавший с ней, принадлежит человеку, а не кошке, она с презрением прочла его мысли, после чего молниеносно стянула с него мокрую одежду, на мгновение освобождая ноги и руки от невидимых пут. Затем она приступила к анатомическому осмотру тела Пола, причем производила это с таким безразличием, словно имела дело с трупом. И наконец, что человек считал верхом оскорбления, она прикрепила к его промежности два санитарных приспособления.

Отходящие от них трубки вели к той же серебристо-серой емкости, куда Тигрица уже бросила его мокрую одежду. Пол называл этот бак «емкостью отхождений».

В тепле кабины было лучше лежать обнаженным, но, несмотря на это, он продолжал чувствовать себя униженным.

Когда Тигрица управилась с ним, не скрывая, что для нее это исключительно неприятное занятие, она принялась за собственные дела. Она вычистила себя и Мяу остроконечным, светло-фиолетовым язычком, скорее напоминающим язык жабы, чем кота, а потом двумя, очевидно, серебряными гребешками расчесала шерсть. Ритмично работая расческами, она что-то тихо напевала себе под нос тремя голосами одновременно. Волосы, которые выпадали при расчесывании, она тут же бросала в емкость отходов.

Затем с высокомерным или просто жестоким безразличием по отношению к находящемуся внизу страдающему миру Земли (Пол, собственно, не был уверен, висит ли летающая тарелка над южной Калифорнией, или вообще над Землей) она накормила Мяу. Из второго бака, который Пол назвал «емкостью пищи», она вынула толстого, темно-красного червя, который, по мнению человека, выглядел искусственным. Червяк этот немного шевелился, пробуждая огромный интерес у Мяу, которая под наблюдением Тигрицы некоторое время играла этой игрушкой, летая в состоянии невесомости, а потом с большим аппетитом стала его есть.

Затем Тигрица подошла к третьей емкости (Пол назвал ее «пультом управления») и стала работать, по-видимому, она вела наблюдения.

Когда стена-зеркало, находящаяся напротив Пола, стала прозрачной, он очень обрадовался прикрепленным к его телу санитарным приспособлениям.

В километре над ним волновалось и кипело гневное, серое море, и в нем он увидел одинокий скалистый остров и большой, длинный танкер, который из последних сил сопротивлялся натиску волн.

Стена с противоположной стороны тарелки вдруг стала идеально прозрачной. Когда Пол посмотрел на нее, у него создалось впечатление, что сейчас он упадет сквозь огромное кольцо цветов прямо в пучину. Но уже через мгновение прозрачная стена превратилась в обыкновенное зеркало.

Ситуация повторилась несколько раз через короткие промежутки времени, только каждый раз отдаленность тарелки от Земли была другой. Пол, висающий то над морем, то над побережьем и сушей, чувствовал, как у него что-то сжимается внизу живота. Один раз ему показалось, что он узнает северную часть долины Сан-Фернанда с горами Санта-Моника, но он не был в этом уверен на сто процентов.

Однако в отношении следующего вида у него не было никаких сомнений. Он находился по крайней мере в восьми километрах над Землей, и почти всю ширину десятиметрового окна заполнял залитый солнечным светом город, который с запада окружал океан, а с севера и востока — горы. К сожалению, окно в кабине не охватывало района с юга.

Через город пролегло шесть параллельных полос дыма, возникших словно от мазка кистью, они начинались у моря и были цвета киновари,

но по мере того как дым передвигался в глубь черной суши, к горам, он приобретал черно-коричневую окраску.

Лос-Анджелес горел. На этот раз корабль завис достаточно низко над городом, так что Пол без труда мог определить главные очаги пожара: Санта-Ана, Лонг-Бич, Торранс, Ингл Вуд, Лос-Анджелес, Сивик Центр и Санта-Моника. Огонь в Санта-Монике, облизывая южные склоны гор, доходил до Беверли Хиллс и Голливуда.

Пол был уверен, что как его квартира, так и домик Марго в Санта-Монике уже сгорели.

С этой высоты он мог только вообразить себе мчащиеся в панике автомобили и перегораживающие проезжую часть пожарные машины, которые сверху выглядели, как подвижные красные жуки.

Что-то случилось с побережьем к югу от Лос-Анджелеса. Воды Тихого океана местами заходили здесь слишком далеко в глубь суши.

Пол начал задыхаться и тут же осознал, что он пыгается через невидимый кляп крикнуть Тигрице, чтобы она что-нибудь предприняла.

Но она даже не посмотрела на него — она отодвинулась от пульта управления, присела на невидимом полу и сосредоточила все свое внимание на юго-востоке, где простиралось море.

Тремя километрами ниже корабля над изменившимся до неузнаваемости побережьем мчалась по небу тяжелая серая туча, за которой тянулся темный хвост. Когда этот хвост столкнулся с огнем на Лонг-Бич, дым стал белым — дождь! Проливной дождь!

Пол посмотрел на пожар, пылающий на пути тучи, и увидел два серебристо-стальных военных реактивных самолета, летящих в их сторону. Из-под их крыльев внезапно появился дым, и через мгновение Пол сумел различить четыре ракеты, растущие прямо на глазах и нацеленные в летающую тарелку.

Тут же ему показалось, что Лос-Анджелес стремительно провалился вниз. Обзор увеличился в десятки раз. Пол увидел новые полосы дыма, совсем маленькие с такой высоты, тянущиеся вдоль побережья в сторону Бейксерсфилда.

Через короткое время вид заслонила зеленая, как бильярдный стол, стена, на этот раз зеркала не было — наверное, для разнообразия.

Тигрица засунула длинную лапу в цветистый перелесок и вытащила Мяу. Она прижала к себе маленькую кошку и, полуобернувшись к Полу, громко сказала:

— Видишь, мы спасли для него обезьяний город. Сделали дождь, но эти обезьяны так неблагодарны! Вот помогай им после этого, рискуя получить от них пару ракет в ответ!

Мяу начала вырываться, словно хотела вернуться к играм среди цветов, но Тигрица длинным, как стилет, языком полизала ей мордочку, и кошка с удовольствием потянулась.

— Мы не любим его, правда? — замурыкала Тигрица голосом, в котором звучал жестокий смех, и одновременно искоса посмотрела на

Пола. — Обезьяна! Что можно ожидать от них! Без индивидуальности, без цвета и полета мысли! Толпы трусливых, верещащих обезьян!

Пол охотно удушил бы это существо, медленно сжимая руки на гладком зеленом мехе ее шеи. Да, он охотно сделал бы это...

Тигрица сильнее прижала к себе Мая и громко шепнула:

— Он страшно воняет. И его мысли тоже воняют!

Несчастный Пол вспомнил, как он когда-то думал, что Марго издевается над ним. Но тогда он еще не знал Тигрицы.

Дон Мерриам находился в маленькой комнатке со стенами спокойных пастельных тонов. Он сидел на краю постели, вернее, на краю огромной пружинистой подушки.

Перед ним на высоте колен находился низкий столик, на котором стояла прозрачная кружка, кувшин с водой и прозрачная тарелка, полная маленьких, белых, губчатых шестигранников с шероховатой поверхностью, вкусно пахнущих свежим хлебом. Поскольку он ощущал сильную жажду, то сделал несколько больших глотков воды и только для пробы положил в рот один шестигранник, вкус которого оказался на удивление приятным.

Кроме стола и кровати, в комнате находились унитаз и душ — нет, не душ, а скорее квадратный метр пола в углу комнаты, где из потолка постоянно шел дождь. Однако вода не брызгала на стены и не заливала остальную часть комнаты. Дон еще не пользовался этим душем, хотя уже разделся до белья.

Температура, освещение и влажность в комнате были так идеально приспособлены к человеческому телу, словно комнату специально проектировали для комфорта человека.

Прежде чем раздвижная дверь под цвет стены закрылась за его хозяином, или же стражником, двуногий красно-черный тигр сказал:

— Выпей. Съешь. Оправься. Умойся и хорошо отдохни.

Это были единственные слова, произнесенные тигром, с тех пор как он подошел к Дону возле колонны. Во время их короткой поездки на лифте и перехода по узкому коридору существо больше ничего не сказало.

Космонавт почувствовал облегчение, когда существо исчезло, но одновременно ощутил злость на самого себя за то, что страх и робость удержали его от расспросов: теперь он жалел, что тигр ушел.

Радость и грусть по поводу ухода этого существа были только одним из многих смешанных чувств, которые охватили его, — физически он крайне устал, но ум его находился в постоянном напряжении, не позволяя расслабиться. Чувствовать здесь себя в безопасности и одновременно в отчуждении, дать волю воображению и сохранить при этом ясность мыслей, посмотреть правде в глаза и одновременно убежать в мир иллюзий — такие противоречивые желания терзали его сознание.

Эта комната так же хорошо могла быть изолятором в больнице, как и каютой на большом трансатлантическом корабле. Но разве планета не является своего рода кораблем, плывущим по океану космоса?! Во всяком случае, эта планета с ее бесчисленными количествами палуб...

Усталость взяла верх, огни погасли, Дон вытянулся на постели, но разум его оставался на удивление активным. У него создалось впечатление, что он начал бредить, но этот бред не был почему-то хаотичным!

В сумме ощущения были вполне приятными, и он чувствовал себя так, словно находился под действием наркоза. По крайней мере, исчезли все мысли о боли и страхе.

Дону показалось, что они врываются в его мозг и изучают его, но сейчас это было ему совершенно безразлично.

Зачарованный, он наблюдал, как его мысли, знания и воспоминания выстраиваются в шеренги, словно на военном смотре, и маршируют перед трибуной для почетных гостей.

Наконец, образы начали мелькать слишком быстро, чтобы он мог следить за ними, но ему это не мешало, поскольку то смазанное пятно, которое они образовывали, и темнота, которая охватила его разум, принимая в свои объятия, показались ему зовущими, теплыми и обезволивающими.

Глава 25

Бесчисленные огромные волны, вызванные Странником, бушевали по всей Земле.

Течения во Флоридском проливе, а также в проливах Даувер, Малкка и Хуан де Фука были слишком сильными, чтобы там могли курсировать суда. Вода всасывала маленькие суда, как мельничное колесо стягивает кусочки дерева.

Высокие солидные мосты, которые до сих пор были выставлены только под воздействие порывов ветра, теперь подверглись испытанию бурлящей водой. Они стали барьерами на пути разбушевавшейся стихии, и очень многие были разрушены.

Пришвартованные суда повреждали доки или же, обрывая швартовы, застревали на улицах портовых городов, разбивая стены высотных зданий.

Вода срывала с толстых цепей плавающие маяки, и тогда эти цепи могли служить причиной гибели кораблей. Она затапливала прибрежные стационарные маяки. Маяк у побережья Корнеуолла в течение нескольких часов после затопления светил глубоко под водой.

Соленая вода подмыла и растопила вечную мерзлоту у побережья Сибири и Аляски. В Соединенных Штатах и в Советском Союзе оказались полностью залиты подземные пусковые установки межконтинентальных ракет. (Одна из еще выходящих в глубине суши газет

предлагала с помощью атомных бомб отбиться от воды.) Линии высокого напряжения, в которых произошли короткие замыкания, вынырнули через шесть часов, покрытые толстым слоем грязи.

В Средиземном море обычно маленькие волны выросли до такой степени, что приносили такой же ущерб, какой ураганы и огромные лунные приливы наносили низко расположенным океаническим портам.

Пресная вода из Миссисипи тонким слоем покрыла соленый прилив из Мексиканского залива, который ворвался в дельту реки и залил улицы Нового Орлеана.

С подобным явлением столкнулись братья Аранза и дон Гильермо Уолкер на реке Сан-Хуан. В послеполуденное время течение реки изменило направление, вода залила джунгли по обоим берегам и приобрела солоноватый привкус. Мужчины увидели различные обломки, плывущие вверх против обычного течения реки. В изумлении они выругались (латиноамериканцы с определенным почтением, а дон Гильермо театрально, пользуясь цитатами из «Короля Лира») и повернули лодку в сторону озера Никарагуа.

Жители огромных портовых городов искали убежища на возвышенностях в глубине суши или, что было не так безопасно, в верхних этажах высотных зданий, где вели упорные бои за каждый клочок свободного пространства. Военные вертолеты спасали кого только было возможно. Некоторые герои, или упрямцы, или же просто скептики, оставались на своих постах. Одним из них оказался Фриц Шер, который всю ночь не покидал Института Исследований Приливов. Ганс Орфель, несмотря на небольшое наводнение, заливающее улицы Гамбурга, отправился на ужин, обещая, что вернется с колбасой и двумя бутылками пива, однако или его победило наводнение, или отозвался инстинкт самосохранения, но он больше не вернулся.

Так что Фрицу было над чем смеяться, когда под вечер прилив начал спадать. А позже, около полуночи, ему осталось только устройство, прогнозирующее приливы, которому он мог объяснить, почему, согласно тому, что передают по радио, вода опускается так низко. Но это ему даже нравилось, поскольку его чувство к длинной, прекрасной по форме машине становилось все более пылким. Фриц подвинул стол ближе к машине, чтобы иметь возможность постоянно ее касаться. Время от времени он подходил к окну и выглядывал на улицу, но небо закрывали темные тучи, так что ничто не могло поколебать его уверенности, что Странник не существует.

Многие люди, убегающие от волн, столкнулись с другими препятствиями, заставившими их забыть об опасности, грозящей со стороны прилива. В полдень по местному времени школьный автобус и фургончик, в которых ехали члены симпозиума, мчались вперед наперегонки с огнем. Пассажиры видели перед собой пламя, взбирающееся по горному хребту и быстро стремящееся к точке, в которой шоссе пересекает хребет.

В то время, когда Бенджи упрямо вел автомобиль с раздражающе постоянной скоростью в пятьдесят километров в час, Барбара наблюдала за небольшой волной, которая разбегалась из-под левого переднего колеса «роллс-ройса», разливалась по шоссе и исчезала в высоком камыше, росшем на обочине. Как капитан экспедиции (по крайней мере, в собственном ощущении), Барбара чувствовала, что должна была сесть спереди, но посчитала, что более важной сейчас является забота о миллионере, поэтому она села сзади, за Бенджи, рядом со старым ККК. Эстер сидела с другой стороны Кеттеринга, а Елена — впереди, вместе с Бенджи и кучей чемоданов.

Они мчались на запад через болотистую местность, столь характерную для Флориды. Солнце стояло высоко. Все окна со стороны Барбары были закрыты, и в автомобиле царила страшная жара. Барбара знала, что где-то правее и немного дальше на север должно быть озеро Окигоби, но пока всюду тянулись только бесконечные зеленые камыши, и их монотонность местами разнообразилась рошицами темных, мрачных кипарисов и узкой зеркальной поверхностью воды, покрывающей прямую гладкую дорогу, — в самых мелких местах вода достигала двух сантиметров, а в самых глубоких — десяти.

— Вы были правы с этим высоким приливом, мисс Барбара! — весело крикнул Бенджи. — Все залито. Я не помню, чтобы прилив был таким высоким.

— Тихо! — прервала его Эстер. — Господин Кеттеринг еще спит.

Однако Барбара не разделяла того доверия, которое питал к ней негр. Она проверила время по двум часам Кеттеринга, которые находились на ее левой руке: было десять минут третьего, а согласно сведениям, которые она почерпнула из календаря, второй прилив должен был произойти в Палм-Бич в тринадцать сорок пять. Но ведь прилив должен залить сушу гораздо позднее, чем побережье! Она помнила, что в реках происходит именно так, но потом пришла к выводу, что ее знания в этой области решительно недостаточны.

Автомобиль с опущенной крышей, который ехал раза в два быстрее, чем они, проехал мимо, окатив «роллс-ройс» водой. Он стремительно мчался вперед, разбрызгивая и будоража гладкую поверхность воды. В автомобиле сидело четверо мужчин.

— Дорожные пираты! — крикнула вслед Эстер.

— О боже, нам еще повезло, что наш «роллс» не разваливается от воды! — пошутил Бенджи. — А все потому, что я обильно смазал его маслом!

Елена захихикала.

Этот разговор разбудил ККК — старик посмотрел на Барбару покрасневшими глазами, которые окружала сеточка морщин. Он производил такое впечатление, словно проспал все, что было до сих пор.

Правда, он принимал участие в приготовлении к отъезду, но находился в состоянии прострации. Это нагнало страха на Барбару, но Эстер поспешила ее успокоить.

— Он еще не выспался! Ничего страшного. Не волнуйтесь, — объяснила она Барбаре.

Теперь Кеттеринг бодро приказал:

— Мисс Кац, прошу вас позвонить в аэропорт и заказать два билета на ближайший рейс в Денвер. И прошу им сказать, что я плачу тройную премию дежурным, пилоту и авиадиспетчерам. Денвер находится в пятистах метрах над уровнем моря, а следовательно, и вне зоны прилива, где они находятся.

Барбара с испугом посмотрела на него и движением руки показала, где они находятся.

— ...Ах, да, я начинаю вспоминать, — мрачно произнес Кеттеринг через мгновение. — Почему вы не подумали о самолете? — с укором спросил он, смотря на черную сумку линии Блек Болл Джетлайнз, лежащую на коленях Барбары.

— Я заняла ее у подруги, — призналась Барбара. — И всю дорогу из Бронкса ехала автостопом. Я редко летаю самолетом. — Она так отважно бросилась спасать своего миллионера, но, ошеломленная всеми этими «роллс-ройсами», не подумала даже о том, что есть гораздо лучший способ бегства. И тем самым, быть может, приговорила всех их к гибели. Почему она не думала категориями миллионеров?

Неожиданно ее заинтриговало, не обмолвился ли старый ККК, говоря о двух билетах. Наверняка он должен был иметь в виду пять! Ведь он относится к Эстер, Елене и Бенджи, как к собственным детям.

— По крайней мере, мы взяли с собой достаточно денег? — кисло поинтересовался Кеттеринг.

— Да, сэр, мы взяли с собой все деньги из стальных сейфов, — заверила его Барбара, черпая определенное утешение в мыслях о толстых пачках банкнот, которые можно было нащупать через материал сумки.

«Роллс-ройс» замедлил ход. Автомобиль, который недавно обогнал их, стоял в камышах с наполовину погруженным в воду капотом, а четверо его пассажиров, стоя по колено в воде, преграждали дорогу и размахивали руками.

Этот вид вырвал Барбару из задумчивости.

— Не тормози! — крикнула она, хватая водителя за плечо. — Прямо!

Бенджи немного притормозил.

— Слушайся мисс Кац! — приказал старый ККК настолько охрипшим голосом, что даже закашлялся, выговаривая последнее слово.

Барбара увидела, как Бенджи прячет голову, и представила, как он закрывает глаза, нажимая на газ.

Мужчины стояли неподвижно, но когда их отделяло от «роллс-ройса» только несколько метров, прыгнули в сторону, гневно размахивая руками.

Барбара оглянулась и увидела, что один из них борется с другим, который вытащил пистолет.

«Может быть, я плохо поступила?» — думала она.

Но нет, наверняка нет!

Дэй Дэвис сидел на стойке бара и смотрел, как со свечек, которым он дал женские имена, плывут последние струйки белых слез, их девичье молоко, и как черные фитили опадают и тонут в восковых лужах. Гвен и Люси уже догорели, теперь пришла очередь Гвин. Для Дэвиса это была тройная потеря, ему нужны были их тепло и свет, поскольку солнце уже зашло, а через стекла в двери и окнах он видел только залитый серой водой обширный луг, который окутывала густая тьма. Он надеялся, что увидит огни далекого Уэллса, но в том направлении тоже царила тьма.

Вода прилива уже давно ворвалась в пивную и теперь стояла настолько высоко, что Дэй сидел с поднятыми ногами. Медленно, описывая круги, по воде плыли две щепки, швабра, коробки из-под сигар и поленья. В определенный момент Дэй пришла в голову мысль покинуть пивную, и на всякий случай он засунул в боковой карман две поллитровки. Однако тут же он вспомнил, что это самая высокая точка во всем районе, что у него здесь есть веселый, теплый свет, и, кроме того, он сам хорошо знал, что сейчас он не годится для того, чтобы отправляться в дорогу.

Так или иначе, но лучше всего делать вид, что ты король Кнут на гробе крокодила. Еще пять сантиметров — и вода начнет спадать, неожиданно подумал он и громко приказал воде, чтобы она отступила, потому что в час, или немного позже, должен быть отлив.

Он глубоко втянул в себя воздух, нюхая открытую лягушку бутылку, которую держал в руке, — «Кентуккиская Таверна», экспорт из Соединенных Штатов, и посмотрел на Элизу. Элиза задрожала и погасла, но через мгновение неожиданно вспыхнула ярким голубым огнем.

Оловянные рамки в окнах выгнулись под напором новой волны. Неожиданно осознав, что бар раскачивается, Дэй сделал глоток обжигающей жидкости из бутылки и со смехом закричал:

— По крайней мере, один раз шатается забегаловка, а не Дэй!

Однако затем он наконец понял, что происходит, и крикнул с гордостью и волнением:

— Умирай, Дэй! Умирай! Уйди из этого мира! Но умри отважно! Умри с бутылкой виски в руке, взывая к любимой, чтобы она снова прибыла в Кардифф. Но... — он замолчал и, в очередной раз переборов в себе мелочную зависть, которую питал к Дилану Томасу, продекла-

мировал: — «Не входи мирно в эту добрую ночь. Бунтуй, бунтуй, когда темнеет свет!»

Как раз в тот момент, когда Элиза погасла, а над серой равниной исчезли последние жемчужные полосы света, раздался громкий, решительный стук в дверь.

Дэвис охватил дикий страх, который одновременно придал ему сил настолько, что, несмотря на алкогольное помрачение, он спрыгнул в холодную воду и побрел, погрузившись по бедра, к двери. Когда он открыл ее, то в угасающем свете трех свечек — Мери, Джейн и Леони — увидел опирающийся о дверную раму длинный, пустой скифф.

Шлепая по воде, которая, с одной стороны, помогала ему поддерживать равновесие, а с другой — сковывала движения, Дэй вернулся к бару, левой рукой сгреб три неначатых бутылки и, отступая к двери, поднял из воды две плавающие доски.

Скифф ждал. Дэй бросил в него доски, осторожно поставил бутылки и, хватаясь руками за фальшборт, оперся о лодку. Он чувствовал, что теряет сознание, когда холодная вода неожиданно плеснула ему в промежность. Дэй неловко подпрыгнул, перевернулся и оказался в скиффе, лицом к мокрым деревянным доскам. Стараясь залезть в лодку, он ненароком толкнул ногой дверную раму, тем самым направляя скифф куда-то в открытый мрак, залитый водой.

Солнце уже заходило, а Ричард продолжал шагать по обочине в нескольких метрах от забитого автомобилями шоссе. Автомобили медленно катили тремя рядами, один за другим, бампер к бамперу, делая невозможным движение в противоположном направлении. Ричард знал, что нет смысла останавливать какой-нибудь из них, чтобы попросить подвезти, потому что везде был полный комплект пассажиров, а даже если бы и нашлось свободное местечко, его немедленно занял бы кто-нибудь другой, которому оно действительно было больше нужно, или же кто-то, идущий ближе к шоссе. Впрочем, он шел почти так же быстро, как ехали автомобили, и значительно быстрее, чем большинство пешеходов.

Теперь он был за Оксбриджем и спешил вместе со всеми в северо-восточном направлении. Все почувствовали облегчение, когда зашло яркое солнце. Хотя любой признак проходящего времени действовал, как стимул, — пешие на мгновение ускоряли шаг, водители сбивались еще теснее.

Никогда еще — ни в личной жизни, ни в ходе событий, происходящих вокруг него, ни даже во время налетов, которые он помнил с детства, — Ричард не испытывал таких неожиданных и сильнодействующих перемен, как в течение последних шести часов. Сначала автобус поворачивает на север, и водитель, глухой к протестам пассажиров, продолжает повторять — приказ службы движения! Потом новости по радио, рассказывающие о больших наводнениях, особенно в районе Лон-

дона, об американской летающей тарелке, которую видели над Новой Зеландией и Австралией, где ее приняли за новую планету. Сильные радиопомехи как раз в тот момент, когда по радио зачитывали список рекомендаций гражданскому населению по случаю стихийного бедствия. Взмолвленные пассажиры беспокоились об оставленных семьях, а Ричард с облегчением ощущал, что не существует никого, о ком он должен был бы беспокоиться. Потом автобус остановился возле больницы Вест Миддлсекс, и водитель проинформировал пассажиров, что у него приказ перевозить пациентов... Следуют безуспешные протесты... совет пассажирам, чтобы они отправлялись на северо-запад — лишь бы подальше от воды... пассажиры никак не могли поверить в то, что происходит... некоторое время блуждают по территории нового университета... все больше автомобилей и испуганных людей, убегающих с востока... вертолет, разбрасывающий листовки с текстом: «К жителям Западного Миддлсекса. Всем направляться к холмам Чилтерн. Высокий прилив предвидится через часа два после полуночи...» И наконец, присоединение к продолжающей расти змее машин и пешеходов, движущейся на северо-запад, и, в конце концов, слияние с одурманенной, марширующей толпой...

Ричард отметил, что идет уже два часа. Он страшно устал — шел с опущенной головой, уставившись на грязные сапоги. На расположенном ниже отрезке дороги, которую он недавно преодолел, виднелись явные следы наводнения: мутные лужи и полегшая трава. Он не знал точно, где находится, — кроме, разве что, одного — что он далеко за Оксбриджем, что прошел уже по мосту через канал Большой узел и что вдалеке уже видны холмы Чилтерн.

Несмотря на сумерки, было удивительно светло. Ричард чуть не налетел на группу людей, которые останавливались и смотрели в небо. Он поднял голову, чтобы увидеть, на что они смотрят, и там, низко, на восточной части неба, он увидел виновника их несчастий — шар величиной в полную Луну. Этот шар был желтым, и только через его середину бежала широкая фиолетовая полоса, из концов которой выстреливали отрезки, направленные под острым углом и создающие впечатление буквы Д.

«Д — как дрожь ужаса. Д — как дезертирство. Д — как дезорганизация», — подумал он и невесело усмехнулся. Этот шар вполне мог быть планетой, однако яркие цвета делали его похожим на предупреждающий знак, который он как-то видел на заводе взрывчатых веществ.

И от этого в мыслях возникло ощущение чего-то отталкивающего, ужасного. Ричард подумал о Земле, которая в течение стольких миллионов лет одиноко вращалась в космосе, безопасная, словно дом, в который никогда не входит чужой, и о том, насколько ненадежным было это уединение. Ему пришла в голову мысль, что люди, которые длительное время живут одиноко, привязываются к своим привычкам, становясь все эксцентричнее.

Но почему, размышлял он со злостью, когда наконец происходит убийственное вторжение с другого конца Вселенной, то пришелец напоминает дешевую, крикливую рекламу, размещенную на круглой табличке?

Неожиданно он остановился. Д — как Дэй Ричард вспомнил, что в Эвомунте при полнолунии приливные волны достигают пятнадцати метров... Некоторое время он думал о своем друге и о том, как он теперь живет...

Когда Дэвис пришел в себя, он лежал замерзший, лицом вниз, на мокрых досках. Он оперся локтями о доски, раскачал их и только тогда невольно осознал, что это скамейка скиффа. Дэй поднял голову и положил ее на руки. За бортом он видел темную равнину взбухшего от воды Бристольского канала и несколько далеких огоньков, которые горели в Монмуте, Гламоргане или же Соммерсете. А может быть, даже в лодках, качавшихся так же, как и он, на волнах канала.

Дэй почувствовал на груди холодную продолговатую бутылку. Отвинтив крышку, он сделал большой глоток виски. Это его не разогрело, но как бы немного оживило. Бутылка выпала из руки, и ее содержимое полилось на дно лодки. Он не мог четко мыслить. До него доходило только одно — что значительная часть Уэллса вместе с экспериментальной приливной электростанцией над Северном находится сейчас под ним. Уэллс вызвал у него мысль о Дилане Томасе и о стихотворении, отрывки из которого он начал бормотать: «Только глубокие, затопленные колокола часовен и колокольчики овец...», как там дальше?

Скифф равномерно покачивался на волнах. Думалось Дэвису с трудом, но все же он осознал, что небольшие волны наверняка являются остатками мощных валов, гулявших на просторах Атлантики.

Волна повернула скифф на сто восемьдесят градусов, и на восточной части неба Дэй увидел фиолетовый шар Странника, на котором лежал свернувшийся в клубок золотой дракон. Перед драконом поднимался треугольный золотой щит. Из-за чужого шара постепенно появилось толстое белое веретено, словно блестящий кокон огромной белой ночной бабочки. Дэй припомнились донесения радио из ненормальной Америки, и у него появились определенные ассоциации: ночная бабочка, ночная бабочка — Луна... Луна. Он неожиданно понял, что веретено — это не что иное, как Луна, с которой он и Ричард Хиллери попрощались пятнадцать часов тому назад.

Дэй, потрясенный этой мыслью, сидел без движения и смотрел на небо, пока наконец не смог отвернуться от этого. Его охватила конвульсивная дрожь, а скифф плыл все быстрее и быстрее, раскачиваемый волнами. Он поднял почти пустую бутылку и осторожно сделал глоток. Затем выпрямился, сел, взял две доски, вставил их в уключины и медленно начал грести.

Трезвый, а может быть, все еще пьяный, только с новым запасом энергии после отдыха, он имел шансы на спасение, несмотря на то что находился ближе к каналу Северн, чем к побережью Соммерсет, а прилив быстро усиливался. Но он греб досками без особого желания, только лишь бы скифф плыл на запад, в открытое море, и только для того, чтобы он мог наблюдать за этим странным чудом на небе. Смотря на шар, Дэй бормотал и напевал:

— Мона, дорогая и любимая Мона! Ты нашла нового любовника... грозный владыка прибыл уничтожить мир водами... Изнасилованная и опозоренная, любимая Мона, ты красивее, чем когда бы то ни было. Из твоего отчаяния рождается новая форма... хочешь ли ты быть белым кольцом?.. Я все еще твой поэт, поэт Луны... одинокий... одинокий уэльский мореплаватель... как Вольф Лонер, я доплыву сегодня ночью до самой Америки, чтобы смотреть на тебя... у Ллойда колокол звонит затопленным кораблям и городам, пока и его не заглушат волны, и тогда его звуки будут расходиться из глубины вод по всему миру.

Волны росли, пенились золотистой красотой. Если бы Дэй обернулся, то он увидел бы, что в полукилометре за носом лодки море резко бурлит, а сеть бриллиантовых волн высоко разбрызгивается над буйствующей водой.

Когда Странник заходил над Вьетнамом, а Солнце всходило над островом Хайнань, Багонг Бунг, совсем маленький рядом с верзилкой механиком из Австралии, наблюдал, как в пятидесяти метрах перед носом «Мачан Лумпур» медленно, метр за метром, из поблескивающей воды выплывает изъеденная ржавчиной и поросшая водорослями труба.

Сильное течение напирало на дырявую трубу: вода, пенясь, выплескивалась через проеденные ржавчиной отверстия. Волны снесли бы даже «Мачан Лумпур», если бы винт катера непрерывно не вращался. Тем временем в Тонкийском заливе наступал отлив, и вода отступала к Южнокитайскому морю.

С юга донесся низкий и громкий звук, словно грохот далекого реактивного самолета. Двое мужчин не обратили на это внимания. Откуда они могли знать, что это два с половиной часа тому назад началось извержение Кракатау — вулкана в Сундайском проливе.

На поверхность воды выплыл покрытый илом и раковинами остов затонувшего корабля. Течение начало слабеть. Когда в поле зрения показался весь корабль, Багонг Бунг узнал «Королеву Суматры».

Маленький малаец упал на колени, отдал низкий поклон Страннику, висящему в западной части неба и тем самым, совсем непреднамеренно, в сторону Мекки, и тихо сказал:

— Терима коси, багус кунинг дан!

Когда необходимая благодарность этому фиолетовому чуду была выражена, он поспешно встал и, указывая на остов судна шутливым жестом хозяина, весело закричал:

— О, Холбер-Хумс, балит сабат, мы привяжем катер к кораблю с сокровищами и взойдем на его борт, как короли! Наконец, друг мой, «Мачан Лумпур» стал «Тигром Болот»!

В сумерках Салли, стоя на террасе, вздохнула.

Свет заходящего солнца фантастически оттенялся пламенем горячей нефти, которая вылилась из разбитых наводнением резервуаров и поднималась на соленой воде, заливающей Джерси-Сити.

— Что ты там увидела, Сал? — крикнул Джейк из комнаты, в которой он сидел, попивая коньяк и закусывая разными сортами сыра. — Снова пожар в здании?

— Нет, пожалуй, уже не горит. Вода достигла половины дома, и ее уровень непрерывно поднимается.

— И что же не дает тебе покоя?

— Не знаю, Джейк, — угромо произнесла Салли. — Я смотрю, как исчезают под водой церкви. Я никогда не знала, что их так много в этом городе. Церковь Святого Патрика и церковь Трех королей, Иисуса Христа и Святого Варфоломея, Наисвятейшей Девы Марии и Муки Господней, в которой, кстати, была начата эта антиалкогольная кампания. К тому же церковь всех Святых и церковь Святого Марка в Бовери, маленькая церковь на углу, а также Синагога и Святыня Актеров.

— Но ведь все это невозможно увидеть отсюда! — закричал он. — Посмотри, Салли, на планете, которая сейчас поднимается над Эмпайр Билдинг, сидит Кинг-Конг. Как тебе нравится эта идея? Может быть, мне удастся вставить это в пьесу!

— Это тебе наверняка удастся, — оживилась Салли. — А ты уже закончил песенку о Ноевом Ковчеге?

— Еще нет. Ох, Салли, ведь я должен отдохнуть после пожара.

— Ты отдыхал, когда выпил полбутылки коньяка. А сейчас живее принимайся за работу.

Глава 26

— Высаживаемся! Перерыв на то, чтобы размять ноги, и на прогулочку в лесок! — крикнул Брехт охрипшим голосом, пытаясь казаться веселым. — Войтович, как ты и предвидел, дорога завалена.

Постанывая и разминая затекшие ноги, все охотно вышли из автобуса. Горный воздух был холодным и влажным. Заходящее солнце бросало косые, странно зеленые лучи — группа единодушно сочла, что причиной этой окраски является вулканическая пыль, находящаяся в стратосфере, и только Дылда приписывал это явление планетной эманации.

Не подлежало сомнению, что они чересчур много пережили в течение дня, который сейчас подходил к концу, да и последствия бессонной ночи давали себя знать.

На желтой краске автобуса и белом лаке фургончика, стоящего рядом, виднелись черные полосы, оставленные огнем, от которого машины успели убежать. У Кларенса Додда была забинтована левая рука, которую он обжег, когда придерживал брезент, чтобы защитить Рея Ханкса, Иду и себя от врывающихся внутрь щипящих языков пламени.

Выходя из автобуса, Хантер выругался, так как чуть-чуть не упал, споткнувшись о лежащие в проходе лопаты, которыми они в течение двух наводящих тоску часов копали песок и гравий, выравнивая засыпанный отрезок шоссе, чтобы по нему могли проехать обе машины. Хантер закинул лопаты под сиденье и выругался еще раз.

Одежда нескольких членов компании промокла насквозь, а черные полосы на автобусе и фургоне местами были размыты огнем, который вместе с серыми тучами подошел с запада и накрыл группу через десять минут после победного завершения гонки с огнем. Большие темные портьеры туч продолжали заслонять небо на востоке, хотя западная часть неба уже кое-где очистилась.

Они преодолели тридцать километров по горам: теперь они находились на предпоследнем горном перевале, перед конечным спуском вниз, в долину Вандерберга-Три и на автостраду 101, тянущуюся из Лос-Анджелеса на север по направлению к Санта-Барбаре и Сан-Франциско.

Брехт, который забросил на плечи, словно военную пелерину, мокрый плащ, шел во главе группы, а Рама Джоан и Марго — сразу за ним.

Они дошли до того места, где шоссе проходило по террасе, возникшей частично вследствие взрыва скалы динамитом, в склоне скалистой гряды, которая тянулась под углом в тридцать градусов до самой острой вершины, находящейся в пятидесяти метрах выше.

Грозный, серый, скалистый склон, покрытый светло-зеленой, оранжевой, серо-голубой и черной порослью, был помечен и рассечен щелями и котлованами, из которых тут и там торчали валуны величиной без малого с фургончик.

Один из таких огромных валунов упал на самую середину шоссе, глубоко войдя в землю. Немного выше отсутствие растительности указывало на то, откуда скатился этот валун, очевидно, в результате землетрясения.

— Да, он неплохо перегородил нам дорогу! — крикнул Брехту Войтович. — Черт побери!

Перед самым валуном они увидели стоящий боком красный спортивный автомобиль марки «корвет» с открытой крышей. Машина представляла собой дерзкий контраст с мрачным видом. Однако поблизости никого не было, и на веселое приветствие Брехта ответило только эхо.

Ида подбежала к Брехту, говоря:

— Рей уже не выдержит сегодня такой езды. Мы подложили ему под спину одеяло, но он говорит, что это не приносит ему облегчения, его мучает постоянная боль, а кроме того температура.

Брехт обошел капот автомобиля, неожиданно остановился как вкопанный, а потом выпрямился и отступил, словно невидимый багор потянул его назад. Когда он обернулся к остальным, его лицо было более зеленым, чем зеленоватый свет солнца. Он поднял руку и сказал:

— Не двигаться! Пусть никто сюда не подходит!

Он стянул с плеч дождевик и прикрыл им что-то, что лежало за автомашиной.

Ида с тихим, болезненным стоном опустилась на землю.

Через мгновение, опираясь на капот машины, чтобы не потерять равновесия, Брехт снова посмотрел на своих компаньонов.

Дрожащей рукой он вытер лоб и невыразительно, с трудом пробормотал, словно сдерживая рвоту:

— Это молодая женщина. Она не умерла естественной смертью. Ее раздели донага и пытали. Помните дело Черной Делии? Это выглядит так же.

Марго тоже почувствовала, что ее охватывает тошнота. Прежде чем Брехт прикрыл тело плащом, она заметила мертвенно-бледное лицо с щеками, рассеченными так, что рот, казалось, шел от уха до уха.

Рама Джоан, прикрывая глаза Анне, поднялась на цыпочки и крикнула:

— С другой стороны валуна стоят два автомобиля! Внутри никого не видно!

Кларенс Додд встал за ней.

— Где у тебя карабин, Додд? — спросил Брехт.

— Я оставил его в фургончике. Этой рукой я и так не смогу стрелять, — ответил он. — Я едва могу писать!

— Мой у меня! — крикнул Войтович, он поспешно двинулся вперед, споткнулся и упал бы, если бы не оперся прикладом на асфальт. Когда он восстановил равновесие, то заметил, что держит оружие за ствол, словно пилигрим посох.

Неожиданно они услышали резкий мужской голос и слова, хорошо известные по криминальным фильмам:

— Стоять на месте! Мы держим всех на мушке! Малейшее движение — и я стреляю!

Из-за скалы, нависшей над самым шоссе, появился мужчина, двое других вышли из-за валуна, находящегося несколько ниже. Первый держал два револьвера и медленно переводил их с одного члена группы на другого, двое других направили карабины на Войтовича. Их лица скрывали ярко-красные шелковые маски с большими отверстиями для глаз. Мужчина с револьверами, худощавый и тщательно одетый, носил черную молодежную фетровую шляпу, но, несмотря на это, он был более похож на бравого энергичного старца, чем на молодого человека.

Уверенным шагом он быстро сошел со склона. Его глаза, словно дуло револьвера, безуданно перемещались по группе путников.

— С Черной Делией вы попали в самую точку! — быстро сказал он, четко выговаривая каждое слово. — Это моя юношеская выходка. На этот раз обойдется без неприятных сцен — у каждого из вас есть шанс на спасение, — если этот тип с карабином немедленно бросит оружие.

Войтович разжал пальцы, и карабин странно задрожал, прежде чем упасть.

— Если мужчины отодвинутся от женщин и станут немного дальше, так, чтобы... — В двух метрах от мужчины в черной шляпе и красной маске с валуна, загораживающего дорогу, посыпались осколки. Почти одновременно раздался свист и грохот выстрела из карабина. Это выстрелил Рей Ханкс, лежащий в постели в фургоне.

Войтович схватил с земли карабин и выстрелил с бедра в двух замаскированных мужчин на склоне. Оба немедленно нажали на курки, и Войтович упал.

Тем временем Марго вытащила из-под куртки серое оружие, направила его на мужчину в черной шляпе и нажала курок. Мужчина, раскинув руки в сторону, со страшной силой ударился спиной о валун. Револьверы выпали из его рук.

Марго дико, триумфально закричала.

Войтович выстрелил с земли. Мужчины с карабинами ответили залпом, но Марго сразу направила на них свое странное оружие.

Мужчины неожиданно взлетели вверх, их карабины закружились отдельно от них, но кувыркались они одинаково. Затем они исчезли в пропасти по другую сторону шоссе.

Мужчина в черной шляпе медленно сполз с валуна, оставляя красное пятно в том месте, где он ударился головой. Марго подбежала к валуну и направила на него пистолет. Незнакомца сразу же сдуло в обрыв — он упал вслед за своими приятелями, а за ним покатались три небольших камня.

Брехт, который был ближе всех к линии выстрела, вытянул руки перед собой и закружился, словно танцующий вальс. Он сделал три больших шага в сторону пропасти, но ему все же удалось остановиться около выступа.

Хантер подбежал к Марго, одной рукой схватил пистолет, а второй оторвал ее ладонь от рукоятки.

— Это я! — крикнул он ей в лицо.

Только тогда девушка перестала издавать кровожадные вопли и, продолжая сатанински улыбаться, кивнула.

Дылда подбежал к Иде.

Гарри присел возле раненого Войтовича, который вымученно улыбнулся:

— Знаешь, после первого выстрела я и так собирался упасть на землю. Похоже, что пуля царапнула плечо. Лучше сразу проверить.

Брехт одним прыжком оказался рядом с Хантером и Марго.

— Что это за пистолет? — удивился он. — Я только одним плечом оказался в его зоне действия, но создалось такое чувство, словно я метал молот и забыл выпустить его из рук.

— Не беспокойся! Я не использовала весь заряд, — поспешно произнесла Марго, обращаясь к Хантеру. — Он заряжен. Вот, видишь эту фиолетовую черточку?

— Покази... — начал Брехт, но неожиданно выпрямился и быстро осмотрелся. — Гарри! — крикнул он. — Принеси карабин Войтовича. Рама Джоан, займись Войтовичем! Хиксон, возьми оружие Ханкса, если только наш герой захочет отдать тебе его. Росс, отдай Марго пистолет. Она умеет им пользоваться. Марго, ты и я исследуем местность. Мы должны проверить, нет ли тут больше этих сволочей. Иди по левую руку от меня и стреляй в каждого, у кого есть оружие. Только будь внимательней, когда целишься!

Марго, которая побледнела и словно осунулась во время стрельбы, снова улыбнулась и, согласно указанию Брехта, осторожно, на слегка согнутых ногах встала по его левую руку. Ванда, которая шла к Дылде, чтобы помочь ему привести в себя Иду, посмотрела на Марго и сразу отодвинулась от нее как можно дальше.

— Я считаю, что это действительно был убийца Черной Делии, — задумчиво произнес Додд. — А теперь мы уже никогда не узнаем, как он выглядел в действительности. Может быть, его даже удалось бы опознать.

Войтович, который сморщился от боли, когда Рама Джоан зубами разорвала его окровавленную рубашку, рывкнул на Додда:

— Ерунда!

Рама Джоан облизала кровь с губ.

— Принесите мне аптечку! — крикнула она Додду.

Брехт взял карабин Макхита, передернул затвор и, поднимаясь на склон, крикнул Марго:

— Идем, пока не стемнело! Мы должны позаботиться о безопасности нашего лагеря.

Барбара Кац постаралась не показывать испуга, когда огромный полицейский сунул голову и фонарик в окно автомобиля с ее стороны и громко, хотя и спокойно, спросил:

— Где это вы, черномазые, украли такой автомобиль?

Она поспешно стала объяснять ему, что она секретарь и опекунша Коллинса Келси Кеттеринга III, и одновременно передвигала руку по краю окна, чтобы обратить внимание этого представителя закона на столлларовый банкнот, который она держала в руке, но полицейский продолжал светить фонариком им в глаза, не реагируя на деньги.

Когда свет фонарика упал на Кеттеринга, Барбара с изумлением заметила, что покрытое сеткой морщин лицо миллионера делает его похожим на старого негра. Какое-то время тому назад Кеттеринг снова впал в спячку — жара была для него слишком мучительной. Но теперь

маленькие, бледно-голубые глазки открылись, и ломающийся, хотя и решительный голос приказал:

— Перестань светить мне в лицо, ты, дурунь!

Это, очевидно, удовлетворило полицейского, потому что он тут же погасил фонарик, и Барбара почувствовала, как он осторожно вытаскивает банток из ее руки. Затем он убрал голову и добродушно произнес:

— Порядок, можете ехать. Но скажите мне, от чего вы, собственно, бежите? Большинство проезжающих утверждают, что от наводнения, но урагана не было! Некоторые говорят, что что-то подходит со стороны Кубы. Не знаю, что это, могу сказать только одно. Вы все драпаете, как кролики. Ничего не понимаю!

Барбара высунула голову в окно.

— Мы действительно убегаем от наводнения, — объяснила она. — Новая планета вызвала огромный прилив.

Она смотрела через плечо на шоссе, по которому они только что проехали. На небе восходил Странник, фиолетовый, с огромной желтой бестией посредине диска. Сверкающее веретено деформированной Луны — один конец этого веретена казался короче вследствие округленности орбиты — выглядело как мешок, который несёт эта бестия.

— А, так речь об этом, — протянул полицейский, и на его лице промелькнула улыбка. — Все это так высоко в небе и ничем не грозит! Я думал, что вы бежите от чего-то здесь, на Земле.

— Но там, высоко, распадается Луна! — возразила Барбара.

— Нет. Просто у Луны появляется другая форма, — терпеливо объяснил полицейский. — Разве это так трудно понять?

— Но эта новая планета действительно вызывает огромные приливы, — сказала Барбара. — Первый, правда, не был таким грозным, но последующие ожидаются все большими. Даже высоко расположенные участки Флориды не будут в безопасности. ...Волны могут залить весь штат.

Полицейский развел руками, словно призывал в свидетели спокойную ночь, пахнущую цветами апельсиновых деревьев, и снисходительно рассмеялся.

— Я вас предупредила! — кричала Барбара. — Эта планета предвещает гибель.

Полицейский продолжал смеяться.

Барбара закипела от злости.

— В таком случае, — сказала она, — если ничего не происходит из ряда вон выходящего, то почему вы останавливаете все машины?

Улыбка сошла с лица полицейского.

— Мы должны содействовать порядку, мисс, — жестко ответил он и отошел в сторону, к следующей машине. Там он повернулся к Барбаре и произнес: — Вы лучше прикажите шоферу ехать, мисс, пока я не изменил своего решения. Должен посоветовать вам, не позволяйте, чтобы вами командовала всякая черномазая обезьяна. Эти ученые чер-

номазые хуже всех. Они получают образование, а потом все перемешивается у них в голове. Вы представляете, мисс, что может получиться, если современную физику и математику перемешать с глупыми африканскими суевериями?

Они в молчании мчались на север. Странник становился все больше. Веретено Луны передвинулось теперь на середину диска, а огромная бестия превратилась в фиолетовую букву «Д».

Коллинс Кеттеринг III с трудом дышал.

— Мы должны остановиться и найти ночлег, — сказала Эстер. — Ему обязательно нужно прилечь.

Бенджи притормозил и прочитал надпись на дорожном щите:

«Приветствуем вас на наших холмах!»

— Это звучит ободряюще!

«Холмы... но достаточно ли они высоки?» — думала Барбара.

Ричард Хиллери проснулся, страшно замерзший, с чувством, что у него все болит. Когда он спал, то непроизвольно разбросал солому, которой прикрывался. Вдобавок солома, на которой он лежал, была совершенно сбита, и от земли страшно тянуло сыростью. Холодно в этих холмах Чилтерн, подумал он и чертыхнулся. На небе светила неизвестная планета. Теперь диск ее снова был круглым, ну прямо настоящий шар, а не какая-то плоскость, олицетворяющая странный рекламный щит. Возможно ли, что белое полукольцо рядом с неизвестной планетой — это Луна, как уверял Хиллери его товарищ?

Ричард сел, стараясь согреться, он сжался, опустив голову в плечи, поднял воротник и застегнул плащ на шее. Но это ни к чему не привело. Куча соломы, из которой он взял несколько снопов для создания импровизированной постели, исчезла. Когда два с половиной часа назад он ложился спать, вместе с ним было максимум человек десять, теперь же он увидел лишь десятки низких соломенных бугорков, каждый из которых служил постелью для одного человека. Ричард не слышал, когда они пришли, — наверное, здесь не обошлось без споров, когда они пытались достать себе клочок соломы, — опоздавшие гости ночлежного дома под открытым небом. Хиллери позавидовал теплу прижавшихся друг к другу пар и с тоской подумал о девушке в шароварах, которая ранее показалась ему такой глупой и грубой. Он вспомнил также колбасу и картофельное пюре, которое она ела на обед.

Ричард посмотрел в сторону сельского дома: ночью он купил там тарелку супа и заплатил за солому. Свет еще горел, в окнах было полно теней. И тут он с изумлением осознал, что это люди в поисках тепла, словно пчелы, облепили стены дома. Наверное, те, кто прибыл слишком поздно, голодны, а еды, так же как и соломы, уже нет. А может быть, жена крестьянина что-то жарит? Он потянул носом воздух, но чувствовал только запах чего-то соленого. Может быть, женщина открыла бочонок соленой говядины? Ричард понял, что его понесло воображение.

В течение двух часов толпа стоящих под домом увеличилась, но это происходило в основном только за счет тех, кто просыпался. Хиллери посмотрел на дорогу, на которой только недавно царила оживленная суматоха, да, только недавно... когда он ложился спать. Теперь же она была пустой и тихой.

Ричард встал и посмотрел на восток. Долину, которую он только недавно покинул, теперь заполнял темный серебристый туман, и отдельные его полосы обвивали холм, служивший местом его отдыха.

Туман висел низко и блестел, словно серый металл.

Внезапно он увидел два движущихся огонька — красный и зеленый.

И услышал... услышал характерный шум лодочного мотора. И тогда он понял, что огоньки обозначают какую-то лодку, а туман — это не что иное, как неподвижная поверхность темной воды прилива!

Глава 27

Брехт и Марго обыскиали склон скалистой горы до самой ее вершины, прошли двести метров за автомобилями, тщательно прочесывая местность, однако никого не встретили, а только спугнули четырех ящериц и одного ястреба. Долина, находящаяся между двумя последними горными хребтами, была черной. От всей растительности остались только мокрые обгоревшие кусты вереска, а также обугленные скелеты карликовых дубов. Вероятно, несколько часов назад все дотла стгорело при пожаре — это, наконец, объясняло, почему никто не подъезжал с той стороны.

Кларенс Додд и Гарри Макхит ускорили разведывательную акцию, присоединившись к Марго и Брехту. Макхит спустился вниз и пошел по левой стороне склона к краю пропасти, где и убедился, что она спускается вертикально вниз на протяжении двухсот метров до самого скального выступа, а дальше находится крутой каменистый склон, поросший кустами.

Они не нашли ни одного револьвера мужчины в черной шляпе — они упали в пропасть или застряли между неровными скалами.

В двух автомобилях за скалой они нашли ключи, которые Брехт спрятал в карман. Поскольку уже темнело, Додд осветил салоны автомобилей фонариком и с регистрационных карточек, засунутых за руль, переписывал фамилии владельцев, раздумывая, не является ли один из них тем самым садистом, который убил Черную Делию. Наверняка мужчина в черной шляпе и двое его помощников ехали в этих автомашинах, когда с противоположной стороны показался красный «корвет» с девушкой за рулем и тогда... пожалуй, еще до дождя, когда вокруг пылал огонь, создавая истинно сатанинскую... нет, лучше об этом не думать!

Тем временем Хантер и Хиксон обернули тело девушки плащом Брехта и маленьким полотнищем брезента из фургончика. Они подняли

труп метров на тридцать в гору и уложили в небольшую пещеру, которую нашел Макхит. К брезенту они приколотили небольшую записку, в которой написали обстоятельства смерти девушки. Записка была написана водостойкими чернилами из авторучки Додда. Вместо фамилии девушки они поставили знак вопроса, то же самое было проделано и после предполагаемого адреса девушки, списанного с регистрационной карточки автомобиля. Дылда провел короткое, странное богослужение, после чего начертил у себя на лбу странный, оканчивающийся петлей знак креста, похожий на египетский знак жизни.

Все сразу приободрились, хотя теперь, когда они уже не чувствовали страха и напряжение прошло, они поняли, что буквально падают от усталости и должны заночевать здесь. Они начали готовиться к отдыху: большинство, в том числе и оба раненые мужчины должны были спать в автобусе, поскольку было холодно, а перед рассветом могло похолодать еще больше. Хиксон опасался, не сдвинутся ли со склона скалы в случае нового землетрясения, но Брехт объяснил, что раз они не упали до сих пор, то уже не упадут, и добавил, что толчки, которые вызвало в течение первых часов гравитационное поле Странника, уже закончились.

Брехт решил, что два человека завернутся в одеяла, вооружатся карабинами и серым, странным пистолетом Марго и будут ночью нести стражу в небольшой нише между скалами, несколько ниже вершины склона и точно под скалой, блокирующей долину. Он заявил, что Додд и Макхит будут дежурить до полуночи, Хантер и Марго — с полуночи до половины третьего утра, а сам он и Рама Джоан — с половины третьего до рассвета. Хиксон со вторым карабином будет спать в автобусе на кресле водителя, а женщины, после того как сменятся с поста, — в фургончике вместе с Анной.

Ванда начала было насмехаться над этой идеей, но колкое замечание Брехта сразу же закрыло ей рот.

Они разожгли примус и вскипятили воду, чтобы приготовить кофе с молоком, и съели бутерброды с ореховым маслом и мармеладом.

Сначала Марго думала, что не сможет проглотить эти сладкие детские лакомства, но после первого же куска почувствовала такой голод, что уплела три бутерброда и выпила две чашки кофе с молоком. Она почувствовала себя радостно возбужденной, словно после выпивки, — перед ее глазами периодически возникал вид трех грабителей, сметенных со скалы выстрелом из ее пистолета. И от этого чувства она беззаботно говорила собравшимся все, что приходило ей в голову в данную минуту.

За автобусом она увидела Дылду и прямо спросила у него:

— Правда ли, что у вас две жены? Ида и Ванда — в самом деле две жены?

Дылда, несколько не смущенный этим вопросом, склонил седую голову, ответив:

— Да, это правда. Согласно нашей вере, они обе мои жены, а я их кормилец. Эта связь дает нам много преимуществ. Я женился на Ванде из-за ее духовных достоинств. Теперь, конечно, со временем это все изменилось...

Нахмурившийся старый водитель услышал ответы Дылды, что-то презрительно буркнул и повернулся к ним спиной.

— Что, завидуешь ему, дедушка? — дружелюбно, хотя и несколько злорадно, рассмеялась Марго.

Тигрица в третий раз накормила кошку и посмотрела на Пола презрительным взглядом. Потом, как он, впрочем, и ожидал, обдуманно человеческим жестом пожала своими красивыми фиолетово-зелеными плечами, более гибкими, нежели плечи теннисиста или индусской танцовщицы, и повернулась к пульту пищи. Через мгновение она подплыла к нему с сумкой в одной руке и двумя узкими трубками в другой. Зависнув над ним, Тигрица смерила его взглядом, словно в неожиданной неуверенности — впихнуть ли ему силой пищу в рот, или же ввести ее в вену, или через прямую кишку.

У Пола ужасно болели мышцы, горло горело от жажды, голова кружилась — впрочем, не столько от голода, сколько от избытка впечатлений. Однако больше всего его раздражали изменения в поведении Тигрицы. Когда Мая ела, Тигрица танцевала. Это был прекрасный, быстрый, ритмичный танец — большая кошка делала пируэты, попеременно отталкиваясь от пола и потолка летательного аппарата. Одновременно кабину заполняла странная музыка, а загадочный свет мерно подрагивал.

Сейчас Пол осознал, что Тигрица от природы передвигается на кончиках пальцев, словно балерина, потому что она — существо пальцеходящее, а не стопоходящее. Он отметил, что ее стопа состоит из одних пальцев, а выше размещенная пятка является эквивалентом нижнего локтя в плече земных четвероногих.

Ее танец очаровал его до такой степени, что он забыл о боли и страхе.

Теперь красивая танцовщица снова была бесчувственной, бездушной, презирающей его медсестрой — что за отвратительная метаморфоза!

И несмотря на жажду, он с грустью покачал головой, пытаясь сжать запекшиеся губы. Пол нахмурил брови и серьезно посмотрел на нее, прося глазами о снисхождении, — он осознавал, что выглядит сейчас действительно, как связанная, с заткнутым ртом обезьяна, которая умоляет, чтобы ее освободили.

Тигрица улыбнулась, не размыкая губ, — он был уверен, что она снова издевательски подражает человеку — и продолжала внимательно к нему присматриваться.

Сейчас была ночь, так что он находился на корабле уже двенадцать часов, поскольку когда он последний раз видел Землю, то видел — у

него не было никаких сомнений — Сан-Франциско, над которым опускалась ночь. Он видел черные пепелища, дома, опаленные дымом пожаров, погашенных проливными дождями, а также десятки судов у Золотых Ворот. Потом летающая тарелка наклонилась, и Пол увидел восходящего Странника с диском, напоминающим мандалу, — планету окружало асимметричное, сверкающее кольцо или же, как через мгновение понял Пол, то, что осталось от Луны.

Тигрица подвинулась ближе, зеленой лапой прикоснулась к запястью правой руки Пола, после чего снова отодвинулась. Пол с огромным удивлением почувствовал, что рука у него свободна. Он пошевелил пальцами, согнул их, а затем выпрямил ладонь, ощущая при этом не такую сильную боль, как ожидал, и уже хотел поднять руку ко рту, когда неожиданно остановился.

Если он прикоснется к губам, она может превратно понять этот жест и немедленно запихнет ему в рот трубку.

Поэтому он прикоснулся ко лбу, потом плавным движением опустил руку ко рту и указал на ее остrokонечные уши.

— Хочешь поговорить, да? — спросила Тигрица. — Обезьяна и кот — большой разговор?

Она медленно покачала головой.

— Нет! Ты будешь визжать и спрашивать. Один вопрос, десять, пять тысяч! Я хорошо знаю обезьян!

Пол потерял надежду. Одновременно им овладела ни на чем не основанная уверенность, что, если бы Тигрица хотела, она смогла бы говорить совершенно правильно, однако не хочет. Так же порой ведет себя обычный человек, который мог бы говорить совершенно правильно на любом чужом языке, но однако в его речи проскальзывает определенный акцент, определенные грамматические структуры, которыми он пользовался, когда начинал учить данный язык, только для того чтобы подчеркнуть этим свою обособленность и выразить свое критическое отношение к языковым уродствам чужого языка.

— Я скажу, — произнесла Тигрица, идя на компромисс.

После этого она в темпе стенографистки, зачитывающей протокол судебного заседания монотонным голосом, словно все это ей надоело, сказала:

— Я высшая галактическая цивилизация. Читаю мысли, передаю мысли, странствую в подпространстве, живу вечность, если захочу, могу взрывать звезды. Не веришь? Слушай внимательно, обезьяна! Растения поглощают неорганические субстанции. Животные едят эти растения, и они выше растений. Коты едят этих животных — и они выше всех! Обезьяны же едят все — и это мерзость!

Странник путешествует в подпространстве, — продолжала Тигрица. — А для этого ему необходимо много топлива, много материи для его конверторов. Ваша Луна вполне подходит для этого. Разрушить ее, превратить в порошок, высосать всю ее массу до остатка. Наполнить

этой материей резервуары, и снова в путь! А вы, обезьяны, излишне боитесь и горячитесь!

Когда она умолкла, Пол в течение долгих пяти секунд кипел от злости. Кипел от того, что это существо так бездушно все упрощает. Через мгновение он, однако, осознал, что с этим ничего нельзя поделать. Он медленно втянул в себя воздух, стараясь успокоиться. Подняв руку, он прижал ладонь к лицу и тут же быстро отвел ее в сторону, словно хотел сказать: «Долой кляп».

Ему пришло в голову, что, коль скоро эта кошка читает его мысли, нет смысла играть с ней в жестикуляцию, но тут же, почти сразу понял, что все это для нее всего лишь забава. Коты любят играть с беспомощными слабыми существами, Тигрица не составляла исключения.

Она подтвердила его предположение, когда с улыбкой медленно покачала головой. Она сморщила верхнюю губу, и острые кончики усов сомкнулись у нее под носом, создав маленький кружок.

Пол решил попробовать еще раз. Он повторил движение, означающее «долой кляп», но тут же опять поднес руку ко рту, словно держал в ней стакан, и наклонил ее, делая вид, что пьет. Наконец, он приложил к губам указательный палец.

Звездобразные зрачки Тигрицы сузились до двух точек, когда она посмотрела Полу в глаза.

— Я дам тебе пить, но ты не будешь разговаривать! Ни одно слово, да?

Пол торжественно кивнул головой.

Кошка достала из сумки белую пластиковую бутылку, примерно в четверть литра, и поднесла ее ко рту человека.

— Я осторожно нажму, а ты соси, — сказала она и верхом другой лапы погладила его по щеке и подбородку.

Одеревенение прошло, и одновременно с этим холодное дуновение принесло облегчение его запекшимся губам. Жидкость, похожая на молоко, сильно пахла мускусом. Пол на мгновение задумался, кошачье ли это молоко, или синтетическое и годится ли оно для питья человеку, но тут же вынужден был признать, что не остается ничего, как только доверять Тигрице.

Когда первая жажда была утолена, он инстинктивно потянул руку к бутылке. Кошка не оттолкнула его руку и не сразу отняла свою, так что в течение нескольких секунд Пол чувствовал рядом со своими пальцами подушечки ее лапы, мягкие как бархат, шелковистый мех, а также изогнутый, спрятанный твердый коготь. Через мгновение Тигрица убрала лапу, проговорив при этом:

— Осторожно... будь...

Когда он выпил все молоко, то протянул кошке пустую бутылку и собрался было уже поблагодарить ее, но прежде чем он это сделал, Тигрица легонько ударила его лапой по губам, снова засовывая мнимый кляп ему в рот.

Пол мрачно подумал, является ли этот кляп только самовнушением, или же это какая-то неощутимая пленка, а может быть, это нечто совершенно иное. Но тут его разум окутался какой-то дымкой, мысли медленно закружились. Он старался сфокусироваться, пытался осмыслить их, но все было тщетно. О, боже! Неужели он так устал или она дала ему какие-то снотворные средства?

Но на этот вопрос оказалось уже очень трудно ответить, так как умственные способности были ему уже не подвластны.

Засыпая, он отметил, что невидимое солнце, окружающее его, медленно угасает, погружая кабину во мрак. Сквозь сон он почувствовал, что пушистая лапа Тигрицы освобождает от пут его руки и ноги, оставляя невидимый узел только на правой ноге.

Пол свернулся клубком, словно эмбрион во чреве матери, и погрузился в глубокий сон. Последнее, что он услышал, был безразличный голос Тигрицы:

— Спокойной ночи, обезьяна.

Глава 28

Обитатели Земли в пятый раз увидели на диске Странника символ инь-янь. Странник уже двадцать четыре часа поднимался над Землей. В международной исследовательской станции на Южном полюсе, где как раз была зима и ночь тянулась длинными месяцами, метеорологи видели, как Странник сделал полный круг по бессолнечному небу, все время сохраняя одинаковую высоту над ледяным горизонтом, и теперь снова повис в том месте, где появился первый раз, то есть над горами Королевы Мод и землей Мари Бирд. Сильный фиолетовый свет отражался от снега и освещал мертвенным блеском пустынную местность.

Неизвестная планета возродила верования в сверхъестественные силы и вызвала у людей маниакальные неврозы различного типа.

В Индии, которая до сей поры избежала серьезных землетрясений, толпы чтили Странника громогласно во время всенощных обрядов. Некоторые считали, что это планета Кету, которую наконец-то выплнула змея. Брамины провозглашали, что эта новая планета извещает о начале новой эры.

В Южно-Африканской Республике негры отнесли к Страннику как к символу кровавого победного восстания против власти белых. В протестантских странах тысячи людей, которые до этого момента никогда не читали Библии и даже не заглядывали в нее, теперь с глубоким вниманием изучали Апокалипсис. В Риме новый папа астроном-иезуит боролся с суеверными интерпретациями событий, во всем мире репортеры искали подходящие фотопринадлежности, чтобы иметь возможность снимать на фоне Странника кинозвезд и других не менее знаменитых деятелей.

Один английский теософ, живущий в Египте, узнал в кошачьем существе, выглянувшем из летающего блюда, добрую богиню Баст, что и послужило стимулом к новому взрыву Культа Кошек. По мнению этого теософа, новая планета была сестрой-близнецом богини Баст, разрушительницей Сахмет, глазом Ра.

В Париже два кошачьих существа, совершая ту же ошибку, что и Тигрица, освободили из зоопарка всех тигров, львов, леопардов и других хищников.

В Берлине, где животным угрожало наводнение; кошачьи существа выпустили из вольер все население Тиргартена.

Даже странно подумать, что в это самое время Дон Мерриам удобно спал в маленькой кабинке на Страннике, а Пол видел чудесные сны в машине Тигрицы.

С одной стороны, Странник вызвал огромный переполох и довел многих людей до безумия. Но, с другой стороны, его неожиданное появление и вызванные им катастрофы действовали, как шокотерапия. Во многих психиатрических лечебницах в отделениях для буйнопомешанных больные выздоравливали. В их психике произошла перемена, когда они увидели, что невероятные, неправдоподобные вещи становятся действительностью, приводя в панику медицинский персонал больниц. Они поняли, что по сравнению с космическими катастрофами психоз или невроз совершенно не страшны.

Некоторым людям в последние минуты их жизни Странник открыл глаза на правду, если даже не дал им возможности убежать от ее последствий. Ранним утром Фриц Шер, по пояс в воде, выглянул из окна Института Исследований Приливов и увидел, что тучи на западной части неба рассеялись. Из-за них выглянул Странник и светил ему прямо в лицо. Пока Фриц все понял, его окатил новый поток воды и оттащил от окна. Проплывая рядом с машиной, прогнозирующей приливы, Фриц напрасно пытался схватиться за ее гладкие края. До последнего вздоха он неустанно повторял:

— Нужно было умножить на восемьдесят!

Когда гостиница покачнулась, а вместе с ней и темная комната на третьем этаже, Барбара почувствовала, как кровать на колесиках легко двинулась вперед. Она хотела было вскочить, но успела совладать с испугом и только ближе подвинулась к старому Кеттерингу.

Час тому назад старика начала бить крупная дрожь. Раньше ему страшно докучала жара, а теперь, когда холодные воды Атлантики залили Флориду, холод не давал ему покоя.

Бенджи, с мертвенно бледным в свете Странника лицом, стоял у окна.

— Вода уже залила первый этаж, — жаловался он, — и продолжает быстро подниматься. О, вот плывет дачный домик. Слышите, как он бьется о стену гостиницы? Треск дьявольский, должен сказать.

— Лезь в постель, Бенджи, и немного поспи! — крикнула из угла комнаты Эстер. — Если гостиница должна рухнуть, так она рухнет, и ты ничего не сможешь сделать. Если вода достигнет третьего этажа, ты не скажешь ей, что вход воспрещен.

— Я не могу быть таким спокойным, Эстер, — пробурчал Бенджи. — Только сейчас я понял, что должен был остаться около автомобили и стеречь, чтобы никто не забрал его с холма. Хотя... наверняка вода вот-вот дойдет и туда.

— Пусть только кто-то отважится прикоснуться к «роллс-ройсу»! — шепнула Барбара. — Стоянка на холме входит в те пять тысяч, которые мы заплатили за эти апартаменты.

— Мне интересно, забрали ли эти скряги кассу, потому что если не забрали, то вода наверняка ее похитит, — фыркнула от смеха Елена.

— Тихо! — крикнула Эстер. — Бенджи, ложись!

— Что мне от этого? — мрачно спросил он, не отходя от окна. — Елена спит со стариком и греет его. А от того толстого слоя пудры, который наложила на меня мисс Барбара, у меня зудит лицо.

— Перетань брюзжать. Мы с Еленой, на крайний случай, сойдем за медсестер, но тебя необходимо было немного отбелить. Конечно, все равно будет всем понятно, что ты не белый, но это хоть что-то может нам дать. По крайней мере, видно, что ты стараешься, а добрая воля и тысячедолларовый банкнот могут далеко привести.

— Снова видно это чудовище на Страннике, — буркнул Бенджи, поднимая голову и смотря в небо. — Быстро вращается.

Елена села на кровати.

— А может быть, мы... — неуверенно начала она испуганным голосом.

— Тихо! — резко сказала Эстер. — Вы должны сидеть тихо, а ты, Бенджи, лезь в постель! Мы должны с пользой истратить те пять тысяч долларов. Когда ты будешь по шею в воде, я разрешаю тебе подать голос, но ни на минуту раньше! Понятно? Спокойной ночи!

Лежа в темноте, Барбара думала об автомобилях, которые мчатся сейчас на север в поисках более безопасного места. Она думала о моторных лодках, которые сейчас свободны мчаться куда угодно. Думала о затопленных ракетах, находящихся в ста пятидесяти километрах отсюда, на мысе Кеннеди...

Старый Кеттеринг тихо застонал и начал что-то бормотать.

Барбара погладила его по сухой, покрытой морщинами щеке, но бормотание не прекратилось. Пальцы, которые он молитвенно держал на груди, дрожали. Барбара опустила руку на пол, достала куклу в черном белье и подала ему. Это успокоило старика. Барбара улыбнулась.

Здание гостиницы продолжало подрагивать.

Салли одела вышитое жемчугом, плотно облегающее ее фигуру вечернее платье, которое нашла в шкафу спальни. Джейк вырядился

в темно-синий шерстяной костюм, несколько мешковатый для него. Сейчас он выглядит, как щеголь пятидесятих годов. Они сидели у фортепиано, на крышке которого стояли два бокала и бутылка шампанского.

Комнату освещали двадцать три свечи — все, что Салли удалось найти в этой квартире. Темные портьеры скрывали окна, дверь лифта и балконную дверь.

Через плотные занавеси медленно просачивалась зловещая, пронизывающая до мозга костей тишина — она тяжестью ложилась на сердце, сжимала горло, замораживала огоньки свечей. Однако через какое-то время Джейк вырвался из этого замораживающего забвения, сильно ударил по клавишам, и громкий веселый припев рассеял тишину. Салли встала и, ритмично покачиваясь, начала громко и весело петь:

Я девушка в Ковчеге Ноя,
Ты мой старый Король Морей.
Наша любовь больше океана широкого,
Лестницы Иосифа или Аларата высокого.
Ты свил мне гнездышко посреди залива!
Мы любим друг друга и...

Левой рукой Джейк импровизировал аккомпанемент, а правой подал Салли листок бумаги.

— Спой второй куплет, — сказал он.

— О боже, Джейк! — воскликнула девушка. — Тут какие-то ненормальные слова! И как должна я петь эти кляксы?

— Эти ненормальные слова я нашел в интересном «списке самых важных небесных объектов», в одной из этих толстых книг твоего приятеля-интеллектуала. Мы должны создать соответствующее настроение, которое подходило бы к этой новой планете.

— Планеты-шманеты! Как мне это все надоело! Если бы не Хьюго, ты уже давно был бы под водой! Интересно, где он сейчас? Ну, хорошо, Джейк, играй.

Держа листок перед глазами, Салли снова начала извиваться всем телом:

Я девушка в Ковчеге Ноя,
Ты мой старый Король Бурь.
Наша любовь больше, чем все солнца,
Чем Орион или Мессира, сверкающая звезда,
Ты дал мне небоскреб, который задевает верхушки туч,
Мы любим друг друга и...

— Вот это будет бомба! — заливаясь радостным смехом, крикнул Джейк. — Мы соберем за это чудо аплодисменты!

— Да, — согласилась Салли, протягивая руку за бокалом. — Но мне почему-то кажется, что мы будем единственными артистами в холодном, влажном театре...

Ричард Хиллери чувствовал странное возбуждение, когда маршировал по обочине дороги, на которой быстро высыхали лужи соленой воды, по направлению на запад от Ислип. Внезапно прямо перед собой он увидел двух небольших серебристых рыбок и маленького зеленого рака, неуклюже ползущего по свертку мокрой материи, которая, скорее всего, была студенческой мантией. Тут же, посмотрев на юг, Ричард увидел старые башни Оксфорда, а на них четкий коричневый след, оставленный водой во время прилива. Он задержал дыхание, поднял руки и стоял так, словно намеревался прыгнуть с трамплина, — он вообразил себе, что плывет, как безумный, по водам Северного или Ирландского моря, которые только несколько часов назад заливали окрестности Оксфорда.

Все еще возбужденный, он рассмеялся, опустил руки и пошел быстрым шагом. Временами ему становилось не по себе при виде того, что выбросила на берег вода, особенно если это касалось человеческих трупов. Однако он твердо придерживался принципа, которым, может быть, пользовались все пешеходы во все времена: не смотреть на то, что не движется. В течение последних нескольких километров он несколько раз вынужден был напоминать себе о непоколебимости этого принципа. Пока что ни одна из мокрых фигур, которые он видел, не пошевелилась.

Ему повезло, потому что неподалеку от холмов Чилтерн, где он ночевал, он остановил автомобиль, который подвез его на значительный отрезок пути. Ричард отправился в путь ночью, сразу же после того, как увидел на востоке воду. На шоссе его подобрала супружеская пара, едущая из Литтлворка. Они ехали в Оксфорд за сыном, о котором очень беспокоились. Они не верили в наводнения и были склонны недооценивать их. Супруги угостили Ричарда бутербродом и несколькими глотками кофе. Через какое-то время их движение замедлилось, так как на дороге скопилось огромное количество автомобилей. К утру они наконец добрались до залитой равнины Оксфорда и там, на размокшей болотистой дороге, застряли окончательно в дорожной пробке. Ричард попросился с этими милыми людьми и вылез из машины. Пробке, казалось, не было конца, и Ричард уже не мог без сочувствия смотреть на своих попутчиков, сидевших в ошеломлении и отчаянии, не зная, что делать.

Нужно составить план, думал он, быстро шагая в группе других людей и глядя на двойной поток обрызганных грязью автомобилей, медленно движущихся на запад. Ричард прошел по забитому людьми и машинами мосту, который отделяло от бурлящей воды примерно метровое пространство, на другую сторону реки Червелл. Он подумал о том, соленая ли вода там, внизу, но не остановился, чтобы проверить.

Он также подумал, вошла ли в глубь суши вода, которая ночью вызвала наводнение, по руслу Темзы, или же она добралась сюда из далекого залива Уош на западном побережье Англии, где прилив обычно достигает десяти метров, заливая по дороге низину Фенландс, возвыше-

ние между Девентри и Бичестером и даже ущелья в горах Котсволрд. Но подобные рассуждения не приводили к возникновению плана, а солнце жгло ему спину.

Он также думал о том, насколько далеко в глубь страны прошла вода, но тут раздался тихий приглушенный шум мотора и люди двинулись ближе к дороге: двумястами метрами дальше маленький вертолет снижался для посадки. Пилот, молодая женщина в грязном переднике санитарки, выпрыгнула из кабины на землю и подбежала к единственному существу, которое не испугалось приземляющейся машины: к молодой женщине, сидящей в грязи, с ребенком на руках. Женщина-пилот забрала ребенка, заставила молодую женщину встать, подвела ее к вертолету и помогла сесть в машину. После этого, не отвечая на крики и вопросы людей из толпы, она быстро взобралась в кабину, и вертолет начал медленно подниматься в воздух.

Ричард, злой на самого себя, выругался и двинулся вперед. Подобные сцены наполняли его грустью и вовсе не приближали к принятию какого-либо решения.

Вскоре, однако, он все же смог обдумать определенный план. Прежде чем вода снова поднимется, необходимо во что бы то ни стало добраться до гор Котсволрд. Переждать прилив, затем во время отлива направиться в сторону Тьюксбери, пройти равнину Северна и добраться до гор Мальверн. Так, шаг за шагом, он дойдет наконец до Черных Гор в Уэльсе, где его, пожалуй, не достигнет даже самый большой в мире прилив. От такого чудесного плана он воспрял духом.

Конечно, было бы лучше вернуться на холмы Чилтерн или взобраться на не слишком высокие горы, находящиеся к востоку от Ислипа. Однако Ричард сумел вовремя предусмотреть тот факт, что эти места будут занимать толпы людей, продолжающие бежать на запад от Лондона. Кроме того, наибольшее отвращение будила в нем мысль, что он должен был бы теперь где-то остановиться, хотя бы в безопасном месте наверху, и там ждать в бездеятельности. Это было невыносимо — он чувствовал, что должен, обязан идти вперед. Кроме того, он хотел осуществить план, который составил с таким усилием.

Он сказал о своем плане двум пожилым мужчинам, с которыми шел уже пару часов. Первый ответил, что план этот совершенно нереален, сумасшедшая идея, и только. Другой заметил, что таким образом можно было бы спасти половину Англии и поэтому следует немедленно известить соответствующие власти. С этими словами он начал размахивать палкой, стараясь привлечь внимание пилота кружащегося над ними вертолета.

Ричард тут же потерял к этим людям всякий интерес, особенно к тому, второму, ускорил шаг и оставил их, поглощенных ожесточенным громким спором. Оживление неожиданно прошло, и Ричард понял, что его план — вообще весь мыслительный процесс, который склонил его к выбору именно этого пути, — имел целью только оправдать желание

бежать на запад. Он ясно понял, что только что придуманный им план действий так же лишен смысла, как и странствия орд леммингов через Скандинавский полуостров к Атлантическому океану, где их всегда поджидала смерть. А может быть, думал он, потрясение и дезориентация, которым подвергся он сам и все вокруг, обнажили скрытый до сих пор под наслоением цивилизации первобытный инстинкт, который просто приказывает людям откликаться на тот же зов природы, что и леммингам?

Не замедляя шага, Ричард приблизился к дороге и начал наблюдать за проезжающими автомобилями, страстно желая отыскать свободное место или хотя бы подножку, на которой можно было подъехать дальше. Хватит думать об этих сусликах! Другого плана все равно не придумать! Но на ум упорно лез наиболее убедительный контраргумент одного из встреченных мужчин — до гор Котсволрд минимум четыре-ста километров...

Под утро новый прилив, значительно больше того, что был ночью, ворвался в Бристольский канал и залил территории, прилегающие к реке Северн, неся на своих волнах остовы судов, стоги сена, буи, сорванные с якорей, телеграфные столбы, тянущие за собой провода, разрушенные дома и трупы людей и животных. Среди утопленников был и Дэй Дэвис, который до последних минут жизни оставался романтическим уэльским поэтом. Он миновал Гламорган, Монмут и вернулся в родные места, кружась в потоке несущегося вала в пятнадцати метрах под водой, словно мертвый финикийский моряк из стихотворения Т.-С. Эллиота.

Глава 29

Марго и Хантер, завернувшись в одеяло, несли дежурство в маленькой округлой пещерке, которую Макхит и Додд кое-как осушили. Над ними на западе среди рассеянных по небу туч мерцали звезды, восточная же часть, как и центральная, все еще оставалась черной. Под ними узкий луч света заливал закрытые автомобили и шоссе, ведущее в Долину. Поскольку у Додда был запас батареек для фонарика, Брехту пришла в голову идея установить его на валуне, загораживающем дорогу.

— Тем, кто стоит на часах, будет легче заметить нежелательных гостей, — сказал он. — Если кто-то подойдет, свет должен обязательно заинтересовать, и если у пришельца не будет плохих намерений, он наверняка крикнет или еще каким-то образом обратит на себя внимание. Однако не стреляйте в того, кто будет молчать. Возьмите его на мушку и прикажите остановиться. А потом меня разбудите.

Марго и Хантер сидели и курили; правда, огоньки сигарет не соответствовали правилам идеальной засады, но они надеялись, что этого никто не заметит. Марго затянулась, и раскаленный огонек сигареты

высветил ее втянувшиеся щеки и светлые густые волосы, гладко зачесанные назад.

— Ты словно валькирия, — тихо произнес Хантер.

Огонек сигареты высветил теперь серый пистолет, который Марго достала из-под куртки и держала в руке.

— Да, я чувствую себя валькирией, — шепнула она довольно. — И все благодаря этому пистолету! Этому чудо-оружию! Додд действительно обнаружил кое-что интересное!

Во время первого дежурства коротышка, вооружившись восьмикратной лупой и фонариком, принялся исследовать незнакомое оружие. И сразу же обнаружил, что параллельно фиолетовой линии нанесена очень точная миниатюрная шкала.

— Это могли сделать только существа, обладающие значительно лучшим зрением, чем у нас, — заявил он тогда.

Кроме того, был обнаружен миниатюрный рычаг в углублении рукоятки, направленный на такую же миниатюрную шкалу, размещенную на конце ствола. Никто не смог объяснить, для чего служит этот рычажок, но все единодушно решили, что не следует делать с ним каких-либо экспериментов...

— Интересно, на скольких планетах убивали из этого оружия? — прошептала Марго.

— Да, — серьезно заметил Хантер. — Ты выглядишь валькирией, которая, словно весталка, стережет святой огонь этого оружия.

Он подвинулся ближе к ней, и Марго внезапно почувствовала запах его пота, наводящий на мысль о мускусе.

— Постой! Ты слышишь? — прошептала она и протянула руку в темноту.

Они поспешно потушили сигареты и стали напряженно вглядываться в непроницаемую ночь, стараясь оценить грозящую им опасность.

Из автобуса и фургончика не доносилось не единого звука и не было видно, чтобы кто-то чужой находился рядом. Закурив сигарету, Хантер рассмеялся и сказал, продолжая прерванную мысль:

— Знаешь, Марго, мне кажется, что, убивая тех бандитов, ты ожила, словно бы проснулась первый раз в жизни. Такое бурное переживание способно изменить человека.

Марго улыбнулась и серьезно кивнула головой.

— Теперь все имеет значение, — сказала она. — Действительность стала более конкретной. Я стала понимать ее, чувствовать, что она становится мне ближе. И благодаря этому я стала понимать людей. Да, это прекрасное чувство.

— И благодаря этому ты стала еще прекраснее, — Хантер схватил ее за руку. — Еще красивее. Красивая весталка, валькирия!

— Но, Росс, — шепнула она, — можно подумать, что ты за мной ухаживаешь...

— Так оно и есть, дорогая, — ответил он и еще сильнее сжал ее руку.

— Но у тебя же жена и двое сыновей в Орегоне! — Марго отодвинулась от него, но не настолько, чтобы освободить руку.

— Она не в счет, хотя я сильно о них беспокоюсь. Но теперь, когда жить нам осталось, может быть, один час, надо использовать его. Марго, я хотел бы поцеловать тебя.

— Мы познакомились только вчера, Росс. И ты намного старше меня.

— Максимум на десять лет, дорогая, — шепнул он, учащенно дыша. — Марго, старые принципы и предрассудки уже ни к чему не обязывают. Вспомни, что сказал Рудольф, — действительность перестала быть реальной! Так что...

Но тут ветер развеял тучи над ними, и они увидели Странника с мандалой на диске, полуопоясанного сверкающей Луной. От красоты золотисто-фиолетового шара они затаили дыхание, но уже через несколько секунд Росс Хантер решительно обнял девушку и прижал к себе. Марго вырвалась от него и вскинула руку к небу.

— Там мой жених! — почти крикнула она. — Он находится на этой... или на этих искрящихся остатках. И я страстно желаю, чтобы ему удалось спастись! Может быть, он сейчас вместе с бедным Полом...

— Я знаю о твоём женихе, — кивнул Хантер, внимательно смотря на девушку, ярко освещенную светом Странника. — Я даже читал о вашем романе в каком-то журнале. На фото ты высокомерно улыбалась и выглядела ужасной снобкой. Я тогда подумал, что эта женщина не знает, что такое жизнь, и не знает, что такое настоящий мужчина.

— Такой, как ты, не так ли? Ну, как же тогда Пол, которого похитила эта тарелка? Он любит меня, но у него такие ужасные комплексы. Может быть, пережитое позволит ему избавиться от них...

— Мне нет до них никакого дела! — прервал ее Хантер. Он опять обнял ее. — Я не чувствую угрызений совести, используя ситуацию, в которой находятся твои бывшие мужчины! Ты красива, и кто первым тебя добудет, тот и победит. Кроме того, я знаю тебя лучше, чем они. Я узнал тебя разбуженной золотоволосой валькирией и поэтому еще больше, чем они, схожу от этого с ума! Сейчас все не в счет, только ты и я. О, Марго...

— Нет! — решительно произнесла девушка и, вставая, оттолкнула от себя Росса. — Я рада, что нравлюсь тебе, но ты не нужен мне. Ни ты, ни какой-то другой мужчина! Мне полностью хватает этой новой действительности. Я уже больше ничего не хочу, у меня просто больше нет ни на что сил. Понимаешь?

Росс несколько раз глубоко вздохнул и наконец пробурчал:

— Что ж, пока что я отступаю. Давай теперь вернемся к своим обязанностям. Пока светит Странник, надо тщательно осмотреться. — После того как прошло немного времени и они внимательно осмотрели местность, Хантер, не оглядываясь, тихо начал:

— Ты так поглощена собой, что я даже начал сомневаться, а была ли ты когда-нибудь влюблена. Пол позволил тебе дирижировать собой, и ты его эксплуатировала. Поверь, это было видно. Думаю, что... ну, как его там? Дон... что и Дона ты подчинила себе, лстя его мужской гордости.

— Интересно... — удивилась Марго.

— Да, пожалуй, ни один из них не будет для меня грозным соперником. Разве что Мортон Опперли может быть более опасен, так как он для тебя предстанет в ореоле зловеще красивого мага, который, — а ты, возможно, мечтаешь об этом, — когда-нибудь похитит нашу молодую и прекрасную валькирию и заточит в своем мрачном замке страны Высшей Математики. Кровесмешение с энштейновским оттенком, каково, а?

— Очень интересно, — прокомментировала девушка. — И как у людей могут возникать такие мысли?

Делая вид, что только сейчас к нему пришла эта идея, Хантер поежился и громко произнес:

— О, боже! Ну и холодно! Нам было бы гораздо теплее, если бы мы прижались друг к другу и только потом завернулись в одеяла!

— О нет, солдат! — рассмеялась Марго. — Любовь и охрана не идут в паре!

— Совсем наоборот, дорогая. Они могут прекрасно дополнять друг друга. Человек оживает, он начинает сознавать, что происходит вокруг него.

— Я сказала нет, Росс!

— Но я ведь ничего плохого не имел в виду, — запротестовал Росс, — я просто реалист. И к тому же трясусь от холода.

— Так закутайся плотнее! — решительно посоветовала Марго. — Мне печка не нужна. — Она посмотрела на Росса и улыбнулась. — В эти минуты я словно горю. И чувствую полноту жизни без твоей помощи!

— Сука! — бросил ей в ответ Хантер.

— Говори что хочешь, — ответила она с радостной улыбкой. — Я сейчас пойду на разведку. Возьму карабин, а ты с пистолетом прикрой меня.

— Сука! — с горечью повторил Хантер, когда Марго начала наискось спускаться по склону.

Когда они разбудили Брехта, чтобы он сменил их, Странник был закрыт пеленой туч. Некоторое время Брехт тихо постанывал, выпрямляя затекшие ноги, но потом к нему вернулось хорошее настроение.

— Я только сменю батарейки в фонарике, — сказал он. — Они у меня в кармане. Вы подождите немного.

Когда Марго заняла в фургончике место Рамы Джоан, Странник снова сиял на небе, на этот раз с мордой какого-то мифического зверя на диске.

Анна не спала. С момента послеобеденных событий девочка, которой все нравилось, стала серьезной и задумчивой. Марго с опасением подумала, какие мысли могут бродить в голове этой малышки, когда она смотрит на нее, убийцу, пусть даже и бандитов, но тем не менее убийцу людей. Но Анна только спросила обеспокоенным тоном:

— Почему мамочка ушла?

Марго объяснила ей, что все по очереди должны нести дежурство снаружи.

— Мамочке, похоже, нравится общество мистера Брехта, — с грустью заявила девочка.

— Посмотри, дорогая, на Странника, — поспешила переменить тему Марго. — Видишь? Луна превратилась в кольцо. Она разорвала кокон и теперь расправляет крылья.

— Он красивый, — ответила Анна, и в ее голове снова звучали мечтательные нотки. — Фиолетовый лес и золотые океаны... Привет, Рагнарок...

В автобусе миссис Хиксон, которая сидела сразу же за водительским креслом, наклонилась и шепнула на ухо мужу:

— Билл, а что будет, если они узнают, что мы не муж и жена?

— Для них это не будет иметь никакого значения, любовь моя, — шепотом ответил он.

Миссис Хиксон тяжело вздохнула и попыталась улыбнуться.

— Ты прав, дорогой, но, несмотря на это, приятно считаться единственной официальной супружеской парой во всем этом бедламе.

Пол проснулся среди черного космоса, одинокий, словно ангел-бродяга, и так высоко над Землей, что когда он посмотрел на черную дугу горизонта, то ему показалось, что звезды здесь сверкают значительно ярче, чем когда-либо случалось ему видеть, даже ярче, чем в пустыне. Однако он чувствовал себя отдохнувшим и в хорошем настроении, а переход от сна к яви произошел так неназойливо, что он вовсе не почувствовал страха.

Протянув руки вперед, он прикоснулся к невидимой теплой, стеклоподобной поверхности. Эта защита оберегала его от враждебного космоса, а то дополнительное, чем он был привязан за ногу, давало ему ощущение безопасности. Повернувшись, он едва смог удержать крик, готовый сорваться с его губ. Внизу, в темном бархате абсолютной черноты космоса, проплывала Земля.

Стояла ночь, он находился — так ему по крайней мере показалось — километрах в двухстах над Аризоной. Смотри на восток, он видел всю Южную Калифорнию, северо-западную часть Мексики, в том числе и мыс Калифорнийского полуострова, а далее — Тихий океан. Да, у него не было никаких сомнений по поводу проплывающей под ним картинки.

Пол увидел также огни Сан-Диего, по крайней мере, какие-то огни там, где должен был находиться Сан-Диего, и осознал, что

мысленно направляет за это Богу банальные, хотя и искренние, слова благодарности.

Небо было безоблачным. Странник, с головой быка на диске, опоясанный разорванной Луной, неподвижно висел в западной части неба. Свет Странника бросал широкие фиолетовые и золотые полосы на воды Тихого океана и сверкал на полуночной стороне Калифорнийского залива, вырисовывая линию побережья.

Суша отражала рассеянный желтый свет, похожий на во много раз усиленное свечение Луны, но здесь эффект был значительно слабее, нежели на мерцающей воде.

Затем Пол заметил, сначала с недоверием, а потом с возрастающим ужасом, что Калифорнийский залив простирается минимум на сто пятьдесят километров дальше на северо-запад, чем обычно, создавая сверкающую ленту, которая сначала сужалась, а потом расширялась. Через мгновение у него исчезли все сомнения относительно того, что произошло на Земле.

Или вследствие землетрясения, или вследствие прилива, а может быть, из-за того и другого соленая вода из Калифорнийского залива ворвалась в глубь суши и залила местность, лежащую ниже уровня моря от долины Империал и высыхающего озера Салтон Си до Палм-Спрингс. Он постарался припомнить названия двух городов, находящихся сейчас под водой, один — это Бровли, довольно большой город, а второй — Волкано...

Неожиданно вместо космоса перед ним выросла розовая стена, и он услышал безразличный голос:

— Здравствуй, обезьяна.

Щуря глаза, Пол медленно перевернулся, осторожно выворачивая ногу, связанную невидимыми путами. Тигрица висела над пультом управления, согнувшись, словно сидела на невидимых качелях. На коленях она держала Мяу, которая своим маленьким розовым язычком трудолюбиво лизала зеленые колени большой кошки.

Пол проглотил слюну и удивленный поднял палец ко рту. Кляпа не было.

Тигрица улыбнулась.

— Ты спал семь часов, обезьяна, — сказала она. — Лучше себя чувствуешь?

Пол прокашлялся, но сразу же закрыл рот и только посмотрел на нее, не отвечая на улыбку.

— Ого, уже набрался ума, да? — замурлыкала Тигрица. — Обезьяна не визжит, мы лучшие отношения. А теперь говори.

Пол молчал.

— Не дуйся, Пол, — махнула лапой большая кошка. — Я знаю, что вы более-менее цивилизованны, но я тебя вижу, затыкаю рот кляпом, называю обезьяной, чтобы немного поучить. Вы ведь не такие важные во Вселенной, и другие могут относиться к вам так, как вы относитесь к своим животным, например кошкам. Кроме того, я хотела

дать тебе ощущение второго рождения, которое так нужно тебе, это скажет любой психолог.

Пол несколько секунд смотрел на нее, после чего покачал головой.

— Как это? — резко спросила Тигрица. — Ты думаешь, что у меня были другие причины?

Пол, медленно и с нажимом выговаривая каждый слог, словно учил детей в школе правильному произношению, произнес:

— Ты утверждаешь, что твой разум значительно более развит, чем мой, и со многих точек зрения с тобой я в этом согласен, но вчера, по крайней мере, двадцать минут ты приписывала мои мысли этой очаровательной зверушке, которую ты держишь на коленях и которая не может ни говорить, ни думать. Ты была зла на себя, что совершила такую глупую ошибку, и разрядила на мне свою злость.

— Это ложь! Я не совершала никакой ошибки! — немедленно ответила Тигрица, забывая об акценте и неправильных грамматических формах.

Она напряглась и обнажила когти. Мяу перестала мурлыкать. Однако через мгновение Тигрица уже овладела собой, удобно вытянулась и весело рассмеялась. Она грациозно пожала фиолетово-зелеными плечами и сказала:

— Ты прав. Злость немного меня руководила. В космосе мало котов, я дала надежде понести себя. А ты заметил. Продувная обезьяна.

— Несмотря на это, ты совершила ошибку. Серьезную ошибку, — тихо сказал Пол. — Как ты могла подумать, что такое маленькое животное, как эта Мяу, способно логически мыслить?

— Я считала, что у нее миниатюризированный мозг, — быстро ответила Тигрица. — Если бы я сделала исследование, то поняла бы это, но я полагалась только на телепатию, — она приласкала Мяу. — Следующий вопрос, обезьяна!

Пол помолчал немного, а потом сказал:

— Ты утверждаешь, что принадлежишь к высшей развитой галактической культуре, и, несмотря на это, даешь доказательства неестественной ксенофобии. Я считал, что хороший гражданин галактики может найти общий язык со всеми разумными существами, как с теми, что обитают в воде, так и с представителями класса насекомых или членистоногих, с копытными, крылатыми или хищными, такими, как волки или ты сама... ну, конечно, и с обезьянами.

Когда он на одном дыхании назвал ее вместе с волками, Тигрица вздрогнула, но сразу же овладела собой и невинно заявила:

— Обезьяны — самый худший из всех видов, Пол. — И через мгновение добавила сдавленным голосом: — Кроме того, космос вовсе не такой дружелюбный, как ты думаешь.

Она начала ритмично гладить Мяу, массируя ей лопатки.

— Я склонен в это поверить, — кивнул Пол. — Ты делаешь вид, что вы существа всезнающие и беспокоитесь о любом живом создании.

Ты хвасталась, что спасла от огня два обезьяньих города, и, несмотря на это, когда вы уничтожили Луну, чтобы добыть топливо, вы не задумывались над тем, что на Луне есть люди, среди которых был мой лучший друг.

— Это неприятно, Пол, — холодно возразила Тигрица. — Но у них ведь были корабли. Почему же они не успели убежать?

— Будем надеяться, что им все же удалось выбраться оттуда, — так же холодно сказал Пол. — Однако вы не знали, что человечество уже начало осваивать Луну. Я не верю, что вы знали, выйдя из подпространства, что Земля населена разумными существами. А если даже и знали, то вам было безразлично.

Тигрица выглядела обеспокоенной и начала несколько быстрее гладить Мяу, как нервничающая женщина сильно затягивается сигаретой.

— В этом ты прав, Пол, — призналась наконец большая кошка. — В пространстве много плохого, бури... штормы и все такое. Нам очень нужно топливо. У нас опустошены топливные баки. Но все же должна сказать в свое оправдание, что последние галактические исследования показывали отсутствие здесь сколько-нибудь разумной расы, а только многообещающую культуру котов.

Она скорчила рожицу и похлопала Мяу по спине.

Не обращая внимания на ее колкость, Пол продолжал дальше:

— У меня есть еще одно доказательство вашей бездушной и бессмысленной спешки. Ты спасла из волн Мяу, а заодно и меня, наверное, считая, что я — применяемое ею вьючное животное, но ты оставила внизу многих несчастных людей, среди которых была и моя невеста. Ведь вы оставили их на произвол судьбы!

— Это ложь, Пол! — воскликнула Тигрица. — Я утихомирила те волны, и твои соотечественники спокойно выбрались из воды. Чтобы обеспечить их безопасность, я вынуждена была оставить там пистолет.

— Еще одна ошибка? — улыбнулся Пол. — Ну, хорошо, на этот раз можем считать это как плюс. Но...

Он остановился, так как неожиданно осознал, что ситуация, в которой он находится, действительно смешна. Вот он, обнаженный, с прикованной ногой, с прицепленными гигиеническими трубками, играет в прокурора, пытаясь поймать на лжи наиболее необычную «мадам Х», которая когда-то оказывалась на свидетельской скамье.

И самую красивую, мысленно добавил он со смущением. Может быть, все это только старый, как мир, анекдот об обезьяне, дружески подтрунивающей над леопардом?

Однако он сразу вспомнил затопление Бровли и Волкана.

— Так у тебя есть невеста, да? — язвительно спросила Тигрица. — А Марго знает об этом? Ты такой порядочный... но как же тогда это будет выглядеть по отношению к Дону?

Пол с достоинством пренебрег злорадными колкостями Тигрицы. Он продолжал говорить со все большей убедительностью:

— Лучшим доказательством того, что ты ошибаешься, вознося до небес вашу высокую разумность и культуру, является тот факт, что сейчас множество людей гибнет из-за того, что Странник деформировал земное гравитационное поле. Деформировал его потому, что вам было нужно топливо, а вы даже не потрудились отыскать какой-то другой источник, такой, как, например, спутники Юпитера или Сатурна. Да, вы потушили пару пожаров, но нельзя забывать, что именно по вашей вине сотни, а может быть, даже тысячи людей погибли в результате землетрясений, наводнений и пожаров. Ведь именно по вашей глупости целые города исчезают под водой, затопляемые водами океанов. Если так пойдет дальше, не знаю, останется ли вообще человек и все живое на нашей бедной планете.

— Довольно, обезьяна! — зарычала Тигрица, выпуская когти и опираясь задними лапами на пульт управления. Мяу отпрыгнула в сторону. — Слушай, Пол, — Тигрица с трудом овладела собой. — Я никогда не утверждала, что мы гуманны по отношению к вам, обезьянам! Наш мир жесток. Я тебе уже говорила, что космос совсем не то, что вы себе представляете. Галактические цивилизации очень разнообразны. Но, СМЕРТЬ — ЧАСТЬ ЖИЗНИ! Таков девиз. Всегда есть те, кто страдает при любом исходе дела. Взять топливо — что может быть естественнее такого положения вещей. Это только...

Она остановилась и, хмурия брови, посмотрела на палец, который — Пол протянул в ее сторону. Лицо человека сияло, потому что он неожиданно понял, почему это существо с таким запалом и, очевидно, искренне пытается защитить себя и своих товарищей.

— Я не верю тебе! — заявил он. — Я подозреваю, что ваша бессмысленная спешка, ваша недостаточная подготовленность и неточные сведения и, прежде всего, неудачные и глупые попытки исправить ущерб свидетельствуют о том, что нечто, чего вы страшно боитесь, вынудило вас действовать так быстро и опрометчиво!

Тигрица совершенно неожиданно прыгнула на Пола, придавив его к стене. Одной лапой она схватила его за горло, другая же, словно грабли с острыми зубьями, повисла в нескольких сантиметрах от его лица.

— Это отвратительная ложь! — крикнула она с безупречным произношением. — Я требую, чтобы ты немедленно взял свои слова обратно и извинился!

Пол сделал судорожный вдох и отрицательно покачал головой.

— Нет, — прохрипел он с вымученной улыбкой, — нет. Вы, без сомнения, смертельно боитесь кого-то!

Дон Гильермо Уолкер отгонял от себя комаров и с борта лодки, которая возвращалась на озеро Никарагуа, осматривал залитые крыши домов Сан-Карлоса, красные в свете восходящего солнца. Ночью течение в реке Сан-Хуан снова изменило направление, тормозя скорость лодки, но дон Гильермо только сейчас понял, что причиной изменения течения

является повышение уровня воды в самом озере — однако почему там поднялась вода, оставалось для него загадкой.

Небо тоже представляло загадку. На востоке оно было ясным. Светило солнце. Но на западе белый густой туман, словно стена, поднимался над полосой суши, между озером и океаном, и тянулся в бесконечность на север и на юг.

Хотя в прошлую ночь Дон Гильермо видел несколько вулканических извержений, ему даже в голову не приходила мысль, что здесь, как и в других районах, где вода ворвалась в вулканические щели, поднимается завеса водяного пара.

Он поинтересовался у братьев Аранза, почему они плывут на север, и они ответили, что хотят вернуться домой, в Гранаду. Резкий жесткий тон их ответа удержал его от того, чтобы опротестовать это решение.

Однако он не удержался от того, чтобы немного позже рассказать им — неизвестно, в который раз, — как более ста лет назад его прадед, высадившись в Никарагуа во главе отряда из каких-то пятидесяти смельчаков, атаковал и захватил Гранаду.

Когда солнце всходило над озером Никарагуа, на другом конце земного шара Багонг Бунг смотрел, как золотой шар опускается в воды Тонкийского залива, каких-то двенадцать часов тому назад значительно обмелевшего вследствие большого отлива, а теперь, с приходом прилива, залившего весь Вьетнам. Невольно на ум пришла мысль о сейфе, закрытом в каюте «Мачан Лумпур». И о деньгах, которые он взял с «Королевы Суматры». Правда, добыча была незначительной — несколько десятков небольших золотых монет и два мешочка серебра. Но, золото — есть золото!

Он прикоснулся к желтому шелковому платку, которым повязал голову, словно пират, и, озорно улынувшись Холбер-Хумсу, сказал:

— Стоило бы вспрыснуть такую добычу!

— Пью я, пьешь ты, — начал высокий австралиец. — Хотя ты не пьешь! Ты куришь опиум, потому что религия не запрещает тебе этого.

Багонг Бунг опять улыбнулся, но через мгновение стал серьезным. Утром начнется отлив. Он уже решил, на какие останки корабля надо будет начать охоту на этот раз! Настал черед легендарного испанского корабля «Лобо де Оро», битком набитого сокровищами! Утром Тигр Болот сойдется с Золотым Волком!

Первой реакцией Барбары при виде двустволки, которая появилась в окне со стороны водителя, уткнувшись в сгорбленную спину Бенджи, была мысль, что это всего лишь выброшенные водой на берег доска или кусок дерева, каких было полно на каждом шагу. С самого начала путешествия они постоянно натывались на разные препятствия по до-

роге: большой слой наносного песка, кучи листьев, спутанные стебли осоки, вырванные с корнем деревья и кусты, гниющие растения, среди которых преобладали пурпурные болотные цветы. Они видели валявшиеся на обочине трупы людей и животных. «Не останавливайся, Бенджи!» — кричала тогда Барбара. Они проезжали мимо разбитых автомобилей и сельскохозяйственных машин, мимо разрушенных, а иногда и целых домов и овинов. Мимо спутанных клубков проволоки, особенно опасными были мотки колючей проволоки. Однажды они вынуждены были даже уложить ряд досок на выброшенную водой ограду из колючей проволоки, чтобы не продырявить шины, в другой раз — искать боковую дорогу, чтобы объехать большой завал из разрушенных строений.

Была жара и парило так, что создавалось впечатление, будто быстро рассеивающийся туман выходит прямо из-под земли. Конечно, видели они и живых людей, хотя и не так много — некоторые были настолько ошеломлены, что безучастно смотрели на проезжающий мимо них автомобиль, но многие не отступили перед стихией. Объединившись в небольшие группы, они стойко противопоставляли твердость характера напору воды. Иногда мимо них проезжали люди в машинах или на лошадях, один раз небольшой самолет с громким сверлящим гулом пролетел над их головой.

Второй реакцией Барбары при виде ствола оружия было осознание того, что вот она, та злая минута, которой она опасалась, и слава богу, что в низко опущенной правой руке она сжимала сейчас револьвер 38-го калибра. Она надеялась, что в случае чего успеет поднять револьвер и выстрелить в окно.

Третья реакция при виде двустволки была оптимистической: Барбара заметила на стволе свежий след ржавчины и отметила про себя, что, если патроны мокрые, у нее есть преимущество и она сможет даже не стрелять, достаточно будет просто напугать нападавших... но все же она не позволила себе так быстро поверить в это.

Голос, ленивый и одновременно грозный, нес в себе что-то от жужжания слепня, который носится туда и обратно по заднему стеклу автомобиля.

— Контрольный пункт! Берем деньги за проезд. Что вы делали...

— Мы только поменяли колесо, — быстро вставила Барбара.

— ... в Трилби? — закончил жужжащий голос.

«Итак, — думала девушка, — вот мы и узнали, как назывался этот ужасно разрушенный городок с завалами во многих местах на главной улице, по которой мы с трудом проехали двадцать минут назад».

Вслух она громко сказала:

— Мы едем из Палм-Бич и охотно заплатим за проезд.

Однако когда она потянулась левой рукой к сумке, лежащей у нее на коленях, две жилистые, сожженные солнцем руки быстро появились в окне — одна схватила сумку, другая подняла лицо девушки вверх,

и Барбара увидела худое, небритое лицо с вытаращенными глазами. Она должна была овладеть собой, чтобы не выстрелить в лицо или не укусить эту руку. Однако через мгновение руки убрались, убирая сумку, и голос произнес:

— Старый пень, должно быть, миллионер из Палм-Бич. Сумка набита деньгами!

— Он очень болен, — сказала поспешно Барбара. — И сейчас без сознания. Мы хотим отвезти его в...

— А может быть, это богатч с севера, который приехал на юг пошвырять деньгами, который платит черным столько же, сколько и белым, а когда Бог подвергает нас испытаниям, трусливо удирает. Предлагаю деньги отдать в фонд Победы, а себе взять этих двух черномазых — ночью будет, чем повеселиться. А ну, вы двое, вылезайте поживее! А не то я продырявлю этого мулата за рулем!

Мужчина ткнул стволом под ребра Бенджи.

«Теперь или никогда!» — подумала Барбара, но когда она стала вытаскивать револьвер, то почувствовала, что пальцы старого КKK сжимают ее руку с удивительной силой. Кеттеринг грозно откашлялся и громко сказал, громче, чем Барбара когда-либо слышала, решительным и не выносящим противоречий тоном:

— Неужели какой-то глупый осел будет оспаривать цвет кожи моего сына Бенджи? Я думал, что имею дело с южанами, а не с бандой карманников.

Возле автомобиля послышался гневный шепот. Через мгновение оружие убрали, КKK, искривляя лицо, словно старый гриф, посмотрел на мужчин в комбинезонах, стоящих возле машины, и со значением пропел:

— Когда придет конец Черной Ночи?

Человек с жужжащим голосом медленно, словно кто-то вытягивал из него слова против воли, ответил:

— Когда рассветет Белая Победа.

— Аллилуйя! — твердо закончил старый КKK. — Прошу передать большой привет вашему Джиму. Бенджамин, поехали!

Машина сначала медленно, а потом все быстрее начала двигаться по шоссе. Эстер не переставая повторяла одно и то же: «Бенджи, внимание!» — дергая за плечо истерически хохочущего мулата. Наконец Бенджи немного успокоился и прохрипел:

— Наш старый в самый раз зовется КKK! — Он оглянулся. — Прошу прощения... папа!

— Он тебя не слышит, Бенджи, — сказала Эстер. — Он снова потерял сознание. Это было слишком для него.

— Я никогда не допускала, что он состоит в ку-клукс-клане, — с удивлением прошептала Елена.

— Благодарю Бога, что это так, девушка, иначе нам было бы плохо, — со злостью сказала Эстер.

Когда рассвет, сначала зеленоватый, а потом банановый, стал в конце концов желтым, Рудольф принял команду над лагерем, разбитым у скалистого склона. Все, что он делал, казалось весьма загадочным и наверняка еще более раздражало бы, если бы не его сардоническая веселость. Прежде всего, он не захотел отвечать на вопросы, относящиеся к цели их путешествия, пока они не будут готовы отправиться в путь.

Он на одну треть уменьшил порции завтрака, меню которого принесли ему на утверждение Ида и Макхит, температурающему Ханксу он дал пенициллин, предварительно убедившись, что у больного нет к нему аллергии, а когда Хиксон предложил разбить здесь постоянный лагерь и переждать в нем смутное время, Брехт отрицательно покачал головой.

Они обыскали автомобили бандитов. В одном они обнаружили заряженный револьвер 32-го калибра, в другом нашлась черная шляпа, которую Брехт сразу же нахлобучил себе на голову, удовлетворенно заявив:

— Подходит!

Войтович запротестовал:

— Нет, Рудольф! Не надо надевать эту штуку, потому что она может принести нам несчастье!

Дылда тут же мрачно поддакнул:

— Я бы не хотел, чтобы эта шляпа садиста и убийцы пачкала голову нашего товарища!

— А я скорее предпочитаю шляпу убийцы, нежели солнечный удар, — со смехом ответил Рудольф.

Затем настала очередь проверки работы автомобилей. Когда он повернул ключ в стартере и нажал на газ, двигатель первой машины сразу же заработал, второй — безмолвствовал. Но Брехт не разрешил Войтовичу заглянуть под капот. Он приказал слить бензин и масло с этого автомобиля, затем отпустил ручной тормоз, заблокировав руль и позвал мужчин, чтобы они помогли ему столкнуть машину с обрыва.

Автомобиль скатился в пропасть и через несколько секунд с грохотом упал на дно ущелья. Вверх взлетели три сарыча.

Брехт хлопнул в ладони и сказал:

— Я не хотел мешать их трапезе, видит Бог. — Услышав это, миссис Хиксон с неодобрением поморщилась.

Затем Брехт испытал «корвет», лихо проехав немного вперед и назад в опасной близости от края пропасти.

— Красивая игрушка, — удовлетворенно кивнул он головой, вылезая из машины. — В самый раз для меня.

Когда завтрак подходил к концу, он незаметно подозвал к себе Хантера, Марго, Раму Джоан и Додда, после чего повел их за фургончик.

— Что будем делать дальше? — спросил Брехт, оглядывая всех по очереди. — Едем в Долину или поворачиваем в Корнелл или Малибу Хайтс? Но учтите, что оставаться здесь нельзя, потому что позже мы никогда не выберемся!

— Но ведь дорога в Долину заблокирована? — заявил Додд.

— Может быть, — подал голос Хантер, — мы отошлем в разведку только несколько человек, например, для выяснения ситуации в Долине?

— Мы не можем пойти на это! — решительно возразил Брехт. — И речи не может быть о разделении нашего небольшого отряда! Нас слишком мало.

— Я знаю нескольких художников в Малибу, — произнесла Рама Джоан.

— А я — в Кейл-Код, — Брехт улыбнулся и подмигнул ей. — Наверное, они в этот момент состязаются с волнами, борясь за жизнь.

— Я хотела сказать, — произнесла Рама, отвечая на подмигивание улыбкой, — что голосую за Долину.

— Знает ли кто-то из вас, как высоко расположена Долина? — спросил Додд. — Я это к тому, что она, возможно, уже залита водой.

— Увидим, — пожал плечами Брехт.

— Мы должны ехать в Долину, — вмешалась Марго, — только в Долину!

Брехт внимательно присмотрелся ко всем.

— Хорошо! Едем в Долину!

— Но валун... — начал Додд.

Брехт остановил его движением руки.

— Пойдемте! — сказал он, обошел машины и направился в сторону камня.

Когда они проходили мимо остальных, Хиксон спросил словно в шутку, но, однако, не слишком дружелюбно:

— Ну так что, мистер Брехт, исполнительный комитет уже утвердил план действий на сегодня?

— Едем в Долину, — ответил Брехт. — Там пополним запасы и встретимся с известными учеными из Лунного Проекта. Есть какие-нибудь возражения?

Не ожидая ответа, он встал на склоне над самым валуном и движением руки подозвал Марго.

— Я видел, как эта каменюга дрогнула, когда ты стреляла из своего пистолетика. Поэтому попробуй еще. Целься отсюда и держи палец на курке не менее трех секунд. Думаю, что камень удастся скатить с дороги. Внимание! Всем отойти в сторону!

Марго достала из-под куртки пистолет, но неожиданно отдала его Хантеру.

— Стреляй ты, — сказала она. Ей не хотелось держать в руке столь грозное оружие. Ни к чему было сейчас использовать его самой.

Хантер присел на корточки и обеими руками взял пистолет. Он знал от Марго, что отдачи не будет, но не хотел рисковать. Хантер напрягся, краем глаза увидел, что Брехт дает ему знак рукой, и осторожно нажал на курок.

Ничего не произошло. Валун остался на месте, и Хиксон даже крикнул:

— Смотрите, он вовсе...

Но тут камень начал приподниматься со стороны Хантера, сначала медленно, а потом все быстрее.

— Двигается! — закричал Макхит.

Валун перевернулся. Хантер снял палец с курка. Валун с сильным грохотом упал на каменистый склон и со скоростью, несколько большей, чем у нормально падающих камней, покатился в сторону пропасти.

Весь склон затрясся. Некоторые женщины с ужасом вцепились в стоявших рядом.

Раздался оглушительный треск, и валун обрушился в пропасть, отбив от края плоский широкий обломок скалы.

Додд достал блокнот и громко произнес:

— Наиболее неправдоподобное физическое явление, которое когда-либо...

Мощный грохот заглушил его слова. Скалистый склон снова затрясся, когда валун ударился о дно ущелья.

Хантер посмотрел на шкалу пистолета.

— Осталась еще почти треть заряда, — заявил он.

Рудольф отправился обследовать землю, на которой совсем недавно лежал кусок скалы. Он увидел полуметровую яму, более глубокую со стороны пропасти, где выброшенный камень создал полосу, соединяющуюся со скалистым полотном. С удовлетворением кивнув, он заявил:

— Все в порядке. Можно отправляться.

Хантер немедленно возразил:

— Не совсем в порядке. Автомобиль может повести в сторону и...

Но Рудольф уже быстро ушел в сторону своей машины.

Два сарыча — очевидно, те самые, которые уже были здесь, — вынырнули из пропасти и стали удаляться от шоссе. Напротив, со стороны Долины, с ревом показался большой военный вертолет, которого ранее, во время всей этой суматохи, никто не заметил. Птицы сделали разворот и повернули обратно. Хиксон начал подавать знаки карабином, но Рудольф остановил его.

— Не суетись, парень, — засмеялся он. — Они и так нас видят. И коль скоро они не отреагировали на грохот, то, клянусь всем святым, уже не отреагируют ни на что!

И, как бы в подтверждение его слов, вертолет медленно ушел в сторону моря.

Рудольф сел в «корвет» и крикнул:

— С дороги!

Автомобиль тронулся, но когда он переезжал яму, его немного занесло. В этот момент два сарыча быстро пролетели метрах в двадцати над шоссе и исчезли за склоном.

Рудольф остановил машину сразу же за лимузином убийцы.

— Выходите из автобуса! — крикнул он. — Быстрее!

Когда все собрались вокруг него, он предложил:

— Я поеду первым. Потом очередность будет следующей: лимузины, автобус и в конце — фургончик. Ты, Джоан, поедешь со мной, но Анну лучше оставить в автобусе. Росс, ты поведешь лимузин. Сразу поверни машину. Марго, садись с Россом и береги свой пистолет. Что бы ни случилось, помни, что ты наша тяжелая артиллерия! Но не открывай огня без моего приказа! Додд, как твоя рука? Арьергард тоже должен иметь оружие.

— Гарри умеет стрелять! — кивнул Додд. — И на него можно положиться.

Брехт кивнул.

— Хорошо. Скажи ему, что он получил повышение. Второй карабин пусть возьмет Хиксон.

Дед, водитель автобуса, начал жаловаться, что не сможет переехать через яму.

— Задние скаты старые и совершенно лысые, — сказал он. — Я могу забуксовать и...

Но Брехт размашистым шагом уже шел обратно. Он сел в автобус и без особых трудностей перебрался на другую сторону ямы.

Затем Хиксон перевел фургончик. Рея Ханкса перенесли вместе с кроватью, и поскольку он настаивал, что не хочет ехать автобусом, то его поместили в фургончике. В фургончик сели также Ида и Макхит, который с суровым выражением лица держал наготове карабин.

Когда все заняли свои места, Брехт обратился к Кларенсу Додду:

— Смотри за порядком и особенно следи за дедом!

Когда он вернулся в «корвет», то увидел, что Анна сидит на переднем сиденье рядом с Рамой Джоан. Он улыбнулся, пожал плечами и сел за руль.

— Привет, маленькая, — сказал он и потрепал ее по волосам.

Анна отодвинулась от него.

Брехт хмыкнул, запустил двигатель, потом вышел из кабины и крикнул в сторону остальных машин:

— Внимание! Дистанция двадцать метров! Я буду ехать медленно. Если я просигналю три раза — вы должны сбавить скорость, четыре раза — остановиться. А если кто-то из вас просигналил пять раз — это значит, что что-то случилось.

Люди на Земле по-разному реагировали на катастрофы, вызванные Странником. Все зависело от того, в какой ситуации они находились в

момент происшедшего. В Путнаме, В Датчесс-Каунти и на южных склонах Катскиллс, по другую сторону реки Гудзон возник почти второй Нью-Йорк — сюда приезжали беглецы и ставили палатки, основывали больницы, оказывавшие пострадавшим первую помощь, а также сооружали временные аэродромы, с которых проводились спасательные акции.

Жители Чикаго, расположенного подле озера Мичиган, не могли надивиться, видя полутораметровый прилив, поскольку обычно прилив здесь был настолько небольшим, что его вообще не замечали. Временами они посматривали вверх на вереницу авиеток, летящих из Мейчас Филд на восток по делам спасательных акций. Автомобили мчались по шоссе, как и в любой обычный день.

В Сибири наводнение залило ядерные пусковые установки, вызывая огромные взрывы, на больших территориях выпали радиоактивные осадки.

Волны прилива затопили Коралловые острова в Тихом океане, вынуждая туземцев последовать примеру их отважных предков и отправиться на пирогах в поисках новой суши.

Вольф Лонер, уверенный в своих расчетах, смело плыл вперед в направлении Бостона. Он лениво раздумывал о том, почему яркий свет Луны, которая ночью раза два выглянула из-за туч, имеет слегка фиолетовый оттенок.

Трансатлантический лайнер «Принц Чарльз» плыл вдоль побережья Бразилии, направляясь на юг. Четыре капитана-повстанца пришли к единому мнению о необходимости проигнорировать предупреждение капитана Ситвайза, который советовал обойти устье Амазонки.

Пол Хегболт осматривал европейский континент с высоты восьмисот километров. Европу заливал солнечный свет, и видимость была отличной, только с Атлантического океана подходила в сторону Ирландии широкая белая туча.

Непосредственно под собой Пол видел Северное море, которое с этой высоты выглядело как на карте в атласе: вода в море была матово-серой, за исключением места у пролива Доувер, где солнце бросало на воду мягкий свет, зажигая в ее глубине сине-голубые блики.

Британские острова, южная часть Скандинавского полуострова, северные районы Германии и южные области Шотландии занимали в этом атласе следующие страницы — влево, вправо и на юг от Северного моря.

Шотландия и Норвегия остались без изменений, но на юг Швеции ворвалась вода Балтики.

Чуть ниже Дании полоса воды, словно сабля с клинком, направленным на юг, залила Голландию и северные районы Германии. «Ну, что ж, — думал Пол, — это не первое наводнение в истории Голландии».

Теперь он видел Англию — и здесь вода местами слишком далеко врывалась в сушу, а из восточного побережья словно выгрызла большой кусок. Что это? Темза?.. Хамбер? Полу стало стыдно, что он не может сразу дать правильный ответ, но он никогда не был силен в географии. «Если бы Тигрица заглянула в мое подсознание, она могла бы дать мне ответ», — подумал он, с раздражением осматриваясь, но кошка спокойно причисывалась серебряным гребешком и лизала свой мех длинным, тонким, как стилет, языком.

Обвинения Пола и бурная реакция Тигрицы закончились быстро и безрезультатно. Тигрица спрятала грозные когти, повернулась на пятках и вернулась к пульта управления, где в течение следующих тридцати минут сидела без движения, только иногда манипулируя серебряными ручками шарообразной формы. Потом она начала новую серию маневров, чтобы иметь возможность наблюдать за Землей.

Через какое-то время она прервала это занятие, без единого слова подошла к Полу, освободила ему ногу и сняла прикрепленные санитарные приспособления. Затем на ломаном языке кратко и сухо объяснила ему основные принципы передвижения в нулевой гравитации и способы пользования пультом отходов и пультом питания. После этого она вернулась к своим обязанностям, а Пол решил немного перекусить.

Ему были поданы десять штук малюсеньких пирожных с белковым кремом, которые он вынужден был запивать водой, словно таблетки от головной боли. Эта изысканная пища камнем ложилась на его желудок.

Сначала наблюдение за Землей было необычайно захватывающим, но вскоре оно ему надоело. Он старался думать о Марго, находящейся на другом конце земного шара, в южной Калифорнии, о Доне, находящемся тоже с другой стороны Земли на раздавленной Луне — может быть, ему удалось все же ударить оттуда на космическом корабле? Но Пол слишком сильно устал, чтобы развивать эту тему.

С немалым усилием он заставил себя наблюдать за Землей.

Да, да... этот выгрызенный кусок Англии... это то, что называли, кажется, заливом Уош, окруженным когда-то низиной Фендландс...

Пол вздохнул.

— Беспкоишься о своей планете, Пол? — крикнула ему Тигрица. — Люди страдают и так далее, да?

Пол пожал плечами и покачал головой.

— Слишком многое случилось, — ответил он. — Я уже не в состоянии понять все это.

— Уменьшить расстояние? — спросила Тигрица. Она встала, отошла от пульта управления и медленно направилась к нему.

— А может быть, ты беспокоишься о ком-то? — спросила она. — О девушке? О ней беспокоишься?

— Не знаю, — ответил он, — Марго, собственно, не моя девушка.

— Значит, ты беспокоишься о том, что ближе всего: о себе, — сказала она, останавливаясь рядом с ним и положив фиолетовую лапу

на его обнаженное плечо. — Бедный Пол! — замурлыкала она. — Все перепуталось у тебя в голове. Бедный, бедный Пол.

Ее прикосновение пронзило его возбуждающей дрожью. Злясь на себя, он отдернул плечо и, посылая в ее сторону легкое дуновение воздуха, взмахом руки показал, чтобы она к нему не приближалась.

— Я не игрушка, — гневно произнес он. — И я не какая-то большая обезьяна, я человек. Я мужчина!

Тигрица блеснула зубами в улыбке, усы задвигались на ее фиолетовых щеках, а черные зрачки уменьшились до точек, и, целясь фиолетово-серой лапой прямо в сердце Пола, она крикнула:

— Паф!

Через мгновение Пол с грустью рассмеялся.

— Ну хорошо, — вздохнул он. — Коль скоро я для тебя существо низшего порядка, то загляни в мои мысли и скажи, что со мной происходит. Почему все так перепуталось?

Ее зрачки расширились, принимая форму звездочек — черных, блестящих звезд на фоне фиолетового неба.

— Но, Пол, — серьезно произнесла она. — С тех пор как ты вынудил меня относиться к тебе как к разумному существу, примитивному, но все же разумному, с собственным внутренним миром, мне все трудней проникать в твои мысли. Дело не только в твоем согласии. Я, правда, провела определенные исследования, и, если хочешь, я могу сказать, что я о тебе думаю.

Он кивнул и усмехнулся.

— Давай.

— Ты сердись на меня, Пол, что я отношусь к тебе, как к игрушке, но и ты подобным образом относишься к окружающим тебя людям. Ты держишься на обочине, снисходительно наблюдая за их безумствами. Ты заботишься только о тех, кого любишь, ты охраняешь их и служишь им. Марго, Дону, своей матери и еще несколькими лицам. Ты льстишь им, ожидая чего-то взамен. Ты считаешь, что это дружба, но в действительности это эгоизм и расчетливость. Уважающая себя кошка никогда не поступила бы так по отношению к своим котяткам.

Ты слишком часто наблюдаешь за собой с расстояния, — говорила она. — Ты превращаешься в наблюдателя, за которым, в свою очередь, наблюдает следующий наблюдатель, а за тем — еще один, и так далее. Смотри!

Окна превратились в зеркала. Тигрица вытянула лапу, каким-то образом отделяя шесть отражений от остальных.

— Видишь? — шепнула она. — Каждое отражение наблюдает за тем, что находится напротив. Да, я знаю, все разумные существа наблюдают за собой с расстояния. Но ты, Пол, живешь в своих зеркальных отражениях. Нужно жить вне зеркала, и только тогда можно обрести отвагу. Нельзя превращаться в собственного наблюдателя из зеркала. Смотри, чтобы ты не стал наблюдателем номер шесть.

Кроме того, тебе кажется, что другие наблюдают за тобой так, как твои отражения. Ты отодвигаешься от них, а потом их критикуешь. Но они за тобой не наблюдают. У них есть свои зеркальные наблюдатели, которые наблюдают только за ними. Чтобы любить других, нужно прежде всего любить себя.

Еще одно, — добавила она после некоторого раздумья. — Твой рефлекс борьбы слаб. Это же относится и к сексу. Ты обладаешь в этих областях очень маленьким опытом. Вот и все.

— Ты права, — тихо пробормотал он. — Я стараюсь измениться, но...

— Хватит думать только о себе. Смотри! Один из наших кораблей спас ваш город!

Потолок и пол снова стали прозрачными. Тарелка резко опустилась над темными ответвлениями, сливающимися со светлой шахматной доской, из середины которой бежали в сторону округлого коричневого обруча грязно-коричневые кольца. Высоко над этими кольцами висела фиолетово-золотая летающая тарелка, которая, судя по тучам, отделяющим ее от тарелки Тигрицы, должна была быть огромной.

Они приблизились к шахматной доске, и оказалось, что это город, а квадраты — это дома.

Грязно-коричневые кольца создавались смешанной с илом водой, откачиваемой из города.

Пол узнал огромные здания фирмы «Электросила», которые он видел на фотографиях, узнал институт Энергетики, зелено-голубой театр имени Кирова и Зимний Дворец. Ответвления образовывала дельта Невы, а город был Ленинград.

— Видишь? Мы спасаем ваши любимые города, — сказала Тигрица, довольная собой. — Двигатель разгона с большой тарелки оттягивает только воду. Очень остроумное устройство...

Неожиданно они повисли так низко над городом, что Пол увидел мощенные булыжниками улицы, сточные канавы, заполненные грязью и расprostертые на земле, покрытые илом, синие тела женщины и девочки. Через мгновение их уже залила низкая коричневая волна: из грязной пены вынырнуло мертвое серое плечо и синее бородатое лицо.

— Спасаете? — с возмущением спросил он. — Может быть... Но прежде вы убили миллионы людей! И я вовсе не уверен, что ужаснее — ваша помощь или катастрофа!! Тигрица, как вы могли уничтожить нашу планету только ради того, чтобы добыть топливо? Что вас так перепугало?

— Не касайся этой темы, Пол! — прошипела Тигрица.

Ричард Хиллери быстро хромал вперед — невидимая точка на атласе, рассматриваемом Полом, и одновременно живой, испуганный человек. Пот тек ручьями, солнце светило прямо в глаза. Он тяжело дышал и при каждом шаге морщился от боли.

Словно скоростная машина на автострате, он опередил одну группу пешеходов, но еще не добрался до группы впереди, если таковая вообще существовала. Последний дорожный знак, мимо которого он прошел, указывал дорогу к ближайшему городку, который совершенно уместно, как думал Ричард, назывался Маленькая Резня.

Прищурив глаза, он увидел, что в нескольких сотнях метров далее дорога начинает идти по высокому, поросшему деревьями холму.

Оглядываясь назад, ослепленный бесконечным блеском солнечного света, он видел только выющиеся змеями потоки воды и залитые поля.

Самой большой змеей было шоссе, по которому он шел и которое неожиданно начала заливать вода из рва с левой стороны. Уровень воды не превышал еще нескольких сантиметров, но сам вид ее испугал Ричарда.

С правой стороны, немного выше шоссе, находилось поле молодого ячменя, которое тянулось до самого холма. Не обращая внимания на то, что колючая проволока рвет его одежду, Ричард перебрался через это ограждение и направился вперед, через шелестящий ячмень. Тут из-под ног выскочила ворона, забила крыльями и улетела, хрипло каркая от недовольства. У Ричарда ужасно болели ноги, однако он заставил себя ускорить шаг.

Он услышал приглушенный отдаленный грохот, который не утихал, а, наоборот, все усиливался, становясь все более громким. Ричард не очень верил в собственные силы, но все же постарался пуститься под гору бегом.

Краем глаза он заметил догоняющую его стену воды, увенчанную коричневой пеной. Грохот был таким громким, словно проезжало десять скорых поездов. Он неожиданно почувствовал, что желтая пена булькает вокруг его ног, а в следующий момент ему показалось, что волна перекрывает дорогу.

Однако он все же успел взбежать на вершину холма, и вода опала, грохот утих.

Ричард стоял на холме, шатаясь от усталости и хватая ртом воздух, он чувствовал в груди боль, словно кто-то сильно ударил его, когда неожиданно из-за деревьев показался старик с двустволкой.

— Стоять! — крикнул он, целясь в Ричарда. — А то буду стрелять!

На нем были серые короткие брюки, лиловый пуловер и коричневые гетры. Лицо — узкое, покрытое морщинами, с почти прозрачными глазами — выражало наивысшее неодобрение.

Ричард не шевелился, хотя бы потому что запыхался и чувствовал, что у него болит все тело. Грохот совершенно прекратился, но мутная вода продолжала заливать поле.

— Прошу объяснить, — закричал пожилой мужчина, — по какому праву вы топчете мой ячмень? И почему вы залили мое поле?

Схватив ртом наконец немного воздуха, Ричард улыбнулся как можно вежливее и ответил:

— Прошу поверить, я сделал это ненамеренно.

Салли, одетая в бикини, поблескивающее на солнце, выглядывала через перила балкона и информировала Джейка о том, что происходит внизу.

Джейк пил кофе по-ирландски и курил длинную зеленоватую сигару. Время от времени он хмурил брови. Рядом с чашкой кофе лежал блокнот, открытый на чистой странице.

— Вода поднялась на девять этажей выше, чем прежде! — кричала Салли. — На крышах полно людей. Из каждого незалитого окна выглядывает, по крайней мере, три лица! Люди даже стоят на парапетах. Нам повезло, что у нас здесь был пожар и лифт не действует. Кто-то грозит кулаком и, по-моему, это мне. Почему? Что я тебе сделала? Кто-то другой прыгнул в воду — ой, как трахнулся животом! Ну и течение! Даже сносит полицейскую лодку. Эй, ты там, перестань указывать на меня палкой!

Внезапно раздался свист и треск: поручень перил зазвенел. Салли отпрянула, словно ее что-то укусило, и повернулась к Джейку.

— Кто-то в меня стрелял! — закричала она с возмущением.

— Отодвинься от перил, — посоветовал Джейк. — Люди всегда заглядывают тем, кто наверху!

Глава 31

Члены симпозиума услышали четыре коротких сигнала клаксона. Воздух вокруг казался пропитанным кислым едким дымом, поднимающимся над сожженной землей, более резким, чем ранее, потому что с юго-запада внезапно подул теплый влажный ветер. Солнце припекало, но с юга шли большие черные тучи.

Хантер остановил лимузин сразу же за машиной Брехта, который доехал до возвышения: здесь дорога бежала между естественными скальными столбами пятиметровой высоты.

Брехт стоял, опираясь о крыло автомобиля и наблюдая за местностью перед собой. В черной шляпе, поля которой сзади спадали ему на шею, а спереди были подвернуты, он походил на пирата. Он протянул правую руку, и Рама Джоан подала ему бинокль. Теперь он наблюдал за местностью с помощью линз с семикратным увеличением. Рама Джоан и Анна тоже вышли из машины.

Хантер заглушил двигатель, поставил машину на тормоз, и когда подъехал автобус, он и Марго вышли, поспешно направились вперед и через мгновение увидели то, на что указывал Брехт.

Склон тянулся вниз метров на пятьсот, после чего переходил в широкую равнину, а затем снова поднимался, хотя и не так высоко.

Склон с левой стороны был черным, а справа — зеленовато-коричневым. Шоссе вилось по нему зигзагами, иногда пересекая границу между сожженной и нормальной местностью.

У подножия склона, у самой границы пожара, шоссе проходило рядом с тремя белыми зданиями, стоящими на большом дворе, посыпанном гравием и окруженном высокой металлической сеткой. После этого шоссе сворачивало на равнину, которая мягко поднималась на гору, исчезая между холмами.

Через середину равнины протянулось что-то, что выглядело как покрытая чешуей сплюснутая змея, длиной километров в пять и шириной в добрых тридцать метров. Чешуйки, которых в каждом блестящем по краю ряду помещалось по восемь или девять, в большинстве своем были голубыми, коричневыми, бежевыми и черными, хотя кое-где виднелась красная или зеленая искра. По блестящим серебристым бокам можно было предположить, что у этой змеи серебрый живот.

Войтович подошел к Брехту.

— Иисус! — вскрикнул он. — Мы доехали!

Змеей была автострада № 101, на которой бампер к бамперу стояли автомашины.

— Я должен поговорить с Доддом и Макхитом, — хрипло произнес Брехт.

— Анна, позови их, — приказала дочери Рама Джоан. Девочка крикнула и отошла.

Когда Марго и Хантер перестали водить глазами по равнине и остановили свой взгляд на ближайшей точке, замеченные детали убедили их, что это вовсе не змея. Во многих местах автомобили стояли на обочине, у самой металлической сетки. У некоторых были подняты капоты, а по бокам заметны какие-то белые пятна. Хантер понял, что это жалкие, покорные просьбы о помощи: полотенца, рубашки, платки и носовые платочки, вешенные водителями до того, как возникла пробка.

Кое-где погнутые или стоящие поперек чешуйки означали автомобили, не убранные после столкновения, а также неудачные попытки водителей развернуться на траве, разделяющей полосы автоstraды, или на обочине и уехать по дороге, которая привела их сюда.

В трех местах сетка была сильно вдавлена капотами автомашин, наверное, водители пытались выбраться из пробки и таким путем. Одна попытка до определенной степени удалась — сетка лопнула, но дальнейшую дорогу загромождали разбитые и лежащие во рву автомашины, две из них — одна на другой.

Некоторые водители напрасно пытались выбраться, подъезжая на метр вперед, а потом сдвывая назад. Удушающий запах выхлопных газов смешивался с запахом дыма, приносимого влажным ветром с юго-востока.

Хантер попытался вообразить себе, что здесь происходило ночью, перед тем, когда возникла эта огромная пробка: он видел эти пять тысяч автомобилей, а может быть, и все десять, поблескивающих и мигающих

фарами, треск сталкивающихся бамперов наполнял атмосферу той ночи вместе с проклятиями водителей. Наверняка немногочисленные полицейские из патрульных машин пытались навести порядок на дороге, которая с каждой минутой становилась все более забитой. Выхлопные газы, вырывающиеся из труб, клаксоны... и еще примерно сто тысяч автомобилей между этим местом и Лос-Анджелесом!

Его размышления прервал голос Дылды:

— Долина сухих костей. Бог летающих тарелок, смилуйся над нами!

Стоящая рядом Рама Джоан тихо сказала:

— Даже преступник счастлив, пока его злой поступок не принесет плодов. Но, когда это произойдет...

Самое большое и самое ужасное столкновение произошло прямо за тремя домами — там, где шоссе, ведущее через горы Санта-Моника, соединялось с автострадой № 101. Здесь столкнулось более ста автомобилей, несколько из них лежало колесами вверх, несколько на боку, а более десятка ближайших к ним опалены огнем. Хантеру пришлось в голову, что здесь наверняка и начался пожар, от которого загорелись лес и заросли.

Только через некоторое время (хотя, может быть, прошла только секунда, пока они стояли и с недоверием осматривались) Марго и Хантер увидели людей — словно какой-то закон природы не позволял им замечать мелкие элементы, прежде чем не было охвачено целое.

Люди!

По крайней мере, три или четыре человека на каждый автомобиль. Многие все еще сидели в машинах. Некоторые стояли или ходили между ними, другие стояли или сидели на крышах, прикрытых пледами. С левой стороны, за сожженными автомобилями, многие перешли через сетку и разбили лагерь, закрываясь от солнца пляжными полотенцами и одеялами. Но мало кто удалялся от автострады и огромной пробки, может быть, они рассчитывали, что через несколько часов или хотя бы через день пробка будет ликвидирована. Также мало кто двигался — все пряталось в тени.

Хантер вспомнил старую остроту, что жители Лос-Анджелеса с визитом к соседям на противоположной стороне улицы ездят на машинах, забыв, для чего им нужны ноги. Эта была одна из тех острот, которые всегда недалеко от истины.

По левую сторону от места катастрофы и места, в котором горное шоссе соединялось с автострадой № 101, несколько черно-белых автомобилей полиции, словно фургоны колонистов, встали полукругом на пустой обочине. Эта баррикада из машин преграждала двухметровую дыру в сетке, явно вырезанную ножницами. Возле дыры стояли пять полицейских: один из них как раз садился на мотоцикл и, выехав через отверстие в сетке, повернул и помчался на север по ровной местности за оградой. Несколько человек вышли из тени и попытались его задержать, но он

ехал, не обращая на это внимания, поднимая тучи пыли, которые росли и клубились вокруг расположившихся людей на траве.

По правой стороне автостреды, где большие черные тучи резко поднимались вверх, расположилось значительно меньше людей. Большая их часть, а это в основном были молодые люди, размахивали руками, прыгали, собирались в группы, расходились и снова собирались. С этой же стороны доносились тихие звуки музыкальных инструментов: трубы, кларнета и ударных.

Две группы, такие разные в поведении, разделяла стометровая полоса зелени, через которую проходило горное шоссе и на которой, кроме десяти человек, лежащих на земле, никого не было — даже автомобили стояли пустыми. Хантер начал размышлять, почему эти люди в такую жару лежат на солнце, но тут неожиданно понял, что перед ним мертвецы.

Поглощенный наблюдением за равниной, он совсем забыл о своих спутниках, которые собрались вокруг. Теперь он услышал шаги и голос Додда:

— Посмотрите только на эти тучи! Я впервые вижу, чтобы в Южной Калифорнии влажный ветер приходил с востока.

Он услышал ответ Макхита:

— Может быть, вода ворвалась в глубь суши и залила озеро Салтон-Си и другие низко расположенные районы? А при стокилометровом разливе возникает огромное испарение.

Хантер снова направил взгляд на ужасающий вид внизу.

Трое юнцов из группы худощавых и активных вышли на край ничейной земли, передвигаясь быстро, странным, неуверенным шагом. Один из них, судя по движению, нес бутылку, которую продолжал подносить ко рту. Они прошли неполных пятьдесят метров, когда со стороны полицейских машин раздались выстрелы. Один из них упал — с этого расстояния Хантер видел плохо и не понял, лежит ли он без движения, или извивается от боли. Двое его товарищей моментально спрятались за ближайшими машинами.

Хантер крепко обнял Марго.

— Бога ради, Рудольф, что там творится? — спросил он.

— Вот именно, — вмешался Войтович. — Скажи, что ты видишь. А то можно подумать, что они воюют.

— Ты прав, — коротко ответил Брехт. — А теперь слушайте, — сказал он громко, продолжая смотреть в бинокль, — потому что я не буду повторять еще раз, у нас нет времени, чтобы передавать друг другу бинокль. Идет война или, по крайней мере, большая стычка между группой молодежи и группой старших, и, скорее, между молодыми и полицией, которой помогают несколько старших. Остальные, пожалуй, нейтральны, во всяком случае, они не вмешиваются. Подростки против полиции, охраняющей семьи. Пожалуй, настал день молодых. Эти вихляющиеся — как раз молодежь, подростки. Они пьют,

очевидно, разграбили грузовик со спиртным, вот сейчас вытаскивают ящики с бутылками. На открытом пространстве играет джаз. Кое-где дерутся — ножами и кулаками. Банда с молотками без какого-либо повода бьет стекла и жжет капоты автомобилей.

Брехт сознательно не упоминал об обнаженных парах, предающихся любви в автомобилях, — наверняка из-за тени, а не потому, что они стыдились того, что совершали. О двух девушках, голышом танцующих рядом с джазовым оркестром, о бессмысленном избиении и об актах насилия, а также о группе из нескольких человек, которые стояли вдали от музыкантов и из радиаторов автомобилей жадно пили воду... Брехт надеялся, что она безвредна...

— Но в своей агрессивности они не останавливаются только на этом, — продолжал он. — Теперь они крадутся между пустыми автомобилями в сторону полицейских. У некоторых есть оружие, у остальных — бутылки. Но, кажется, полиция расставила им ловушки. Во всяком случае, двое полицейских спрятались за автомобилями посреди пробки. Однако прежде чем начнется битва, мы уже будем на обратном пути, — заявил он, подавая бинокль Раме Джоан и посматривая на собравшихся. — Додд! Макхит! Скажите деду и Хиксону, чтобы они вернули автобус и фургончик. Дорога здесь широкая...

— Мы трусили и поэтому сматываемся? — зычным голосом спросил Хиксон. Он стоял рядом с Дылдой, держа в руке карабин. — Мы бежим, когда порядочным людям грозит опасность? Когда при помощи пистолета с летающей тарелки мы могли бы помочь им? Я сам был когда-то полицейским! Мы должны им помочь!

— Нет! — крикнул Брехт. — Мы должны заботиться о себе и доставить пистолет людям науки, пока он еще заряжен. Марго, сколько осталось там заряда?

— Примерно одна треть, — ответила девушка, проверяя длину фиолетовой линии.

— Вот видишь! — обратился Брехт к Хиксону. — Заряда осталось на четыре, максимум на пять выстрелов. А на автостраде десятки тысяч этих безумцев. Если мы вмешаемся, то из маленькой стычки возникнет большая битва. Я признаю, что то, что там происходит, ужасно, но то же самое происходит сейчас во всем мире, и мы с этим ничего не можем сделать. Одно ведро воды не спасет пылающий город! Возвращаемся! Хиксон, разверни фургончик...

— Минутку! — на этот раз его прервала Марго. Она подошла ближе и встала перед «корветом».

— Там, внизу, Вандерберг-Три, — сказала она, показывая пистолетом на три маленьких здания. — Может быть, Мортон Опперли еще там. Мы должны это проверить!

— Его наверняка там нет! — рявкнул Брехт. — Я в этом уверен. Я могу поспорить, что командование прислало за ним вертолет, может быть, тот, что мы видели утром. Возвращаемся!

— Внутри здания я видела движущиеся фигуры, — соврала Марго. — Ты сам говорил, что нужно доставить Опперли пистолет. Мы должны проверить, там ли он!

Брехт отрицательно покачал головой.

— Нет! Риск слишком велик, и у нас нет никакой уверенности, найдем ли мы его там вообще.

Марго улыбнулась.

— Но ведь это у меня пистолет, — сказала она, прижимая оружие к груди. — И я его доставлю туда, даже если мне придется идти пешком.

— Bravo! — поддержал ее Хиксон.

— Послушай меня, героиня, — начал Брехт. — Если ты отправишься с этим пистолетом, все равно — пешком или в автомобиле, и какой-то ненормальный снайпер застрелит тебя или на тебя нападут бандиты, то не Опперли получит оружие, а они. Но у меня есть идея. Отправляйся туда, но только без пистолета, на всякий случай я могу дать тебе свой револьвер. И приведи сюда Опперли или проверь, там ли он. Вот тогда можно будет продолжать разговор. Ну?

Марго посмотрела на Хантера.

— Отвезешь меня? — спросила она.

Хантер кивнул и направился в автомобиль. Марго подошла к Брехту, протягивая свой пистолет.

— Меняемся! — сказала она.

Они обменялись оружием. Хантер запустил двигатель и подъехал к ним.

— Я еду с вами, — предложил свою помощь Хиксон.

— Ты согласна? — спросил Брехт. Марго кивнула.

— Помните, что вы едете только за тем, чтобы отыскать Опперли! — сказал Брехт Хиксону.

— Хорошо, хотя я даже не знаю, кто он такой, — буркнул Хиксон.

— Все в порядке. Остальные остаются на местах. Добровольцев достаточно! — крикнул Брехт, видя, что Макхит также хочет ехать. — Дай мне карабин и лезь сюда, — он указал на более низкий каменный столб у шоссе. — И смотри, чтобы нас не окружили... даже полицейские!

Хиксон сел на заднее сиденье. Марго заняла место впереди, рядом с Хантером. Брехт подбежал к ним и сказал:

— Подождите! — Он смотрел на равнину, где как раз завязалась драка.

Молодые выскочили из-за машин у самой полицейской баррикады, что-то бросили и попали в один из автомобилей. Раздались выстрелы — три человека упали. Машину охватило пламя.

— Бутылки с бензином, — шепнул Хиксон, прикусывая губу.

— Поезжайте, — сказал Брехт. — Пока они заняты собой... — Он сунул голову в окно.

— Только, черт побери, вы должны вернуться целыми и невредимыми! — рявкнул он на прощание.

Барбара сидела, словно на перекладине лестницы, на самой высокой из больших светлых ветвей огромной засохшей магнолии. Солнце, заходящее на голубом небе, грело ей спину. Она смотрела на восток, ожидая, пока волны Атлантики подойдут от Дайтон-Бич и озера Джордж и зальют Флориду. Время от времени она пыталась прочитать цифры на измятой и покрытой пятнами карте часов прилива и отлива, которую Бенджи вчера сорвал для нее с календаря, хотя она знала, что данные не сходятся с действительностью. Но в три утра был огромный прилив, так что она считала, что следующий должен быть в три часа дня.

На более низком ответвлении, привязанный остатками одеяла к толстому стволу, который оберегал его от солнца, сидел старый ККК. Рядом с ним примостилась Эстер, которая поддерживала его поникшую голову, и делала это молча, чтобы старику было удобно. Еще более низкие ветви занимали Бенджи и Елена. Бенджи держал шнур, которым они втянули на дерево Кеттеринга, а также несколько необходимых вещей.

Сидя высоко на большом, почти лишенном листьев дереве, трое негров в грязной, порванной одежде напоминали мокрых, жалко выглядящих птиц с коричневыми гребешками на голове.

Дерево стояло на небольшом холмике, покрытом почти полностью выходящими из земли толстыми, серыми корнями, на которых Бенджи запарковал обрызганный грязью «роллс-ройс».

К югу от холмика находилось маленькое кладбище — часть покрытых песком деревянных табличек лежала на земле, и все они были облеплены водорослями, принесенными ночным приливом. В конце кладбища стояла деревянная церковь, когда-то выкрашенная в белый цвет. Вода передвинула ее на несколько метров от каменного фундамента, повредила ее стены, но так и не смогла разломать. Коричневый след воды остался на высоте трех метров, почти доходя до недавно написанной, хотя уже обсыпавшейся черной надписи над дверью: «Церковь Иисуса Спасителя».

Барбара присмотрелась. Ей показалось, что заплаты голубого неба на востоке упали на плоскую, коричнево-зеленую землю — это напоминало зеркальную поверхность воды, которая в жаркие дни появляется на ровном бетонном шоссе. Голубые пятна росли и сливались друг с другом. Не осознавая, что она моргает, Барбара смотрела на горизонт, как в трансе. Секунды и минуты уплывали незаметно, словно время, которое до сих пор мчалось, как резвый скакун, неожиданно остановилось, или же, может быть, это только что-то остановилось в ней, в Барбаре, потому что она уже не слышала топота его копыт.

Она была так поглощена странным явлением — небом, заливающим землю, что не слышала ни рева с востока, который все усиливался, ни испуганных призывов трех больших птиц, сидящих ниже на дереве, не чувствовала, что дерево содрогается и не видела воды, которая напирала на ствол, не слышала и отчаянного крика Елены.

У нее создалось впечатление, что весь мир оборачивается и поднимается к небу, в то время как голубизна с ошеломляющей скоростью мчится к земле. Она отпрянула назад и упала бы с дерева, если бы неожиданно кто-то не оказался рядом и чья-то сильная рука не удержала ее.

— Осторожно, мисс Барбара! — крикнул ей на ухо Бенджи. — Вы так задумались, что чуть не упали.

Она смотрела на водную равнину. Флорида исчезла. Церковь Иисуса Спасителя перевернулась и начала медленно дрейфовать на восток. Их магнолия, теперь до половины погруженная в воду, стояла, словно одинокий островок в море. Барбара вспомнила «роллс-ройс» и фыркнула от смеха.

— Еще неизвестно, — сказал Бенджи, словно отгадывая ее мысли. — Я вынул аккумулятор, свечи и еще кое-что. Все остальное я обильно смазал, может быть, это что-то даст. Баки с бензином и маслом я крепко заткнул с обеих сторон. Когда вода сойдет, то, возможно, мы отправимся в путь, хотя, если говорить честно, я сам не верю в это.

Волна заставила закачаться дерево. Елена снова пискнула, Эстер обняла КKK, а Бенджи запел.

— Но я продолжаю не терять надежды, — обратился он к Барбаре.

Глава 32

Хантер, который ехал быстро, хотя и осторожно, сделал последний поворот. Отсюда дорога бежала прямо вдоль высокой металлической сетки, окружающей Вандерберг-Три.

Марго коснулась его плеча и указала рукой на маленькую открытую калитку у первого угла ограждения.

Однако Хантер не притормозил.

— Слишком маленькая, — сказал он. — Мы должны искать ворота, через которые сможет проехать машина.

Неожиданно все вокруг потемнело. Огромные тучи заслонили солнце. Вдалеке загредел гром. Сквозь его раскаты донеслись звуки выстрелов. Полицейский автомобиль выехал из пылающей баррикады через отверстие в сетке, отделяющей шоссе от Вандерберга, съехал по небольшой обочине, проехал мимо автомобилей, сгоревших во время столкновения, и направился в сторону Хантера. Вторая полицейская машина выехала из отверстия задом и задним ходом двинулась за первой.

Хантер притормозил. Он увидел большие ворота с пустой будкой охранника. Ворота были открыты. Он свернул в них как раз в тот момент, когда третья полицейская машина покидала баррикаду.

Хантер мчался по серому гравию дороги по направлению к широкой черной двери в большем из трех белых зданий.

С другой стороны Марго заметила молодых людей, лезущих на сетку и протискивающих через маленькую калитку.

Хантер остановил машину. Хиксон и Марго вышли. Они увидели три бетонных ступеньки, узкое крыльцо, черную двухстворчатую дверь, а на ней — белый листок бумаги.

Они побежали по ступенькам. Марго нажала на ручку. Дверь не открывалась. Хиксон ударил в нее прикладом карабина и крикнул:

— Откройте!

Хантер развернул автомобиль.

Первая полицейская машина с визгом въехала через ворота и направилась в их сторону. Не обращая внимания на тучи пыли, поднятые первой машиной, вторая полицейская машина продолжала мчаться задним ходом и тоже въехала в ворота.

Хиксон подбежал к ближайшему окну и выбил прикладом стекла, очевидно, намереваясь забраться внутрь.

Первая полицейская машина с визгом затормозила и остановилась у машины Хантера, проскочив пару метров юзом. Из машины выскочили двое полицейских, их лица были перемазаны сажей, глаза блестели. Один направил ствол автомата на Марго и Хиксона и приказал:

— Бросить оружие!

Второй прицелился в Хантера.

— Выходите! — крикнул он.

Хиксон опустил ствол карабина и крикнул:

— Мы на вашей стороне!

Полицейский выстрелил два раза — пули пролетели над головой Хиксона и застряли в штукатурке. Хиксон тут же отбросил ружье.

Марго держала револьвер Брехта за спиной.

Хантер выбрался из машины и с поднятыми руками пошел на крыльцо дома.

Вторая машина подъехала к ним. Из нее вышли трое полицейских. Третья машина остановилась перед воротами.

Что-то влетело через раскрытое окно внутрь автомобиля Хантера и упало на сиденье. Что-то разбило переднее стекло полицейского автомобиля — и тут же вспыхнуло шипящее, желтое пламя.

Полицейские стали стрелять туда, откуда бросили бутылки. Им в ответ тут же раздались выстрелы невидимых стрелков.

Марго бросила взгляд на белый листок бумаги, приколотый к двери дома, сорвала его и смяла в руке.

Из первой полицейской машины выскочил водитель, закрывавший руками лицо от огня. В машине Хантера через мгновение тоже вспыхнул огонь.

Хантер с поднятыми руками подошел к Марго и Хиксону.

— Бежим! — прошептал он, показывая движением подбородка на полицейских, которые были заняты своими машинами. — Через ту калитку, которую мы видели, когда ехали сюда.

Они бросились бежать. В них никто не стрелял. Полицейские поспешно садились в другую машину.

Вдалеке опять раздались раскаты грома.

Они бежали мимо последнего белого здания, когда из-за угла вывалила банда подростков. Их безумство было настолько заразительным, что на мгновение Марго показалось, что она на их стороне. Но уже через секунду камни начали свистеть вокруг них, и это заставило ее прийти в себя. Банда размахивала бутылками и ножами. До калитки было еще около пятидесяти метров.

Банда бежала за ними, визжа и выкрикивая ругательства. Какая-то девушка бросила бутылку.

Не останавливаясь, Марго выстрелила в них три раза, но не попала. Когда она целилась третий раз, что-то подвернулось ей под ноги, и она упала. Возле нее тут же упала бутылка и разлетелась на куски. Поднимая руки, чтобы защитить лицо от огня, Марго подумала, что на этом все кончится. Но огня не было — она явственно почувствовала запах виски.

Хантер вернулся, подал ей руку, и они снова побежали. Бежавший впереди Хиксон внезапно остановился и, показывая на что-то впереди, закричал.

Банда подростков уже бежала прямо за ними. Несколько человек наискосок помчалось к калитке, стараясь отрезать им дорогу. Марго и Хантер увидели то, что Хиксон увидел несколько раньше: светло-красный автомобиль, который, поднимая за собой клубы пыли, мчался в их сторону, и черную шляпу на голове водителя.

Банда отрезала им выход через калитку. Рама Джоан, которая сидела рядом с водителем, встала и направила на оголтелую толпу серый пистолет. И тут же обезумевшие лица оказались закрыты тучами пыли и гравия. Юнцы начали раскачиваться, шатаясь, падали и пытались встать на ноги. Казалось, сильный ветер дует им прямо в глаза. Металлическая сетка начала выгибаться назад.

Брехт встал.

— Бегом! Быстрее! — крикнул он Марго и обоим мужчинам.

Они выбежали через калитку и втиснулись на маленькое заднее сиденье. Брехт повернул руль и направил машину в противоположную сторону.

Они увидели, что вторая полицейская машина, которая выбралась с территории Вандерберга-Три, возвращается и, подпрыгивая на обочинах, минует сожженные автомашины.

Третья же мчалась прямо на них, параллельно сетке.

Рама Джоан прицелилась в них из пистолета.

— Нет! — крикнул Хиксон. — Ведь это же полицейские!

Черно-белая машина резко остановилась, однако пассажиры, вместо того чтобы по инерции вылететь вперед, полетели назад. Машина тоже начала скользить назад. Рама Джоан опустила пистолет и что-то буркнула.

Красный «корвет» мчался под гору.

— Не так быстро! — запротестовал Хантер.

— Разве? — запротестовал Брехт. — Вы не видели, как я гнал эту колымагу для того, чтобы вас спасти.

— Я видел! — рассмеялся Хиксон. — Вы мчались как молния, господин капитан.

Машина, которую Рама Джоан остановила при помощи серого пистолета, повернула, и теперь оба полицейских автомобиля ехали на север с внешней стороны сетки. Огонь, пылающий на баррикаде, полыхал все сильнее, начиная перебрасываться уже и на соседние автомобили.

— Я никогда не дам себя надуть, — рявкнул Хантер. — Чтобы я снова дал втянуть себя в столь бессмысленную героическую экспедицию! — Он с деланной злостью взглянул на Марго.

Снова раздались громкие раскаты. Упало несколько больших дождевых капель.

Марго вынула из лифчика смятый листок бумаги и развернула его.

— Бессмысленную? — спросила она, улыбаясь Хантеру и протягивая листок бумаги между Брехтом и Рамой Джоан, так, чтобы Хантер тоже смог его увидеть.

Поспешно написанное большими буквами объявление гласило: «Ван Брустер, Комсток и остальные! Нас забирают вертолетом в Вандерберг-Два. Приезжайте туда по шоссе через горы Санта-Моника. Удачи!

Опперли»

Большая капля дождя упала на бумагу. Дождь был черным.

Дон Гильермо Уолкер и братья Аранза уже достигли середины озера Никарагуа, приближаясь к острову Ометепе. Два вулкана на острове плевались огнем, ярко-красным даже при свете солнца.

Солнечный свет падал через широкий разрыв в пелене тумана, видимого на западе. Дон Гильермо ожидал увидеть через это отверстие Ла-Вирджин, однако, куда ни глянь, везде была лишь тянущаяся в бесконечность гладь воды.

Братья Аранза тоже разделяли его недоумение, так как знали, что обычно прилив на перешейке или у побережья Тихого океана у городов Брито и Сан-Хуан дель Сур едва ли достигает в высоту трех метров.

Вывод был невероятным, но тем не менее самым правдоподобным.

Усиленные Странником приливы залили перешеек Ривас, соединяя озеро Никарагуа с Тихим океаном. Поэтому и поднялся уровень воды в озере, придавая ей солоноватый привкус. Там же, где когда-то курсировали бело-голубые дилижансы общества Корнелия Вандербильта, перевозящие золотоискателей и их багаж из Вирджиния Бей в Сан-Хуан дель Сур, теперь простиралась водная гладь Тихого океана. Никарагуанский канал, о котором мечтало так много поколений людей, дважды в сутки, на время прилива, становился действительностью.

Красный свет показался в самой середине густо поросшего конуса Мадеры. Почти сразу же оттуда пошел светлый дым. Через мгновение красный свет, а за ним и дым стали двигаться вниз. Дон Гильермо подумал, что это, скорее всего, раскаленная до красноты лава вытекает из разрыва и стремится в озеро.

Лодка плыла дальше, и дон Гильермо удивился, что вода так спокойна. Ему не пришлось в голову оценить, с какой силой вода напирала сейчас на побережье, ничего грозного он не видел также в отсутствии завесы водяного пара при контакте лавы с водой, хотя, если бы он задумался, то понял бы, что водяной пар продолжает образовываться глубоко под водой.

Ничего интересного пока что не происходило...

Внезапно трое мужчин уставились друг на друга.

Дон Гильермо машинально убил комара на шее.

Со стороны затопленного перешейка Ривас огромная гора воды, словно серый гриб, начала вырастать из гладкой зеркальной поверхности, и в течение трех секунд эта чудовищная волна беззвучно достигла километровой высоты.

Что-то, что изменяло цвет поверхности воды со светлого на матовый, несло в сторону лодки.

Трое мужчин зачарованно смотрели на это чудо.

Воздушная волна разорвала им барабанные перепонки и перевернула лодку.

На мгновение, прежде чем вода поглотила его и двух его товарищей, дон Гильермо успел увидеть вертикальную гору воды, выталкиваемую водяным паром. По воде плавало множество водорослей. Как тот хворост из вереска. Так Макбет из наших уст узнает о своей судьбе. «Я слышу голос этой ведьмы...» — думал дон Гильермо.

Так исчез перешеек Ривас. Никарагуанский канал стал действительностью навсегда!

Глава 33

Дон Мерриам подкрепился и снова заснул в маленькой кабинке на Страннике, а когда проснулся, то был уже совершенно спокоен. Он лениво посмотрел на потолок пастельного цвета, освещенный невидимым светом.

Он не чувствовал, что лежит в постели, что у него есть тело, поскольку рецепторы почти не воспринимали внешних раздражителей. Насколько он мог сориентироваться, он лежал навзничь, с руками, свободно вытянутыми вдоль тела.

Но тут его охватило безграничное любопытство, он захотел ознакомиться с большим кораблем, на котором оказался невольным пассажиром. Он хотел только одного: увидеть и понять, а если это невозможно,

то, по крайней мере, только увидеть. Но хотя желание было сильным, он не мог сделать ни малейшего жеста, движения или просто усилия, чтобы реализовать его.

Без всякого предупреждения потолок неожиданно стал снижаться.

Дон попытался спрыгнуть с постели, но вместо этого перевернулся на живот очень медленным движением. Увидев у стены угол с душем, он осознал, что висит в воздухе на высоте двух метров.

Потолок не двигался. Это он левитировал на спине, а теперь на животе под самым, потолок.

Подбородок был задран вверх, а голова — хотя он и чувствовал ее тяжесть — так сильно была отклонена назад, что линия взгляда совпадала с осью его тела. Он попытался смотреть вниз, на кровать, находящуюся под ним, чтобы убедиться, лежит ли там его тело — настоящее, или кажущееся, — но не смог. Он не мог поднять даже руки, чтобы посмотреть на нее. Он даже их не чувствовал, так что не знал, утратил ли он только способность двигать ими, или же их вообще уже нет.

Он не знал также, его ли это тело висит в воздухе, или воображаемое. А может быть, он сам — только левитирующий наблюдательный пункт, который воображает себе, что у него есть тело.

Это последнее предположение, казалось, подтверждал тот факт, что Дон не замечал кончика носа, своих бровей и щек, которые, хотя на это и не обращаешь внимания, всегда находятся в поле зрения. Но может быть, так происходило потому, что, напрягая глаза, он продолжал смотреть только прямо вперед.

Неожиданно Дон переместился и направился — головой вперед — в сторону стены. Он закрыл глаза — в голове промелькнула мысль, что, по крайней мере, он может закрыть глаза, — а когда открыл их, то, несмотря на то что столкновение не произошло и он не чувствовал никакого сопротивления, увидел, что плывет уже по серебряному коридору, покрытому арабесками и иероглифами, который непосредственно вел к одной из больших шахт или колодцев. Его охватило ощущение радости, и вскоре он начал опускаться вниз.

Здесь началась серия странных переживаний, которые могли быть необычным сном. Сном, наведенным на Дона его похитителями и одновременно хозяевами. А может быть, это была просто внечувственная картинка, присланная ему в виде сна. У него было такое ощущение, что его тело — вследствие непонятных физико-химических процессов способное проникать сквозь стены, газы и любые другие препятствия, не восприимчивое к гравитации, а также к воздействию других сил, — переворачивается и двигается частично против воли, частично руководимое необузданным любопытством, совершает прекрасное, хотя и кошмарное путешествие.

«А может быть, — думал он, — все это происходит в одну короткую секунду, вне границ времени?»

Он не знал, правильна ли эта мысль, не знал, что с ним происходит. Пока он вынужден был лететь, кувыркаться и ждать. Ждать...

Сначала он летел только по пустым коридорам и шахтам. Если там и жили какие-то существа, находились машины или космические корабли, он не мог их увидеть, так как вследствие огромной скорости, с которой он мчался, он видел только смазанную картинку. В течение нескольких секунд он мчался — по крайней мере, так ему казалось — почти со скоростью света, осознавая только общие очертания и размеры коридоров. Затем на коротком отрезке пространства он передвигался медленно, присматриваясь ко всему, что его окружало: затем снова помчался вперед, частично невольно, а частью потому, что чувствовал неодолимое желание увидеть что-то новое. Этот процесс повторялся без конца, словно время длилось до бесконечности. Однако он не устал и не чувствовал скуки.

Постепенно в его разуме возникал трехмерный образ Странника. Планета была искусственным творением, состоящим из уменьшающихся концентрических кругов — их было по меньшей мере пятьдесят тысяч, соединенных между собой коридорами. Она напоминала большую серебряную губку. Многие из больших колодцев пересекали планету на вылет, перекрещиваясь в огромном пустом шаре, имевшем собственное темное небо, тут и там освещенное напоминающими звезды огнями, размещенными между темными поблескивающими шахтами километрового диаметра.

Строение Странника все более возбуждало воображение Дона, но одна деталь конструкции планеты мучила его и даже пугала, впрочем, пугала скорее тем, что она в себе скрывала, чем тем, как она выглядела. Это была оболочка из темного металла тридцатиметровой толщины, которая составляла посеребренную крышу шара — палуба, на которой приземлилась Баба-Яга и советский космический корабль, а также округлые металлические плиты километрового диаметра, такой же толщины, как и оболочка, которые в любой момент могли закрыть шахты, превращая планету в крепость.

Настроение зловещей опасности усиливали огромные витки, окружающие некоторые из шахт: они свидетельствовали о том, что шахты здесь могут служить чудовищными линейными ускорителями.

Дон вздрогнул при виде грозного панциря и через мгновение оказался в самой середине мерцающего звездами огромного центрального шара. Хотя шар и имел в диаметре каких-то километров тридцать, ему показалось, что это Вселенная, а большие дырки в ее звездном небе — это коридоры, ведущие в другие вселенные. Он чувствовал, что вокруг него есть невидимые существа, неосязаемые мыслящие облака, которые живут в холодных межгалактических глубинах космоса. Это ощущение вызвало в нем страх, который был гораздо сильнее, чем тот, который охватил его, когда он смотрел на защитный экран этой планеты.

Может быть, именно этот новый, пронизывающий страх приказал ему отправиться во вторую экспедицию по Страннику. Теперь он уже не летел по коридорам, но безболезненно проникал сквозь стены, путешествуя таким образом из зала в зал. Самые толстые стены он преодолевал в считанные доли секунды. Когда Дон останавливался, то всегда вблизи живых существ. Эти живые существа принадлежали не к одному виду, а ко многим.

Коты, собственно, все кошачьи существа находились близко к поверхности планеты, и, хотя их было много, они составляли меньшинство среди команды Странника, составленной из разнообразных созданий, которые, как казалось, могли быть конечным эволюционным продуктом любой земной, и не только земной, разновидности животного мира. Здесь были кони с большими лбами и цепкими отростками, спрятанными внутри копыт, гигантские пауки с незамутненным взглядом и венами, просвечивающими сквозь кожу, венами, в которых явно пульсировала кровь. Змеи с большими и маленькими цепкими щупальцами, покрытые блестящей чешуей. Человекоподобные ящерицы с красивыми гребнями на голове, перекатывающиеся по земле существа, своей формой напоминающие толстые колеса, у которых мозг и центр чувств вращались в противоположные стороны, наземные каракатицы, гордо стоящие на трех или четырех щупальцах, создания, наводящие на мысль о разных мифологических чудовищах, такие, как, например, василиски или гарпии. Этим последних Дон увидел глубоко внутри планеты — они летали по залу, похожему на гигантский птичник. Огромное, занимающее несколько этажей помещение словно имитировало какой-то мир. Там росли стройные деревья с большим количеством тонких веток, покрытых небольшими листьями, и все это освещалось огромными, плавающими в воздухе разноцветными лампами-солнцами.

Бирюзовые озера, которые он видел с Бабы-Яги, были такими же широкими, как и глубокими, в них жили киты с большими глазами и, вероятно, мощным разумом, имеющие вместо плавников щупальца, напоминающие кабели с торчащими на концах проводами. Кроме китов там плавали другие морские существа с интеллектуально выглядевшими, выразительными мордами.

Космонавт хотел остановиться, осмотреть этих существ более детально, осмыслить их поведение, но, как всегда, преобладало желание увидеть еще более загадочные и интересные формы жизни, так что он задерживался только на короткое время, как и раньше, когда он летел по пустым коридорам. Существа, за которыми он наблюдал, явно не подзревали о его присутствии.

Похоже, что этих существ не разделяли никакие расовые или видовые барьеры. Дон видел, как кошачьи существа ведут в птичнике дружеские беседы с меньшими, чем они, гарпиями, видел, как гигантские пауки в прозрачных одеяниях ныряльщиков плавают, передвигая конечностями, в глубоком озере, населенном китами.

Неожиданно ему показалось неправдоподобным, что планета величиной с Землю может поместить такое множество разнообразнейших созданий, но через мгновение он осознал, что, принимая во внимание все этажи, поверхность Странника в пятнадцать тысяч раз больше поверхности Земли.

Несмотря на многочисленность и разнообразие, все существа, которых он видел, непрестанно работали. Даже те, которые не двигались, сосредоточенно производили вычисления и искали решение каких-то задач. Везде ощущался страх. В атмосфере явственно витала угроза чего-то непонятного.

Время от времени, может быть, ошибаясь в направлении полета, а может быть, только для отдыха, Дон останавливался там, где не было живых существ. Тогда он видел большие резервуары, наполняющиеся лунной материей. Залы со стоящими неподвижными машинами, трубы, через которые проплывали многоцветные жидкости, комнаты, в которых, освещенные солнечными лампами, росли странные — может быть, даже мыслящие — растения. Залы с гладкими геометрическими глыбами, которые выглядели почти как живые, так же, как и те, на поверхности Странника, и шарообразные помещения, наполненные чистой, сырой, огневой материей, напоминающей солнечную плазму, которая, однако, почему-то не ослепляла.

Физическую работу выполняли также существа, напоминающие огромных амёб, которые в зависимости от выполняемой работы обладали разными ложноножками и органами чувств. В другом помещении он увидел металлических роботов, напоминающих пауков, здесь же находились, по всей вероятности, гигантские электронные мозги.

Прозрачные стенки баков, в которых они находились, показывали темное студенистое вещество, в котором плавали спутанные серебряные ниточки, диаметром тоньше волоса.

Чем больше разнообразных мыслящих существ видел Дон, тем более поразительными они ему казались. Когда он оказался в Центральном Звездном Зале, то увидел кружащиеся светло-фиолетовые, многорукие облака, постоянно меняющие форму: холодные создания, живущие во внезвездной темноте. А однажды, когда он на мгновение поднялся на верхнюю палубу, то увидел, как одна из больших цветастых абстрактных глыб лопается, словно яйцо, и как из нее выскакивают какие-то странные создания.

Однако чем больше он сознавал, что на планете существуют разумные формы жизни, тем больше мучила его мысль, что его окружает рой существ, которых он не в состоянии заметить, и у него создалось впечатление, что на Страннике находится больше духов, чем видимых членов экипажа.

Дон остановился в помещении, в котором царила полная неподвижность, в помещении со многими балконами и бесконечными рядами шкафов с маленькими ящичками — ему пришла в голову мысль, что это

библиотечный каталог. Паутиноподобные дорожки вели из этих шкафов к наблюдательному устройству, которое выглядело, как тысячи небольших экранов дисплея, и Дону неожиданно показалось, что он видит какое-то движение в этом хитросплетении паутин. Невольно на ум пришла мысль, что мыслящие бактерии и вирусы приводят в порядок и укладывают на хранение молекулы, на которых выгравированы знания, культуры и история всех миров. «Достижения и культура Европы, — думал он, — без труда поместились бы в одном таком ящичке». Он чувствовал себя так, словно соприкоснулся с постоянной, всохватывающей точкой зрения на вечность, часто отождествляемой с Богом.

Через некоторое время он помчался в следующее помещение. Здесь царило гораздо большее движение, здесь было множество пультов управления, карт, графиков, экранов, витрин для просмотра трехмерных изображений. В витринах виднелись постоянно меняющиеся районы, затронутые катастрофой: пейзажи и города, уничтоженные землетрясениями, опустошенные огнем, залитые водой неожиданных приливов. Некоторое время Дон смотрел зачарованный, пока вдруг с ужасом не осознал, что видит собственную планету. Землю, опустошенную катаклизмами, вызванными Странником, а ведь он знал, что обитатели этой планеты могут произвольно включать и выключать гравитацию.

Он хотел задержаться в этом зале, чтобы детально все осмотреть, но, помимо его воли, он пронзил несколько стен и оказался в помещении, в котором стоял один огромный экран, окруженный странными существами с двумя, тремя и даже с семью глазами. На экране висели модели Земли и Странника и того, что осталось от Луны. Кое-где, чаще всего вблизи двух планет, были видны фиолетовые и желтоватые световые точки, которые, как он догадался, были космическими кораблями.

Планеты — Дон не мог с уверенностью сказать — макеты ли это, или же трехмерное изображение — разделяло расстояние в тридцать раз большее их диаметра. Оптический обман был настолько сильным, что у Дона возникло впечатление, будто он плывет через космос, в котором места созвездий занимают лица странных существ.

Неожиданно, без всякого предупреждения, начали показываться, по одиночке или парами, другие планеты — зеленые, серые, золотые, а некоторые, как ни странно, расцвеченные, как Странник. Между ними медленно передвигались светлые полосы: свет, который обычно движется со скоростью триста километров в час, замедленный пропорционально величине модели. Последовали небольшие взрывы. Дон увидел воюющие флоты космических кораблей размером не больше, чем световые точки. А потом все планеты, кроме Земли, начали быстро передвигаться с места на место, словно вели космическую битву.

Но он не дождался конца столь странных планетарных маневров, поскольку неизвестная сила, которая руководила им во время путешествия по Страннику, начала подгонять его, словно скоро должно было кончиться его приключение. Впервые он почувствовал усталость.

Дон быстро миновал три следующие комнаты. На фоне их черных гладких стен четко вырисовывались чужие лица наблюдателей. В первом помещении он увидел спиральный профиль светлых точек и скопление света. «Галактика, — подумал он, — наверняка Млечный Путь...»

На обзорном экране во втором помещении он увидел множество маленьких пушистых, шарообразных световых облаков, которые разделяло расстояние несколько больше, чем их диаметры. Он заметил здесь странное явление — пространство на этом экране таинственным образом искривлялось, и, когда он уже покидал эту комнату, ему в голову пришла мысль, что он смотрит на космос, состоящий из одиночных звезд.

Дону казалось, что уже ничто не может удивить его, но вид следующего зала на мгновение привел его в изумление. Он был почти уверен, что все это имеет какое-то значение, но его уставший разум не мог угадать, какое. В огромном зале, своеобразном мире, похожем на помещение гарпий, красное, словно раскаленное железо, небо простиралось над равниной, кое-где испещренной камнями и небольшими рощицами деревьев. Небольшие грациозные животные, похожие на земных серн, с единственным рогом на лбу, пугливо щипали траву. Птицы с рубиновым, топазовым или изумрудным оперением порхали над землей, часто садясь в высокую траву или на ветки деревьев, очевидно отыскивая корм.

Сразу три птицы, громко хлопая крыльями, вылетели из травы, и ближайшая группа единорогов, вздрагивая, замерла без движения, прихихиваясь. Через мгновение она большими скачками понеслась прочь. Одновременно из-за ближайшего камня высочило кошачье существо, похожее на проводника Дона, только полосы на его коричневом мехе имели серый цвет. Существо это легко догнало единорогов, бросилось на последнего в группе, свалило его на землю и впилося зубами в горло своей жертвы.

Топазовая птица пролетела рядом с небольшой рощицей деревьев, из которой высочило кошачье существо с зеленым мехом, — это было, без сомнения, создание женского пола, судя по более низкому торсу и несколько иному строению тела. Она с грацией взвилась в воздух, подпрыгнув довольно высоко, словно серна. Хотя ее длинная лапа только скользнула по птице, три длинных когтя все же глубоко вонзились в тело жертвы. Держа птицу за гребень, кошка с большой сноровкой впилась в ее шею.

Когда она подняла голову над желтыми перьями и большими глазами с зелеными зрачками посмотрела в сторону Дона, космонавт увидел кровь на ее матово-оливковых губах и на открытом длинном белом клыке. Может быть, это было просто стечение обстоятельств, но у Дона возникло впечатление, что кошка тоже его увидела. Стоя на фоне кроваво-красного неба и высасывая кровь птицы, кошка улыбнулась.

И тогда Дона охватила ужасная усталость, изображение стало смазанным, цвета пастельными. Дон осознал, что он снова висит в воздухе в своей маленькой кабинке. Он пытался посмотреть на свою постель, но, как и раньше, не смог. В следующее мгновение он уже лежал на ней и всем телом чувствовал ее успокаивающее прикосновение. Все картинки мгновенно исчезли, всякое движение прекратилось, оставляя его одного, чтобы он отдохнул в темноте.

Глава 34

Брехт четырежды просигналил и остановил машину у скалистого склона, где они ночью разбивали лагерь. Хиксон снова вел фургончик, а в автомобиле рядом с Брехтом сидели Анна и Рама Джоан, на заднем сиденье расположились Марго и Хантер.

Вся эта пятерка с оживлением разговаривала, несмотря на то, а может быть, именно потому, что их лица были перемазаны черным, одежда мокрая и грязная от странного теплого черного дождя, который только что перестал идти. Они пришли к выводу, что дождь черный от вулканического пепла, который ветер нес из Мексики и других местностей на юге.

— Или от водорослей, выброшенных отливом и захваченных смерчем, — рискнул выдвинуть гипотезу Брехт. — У воды соленый привкус...

Небо покрывали темные тучи, которые поглощали яркий серебряный свет.

— Всем выходить! — весело крикнул Брехт. — Росс, проверь, нет ли в яме воды. Я хотел бы проехать, прежде чем мне станет страшно.

Хантер поспешно направился исполнять этот приказ, Марго отправилась за ним.

Фургончик остановился за «корветом», а за ним автобус, на желтом кузове которого выделялись черные потеки.

— Скажи своим, чтобы выходили! — крикнул Брехт Хиксону. — Мы должны переехать на другую сторону. Гарри, скажи Додду, чтобы он как можно быстрее выгонял всех из автобуса. Мы не можем терять ни минуты. Сам стань возле автобуса и наблюдай за дорогой позади нас.

Анна прижалась к Брехту.

— Могу я остаться с вами в автомобиле? — спросила она. — Я не боюсь, что мы упадем.

— Мне очень жаль, любовь моя, но твоя мамочка сказала, что я искушаю Кали, богиню зла, — ответил он и, наклонившись, прикоснулся щекой к щеке девочки. Рама Джоан улыбнулась и забрала смеющуюся Анну из машины.

— Воды нет! — крикнул Хантер, но в тот же миг потерял почву под ногами и упал на землю. — Но скользко, черт возьми, — добавил

он, смотря на Марго, которая иронически улыбалась. — Этот слой мокрого пепла довольно коварен, — сказал он, вставая.

Улыбка исчезла с лица Рамы.

— Может быть, нам попытаться засыпать эту яму? — предложила она Брехту.

— Нет, моя милая. Эти пьяные хулиганы, скорее всего, уже раздобыли из затора работающие машины и бросились за нами в погоню. Они не будут с нами церемониться, стремление убивать — их вторая натура. Мы не можем терять ни минуты.

Брехт нажал газ.

— Берегись! — закричал он громко.

Автомобиль двинулся и перепрыгнул яму. Брехт остановил машину и бегом вернулся к Раме Джоан, Марго и Хантеру, которые стояли и смотрели, как он совершал свой подвиг.

Анна у автобуса разговаривала с Макхитом и с интересом рассматривала его карабин.

— Я не думал, что все пройдет так гладко, — сказал Брехт. — На старости лет я стал довольно трусливым.

Марго и Хантер рассмеялись. Рама Джоан неуверенно улыбнулась.

— Прошу вас! — пискливо крикнула Ида, которая стояла у фургончика. — Рей Ханкс не хочет, чтобы его выносили.

Брехт осмотрелся, после чего пожал плечами.

— Это его дело. Хорошо, рискнем. Вперед, Хиксон!

Фургончик тоже набрал скорость. Только когда он перепрыгнул через яму, они увидели, что миссис Хиксон не вышла, но, склонившись над кроватью Ханкса, держалась за стену фургончика.

Войтович вышел из автобуса и стал рядом с Макхитом и Анной. Остальные пассажиры автобуса: Дылда, Ванда, Ида, а также яростно спорящие Додд и дед, направились в сторону ямы.

Брехт надвинул на лоб испачканную черную шляпу и энергично двинулся им навстречу.

— Знаю! Знаю! — сказал он, прежде чем дед успел открыть рот и показать его щербатое содержимое. — Задние скаты лысые и так далее. Рудольф — гонщик, вот он сейчас этим и займется.

— Один цилиндр не работает! — крикнул вслед ему дед, но Брехт даже не оглянулся.

Кларенс Додд посмотрел на перепачканные лица окружающей его группы.

— Этот дождь порадовал бы сердце Чарльза Форта, любителя сверхъестественного, — с улыбкой произнес он. — Вы выглядите так, словно будете участвовать в каком-то индийском погребении.

Рама Джоан неожиданно направилась за Брехтом в сторону автобуса. Стоящая рядом с Рудольфом Анна помахала ей.

— Мамочка! — крикнула она.

Рама остановилась и неуверенно помахала рукой.

Брехт сел в автобус, двигатель заработал, и машину начало немного вести в сторону.

— Вторая скорость иногда западает, — буркнул дед.

Автобус медленно въехал в яму. Когда он выезжал из нее, передние колеса забуксовали, а задние начали быстро сдвигаться вбок. Брехт прибавил газу. Колеса запищали на скользкой каменной дороге. Брехт резко затормозил, и автобус начал скатываться назад.

Макхит бросил Войтовичу карабин и по шоссе побежал к автобусу, спотыкаясь на выбоинах и холмах.

Автобус приостановился на краю двухсотметровой пропасти, когда передние колеса попали на небольшой валун, лежащий в выбоине. Все видели, как Брехт старается подняться с сиденья, как пытается встать на перекосившийся пол и хватается за ручку, чтобы открыть переднюю дверь.

Хантер схватил Марго за плечо, сунул руку под ее куртку и вытащил серый пистолет.

Макхит был уже почти на краю пропасти. Войтович не знал, что он, собственно, собирается делать, может быть, крепко упереться ногами и подать руку Брехту, чтобы тот не потерял равновесия, прыгая на скользкий грунт.

Брехт открыл дверь и высунул голову. Небольшой валун, который поддерживал машину, скатился в пропасть, задние колеса съехали с края, пол автобуса наклонился, затрудняя Брехту бегство. Через мгновение машина начала медленно сползать в пропасть.

Хантер нажал на маленький поворотный рычажок, размещенный на рукоятке пистолета, и повернул его так, чтобы стрелка была обращена в противоположную сторону от ствола.

Брехт высунулся до половины, когда неожиданно машина резко наклонилась и он упал обратно. Автобус сполз с края и рухнул в пропасть, а вместе с ним и Рудольф Брехт, который еще успел посмотреть на друзей, стоящих на склоне, снять черную шляпу и махнуть ею.

Хантер прицелился и нажал курок.

Лицо Брехта и его поднятая рука исчезли из поля зрения, и только черная шляпа, которую нес холодный ветер, приплыла к ним.

Макхит бросился к краю обрыва и, держась за край скалы, посмотрел вниз.

Склон задрожал, они услышали шум, когда автобус ударился о дно ущелья.

Холодный порыв ветра усилился. Черная шляпа подлетела прямо к Хантеру и повисла на стволе пистолета. Небольшой камень начал катиться под гору. Хантер снял палец с курка. Валун покатился обратно.

— Он мертв! — крикнул Макхит. — Он выпал из автобуса. Я видел, как он падал. Его придавил автобус.

— Если бы на секунду раньше... — шепнул Хантер.

— Ты повернул стрелку на сто восемьдесят градусов, чтобы создать поле притяжения, да? — спросил Кларенс Додд и, когда Хантер с грустью кивнул, добавил: — Это логично.

Хантер схватил шляпу, висящую на стволе пистолета, словно намереваясь бросить ее на землю и затоптать, но только посмотрел на нее.

К ним донесся глухой далекий звук. Небольшой валун ударился о землю двумястами метрами ниже.

В Аризоне на солнечном плоскогорье, напоминающем персидскую Башню Тишины, стервятники сдирали последние куски мяса с лица Асы Голкомба, открывая голый красный череп.

Пол Хегболт сидел, удобно опершись о теплое гладкое окно, занимающее половину машины Тигрицы. Он смотрел на тающий ледяной покров на северном полюсе Земли и на огромные льдины, которые несли мощные волны, безумствующие в Гренландском море, в заливе Баффина и в Беринговом проливе. Почти вся Арктика была залита солнечным светом, поскольку в Северном полушарии стояло лето.

В машине царил полумрак: внутрь попадало немного солнечного света, отраженного заснеженным льдом, на котором сверкали светлые точки — звезды на белом небе — каждый раз, когда волны поворачивали льдины под соответствующим углом к солнцу.

Тигрица тоже лежала, вытянувшись у окна, недалеко от Пола. Она гладила Мяу, которая вдруг высунулась из-под трехпалой лапы с фиолетовыми подушечками, оттолкнулась задними лапками от зеленого с фиолетовыми полосами плеча и прыгнула над Полом в сторону цветника, находящегося с другой стороны корабля. Очевидно, для того чтобы снова посетить его, на этот раз в таинственном свете ледового покрова. Мяу быстро приспособилась к новым гравитационным условиям и с радостью летала между растениями, время от времени выставляя из листьев и цветов маленькую улыбающуюся мордочку.

Тигрица издала короткое мелодичное ворчание, похожее на вздох. Полу пришла в голову мысль, что это кошка направила корабль к Северному полюсу, наверное, затем, чтобы иметь возможность спокойно смотреть на Землю, без неприятного чувства, что там гибнут люди. Он уже хотел было сказать ей, что и здесь, на Северном полюсе, есть, а вернее, были до вчерашнего дня люди — советская метеорологическая станция, но тут же пришел к выводу, что, в конце концов, Тигрица, если захочет, сама может прочесть это в его мыслях.

Корабль начал без предупреждения подниматься с огромной скоростью. Сначала резко уменьшился ледовый покров, а потом и вся Земля.

Пол старался не показать своего удивления. Он знал, что коты не любят резких движений, но, впрочем, уже успел убедиться, что Тигрица умеет оперировать пультом управления, не прикасаясь к нему и даже не смотря на него.

Вокруг заблестели звезды. По мере того как Земля уменьшалась, в поле зрения постепенно показывался Странник. У этой планеты тоже был своего рода Северный полюс — желтое наклонное пятно на фиолетовом фоне, из которого торчала желтая шея, шея динозавра.

С этого расстояния желтое пятно напоминало военный топор.

Они поднимались под прямым углом к лучам Солнца, поэтому лучи не падали прямо в кабину. Земля и Странник, на солнечной стороне которого сияли белизной остатки разрушенной Луны, выглядели как два полушария.

Когда погас свет, отраженный ледяным покровом, в кабине воцарилась темнота. Планеты, которые наконец приостановили свое движение, выглядели сейчас как два маленьких, почти неуловимых для глаза, соседствующих друг с другом полумесяца на фоне звездных полей — созвездий, преимущественно неизвестных Полу, поскольку их можно было видеть только с южного полушария Земли. Без особого удивления он осознал, что корабль в течение неполной минуты унесся на несколько миллионов километров вверх — со скоростью, немногим меньшей скорости света.

Это было, словно он прошел с Тигрицей через город, повернул в большой, неосвещенный парк и смотрел сейчас на огни города через гектары темных газонов и деревьев. Однако через некоторое время его начало угнетать страшное одиночество.

— Чувствуешь себя Богом? — шепотом спросила Тигрица. — Земля ведь у твоих ног!

— Сам не знаю, — пожал плечами Пол. — Могу ли я изменить то, что уже произошло? Могу ли я воскресить умерших, если я Бог?

Тигрица ничего не ответила, но в темноте Полу показалось, что кошка покачала головой.

Некоторое время царила тишина. Потом Тигрица снова издала мелодичное ворчание, похожее на вздох.

— Пол, — тихо сказала она.

— Слушаю, — спокойно ответил он.

— Да, мы жестоки. Мы сделали много зла твоей планете. Да, мы боимся, — эти слова она произнесла очень тихо.

— Мы такие, как ваши писатели потерянного поколения, как венгерские беженцы, анархисты и почитатели Сатаны, как битники и Падшие Ангелы, как беглые заключенные или несовершеннолетние преступники. Мы убегаем, постоянно бежим. Каждый из наших шагов — миллиард световых лет — грохочет по пустому планетарному тротуару под холодными фонарями звезд.

Пол знал, что Тигрица берет слова, понятия и образы из его мыслей, хотя совершенно не чувствовал этого.

— Странник, — продолжала большая кошка, — для нас, как автомобиль или поезд, с помощью которого мы можем убежать, как красивый современный корабль, эвакуирующий солдат из Дюнкерка.

Пятьдесят тысяч палуб, на которых можно отлично развлекаться и приятно проводить время. Небеса, которые любому придутся по вкусу! Закаты солнца на заказ! В каждом помещении — меняющаяся гравитация и температура! Все на выбор! Звезда Проклятых! Ковчег Сатаны!

Теперь она говорила, как девочка, которая своей бравадой, сознательным употреблением мрачных образов и одновременно шутливым тоном старается скрыть чувство вины.

— О, роскошная планета заклятых! Мы рисуем наше небо, чтобы отрезать себя от остального мира. И это не понравилось обитателям вот этих солнечных трущоб! Трущоб, в которые мы только что влетели. Эти серые конформисты думают, что у нас есть, что скрывать под этой двухцветной красивой оболочкой! Ну что ж, вынуждена признать, что они правы!

— Рисованная планета, — сказал Пол, пытаясь подстроиться к ее настроению и хотя бы один раз употребить какое-то выражение, прежде чем употребит его она.

— Да, — кивнула Тигрица. — Как ваши пустыни... И как ваши женщины из примитивных племен, которые разрисовывают свои тела. Фиолетовый и желтый цвета, как заря в пустыне. Даже корабли мы расписываем теми же цветами, что и свою планету, — корабли, значительно большие, чем ваши трансатлантические лайнеры, и такие маленькие, как этот. Да, мы находимся у вершины цивилизации, но вместе с тем мы — пассажиры Ковчега Сатаны, мы — Адские Сонмы, мы — Падшие Ангелы.

Она мимолетно улыбнулась, морща мордочку, но через мгновение снова посмотрела через окно на звезды, на два полумесяца внизу и вновь стала серьезной.

— Странник пронзает подпространство. Дорога с выбоинами, бушующее море, буря, ураган, вместо света миллионов звезд — какая-то кое-где жалкая искорка — вот что, собственно, есть подпространство. Бесформенное, как хаос, враждебное всему, что живо. Нет света, атомов или даже энергии, которой мы, сверхсущества, могли бы пользоваться. Как это было до сих пор! Оно, как летучие пески, через которые нужно брести, или как пустыня без воды, в которой можно погибнуть, но которую необходимо преодолеть, чтобы добраться до тенистого оазиса! Подпространство — это черное и грозное море, которое имеет столько общего с пространством, как подсознание с сознанием! Улучки, которых не достигает свет фонаря, слепые закоулки, полные опасных поворотов, так и ждущие твоей смерти. Это темная холодная вода под доком, покрытая слоем мазута. Это Саргассово море звездных кораблей! Кладбище потерянных планет! Восхитительное море — как раз для Ковчега Сатаны. Море, которое приводит к тому, что ангелов тошнит и у них начинаются кошмарные сны. Огненное, холодное бесформенное море Ада!

— Всю эту звездную Вселенную, которая кажется тебе неизменной и вечной, как сам Бог, мотаает в бесконечном бурном подпространстве, словно листок бумаги, поднимаемый смерчем. И Странник плывет в этом кулаке ветра, держащем листок, а мы, осторожные мореходы, всегда стараемся держаться поближе к берегу.

Пол посмотрел на рассеянные по небу одиночные звезды и удивленно подумал, почему он всегда считал, что они символизируют порядок.

— Для того чтобы попасть в эту пустоту, — продолжала Тигрица, — нужна сила миллиарда реакторов, и значительно больше нужно умения и счастья, чтобы из нее выбраться. Странник съедает луны на завтрак и астероиды на закуску. И все это для того, чтобы умилистит чудовищ подпространства, чтобы они пропустили нас дальше. Мы отдаем им нашу пищу... Само путешествие через подпространство коротко, но очень много времени занимает старт и приземление — какой же ловкости требует рождение порта, сколько нужно умения, чтобы вернуться обратно в свою Вселенную! Создается впечатление, что ты блуждаешь по незнакомому побережью во время густого тумана. В подпространстве есть следы нашего космоса — тени солнц, планет, лун, пыли, пустоты, — но в них значительно труднее разобраться, нежели принять сигналы радара, которые должны пройти через преграду — металлическую фольгу или расшифровать старинные полустертые иероглифы в только что открытой пещере.

Из последнего путешествия мы вернулись измученными и усталыми, — продолжала она. — Нам очень не хватало солнечного света! Наша защита истончилась в этом полете почти до нуля. Мы почти полностью потеряли наше небо и атмосферу. Никто больше не отваживался входить на верхние палубы, и неорганические гиганты, кварцевые мозги, похожие на разноцветные медузы, живущие там, начали на нас обижаться.

И что хуже всего — мы уже два раза пытались, причем безуспешно, пробиться в вашу солнечную систему и каждый раз это стоило нам много кубических километров топлива, которого у нас мало, потому что мы вынуждены поворачивать, условия были неподходящими или вектора ошибочными, а входные точки, которые подошли бы нам, были слишком удалены.

— Только два раза? — инстинктивно вмешался Пол. — Были четыре фотографии с вибрирующими звездными полями!

— Четыре фотографии... но только две неудачные попытки... Один раз вблизи Плутона, другой — вблизи Венеры, — решительно ответила большая кошка. — Не прерывай меня, Пол! Наконец нам все же удалось выплыть возле вашей Луны, потому что три тела — Земля, Солнце и Луна — встали на одной линии во время затмения, создавая идеальную тень. Мы вынырнули на поверхность из моря подпространства. Но тогда мы уже почти не имели топлива. Если бы,

например, мы должны были провести битву, то нам вряд ли удалось бы аннулировать гравитацию Странника; чтобы иметь возможность маневрировать.

— Тигрица! — крикнул Пол. — Это значит, что вы могли устранить гравитацию, гравитационное поле Странника так, чтобы на Земле не было катаклизмов, и не сделали этого?

— Я не капитан Странника! — рявкнула Тигрица. — Ты что, не понимаешь, что нам нужна полная гравитация, чтобы притянуть Луну и раздавить ее? Полная гравитация, увеличенная локальным завихрением и массой вращательного момента! Даже в наиболее критической ситуации мы должны иметь запас топлива на случай битвы! Разве это не очевидно?

— Но, Тигрица, — ужаснулся Пол. — По сравнению со Странником наши космические силы и атомное оружие — это детские игрушки. Не понимаю, о какой битве...

— Пол, я ведь тебе говорила, что мы боимся. — Она повернула голову, и ее зрачки-цветы фиолетово сверкнули. — Странник — не единственная в этой Вселенной планета дальнего радиуса действия.

Глава 35

Росс Хантер остановился, чтобы еще раз посмотреть в пропасть, после чего прошел мимо фургончика, подошел к «корвету» и сел за руль.

Он не хотел принимать командование и предлагал, чтобы это сделал Додд, но Хиксон посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Я считаю, что Рудольф выбрал бы тебя!

Делать было нечего, и Росс согласился.

Хантер ненавидел брать на себя ответственность и принимать окончательные решения, но все же был вынужден отклонить предложение Хиксона, который при помощи пистолета хотел передвинуть скалы так, чтобы они перегородили шоссе. Он обосновал свой отказ тем, что в пистолете, если они не ошибаются, осталось около одной восьмой части заряда.

Он также должен был решить, ехать ли им в Муллхолланд, или же в Вандерберг-Два.

Он медлил с решением до самого перекрестка и всю дорогу был вынужден слушать упреки Марго, которая считала, что они должны ехать вслед за Мортонем Опперли, особенно теперь, когда у них есть листок бумаги с известием, что профессор улетел в Вандерберг-Два. Она почти все время талдычила, что Хантер должен был сразу ясно сказать об этом всем присутствующим, чтобы позднее не возникло никаких недоразумений.

О Брехте не было сказано ни единого слова, но это только усиливало мрачное настроение. Только через длительное время Хантер ше-

потом спросил у Войтовича, каковы были последние слова Рудольфа, тогда, рядом с автобусом, когда они вместе смеялись, и тот ответил:

— Я попросил его, чтобы он снял черную шляпу, потому что этот цвет приносит несчастье, но он только рассмеялся: «Войтович, когда ты будешь таким лысым, как я, и не сможешь это скрыть, только тогда ты узнаешь, что такое несчастье».

Дылда, до которого донеслись обрывки разговора, с грустью закивал головой и сказал:

— Я тоже его предостерегал, — а потом пробормотал что-то вроде «грех гордыни».

Услышав это, Войтович возмущился, и Додд вмешался, пытаясь смягчить ситуацию.

— Я уверен, что Чарльз Фулби имел в виду лучшие черты характера Вульфа, что он говорил о врожденной непокорности греческих героев богам с Олимпа...

— Меня не волнуют ваши греки, — взорвался Войтович. — Я не позволю, чтобы кто-то плохо говорил о Брехте!

Хантер посмотрел на помятую черную шляпу, которую держал с момента несчастного случая, и подумал о Рудольфе, лежащем на дне пропасти вместе с тремя убийцами — общая пища для сарычей!

— Боже! — вздохнул он с горечью, — даже у собаки Додда было надгробие, а у него ничего, абсолютно ничего...

Он подумал, не повесить ли где-то шляпу, но тут же пришел к выводу, что такой поступок не имеет смысла. Он разгладил поля шляпы и, когда ветер утих, швырнул ее вниз по склону. Некоторое время казалось, что шляпа задержится на краю пропасти, но небольшой ветерок подхватил ее, и она исчезла за обрывом.

Рама Джоан крепко схватила его за плечо, обняв второй рукой Марго.

Все замолчали, и поэтому в тишине отчетливо слышали вдалеке приглушенное рычание двигателя, приближающееся со стороны долины.

— Слышишь, Росс? — крикнул Махтит, моментально присев на корточки возле фургончика и выставив вперед карабин, Хантер кивнул и вспомнил слова Брехта о том, что пьяные хулиганы скоро будут здесь.

Он отдал приказ садиться в машины и подтолкнул Марго и Раму Джоан. Когда он садился за руль — Марго села сзади, а Рама Джоан рядом с Анной на переднем сиденье, — то подумал, что Брехт бы не бежал сломя голову. Хотя, кто знает? По крайней мере, он наверняка что-нибудь сказал бы по этому поводу... Он запустил двигатель, повернулся и поднял правую руку:

— Внимание! Если понадобится, немедленно открывайте огоны! Не ждите приказа! Понятно? В путь!

«Это вышло не лучшим образом, — подумал он, включая скорость. — Но пусть так и будет».

Ричард Хиллери познакомился с Верой Карлсдайл в Ньюксбери: девушка сидела в грязи и тихонько плакала.

«Сейчас все чаще можно увидеть людей в грязи, — подумал он, — но, честно говоря, лучше, когда кто-то сидит в грязи, чем валяется в ней мертвым».

Девушка сидела в боковой улочке, сжавшись, как мышка, и плакала так тихо, что Ричард не заметил бы ее, если бы не было так светло, хотя солнце зашло уже два часа назад. Она держала в руках транзистор и тихо плакала.

В течение последних тридцати шести часов Ричард несколько раз видел, как чужие люди оказывают друг другу помощь, как в толпе находят друг друга члены семей, как спонтанно завязываются дружеские чувства, и неожиданно сам почувствовал, что он тоже хотел бы с кем-нибудь подружиться. Он всем сердцем ждал, чтобы нашелся такой человек, которому он был бы нужен и который был бы нужен ему.

И вот оно, счастье!

Он дал девушке кусочек хлеба — один из тех, что сбросил вертолет у Клита, но оказалось, что она не голодна. Ее страшно мучила жажда. Добыть воду в местности, недавно залитой приливом, оказалось непросто — вода в резервуарах, колодцах и источниках была соленой. Свежая вода еще могла течь кое-где в трубах, но он не знал, где их искать.

Ричард вспомнил, что несколькими кварталами ранее видел пивную, которую как раз грабили, и вместе с Верой он потопал в этом направлении. Когда они проходили мимо деревянных домов, носящих следы прилива, и гостиницы «Королевский Хмель», он открыл, что еще мучает девушку: у нее отвалился каблук, а впрочем, остроносые туфли на высоком каблуке не годились для путешествия, которое их ожидало.

Перед пивной стояла толпа людей. «Мы, британцы, законопослушны, — подумал он, — даже для того чтобы грабить пивную, нужно становиться в очередь». Он вспомнил, что рядом находится обувной магазин, и без колебания вломился туда, что было не очень трудно, так как прилив выдавил входную дверь, и среди валяющихся в беспорядке коробок с обувью выбрал для девушки пару теннисных туфель. Ричард выбрал для них обоих также теплые носки. Все эти вещи были, конечно, мокрыми, но это не имело сейчас значения.

Когда он вернулся в пивную, очередь значительно продвинулась, и вскоре под внимательным оком крепкого мужчины, который, может быть, даже был владельцем, хотя и не признавался в этом, Ричард взял по бутылке пива для себя и Веры и одну маленькую бутылку рома.

На улице какой-то толстяк неожиданно закричал:

— Смотрите! Вон та зараза!

Это был Странник с большим «Х» на выпуклом диске, почти симметрично окруженный белыми обломками Луны.

Вера посмотрела на Странника и, крепко сжав губы, отвернулась. Это понравилось Ричарду. Он решительно взял ее под руку и повел в том направлении, в котором шел ранее, — сначала они шли медленно, жуя хлеб и запивая пивом. Он ничего не говорил ей о своем плане добраться до холмов Мальверн. Ричард подумал, что на это еще будет время, когда они перейдут через старый стальной мост в Тельфорде на другую сторону гудящей реки Северн.

Вера включила радио, но на всех частотах был слышен только оглушительный треск. Он хотел было сказать ей, что можно выключить радио, но вместо этого спросил, удобно ли ей в теннисных туфлях, и она, улыбнувшись, ответила:

— Они чудесны!

Еще час тому назад он странствовал один среди толпы чужих, думал о миллионах или сотнях миллионов трагически погибших и задумывался, имеет ли это какое-то значение. Он думал, а нужна ли миру такая масса людей? Возьмем, к примеру, толпу вокруг меня — наводнение произвело в ней децимацию — и все же большинство из тех, кто остался, все равно дураки и не приспособлены к ритму жизни, без них мир вполне мог бы обойтись. Сколько нужно людей, чтобы сохранить какую-нибудь культуру? Неизвестно. Может быть, остальные просто лишние? Миллионы стереотипов — не слишком ли это высокая цена за существование горсточка стоящих людей? Не является ли большим недоразумением само понятие человечества, размножающегося без конца и без какого-либо контроля, человечества, которое выплеснется на звезды, когда на Земле не хватит места для всех? Волнует ли это бессмысленное размножение еще кого-либо, кроме самих людей? Необходим великий отсев — мир заслужил этот катаклизм!

Но теперь ему в голову пришла мысль, что, если бы наводнение забрало еще одну жертву, ею вполне могла быть Вера. Он знал, что теоретически таких женщин десятки тысяч, но он нашел только одну и сейчас уже не хотел ее потерять. Крепко прижимая ее руку к себе, он упрямо шел вперед.

Глава 36

Когда Пол смотрел в бездонную темноту, у него возникло чувство, что округлое окно, на котором он лежит, — это верхнее стекло большого аквариума, а звезды и два маленьких полумесяца — Земля и Странник — таинственные морские огоньки... или же окно — это стеклышко под микроскопом, а звезды — алмазные микроорганизмы.

Сидящая рядом с Полом Тигрица продолжала говорить:

— Не следует считать, что, потому что человечество молодо, Вселенная тоже молода. Совсем наоборот. Она стара, даже очень стара. Вам кажется, что космос пуст, это не так. Он переполнен. Ваша Сол-

нечная система — это одна из немногих первобытных территорий, которые остались, словно маленький участок, поросший сорняками, участок в самом центре огромного старинного города, растянувшегося во все стороны на многие километры.

В галактике, в которой возник Странник, каждое солнце так густо окружено планетами, что его лучи не выходят наружу. Девиз наших архитекторов, гордых своими творениями, — там, куда доходит хотя бы один луч солнца, мы строим планету.

Десятки тысяч планет у каждого солнца, взаимодействие которых вызывают десятки тысяч всевозможных изменений, и поэтому первоначальной и самой важной задачей наших архитекторов является гармонизация этих изменений. Планеты вращаются так близко друг от друга по той же орбите, что выглядят, словно эллиптический шнур жемчужин, в котором каждая жемчужина является отдельным миром. Ты, наверно, видел филигранные концентрические шары, вырезанные в слоновой кости китайцами? Их так много, что необходимо напрягать зрение, чтобы разглядеть каждый и отыскать центр. Невольно создается впечатление, что в этой резьбе заключена частица бесконечности. Именно так выглядят большинство наших звездных систем.

Я скажу тебе еще что-то, о чем ты не знаешь только потому, что свет двигается таким черепашим шагом. Если бы ты мог жить миллиард лет, то убедился бы, что со временем галактики становятся все более темными, и не потому, что звезды гаснут, а потому, что владельцы звезд сознательно не пропускают их свет, а только старательно копят его для себя.

Почти все планеты, кроме маленькой горсточки, искусственные. Чтобы их создать, черпали материю из бесчисленных миллиардов погасших солнц, холодных лун и планетных газовых гигантов — ваши египетские пирамиды, умноженные на бесконечность. Естественные планеты — это такая же редкость, как и оригинальные мысли.

Ваша Галактика, Млечный Путь, не составляет исключения. Большая темная туманность, являющаяся загадкой для ваших астрономов, возникла главным образом в результате отсеечения света солнц планетами.

Микроорганизмы почти с одинаковой скоростью заполняют как лужу с грязной водой, так и пруд. Зайцы почти так же быстро могут размножиться на целом континенте, как и на небольшом поле. Разумные существа могут заселять Вселенную до самых ее краев так же быстро, как они достигают зрелости на одной планете.

Конструкторы космических кораблей так же быстро могут заселить планеты биллионов солнц, как и планеты одного солнца. Девять триллионов галактик могут заразиться одной мыслью — большая космическая эпидемия — так же быстро, как отдельная планета.

Разумные существа множатся быстрее заразы. А науку и технику труднее покорить, чем рак. На каждой естественной планете жизнь медленно течет в течение миллиардов лет, пока неожиданно все не

расцветает. Семена, которые падают куда попало, растут, словно сорняки, покоряя обширные пространства, а потом следующие поколения семян летят дальше, прямо до края космоса...

Встречи с другими формами жизни всегда захватывающи, это потрясение, часто неожиданность. Но затем наступает расслабление и апатия.

Грязная лужа, в которой вчера плавало несколько амеб, сегодня прямо кишит жизнью, и пруд тоже. Казалось, все приветствует эту новую жизнь, но вскоре пруд становится черным. Те алмазы, которые ты видишь там, — Тигрица указала когтем в сторону скопления звезд, — уже не светят. Солнца, которые высылали свои яркие лучи, теперь закрыты.

Тигрица отвернулась от звезд и сказала, глядя Полу в глаза:

— Вселенная переполнена, Пол. Разумные формы жизни есть везде, планеты затемняют свет звезд, архитекторы легкомысленно расходуют солнечную энергию на то, чтобы создавать соответствующие условия для жизни. Они сжигают материю, чтобы получить энергию и постоянно что-то строят — новые формы, новые структуры, новые разумы.

Мы достигли бессмертия. Разум уже ничем не опутан. Твой мир, Пол, один из немногих островков смерти в этом большом мире вечной жизни.

Даже при путешествиях в подпространстве и общениях на краю Вселенной, находящихся вне наших чувств, разумные существа ближе друг к другу, чем планеты в вашей Солнечной системе. Далекие галактики более централизованы, нежели государства на Земле, чем отдельные штаты в США. Делами Вселенной занимается демократическое правительство, которое является более добрым и одновременно более жестоким, чем какой-либо из вымышленных богов.

Может быть, ваш примитивный образ неба, и особенно двойственное к нему отношение: небо — это прекрасное чудо и одновременно вершина скуки — является верным, интуитивным представлением о нашем правительстве.

Девиз нашего правительства — порядок и безопасность! Это — консервативное правительство, руководимое нашими старейшинами, которые везде стали верховодить с тех пор, как мы получили бессмертие. Они трудолюбивы, справедливы, милосердны (но только для слабых!) и бесконечно упрямы!

Правительственные акты, записанные на молекулах, занимают поверхность искусственных планет в двух звездных системах. Главная цель правительства — помнить и сохранить (но только в памяти!) все, что когда-то случилось.

Любая раса, которая не угрожает другим, даже раса на низком уровне развития, может рассчитывать на поддержку нашего правительства. Наши старейшины возражают против применения энергии в других целях, кроме защиты и созидания. Они возражают против проведения исследований подпространства и позволяют путешествовать в нем только полиции. Более всего они боятся, что что-то может по-

вредить или вообще уничтожить Вселенную, потому что теперь, когда мы знаем, что бесконечность и неисследованные территории (не говоря уже о подпространстве!) могут нам угрожать, всех охватил страх.

Но коль скоро даже бессмертные должны размножаться, хотя бы в минимальной степени, чтобы поддерживать иллюзию, что они живут, правительство должно безудачно искать места для новых поселений. Вскоре оно захватит и вашу систему, Пол, это так. Точка зрения большинства в правительстве на тему свободных, неразвитых миров подверглась изменению. Ранее к таким мирам относились как к особым заповедникам, считая, что их необходимо беречь, пока их развитие не достигнет соответствующего уровня. Но теперь нужна их поверхность, их ресурсы и энергия их солнц. Эти миры должны быть скоро включены в нашу космическую сверхдержаву. Через каких-нибудь двести — триста лет вас это ждет. Конечно, с вами обойдутся заботливо и по-доброму, но это наверняка не будет медленным процессом — когда уж начнется, то не минует и полвека, как все кончится. Правительство захватит все свободные миры и включит их в общую систему единой нашей цивилизации.

Вообще, главной целью нашего верховного органа является забота о разумных формах жизни, пока не исчезнет космос. Было время, когда мы думали, что такое никогда не может случиться. Теперь, однако, мы знаем, что это случится тогда, когда разум достигнет окончательных границ. Когда вся существующая материя будет подчинена защите разумных форм жизни, а процесс энтропии будет обращен вспять настолько, насколько это будет возможно в нашей Вселенной.

Среди нас насаждают мысль, что впереди нас ждет золотой век, но мы отлично понимаем, что впереди только смерть.

Странник — свободная планета, его обитатели принадлежат к молодым расам, таким, как, например, моя, которая берет начало от одиноких охотников, знакомых со смертью и ценящих красоту и свободу больше, чем безопасность.

Мы ставим прогресс выше бессмертия, приключение — выше безопасности. Риск и опасность для нас — это соль жизни.

Мы хотим путешествовать во времени. Мы хотим не только увидеть прошлое, но также и изменить его, обогатить, вернуть к жизни бесчисленные ряды умерших, жить в десяти, нет в ста настоящих, а не только в одном, вернуться к началу истории и строить все заново.

Путешествуя во времени, мы хотели бы также исследовать будущее — не для того, чтобы удостовериться, что действительно гаснет огонек в камине (агонизирующая цивилизация на ложе смерти), но и для того, чтобы создать новый космос, в котором мы могли бы жить!

Мы хотим лучше познать мозг — эту мыслящую массу в наших черепках, играющую всеми цветами радуги. Хотя телепатия и общение вне обычных органов чувств для нас обычны, мы все же еще не знаем, существуют ли с другой стороны коллективной внутренней темноты

другие миры, и, если существуют, то как к ним добраться. Пока что это только мечты.

Мы изменили бы все: мы исследовали бы безграничность духа, словно неизвестные континенты, плыли бы по ним, как через космос, старались бы открыть, не отдыхают ли наши разумы, словно мелкие радужные раковины на берегах одного, черного, бурного моря подсознания. Может быть, именно там лежат неприступные миры. Мы хотели бы иметь устройства, благодаря которым можно было бы превращать мысли в действия, — но их пока еще никто не изобрел.

Самое важное, что мы открыли бы подпространство, — не только для того, чтобы совершать по нему короткие прибрежные путешествия, плавая на краю опасно волнующей пустоты и никогда не теряя из виду мыса собственного космоса... но для того, чтобы отважно выплыть за шельф Вселенной в неведомые черные, далекие пространства, в которых безумствуют грозные штормы. Это, собственно, задание для галактик, а не для одной планеты или даже ста. Но зная это, мы тем не менее готовы отважиться на одиночное плавание.

Мы уверены, что, кроме нас, бесчисленные количества миров странствующих в круговертях пустоты подпространства — миллиард биллионов листьев, которые треплет ураган, миллиард биллионов снежинок, которые мчатся с метелью. Мы считаем, что эти вселенные отличаются от нашей, что основа их строения — другие частицы, или даже не частицы, а переменный континуум. Планеты без света. Планеты, на которых свет движется так медленно, как разговорная речь, или так быстро, как мысль. Планеты, на которых материю питают мыслью так, как у нас мозг питается молекулами.

Миры! В которых нет стен между разумами, и миры, в которых эти стены еще крепче, чем у нас. Миры, в которых мысль является действительностью, а любое животное — богом. Мелкая вселенная, где планеты, как воздушные шарики, и миры, которые разветвляются во времени, словно огромная водоросль.

Миры, в которых вместо мерцающих звезд находятся перекрещивающиеся паутины этих огромных водорослей. Космос из твердой материи, но без гравитации и миры, у которых больше или меньше измерений, чем у нашего мира. Миры, которыми управляют другие законы физики и химии.

Если мы не найдем в подпространстве никаких миров, то мы сами их там построим. Создадим чудовищную частицу, которая породит новый мир и вынырнет из нашего — даже если бы она должна была его уничтожить — как личинка из кокона.

Таковы наши главные цели. Если же говорить о других делах — то мы хотим иметь оболочку, за которой можно было бы укрыться. Мы не хотим, чтобы кто-то контролировал нашу планету и наши мысли. Мы хотим иметь столько оружия, сколько нам необходимо. Мы требуем права на ведение всех исследований и содержания их в тайне. Никаких

инспекций!!! Мы хотим путешествовать на нашей планете, куда только нам захочется, даже если нас не ждет предварительно заказанная орбита. Если у нас будет желание, мы хотим жить среди звезд в холодной темной глуши, сжигая водород, словно траву в прерии, или в океанических глубинах пространства между одинокими галактиками. Путешествовать в подпространстве, которым могут сейчас пользоваться только полиция и члены правительства.

Мы хотим, чтобы можно было подвергать свою жизнь опасности и страдать, чтобы мы могли поступать глупо, чтобы нам было можно даже умереть!

Такие планы ненавистны нашим старейшим, для которых любая перепуганная мышь, раненый воробей и тигр, пылающий в пустоте ночи, имеют одинаковую ценность. Правительство хочет, чтобы рядом с каждым солнцем мерцал голубой огонек охранителя, чтобы каждую планету патрулировал крейсер охраны порядка, чтобы полицейские корабли кружили в межзвездной пустоте — везде легавые, замутняющие светлые, чистые, как кристалл, звезды.

Тысячу лет тому назад правительство хотело ограничить свободу — свободу свободным, строптивым, незакабаленным существам. И мы вынуждены были переселиться на одну общую планету. Мы завоевали признание своим трудом, и нас не трогали, мы жили по-своему, нам казалось, что так будет всегда, — но тут неожиданно оказалось, что, живя вместе, мы представляем собой легкую и идеальную цель для полиции.

Сто лет тому назад мы предстали перед судом. Вскоре стало ясно, что мы проигрываем процесс и, как следствие, правительство ограничило нашу свободу, запретив проводить исследования подпространства и путешествия там, не разрешив самостоятельно решать проблемы Вселенной.

Мы должны были сдаться или умереть! И мы убежали!

С той поры продолжается безуспешная погоня. Гонимые псы небес постоянно рыщут по нашему следу: мы — планета, преследуемая другими планетами. Ни одно место в космосе не является для нас безопасным. Для нас нигде нет убежища — осталось только подпространство со штормами, которые мы еще не можем укрощать.

Представь себе, Пол, что подпространство — это море, его поверхность — это известная нам Вселенная, планеты — корабли, а Странник — подводная лодка.

Мы выплываем на поверхность у пустынного берега, у какого-то Солнца, еще не застроенного искусственными планетами. Когда приближается погоня, мы должны погружаться. Иногда мы вовремя не успеваем убежать, и тогда, прежде чем мы исчезнем в жестокой темноте пустоты, нас вынуждают принимать бой. Мы уничтожили три солнца — они находились в далекой Галактике — только для того, чтобы сбить преследователей со следа! Может быть, мы уничтожили и какие-то планеты, но я в этом не уверена.

Иногда наши безжалостные преследователи объявляют перемирие и начинают переговоры, надеясь, что нас переубедят их аргументы, которыми, словно огнями дуговых ламп, напоена космическая тюрьма, но вскоре снова шлют на нас ракеты и смертоносные лучи.

Два раза мы ставили все на карту, чтобы найти другой космос, — мы убегали в подпространство и плыли, куда глаза глядят, но вихри, безумствующие в подпространстве, опять загоняли нас в ту же Вселенную, из которой мы так старались убежать. И у нас возникло тогда чувство, будто мы продираемся через волшебный заколдованный лес или бредем по туннелю, который по странной случайности ведет в тюрьму, из которой его начали копать.

Мы — многоэтажная космическая станция; словно рыцари, мы объезжаем Вселенную — но не имеем при этом разрешения и из-за этого преследуемы законом. Но почему мы должны придерживаться этого закона?

Мы стараемся не изменять своим принципам, но это не всегда удается. Мы зря сделали столько зла на твоей планете, Пол, так мне, по крайней мере, кажется, но я не могу быть в этом уверена, потому что на Страннике я только слуга. Я скажу тебе только одно — я хотела бы, чтобы нас больше не проклинали ни одно живое существо, я хочу, чтобы мы опять нырнули в темные волны подпространства. Говорят, что на третий раз обязательно тонут — ну что ж, пусть так и будет!

Голос ее неожиданно прервался, и она воскликнула:

— Ах, Пол, мы хотим защитить свои прекрасные идеалы, а не только приносить вред. Удивляет ли тебя, что нас манит смерть?

Тигрица замолчала. Через мгновение она сказала спокойным, хотя и несколько холодным тоном, словно снова замкнулась в себе:

— Я уже все сказала, обезьяна. Если обезьяна хочет, она может теперь считать себя более благородной, чем кот.

Пол очень тихо втянул воздух в легкие и расслабился. Его сердце колотилось. В других условиях он, может быть, поспорил бы с Тигрицей и постарался бы высказать свои определенные сомнения, но теперь перед его глазами стоял только ее рассказ, словно выгравированный на сверкающих вокруг звездах, бриллиантовый сценарий, все объясняющий.

Кабина — это сверхъестественное орлиное гнездо — так напоминала сонное видение или, как это шутливо говорится, картину, видимую глазами души, что Пол не знал, является ли то, что он переживает, плодом его воображения, или же он в действительности находится в большом звездном космосе: впервые воображение и действительность были неразделимы.

Без малейшего усилия он оттолкнулся руками от большого теплого окна и посмотрел на это фантастическое существо, которое сейчас больше, чем когда-либо, напоминало худенькую балерину в одеянии кошки. Она лежала на животе, вытянув лапы и подпирая передними лапами

высоко поднятую голову. Всматриваясь в ее профиль, Пол увидел курносый носик, высокий лоб и остроконечные уши. Кончик хвоста медленно и ритмично двигался на фоне звезд. Она выглядела, словно стройный черный сфинкс.

— Тигрица, — тихо произнес он, — когда-то на моей планете жила длинноволосая обезьяна, которая часто бывала голодной. Она прожила совсем немного и умерла молодой. Ее имя было Франц Шуберт. Она сочиняла сотни обезьяньих песен, баллад и музыкальных пьес. К одной из них Шмидт фон Любек (это обезьяна, о которой сейчас никто не помнит) написал слова. Мне пришло в голову, что эта песня словно написана для тебя и твоих товарищей. Во всяком случае, она названа в честь твоей планеты — «Странник». Я спою тебе эту песню... — начал он, но тут же остановился. — Пожалуй, я спою тебе эту песню на моем родном языке, немного изменяя некоторые слова, чтобы лучше приспособить смысл к твоей ситуации. Но общее настроение и главные фрагменты останутся без изменений.

Пол услышал тихий напев. Высота тона была идеальной. Он понял, что Тигрица прочла в его мыслях фортепианный аккомпанемент и теперь воспроизводит его, создавая впечатление грусти, которую не смогло бы передать даже фортепиано.

Он начал петь с шестого такта:

Я грустным прибываю со звезд отдаленных,
Странствую дальше, совершенно один,
Из глубины вьющихся обширных дорог.
Где дорога? — есть у меня вопрос.
Пространство сумрачно, а солнце —
серо, цветы поблекли, жизнь стара,
Стихают разговоры, нарастает крик,
Где бы я ни был, меня никто не знает.
Где этот космос дивный,
Страна несбывшихся мечтаний,
Везде расцветенный надеждой,
Украшенный огоньками звезд?
Земля, для братьев моих готовая,
Где снова оживут умершие,
Там, где зазвучит родная речь,
Где ты?
Я странствую дальше, совершенно один,
Где дорога? — есть у меня вопрос.
И шлет пространство страшный мне ответ.
Твое место там, где тебя уж нет.

Когда Пол спел последние слова под аккомпанемент Тигрицы, кошка вздохнула и тихо сказала:

— Да, это о нас. Эта обезьяна Шуберт, должно быть, имела в своей сущности что-то от кошки. И этот Любек тоже. Впрочем, ты, Пол, также не лишен этих качеств...

Он некоторое время смотрел на ее стройную фигуру, вырисовывающуюся на фоне звезд, а после этого протянул руку и положил ей на плечо. Под теплым, коротким, пушистым мехом он не почувствовал никакого напряжения. Почти бессознательно, может быть, мех сам давал указания его пальцам, он начал осторожно поглаживать ее шею так, как обычно гладил Мяу.

Тигрица не шевелилась, хотя Полу показалось, что она расслабляет мускулы. До него донеслось тихое, едва слышное мурлыканье, и тут же кошка откинула голову, потерлась ухом о его руку. Когда он начал ласкать затылочную часть ее шеи, Тигрица подняла голову и, мурлыкая все громче, прикрыла глаза. Затем она отодвинулась, и на долю секунды Пол подумал, что она приказывает ему прекратить, но потом понял, что она хочет, чтобы он почесал ей подбородок. Неожиданно шелковистый палец прикоснулся в его щеке и медленно начал передвигаться по телу. Пол понял, что Тигрица ласкает его кончиком хвоста.

— Тигрица... — шепнул он.

— Да, Пол? — тихонько промурлыкала она.

Легко отталкиваясь локтями и коленями от теплого прозрачного окна, он приблизился к ней и, обняв ее худенькие пушистые плечи, почувствовал, что лапы ее нежно лежат на его плечах.

Неожиданно жалобно запищала Мяу.

— О, а она, оказывается, ревнует, — засмеялась Тигрица, потираясь щекой о щеку Пола. Пол почувствовал, как она своим острым шершавым языком касается его уха и лижет шею.

Все, что он делал до сих пор, он делал так серьезно, словно каждое движение было частью ритуала, который нужно исполнять правильно и спокойно, но теперь, обнимая это чудесное создание, эту Венеру в мехе, он осознал, что возбужден. Разные картины приходили ему в голову. Он поддался настроению, однако не потерял власти над собой. Образы наплывали со странной систематичностью, как тогда, когда Тигрица в первый раз прочитала его мысли, но на этот раз, однако, они проходили через разум настолько медленно, что он имел возможность хорошо и подробно разобраться в этом. Они слагались из мужчин, женщин и животных. Они представляли эротическую любовь, насилие, пытки и смерть — но Пол знал, что даже пытки и смерть должны только подчеркнуть интенсивность сближения, чудесное раскрытие всех тайн тела, полноту контакта между двумя существами. Эти картины должны были еще больше украсить соединение двух тел. Он попеременно видел образы и необычные символы, напоминающие прекрасные драгоценности и узорчатые ткани, словно полные значения цветные узоры стекляшек в калейдоскопе. Через некоторое время символов стало больше, чем образов: они гудели, словно большие бубны, дрожали и вибрировали, как треугольники, и у Пола возникло такое впечатление, что его окружает Вселенная, что он сам мчится во всех направлениях космоса, что на поднимающейся и опадающей волне, которая мчится

среди звезд в сторону густой темноты, он несется к своему совершенству.

Через некоторое время он выплыл из мягкого, бездонного, черного ложа, снова увидел звезды и склоненную над ним Тигрицу. В свете этих звезд он увидел ее фиолетовые зрачки-цветы, коричнево-зеленые щеки и открытый рот с красными губами и беззаботно показывающимися блестящими белыми клыками.

Тигрица декламировала:

Бедная маленькая обезьянка, ты сегодня
снова больна.

Тон неприятного разговора разогрел
твой лоб,

А может быть, приснившийся лев испугал
тебя?

Скажи!

А может быть, змей ужаса обвился вокруг
тебя?

Ты кашляешь, ты вздыхаешь, стучат
твои зубы,

Что за слова ты бормочешь в своем беспокойном
сне?

Война, пытка, ненависть, яростные бои,

Бедная, маленькая обезьянка, иди, я
успокою тебя.

Более умные и старшие, нежели ты,
создания

Тоже тяжело болели из-за отсутствия надежды,

Искали Бога, проклинали судьбу и
стены тюрьмы

И, как ты, маленькая обезьянка, когда-то,
умирали.

Ветер колышет ветвями, наступает
ночь.

Спи, маленькая обезьянка, сон забвение
дает.

— Тигрица, я начал писать этот сонет несколько лет тому назад, — сонно удивился Пол. — Но у меня было всего три строчки. Неужели...

— Нет, — ответила она шепотом. — Ты сам его закончил. Я только нашла его, он лежал во мраке твоего разума, заброшенный в угол. А теперь спи, спи, Пол...

Глава 37

Когда они доехали до перекрестка, Хантер уже не должен был принимать решения, куда ехать, так как шоссе на Муллхолланд было заблокировано тремя заляпанными грязью автомобилями. Пассажиры

вышли из них, очевидно, для того, чтобы посоветоваться, в какую сторону повернуть. Несмотря на то что они тоже были забрызганы грязью, внешне они производили впечатление богатых людей — они наверняка были из Малибу.

Ожидание, пока освободят дорогу, заняло бы много времени, а Хантер отлично понимал, что они не могут терять ни минуты, потому что с каждым мгновением неумолимо сокращалось расстояние между ними и разъяренной группой подростков, которая, зловеще сигналив, гналась за ними из Долины.

В самой середине горной цепи шоссе тянулось с километр по прямому отрезку между черными опаленными вершинами. «Корвет» и фургончик находились как раз на половине этого отрезка, когда из-за последнего поворота выскочили два переполненных спортивных автомобиля.

Времени на раздумье больше не было. Хантер дал знак Хиксону, чтобы тот обгонял его. Хиксон, помня указания Хантера, прибавил газу и поехал вперед. Перед глазами у Хантера мелькнули мрачные лица мужчин, находящихся в фургончике: Фулби, деда, Додда, Войтовича и Макхита, который сидел, держа в руках последний оставшийся у них карабин.

В машине Хантера парило молчание, полное напряжения. Анна, которая сидела между водителем и Рамой Джоан, прижалась к матери.

У Хантера перед глазами снова мелькнули лица, на этот раз лица мужчин, стоящих на дороге. Они смотрели с удивлением и упреком, словно хотели сказать, что он плохо воспитан. Проехать и даже не махнуть рукой, и это теперь, когда перед лицом всемирной катастрофы всех людей должна связывать всеобщая доброжелательность!

Хантер не желал им ничего плохого, но, однако, страстно надеялся, что они отвлекут внимание преследователей и несколько задержат безумную погоню из Долины. Когда он услышал позади себя визг тормозов и выстрел, то инстинктивно стянул губы в гримасу, которая частично выражала удовлетворение, а частично укоры совести.

Фургончик Хиксона исчез за поворотом, первым поворотом из серии крутых виражей, ведущих под гору, которые Хантер запомнил со времени их вчерашнего пути сюда. Он сморщился и прищурил глаза от зеленовато-белого света заходящего солнца, после чего начал внимательно осматривать местность.

Наконец, перед следующим поворотом он увидел то, что было нужно: скопление больших глыб камня на выступе над шоссе. Остановившись сразу за поворотом, он выскочил из машины и с пистолетом Марго начал карабкаться на скалу по крутому сочному черному склону, пока наконец не оказался на площадке с большими глыбами камня, нависшими над дорогой. Хантер прицелился и выстрелил. В первый момент его охватил страх, когда он подумал, что камни не сдвинутся и последний заряд пропадет зря, но уже через несколько секунд валуны

перевернулись, скрежеща, и обрушились на дорогу, поднимая клубы пыли.

Хантер сбежал со склона и постарался, несмотря на пыль, оценить проделанную работу, готовый даже передвинуть камни, если они недостаточно хорошо перегораживали шоссе. Но оказалось, что дорога закрыта полностью!

Сверху раздалась полная радости крики. Хантер поднял голову и увидел фургончик на прямом отрезке дороги за четвертым поворотом. Он бегом вернулся к своему автомобилю; однако прежде чем отдать пистолет Марго, бросил взгляд на шкалу — осталось еще немного заряда. Отъезжая, он услышал визг тормозов и гневные вопли преследователей.

— Они не смогут уже здесь проехать? — спросила Анна.

— Здесь уже никто не сможет проехать, любовь моя, — сказала Рама Джоан.

— Будем надеяться, — иронично произнесла Марго, которая сидела сзади. — Все в порядке, Росс?

— Да, — кивнул он. — От склона до склона. Для того чтобы проехать, наверняка нужно убирать эти камни подъемным краном.

— Но я имела в виду тех милых людей, мимо которых мы проехали на перекрестке, — возмущенно произнесла Анна.

— У них есть собственное шоссе, то, по которому они приехали! — буркнул Хантер. — Кроме того, они ведь могли повернуть и как можно скорее убраться оттуда, но, если они остались, то это только свидетельствует об их глупости!

Анна отодвинулась от него и прижалась к матери. Хантер разозлился на себя за то, что разрядил злость на ни в чем не повинном ребенке. «Брехт наверняка никогда не стал бы этого делать», — думал он.

— Профессор Хантер поступил правильно — не сомневайся, Анна, — решительно поддержала его Марго. — Мужчина прежде всего должен думать о безопасности доверившихся ему женщин.

— У богов всегда были хлопоты с магическим оружием, — ласково произнесла Рама Джоан. — Мы знаем об этом из мифологии.

Хантер, всматриваясь в извилистую дорогу, хотел было сказать им, чтобы они перестали болтать, но в самый последний момент передумал.

Прошло добрых двадцать минут, прежде чем они догнали фургончик. Хиксон дожидался их у обочины.

— Вот указатель на Вандерберг-Два, — крикнул он, указывая на табличку. — Мне кажется, что эта дорога — более короткий путь. Пусть даже через горы, раз мы уже едем туда, чтобы найти Опперли, нам необходимо воспользоваться именно этой. По ней мы прибудем на место гораздо быстрее, чем по прибрежному шоссе.

Хантер вышел из машины. Боковая дорога выглядела вполне приемлемо; во всяком случае, короткий ее отрезок перед ним был покрыт асфальтом.

Некоторое время он молчал, размышляя.

Внезапно с юго-востока над их головами промчался пронизывающий, но тихий, как вздох, звук. Не существовало еще такого словаря, чтобы перевести этот звук в слова, объясняющие, что, как раз три с половиной часа назад исчезли с поверхности Земли перешеек Ривас, дон Гильермо Уолкер, а также Хосе и Мигель Аранза.

Хантер отрицательно покачал головой и громко сказал:

— Нет! Мы поедем по шоссе через горы Санта-Моника. Мы уже были здесь вчера и знаем, в каком оно состоянии — там нет никаких осыпей и завалов, на новой дороге мы не будем знать, чего ожидать.

— Неужели? — не выдержал Хиксон. — Кстати, ты тоже некоторое время назад не хотел меня слушать, но потом все же перегородил шоссе камнями!

— Верно! — согласился Хантер. Никакой другой ответ не пришел ему в голову.

— Кроме того, — продолжал наступать Хантер, — как мне сейчас говорил Додд, нельзя забывать о приливах. Мы должны принять это во внимание, когда будем ехать по прибрежному шоссе.

— Нам ничего не грозит, если мы доедем туда до захода солнца, — яростно возразил Хантер. — Отлив должен быть в пять часов!.. Если...

— Если ничего не изменилось! — язвительно перебил его Хиксон.

— Я согласен с вами, что мы должны считаться с приливами, — согласился Хантер. Постепенно он терял самообладание. — Поэтому хватит дискутировать! Время не терпит, садимся и вперед! Я поеду первым!

Он сел за руль и поехал по горному шоссе, которое должно было вывести их на берег моря, через некоторое время Марго успокаивающе произнесла:

— Хиксон едет за нами.

— Попробовал бы он только отделиться! — рявкнул Хантер.

Уже сорок часов Странник вызывал все больше и больше приливов не только на морях, но также и в атмосфере, в которой высвобождал волны тепла, в четыре раза большие, чем нормальные, вызванные разогреванием воздуха солнцем. Кроме того, извержения вулканов и испарения воды над обширными залитыми территориями имели огромное, не встречающееся до сих пор влияние на погоду. В воздухе создавались вихри. Возникали бури. В Карибском и Южно-Китайском морях, на Целебесе и Сулу, а также в еще нескольких наиболее угрожающих областях сила ветра усиливалась, как никогда.

Трансатлантический атомный лайнер «Принц Чарльз» миновал порт Кайенн и смело плыл на юго-восток. Темные очертания мыса д'Оранж, вырисовывающиеся на фоне заходящего красного солнца, были для команды указанием, что они проходят мимо устья реки Ойяпок и приближаются к Амазонке. Капитан Ситвайз четыре раза передавал это известие капитанам-повстанцам, умоляя их, чтобы они как можно даль-

ше отплыли от суши и направили корабль в южную Атлантику. Однако те высмеяли его.

Вольф Лонер плыл по водам, к которым еще не прикоснулся ветер Странника, и в сереющем тумане искал очертания Рейс-Пойнт или Кейп-Энн. Он знал, что приближается к концу путешествия, но его удивляли разные предметы, плавающие на поверхности воды, поскольку не ожидал, что находится так близко от берега. Ему не оставалось ничего другого, как плыть дальше, внимательно осматриваясь вокруг.

Барбара взяла небольшой телескоп и вскарабкалась на крышу стоящего «роллс-ройса», откуда открывался прекрасный вид на низкий мангровый лес, тянувшийся по обеим сторонам узкой дороги, покрытой водорослями, выброшенными волнами. Уже наступили сумерки, единственный свет давал отблеск заходящего солнца, который отражался в тучах, гонимых по небу холодным юго-восточным ветром. В течение последних двадцати минут погода резко изменилась.

Эстер выглянула в окно и сказала громким шепотом:

— Перестаньте топтать, мисс Барбара, и позвольте отдохнуть старому ККК. Бедняга едва жив.

Елена, присев на корточки рядом с автомобилем, подавала Бенджи инструменты — негр лежал под машиной, пытаясь вытащить длинный кусокистой проволоки, которая обвилась вокруг оси заднего колеса, о чем они догадались только тогда, когда колесо было полностью заблокировано.

Бенджи выполз из-под автомобиля и присел рядом с Еленой. Он положил голову на руки и, тяжело дыша, сказал:

— Пожалуй, я ничего не смогу сделать, — сказал он. — У меня нет ножниц, а эта проволока дьявольски крепкая. Она обвилась вокруг колеса раз двести!

Барбара, которая, стоя на крыше, изучала местность, старалась удержать равновесие на ветру, не изменяя положения. Она и так считала чудом, что Бенджи вообще смог запустить залитый водой автомобиль, а потом целый час вести его по скользкой, мокрой, опасной дороге на север, прежде чем начались эти новые хлопоты.

— Постарайся, Бенджи, — резко поторопила его Эстер. — Это самая низко расположенная местность из всех, по которым мы проезжали, и в случае следующего наводнения, даже если мы вскарабкаемся на эти кривые деревья, от нас ничего не останется.

— Эстер, я правда ничего не могу сделать, — ответил Бенджи. — Это работа минимум на два-три часа.

— Слушайте! — неожиданно крикнула Барбара. — Там дальше, у дороги, в неполных двух километрах отсюда, на вершине дерева виден какой-то белый треугольник. Нам надо ехать туда!

— И что же мы будем делать у этого белого треугольника? — усмехнулась Эстер.

— Бенджи, ты мог бы соорудить какие-нибудь носилки для мистера Кеттеринга? — спросила Барбара. — Или нести его километра два?

— Почему бы нет? — буркнул негр. — Это единственное, чего я сегодня еще не делал.

Багонг Бунг, по икры погруженный в жидкий, воняющий рыбой ил, упорно копал короткой лопатой, через определенные промежутки времени откладывая в сторону лопату и руками начиная перебирать ил, и, как только ему попадался какой-нибудь маленький грязный предмет, он прятал его, не рассматривая, в полотняный мешок и снова принимался копать. На его ногах виднелись рубцы, оставленные медузами, левая рука опухла от укуса какого-то головоногого моллюска. Однако он не обращал внимания на боль, хотя иногда посвящал какое-то время тому, чтобы безжалостно раздавить лопатой грозно выглядящего червяка или отпихнуть зеленого краба.

Он копал почти до самой середины остроконечного ромба тридцатиметровой длины и шестиметровой ширины, границы которого обозначали торчащие кое-где черные, сгнившие доски, поросшие раковинами и кораллами. Может быть, это и не были останки «Лобо де Оро», но это наверняка были останки какого-то старого корабля.

В неполных двадцати метрах от него стоял Холбер-Хумс, склонившийся над надувной ярко-оранжевой лодкой, которая была уже почти до половины надута воздухом с помощью велосипедного насоса.

В двадцати метрах от Холбер-Хумса на боку лежал «Мачан Лумпур», жалко показывая проржавевшее, покрытое водорослями днище.

Солнце, которое недавно взошло, через какие-то промежутки времени бросало на осушенный отливом Тонкийский залив гротескно удлинённые тени двух мужчин и небольшой шхуны. Солнце освещало исчезающий на западе Странник, диск которого как раз представлял собой голову быка «Бесар сапи», или «большую корову», как это образно сформулировал Багонг Бунг.

Перистые облака мчались на север со сверхъестественной скоростью, гонимые ветром, который свистел, ударяясь о перевернутый «Тигр Болот». Неожиданный порыв застал Холбер-Хумса врасплох — мужчина зашатался и поскользнулся на жидком иле.

Багонг Бунг перестал копать, оперся локтями о колени и с трудом начал хватать ртом воздух.

— Лекас, лекас! — сказал он через мгновение самому себе с укором в голосе и снова принялся копать. Он вытянул лопатой съеденный водой кусок кованого железа, который когда-то мог быть угловой накладкой сундука, и это принудило его удвоить усилия.

— Перестань искать сокровища, брат, и принеси с корабля немного жратвы и свежей воды, — крикнул ему Холбер-Хумс, — или помоги

мне накачать лодку! Черт бы все это побрал! Вскоре придет огромный прилив — ветер ускорит его приход, — и тогда нам не помогут никакие золотые волки и даже платиновые динго.

Но единственным ответом было:

— Лекас, лекас!

Маленький малаец копал и обыскивал ил и песок, высокий австралиец качал воздух, а тем временем тяжелые тучи накапливались между Землей и недавно зашедшим Странником, ветер свистел все громче.

— Вон там! — закричала Барбара, перекрывая вой ветра.

Молния, свет которой осветил верхние ветви манговых деревьев, раскачивающиеся на фоне темных мчащихся туч, осветила белый треугольник носа парусника, который застрял в кронах двух деревьев, растущих близко друг к другу.

Барбара переложила тяжелый термос в левую руку, в правую взяла большой фонарь, включила его и подошла к деревьям, над которыми торчал нос лодки. Она увидела киль, зажатый между ветками, находящимися ниже.

Бенджи положил на шоссе завернутого в одеяло ККК.

Эстер и Елена хлопотали возле старика. Запыхавшийся Бенджи подошел к Барбаре:

— Осветите... корпус, — попросил он с усилием.

Они пробрались через низкий подлесок, и Барбара направила фонарик сначала на одну сторону килля, а потом на другую. Она прочитала название лодки «Альбатрос».

— Дыр не видно, — через мгновение заявил Бенджи. — Но наверняка у него сломана мачта, потому что мы бы ее заметили. Наверное, лодку принесло сюда по волнам. Не знаю, не слишком ли крепко сидит она между деревьями. Посмотрим, посмотрим. Я могу вскарабкаться по ветвям, а вас втянуть веревкой, — он прикоснулся рукой к мотку, висящему у него на шее.

Когда ветер немного успокоился, Бенджи сложил руки рупором и крикнул:

— Эй, там! Есть кто на борту?

Ветер снова начал завывать.

— Пожалуй, я слышу плач. Он отличается от звука ветра, — произнес Бенджи.

— Я тоже, — кивнула Барбара, стуча зубами. Она говорила себе, что это только от холода. Направив фонарик вверх, она от неожиданности закричала: — О, боже! — и схватила Бенджи за руку.

Луч фонарика осветил склонившееся над бортом белое искаженное испугом личико с широко раскрытым ртом.

— Это ребенок! — крикнул Бенджи.

— Бенджи, в случае чего, хватай его, — приказала ему Барбара.

— Но он же совсем маленький! — крикнула Елена, которая подошла к ним. Она помахала рукой маленькому заплаканному личику. — Сиди там, малыш. Не выпади. Сейчас мы к тебе придем!

Салли и Джейк прищурили глаза и отступили перед сильным потоком воздуха от больших лопастей, которые трепали их одежду и развевали во все стороны пламя сухого топлива, зажженного в миске как сигнал SOS.

Снаружи царил мрак, однако воздух был бодрящим, а золотисто-фиолетовые лучи восходящего Странника с мордой динозавра на диске мигали на черных волнах, которые почти достигали террасы, иногда даже заливая ее, несмотря на то что порывы ветра от вращающихся винтов сталкивали их в противоположную сторону.

Большой вертолет заслонял серое небо над головой, и лопасти его пропеллера рисовали в воздухе темные круги.

Из вертолета опустили белую веревочную лестницу, и зычный голос крикнул:

— Я могу забрать только одного человека!

— Джейк схватился за лестницу одной рукой, другую руку протянул Салли, но когда девушка сделала шаг вперед, то нечаянно перевернула стоящую перед ней миску, в которой был разожжен огонь, — горячее топливо зашипело, столкнувшись с водой, и полыхнуло большим ослепляющим огнем, который вынудил Салли отступить. Огонь сразу погас, но лестница уже тянула Джейка вверх. Он обернулся и двумя руками схватился за самую низкую ступеньку. Его ноги прикоснулись к террасе. В следующий миг он отпустил лестницу и упал рядом с перилами, у которых клубились небольшие волны.

Вертолет резко снизился. Волны убегали от лопастей, которые почти касались воды. Лестница упала с вертолета и теперь плавала в воде, словно скелет огромной многоножки.

Вертолет поднялся вверх и, не медля, улетел на север.

Джейк с трудом встал и посмотрел на исчезающий вдали огонек. Салли стояла возле него.

— Почему ты прыгнул, Джейк?

— Я боялся, что поломаю ноги о перила, — сказал он. — Это было сильнее меня.

Девушка прижалась к нему.

Глава 38

Когда «корвет» медленно съезжал с предпоследней горы, приближаясь к прибрежному шоссе, изумрудное солнце, заходящее за горизонт, все еще светило довольно ярко, так что можно было видеть пляж — как старый, так и новый, который тянулся, пожалуй, километра на два,

до самой линии спокойного моря. Хантер показал на море и улыбнулся. Ему захотелось обернуться к Хиксону и закричать во все горло:

— Что я говорил! Я оказался прав, что будет большой отлив! Ты только посмотри!

— Смотри, мамочка! — произнесла Анна, невольно обрывая мысли Хантера. — На дороге растет виноград.

Хантер понимал, что этого не может быть, наверняка это какая-то ветка, занесенная на дорогу вчерашним вихрем. Когда они проехали горы и начали движение по прибрежному шоссе, машину сразу же стало вести в сторону. Однако Хантер сумел справиться с этим и слегка притормозил. Он сделал это почти инстинктивно, потому что так же, как и все остальные, онемев, смотрел на то, что предстало перед его глазами. Куда ни кинь взгляд, повсюду расстилалось морское дно, правда, воды не было — очевидно, большой прилив отошел, обнажив землю с кучей оставшихся водорослей и сдохшей рыбы. Вечер был безветренным, и, если бы не звук двух работающих автомашин, вокруг царил бы идеальная тишина.

— Я не помню этого разбитого домика, — с раздумьем произнесла Рама Джоан, указывая на остатки пляжного двухэтажного дома, заброшенного водой к самому шоссе.

— А я не помню этого старого судна, — умехнулся Хантер, показывая на поле.

— Посмотрите! Чайки что-то клюют вон там, на холме! — закричала Анна. — О, их так много.

Хантера охватил ужас — окружающий пейзаж постепенно обещал превратиться в кошмар. Его разум отказывался подчиниться, словно не хотел принимать к сведению столь очевидного факта. Сзади Хиксон нажимал на клаксон. Неужели этот глупец хочет его обогнать? Раз, два, три, четыре, четыре? Четыре сигнала что-то означают, но что? Хантер никак не мог вспомнить...

Марго тронула его за плечо и крикнула, чтобы он остановился. Хантер пришел в себя и очень осторожно нажал на тормоз. Сначала автомобиль почти совсем не замедлил ход, потом, вращаясь вокруг своей оси, несмотря на то что Хантер пытался управлять им, остановился. Остановился, поскольку колеса толкали перед собой кучи ила, который прикрывал шоссе гладким слоем, толщиной в три или даже больше сантиметров.

У Хантера перед глазами теперь была дорога, по которой они только что проехали, просто потому, что автомобиль повернулся на сто восемьдесят градусов. В двадцати метрах перед собой он увидел фургончик, зеленый в свете последних лучей солнца. Уцепившиеся в руль руки тряслись, сердце билось, словно молот.

Наконец Рама Джоан облекла в слова ужасающий в своей очевидности факт.

— Пожалуй, нам надо торопиться...

Дальше Хантер уже не мог ее слушать: он внезапно осознал, что через несколько часов начнется новый прилив, возможно, даже больший, чем этот. А был он, по всей видимости, ужасным, если смог добраться до первой гряды холмов — на высоту не менее нескольких десятков метров. Хиксон, Додд, Войтович и Макхит вышли из фургончика и направились к нему. Они выглядели странно, поскольку передвигались на деревянно-выпрямленных ногах с отведенными от тела локтями.

Хиксон и Додд остановились рядом с ним, остальные прошли немного дальше.

— Это... — начал Додд, глядя на море, но у него явно не хватало слов, чтобы выразить то, что было у него на уме.

Исчез последний краешек зеленого солнца, но небо оставалось зеленым — на западе светлое, словно прозрачные волны, на востоке — темное, словно лес.

Хантер лихорадочно обдумывал дальнейший план действий. Войтович и Макхит вернулись. Брюки у Гарри были мокрыми, а на сапогах — большие куски грязи.

— Там мы не сможем проехать, — заявил он весело. — Слои ила становятся толще.

Войтович энергично кивнул.

— Гарри ходил значительно дальше, — сказал он. — И только посмотрите на него.

— Это все вода вынесла только за время трех приливов, — сказал Додд и недоверчиво покачал головой. — Невероятно!

— Похоже, что у нас нет выбора, — заявил Хантер. — Мы должны вернуться и ехать по той дороге, на которой была табличка «В Вандерберг». Ты был прав, — добавил он, посмотрев на Хиксона.

Тот кивнул и стукнул носком ботинка по скатам «корвета».

— Пожалуй, мне удастся вас вытащить, — сказал он. — У меня есть буксировочный трос, да и слой грязи у фургончика меньше и она почти сухая. Колеса не должны буксовать. В случае чего, у меня есть цепи.

— Это хорошо, — заметил тут же Додд, — но не забывайте о банде малолетних преступников из Долины!

Хиксон пожал плечами.

— Мы должны рискнуть. У нас осталась только эта дорога. Будем надеяться, что скальный затор Росса их остановил и направил в Малибу. Я принесу трос.

— До Вандерберга только шесть километров, — сказала Хантеру Марго. — Почему бы нам не отправиться пешком? Даже если всю дорогу мы будем брести по грязи, это заняло бы у нас максимум несколько часов.

— Не говори глупостей, — буркнул Хантер. — Через несколько часов шоссе будет под водой. Даже в том месте, где мы стоим, вода будет достигать высоты метров в двадцать или больше.

— Об этом я как-то не подумала, — устало вздохнула девушка. — Жаль, что... — начала она, но не закончила.

— Тебя уже не забавляет самостоятельность и эта прекрасная новая действительность? — саркастически спросил Хантер, перебивая ее.

— Ты прав, Росс, — призналась Марго. — Меня это уже совершенно не забавляет.

— Если бы мы пошли пешком, — вмешался Додд, — то вынуждены были бы нести Ханкса. Ему становится все хуже, Росс. Я дал ему столько барбитуратов, сколько считал безопасным. Он заснул, когда мы остановились, но, как только мы отправимся в путь, он наверняка снова проснется, ему очень больно.

Дед, хромая, приблизился к ним.

— Прошу прощения, господа, — сказал он, обращаясь ко всем собравшимся. Повернувшись к Хантеру, он сказал: — Я уже больше не выдержу в этом фургончике, я не могу там даже распрямить кости.

У Хантера уже вертелся на языке резкий ответ, но Ида опередила его:

— Я могу поменяться с вами местами. Вам тогда придется заботиться о больном. Согласны?

Старик промычал что-то нечленораздельное.

Хиксон бросил им конец троса.

— Прикрепи его спереди, — сказал он Хантеру. — Сможешь?

— Это сделаю я, — сказал Войтович, хватая трос.

— Пожалуй, у вас кончается бензин, — заметил Додд.

— Да, сэр, — ответила ему Анна, которая стояла рядом с Рамой. — Я наблюдала за стрелкой. Она была на нуле.

— Я сейчас принесу запасную канистру, — кивнул Додд.

Хантер почувствовал себя взбешенным. Все самостоятельно принимали решения! Брехт в подобных обстоятельствах сказал бы что-то смешное, но он не был Брехтом. Росс посмотрел на Марго, смотрящую на далекое море, и почувствовал, что гнев перерастает в желание.

Салли и Джейк закутались в одеяла и для большей безопасности оперлись локтями о низкое ограждение крыши. В неполном метре под ними небольшие волны сверкали в свете Странника, диск которого выглядел сейчас, как игольное ушко. Джейк дал собственные названия разным видам планеты, и «свернувшуюся змею» на диске называл «когтистой лапой», а «треснувшее яйцо» — «небесной лепешкой».

— А мы думали, что нам удастся написать об этом пьесу, — тихо вздохнула Салли.

— Да, — прошептал Джейк. — Это был бы фантастический спектакль. Но тогда мы сидели в квартире...

Салли посмотрела на черную воду над Манхэттеном и на некоторые немногочисленные небоскребы, кое-где торчащие из воды.

— Посмотри, в некоторых окнах еще горит свет, — сказала она.

— Наверное, на чердаке у них собственные генераторы, — предположил Джейк. — А может быть, аккумуляторы.

— Как ты думаешь, что там за здание? Синчер Билдинг или Ирвинг Трест?

— Какая разница?

— Я хочу все точно запомнить... и, если это уже конец, то, по крайней мере, знать сейчас.

— Оставь. Посмотри, у меня есть бутылка «Наполеона». Хочешь глоток?

— Ты очень милый, — сказала она, легко прикасаясь к его холодной руке. У нее самой руки были не намного теплее. Через мгновение она тихо начала напевать, словно боялась, что может своим пением испугать поднимающуюся все выше воду:

Я девушка в Ноевом Ковчеге,
Ты же мой король, потерпевший крушение,
Ну так что ж,
Наша любовь меньше, чем зернышко мака,
Тоньше, чем волосок норки...
Но ты все же остался со мной и дал мне
коньяку,
Мы любим друг друга, и все тут!

Ричард Хиллери и Вера Карлсдайлъ лежали на свежем сене на определенном расстоянии друг от друга — сено они взяли из небольшого стога, который стоял на более высоком месте холмов Мальверн. «Вчера была солома, — думал Ричард, не в силах заснуть, — а сегодня уже сено. Солома — сухая и колкая, как сама смерть, сено — кисло-сладкое, как жизнь».

С запада на них посматривал Странник, диск которого снова представлял собой раздутый «Х». Эта планета стала им так же хорошо знакома, словно это был циферблат часов. Примерно с час тому назад Вера сказала:

— Смотри, двадцать пять минут после «Д». — Ричард недоуменно посмотрел на нее, и девушка, рассмеявшись, объяснила, что она имела в виду.

Вечер был теплым. С юго-востока был теплый ветер — странный, необычный, возбуждающий ветер.

Казалось бы, что вид огромного водяного вала из Северна, заливающего долину, и его рев, похожий на грохот при срыве восьмой печати в Апокалипсисе, может совершенно притупить у человека чувства. Но как Ричард только что убедился — чувства действуют по совершенно иному принципу. Даже наиболее невероятные явления обостряют их и побуждают к деятельности.

А может быть, это все из-за того, что они устали и измучились? Может быть, они не могут заснуть именно поэтому?

В пути Вера рассказала Ричарду о себе. Во время второго прилива ее спасли с крыши лондонского офиса, в котором она работала машинисткой, и, когда Ричард маршировал по болотистой равнине, когда его время от времени подвозили попутные машины, она сидела в небольшой моторной лодке, которая плыла в сторону долины Северн по залитой водой местности. Однако возле Дирхаста водяной вал разбил лодку и, как она подозревала, спаслась только одна.

Несколько позже Ричард попросил ее, чтобы она рассказала ему это более подробно, но она отказалась, объясняя это тем, что она очень устала. В течение некоторого времени она слушала радио, передававшее одни помехи.

— Выбрось это! — наконец не выдержал Ричард.

Она не послушалась, но все же выключила радио. И теперь, лежа на сене, она повторяла:

— Не могу заснуть... я уже больше никогда не смогу уснуть. У меня в голове все кружится и кружится...

Ричард повернулся, осторожно обнял ее, но неожиданно заколебался.

— Ну, чего ты ждешь? — спросила она, смотря на него со странно горькой улыбкой. — А может быть, у тебя есть снотворное?

Ричард немного подумал, после чего ответил торжественным тоном:

— Даже если бы и было, я все равно не отказался бы от тебя.

Вера фыркнула от смеха.

— Ты такой серьезный, — сказала она. Он прижал ее к себе и поцеловал.

— Вера... — шепнул Ричард и снова поцеловал девушку в губы. — Я буду называть тебя Вероникой... нет, лучше... Веронал...

Она снова засмеялась, и Ричард подумал, что она смеется над ним, а не над его остротой. Но тут почувствовал, что она робко ответила на его поцелуй. Он сжал ее сильнее и тут же почувствовал, как пальцы Веры впились в его спину.

— Ну... чего ты ждешь? — шепнула она ему на ухо. — Я прекрасное снотворное.

Сначала Барбара была недовольна, что единственная каюта на «Альбатросе» такая низкая и узкая. Однако постепенно она начала оценивать ее достоинства, поскольку каждый раз, когда лодка начинала раскачиваться или сильно наклоняться, можно было за что-то схватиться. Она чувствовала себя значительно уверенней под этой слегка выгнутой, низкой крышей, особенно тогда, когда ее заливала очередная бушующая, гневная волна.

В каюте царил египетский мрак, и только время от времени, когда, например, Барбара включала фонарик или когда через четыре маленьких иллюминатора попадал свет молнии, внутри становилось немного светлее.

Старый ККК лежал, привязанный одеялами к небольшой койке. Рядом с ним сидела Эстер, держа на руках найденного ребенка. Елена, которую тошнило, лежала, постанывая, на соседней койке. Барбара села в ногах старого ККК, напротив Эстер. Через определенные промежутки времени она засовывала руку в отверстие в полу, проверяя, не протекает ли обшивка «Альбатроса». Пока все было в порядке.

Вода залила бы яхту, если бы первая мчавшаяся волна не освободила ее от сплетения черных ветвей мангровых деревьев. Потом высокое дерево чуть не перевернуло парусник. Однако путешествие было не так уж неприятно до тех пор, пока не разбушевались огромные волны, которые вынудили всех, кроме Бенджи, отправиться в каюту под палубой.

После длительного молчания, когда был слышен только плач ребенка, скрип досок, плеск волн и вой ветра, Барбара спросила:

— Как себя чувствует мистер Кеттеринг, Эстер?

— Он уже отмучился, мисс Барбара, — прошептала негритянка. — Тихо, маленький, не плачь, я ведь давала тебе недавно молочка из банки.

Короткое время Барбара думала о том, что узнала от Эстер, после чего снова обратилась к ней:

— Давай завернем его во что-нибудь и положим там, у стены, там как раз хватает места. Тогда ты смогла бы лечь на койку.

— Нет, мисс Барбара, — покачала головой Эстер. — Я не хочу, чтобы у старого ККК снова лопнула бедренная кость или чтобы с ним произошло что-то другое. Сейчас он в хорошем состоянии, разве что только мертвый. И если он будет лежать на койке, то, может, будет спокойно думать, что с ним все в порядке. Мы сможем доказать, что заботились о нем так хорошо, как могли.

— О, боже! Труп в каюте! — закричала Елена, вскакивая с койки. — Я сейчас же ухожу отсюда!

— Ложись, идиотка! — приказала Эстер. — Задержите ее, мисс Барбара!

Однако этого не потребовалось, поскольку девушку опять одолела тошнота.

Минутой позже волны стали слабее. Вода перестала заливать крышу каюты.

— Я отнесу Бенджи кофе, — сказала Барбара.

— Не ходите туда, мисс, — тут же отозвалась Эстер.

— Нет, я пойду!

Когда Барбара осторожно открыла маленький люк в задней части каюты и высунула голову, то первым, кого она увидела, был Бенджи, который, широко расставив ноги, стоял на коленях у руля. Тучи немного рассеялись, и на небе светил Странник, на котором четко проступала голова быка.

Барбара выползла из каюты. Со стороны носа яхты дул ветер, однако он не был слишком сильным, поэтому девушка закрыла за собой люк и подползла к негру.

Бенджи выпил кофе из маленького термоса, который она протянула ему, и поблагодарил ее кивком.

Она посмотрела на корму яхты и увидела огромные волны.

— Я думала, что вода успокоилась! — закричала она, пытаясь перекричать вой ветра.

Бенджи указал головой на нос парусника.

— Я нашел матрац! — крикнул он. — Я прикрепил его тросом к носу и бросил в воду! Благодаря этому лодка постоянно повернута носом к ветру и волне.

Барбара вспомнила профессиональное название такого устройства — дрейф-якорь.

— Как ты считаешь, Бенджи, где мы? — спросила она.

Смех молодого человека был заглушен воем ветра.

— Не знаю, мисс Барбара, может быть, в Атлантике, а может быть, в Мексиканском заливе. Не имею никакого понятия! Но, во всяком случае, мы еще на поверхности!

Салли и Джейк сползли с крыши. Они все еще дрожали от холода. Волны за поручнями опали так быстро, что скорость их убывания была видна невооруженным глазом.

Салли заглянула в салон, освещенный Странником, диск которого представлял сейчас собой морду неизвестного хищника.

— Что за балаган! — возмутилась она, показывая это Джейку. — Вся мебель перевернута! Фортепиано лежит на боку! Черный ковер заляпан грязью, а портьеры обвисли, как в мертвецкой! Давай что-нибудь быстро разломаем и разведем огонь. Мне ужасно холодно.

Глава 39

Символ инь-янь в девятый раз появился на диске Странника. Уже два дня и две ночи Странник мучил Землю, вызывая пожары, наводнения, подземные толчки, а теперь и бури. Багонг Бунг отбросил лопату, схватил грязный мешок и прыгнул в оранжевый плотик, который качался на вспененной волне. Холбер-Хумс придержал его за плечо. Четыре капитана атомохода «Принц Чарльз», испуганные бурей, которая, воя, словно десять тысяч невидимых пикировщиков, неслась с востока, и высокими волнами, которые, словно черные соединения гранатеров, подплывали, гонимые этим вихрем, с точки зрения безопасности направили большой трансатлантический лайнер в одно из многочисленных устьев Амазонки. Несмотря на дрейф-якорь, волны снова начали заливать «Альбатрос», но Барбара не хотела спускаться в каюту.

Время от времени холодные порывы покрывали рябью воду в небольших лужах на террасе, поэтому Салли и Джейк спрятались в залитом водой салоне. На яхте «Спокойная» Вольф Лонер увидел в свете фонаря, висящего на верхушке мачты, два тела, плавающие на поверхности воды среди досок и балок.

Машина Хантера и фургончик Хиксона с включенными фарами осторожно ехали по шоссе через горы Санта-Моника, время от времени проезжая мимо знаков, указывающих дорогу к Вандербергу. Уже два раза теснящиеся на сиденьях пассажиры были вынуждены выходить из машин, чтобы убирать с дороги камни и гравий, потому что осыпи были слишком незначительны и на них не стоило тратить остатки заряда в пистолете Марго. Водители все время были настороже — в любое время в резком свете фар могла вынырнуть новая осыпь. На задних колесах фургона ритмично позвякивали цепи.

Так удачно получилось, что восточный ветер с гор, который дул им в спину, был теплым, потому что все, кроме Хиксона и старика-водителя, сидели в открытом фургончике, уставшие и замерзшие.

Единственным звуком, кроме ворчания моторов и стука колес, было тихое, мерное шипение вдали.

Странник взошел через два часа после захода Солнца и теперь сопровождал их в пути, поднимаясь на безоблачном сером небе над восточным горным хребтом. Его теплый золотистый свет создавал обманчивое впечатление, что эта планета является источником дружеского ветра. Странник уже не был таким круглым, как раньше, но напоминал несколько растрепанный круг, как Луна через два дня после полнолуния. Узкий черный рожок заслонял край фиолетовой плоскости на диске с символом инь-янь, когда Странник, копируя движения уничтоженной им Луны, вращался на восток вокруг Земли, а, точнее говоря, вокруг точки между собой и Землей. Трофейное кольцо из лунных остатков, которое опоясывало экватор планеты, сверкало и мерцало, словно развевающаяся шаль, расшитая бриллиантами.

Дорога плавно поднималась вверх к широкому перевалу, песчаные склоны которого заканчивались плоским каменным хребтом. Когда они добрались до вершины перевала, Хантер съехал на правую обочину, просигналил четыре раза, выключил фары и заглушил мотор. Фургончик съехал на левую обочину, остановился параллельно с ними, и Хиксон тоже выключил фары.

Большинство пассажиров, по крайней мере, раз в жизни видели с вершины горы или с самолета туман либо низкий слой туч, через которые пробиваются одинокие вершины, и удивлялись, что он такой плоский и обширный — настоящий океан туч. Теперь на секунду, а может быть, и на две, их охватило обманчивое впечатление, что они снова видят такой ландшафт, только при свете Странника.

Этот иллюзорный ночной океан туч начинался в пятидесяти метрах от них и в каких-то двадцати метрах ниже и тянулся вдоль гор с самого западного горизонта. Посреди был только один остров, низкий и плоский, но такой большой, что выходил даже за северные края темных склонов, а дальше исчезал из поля зрения. На этом острове кое-где горели красные и белые огоньки, а свет Странника освещал два скопления низких светлых зданий. Через мгновение они услышали тихое гудение и увидели снижающиеся с юга красные и зеленые огни — это маленький самолетик садился на острове. Полукилометровый пролив отделял этот остров от суши.

Неожиданно наваждение исчезло, и каждый из присутствующих осознал, что это вовсе не океан туч простирается перед ними, а океан соленой воды. Что они видят не туман, а воду, волны которой ритмично ударяются о подножия гор и заливают шоссе в пятидесяти метрах от них. Что остров — это Вандерберг-Два, а вода в проливе, помимо всего иного, отрезала прибрежное шоссе в том месте, где оно сворачивало в глубь суши в сторону Командования Лунного Проекта, местопребывания Мортон Опперли, майора Буфорда Хамфрейса, а также Пола Хегболта и Дональда Мерриама, хотя этих двоих сейчас здесь и не было.

Хантер, который сидел за рулем «корвета», почувствовал, что кто-то кладет ему руку на плечо и через мгновение впивается ногтями в кожу. Он прикрыл эту руку своей ладонью, повернул голову и посмотрел на Марго, на ее прямые светлые волосы, большой рот, запавшие щеки и смотрящие на него темные глаза. Не убирая руки, он крикнул Хиксону, сидевшему в фургончике:

— Разобьем здесь лагерь! А когда сойдет вода, двинем в Вандерберг!

Дон Мерриам посмотрел вверх на видимый через шахту лифта кусочек неба, на котором гармонично клубились красно-черные тучи. У него создалось впечатление, что цвет этих туч подобран так, чтобы подходить к цвету меха его проводника, который молча стоял рядом.

Кусочек неба увеличивался, сначала медленно, а потом все быстрее, пока неожиданно лифт не остановился.

Ничего не изменилось. Падающая колонна лунных камней продолжала возвышаться над окружающим ландшафтом — серая башня, высотой больше, чем Эверест. Дальше — большие абстрактные пластиковые глыбы поднимались, словно армия изваяний. Висящие в воздухе серебряные поручни окружали шахту.

Неожиданно Дон заметил, что рядом с Бабой-Ягой находится только одна летающая тарелка с фиолетово-желтым знаком инь-янь. Сейчас космический корабль сверкал так, словно был только что заново отполирован. Вместо лесенки под люком висела короткая, но широкая металлическая труба, раздвигающаяся, словно телескоп.

За Бабой-Ягой стоял советский космический корабль, который тоже казался свежееотполированным и к которому тоже была присоединена

раздвижная металлическая труба, торчащая из-под люка, расположенного у носа корабля.

Кошачье существо легко прикоснулось к плечу Дона и сказало со странным чужим акцентом:

— Мы забираем тебя к другу с Земли. Мы произвели осмотр твоего корабля и снабдили его топливом, но сначала ты должен поехать со мной на моей машине. Ты пересядешь в космосе. Ничего не бойся.

Пол неожиданно проснулся, вырванный из сна Тигрицей, которая рычала:

— Вставай, обезьяна! Одевайся! У нас гости!

Перепуганный Пол отпрыгнул от окна, у которого спал, и некоторое время беспомощно плавал при нулевой гравитации, пытаясь проснуться.

Внутреннее солнце снова светлело, окна снова были розовыми и вместе с цветами создавали теплочно-будуарное настроение.

Тигрица поспешно вытаскивала какие-то вещи через дверцы в Камере Отходов и бросала их в сторону Пола.

— Одевайся, обезьяна!

Одна из вещей зацепилась за ее когти, кошка с бешенством оторвала ее и швырнула в его сторону.

Пол совершенно инстинктивно и без малейшего труда перехватывал вещи, потому что кошка бросала исключительно метко. Это была его одежда, свежестиранная, пахнущая как-то особенно приятно и вдобавок выглаженная, хотя у брюк и не было стрелок. Неловко держа все это в руках, он сказал охрипшим, заспанным голосом:

— Но, Тигрица...

— Я помогу тебе, ты, глупая обезьянка!

Она быстро подплыла к нему, схватила рубашку и начала запихивать его ноги в ее рукава.

— Тигрица, что случилось? — спросил он, даже не пытаясь ей помочь. — После того, что произошло сегодня ночью...

— Не смей напоминать мне об этой ночи! Не смей!!! — рявкнула она. Рубашка разорвалась пополам. Тигрица схватила следующую часть одежды, как оказалось — плащ, и снова начала запихивать его ногу в рукав.

— Ты ведешь себя так, словно злишься и стыдишься того, что произошло, — сказал он, не обращая внимания на ее лихорадочные усилия.

Тигрица застыла. Они висели в воздухе, но кошка неожиданно схватила Пола за плечи и с яростью посмотрела ему в глаза своими фиолетовыми зрачками.

— А чего же мне стыдиться? — крикнула она, а потом холодно спросила: — А ты онанировал когда-нибудь животное более низкого вида?

Пол уставился на нее, онемев, чувствуя, как у него напрягаются мышцы.

— Не будь младенцем! — рявкнула она опять с раздражением. — На вашей планете это в порядке вещей! Тем или иным образом вы доводите быков или жеребцов до семяизвержения, чтобы добыть семя для искусственного оплодотворения.

— Так, значит, то, что произошло между нами, не имело ничего общего с любовью? — тихо спросил он.

Тигрица зашипела, как земная кошка, и резко сказала:

— Из настоящего моего любовного объятия ты не вынес бы целыми жалкие человеческие половые органы! Я сделала глупость, мне было скучно и так жаль тебя. Понял?

Неожиданно Пол отчетливо понял, что у этих сверхсуществ, как и у людей, могут быть невроты, минуты слабости. Они могут делать то, что им не нравится, скучать, растрачивая попусту время и чувства. Он понял, насколько он должен был чувствовать себя одиноким и несчастным, чтобы заниматься любовью с кошкой, воображая, что это девушка, чтобы думать о Мяу, как о партнерше, которая возбуждает в нем желание...

Но тут Тигрица ударила его лапой и рявкнула:

— Опустись с облаков, обезьяна! Одевайся!

Пол только начал понимать Тигрицу, когда неожиданно ее резкие слова все испортили. Однако он не дал ей понять этого, и продолжал тихо и спокойно спрашивать:

— Значит, сегодняшняя ночь ничего для тебя не значит? Ты просто хотела быть «милой» для беззащитной зверушки?

— Я сделала это главным образом от скуки и жалости, — решительно ответила она.

— Только? — настаивал он.

Тигрица опустила свои большие глаза.

— Не знаю, Пол. Просто не знаю, — произнесла она приглушенным голосом и снова схватила плащ.

— Одевайся, — прошипела она через мгновение и с раздражением прыгнула к пульту управления. — Поспеши! Наш гость сейчас будет здесь!

Пол не послушался. Несмотря на огорчение, он почувствовал злорадное желание отплатить ей ее же монетой. Он медленно вынул ногу из рукава плаща.

— Насколько я понимаю, — медленно начал он, — все началось с того, что я отнесся к тебе, как к домашней кошке... я начал почесывать тебя за ухом, гладил твой мех, и тебе это доставляло удовольствие...

Розовый пол неожиданно подпрыгнул, и Пол стукнулся о него спиной.

— Я включила такую гравитацию, к какой ты привык у себя на Земле! Поэтому быстро одевайся! — крикнула она. — Если бы знала, что значит пребывать в обществе того, у кого отвратительное лысое тело, несравненно более низкая разумность, при этом еще нужно постоянно мучить горло, издавая кретинские звуки...

Пол наконец начал одеваться: медленно, не спеша он нашел плавки и брюки и положил их на полу. Одновременно он думал, как бы ему допечь Тигрицу, — он хотел отомстить ей, все равно как. И скоро такой способ нашелся.

— Тигрица, ты бахвалишься тем, что никогда не ошибаешься, — сказал он медленно. Он не мог привыкнуть к тяжести своего тела, хотя ему было очень удобно сидеть так на розово-фиолетовом полу, натягивая плавки и брюки. — Я ничего не могу сказать, твой разум работает значительно быстрее моего. И у тебя наверняка эйдетическая память — ты помнишь все, что происходило вокруг тебя. Однако, когда вчера я вспоминал о четырех звездных фотографиях, которые я видел собственными глазами (только теперь я понимаю, что они представляли планету, безуспешно пытающуюся выйти из подпространства), то ты заверила меня, что были только два поля деформации, одно рядом с Плутоном, а другое — у Венеры. Но ты ошибаешься: были четыре поля, что должно означать еще две неудачные попытки выхода из подпространства.

Пол неожиданно почувствовал, что Тигрица пытается проникнуть в его мозг, чтобы проверить, не лжет ли он. Несмотря на это, он продолжал:

— Поля, о которых ты не знала, были четко видны на второй и на четвертой фотографиях. Они находились около Юпитера и Луны.

Ответ Тигрицы поразил его.

— Ты прав, — коротко сказала она. — Я должна немедленно соединиться со Странником. Это может быть... именно то, чего мы опасемся.

Она резко повернулась к пульту управления. Сейчас, в условиях нормальной гравитации, она стояла на задних лапах.

— Ты должен сейчас поздороваться с нашим гостем, — сказала она, поворачивая голову лишь на мгновение.

Напротив Пола, посреди розового отверстия, открылся люк, в котором возник мужчина в мундире офицера американских космических сил. Чувствуя действие искусственного гравитационного поля, мужчина подтянулся на руках и вышел наверх.

Пол, который едва успел одеть рубашку, поспешно встал и, прежде чем люк закрылся, увидел внутреннюю часть металлической трубы, сделанной словно из гофрированной жести.

Пришелец посмотрел на Тигрицу, после чего обвел взглядом кабину.

— Дон?!

— Пол!

— Я думал, что ты погиб на Луне...

— А я думал... что ты... сам не знаю! Но как...

Воцарилось неловкое молчание, каждый из них ждал, что заговорит другой. Пол понимал, что Дон заинтригованно присматривается к нему. Он быстро подтянул брюки и застегнул рубашку.

Дон посмотрел на Тигрицу. Он длительное время присматривался к ней. Потом посмотрел на цветы и оценил убранство каюты. И только после этого снова посмотрел на Пола. Пожав плечами и неловко улыбаясь, он протянул руки вперед, словно хотел сказать: ну и что, что солнечная система распадается; что мы находимся в необычном гравитационном поле, на необычном корабле, посреди пустоты космоса, что я нахожусь сейчас в атмосфере какого-то будуарного фарса...

Пол почувствовал, что краснеет. Он был страшно зол на себя.

Тигрица на мгновение отвернулась от пульта управления и сказала:

— Приветствую тебя, Дональд Мерриам. Извини обезьяну, она стыдится собственной наготы. Ты, впрочем, наверное, тоже стыдишься ее. Право, вам определенно не хватает меха!

Глава 40

Для группы Хантера диск Странника показывал «двадцать пять минут после динозавра», как назвала бы это Анна, которая сейчас спала. Тем самым Странник был на час и пятнадцать минут выше, чем тогда, когда Хантер и Хиксон остановили автомобили на перевале, чтобы иметь возможность наблюдать за приливом. Все немного перекусили, перевязали порезы и царапины, полученные во время уборки камней с шоссе, и теперь большинство спало в машинах или рядом с ними, завернувшись в плащи и одеяла или прикрывшись большим брезентовым полотенцем, несмотря на то что ночь была относительно теплой.

Возле примуса, на котором закипала вода для кофе, сидели только три человека — дед, Дылда и Кларенс Додд. Старик, свернувшись клубком, словно змея, исследовал жалкие остатки своих зубов через пергаментные щеки так серьезно и с таким неудовольствием, словно Бог был дантистом, на которого он собирался подать в суд за халтуру. Дылда сидел в позе полулотоса — с правой стопой на левом бедре и правым коленом на левой стопе — и смотрел на динозавра, на эту золотистую бестию фаллической формы, с такой важностью восседавшую на Страннике, словно она была пупком космоса.

Додд сидел на корточках и, воспользовавшись светом Странника, записывал в блокнот события и наблюдения прошедшего дня. Хантер и Марго, держась за руки, подошли к Додду. Хантер положил ему руку на плечо и тихо сказал:

— Я и Марго пойдем на склон с противоположной стороны шоссе. Если что-нибудь случится, просигналь пять раз.

Додд посмотрел на них и кивнул. Старик, лежащий с другой стороны, глянул на одеяло, которое Марго держала под мышкой, отвернулся и презрительно фыркнул, давая тем самым понять, что осуждает такое поведение.

Дылда прервал медитацию и посмотрел на деда.

— Перестань, — сказал он тихо и спокойно. Потом посмотрел на Хантера и Марго, перевел взгляд на Странника, сияющего над ними, — его погруженное в размышление лицо фанатика осветилось улыбкой.

— Пусть Испан благословит вашу любовь, — сказал он, начертав на колене указательным пальцем правой руки маленький египетский знак ключа жизни.

Додд склонил голову и продолжал писать. Его рот был крепко сжат, словно он хотел скрыть улыбку и ему хотелось приснуть от смеха.

Хантер и Марго перешли на другую сторону шоссе. Анна и ее мать, завернувшись в одеяла, лежали на фургончике. Хантеру показалось, что у Рамы Джоан широко открыты глаза и она улыбается им, но, когда они подошли ближе, он увидел, что женщина спит. Неожиданно краем глаза он увидел высокую темную фигуру, стоящую в тени фургона. Даже ее лицо было темным, прикрытым черной шляпой с опущенными полями.

У Хантера мороз пошел по коже, поскольку у него не было сомнений, что это Брехт. Он хотел, чтобы Брехт что-то сказал, чтобы показал лицо, но фигура только подняла руку к шляпе, надвинула ее глубже на лоб и снова отступила во мрак.

В то же время Хантер почувствовал, что пальцы Марго сильнее сжимаются у него на плече — он повернулся и посмотрел в тень фургона. Там уже никого не было.

Они пошли дальше, не проронив ни слова. Трава шелестела под их ногами, когда они взбирались на склон. Стояла полночь, Странник висел высоко в небе. Ни на мгновение они не забывали о море, которое владело сейчас Землей, — прилив остановился сейчас в каких-то пятидесяти метрах от них, но волны продолжали биться о каменные склоны, о Странника, который завладел небом, нет, не небом, а пространством вокруг Земли, превращая небо в темную, серую оболочку, об ужасе, который завладел жизнью всех людей во всем мире...

Они пришли на низкий скальный порог, с него перешли на следующий и увидели перед собой плоский прямоугольный серый валун, величиной с гигантский гроб. Марго расстелила одеяло, и они оба присели на нем на корточки, лицом друг к другу. Они смотрели друг другу в лицо, сосредоточенные и серьезные, а когда наконец улыбнулись, то это были жесткие, хищные улыбки. Мгновения тишины между двумя ударами волны заполнило пульсирование их крови, более громкое, чем гул воды. Горы словно отзывались эхом в такт их сердцам, и небо стучало в таком же ритме. Марго сняла куртку, положила рядом ней пистолет и начала расстегивать блузку, но Хантер мягко отвел ее руки и стал не торопясь раздевать девушку. Марго прикоснулась к его бороде, схватила в горсть жесткие волосы, сжала пальцы и прижала кулак к его подбородку. У них было такое впечатление, что время остановилось, по крайней мере, что оно не

торопится и не мчится так быстро. Что узкий и низкий коридор, который нужно преодолеть как можно быстрее, превратился в обширную равнину, на которой можно даже остановиться и отдохнуть. Все — море, скалы, холмы, небо, окружающий их холодный воздух и большая изменяющаяся планета — ожило раз и навсегда, проникая в их мысли, и, может быть, их разум был сейчас более открыт для всевозможных ощущений, чем когда-либо раньше. Чем больше Марго познавала тело Хантера, а Хантер — тело Марго, тем больше, а не меньше, как должно казаться, — они познавали все, что их окружает, вещи большие и маленькие, даже такие маленькие, как небольшая черточка фиолетового цвета на шкале пистолета... вещи, как видимые, так и невидимые... то, что живо, и то, что уже мертво... их тела и небо составляли единое целое — яркое солнце, пытающееся получить расположение темного полумесяца, наконец соединилось с ним. Они чувствовали, как в их телах безумствует яростный прибой, что их обьяло бурное море, но знали, что после этой бури обязательно наступит тишина. Время шло, уплывало незаметно — по крайней мере, один раз оно не шумело о смерти, но гармонично соединяло смерть с жизнью. Над их головами золотистая бестия в форме фаллоса, которая вращалась вправо по темно-фиолетовой плоскости Странника, в течение следующего часа превратилась в золотую змею, обвивающуюся вокруг треснувшего яйца — в самку, которая сражается с оплодотворяющим ее самцом, обвивается вокруг него и, наконец, раздавливает — а обломки уничтоженной Луны сверкали и танцевали вокруг планеты, словно миллионы яростно соперничающих друг с другом сперматозоидов вокруг яйца.

Дон коротко описал Полу свои переживания в космосе и на борту Странника. Наблюдения Мерриاما в общих чертах сходились с тем, что Пол слышал от Тигрицы, и, хотя он все еще ощущал неясную грусть и чувствовал себя задетым неожиданной сменой чувств кошки, на некоторое время к нему вернулось настроение, которое Тигрица сумела создать, рассказывая свою историю. Теперь он, в свою очередь, рассказал это Дону, рассказал, что происходило в ту ночь, когда появился Странник. Он говорил о симпозиуме, на который пошел вместе с Марго, о столкновении у ворот Вандерберга-Два, о волнах, вызванных подземными толчками, когда неожиданно резко вмешалась Тигрица:

— Заканчивайте, пожалуйста! Я хочу задать вам пару вопросов.

Кошка стояла у пульта управления среди розовых кустов — очевидно, она без слов поговорила со своим начальством. Пол и Дон сидели на розовом полу, а напротив них Мяу время от времени выскакивала из цветника, явно очень заинтригованная и возбужденная искусственным земным притяжением.

— Хорошо ли к тебе относились здесь во время пребывания на моей планете? — спросила она Мерриاما.

Дон посмотрел на Тигрицу, думая о том, что она напоминает ему кошачье существо — она отличалась только цветом меха, — которое схватило большую птицу с топазовым оперением и, словно балерина, подкрепляющаяся после вечернего представления, пила ее кровь.

— Когда я убежал с Луны, — сказал он, — а этим я, пожалуй, обязан только себе, ко мне подлетели два ваших космических корабля, которые отвезли меня на Странник. Там примерно два дня меня держали в комнате, из которой не было выхода, после чего привезли сюда. Никто со мной за это время не разговаривал. Но у меня создалось впечатление, что кто-то постоянно выворачивал наизнанку и исследовал мой мозг. При помощи сонных видений мне показали много интересно. Но этим все и ограничилось.

— Хорошо, благодарю. А к тебе, Пол, хорошо относились?

— Гм... — начал Пол, улыбаясь.

— Да и или нет? — рывкнула Тигрица.

— В общем... да.

— Благодарю. Теперь второй вопрос. Видели ли вы какие-нибудь признаки помощи, которую мы оказывали людям на Земле во время приливов?

— Когда мы летели над Лос-Анджелесом, Сан-Франциско и над Ленинградом, я видел, как дождь гасит пожары, а что-то, может быть, какое-то силовое поле, отгоняет воды прилива от берега, — сказал Пол.

— Во время видений, или сна, я видел похожие вещи на телевизионном мониторе, размещенном в одном из больших залов на Страннике, — сказал Дон.

— Это видение соответствовало истине, — заверила его Тигрица. — Вопрос...

— Тигрица! — вмешался Пол. — Имеют ли эти вопросы связь с теми фотографиями, о которых я тебе недавно говорил? Если да, то вы, вероятно, боитесь, что вас догоняют те, кто вас преследует? И вы сейчас подготавливаете защиту на тот случай, если вас обвинят в ущербе, нанесенном Земле?

Дон с удивлением посмотрел на Пола, который еще ничего не говорил ему о рассказе Тигрицы, но тут кошка спокойно ответила:

— Перестань болтать, обезьяна... то есть человек... Да, это возможно. Но у меня есть еще один вопрос: насколько вам известно, пострадали ли ваши близкие из-за Странника?

— Три моих товарища с Лунной базы погибли, — жестко произнес Дон.

Тигрица быстро кивнула и сказала:

— Один из них, кажется, спасся. Сейчас мы это проверяем. Твоя очередь, Пол.

— Я как раз разговаривал с Доном на эту тему, Тигрица, — начал Пол. — Марго и участники симпозиума живы, то есть были живы,

когда я видел их в последний раз. Они убегали от волн, которые ты каким-то образом уменьшила. Но это было два дня тому назад.

— Они еще живы, — решительно ответила кошка. Ее фиолетовые глаза сияли, а узкие губы сложились в тонкую, почти человеческую улыбку. — Я постоянно слежу за ними, — добавила она. — Вы, смертные, даже не сознаете, что боги заботятся о вас. Вы думаете только о пожарах и землетрясениях, а все остальное вас не касается. Я не приказываю вам верить мне на слово, я докажу вам! Встаньте оба! Я вышлю вас на Землю, чтобы вы во всем убедились.

— Мы полетим на Бабе-Яге? — поинтересовался Дон, вставая. — Ты наверняка знаешь, что она соединена с твоим кораблем при помощи пространственной трубы, поэтому я не понимаю...

— Вы не полетите на Бабе-Яге, — сказала она. — Вернее, на ней вы полетите немного позже, через час или два, и приземлитесь на территории вашего Вандерберга-Два, который находится в восьмистах километрах под нами. Однако сейчас я вышлю вас на Землю значительно более быстрым способом. Станьте лицом к пульту управления. Подвиньтесь ближе друг к другу.

— Это выглядит так, словно ты хочешь нас сфотографировать, — с невеселой улыбкой заявил Дон.

— Именно это я и намереваюсь сделать, — ответила Тигрица.

Солнечный свет в кабине погас. Мяу, словно предчувствуя, что происходит нечто необычное, выбежала из цветков и начала тереться о ноги Пола. Под влиянием неожиданного импульса Пол взял кошку на руки.

Марго и Хантер оделись, свернули одеяло и, держась за руки, направились вниз. Упоенные совместным переживанием, они чувствовали себя соединенными друг с другом и со всем космосом. Неожиданно они услышали тихий зов:

— Марго! Марго!

У подножия горы, у двух автомобилей, они увидели лагерь. Никто не двигался. Свет, излучаемый диском Странника, на котором по-прежнему виднелась змея, обвившаяся вокруг яйца, освещал только прикрытые одеялами спящие фигуры. Фургончик продолжал отбрасывать тень, но значительно меньшую, чем раньше, так как Странник сейчас находился на небе намного выше.

Зов шел не из лагеря, а откуда-то сверху.

Они посмотрели на море, которое отступило метров на десять, оставляя после себя широкую мокрую полосу на холме там, где еще недавно плескался прилив. Вода, отделяющая их от Вандерберга, выглядела сейчас, как широкая река, из которой кое-где выныривали островки. Они посмотрели вверх и на фоне темного серого неба увидели две слабо светящиеся мужские фигуры, которые, неподвижно выпрямившись, не шевелясь, опускались все ниже, плывя быстро, словно в

состоянии невесомости, пока, наконец, на половине пути между Хантером, Марго и лагерем не погрузились в землю.

Марго и Хантер прижались друг к другу: они дрожали, оба помнили фигуру, которую видели в тени фургончика, и теперь у них мелькнула мысль, что одна из снижающихся фигур — это Брехт, а все это событие более явное и более призрачное повторение первого или же его продолжение.

Когда они убедились, что ничего не произошло, то сделали несколько шагов вперед.

Неожиданно Марго посмотрела вниз по склону, в ужасе втянула воздух и, держа Хантера за руку, отпрянула, словно увидела на дороге змею.

Перед ними из склона торчали головы двух мужчин, тела которых по самые плечи оставались в земле. Хотя черты их были смазаны, Хантеру показалось, что одна фигура кого-то ему напоминает, но он никак не мог вспомнить, кого именно. Они поняли, что один из мужчин был космонавтом, а второй — тот, со знакомым лицом, — гражданский. Хантеру пришла мысль, насколько сильно вся эта ситуация напоминает встречу Одиссея с духами мертвых в Гадесе, с той только разницей, что этих двух духов притягивал не запах крови, бьющей из разрезанной шеи быка, а громкое пульсирование крови, его и Марго, только что лежавших в любовном объятии.

Но тут фигуры начали появляться из земли, не вследствие собственных усилий, так как они вообще не двигались, но под действием какой-то внешней силы, которая поднимала их все выше и выше, пока они наконец не коснулись ногами земли. Смазанные лица стали четкими, и Марго, крепко хватаясь за руку Хантера, который в тот же момент узнал вторую фигуру, воскликнула:

— Дон! Пол!

Фигура, представляющая Пола, улыбнулась и открыла рот. Голос, идеально синхронизированный с движением губ, хотя и не идущий из горла, произнес:

— Привет, Марго. Добрый день, профессор. Вы простите, но я не могу вспомнить вашей фамилии. Нет, мы не призраки. Это просто что-то вроде голографической системы связи.

Фигура Дона, двигая ртом таким же образом, сказала:

— Пол и я находимся сейчас в космосе, в маленькой летающей тарелке, висящей между Землей и Странником, хотя немного ближе к Земле. Я рад, что снова вижу тебя, любовь моя.

— Так точно, — вмешался Пол. — То есть мы действительно находимся на летающей тарелочке, той самой, что похитила меня с Земли. Видишь? — он поднял что-то, что держал в руках. — Мяу с нами.

Кошка некоторое время лежала спокойно, но потом наморщила мордочку, издавая синхронизированное с движениями губ шипение, и, быстро перебирая лапками, исчезла в темноте.

Фигура Пола подняла руку ко рту, словно хотела лизнуть палец, и произнесла:

— Испугалась. Это все очень непонятно для нее.

Марго опустила руку Хантера, освободилась из его объятий и сделала шаг вперед, протягивая одну руку к Полу, в второй пытаясь погладить Дона по щеке. Одновременно она подняла лицо, чтобы поцеловать его. Когда вместо того чтобы прикоснуться к человеческой коже, она рассекла рукой воздух, то издала тихий крик — не столько от страха, сколько от злости на себя. Через мгновение она повернулась к Хантеру.

Хантер промолчал, и она снова посмотрела на своих друзей.

— Мы только трехмерные изображения, — с мимолетной улыбкой объяснил Пол. — Эта система, к сожалению, не передает прикосновений. Здесь, в кабине, мы видим ваши изображения, сейчас они довольно четкие, хотя раньше были размытыми. Это все, конечно, как-то неестественно, профессор...

— Меня зовут Росс Хантер, — поклонился Хантер, который наконец обрел дар речи.

— Мне очень жаль, любовь моя, но я слишком летучий, чтобы меня можно было поцеловать, — сказал улыбаясь Дон. — Но я наверстаю, когда мы увидимся. Ты знаешь, я был на Страннике.

— А я разговаривал с одной из обитательниц этой планеты, — добавил Пол. — Необычное существо! Жаль, что ты не сможешь ее увидеть. Она хотела, чтобы...

— Вы были на Страннике? — перебил его Хантер. — Разговаривали с другими разумными существами? Кто они? Зачем они все это устроили? Чего они хотят?

— У нас нет времени отвечать на все эти вопросы, — покачал головой Пол. — Итак, как я говорил, наша... гм, покровительница хотела, чтобы мы собственными глазами убедились, что вы пережили наводнение и что вы в безопасности. Это одна из двух причин нашего визита.

— Мы в безопасности, если сейчас можно вообще говорить о безопасности на Земле, — тихо произнесла Марго.

— Все из нашей группы пока живы, — громко добавил Росс. — Кроме Рудольфа Брехта, который погиб из-за несчастного случая в горах.

— Брехта? — неуверенно переспросил Пол, морща брови.

— Знаешь, тот, которого мы прозвали Лысым, — напомнила ему Марго.

— А... да, — улыбнулся Пол. — Помню. Там был один старый ненормальный, которого мы прозвали Дылдой, а профессора Хантера — Бородачом. Ах, профессор, прошу прощения.

— Это мелочи, — нетерпеливо ответил Хантер. — А какова вторая причина вашего визита?

— Мы должны вам сказать, что если все пойдет, как предполагается, то через несколько часов мы приземлимся в Вандерберге-Два.

— По крайней мере, там приземлится Дон, — подал голос Пол. — Я, может быть, останусь в космосе. Дело в том, что Странник в опасности. Ситуация очень серьезная.

— Странник в опасности? — с недоверием, почти с иронией, переспросила Марго. — Так ты говоришь, что этот Странник в опасности? А как же Земля? Ей что, ничего не угрожает? С ней все в порядке? Как ты думаешь, что здесь творилось в течение последних двух дней?

Хантер обратился к Дону:

— Как вы, наверное, знаете, Вандерберг-Два находится рядом. Мы поедem туда, как только предоставится такая возможность.

— Мы хотим найти Моргтона Опперли, — вмешалась Марго.

— Правильно, — сказал Дон Хантеру. — Вам легче будет попасть на базу, если вы скажете, что у вас есть известия обо мне. Скажите старику, что у Странника линейные ускорители длиной в тридцать тысяч километров и циклотрон такого же диаметра. Это даст ему материал для размышлений! Кроме того, мне легче будет приземлиться, если они будут к этому подготовлены. — Он посмотрел на Марго и добавил: — Скоро я смогу поцеловать тебя, Марго.

— И я тебя, — ответила девушка, отводя глаза. — Но я должна сказать тебе, что... что... — Она придвинулась ближе к Хантеру, чтобы не было сомнений в том, что она хочет сказать.

Хантер нахмурил брови, поджал губы, обнял Марго и сказал:

— Это правда!

Прежде чем Дон сумел ответить — если у него вообще было такое намерение, — Землю неожиданно залил ярко-красный цвет, на мгновение пригас, а потом разгорелся с новой силой. Вся окружающая местность тоже попеременно краснела, темнела и снова краснела, словно через равномерные промежутки времени ее освещала бесшумная красная молния. Хантер и Марго посмотрели вверх и тут же отвели взгляд от ослепляющих красных световых точек, которые зажигались и гасли на северном и южном полюсах Странника, ритмично окрашивая в красный цвет полюса этой планеты и все небо над Землей. Никогда в жизни они не видели такого яркого монохроматического света.

— Свершилось! — произнесла фигура Пола, через которую проникал этот красный свет, создавая еще более неправдоподобное зрелище. — Странник отзывает все свои корабли, — объяснил Пол.

— Мы известим Вандерберг, — решительно произнес Хантер. — Линейные ускорители длиной в тридцать тысяч километров и циклотрон такого же диаметра. До скорого свидания на Земле! И удачи вам!

Две фигуры неожиданно исчезли. Они не расплылись в тумане, не уплыли, а просто погасли.

Хантер и Марго посмотрели на освещенный красным светом склон. Даже волны были сейчас красными — пенящаяся морская лава. У

автомобилей царило движение: маленькие фигурки ходили, собирались в группы, задирали вверх лица и тыкали руками в небо.

Один человек стоял совсем близко от них. Из-за валуна, в неполных семи метрах от них, Дылда, лицо которого через регулярные промежутки времени омывали сполохи красного цвета, смотрел на них задумчиво, и в его глазах была зависть...

Глава 41

Далеко от Земли космонавт Тигран Бирюзов, который вместе с пятью своими товарищами совершал на трех кораблях первое советское межпланетное путешествие, находясь на орбите вокруг Марса, четко видел красные сигналы. Для него Земля и Странник были двумя яркими планетами, которые разделяло примерно такое же расстояние, как и соседствующие звезды в Плеядах. Но даже в космосе, лишенном атмосферы, советский космонавт невооруженным глазом замечал, что обе планеты имеют форму полумесяца.

Радиосвязь с Землей была прервана с момента появления Странника, и в течение двух дней шестеро мужчин ломали себе голову над проблемой, что происходило с их родной планетой. Согласно графику, они уже давно должны были сесть на поверхность Марса, однако пока отложили посадку.

Смотря в телескопы, они довольно четко видели то, что произошло на небе, — захват и уничтожение Луны, появление странных узоров на поверхности Странника.

Но, кроме этого, больше ничего...

Тигран хорошо видел не только красные сигналы, но также и их темно-красное отражение на ночной стороне Земли. «Красные молнии», — начал он писать в бортовом журнале... но уже через мгновение отложил ручку и непроизвольно пожал плечами. «Красные молнии... — думал он. — Боже! Что это такое? Что происходит?»

У членов симпозиума было много вопросов к Марго и Хантеру по поводу их короткого и необычного разговора с Полом и Доном. Когда они наконец смогли ответить на все вопросы, красные сигналы погасли, и быстро наступающий отлив открыл следующую большую часть дороги к Вандербергу.

Хиксон подвел итоги разговора, указывая на Странника.

— Значит, так... У них есть летающие тарелки, о чем мы знали и раньше. У них есть еще пистолеты, лучи которых способны разнести горы и даже дырявить планеты. У них есть также телевидение, которое гораздо лучше нашего, потому что оно трехмерное. Это все я могу понять. Но чтобы им угрожала какая-то опасность! Этого я понять не могу! Откуда могла взяться эта опасность?

— Может быть, за ними гонится другая планета? — предположила Анна.

— Девочка! Прошу тебя, не говори чепухи! — шутливо погрозил ей пальцем Войтович. — Неужели не ясно, что и одной такой сверхъестественной планеты нам вполне достаточно.

И тут все вокруг посветлело, и Кларенс Додд, который один из всей группы смотрел на восток, издал сдавленный стон, словно хотел что-то крикнуть, но не мог, так как голос застрял у него в горле. Додд сжался, одновременно указывая рукой на небо над восточным горным хребтом.

А там, между Странником и гористым горизонтом, висел яркий серо-стальной объект, похожий на вихрящийся шар, на половину диаметра более широкий, чем Странник. Посредине этого шара горел маленький оранжевый огонек.

«Сейчас небо обрушится на нас, — подумала Марго. — Оно слишком перегружено».

«И голос звучал словно труба, была сломана следующая печать... и следующая... и еще одна...» — билась в голове Дылды сумасшедшая мысль.

— Боже мой! — тихо воскликнул Войтович. — Анна была права! Это действительно еще одна планета!

— Еще больше, чем Странник, — заметила миссис Хиксон.

— Но она не круглая! — почти со злостью вмешался мистер Хиксон.

— Она круглая! — возразил Хантер. — Только частично находится в тени.

— И на семь диаметров ниже Странника, — произнес Додд, вытягивая блокнот, и посмотрел на часы.

— А этот свет — солнечное отражение, — заявила Рама Джоан. — Поверхность планеты похожа на матовое зеркало!

— Не нравится мне эта новая планета, — сказала Анна. — Странник — наш друг, он такой красивый и золотой, а эта новая планета бронированная!

Рама Джоан прижала к себе дочку и, не отрывая глаз от планеты, взволнованно заметила:

— Похоже, что боги ведут войну. Новый дьявол прибыл, чтобы вести битву с дьяволом, которого мы уже знаем.

Додд, который уже ожесточенно писал, обрадованно бросил:

— Назовем его «Новый»! Это ему вполне подходит.

— Ради Бога! — разозлилась миссис Хиксон. — Кончайте ваши романтические бредни! Новая планета означает новые приливы, новые землетрясения и черт знает что еще! Как вы не можете этого понять?

Все это время Рей Ханкс плаксиво кричал из фургончика:

— О чем вы там говорите? Я ничего не вижу! Пусть мне кто-нибудь наконец скажет, что происходит?

Гарри Макхит радовался, что он жив, что находится здесь как раз в этот момент, что может видеть эти необычные, захватывающие явления, и сочувствовал тем, кто их не видит. Так что не было ничего странного в том, что именно он отреагировал на зов раненого. Он прыгнул в салон фургончика, взял в руку зеркало и так его поставил, чтобы Ханкс мог увидеть в нем Нового.

Ванда, Ида и Дылда стояли рядом. Неожиданно Ванда села и начала пронзительно стонать:

— Для меня это слишком! Я не смогу вытерпеть еще раз все это! У меня снова будет сердечный приступ!

Ида ударила Дылду в плечо и спросила:

— Что это, Чарли? Как он называется? Скажи!

Удрученный Дылда посмотрел на Нового и голосом, в котором звучало смирение и одновременно странное облегчение и понимание, сказал:

— Не знаю, Ида. Просто не знаю. Вселенная такая огромная. Она больше, чем я мог себе представить...

В этот момент из Нового выстрелили две светлые полосы — такие прямые, словно их провели при помощи линейки сверкающими голубыми чернилами, — которые в течение доли секунд достигли Странника: одна прошла мимо, спереди, другая — сзади и помчалась дальше по серому небу, хотя теперь их скорость, пожалуй, несколько уменьшилась. Там, где голубая полоса прошла впереди Странника, произошел взрыв белых, почти ослепляющих всполохов огня.

Одна из полос выходила из темной стороны Нового и, бросая голубой свет на его черный край, подчеркивала шарообразность планеты.

— Боже! Это действительно война! — Войтович снова отозвался первым.

— Лазеры! — пояснил Додд. — Пучок концентрического света.

— Мы видим их склоку, — добавил Хантер. — Представьте себе, что было бы, если бы их направили прямо на нас! Сила миллиона солнц!

— Ну, не миллиона, а вот сотен — это верно, — заметил Додд. — Если бы один такой луч хотя бы на долю секунды упал на Землю...

Голубой и стальной цвета вызвали у Хиксона определенные ассоциации.

— Знаете что? — возбужденно крикнул он. — Новая планета — это полиция! Она прибыла арестовать Странника за тот вред, который он причинил Земле!

— Билл, ты, наверное, с ума сошел! — крикнула миссис Хиксон. — Сейчас ты еще скажешь, что это Ангелы!

— Путь воюют! Пусть поубивают друг друга! — писклявым голосом орал дед, приплясывая на земле и грозя небу кулаком. — И пусть выжгут друг другу все внутренности!

— Вот этого не надо! — запротестовал Войтович. — Не надо! Что будет, если они нечаянно попадут в нас? Тебе понравилось бы, если бы у тебя во дворе начали перестрелку? И в тебя попала шальная пуля?

— Пожалуй, луч с нашей стороны этой новой планеты бьет не Странника, а только в кольцо обломков Луны, — сказал Хантер. — Смотрите! Обломки исчезают, когда луч соприкасается с ними!

— Да, — кивнул Додд. — Мне кажется, что они специально стреляют рядом со Странником, как будто хотят его предостеречь.

На это Хиксон вмешался с оживлением:

— Я ведь говорил, что они хотят арестовать его! Они как бы говорят: одно твоё движение — и пуля в лоб!

На Новом перестали посылать сверкающие голубые лучи, они погасили их так же молниеносно, как и послали, оставив на фоне серого неба желтый след. Однако первые два луча, хотя и значительно поблекли, но продолжали мчаться, оставив позади себя Странника, — прямые голубые черточки, мчащиеся в бесконечность.

— Боже мой! Я уже думал, что это никогда не кончится. Это продолжалось целых две минуты! — заметил облегченно Хиксон.

— Только семнадцать секунд, — заметил Додд, посматривая на часы. — Должен вам сказать, что время какого-то события, называемое различными свидетелями, бывает очень разным, и их показания обычно противоречат друг другу. Мы должны не забывать об этом.

— Ты прав, Додд, мы должны сохранять трезвость мышления, — громко и совершенно спокойно сказал Войтович. — Они продолжают засыпать нас неожиданностями, а нам не остается ничего другого, как мириться с ними. Ура! Словно я снова на фронте и прячусь во время бомбардировки.

И тут, словно при звуке слова «бомбардировка», раздался приглушенный грохот, потом шум небольшой лавины камней, и шоссе заколебалось у них под ногами. Рессоры «корвета» и фургончика пищали и скрипели. Рей Ханкс заскулил от боли, а Макхит, который все еще стоял над ним, схватился за стену кабины, чтобы не упасть.

Если бы кто-то наблюдал с ними с воздуха, то создалось бы впечатление, что все, шатаясь, присоединились к танцующему Войтовичу. Одна из женщин закричала, миссис Хиксон неприлично выругалась, а Анна крикнула:

— Мамочка, валуны сползают!

Марго услышала крик Анны, посмотрела на склон, где недавно была с Хантером, и увидела, что камни (среди которых и гигантский «гроб», на котором они лежали), прыгая и отскакивая друг от друга, быстро катятся вниз. Неожиданно ее болезненно укололи угрызения совести, но несмотря на это, она одной рукой быстро вытащила из-под куртки пистолет, пытаясь установить равновесие, потому что «корвет» тоже раскачивался. Камни катились все быстрее. Хантер угадал намерение девушки, подбежал к ней и крикнул:

— Стрелка повернута в сторону ствола?

— Да!

И когда камни, словно мчащиеся большими прыжками серые бестии, сбились в кучу, Марго плавно нажала на курок.

Толчки уменьшились и затихли. Падающие валуны замедлили свое страшное движение, точно превращаясь в большие серые подушки (они уже не мчались по склону, а медленно катились). Наконец, они совсем остановились у ног девушки, а гигантский «гроб» успокоился на том месте, куда раньше падала тень от фургончика.

Хантер снял палец Марго с курка и посмотрел на шкалу, размещенную на рукоятке пистолета. Заряд был полностью истрачен.

Он посмотрел на шоссе, ведущее через горы Санта-Моника, которое теперь отделяло от прибрежного шоссе полкилометра, — по странной случайности, на нем не было валунов, вода исчезла, хотя вдали еще бурлили волны. На противоположной стороне шоссе он увидел блестящую металлическую сетку, окружающую плоскогорье Вандерберга-Два, и у выхода горного шоссе — мощные въездные ворота.

На небе светили Странник и Новый. Странник вращался, показывая на диске три плоскости — получасовую фазу между змеей вокруг яйца и мандалой. Новый же сверкал холодно и безразлично, словно его гравитационное поле не имело ничего общего с недавним землетрясением.

Воцарилась пронзительная тишина, которую прервала Ида.

— Ой, моя нога! — застонала она.

— Что будем делать? Какой следующий номер программы? — с иронией спросил Войтович.

— Что будем делать? — переспросила миссис Хиксон. — Да ничего! Понятно тебе, болван, ничего! Это уже конец!

Хантер втолкнул Марго в автомобиль, сел за руль и просигналил, чтобы привлечь внимание остальных.

— Садитесь! — крикнул он. — Быстро садитесь в фургончик! Мы отправляемся в Вандерберт!

Многие люди на Земле при виде Новогоотреагировали таким же образом, как Ванда и миссис Хиксон, — это конец! Те пессимисты, у которых была определенная научная подготовка, заметили, что Новый находится довольно близко от Странника — едва каких-то шесть с половиной тысяч километров, — и, если его отделяло от Земли такое же расстояние, то гравитационное поле новой планеты должно было скорее увеличивать, нежели уменьшать, огромные приливы, вызываемые Странником.

Однако многие радовались, как дети, при виде новой серо-стальной планеты, которая высылае такие необычно красные лучи. По крайней мере, на короткое время захватывающий астрономический спектакль отвлек внимание от других забот. От проблем жизни и смерти. В бур-

лящем море, где-то вблизи Флориды, Барбара Кац, стоящая на носу «Альбатроса», крикнула:

— Как в научно-фантастическом комиксе!

— Да, мисс Барбара, это действительно прекрасно, — серьезно сказал Бенджи.

— О, боже, мы долго будем ждать второго акта, — сказал Салли расстроенный Джейк. Они снова сидели на террасе и, завернувшись во влажные одеяла, пили «Хантерс Френд». На руках у них были новые лыжные перчатки, найденные среди вещей Хассельтайна.

— Если действие не будет развиваться быстрее, наша пьеса провалится уже в Филадельфии, — добавил он. — Что-то совсем ничего не происходит.

В нетронутой землетрясениями астрономической обсерватории в Андах семидесятилетний французский астроном Пьер Рамбулье Ласепад радостно потер руки, после чего схватил карандаш и бумагу. «Наконец-то действительно интересный случай столкновения трех действующих друг на друга тел!» — думал он.

Однако многие люди на ночной стороне Земли вообще не видели новой планеты из-за густых туч или других помех, не говоря уже о том, что некоторые из них до сих пор не видели еще и Странника. Сквозь тучи, опускающиеся на Землю в виде густого тумана, Вольф Лонер увидел нечеткий желтый свет — когда он подплыл ближе, то увидел, что этот свет исходит от керосиновой лампы, расположенной в нескольких метрах над водой в окне высокого, сложенного из кирпичей строения, увенчанного куполом. Когда «Стойкая» подплыла ближе, Лонер увидел узкую желтую стену, а над ней — темную башню. Он узнал это место, потому что не раз взбирался на эту башню. Но несмотря на это, не мог поверить собственным глазам.

Вольф повернул руль, отвязал грот-парус, и «Стойкая» осторожно ткнулась в узкий карнизик над окном. Вода возле каменного строения была спокойной. Лонер схватил причальный канат, легко прыгнул на карниз, вошел через окно внутрь, осторожно отодвинул керосиновую лампу и осмотрелся. У него уже не было ни малейших сомнений — он находился на колокольне церкви Олд Норт. Напротив него, около стены, словно хотела погрузиться в нее и исчезнуть, стояла темноволосая девочка, примерно десяти — двенадцати лет, похожая на итальянку. Громко стуча зубами, молча смотрела она на Лонера. Она не отвечала на его вопросы — даже когда он задавал их на ломаном испанском языке или по-итальянски, хотя этим языком он тоже владел вовсе не бегло. Она только отрицательно качала головой, но это могло быть также от холода и ужаса. Так что через некоторое время, продолжая держать причальный канат, Лонер подошел к девочке, и, хотя она испуганно отпрянула от него, он мягко, но решительно взял ее на

руки и вышел через окно. Он осторожно поставил на парапет лампу, вошел на палубу яхты, положил девочку в тесной каюте и накрыл ее несколькими одеялами. Вольф заметил, что вода отступает в том направлении, откуда он приплыл. Он задумчиво покачал головой, смотря туда, где должно было находиться кладбище, отшвартовал яхту и, пользуясь отливом, вывел ее из Бостонского Норт Энда, направляясь в открытые воды.

С удивительной точностью капитаны-повстанцы направили трансатлантический лайнер «Принц Чарльз» прямо на Парокока. Этот приливной водяной вал на Амазонке в нормальных условиях представляет собой водопад полуторакилометровой длины и высотой около пяти метров, который несется в верховья реки со скоростью двадцать километров в час, рыча так громко, что его слышно даже за пятнадцать километров. Теперь, однако, это был не водопад, а булькающая гора, равная по высоте половине длины «Принца Чарльза». Эта гора толкала перед собой наклонившийся на двадцать градусов большой корабль-гору — немногим меньший, чем Манхэттен, — по самой грозной из всех рек, уровень воды в которой теперь поднялся под влиянием Странника и новой планеты. Ураган ревел, вторя грохоту вала, а вихрь увеличивал волны. На востоке буря совершенно заслонила небо. На западе клубились черные, рваные тучи. Капитан Ситвайз вошел на капитанский мостик — возврат судна под его руководство в таком катаклизме произошел без сопротивления — схватил штурвал и начал отдавать приказание в машинное отделение. Сначала он вел судно, ориентируясь по направлению и блеску водяного вала, но позже, поскольку яркий неподвижный свет планет достаточно ясно пробивался через клубящиеся черные тучи, он все больше начал полагаться на яркие навигационные огни висящего на небе Нового и находящегося чуть ниже Странника.

Пол и Дон смотрели на новую серую планету и окруженного остатками Луны Странника сквозь прозрачный потолок корабля Тигрицы, который находился в восьмистах километрах над Вандербергом.

Искусственное гравитационное поле все еще было включено, поэтому мужчины лежали на полу. Пол тоже был прозрачным. Смотря вниз, они видели в солнечном свете, отраженном двумя планетами, прибывшими из подпространства, темные районы Южной Калифорнии, кое-где залитые темным серебристым морем, а рядом с Калифорнией — более светлое пространство Тихого океана. Однако как вода, так и суша казались слегка нерезкими из-за слоя земной атмосферы.

Картина, расстилающаяся перед ними внизу, была с одной стороны прикрыта. Из невидимого теперь люка посреди прозрачного пола торчала толстая труба, которая соединяла корабль Тигрицы с Бабой-Ягой, находящейся вне поля зрения людей. Свет, отраженный Новым и Странником, проникал через две неподвижные прозрачные плоскости и свер-

кал по обеим сторонам металлической трубы, освещая два первых внутренних захвата, служащих для передвижения в ней в состоянии невесомости.

Оба мужчины старались не смотреть вниз. Правда, искусственное гравитационное поле, как заверила их Тигрица, охватывало только кабину, однако оно приводило к тому, что глубина внизу вызывала дрожь ужаса.

Полу и Дону открывался такой же вид на Нового, как и группе Хантера на Земле, хотя для них планеты светили значительно ярче и их фоном было не серо-стальное небо, а усеянная звездами чернота космического пространства.

Это был странный, захватывающий, даже «чудесный» вид, но поскольку они понимали (может быть, не очень хорошо и не полностью), чем грозит эта ситуация, они чувствовали возрастающее напряжение. Высоко над ними светили Беглец и Преследователь, Бунтарь и Полицейский, Браконьер и Лесничий, и тот и другой — неуверенные в установленном минутном перемирии, бдительные и выжидающие.

Округлый треугольник в фиолетовом игольном ушке на диске Странника и светлый круг солнечных лучей на большем, темно-сером шаре Нового производили впечатление глаз двух циклопов, пытающихся вынудить друг друга отвести взгляд.

Напряжение было огромным и необычайно изматывающим. Настолько изматывающим, что мужчины — несмотря на то что вдвоем им было легче — мечтали о том, чтобы расплыться в воздухе, спуститься ниже, под слои атмосферы, под каменистое тело матери-Земли и скрыться в ее черном лоне. Это желание было значительно сильнее охоты смотреть на необычные чудеса.

— Тигрица, почему ты не вернулась на Странник? — с детским упреком спросил Пол. — Красные сигналы уже давно погасли. Другие корабли, наверное, уже давно вернулись.

Из темноты, окружающей пульт управления, куда не доходил ни один луч света Странника и Нового, к ним донесся ответ Тигрицы:

— Еще не время.

— Не лучше ли, чтобы мы... Пол и я.. сели в Бабу-Ягу? — со злостью спросил Дон. — Коль скоро у меня не будет орбитальной скорости, я как-то смогу справиться с падением сквозь атмосферу, хотя это и не будет легко, но если мы будем медлить, то...

— Для этого еще не время! — крикнула большая кошка. — Прежде всего вы должны кое-что сделать для меня. Вас спасли от ужасов космоса и от наводнения! У вас должно быть чувство уважения и благодарности по отношению к Страннику!

Она выглянула из темноты: свет планеты осветил половину ее фиолетово-зеленой морды, шею и грудь, продолжая скрывать вторую половину в темноте.

— Таким же образом, каким я выслала вас на Землю, — начала она тихо, но решительно, — я вышлю вас сейчас на Новый, как свидетелей защиты. Встаньте рядом посредине кабины, лицом к лицу!

— Ты хочешь, чтобы мы похлопотали за вас? — спросил Пол, когда они с Доном совершенно автоматически выполнили ее приказ. — Чтобы мы сказали, что ваши корабли делали все, что в их силах, спасая людей и их имущество? Но как же тогда не сказать о тех катастрофах, которые вы не смогли предотвратить? И их было значительно больше, чем примеров вашей спасательной акции.

— Вы просто расскажете все, что знаете, понятно? — Большая Кошка откинула голову. Ее глаза сверкали. — Возьмитесь за руки и не двигайтесь! Сейчас я погашу свет в кабине. Лучи, которые охватят вас, будут черными. Это будет более захватывающее путешествие, чем то, на Землю. Ваши тела останутся здесь, хотя вам будет казаться, что вы покинули мой корабль. Итак, не шевелитесь!

Звезды покрыл мрак. Земля исчезла, погасли две фиолетовые искорки в глазах Тигрицы. У людей создалось впечатление, что смерч взламывает в темноте дверь и несет их через космос со скоростью мысли и через несколько мгновений оставляет их одних, держащихся за руки, на обширном, тянущемся без конца плоскогорье, плоском, как равнина Большого Соленого Озера, на сверкающей поверхности, высушенной лучами солнца, тепла которого они не чувствовали.

— Я думал, что Новый — это шар, — сказал Пол, напрасно пытаясь убедить себя в том, что он по-прежнему находится в кабине летающей тарелки Тигрицы.

— Не забывай, что преследователь больше Земли, — ответил Дон. — И находясь на поверхности Земли, тоже не осознаешь, что она — шар.

Он вспомнил, что на Луне линия горизонта всегда находится близко от наблюдателя, но прежде всего он подумал о том, что это ощущение необычайно похоже на то сонное путешествие, которое он совершил на Страннике. Невольно он задумался, а не вызваны ли оба эти явления одинаковым способом.

Небо было усеяно звездами. Над головой сверкал шар Солнца. В нескольких километрах от Солнца находилась темная Земля, окруженная голубоватой каймой. Из-за темно-серого горизонта вставал Странник, который с такого расстояния был огромен, в пять раз шире Земли, — серебряная линия горизонта пересекала желтое игольное ушко, и планета выглядела так, словно прищуривала глаз и еще более проникательно наблюдала за противником.

— Я думал, что нас передадут внутрь, — сказал Пол, показывая на сверкающую металлическую поверхность, простирающуюся у их ног.

— Из этого можно сделать вывод, что здесь задерживают для таможенного контроля даже призрачных посланцев! — рассмеялся Дон.

— Если мы являемся волнами эфира, то эти волны переносят также наше сознание, — пожал плечами Пол.

— В то же время оставляя тела в корабле Тигрицы, — кивнул Дон.

Внезапно на металлической равнине между ними и фиолетово-желтым полушарием Странника появилось белое сверкание, которое сразу же исчезло. Через мгновение немного дальше произошло два очередных сверкания.

«Началась битва», — подумал Пол.

— Метеориты! — закричал Дон. — Здесь нет атмосферы, которая задержала бы их!

Неожиданно темно-серая поверхность шара расступилась, и они провалились в темноту. Точнее говоря, они увидели короткий черный блеск, продолжавшийся какую-то долю секунды, и повисли посреди огромного, затемненного шарообразного помещения, со всех стен которого на них смотрели большие глаза.

Таково было их первое впечатление. Потом им пришла в голову мысль, что узорчатые отверстия — это не настоящие глаза, а темные овальные иллюминаторы, окруженные широкими разноцветными кольцами. Теперь они чувствовали себя как-то странно, поскольку им казалось, что всевозможные глаза всматриваются в них через отверстия иллюминаторов.

К ним обоим пришло одинаковое воспоминание из тех времен, когда их, учеников начальной школы, вызывали в кабинет директора.

Они были не одни в этом огромном помещении. Сотни человек, или трехмерных изображений, поднимались посредине большого шарообразного помещения. Невероятное скопление представителей вида хомо сапиенс! Здесь были люди многих народностей: офицеры африканских и азиатских государств, два советских космонавта, смуглый маори, араб в белом бурнусе, полуголый кули, женщина в мехах и многие, многие другие, которых они не могли различить в этой толпе.

Серебряный, тонкий, как игла, луч света выстрелил из одного из черных иллюминаторов, которые все время мигали, словно за ними скрывались глаза, и охватил своим светом фигуры, находящиеся с другой стороны помещения. Неожиданно кто-то, видимо, тот, на кого упал луч, начал говорить — быстро, хотя и спокойно. При звуке этого голоса Дона пронзила дрожь, поскольку он узнал говорящего.

— Я лейтенант Жильбер Дюфресне из американских космических сил. Я был на лунной станции, и в тот момент, когда должен был на одноместном корабле отправиться на исследование неизвестного объекта, произошли сейсмические толчки. Насколько мне известно, трое моих товарищей погибли. Я сумел взлететь и начал вращаться по круговой орбите вокруг Луны с востока на запад. Неожиданно я увидел три огромных шарообразных космических корабля. Какое-то силовое поле, по крайней мере, я так бы его определил, окружило

меня, и мой корабль, втянув нас на один из этих объектов. Там я увидел неизвестных мне существ. Меня допрашивали, применяя какой-то вид чтения мыслей, не забыв побеспокоиться о моих потребностях. Несколько позднее меня провели на навигационный мостик (по крайней мере, я так определил это место) и позволили мне наблюдать за происходящим.

Наш корабль отошел от Луны и повис над Лондоном, где в это время было чудовищное наводнение. Силовое поле, а может, какое-то другое поле, я не разобрался, начало отгонять воду. Меня попросили, чтобы я вместе с тремя членами экипажа пересел в небольшой корабль. Мы снизились над каким-то зданием — я узнал Британский Музей. Один из чужаков провел меня на верхний этаж музея. Там он возвратил к жизни пятерых мужчин, которые казались мне мертвыми. Мы останавливались еще несколько раз, после чего вернулись в большой корабль.

Из Лондона мы полетели на юг, в Португалию. Лиссабон лежал в развалинах вследствие сильного землетрясения. Там я увидел...

Дюфресне говорил дальше, но Пола, который знал этого человека только понаслышке, постепенно начало охватывать чувство, что, несмотря на то, сколько правды заключалось в словах этого космонавта, слова эти были совершенно излишними и ненужными — просто пустые звуки на полях больших событий, которые и так будут развиваться своим предначертанным путем. У него было ощущение, что глаза-иллюминаторы смотрят на все это с язвительной иронией или же холодно и безразлично, как глаза пресмыкающихся обозревают родной им пейзаж. Директор начальной школы слушает, но не слышит своего ученика, несмотря на то, что тот говорит чистую правду.

Очевидно, Пол не ошибся в своих предположениях, потому что совершенно неожиданно, без малейшего предупреждения все исчезло, уступая место уже знакомой ему, ярко освещенной кабине, пол и потолок которой были теперь зелеными. Тигрица, стоящая среди цветов у серебристого пульта управления, тоже находилась здесь.

— Все напрасно, — сказала кошка, — они не приняли во внимание нашу защиту. Садитесь в свой корабль и возвращайтесь на Землю! Быстро! Я отсоединюсь, как только вы сядете в Бабу-Ягу. Благодарю за помощь. До свидания, Дон Мерриам, и удачи! До свидания, Пол!

В зеленом полу поднялся круглый зеленый люк. Дон, не говоря ни слова, направился туда.

Пол посмотрел на Тигрицу.

— Быстро! — повторила кошка.

Мяу неуверенно подвинулась к Полу. Он наклонился над ней и взял ее на руки. Идя к люку, он гладил серый мех. Но вдруг Пол остановился и повернулся.

— Я никуда не пойду! — сказал он.

— Ты должен, Пол! Твое место на Земле. Поспеш!

— Я отрекаюсь от Земли и от моей расы, — покачал головой Пол. — Я хочу остаться с тобой. — Мясу вертелась у него в руках, пытаясь вырваться, но Пол только сильнее прижимал ее к себе.

— Прощу тебя, уходи! — Тигрица умоляюще смотрела на человека, смотря на нее прямо в глаза. — Мы не можем быть вместе!

— Я остаюсь, слышишь! — заявил он ей таким громким и гневным голосом, что Мяс испугалась и начала царапать ему руки, чтобы освободиться. Пол судорожно держал ее и говорил:

— Остаюсь, даже как сувенир, как домашнее животное!

— Ты не сможешь остаться здесь даже в качестве сувенира, — печально произнесла большая кошка. — Для этого разница между нашими разумами слишком мала. Убирайся, ты, глупец!

— Тигрица! — жестко произнес Пол, смотря в ее фиолетовые глаза. — Ты говорила, что сегодняшней ночью переспала со мной главным образом из-за скуки и жалости. Действительно ли только поэтому?

Тигрица с яростью посмотрела на него, словно доведенная до крайности. Неожиданно она, словно молния, прыгнула вперед, выхватила из рук Пола Мяс и с размаху ударила его в лицо. Когда она отвела лапу, на щеке Пола остались ярко-красные следы от трех ее когтей.

— Получи! — рявкнула она, обнажая клыки. Пол сделал шаг назад, потом следующий и оказался в металлической трубе. Искусственная сила тяжести втащила его внутрь. Находясь уже в состоянии невесомости, он посмотрел вверх и увидел рассерженную мордочку Тигрицы. Кровь, текущая у него по щекам, собралась каплями в воздухе. Зеленый люк закрылся.

Глава 42

Члены симпозиума въехали на территорию Вандерберга без препятствий и без фанфар — словом, их прибытие было совершенно лишено романтизма — словно прибытие рабочих на завод, на ночную смену.

Никого не было ни возле металлической сетки, которая недавно находилась глубоко под водой, ни возле высоких ворот, теперь широко раскрытых. Собственно, они не видели ничего примечательного, кроме разве что двадцатисантиметрового слоя вонючей грязи. Прибывшие миновали ворота пешком, чтобы облегчить машины, и направились по тропе на верх плоскогорья.

Хантер вел машину, на заднем сиденье которой, едва помещаясь, лежала Ванда. Она тяжело, с хрипом, дышала. Даже крик Войтовича не сдержал ее нового сердечного приступа.

Фургончик вела миссис Хиксон, поскольку Билл Хиксон хотел наблюдать за планетами — за Странником с мандалой на диске и Новым,

приближающимся к зениту, а она, как уже не раз говорила, была сыта по горло этими астрономическими чудесами. Она сидела одна в кабине фургончика — дед хотел остаться с ней, но она прямо сказала ему, что он невероятно воняет, что машина является собственностью ее мужа и что она не желает такого общества.

Внутри фургончика ехали Рей Ханкс и Ида, которая заботилась как о его сломанной ноге, так и о своей опухшей стопе. У нее не было доверия к снотворному, поэтому она пичкала себя и слабо протестующего Ханкса огромным количеством аспирина.

— Соси, — говорила она. — Он такой горький, что ты обо всем забудешь.

Остальные шли рядом с машинами. Уже три раза они были вынуждены толкать фургончик через более болотистые места, а фургончику приходилось толкать машину Хантера, когда буксовали ее колеса. Все они перепачкались, а их обувь была облеплена грязью. Колеса фургончика покрылись грязью до такой степени, что цепи уже даже не звякали.

Свет планет, заливающий своим блеском болотистый пейзаж, рассек голубой луч. Макхит, который в силу своего молодого возраста был более наблюдательным, нежели другие, крикнул:

— Опять началось! Оба стреляют!

Четыре тонких ярко-голубых луча рассекли серое небо от Нового по направлению к Страннику. Вместо того чтобы пройти мимо, как это было раньше, лучи сошлись. Однако они не ударили по Страннику, а остановились перед ним — между ними и планетой был виден узкий, серый клочок неба — создавая четыре нечетких, полукруглых, бело-голубых веера.

«Наверное, попали в какое-то поле», — догадался Кларенс Додд.

— Совсем как в комиксах! — крикнул возбужденный Гарри.

Три фиолетовых луча выстрелили из Странника в сторону Нового и тоже были остановлены. Голубые и фиолетовые лучи скрещивались между двумя планетами, создавая на небе огромную равномерную сеть.

— Началось! — рывкнул Хиксон.

Войтович так засмотрелся на небо, что упал с тропы. Макхит краем глаза заметил, что Войтович исчезает из поля зрения, и что есть духу помчался к краю тропы.

— Со мной все в порядке, — успокоил его Войтович, слыша зов Макхита. — Я поскользнулся, но здесь, к счастью, не глубоко. Поддай мне руку.

— Ты пожалеешь, что не видишь такого чуда, любовь моя, — крикнул Хиксон жене.

— Сам смотри на эти искусственные огни! Я веду машину, — ответила миссис Хиксон и гневно засигналила Хантеру, думая, что тот хочет остановиться.

Хантер хотя и притормозил, но не хотел останавливаться. Несколько раз он быстро посмотрел на воюющие планеты, но решил, что самое главное — это добраться до Вандерберга, пока продолжается замешательство и планеты заняты собой. Он хотел наконец доехать туда и отдать Опперли серый пистолет — так же, как у Марго, у него был пистолет на этой почве. Марго, которая шла с левой стороны капота автомобиля, явно думала о том же.

— Эй! — крикнул Хантер. — Поворачиваем вправо! Будьте внимательны!

Он направил автомобиль на плоскогорье.

Наконец они увидели кого-то из обслуживающего персонала — трех солдат, которые судя по карабинам, стоящим рядом с ними, должны были стоять на страже, а вместо этого, присев, завороченно присматривались к межпланетной битве. Один из них щелкнул пальцами.

Когда фургончик вслед за «корветом» въехал на плоскогорье и обе машины остановились, Марго быстро подошла к солдатам и остановилась за ними.

На небе три новых голубых луча и два фиолетовых присоединились к заградительному огню, усложняя рисунок сети.

Марго прикоснулась к ближайшему солдату, а когда тот не отреагировал, потрясла его за плечо. Он повернулся к ней возбужденным и потным лицом.

— Где профессор Опперли? — спросила у него Марго. — Где ученые?

— Не имею понятия, — отмахнулся от нее солдат. — Они где-то там, — он указал рукой в неопределенное место на плоскогорье. — Не мешайте!

Он отвернулся, направил взгляд в небо и ударил одного из приятелей по плечу:

— Тони! — закричал он. — Ставлю еще две зелененьких, что Золотой покажет свою силу!

— Проиграешь!

В четырех тысячах километров от них, на востоке, Джейк схватил Салли за плечо и крикнул:

— Ох, Салли, если бы я только мог с кем-нибудь поспорить, кто из них выиграет!

Марго двинулась вперед. Миссис Хиксон снова засигналила. Хантер медленно поехал вслед за девушкой.

— В пути! — резко крикнул он пешеходам у автомобилей. — Можете смотреть, но не стойте на месте!

Перед ними фары освещали белые стены, на фоне которых вырисовывались фигуры мужчин, сбившихся в кучки и неподвижно смотревших на небо.

В небе сверкнули два следующих луча, однако они брали свое начало не на Новом, а в точках (может быть, на огромных космических броненосцах), находящихся на расстоянии в половине диаметра Нового от планеты. Один из новых лучей прошел Странника. Край верхней желтой плоскости мандалы засверкал, а когда ослепляющий белый свет погас, на фиолетово-желтой поверхности Странника появилась продолговатая черная дыра с рваными краями.

Молчание прервала Анна, в голосе которой звучало отчаяние:

— Мапочка, они ранят Странника! Я их ненавижу!

Дед, который шел спотыкаясь, снова начала размахивать руками и обрадованно закричал:

— Сожгите друг друга! Да, сожгите! Чего же вы ждете? Бейте друг друга!

Неожиданно девять голубых лучей, сходящихся перед самым Странником, расступились, создавая светло-голубую полукруглую завесу — туманный занавес, сквозь который были едва видны фиолетовые и золотые плоскости планеты. Фиолетовые лучи Странника исчезли.

— Они хотят его уничтожить! — крикнул возбужденный Хиксон. — Сейчас он взорвется!

— Пожалуй, у них ничего не выйдет, — заметил Додд. — Мне кажется, что у Странника новый оборонительный щит.

Пять ярких белых огоньков сверкнули на темной поверхности Нового.

— Снаряды! — догадался Макхит. — Странник отбивает атаку!

Дылда, который шел, тяжело дыша и держась за фургончик, крикнул с отчаянием:

— Но какой вывод? Что ненависть и смерть правят космосом и что даже существа на наивысших ступенях развития не могут этого предотвратить??

Не отрывая взгляда от неба, Рама Джоан, которая держала Анну за руку, быстро ответила на этот вопрос. Ответила звонким уверенным голосом:

— Боги растрачивают богатства, накопленные Вселенной, подвергают испытаниям чудеса, а потом уничтожают их. Поэтому они и боги! Я говорила, что...

Хантер перебил ее диким голосом, тыча в диск Нового пальцем.

Согласно предположениям Макхита, пять белых огоньков разрослись, создавая бледное полушарие — фронт взрывов, — сквозь которое виднелась нетронутая серая поверхность Нового.

— Я не разбираюсь в богах или дьяволах, — заявил Хиксон, — но наверняка знаю, что войны будут всегда! И вот это — наилучшее тому доказательство!

— Наконец-то ты говоришь что-то по делу! — крикнула из кабины его жена. — Но что толку от этого?

— Когда самые могущественные... самые мудрые существа... — бормотал Дылда. — Неужели действительно нет никакого спасения?

Вопрос Дылды, заданный голосом, полным глубокого и неподдельного отчаяния, разбудил воображение Макхита. Он на мгновение представил себе, что сидит за пультом управления всесильного одноместного космического корабля, висящего на полпути между Странником и Новым, гасит лучи обеих планет и доводит битву до прекращения.

— Может быть, спасение должно прийти с Земли? Может быть, им нужно помочь? — спросил Додд так тихо, словно говорил сам с собой.

Но Войтович услышал его и, не отрывая взгляда от неба, произнес:

— Как это с Земли, Додд? Уж не думаешь ли ты, что это может зависеть от нас?

Додд молча уставился на него.

— Да, — произнес он наконец. — От обыкновенных серых людей, таких, как ты и я.

— О, боже! — рассмеялся Войтович и покачал головой. — Хотя, это все их дело. Я все равно в этом ничего не понимаю!

Они шли дальше, с каждым шагом приближаясь к освещенным фарами стенам здания. Молодой мужчина прошел мимо Марго, схватил за руку какого-то майора и крикнул ему в ухо:

— Опперли приказал погасить эти проклятые прожекторы. Они мешают нам вести наблюдения!

Хантер невольно подумал об Архимеде, который, когда неприятельский солдат встал на нарисованный им на песке круг, закричал:

— Ты портишь мне рисунок!

Как гласит легенда, солдат убил Архимеда, но майор из Вандерберга только кивнул и пошел прочь. Хантер узнал Бьюфорда Хамфрейса, которого уже встречал два дня тому назад. Одновременно и Хамфрейс заметил Хантера, Раму Джоан и Анну, словом, всю «банду фанатиков летающих тарелок», которым он запретил появляться в Вандерберге. Майор вытаращил глаза, но через мгновение пожал плечами, словно хотел сказать, что ничего не понимает, посмотрел на небо и побежал, крича:

— Черт возьми, сержант, выключите же эти прожекторы!

Тем временем Марго схватила за руку молодого мужчину, прежде чем тот успел удалиться.

— Прошу отвести нас к профессору Опперли! — приказала она. — Он нас ждет!

— Хорошо. Следуйте за мной. Но только погасите свет, — крикнул он Хантеру и миссис Хиксон.

Они послушно выключили фары, и темнота опустилась на белые стены Вандерберга. Марго не отходила от молодого человека. Хантер ехал за ними, стараясь не потерять из виду белой майки. Перед ними на фоне неба вырисовывались паутины радаров и белый фундамент огромного телескопа.

Вверху погасли голубые лучи, исчезла также туманная завеса вокруг Странника, уступая место сотням ярких белых огней.

Щуря глаза, Макхит закричал:

— Взрывная сфера!

И в этот момент Странник неожиданно прыгнул на два диаметра выше, и всех охватило странное ощущение, словно Вселенная задрожала в основе. Когда белые огни, находящиеся на противоположной стороне, начали проникать на другую сторону взрывной зоны, та засияла — на ее поверхности был виден широкий разорванный воротник, через который вырвался Странник.

— У них антигравитационный привод! У всей планеты! — крикнул Кларенс Додд. Оболочку Странника покрывали черные дыры с истрепанными краями, из которых струился темно-красный свет — их было столько, что мандалу можно было различить лишь с большим трудом.

Из бока поврежденной планеты выстрелил в сторону Нового значительно более широкий и яркий, чем прежде, луч.

Однако прежде чем он преодолел половину пути, Новый, вопреки законам физики, словно атакующий носорог, сорвался с места с такой же скоростью, с какой мчались его лучи, и повис рядом со Странником. Планеты разделяло небольшое расстояние, меньшее, чем диаметр Луны.

Странник исчез.

Новый дал залп из голубых огней, которые рассекли небо в том месте, где минутой ранее находился Странник.

— Браво! Он расколол его на куски! — восторженно завизжал дед.

— Нет, Странник исчез на долю секунды раньше, — возразил Додд. — Нужно смотреть внимательно!

Новый, серая поверхность которого осталась целой и невредимой, хотя ее покрывали коричневые и зеленые шрамы, светил еще какие-то четыре-пять секунд и тоже неожиданно исчез, словно был большой матовой лампочкой с кругом отраженных солнечных лучей, которую неожиданно выключили.

— Исчезли в подпространстве! — прокомментировал происшедшее Макхит.

— Как бы то ни было, но Странник уже рухлядь, — вмешался Хиксон. — Он продырявлен, как сито, и, пожалуй, не убежит от Нового.

— В этом мы не можем быть уверены, — пожал плечами Хантер. — Может быть, до конца своих дней он будет убегать от Нового. — А мысленно добавил: «Как Летучий Голландец».

— Мы даже не можем быть уверенными, действительно ли они исчезли, — сказал Войтович и нервно рассмеялся. — Может быть, они только перепрыгнули на другую сторону Земли.

— Это так, — признал Додд. — Однако мы не видели никакого движения... они просто исчезли. И у меня есть предчувствие...

Только тогда, когда исчез желтый и оранжевый световой след, члены симпозиума один за другим начали сознавать, что стоят совершенно неподвижно в полной темноте. Хантер заглушил двигатель и тут же услышал, что миссис Хиксон сделала то же самое. Звезды снова начали мерцать на черном бархате неба — старые знакомые звезды, которые три ночи скрывало серое небо.

Пол и Дон всматривались в экран Бабы-Яги, наблюдая за опустевшим небесным полем, за голубыми и фиолетовыми лазерными лучами, уносящимися в даль космоса.

Они оба были пристегнуты ремнями к креслам. Пол держал у щеки запятнанный кровью платок, Дон смотрел на указатели температуры обшивки корабля и на блестящее зеленое изображение на радаре, представляющее Южную Калифорнию и Тихий океан. Несмотря на то что впереди у них был почти весь слой атмосферы для прохождения, Дон притормозил главным образом для того, чтобы проверить, работает ли двигатель.

— Ну и отплыли, — сказал он.

— В космическую бурю, — закончил за него Пол. — Странник — это рухлядь!

— Если бы он был рухлядью, то не смог бы войти в подпространство, — весело заверил его Дон. На экране постепенно начали появляться звезды. Дон включил корректирующий двигатель и выровнял полет.

— Может быть, он выплывет в другой космос, — размышлял Пол. — Может быть, именно в этом все и заключается — никуда не проталкиваться силой, а только дать нести себя течениям подпространства, словно разбитый корабль, дрейфующий по бушующей волне...

Дон испытующе посмотрел на него.

— Ты многому у нее научился, да? — спросил он. — Как ты думаешь, успела она вернуться на Странник?

— Наверняка, — коротко ответил Пол. — Насколько я понял, эти их маленькие корабли могут двигаться со скоростью света или даже еще быстрее.

— Она тебя неплохо поцарапала, — с притворным безразличием заявил Дон, после чего поспешно добавил: — У меня здесь не было никаких любовных приключений...

Он снова включил корректирующий двигатель, поморщился при виде указателя температуры обшивки и продолжал:

— И, пожалуй, никакие приключения не ждут меня на Земле. Мне кажется, что Марго действительно влюбилась в этого Хантера.

Пол пожал плечами.

— Но ведь тебе все равно. Ты всегда больше всего ценил одиночество. Я не хочу тебя обидеть, но нужно прежде полюбить себя, чтобы суметь полюбить другого.

Дон исподлобья уставился на Пола.

— Ты ведь любил Марго больше, чем я, — сказал он. — И я всегда знал об этом.

— Да, это так, — грустно признался Пол. — Она будет злиться на меня, что я потерял Мяу.

— Чего же только этот кот не увидит! — рассмеялся Дон и неожиданно стал серьезным. — Ты хотел остаться с Тигрицей, правда? После моего ухода ты сказал ей об этом?

Пол кивнул.

— Она не согласилась. А когда я спросил, что она чувствует ко мне, она сделала вот это, — и он прикоснулся к щеке окровавленным платком.

— Любишь ты строить из себя мученика, — рассмеялся Дон и весело добавил: — Знаешь, Пол, если бы это я был влюблен в эту даму, то следы ее когтей как нельзя лучше убедили бы меня в том, что я ей тоже не безразличен. А теперь держись за бочку — начинается Ниагара!

Члены симпозиума стояли в темноте под звездным небом. Через мгновение так близко, что им на секунду показалось, что они находятся в комнате, зажегся небольшой огонь, при свете которого они увидели стол, заставленный разными предметами, а рядом с ним худого мужчину неопределенного возраста. Марго подошла к столу. Хантер вышел из автомобиля и направился за ней.

Мужчина у стола посмотрел в сторону, откуда раздался чей-то голос:

— Магнитные поля обеих планет исчезли. Все вернулось к норме.

— Профессор Опперли! — громко сказала Марго. — Мы ищем вас уже два дня. Я принесла вам пистолет, который выпал из летающей тарелки. Он приводит предметы в движение. Мы думали, что лучше всего будет отдать его вам. К сожалению, в пути мы израсходовали весь заряд.

Профессор посмотрел на девушку, а потом — на серый пистолет, который она держала в вытянутой руке. Его узкие губы скривились в язвительной улыбке.

— Он выглядит, как жестяная игрушка, — коротко ответил он, после чего обратился к человеку, стоящему рядом: — А радиопомехи, Денисон? Они прошли или тоже...

Марго быстро передвинула стрелку на рукоятке пистолета к себе, прицелилась в стол и нажала на курок. Опперли и молодой мужчина в майке бросились вперед, чтобы отнять у нее оружие, но неожиданно остановились. Несколько листов бумаги полетели в сторону пистолета,

так же, как и три скрепки и металлический карандаш, который придерживал бумагу. Мгновение эти предметы висели у ствола, а потом упали на землю.

— Электростатическое поле? — с интересом произнес молодой человек в майке, смотря на падающие листы бумаги.

— Действует также на металлические предметы, — добавил мужчина, стоящий рядом с Опперли, видя падающие скрепки. — Индукция?

— Потянуло меня за руку! Я это явно чувствовал! — сказал, обращаясь сам к себе, Опперли и распрямил пальцы, которыми тянулся под столом за пистолетом. Он снова посмотрел на Марго: — Он действительно выпал из летающей тарелки?

Марго улыбнулась и подала ему оружие.

— У нас есть также известия для вас от лейтенанта Дональда Мерриам из американских космических сил, — вмешался Хантер. — Он будет здесь садиться.

— Был ли среди тех, кто погиб на Луне, Мерриам? — спросил Опперли у кого-то из стоящих сбоку.

— Он не погиб! — сказала Марго. — Он выбрался на Бабе-Яге. Он был на Страннике. Он будет здесь садиться... может быть, уже сейчас приближается к Вандербергу.

— Он просил, чтобы мы передали вам сообщение, господин профессор, — сказал Хантер. — У новой планеты линейные ускорители длиной в радиус Земли и циклотрон такого же диаметра!

Опперли улыбнулся.

— Пожалуй, мы собственными глазами могли убедиться в этом, а? — спросил он.

Никто из них не заметил звезды рядом с Марсом, которая начала мерцать позже других. Исчезающий вдали лазерный луч попал в Деймос — маленький спутник Марса — и раскалил его до белизны, вызывая волнения среди членов советской экспедиции.

Опперли положил на стол пистолет и произнес:

— Прошу за мной, — сказал он Марго и Хантеру. — Мы должны известить посадочную площадку, чтобы они приготовились к посадке Бабы-Яги.

— Минуточку, профессор, — остановила его Марго. — Вы что, намереваетесь оставить этот пистолет вот так, без всякого присмотра?

— А, прошу прощения, — виновато улыбнулся Опперли. — Я как-то, знаете...

Он взял пистолет и подал его Марго.

— Позаботьтесь вы пока о нем.

Ричард Хиллери и Вера Карлсдайлъ шли по узкой дороге, которая поворачивала на юг у холмов Мальверн. Они уже не были одни — по дороге шло много людей.

Они открыли, что, несмотря на проведенную совместно ночь, что-то их продолжает гнать, словно леммингов, по крайней мере днем, в дальнейшее странствие. Ричард снова начал думать о Черных Горах. Может быть, им удастся туда добраться, не заходя в более низко расположенные районы?

Раннее солнце закрывали тучи, которые подошли с севера, когда Странник повел себя очень странно. Он спокойно заходил на западе и вдруг исчез за завесой туч, но через секунду показался вновь, словно переродившийся, — серебристо-серый и значительно больший, чем раньше, появился на той же высоте, на которой находился за час до этого. Они даже подумали, а не новая ли это планета, но тут тучи застлали все небо, прерывая их размышления.

Вера остановилась и включила радио. Ричард со смирением вздохнул и тоже остановился. Двое мужчин, которые находились поблизости от них, тоже приостановились, заинтересованные.

Вера медленно крутила ручку настройки. Помех не было. Она включила радио на полную мощность и снова покрутила ручку. В приемнике царил тишина.

— Может быть, он испорчен? — заметил один из мужчин.

— Наверняка сели батарейки, — крикнул Ричард. — И это хорошо, теперь мы не будем зря отвле...

Неожиданно они услышали какие-то звуки, сначала тихие и писклявые, но, когда Вера снова начала манипулировать ручкой, в тишине, окружившей горы, раздался четкий, громкий голос:

— Повторяю. Согласно известиям, переданным по телефону из Торонто и подтвержденных Буэнос-Айресом и Новой Зеландией, обе планеты исчезли также неожиданно, как и появились. Это не означает немедленного конца увеличения приливов, но...

Они слушали. И вокруг них собиралось все больше и больше людей...

Багонг Бунг решил, что море уже достаточно успокоилось, чтобы он мог осмотреть найденные сокровища. Так что он вытащил из-под себя толстый полотняный мешок, который (так же, как и потрепанные кошельки с монетами) он добыл на «Королеве Суматры», постоянно держал при себе и открыл его так, чтобы Холбер-Хумс тоже мог в него заглянуть.

Волны, которые раз за разом ударяли в оранжевую надувную лодку, смыли грязь, оставляя в мешке чистые маленькие предметы. Среди кораллов, камешков и моллюсков Багонг Бунг увидел темно-поблескивающее старое золотое и маленькие темно-красные огоньки трех, нет — четырех рубинов!

Вольф Лонер держал в руке ложку с супом, поскольку маленькая итальянка отвернула личико, чтобы посмотреть на краешек солнца, встающего над серой Атлантикой.

— Солнце.. — шепнула она.

Затем она провела рукой по деревянному борту «Стойкой».

— Лодка..

Прикоснулась к руке, управляющей лодкой, и посмотрела Лонеру в глаза:

— Мы здесь.. — произнесла она.

— Да, мы здесь.. — улыбнулся Лонер.

Капитан Ситвайз с капитанского мостика лайнера «Принц Чарльз» осматривал длинные заплаты болотистых зеленых джунглей, парящих при свете низко висящего красного Солнца.

— Господин капитан, согласно предварительным подсчетам, у нас на борту восемьсот случаев перелома конечностей и четыреста — сотрясений мозга, — обратился к нему судовой врач.

— Итак, в джунглях Бразилии есть теперь зачатки атомного города, — попытался сострить первый помощник. — Мы уже никогда не сможем убраться отсюда.

Капитан Ситвайз кивнул, продолжая осматривать странный зеленый порт, в который зашел их корабль.

Барбара смотрела на голубую воду вокруг «Альбатроса». Только одну волну из десяти венчала белая пена. Солнце всходило над полочными пальмами, растущими в неполных трех километрах от них. Эстер сидела у люка, держа на руках мальчика.

— Бенджи! — позвала Барбара. — В каюте под палубой должно быть брезентовое полотно или какое-то большое одеяло. Ты не мог бы сделать из него парус? Мы тогда поплыли бы..

— Смогу, мисс Барбара, — прервал ее негр. — Он широко зевнул и потянулся, выгибая грудь к солнцу. — Но прежде всего я намереваюсь выспаться!

— Ну, слава Богу, все кончилось, — сказала Салли, обращаясь к Джейку.

— Тебе что, никогда не хочется спать? — устало спросил Джейк.

— Но как можно сейчас спать! — крикнула она. — У нас есть материал и можно наконец серьезно заняться пьесой.

Пьер Рамбулье-Ласепад с сожалением отодвинул в сторону листок с расчетами воздействия друг на друга трех небесных тел — он знал, что уже никогда не сможет их проверить, — и продолжал слушать отчет Франсуа Мило.

— По поводу этого нет никаких сомнений! — говорил молодой астроном. — Звездный день удлинился на три секунды в масштабе года! Прибытие этих планет вызвало стойкое, измеримое влияние на Землю!

Марго и Хантер, держась за руки, стояли в темноте на краю посадочной площадки, находящейся на северном конце плоскогорья Вандерберга-Два.

— Ты боишься встречи с Полом и Доном? — шепотом спросил Хантер. — Я не должен сейчас об этом у тебя спрашивать, когда ты беспokoишься, приземлятся ли они вообще.

— Нет, не боюсь, — ответила она и улыбнулась. — Я хочу с ними только поздороваться. Ведь у меня есть ты!

«Да, это так», — думал Хантер не слишком радостно. Он отлично понимал, что с этого момента должен так распланировать свою жизнь, чтобы в ней было место и для Марго. Сможет ли он бросить жену и сыновей? Он был уверен, что нет...

Неожиданно ему пришла в голову одна интересная мысль.

— Кроме того, нельзя забывать, что у тебя есть еще Мортон Опперли, — шепнул он.

Марго улыбнулась.

— Признайся, Росс, что ты хотел этим сказать?

— Э... ничего, — пробурчал он.

Вокруг них собрались члены симпозиума. Фургончик и «корвет» были запаркованы неподалеку.

Рядом стоял профессор с несколькими учеными. Недавно с радиостанции доложили об установлении связи с Бабой-Ягой.

Вверху над ними светили знакомые звезды северного неба, рассеянные между созвездиями Скорпиона и Медведицы, а высоко на западе блестело веретенообразное продолговатое скопление новых звезд — одни отбрасывали слабый свет, другие светили ярче Сириуса — это были сверкающие остатки Луны.

— Странно будет без Луны, — задумчиво произнес Хиксон.

— Одним махом из мифологии вычеркнуто около ста богов, — заметила Рама Джоан.

— А мне жалко, что Странник улетел, — вмешалась в разговор Анна. — Я так хочу, чтобы с ним все было хорошо!

— Мы потеряли не только богов Луны, — грустно заявил Дылда.

— Не бери это близко к сердцу, Чарли, — старалась утешить его Ванда. — Ты был свидетелем столько эпических событий! И все твои предсказания...

— Все мои мечты, — поправил ее Дылда. Он нахмурил брови и нежно сжал руку Ванды.

— У нас будет по два новых бога, вместо каждого потерянного, — сказал Хантер. — Вы в этом скоро убедитесь!

— А мне вовсе не жаль Луны, — недоброжелательно бурчал дед. — Я никогда не видел от нее никакой пользы.

— А прогулки при Луне с красивой девушкой? — спросила Марго.

— Нет Луны, не будет и приливов, — сказал Макхит, словно сделал большое открытие.

— Не забывай о Солнце, — напомнил ему Додд. — Правда, они будут значительно меньше, как, например, на Таити.

— Интересно, что будет с этими остатками Луны? — поинтересовалась Марго, рассматривая западную часть неба. — Они создадут кольцо вокруг Земли?

Опперли услышал этот вопрос.

— Нет, — ответил он и начал объяснять. — Сейчас, когда гравитационный центр Луны исчез вместе со Странником, одинокие обломки разлетятся по небу с такой скоростью, с какой они странствовали по орбите, — около восьми километров в секунду. Некоторые из них примерно через десять часов столкнутся с земной атмосферой. И начнется метеоритный дождь. Эти остатки Луны находятся сейчас над Северным полюсом Земли. Падая, они не должны попасть в нас. Многие из них будут странствовать по длинным эллиптическим орбитам вокруг Земли.

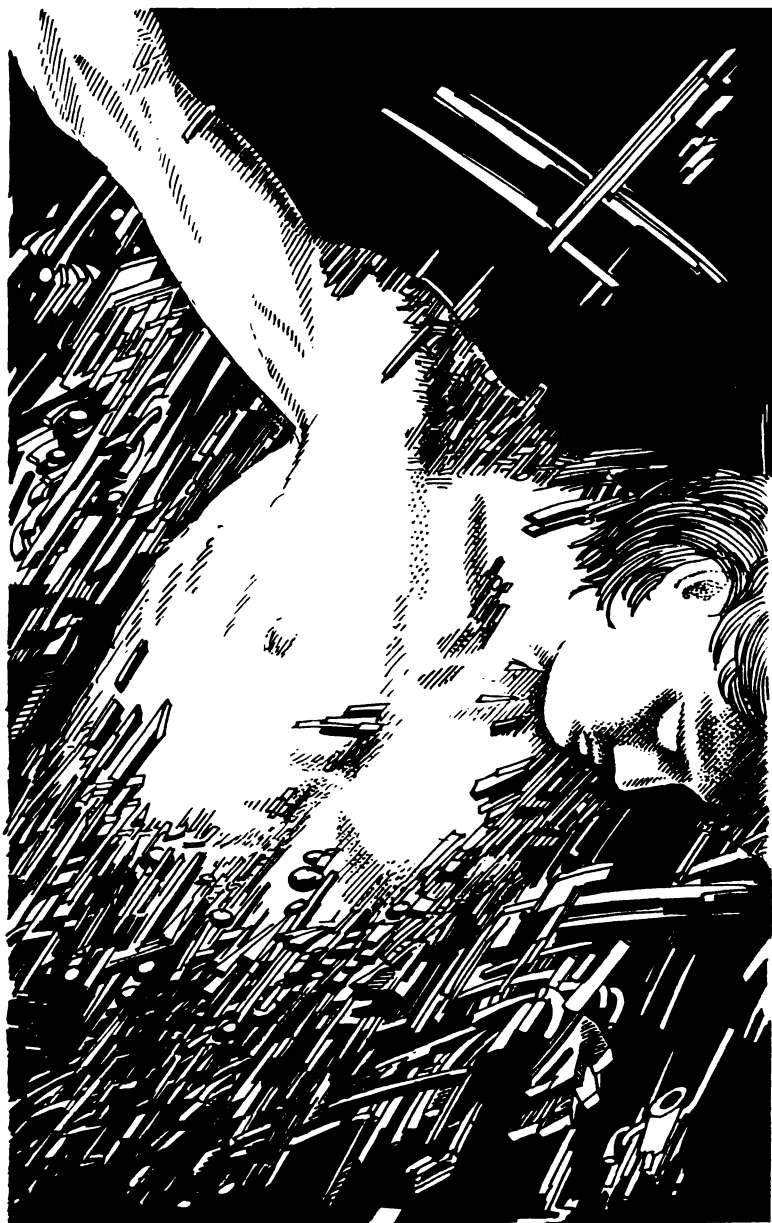
— Ой! — весело закричал Войтович. — Словно Брехт снова с нами!

— Брехт? Кто это? — спросил Опперли.

Мгновение царила тишина, потом Рама Джоан сказала:

— Наш друг.

В этот момент они увидели в зените желтое сияние, а через мгновение — вертикальный столб огня лимонного цвета, который медленно опускался к Земле. Раздался тихий, постепенно усиливающийся вой, напоминающий гул огня, пылающего в камине. У сопел корабля погасли желтые языки пламени. Баба-Яга благополучно приземлилась в Вандерберге-Два.

ТРЕБУЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЬ

•

1.1

1

ТРИЖДЫ СУДЬБА

Повесть

Глава 1

Холодное, зеленовато-голубое мерцание, подобное северному сиянию, медленно затухало вместе с последними аккордами Четвертой симфонии Ходерсона «Игдраэшл». И опять действие на громадной сцене вращалось вокруг темы пробуждения человеческой цивилизации — вокруг дерева жизни, корни которого тянулись и в небо, и в ад; вокруг змей, обгладывающих эти корни, и вокруг богов, любой ценой желающих сохранить жизнь такого дерева.

Торн слегка наклонился вперед: его рука выскользнула из-под широкого пальто и схватила пучок травы. Запястье дрожало. Он мучительно переживал факт, ставший известным ему: легенда об Игдраэшле точно соответствовала гипотезе, которую он и Клоули собирались представить Всемирному Комитету.

Да, дело с корнями обстояло именно так, и если гипотеза соответствует истине, то змеи, что гложут эти корни, — не просто обыкновенные змеи.

Кроме того, здесь не было богов, борющихся на стороне добра: в данной ситуации выступали два слабых человека.

Торн бросил взгляд на лица зрителей — они казались застывшими масками, отчего его слегка передернуло.

Между ним и Клоули протиснулась темная скрюченная фигура, и в последних вспышках света на сцене, символизировавших гибель Вселенной, Торн поймал короткий взгляд старого величественного лица с затененным высоким колпаком лбом. При виде этой личности он невольно вспомнил своего знакомого, который как-то шутя сказал, что некоторые темные личности средневековья каким-то образом смогли продлить свою жизнь и что они живы и сейчас.

Незнакомец и Клоули о чем-то пошептались.

Торн почувствовал напряжение. Казалось, на него давят звезды из бесконечной дали, и он потерял ориентацию во времени.

Его рука, как ему представлялось, протянулась вперед, ощупью коснулась мягкой ткани и обхватила маленький предмет размером с яйцо. Незаметным движением он вынул предмет и сунул его в свой карман.

Бурные аплодисменты постепенно стихали, и Торн растерянно уставился перед собой. Он подсознательно понимал: им совершена будто бы совершенно немотивированная кража.

Торн растерянно огляделся. Высокая фигура старика исчезла в толпе зрителей. Пальцы Торна все еще сжимали предмет, который он только что присвоил. Эта вещь не была ни драгоценным камнем, ни редким куском металла и уж конечно ни яйцом, хотя все-таки в данном предмете содержалось что-то необычное.

У Торна еще оставалась возможность догнать старика и вернуть ему украденный предмет, кратко и вежливо объяснив причину своего поступка, но Торн не предпринял ничего.

Внезапно из сутолоки уходящих из зала зрителей до него донесся знакомый голос.

— Ох, вот это действительно была вещь! — с сарказмом заметил Клоули. — Может быть, данный предмет как-то связан с сегодняшним нашим намерением?

— Кто сейчас разговаривал с тобой? — без обиняков спросил Торн.

— А, это психолог, я нашел его несколько месяцев назад, когда меня мучила бессонница. Ты, наверное, помнишь?

Торн коротко кивнул и в нерешительности остановился.

Клоули легонько ткнул его локтем в бок.

— Пойдем, уже поздно, а у нас еще столько дел на сегодняшний вечер.

Они оба направились к выходу.

Клоули был маленьким жилистым мужчиной и, судя по внешности, мог принадлежать к семейству Борджиа или Медичи времен далекого средневековья. Он производил впечатление юркого рыжего сатаны, но посвятившего себя благой цели.

Торн же был значительно выше и крепче, но и он мог олицетворять фигуру мрачного средневековья; правда, в данном случае уместно сравнение его только в роли Савонаролы или Да Винчи.

В те былые времена оба могли стать непримиримыми врагами, сегодня же их лояльная дружба не вызвала сомнений.

По какой-то необъяснимой интуиции можно было понять: их взаимное доброжелательство основано не только на простой дружбе. Было очевидно, что они знали какую-то тайну, которая поглощала все их силы и тяжким бременем лежала на их плечах.

Оба они выглядели немного уставшими. Под глазами Торна проступали темные тени, у Клоули было заметно нервное подергивание в уголках рта.

Большая часть зрителей уже добралась до своих летательных аппаратов с субтронными двигателями, и те роем поднялись в черное небо. Мощность этих двигателей феноменальна, она способна уничтожить всю Землю, но, к счастью, ее использование направлено на благо

людей. Два друга уселись в своем аппарате, и Торн огляделся по сторонам. Он наслаждался красотой этой ночной картины, так как достаточно хорошо знал скрытую опасность, что угрожала стране. Его взгляд скользил по устремленным вверх ярко освещенным небоскрегам: каждый из них обеспечивал приют целому городу. Вдали за зданиями мерцал Опаловый Крест, а маленькие летательные аппараты казались светлячками в ночи.

— Ну? — коротко спросил Клоули, когда колпак их аппарата захлопнулся.

Они взлетели, настроение было приподнятым: будто они участвовали в первой межпланетной экспедиции, которая несколько дней назад направилась к Марсу. Целью их пути был Опаловый Крест.

Глава 2

Клоули медленно поднялся, чтобы начать свой доклад Всемирному Комитету. В такие ответственные для него мгновения в уголках его губ всегда блуждала еле заметная дьявольская улыбка.

Но он сразу же стал совершенно серьезным.

— Итак, господа, вы слышали высказывания экспертов, а также в курсе, почему эти высказывания были сделаны, причем совершенно независимо друг от друга. Таким образом, вы теперь знаете об опасности, которая, как мы с Торном думаем, угрожает нашему миру. Вам известно также о нашем предложении ускорить проведение научных исследований. Теперь все зависит от вашего решения. Я только прошу позволения обратить ваше внимание на некоторые существенные пункты.

В самом высоком зале Опалового Креста воцарилась глубокая тишина. Это был гигантский зал, и выгнутый стеклянный купол простирался от карты мира, висевшей на южной стене, до карты Галактики на северной.

Взгляд Клоули медленно скользил над людьми, собравшимися вокруг длинного стола. На лицах Конджерли и Темпельмара угадывался откровенный отказ. Выражение лица Файрмура, напротив, выдавало глубокую веру. Правда, от него и нельзя было ожидать иного, поскольку, с одной стороны, он был шефом всего, что касалось космических полетов, а с другой, он относился к самым горячим почитателям Клоули. Председательствующий Шилдинг, чье мнение при голосовании ценилось выше остальных, смотрел несколько скептически, но это и неудивительно, ибо он по своей натуре был скептиком.

Остальные присутствующие слушали с напряженным вниманием. Закончив доклад, Торн, казалось, погрузился в свои мысли.

Клоули инстинктивно чувствовал, что окончательное решение еще не принято: теперь все зависит от его доводов.

Его рука коснулась миниатюрного пульта, и на карте мира тотчас вспыхнули тысячи крохотных зеленых огоньков.

— Перед вами распределение кошмаров у людей сто лет назад; отдельные расчеты, сделанные выборочно, подтверждаются с предельной точностью. Каждая светящаяся точка на карте представляет внушающий ужас кошмар, отчего любой из этих пребывавших во сне людей проснулся в холодном поту.

Клоули включил другой выключатель. Какие-то огоньки перегруппировались, создав другой узор, но их количество почти не изменилось.

— Вот что было пятьдесят лет назад, — сказал Клоули. — А это — сорок лет назад.

Огоньки опять перегруппировались.

— Наконец — тридцать лет назад.

В последний момент количество огоньков будто бы несколько увеличилось.

Клоули помолчал.

— Я хотел бы, господа, напомнить вам, — продолжил он, — что Торн уже ответил вам на все относящиеся к этой проблеме вопросы: теперь не может быть сомнений ни в одном факте.

Клоули снова положил руку на пульт.

Светящиеся группы точек увеличились.

— Двадцать лет.

— Пятнадцать лет.

— Десять лет.

— Пять лет назад.

На последней схеме группы светящихся точек стали обширнее и, совершенно очевидно, с одинаковой плотностью покрыли все континенты. Разрозненные огоньки были видны даже в Мировом Океане.

Вдруг рядом вспыхнувшие огоньки как бы прыгнули в лица присутствующих.

— Перед вами, господа, схема, отражающая настоящее время. — Вот так выглядят наши ночи, — спокойно начал Клоули. Он помолчал, чтобы усилить впечатление от схемы с зелеными огоньками. — Эти сведения не должны быть для вас новыми, — продолжал он, — так как каждый из нас хоть раз видел страшный сон. Что же касается моего собственного опыта в этой связи, то я целиком и полностью могу подтвердить сообщение Торна.

Он выключил световое изображение карты.

— А теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к другим доказательствам, а именно, к постоянно усиливающейся бессоннице у людей. Перейдем ко второму выводу Торна; данное умозаключение поразительно просто; остается только удивляться, как такой факт мог остаться незамеченным до сих пор. Сравнение Торном отдельных снов безупречно доказывает, что во всех без исключения снах действие происходит на том же самом ландшафтном фоне.

Он оглядел аудиторию.

— Именно это просто поразительно. Мне кажется, что Торн в своем кратком сообщении остановился на данном пункте недостаточно подробно. Вам стоило бы хоть разок увидеть гигантский объем материала, имеющийся в его бюро. Задумайтесь: существует бесчисленное множество людей, которые территориально живут далеко друг от друга, но все они в одно и то же время видят сны. О, нет, у них не одинаковые сны, что можно было бы объяснить телепатией или массовым внушением, но ландшафтный фон в снах одинаков у каждого человека. Будто любой человек рассматривает наш мир через одно и то же окно!

Его слова встречались молчанием пораженной аудитории. Две-три морщины на лбу Конджерли проступили отчетливее, казалось, он приготавился возразить, но его опередил Темпельмар.

— Я не уверен, что из объяснений моего коллеги следует заключить, что не использовались какие-то формы телепатии, — сказал этот стройный мужчина с высоким лбом и покрасневшими вокруг глаз веками. — В принципе, речь ведь идет о гипотезе, о факте, о котором мы не так уж много знаем. Возможно, между описанными в сообщении Торна людьми существует какая-либо взаимосвязь, скрытая пока от нас. Не исключено, что они передают свои кошмары друг другу и таким образом создают массовое внушение.

— Я в это не верю, — возразил Клоули. — Меры предосторожности, принятые Торном, были на должном уровне. Кроме того, я считаю совершенно невероятной передачу людьми своих снов-кошмаров друг другу.

— Но ведь мы же, — продолжал Темпельмар, — не имеем ни малейшего представления о том, что может скрываться за этим феноменом. Вероятно, все это происходит из-за влияния субтронных сил, которые были открыты около тридцати лет назад.

— Совершенно верно, — сказал Клоули. — Давайте пока оставим в покое сны со странными совпадениями и вызванные неясной причиной. А я тем временем обращусь к сути всего комплекса проблемы — возникающая амнезия и провалы в памяти.

Конджерли опять словно собрался возразить, но Темпельмар снова коротким взмахом руки заставил его промолчать.

Клоули вновь включил схему. На карте мира вспыхнуло несколько сот желтых огоньков, рассеянных большей частью группами из двух-трех точек.

— В данном случае нам нет нужды возвращаться в прошлое на пятьдесят лет, ибо данная драма разыгралась совсем недавно, и записи психиатров еще свежи. Все эксперименты свидетельствуют, что в этом случае речь идет о совершенно новом виде нарушения памяти. Первые признаки такой болезни обнаружены всего лишь два года назад. — Клоули повернулся к карте.

— Каждый из этих желтых огоньков представляет отдельный случай провалов в памяти. Совершенно нормальный во всех отношениях человек вдруг просыпается и перестает узнавать членов своей семьи и самых близких друзей. Пострадавший утверждает, в противоположность всем приводимым доказательствам, что перед ним совершенно незнакомое существо, занимающее место незнакомого существа-близнеца. Конечно, известны только те случаи, когда пострадавший обращался к психиатру. Иногда лечение у психиатра дает существенное улучшение, но во многих случаях люди упорствуют в своем разъединении со своим обычным окружением: когда же это муж с женой, дело обычно доходит до развода. А теперь я перехожу к амнезии: мне придется переключить схему.

Желтые огоньки исчезли, их на карте заменили фиолетовые светлячки, которые поодиночке были рассеяны по всей карте.

— Амнезия в большинстве случаев начинается временными провалами в памяти. Пострадавший запирается в своих четырех стенах на несколько дней и старательно изучает имеющиеся у него бумаги и документы, касающиеся его собственной персоны. Часто ему удается заполнить провалы памяти таким образом. Подобные случаи становятся известны нам только тогда, когда пострадавший вдруг перестал узнавать свою семью и ближайших друзей и против своей воли направляется под надзор психиатра. Конечно, он не может дать ни малейших объяснений причин, приведших к амнезии.

Клоули огляделся.

— Таким образом, я хочу подойти к пункту, господа, который эксперты, согласно моему особому желанию, еще не комментировали. Право на разъяснение этого вопроса я оставил за собой: он может послужить отправной точкой исследования. Речь идет о связи между амнезией и провалами памяти.

Он выдержал короткую паузу, чтобы усилить эффект своих доводов.

— На этот раз я включу сразу оба проектора. При этом вы наглядно увидите те случаи, когда возникает как амнезия, так и провалы в памяти: вы же сами знаете, что происходит, если желтый цвет смешивается с фиолетовым.

Пальцы Клоули забегали по клавиатуре. За исключением немногих желтых точек, все огоньки теперь стали белыми.

— Вот вам информация о красках, господа, — спокойно сказал Клоули. Напряжение в зале усилилось, и он слегка наклонился вперед. — Этот феномен, как мне кажется, означает угрозу безопасности нашего мира. Данная проблема должна быть немедленно и основательно изучена.

Тут не спеша поднялся Конджерли.

— У нас за плечами прекрасный опыт развития человечества, — раздраженно сказал он, — надо полагать, нам нет нужды заниматься теперь злобными врагами цивилизации, то есть суевериями. Тем не

менее я вынужден вернуться к досадным выводам этого господина, которого мы до сих пор терпеливо слушали. Он хочет объяснить случаи амнезии и провалов в памяти какой-то дьявольской теорией! — Конджерли посмотрел на Клоули. — Или я вас неверно понял?

Клоули резко кивнул головой.

— Нет. Я твердо убежден, что сознание наших граждан подвергается воздействию странных сил, которые хотят таким способом твердо закрепиться на Земле. Что же касается вопроса о том, какова природа данной силы и откуда она могла появиться, то я не могу ответить. Во всяком случае, из представленных Торном исследований следует: эти загадочные существа должны быть родом из мира, очень похожего на наш. По характеру действия этих загадочных существ — тайное отрицательное воздействие на наше сознание — можно сделать вывод: они настроены к нам враждебно. Мне нет нужды подчеркивать, что в наш век субтронной техники даже малочисленная группа подобных существ может представлять опасность для существования Земли.

Конджерли снова сжал кулаки.

— Мы материалисты, господа, и твердо убеждены: всякому феноменальному явлению можно найти объяснение. Ведь наша материалистическая основа и сделала возможным современное техническое развитие. Я, конечно, не отсталый ретроград и не отвергаю новые теории. Но если эти теории базируются на древнейших суевериях человечества, если этот господин своими историями о загадочных существах, угрожающих человечеству, хочет нагнать на нас страху, если он хочет призвать нас к грандиозной охоте на ведьм, если он приводит сюда коллегу, — Конджерли скользнул мрачным взглядом по Торну, — который занимается исследованием кошмаров, то я вынужден все же сказать: плохи дела с нашим материализмом, ибо с таким же успехом мы могли бы отдать будущее Земли в руки каких-нибудь фокусников или предсказателей.

Клоули от такого выступления на какой-то момент потерял дар речи, но быстро снова овладел собой.

В голосе Конджерли появилась язвительная ирония.

— Может быть, сэр, ваши люди уже теперь устраивают охоту на ведьм, вампиров и демонов, прибегая ко всяким заклинаниям и прочим мистическим средствам?

— Вам нужно обратиться к здравому смыслу, — спокойно парировал Клоули.

Конджерли глубоко вздохнул, его лицо покраснело, и он бросился в наступление. В этот момент поднялся Темпельмар и будто нечаянно задел Конджерли рукой.

— Давайте прекратим ссору, — предложил он примирительно, — Конечно же доводы нашего гостя находятся в некотором противоречии с нашим материалистическим мировоззрением, но все же наша задача — охранять мир от опасности, будь она даже самой невероятной и

необъяснимой по происхождению. Согласно теории нашего гостя, загадочные существа собираются захватить Землю. Но все же некоторые доказательства представлены, и нам нужно подождать, может, удастся выработать другую теорию относительно возникновения подобных явлений.

— Другие теории уже были представлены и отброшены как неверные, — резко возразил Клоули.

— Конечно, — Темпельмар ухмыльнулся. — Это же научный прогресс, который никогда не кончается, верно ведь?

Он сел, Конджерли последовал его примеру.

Клоули чувствовал неприкрытое неприятие своих выводов со стороны этих двух ученых — они сейчас казались ему врагами.

Неужели он здесь совершенно одинок? Клоули взглянул на скептически ухмыляющиеся лица присутствующих. И даже Торн, на чью помощь и поддержку он так рассчитывал, видимо, впал в странный сон.

А сам он, Клоули, разве не сомневался в том, о чем только что здесь докладывал?

Торн неожиданно встал и молча зашагал из зала. Его походка напоминала походку лунатика. Несколько человек с любопытством посмотрели ему вслед. Конджерли украдкой кивнул, и Темпельмар улыбнулся.

Клоули взял себя в руки.

— Ну, господа?

Глава 3

Торн, словно во сне, пикировал вниз в высокой шахте к первому этажу, чтобы покинуть здание.

Выход был условной границей этой гигантской метрополии, которая помещалась в этом огромном здании. Перед глазами Торна простирался широкий полосой темный лес. Рядом с оставленными на террасе летательными аппаратами стояла молодая пара влюбленных. Они моментально отодвинулись друг от друга и недоуменно посмотрели ему вслед. Торн, покачиваясь, брел дальше и теперь был похож на паломника или крестоносца, запутавшегося в религиозных догмах.

В следующее мгновение он скрылся в лесу.

В странном состоянии — одновременно погружение в сон и бодрствование — он продвигался по лесной дороге. Перед его взором всплывали старые воспоминания. Там где-то было его детство, все прошлые желания и надежды, студенческие годы с Клоули, работа. Торн произвольно подумал об инциденте в зале Опалового Креста, который он только что пережил. И как-то вдруг возникла мысль: он ведь бросил в беде своего друга; но все это сейчас не имело никакого значения, считал он.

Да, все потеряло значение, важным оставалось лишь одно — следовать этому тянувшему его с неодолимой силой импульсу.

Лесная тропа была узкой, и Торну пришлось раздвинуть несколько свисающих веток. Все представлялось ему чем-то нереальным.

И тут вступил в свои права мир его снов — мир, который с давних пор повелевал его жизнью и привел его к выбранной теперь профессии. Это был мир, где всегда подстерегали опасности. В том мире жил другой Торн, Торн, который ненавидел его и завидовал ему; он мог думать о нем только с чувством глубокой вины.

Этот другой Торн постоянно как фантом пересекал его жизненный путь и появлялся ночами во всех его снах. Пока он сам счастливо и беззаботно жил в своем детстве, когда каждый день приносил новые и прекрасные приключения, другой Торн познал страх и жестокий гнет. Когда он переживал счастье первой любви, другой Торн был силой разлучен со своей молодой женой.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом два параллельных мира существовали одновременно.

Торн знал ощущения другого Торна едва ли не лучше своих собственных, и все же видения представлялись какими-то расплывчатыми, какие обычно возникают и присутствуют во сне. Будто он видел сны другого Торна, а тем временем тот Торн с помощью какой-то дьявольской махинации переживал его сны и все больше и больше его ненавидел.

Это чувство вины по отношению к другому Торну было самым значительным в его ощущениях.

И пока Торн кружил по узкой лесной тропинке, перед ним появилось его собственное лицо.

Ветки хлестнули его по лицу, он споткнулся о корень. Рука скользнула в карман, схватив предмет, украденный у таинственного незнакомца, разговаривавшего с Клоули. В темноте невозможно было разглядеть окраску предмета, но Торн был абсолютно уверен, что он еще никогда не видел такой вещи.

Вдруг ему пришла в голову мысль: ведь такой странный предмет мог состоять из одной-единственной молекулы. Фантастично, но все же возможно, что атомы сцепились, приняв такую гигантскую форму.

В одной такой молекуле должно быть больше атомов, чем солнц во всей Вселенной.

Сверхгигантские молекулы были основой жизни — гормоны, движущие силы и носители наследственного фактора. Какие двери можно открыть при помощи такой сверхгигантской молекулы?

Одно лишь мимолетное представление об этом рисовало ужасную картину! Торн решил было выбросить лежащую в кармане штуку, но потом все же снова засунул ее обратно.

Зашуршали листья. Посреди тропинки сидела большая кошка и, фыркая, смотрела на него. Кошки были приучены человеком на заре

человеческой цивилизации, однако они вернулись в природу и начали снова дичать.

Тропинка раздвоилась; Торн выбрал одно ответвление: по этой дорожке он углубился в темный лес, расстилавшийся перед ним угольно-черной бесконечностью.

Понять действительность было не так просто, как ему представлялось сначала. Основа ее создавалась разными путями и простиралась во множество миров, далеко за пределы нашего мира.

Торн ускорил шаги; опять перед ним показалось, возникло бледное лицо — его собственное лицо! Да, это было лицо другого Торна, знакомое ему по его снам. Оно будто какой-то магической силой тянуло его в далекие незнакомые миры.

С храбростью отчаяния Торн продолжал свой путь.

Он должен встретить другого Торна и расквитаться с ним окончательно. Непонятно, как он сам был тем, другим Торном, а тот, другой Торн, был им самим.

Опять по лицу хлестнули ветки.

Перед Торном постоянно маячило другое лицо.

У него мелькнула мысль, что и другие люди задолго до того, как он это испытал сам, переживали то же самое. Загадочное существо снова пыталось укрепиться на Земле.

Он подумал о Клоули, которого так позорно покинул, бросив на произвол судьбы.

Но теперь Торн был совершенно безвольным существом, бредущим с вытянутыми вперед руками по узкой лесной дороге.

Он поднялся на небольшую возвышенность, скользнув взглядом по стоящему вдаль ярко освещенному небоскребу. Наверное, это последний прощальный взгляд.

Силы его были на исходе.

Задышавшись, Торн перешагнул порог безбрежной темноты, молча установившись с безвольно болтающимися руками.

Откуда-то, возможно, из глубин его души, из его чрева, донеслось раскатистое эхо из смеха, смеха с издевкой.

Глава 4

Клоули, скорчившись в своем летательном аппарате, неся к верхним этажам Голубого Лорена. По спине пробегала холодная дрожь. Вообще-то ему давно надо было бы отдохнуть дома, хотя бы немного привести в порядок свои мысли.

Или, может быть, ему прямо сию минуту надо было начать поиски Торна.

Он был настроен и морально подготовлен сначала выполнить эту задачу, иначе не сможет успокоиться, а потом остальные дела.

После исчезновения Торна сцена в зале Опалового Креста представляла собой гигантское собрание людей, повергнутых и разочарованных. Они должны быть довольны хотя бы тем, что могут продолжать работу.

Приговор Комитета, отвергающий гипотезу Торна, пошатнул уверенность всех присутствующих, особенно членов Комитета. Каждый, сидевший на сцене, чувствовал себя побитой собакой.

Почему, черт побери, Торн так неожиданно покинул собрание? Может, он действительно испытал гипнотическое внушение? Ведь он выплыл из зала, словно лунатик: именно этот факт больше всего взволновал Клоули.

Торн вообще был странным парнем. Даже после долгих лет знакомства с ним Клоули считал его поступки непредсказуемыми.

Если Торн сбежал, то что-то стряслось по вине Клоули...

Аппарат немного качнуло, и Клоули был вынужден сосредоточиться, чтобы придерживаться выбранного маршрута.

Он невольно задавал себе вопрос, удалось ли ему незаметно покинуть Опаловый Крест. Кое-кто из собравшихся хотел с ним поговорить. Теоретические выкладки, как мог, поддерживал Файрмур, но и он, безусловно, хотел уточнить некоторые подробности, однако Клоули все-таки удалось ускользнуть из зала.

А если кто-то направлял его по этой дороге?

Замечание Конджерли о предсказателях могло быть чисто случайным, и все же оно очень ранило Клоули. Если Конджерли и Темпельмар догадались, что он задумал, тогда все пропало!

Было бы лучше отказаться от этого плана или по крайней мере отложить его.

Нет, слишком сильным было внутреннее чувство долга. Его какой-то магической силой влекло высокое здание Голубого Лорена.

В голове роились мысли. Зеленые огоньки на карте мира — зелень и голубизна Игдразшла. В каком мире Ходерсон нашел прообразы своего произведения?

А существовало ли воздействие загадочных существ, которому он, как ему казалось, тоже подвергался?

Прямо перед ним возвышалось гигантское здание Голубого Лорена. Верхняя часть купола всегда мерцала от зноя, даже когда на поверхности Земли не царила летняя жара. Повсюду были налицо признаки пробуждающегося дня. На наружных стенах здания прилипло множество грузоподъемников, разгружавших или принимавших груз. Около одного из люков находилась толпа детей, направляющихся в школьное отделение.

Клоули на мгновение завис над посадочной площадкой, а затем быстро приземлился, как птица. Дыхание прерывистое, в ушах звон, и он потерял уши и щеки окоченевшими ладонями. Возможно, ему следовало бы войти в здание через главный вход внизу, но нетерпение заставляло его выбрать этот путь.

Субтронная энергетическая волна пронесла Клоули около четверти мили над одним из главных входов; именно оттуда он направился в помещение психологов.

Дорогой он украдкой осматривался по сторонам. Опять в нем поднялись сомнения. А если Конджерли прав? Если все доказательства действительно основаны только на суевериях? Если мнение об угрозе миру, высказанное Комитету, базируется лишь на неверном толковании предложенных доказательств?

Клоули вдруг оказался сам себе шарлатаном; он засомневался, не лучше ли на самом деле сейчас же повернуть назад.

Но внутренняя убежденность перевесила. Какую-то деталь ему нужно выяснить любой ценой!

Перед дверью он остановился, но тут же, не задумываясь, перешагнул порог, направляясь к письменному столу, за которым сидела неподвижная, одетая в черное фигура.

Лицо Октава казалось очень старым; это впечатление усиливалось от белоснежных волос, впалых морщинистых щек и глубоких морщин под глазами. Мысли Клоули невольно обратились к глубоким пластам истории средневековья, когда рыцари в латах устраивали турниры, а народ передавал из уст в уста легенду об эликсире, который мог обеспечить вечную жизнь. Он припомнил имевшие место слухи, согласно которым Земля время от времени посещалась одетыми в темное людьми, обладавшими этой самой вечной жизнью.

Клоули медленно сел на стул.

— Я вижу сопротивление твоей теории, — сразу начал Октав. — Это сопротивление со стороны членов Всемирного Комитета всю ночь доставляло тебе хлопоты. Речь идет о проблемах, которые мы с тобой обсуждали во время симхромии. Я вижу людей, сомневающих в твоей теории и не желающих поддаваться влиянию твоих убеждений. Я представляю отчетливо двоих оппонентов, резко противопоставляющих себя тебе, но я не могу понять мотивы их поведения. Я вижу, как ты потерял самообладание, когда тебя бросил на произвол судьбы твой друг. И теперь ты хочешь сдаться.

Обо всех этих поступках, подумал Клоули, он мог узнать совсем просто, установив наблюдение. И все же такое фантастическое видение и умение читать мысли и сегодня производило на него впечатление, точь-в-точь как в тот самый день, когда он впервые увидел Октава в особом одеянии в качестве психолога.

Клоули опустил глаза под воздействием взгляда Октава.

— Ну, как дела с будущим миров? — сдержанно спросил Клоули, совсем обыденно, как это может прозвучать только в этой комнате. — Видишь ли ты что-нибудь отчетливое?

— Лишь схематические сны, — бесцветным голосом ответил Октав, — загадочные существа в образе людей проникают на Землю и готовятся к удару. Но откуда они и когда вторгнутся, я ничего не могу

сказать. Твоя попытка убедить других в существовании этих инопланетян только усилила эту опасность.

Клоули, вздрогнув, немного выпрямился. Вопрос о Торне готов был сорваться с языка, но он сдержался.

— Послушай, Октав, мне обязательно нужно побольше узнать у тебя об этих существах. Ты, очевидно, что-то от меня скрываешь. И если я по твоим скрытым намекам все-таки выберу путь, а потом узнаю от тебя, что я ошибся, мне придется худо. Ты должен подробно описать, в чем состоит эта угроза. Сделай это ради блага человечества.

— И вызвать силы, которые уничтожат нас? — Октав пристально смотрел на него. — Внутри миров есть другие миры, как колеса, вложенные в колеса. Я и так сказал слишком много, об остальном я умалчиваю в интересах твоей же безопасности. Кроме того, действительно есть вещи, которых я не знаю и которые скрыты даже от Великих Экспериментаторов. Кстати, мои предположения могут быть далеки от истины, даже дальше, чем твои.

Мысли Клоули вертелись вокруг одной темы: кто такой Октав и что может скрываться за этой античной маской? Что скрывается за масками Конджерли и Темпельмара? За маской Торна? За его собственной маской? Есть вещи, которые скрыты даже от собственного сознания. Какое будущее ожидает этот мир масок?

— Так что же мне делать, Октав? — устало спросил он.

— Я тебе уже не раз говорил, — ответил Октав. — Ты должен подготовить свой мир к любой неожиданности. Мобилизовать все силы и оружие, чтобы не быть беззащитными жертвами в руках охотников.

— Но как мне это сделать, Октав? Мои предложения идентифицировать надвигающуюся на нас опасность везде отклонены. Как же я могу предложить миру всеобщую мобилизацию без всяких оснований?

Октав некоторое время помолчал. Когда он наконец ответил, в его голосе слышался горький упрек вековой мудрости.

— Тогда ты должен назвать миру причину. Всякое правительство всегда находило причину, чтобы мотивировать какое-либо мероприятие. Ты должен назвать опасность, понятную для людей с куцей способностью восприятия. Подожди-ка... Марс...

От двери донесся негромкий шум. Октав повернулся, и его рука украдкой скользнула в вырез темной одежды. Очевидно, он что-то искал там, и когда ничего не смог найти, на его лице появилось выражение недоверия.

Клоули бросил взгляд на дверь.

Там стояла темная фигура, взгляд которой, отличающийся твердостью, был устремлен на Октава. Сделав короткое нетерпеливое движение головой, фигура исчезла, но ее облик во всех подробностях прочно запечатлелся в сознании Клоули.

От мелькнувшей здесь недавно фигуры тоже исходило впечатление бесконечной старости, а в глазах притаилась мудрость веков. Это была

фигура богоподобного существа, хотя в ней отсутствовала божественная доброта.

Одежда существа была сделана из вещества, напоминающего пластик. Клоули неожиданно подумал об изображениях одежды девятнадцатого и двадцатого веков, которые он видел в историческом альбоме.

Октав без всяких объяснений встал и прошел через дверь в соседнюю комнату. Его рука опять скользнула в вырез одежды — и снова в ладони пусто. Он лихорадочно пытался вспомнить о предыдущих событиях, чтобы не оказаться в смертельной ловушке.

Октав исчез в соседней комнате.

Наступила мертвая тишина.

Клоули ждал.

Время текло медленно. Клоули слегка покашлял, потом, неожиданно встав, подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, снова вернулся на свое место и продолжал ждать.

Он задумался о суевериях и мимолетных явлениях в виде призраков в средневековых одеждах. Он размышлял о древней мудрости, которую он увидел в глазах Октава и на лице той, другой фигуры, явившейся в облике человека.

Клоули снова поднялся и двинулся к двери в соседнюю комнату.

Комната, в которую он вошел, была маленькой, скупо меблированной. В ней не было ни окон, ни дверей. Стены совершенно гладкие и чистые.

В комнате не было ни единой живой души.

Глава 5

Октав шел за посланцем в область абсолютной темноты.

Здесь они находились вне пространства, на пороге бесконечности, где даже атомы застыли в неподвижности. Здесь присутствовало лишь движение мыслей — мыслей, сила которых влияла на Вселенную, и эти мысли могли излучать и воспринимать только богоподобные существа.

Однако, кстати заметить, мысли были чисто человеческие, с характерными для всех людей земными помыслами, идеями, порой ошибочными, отражающими человеческие слабости. Они оказались в совсем другой, очень далекой Вселенной. Высокий купол собора, где в полночь шуршала только пара заблудившихся летучих мышей.

Октав настроился на зону, где царствовал лишь мир мыслей.

Он услышал отчетливо различимое, громкое постоянное жужжание Генератора Вероятностей и более тихое потрескивание семи открытых Талисманов. Он чувствовал присутствие семи человеческих существ, собравшихся у Генератора Вероятностей. Терс сделал краткое сообщение, и Октав ощутил неприятие данной информации шестью существами из семи. Он занял свое место — восьмое, последнее.

Терс закончил свой реферат.

— Мы вызвали тебя, Октав, — передал мысли Прим, — чтобы выслушать объяснения твоему в высшей степени странному поведению. Мы узнали, что ты непрослительно небрежен. Только дважды возникала необходимость возвращать Талисман, ибо его владельцы погибали насильственной смертью в каком-то из миров. Как же могло случиться, что Талисман похищен, — ведь он реагирует на опасность: немедленно предупреждает, что его разлучают с владельцем?

— Я тоже не могу этого объяснить, — виновато ответил Октав. — Должно быть, какое-то чуждое вмешательство смогло перекрыть предупреждение Талисмана или отвлечь мои мысли. Я заметил пропажу в тот момент, когда был вызван сюда. Если я верно восстановил события, происшедшие со мной на Земле, то, уверен, смог бы идентифицировать человека, в чьи руки попал Талисман, или того, кто его выкрал у меня.

— Был ли Талисман закрыт в это время? — быстро спросил Прим.

— Да, — ответил Октав. — Мысленный ключ к предохранителю известен только мне.

— Ну это, по крайней мере, маленькое преимущество в нашу пользу, — подумал Прим.

— Я совершил ошибку, — продолжал передавать мысли Октав, — но эту ошибку очень легко устранить. Дайте мне другой Талисман, тогда я смогу пойти в тот мир и добыть свой Талисман.

— Так не пойдет, — ответил Прим. — Ты и так слишком долго находился в том мире, Октав. Ты самый молодой в нашем кругу, но твое тело уже состарилось.

— Да, — импульсом передал ответ Октав, не тратя времени на раздумья. — Время течет медленно, когда вы сидите здесь, в вашем удобном уединении, и обмениваетесь замечаниями о событиях, совершаемых в том мире.

— Ты попал под влияние мира и его чувств, — отпарировал Прим. — Кончаю этот вопрос и перехожу ко второму, более важному пункту нашего объяснения.

Октав почувствовал неприкрытую враждебность семи остальных существ. Теперь утрата Талисмана будет для него роковой. Его надежда на хороший исход встречи не оправдалась.

— Мы узнали, — продолжал Прим, — что ты разглашаешь тайны. В эмоционально подчеркнутом и удивительно примитивном облике предсказателя и ясновидца ты передаешь запретные знания представителям мира Земли главного ствола.

— Я этого не оспариваю, — согласился Октав. — Мир главного ствола нуждается в пополнении своих знаний. Вы же обращаетесь с ними не как со взрослыми разумными людьми, а как с плохо воспитанными детьми. И их, совершенно неподготовленных, толкаете в чрезвычайно сомнительное будущее.

— Мы можем наилучшим образом предрешить благополучие мира! — мысли Прима с помощью Талисмана, зажатого в его ладони, усилились до полной мощности. — В противовес твоим затеям мы все свои силы направили на бескорыстную службу мирам, поставив цель дать миру счастье с помощью научных методов. Главное условие нашей деятельности — полное отсутствие информации о нашей деятельности на Земле: ни один человек в мире не должен знать о наших действиях. Неужели ты настолько подвержен влиянию Земли, что я должен напоминать тебе о цели нашего существования?

Абсолютная темнота, казалось, пульсировала, но Октав не отвечал, и мысли свои Прим настойчиво продолжал передавать с помощью излучений, будто уговаривал маленького ребенка.

— Не получилось ли так, что тебе с самого начала оставалась непонятной логика наших научных действий? Каждый эксперимент требует известных мероприятий по безопасности. При нормальных условиях остался лишь один мир, с которым, естественно, нельзя экспериментировать. Поэтому-то и невозможно установить, какой вид общественного устройства и какое правительство более всего принесут пользы народу этого мира. Но различные аспекты жизни и развития общества любого мира проявляются в другом ракурсе, если воспользоваться Генератором Вероятностей. С его помощью можно наблюдать развитие отдельных миров и постоянно следить за их будущим. Мы в силах наблюдать важнейшие эпохи, когда мир стоит перед важным выбором, например, между демократической и тоталитарной формами правления, или между чисто этическими понятиями и тому подобное. В такие временные интервалы мы используем Генератор Вероятностей и направляем его импульсы на вождя того мира, в чьих руках сосредоточена власть над будущим. Теперь у него появляется несколько возможностей: одна, две или более. Течение времени в одном случае способствует развитию, в другом — приостанавливает его, поэтому мы имеем различные миры, общественные структуры которых сильно различаются. Анализируя факты, мы можем принимать окончательные решения.

— Я вынужден критиковать такую практику, — немедленно возразил Октав, не заботясь об опасности, вызванной непослушанием. — Ты обобщаешь вещи, забывая при этом, что крупные вероятностные факты возникают из множества мелких. Все обстоит совсем не так просто, как ты считаешь.

Своими выводами Октав сокрушал основы их знаний, но Прим, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Последний временной срез проведен нами тридцать земных лет назад, — непоколебимо продолжал он. — Открытие субтронных сил дало миру энергию космоса. Вследствие этого правительство мира встало перед тремя различными возможностями: скрыть изобретение и устранить изобретателя, использовать открытие в своих собственных целях или поставить открытие на службу обществу. В последнем слу-

чае возникает явная опасность: почти любой человек или по меньшей мере маленькая группа людей может в результате различных обстоятельств сосредоточить в руках силу, способную разрушить весь мир. Учитывая природные условия, можно реализовать только одну из перечисленных возможностей. Земле дается лишь один шанс на выбор. С нашим вмешательством можно реализовать все три возможности. Даже нескольких лет постоянного наблюдения достаточно для доказательства, что третья вероятность, то есть опубликование открытия о субтронных силах, была правильной. Оба других мира, которые развивались иным путем, к этому времени уже имели налицо факты, свидетельствующие об ошибочном выборе их пути развития.

— Да, другие миры, — с горечью подтвердил Октав. — Как много их уже было, Прим? Как много, помнишь, с самого начала?

— Но ведь мы же стремимся к сотворению самого наилучшего из миров, поэтому, естественно, вынуждены создавать и плохие, — терпеливо разъяснил Прим.

— Да, конечно, миры ужаса, которые никогда бы не возникли, если бы вы не стремились попробовать исчерпать все возможности человеческого духа — как добрые, так и злые. И без вашего вмешательства людям удалось бы построить свой прекрасный мир — без привлечения всех этих ужасных вариантов.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы должны прекратить свое вмешательство и пустить все на самотек? — раздраженно спросил Прим. — Неужели нам нужно смириться с ролью фаталистов? Нам, мастерам судьбы?

— И далее, — продолжал Октав, не обращая внимания на возражения Прима. — После того как вы создали эти ужасные миры, где люди тоскуют по отнятому у них счастью, вы эти миры просто уничтожаете.

— Естественно! — уже сердито ответил Прим. — Если у нас появляется уверенность, что эти миры не отвечают желаемому, мы прекращаем их жалкое существование.

— Да, — с еще большей горячностью возразил Октав. — Ненужных котят просто топят. Ваша благосклонность распространяется только на один-единственный мир, остальные же без всяких церемоний заталкиваются в пакет для отходов.

— Но это же подлинный акт милосердия, — возразил Прим. — Нет ни горя, ни боли — только внезапное прекращение жизни — как стирание ненужного мазка кисти художника.

Но Октав не думал сдаваться. Наконец-то прорвались наружу все накопившиеся в нем сомнения относительно затей этих существ, так много возмнивших о себе. Его изболочительные речи, передаваемые импульсами, проносились сквозь тьму, рассекая ее, как удары кнута.

— Кто же вы такие, что можете утверждать, будто внезапное стирание не причиняет никакой боли? О, пусть это призрачные миры,

результаты экспериментальных ошибок, они же не играют для вас никакой роли, а раз они результат неудачи — они должны быть устранены, поскольку нельзя вынести их молчаливого обвинения. Будто люди этих призрачных миров не имеют такого же права на будущее, как и человечество мира главного ствола. Какое же преступление совершили эти несчастные, не считая, конечно, что, возможно, они идут неверным путем? Причем вы же сами признаетесь, что все стоит перед таким же выбором. Какая разница между миром главного ствола и мирами ответвлений, не считая того факта, что вы больше заботитесь о будущем мира главного ствола? Я хочу обратить ваше внимание еще вот на что: вы настолько благосклонны к своему миру, миру главного ствола, что остальные рассматриваете только как гипотетические. Но они так же реальны, до мельчайших подробностей.

— Они же больше не существуют, — свирепо возразил Прим. — Очевидно, твои постоянные контакты с миром сузили твой кругозор и смутили дух. Ты встал на сторону миров, которых вообще больше нет.

— Ты твердо уверен в этом? — Октав же почувствовал, что своим вопросом привлек внимание остальных. — А если призрачные миры все-таки живы? Если вы только полагаете, что уничтожили их, отключив от них свое внимание, а они продолжают существовать в системе, параллельной миру главного ствола, и плыть в море времени? Я же вам постоянно повторяю: вы должны почаще искать такие миры. Вот тогда бы вы быстренько узнали, что люди уважаемого вами главного ствола уже чувствуют надвигающуюся тень опасности, замечая угрозу их миру от вторжения загадочных существ. Несколько человек понимают: они находятся под необъяснимым чужим влиянием. А вдруг это влияние одного из созданных вами миров? Последний временной срез сделан не так давно, однако не исключено наличие миров-двойников, сознательно поддерживающих между собой внутреннюю связь, осознающих ее полностью. А если в этих забытых вами мирах развитие пошло путем, способствовавшим созданию мутантов? Возможно, среди этих существ разовьется гениальный вождь, которому станут известны вещи, скрытые даже от вас? И эти существа вторгнутся в избранный вами мир и полностью поработят его?

Октав молча вслушался в темноту. Он ощутил страх, сковавший остальных присутствующих. Но такой исход от его речей не был ему выгоден.

— Бред, бессмыслица! — холодно возразил Прим, его мысли-импульсы свидетельствовали, что его терпению приходит конец. — Ты утверждаешь, будто мы совершили ошибку. Вот уж просто смешно! Нам известна почти каждая деталь развития во времени и пространстве. Мы же, в конце концов, властелины Генератора Вероятностей!

— В самом деле? — этим запрещенным вопросом Октав разрушил за собой все мосты. — Будучи приглашенным в это общество, как,

впрочем, и все здесь присутствующие, я, подобно вам, узнал, что Прим, первый в нашем сообществе гениев девятнадцатого века, якобы является изобретателем Генератора Вероятностей, хотя точность данной информации никогда не подтверждалась. Как новичок, я считал это заявление неоспоримым. Теперь-то я знаю, что никогда не верил подобным слухам. Ни одна человеческая натура не способна изобрести Генератор Вероятностей, и Прим тоже! Он лишь нашел этот аппарат, вероятно, когда играл с потерянным кем-то Талисманом. Став владельцем Генератора, Прим мог потом перенести его в другое место, припрятать его от настоящих владельцев. Затем Прим постепенно привлекал нас к участию в этом обществе, ибо в одиночку ему не под силу опробовать все потенциальные возможности Генератора. Прим не изобрел его — он лишь украл!

Октав прекрасно понимал, что его слова попали в самое чувствительное место сообщества; тем самым он подписал себе приговор. Октав ощущал хаотические мысли-импульсы семи присутствующих, вторгающиеся в него, ждал момента, когда настанет время нажать на рычаги.

— Может ли кто-нибудь из вас, исключая Прима, действительно всерьез утверждать, что понял устройство Генератора Вероятностей, не говоря уже о том, чтобы изобрести такую машину? Вы говорите громкие слова о научном познании. Но знаете ли вы вообще современные научные методы людей, населяющих Землю в этот век? Вас превозносят собственные марионетки. Вы, родившиеся в темном средневековье, неожиданно попали на современную фабрику, где ничего не в силах понять. Вы ученики чародея, но что произойдет, если вернется сам чародей? Что может мне помешать испустить во время и пространство пронзительный крик, который выдаст настоящему владельцу этой машины ее местонахождение?

Октав почувствовал огромную силу, содержащуюся в их мыслях, будто они любой ценой хотели помешать ему на самом деле послать такой сигнал. Одновременно он ощутил и сомнения, появившиеся в мыслях Карта. Именно этого он и ждал: самое слабое место в их учении.

Прим огласил приговор.

— Терс и Септем проводят Октава в мир и, как только он обретет плоть, устранят его. — Прим остановился, помолчав, а потом продолжил: — Одновременно Сикст отправится в экспедицию на поиски утраченного Талисмана. Если он встретит какие-либо трудности, пусть немедленно потребует помощи. Поскольку Генератор Вероятностей функционирует в определенном режиме — когда заняты все позиции, — Санконд, Карт и Кепп тоже отправятся на Землю: они подберут для Октава подходящего наследника. Я останусь здесь и...

— Мой Талисман! — вдруг перебил его Карт. — Октав украл его! Он исчез!

Глава 6

Торн остановился в нерешительности перед темным возвышением. Под его башмаками хрустел гравий — он пытался удержать равновесие и не упасть. Издалека до него донеслось несколько выкриков; вдруг сверху его пронзила игла зеленоватого цвета.

Он упал вперед лицом на землю; и в следующее мгновение острое световой иглы попало туда, где он только что стоял.

Торн лихорадочно искал глазами свой летательный аппарат, но напрасно.

И тут он случайно вспомнил, как брел, спотыкаясь, по ночному лесу, чтобы добраться, в конце концов, до этой возвышенности.

Сделав несколько шагов вперед, Торн провалился в какую-то шахту. Его падение продолжалось довольно долго. Через какое-то время у него появилось неопределенное ощущение, будто он легит наверх. Шахта вытолкнула его, и он резко упал на землю.

Торн оцепенел, потом поднялся и, шатаясь, побрел вперед, пока не наткнулся на деревья, освещенные странным голубоватым светом. Он чувствовал какие-то изменения в своем теле, что нельзя было объяснить только ушибом в результате неудачного падения.

Торн, ощупью пробираясь вперед, вышел на широкую террасу. Голубоватое сияние усилилось. Оно исходило от двойного ряда фонарей, установленных по обеим сторонам широкой улицы. Торн не мог подробно разглядеть, где находится, ибо край террасы был обозначен живой изгородью.

Он подошел к изгороди и остановился.

Его взгляд скользнул по надетой на нем одежде, потом упал на руки, почти принявшие форму лап с огромными когтями на пальцах.

В его сознании остались лишь смутные впечатления от событий прошедшего вечера. Там были Клоули, симхромия, конференция в зале Опалового Креста, оттуда началось его ночное бегство по темному причудливому лесу.

Его левая рука сжимала какой-то предмет, причем рука мертвой хваткой сжимала эту вещь так, что болели пальцы. Это был тот самый маленький предмет, присвоенный им во время симхромии. Если эта штука еще в его руках, то ничего серьезного с ним не должно произойти. И все же...

У него появились смутные предчувствия.

Не задумываясь, Торн сунул предмет в карман, которого не оказалось на привычном месте, при этом рука его коснулась маленького металлического цилиндра.

Торн пробрался через изгородь и вступил на улицу, освещенную голубоватым светом фонарей.

Предчувствие переросло в дикий страх; но вдруг он неожиданно прозрел.

Другой Торн поменялся с ним местами. Теперь на нем была необычная одежда того, другого Торна — невзрачный рабочий костюм.

Торн перенесся в мир своих страшных снов.

Он резко остановился посреди улицы. Людские потоки обтекали его, прохожие с любопытством оглядывались на него.

Торн преодолел первый ужас, что вызвало чувство морального удовлетворения. Теперь счет выровнялся. Другой Торн может жить в счастливом мире, а он занял его место. Теперь ему не нужно думать о существовании другого Торна, чувствуя вину перед ним. В Торне шевельнулось демоническое желание познать этот мир, знакомый ему до сих пор только по снам.

Но это было не так просто.

На улице царил атмосфера какой-то скрытности и недоверия. Голоса людей превращались в бормотание. Мужчины и женщины шли с опущенными головами, украдкой бросая на Торна косые взгляды.

Торн влился в поток этих людей, одновременно наблюдая за ними.

В освещенных голубоватым светом лицах запечатлелась одновременно печаль и стремление к счастью. Ему знакомо это выражение по снам, и ему чудилось, что он и сейчас тоже спит.

Некоторые лица казались ему странно знакомыми. Видимо, двойники людей, с которыми ему пришлось встречаться в своем мире. Видимо, то были люди его собственного мира, но ведущие совершенно иную жизнь.

На мужчинах и женщинах была грубая рабочая одежда, цвет которой не определить в призрачном голубоватом свете. Тут не отмечалось никакого индивидуализма — все одеты одинаково.

Многие из этих людей, казалось, словно охраняли кого-то. Именно их сторонились и не разговаривали с ними. Наверное, здесь целая сеть шпионов, решил Торн.

Между остальными людьми выделялись другие существа, одетые в черное, которых остальная масса избегала, наверняка сознательно. Торн, как ни старался, не мог рассмотреть ни одно из этих существ.

Все производили впечатление чрезвычайно бдительных.

Это был мир авторитета.

На улице лишь сдержанно бормотали.

И одно стало вскоре очевидным для Торна: в глазах у этих людей отсутствовала определенная цель. Они бродили взад-вперед, чтобы чем-то заполнить время между работой и сном, время, сохранявшее им авторитет и обеспечивавшее некоторую свободу, которую они, правда, не умели применить.

Торн растворялся в толпе, чтобы уйти от любопытных взглядов. Он выхватывал отдельные слова и обрывки разговоров. Все без исключения разговоры, видимо, вращались вокруг поведения определенной группы, называемой всеми «они». Вокруг царил открытое неприятие данной группы.

Для поднятия авторитета, решил Торн, должна быть только какая-нибудь диктатура.

— Наше отделение теперь вкалывает в двенадцатичасовой смене.

Говоривший был похож на машиниста: на его комбинезоне поблескивали металлические стружки.

Его спутник кивнул.

— Я только хотел бы узнать поточнее, что это за новые детали поступают к нам все чаще и чаще.

— Какое-то крупное дело намечается.

— Да, видимо, так. Что же они замышляют?

— Какое-то крупное дело намечается.

— Да, но хотелось бы, по крайней мере, выведать его название.

Другой мужчина только тихо, украдкой рассмеялся.

Торн побрел дальше и скоро оказался позади группы пожилых женщин.

— Наша бригада в результате повышения производительности труда изготовила более семисот тысяч одинаковых деталей. Я пересчитала их.

— Тебе-то от этого никакой пользы.

— Нет, но они к чему-то готовятся. Подумать только, сколько народу привлекли. Всех мужчин от сорока одного года и женщин с тридцати семи лет.

— Сегодня вечером они приходили дважды и искали так называемых саботажников. Забрали Джона.

— У вас уже ввели новую форму проверки? Все должны стоять в длинных очередях, а потом отвечать на разные вопросы, кто есть кто и чем занимается. Конечно, вопросы простые, но кто не в состоянии на них ответить, того куда-то уводят.

— Но таким образом они вряд ли поймают саботажников. Узнать бы, кого они пытаются схватить на самом деле.

— Давайте лучше вернемся в ночлежку.

— Нет, еще рано.

Торн подошел сзади к другой группе, в которой была молодая девушка.

— Завтра я вступаю в армию, — сказала она.

— Хорошо.

— Давай сегодня вечером устроим что-нибудь.

— Хорошо.

— Но ведь они не позволяют нам организовать вечеринку. — В ее голосе слышался оттенок открытого протеста. — У них есть все волшебные силы. Они могут летать — поэтому-то они и живут где-то там, в облаках, где не увидишь этого ужасного голубого света. О, я хотела бы...

— Тс-с-с! Тебя посадят за такие слова! Кроме того, это ведь все временно, если верить их словам. Как только минет опасность, мы проживем счастливой жизнью.

— А, я знаю, но только почему они нам не сообщают, что это за опасность?

— Это военная тайна. Тс-с-с!

Из-за спины Торна к группе подошел мужчина, ехидно улыбаясь. Но Торн не стал ждать последствий этого происшествия. Поток людей потянул его на другую сторону улицы, где он оказался позади мужчины и женщины в одежде, напоминающей униформу.

— Говорят, на следующей неделе мы снова выступаем на маневры. Сейчас набор новых рекрутов. Ведь нам нужно поднять общую численность армии до нескольких миллионов. Мне интересно, куда нас денут, если нигде не видно врага?

— Может быть, с другой планеты...

— Да-да, но это только слухи.

— И все же это означает, что в любой день может появиться приказ о начале военных действий, а это означает всеобщую мобилизацию.

— Но против кого же военные действия? — В голосе женщины появился налёт истерии. — Я постоянно задаю себе один и тот же вопрос, когда мне трубят о новом оружии, действия которого, мне кажется, никто еще не знает. Да, я постоянно задаю себе вопрос, против кого я должна применить это оружие? Иногда мне сдается, что я схожу с ума. Бурк, мне хотелось бы сказать тебе еще кое-что, хотя я и обязана хранить строжайшее молчание. Только вчера я узнала это, правда, не могу сказать, от кого. Оказывается, в самом деле есть путь к бегству в тот счастливый мир, который мы постоянно видим во сне. Нужно только правильно сосредоточиться...

— Тс-с-с!

На этот раз беседа прервалась из-за приближения Торна.

Ему удалось подслушать еще несколько подобных разговоров.

Настроение Торна понемногу менялось: любопытство его никоим образом не было удовлетворено, а все же кое-какая информация имелась. Конечно, у него появились свои выводы об услышанном, особенно по поводу замечания о «новой проверке». Подобная акция могла служить только для вылавливания людей, подобных ему, мечтающих о «бегстве в счастливый мир», ибо это был именно тот мир, куда попал другой Торн. Но теперь этот мир был неизвестен ему. Лихорадка демонической деятельности улетучилась, наступила депрессия. Нормальный мир чувств человека одержал верх, и Торн уже мечтал о своем нормальном мире.

Появилось раскаяние: зачем он покинул Клоули, свой собственный мир, наверное, чтобы решить личные моральные проблемы. Он не представлял, сколько бед и опасностей может накликать тот Торн на его друга Клоули — ведь Клоули не был в курсе его побега и не ведал, что Торну не следует доверять. И это теперь, после его исчезновения, когда безопасность мира зависела только от Клоули.

Правда, Торн вынужден согласиться с мыслью, что вряд ли существовала опасность для его собственного мира, пусть даже речь шла о существах, бежавших от этой печальной доли. Если же намечаются серьезные мероприятия со стороны неизвестного правителя, то опасность трудно переоценить.

Широкая улица заканчивалась перед возвышением. Торн уже возненавидел этот проспект. Улица и голубоватый свет фонарей не позволяли увидеть ближайшие окрестности. В конце улицы заметно большое скопление людей, видимо, там опять проводится своеобразная проверка.

Именно данный факт подтолкнул Торна принять окончательное решение. Он, дождавшись подходящего мгновения, украдкой перебрался через живую изгородь.

Несколько минут спустя он, задышав, присел на возвышении. Одежда была грязной. Он с облегчением поднял глаза на мерцающие в темном ночном небе звезды, а потом осмотрелся вокруг.

Ему показалось, что все остается на месте. В нем укрепились надежда, что, забравшись на эту высоту, он опять попадет в свой мир. В том же направлении светилось высокое здание Опалового Креста. Правда, там же возвышалось еще несколько темных зданий, незнакомых ему.

Связующий мост между двумя мирами находился в абсолютной темноте. Ему необходимо достигнуть конца этого моста.

А где же гигантское здание Голубого Лорена? Где остальные небоскребы, контуры которых ему знакомы давно; именно теперь, в такую ясную ночь, они четко выделяются на небе.

Его взгляд упал на высокое темное здание, превосходившее по высоте здание Голубого Лорена. В центре здания вздымалась высокая башня, откуда отходили пять одинаковых симметричных крыльев. Здание являло собой словно гордый символ жаждущих власти королей.

Неожиданно в голове Торна всплыло название: Черная Звезда.

— Кто там наверху? Немедленно спускайтесь!

Торн обернулся.

Голубой свет уличных фонарей освещал двух мужчин, находившихся посередине на склоне холма. Они взирали вверх, на вершину.

Положение их рук свидетельствовало о том, что они направляли на Торна оружие.

Торн не шелохнулся; голубой свет захватил его. Напряжение достигло предела. Мгновенно трое мужчин застыли, каждый в соответствующей стойке.

Торн понял, что эти люди хотят его убить.

— Немедленно спускайся вниз!

Он бросился плашмя на землю. На этот раз не использовалась игла зеленого цвета, но что-то прожужжало в траве совсем рядом с его ногами.

Торн, согнувшись, рванулся вперед, через несколько шагов оказавшись на противоположном склоне, и исчез в густой поросли леса.

Под ногами шуршали опавшие ветки и сухая листва, а над ним виднелись нависшие сучья деревьев.

Вдруг впереди себя он услышал крики, прыгнул в сторону, в высохшее русло ручья, и пошел вдоль него. Через некоторое время крики донесли в этом направлении. В следующее мгновение что-то зашуршало в темном небе, а потом лес озарился сверху ясным белым светом, наверное, ярче солнечного.

Торн забился в заросли.

Преследователи окружили его укрытие, под их ногами шуршала галька.

В этом ослепительном сиянии кустарник показался ему ненадежным укрытием, но теперь он не мог необдуманно рисковать, сделав ошибочное движение.

Торн очень медленно поднял голову и внимательно посмотрел сквозь ветки; вдруг он вспомнил, что его правая рука сжимает маленький металлический цилиндр, который он совсем недавно нашел в кармане своей одежды. Видимо, убегая от погони, он рефлекторно вынул его.

Торн рассмотрел предмет; он сомневался, может ли это быть каким-то оружием. Цилиндр имел две рукоятки, назначение которых было Торну неизвестно. Возможно, ему пригодится эта штука в последнее мгновение.

До его слуха донесся шорох сухих листьев, он осторожно осмотрелся вокруг, всматриваясь в даль сквозь ветки. На другом берегу пересохшего ручья маячила фигура.

Ослепительный свет падал на серую униформу, а на плече блестела черная звезда.

Торн немного подался вперед и развел ветки куста.

Мужчина обернулся, и лицо его можно было узнать.

У Торна перехватило дыхание.

— Клоули! — хрипло выкрикнул он, выскакивая из укрытия.

В первое мгновение Клоули не предпринял ничего, но затем с кошачьей проворностью отпрыгнул в сторону. Торн споткнулся на каменистом грунте русла ручья, и металлический цилиндр выскользнул из его рук.

Клоули вынул из кармана брюк какое-то оружие и направил его на Торна. Послышалось тихое шипение, и Торн почувствовал острую боль, вгрызающуюся в правое плечо.

Торн остался лежать на земле, а боль растекалась из плеча по всему телу. Теперь оба плеча словно пронзили раскаленные иглы, приковывшие все его тело к земле.

Торн медленно поднял голову — и тут в его мысли, как ураган, ворвалось новое знание, новое представление о мире.

Перед ним стоял Клоули — и этот Клоули улыбался.

Клоули прекратил бесплодные поиски и присел на письменный стол Октава. Его лицо стало похожим на застывшую маску. Комната осталась в том же состоянии, в каком он застал ее утром. Только дверь в коридор была притворена, а на стуле висел халат, утренняя одежда Октава. Дверь в соседнюю комнату была открыта: наверное, Октав вышел в нее по какой-то мимолетной надобности.

Клоули спросил себя, какой импульс заставил его вернуться на это место. Конечно, он отыскал здесь чрезвычайно важные для него вещи, судьба которых беспокоила его. Прежде всего это, конечно, собрание рукописей на пергаментных листах, относящихся к периоду, по-видимому, средневековья. Несколько других предметов, похоже, были из той же эпохи.

Клоули искал конкретные вещи, которые могли бы помочь ему решить стоящую перед ним проблему.

Как и раньше, он и теперь был убежден: эта комната стала центром широкой сети информации, своего рода ключом к решению всей проблемы жизни мира. Но Клоули не имел ни малейшего представления, как применить имеющийся у него ключ.

Вот это уже особая проблема, возникшая только что, всего несколько часов назад, но все же данная проблема существовала и действовала ему на нервы.

Клоули с явным беспокойством достал из кармана листок, который недавно нашел на письменном столе Торна в их общем кабинете. Это оказалась короткая записка, правда, никто не видел, как и когда она попала на стол Торна.

«Появилось дело наивысшей важности. Я должен привести в порядок все сам. Отложи все другие дела до моего возвращения.

Торн».

Без сомнения, это почерк Торна. Но у Клоули все же появились сомнения; Торн, возможно, написал данные строчки под каким-то чужим влиянием. Сама записка была не более чем просьбой об отсрочке.

Но, однако, это очень похоже на Торна — он всегда сам брался за дело, если в тот момент не видел другого выхода.

Конечно, для Клоули было самым простым последовать указаниям записки и оставить все как есть, но он уже начал большую поисковую операцию и даже обратился в соответствующие органы и службы.

Клоули побарабанил пальцем по крышке стола.

Научные исследования?

Но исчезновение Торна и решение Всемирного Комитета связало Клоули руки, он вряд ли мог что-либо предпринять в этой области. Кроме того, он уже пришел к убеждению, что всплывшая тема научных исследований стала слишком затяжной, чтобы при данных обстоятельствах привести к каким-то приемлемым результатам.

Всемирный Комитет?

Но как же Клоули убедить участников Комитета, даже если, не смотря на все красноречие, ему не удалось это сделать в прошедшую ночь?

Его собственные мысли? Но как, используя их, перейти в наступление?

Клоули все более убеждался: существуют какие-то темные пути, ведущие из подсознания в чужой мир; один из этих путей мог бы привести его к двойному существованию, о котором он инстинктивно догадывался. Если Клоули удастся сконцентрировать свои мысли на одном из таких пунктов, он сможет попасть на один из этих темных путей.

Всплывшие в его сознании дороги в чужой мир начинались, наверное, в каких-то неизвестных точках его мозга... Если Торн действительно попал в тот самый мир, то Клоули нужно следовать за другом той же дорогой.

Но, приняв такое решение, Клоули не приблизится к решению всей проблемы, ибо такой шаг в неизвестное, возможно, самый последний выход.

Для разрешения проблемы нужны факты, именно они дадут основания приняться за дело.

Стук пальцев по столу затих.

Может быть, комната действует ему на нервы? Комната, в которой, видимо, была цепь, связывающая прошлое с будущим, а сама остающаяся во вневременье.

Теперь здесь нет Октава: может быть, именно он мог бы указать ему верный путь.

Ведь проблема проста: где-то возникла угроза Земле.

Но когда Клоули установит такое место?

Клоули склонился над письменным столом, включив видеоприбор. Его взгляд скользил по отделам Голубого Лорена, по бесконечным коридорам этого гигантского здания. На экране появились центры развлечения и отдыха, где люди самыми разнообразными способами проводили время. Там имелось и школьное отделение с учебными кабинетами для детей, были гигантские цеха с их мощным оборудованием. Виднелись гигантские кухни, где деловито сновали повара и поварики. Были и игровые залы — там всегда царил радостный смех.

Перед взором вырисовывались атрибуты свободной, счастливой жизни. Да, это был богатый счастливый мир, в котором люди ничего не подозревали о бездне, зияющей перед ним.

Люди жили в свое удовольствие, не заботясь ни о чем другом.

Танец на вулкане...

Лицо Клоули дрогнуло. Он вдруг представил себя тем самым старым божеством, что взирает с олимпийских высот на гибнущий мир.

Если бы он мог встряхнуть этих беззаботных людей и раскрыть им глаза на угрожавшую опасность!

Ему вспомнились слова Октава:

— Вооружен этот мир для того, чтобы не оказаться беззащитной жертвой в руках охотников. Ты должен указать им любую причину, поставить их перед фактом опасности, например Марс...

Марс!

После внезапного исчезновения Октава Клоули больше не размышлял над брошенным ученым намеком, но теперь это слово как-то сразу пришло ему на ум.

Симулировать агрессию на Марс?

Для этого нужно немного подправить сообщения первой экспедиции к Марсу — таинственное исчезновение космических кораблей, приближение неизвестных агрессоров, слухи о страшных схватках, разгравшихся в космосе...

Файрмур из Межпланетного общества считался другом Клоули и верил в его теорию. Кроме того, Файрмур был человеком, пренебрегающим любым риском. В его отделе работало много молодых мужчин, разделяющих его идеи.

Значит, что-то может получиться!

Неожиданно Клоули покачал головой. Распространение слуха о такой агрессии будет преступной затеей. Такой план невозможно осуществить. Может, Файрмур находится под определенным, схожим с гипнотическим, воздействием со стороны Октава?

И все же...

Нет! Нужно найти другой путь...

Клоули спрыгнул с письменного стола и начал бродить по комнате. Оппозиция! Вот чего ему не хватает — конкретного противника, с которым он мог бы сразиться.

Клоули, неожиданно остановившись, спросил себя, почему же эта мысль не пришла ему в голову раньше.

Там ведь есть два человека, давно выступавших против него и Торна и изо всех сил пытавшихся подорвать их общую теорию. Два человека, но они вели себя почти как непримиримые личные их враги.

Два члена Всемирного Комитета!

Конджерли и Темпельмар!

И Клоули немедленно отправился на своем летательном аппарате к уединенному дому Конджерли. Он на малой высоте парил над зеленым лесом, спугнув белку, быстро исчезающую на макушке дерева.

Через некоторое время Клоули приземлился перед домом Конджерли в обширной оливковой роще.

Здесь стояла тишина. Пчелы жужжали над цветочными клумбами, сладковатый резкий запах которых тяжело висел в воздухе. Все залито ярким солнечным светом.

Клоули спокойно подошел к двери дома. Его рука пересекла горизонтальный световой луч, и в доме раздался мелодичный звон. Нигде ни единого движения. Клоули предпринял вторую попытку.

И опять в доме тишина.

Клоули подождал.

Абсолютная тишина в этом доме раздражала — и без того его нервы натянuty. Такие жилые дома находились вдали от любого транспорта; попасть сюда можно было только по воздуху.

Вдруг Клоули услышал слабый ритмичный шум, сначала перекрывавшийся жужжанием пчел. Шум доносился из дома. То было сдержанное похрапывание, но интервалы между вдохами и выдохами казались неестественно затяжными.

Клоули подождал мгновение, потом пригнулся ниже светового луча и вошел в дом.

Он осторожно прокрался вдоль широкого неосвещенного коридора. Похрапывание стало громче, именно этот звук привел его к третьей двери.

Как только глаза Клоули немного привыкли к полутьме, он увидел мужскую фигуру, вытянувшуюся на кровати. Руки бессильно свисали по обеим сторонам кровати, единственным видимым пятном было лицо. Грудь поднималась и опускалась через равные промежутки времени.

Клоули, отдернув занавески на окнах, повернулся к кровати.

На полу стояла бутылка. Клоули, подняв ее, понюхал, потом быстро поставил на место — это был наркотик.

Клоули потряс спящего за плечо — сначала осторожно, потом все сильнее.

Храп не прекращался.

Лицо Конджерли на первый взгляд ничего не выражало, казалось отрешенным. Только внимательно всмотревшись, Клоули разглядел отдельные черты этой своеобразной личности.

Чем дольше Клоули изучал черты лица этого человека, тем сильнее в нем укреплялось убеждение: внезапное подозрение, зародившееся у него еще в кабинете у Октава, было совершенно обосновательным. Перед ним был тот самый Конджерли, которого он знал с давних пор. Возможно, чересчур здравомыслящий человек; тонкие морщины в уголках рта свидетельствовали, что он не отказывался поболтать, любил переливать из пустого в порожнее. Но ни следа влияния загадочных существ.

Ритм дыхания изменился, спящий зашевелился. Его рука поднялась и провела по груди.

Клоули продолжал неподвижно смотреть. В дом снаружи проникала летняя жара.

Спящий перевернулся на своем ложе, его рука беспокойно потянулась к вороту утреннего халата.

И тут произошло неожиданное — облик претерпел изменения. Клоули показалось, что лицо Конджерли будто ушло вглубь и погрузилось в безбрежное нечто: осталась только пустая застывшая маска.

И эта маска вдруг накрылась совсем иным лицом, черты которого выражали открытую враждебность, на лице появилась свирепая решимость.

Спящий что-то пробормотал. Клоули наклонился вплотную к его рту. Лепет и бессвязные слова исходили, казалось, из другого мира.

— ...Генератор изменения времени... вторжение... три дня... мы... предотвратить мероприятия... пока...

Тихий, чуть слышный шум, исходящий от двери, заставил Клоули обернуться.

В дверном проеме стояла высокая коренастая фигура Темпельмара.

Темпельмар недоверчиво и враждебно глядел на Клоули.

В следующее мгновение Темпельмар снова овладел собой, его лицо приняло выражение абсолютного спокойствия, и он слегка приподнял брови.

— Ну?

Снова донесся тихий шум.

Клоули отступил на шаг, чтобы одновременно держать в поле зрения обоих.

Конджерли выпрямился и потер ладонью лицо, потом опустил руки, уставившись на Клоули своими маленькими глазками.

— Ну? — спросил он резко. Выражение его лица совсем не подходило к облику человека, только что находившегося в глубоком сне.

В ушах Клоули все еще звучали странные слова, произнесенные во сне Конджерли.

Клоули, растерянно оглядываясь по сторонам, пробормотал извинения.

— Я только что заглянул сюда мимоходом, чтобы еще раз обговорить программу... услышал ваш храп... вошел в дом...

Клоули понял, что не исключено и прямое нападение этих двух мужчин, захвативших его врасплох в фатальной ситуации. И в этот момент он принял окончательное решение.

Он должен отыскать Файрмура.

Глава 8

Торн с опущенной головой и обвисшими плечами скорчился в своей темной камере. Его правая рука все еще была парализована и бессильно висела. На плечи словно давило все здание Черной Звезды, в верхней части которого обитали «они».

Все внутри него было напряжено: он ведь против собственной воли попал в этот мир; его тело не принадлежало ему, а его мысли не могли перемещаться как обычно, по соответствующим каналам.

Но человеческий разум — этот прибор для непрерывных раздумий и мечтаний — неутомим.

Торн продолжал бороться с чужим влиянием, пытаясь привести в порядок свои мысли. Он надеялся выработать какой-нибудь план. В первую очередь нужно было заняться проблемой его возвращения в собственный мир.

Он повторял про себя: нужно использовать разум, присущий ему в Мире-1, чтобы дать имя этому миру с точки зрения Торна-2; да и самому себе не мешало бы присвоить имя и попытаться найти ключ к собственным воспоминаниям. Эти мысли должны натолкнуться на какое-либо решение; эти мысли, миры и Торны не должны потеряться в пустоте.

Если Вселенная-1 и Вселенная-2 — назовем их так — совершенно независимы друг от друга, то между ними не было бы связи ни во времени, ни в пространстве. Они ни близкие, ни далекие.

Между ними существует только мысленная связь идентичных существ, и эта связь проявляется вне любых человеческих понятий.

Транспортировка Торна в Мир-2, видимо, произошла мгновенно, а отсюда логически следовало, что оба мира расположены как бы друг над другом. Трудно определить, какой находится внизу, а какой расположен над ним: все зависит от того, в каком мире находился наблюдатель.

Так близко — и так далеко. В этой дьявольской одинаковости нужно только вырваться из тяжелого сна, а мрак его камеры только усиливал это впечатление. Надо напрячь все душевные силы, чтобы добиться перемещения Торна-1 и Торна-2.

Он попытался сконцентрировать свои мысли, призывая на помощь темную вечность, и найти таким образом какой-то путь следования обратно, но все дороги были заблокированы. Торн непроизвольно засомневался: не находится ли Мир-1 лишь в его мечтах, ибо страстное желание бежать из деспотического мира, где царит только горе и угнетение, накладывает определенный отпечаток на психику.

Если и есть какой-то ключ к возвращению в тот желанный мир, то Торн не в состоянии найти его в данный момент.

Дверь камеры открылась, и на пороге появился другой Клоули. На фоне светлой стены коридора выделялись темные фигуры двух охранников в мундирах.

Этот Клоули до последней черточки похож на другого, абсолютное сходство ошеломляющее: Торн чуть не вскочил, чтобы радостно приветствовать приближающуюся фигуру.

В сознании у Торна мелькнула мысль: ведь мысли этого Клоули тоже должны быть идентичны мыслям того, другого Клоули, которого он в их общем мире называл своим лучшим другом.

Как зачарованный Торн уставился в это холодное лицо.

— Считаю это комплиментом, — сказал Клоули-2. — Я должен лично передать тебя Слугам Народа. Решение твоей дальнейшей судьбы полностью в их руках. — Он криво усмехнулся, хотя эта тирада не прозвучала злобно.

Выражения лиц тех, кто сопровождал Клоули-2, выдавали их образ жизни: их жизнь прошла в безусловном послушании в течение многих лет. На слова Клоули они совершенно не реагировали.

Торн, медленно поднявшись на ноги, побрел к двери, отдаваясь в руки неизбежной судьбе. Он казался сам себе артистом в незнакомой ему до этого времени роли.

Они шагали вниз по длинному коридору, и оба охранника в мундирах следовали за ним по пятам.

— Ты похож на убогого преступника, совершившего покушение, если позволишь выслушать мою грубую критику, — сказал спустя некоторое время Клоули-2. — Ты абсолютно неуклюже манипулировал моим именем в совершенно неподходящих условиях. Тогда ты ведь выбросил свое оружие на дно ручья. Нет, ты не можешь утверждать, что вел себя достаточно ловко. Боюсь, что одними только своими возгласами ты не удовлетворишь званию опаснейшего саботажника нашего мира. Ну да, возможно, ты был немного сбит с толку.

Торн чувствовал, что за этими словами стоит больше, чем ему показалось вначале. Несомненно, Клоули-2 давно заметил, что с Торном что-то не так, даже пытался выяснить, как обстоит дело сейчас.

Торн был настороже. В темноте своей камеры он принял твердое решение ни при каких обстоятельствах не выдавать, откуда он родом. Возможно, они сочтут его сумасшедшим — данный вывод был бы для него самым приемлемым. Но Торн ясно сознавал: вряд ли стоит на это рассчитывать.

Клоули-2 с любопытством искоса разглядывал его.

— Ты довольно скуп на слова, верно? Я припоминаю, ты на последней нашей встрече упрекал меня, произнося горькие слова, но, может, ты только хотел поколебать мою убежденность, да? Я надеюсь, ты уже понял, что таким своим поведением ничего не добьешься? Но я боюсь, что ты понял это слишком поздно.

Они продолжали идти.

— Ты должен понять, что это ты меня ненавидишь. Я же никого не ненавижу, — Клоули-2 бросил короткий взгляд на лицо Торна и его болтающуюся руку. — О да, я иногда вынужден причинять людям боль, но это зависит не от меня, а от обстоятельств. Идеал, к которому я стремлюсь, — всегда действовать только с учетом обстоятельств и не давать волю чувствам — ни любви, ни ненависти, ни чувству ответственности. Для меня достаточно лишь овладеть положением и ситуаций.

Торн слегка вздрогнул. Эти слова точно соответствовали тому, что часто повторял Клоули-2, когда был чем-то особенно возбужден. Этот человек, очевидно, пытается вытянуть из него какие-то сведения, иначе он бы никогда так свободно и откровенно не говорил с ним.

Клоули-2 чувствовал к Торну необычную симпатию и пытался найти объяснения такому странному для него чувству. Возможно, идентич-

ность мыслей и ощущений идентичных существ была не такой уж сильной, как казалось сначала. И видимо, мысли и ощущения Клоули-1 соответствовали представлениям Клоули-2.

Положение оставалось необыкновенно запутанным, и Торн облегченно вздохнул, когда они вошли в большой зал, так как он нашел удобный случай подольше подумать о своих ответах на возможные многочисленные вопросы.

Помещение имело внешне очаровательный вид: оно было будто бы разделено на две части широкой белой полосой на полу. И над этой полосой, казалось, висела табличка:

ПЕРЕСТУПАТЬ ЗАПРЕЩЕНО!

На одной половине на жестких скамьях сидело несколько человек, одетых в обычные серые рабочие костюмы; часть из них носили темные мундиры. Очевидно, люди чего-то ждали — приказов, разрешений, приговора, беседы. Перед ними находилась типичная, наводящая скуку группа людей, вынужденных ожидать.

— Они ничего не знали!

Эта фраза ворвалась в мозг Торна, пока он рассматривал лица сидевших.

На другой половине помещения за письменными столами сидели шестеро мужчин. Они олицетворяли здесь абсолютный автопортрет. Их одежда почти не отличалась от костюмов остальных людей, а обстановка зала была спартански проста. Но осанка сидящих за столами людей, взгляды их резко отличались от находившихся на другой половине помещения. Торну было достаточно двух слов, чтобы описать это:

— Они знали!

Неожиданное появление Клоули-2 вызвало сенсацию среди ожидающих. Торн заметил их испуганные взгляды: Клоули-2 пришел ведь не ради них. Оба охранника в мундирах, казалось, тоже почувствовали облегчение, когда Клоули-2 скупым движением руки отпустил их.

Торн поймал еще один взгляд, который сначала не мог никак объяснить. Этот взгляд направлен не на Клоули-2, а на него; то был взгляд мужчины в сером рабочем костюме, лицо которого не показалось Торну знакомым ни здесь, ни в его собственном мире. Взгляд выражал симпатию и — как ни странно — какую-то верную привязанность.

Если Торн-2 в этом мире действительно был вождем мятежников, тогда такой взгляд и подобное поведение объяснимы. Торн, поражаясь, мысленно спросил себя, не выдал ли он, осуществив свою затею, подпольное движение.

Клоули-2, видимо, был хорошо знаком людям за письменными столами.

— Я доставил этого человека в Зал Слуг Народа, — кратко сказал он и беспрепятственно прошествовал через зал.

Они опять вышли в широкий коридор, здесь декорации совершенно переменились. Через несколько шагов они очутились возле субтронной шахты.

Бросив осторожно косой взгляд на Клоули-2, Торн сделал вид, будто ему совершенно незнакомы достижения субтронного века.

Только сейчас, после такого неожиданного появления Торна в Мире-2 мысли его впервые впервые проступили четко и ясно и стали развиваться в нужном направлении. Наверное, причина такой перемены — увиденное вновь знакомое видение субтронной шахты.

Без сомнения, современная субтронная техника сохраняется в тайне по эту сторону линии раздела, эта тайна раскрыта лишь для элитарной группы. На другой же стороне этой линии он не нашел ни малейших признаков наличия подобной техники. Поэтому напрашивается объяснение: рабочим и солдатам на другой стороне линии совершенно незнакомы смысл и назначение производимых ими инструментов и приборов. Этим же может объясняться и высокая производительность труда, предъявляемая к людям, да и уровни жизни обеих групп существенно отличались, даже вопросы снабжения решить не всегда удавалось.

Но каковы были отношения первого и второго миров?

Должна же существовать какая-то тесная связь между ними, ибо немыслимо, чтобы два разных и независимых друг от друга мира одновременно имели Опаловый Крест, Торна, Клоули и многие другие вещи в двух одинаковых образах, словно двойников. Допуская такую возможность, можно допустить и многое другое.

Нет, Мир-1 и Мир-2 — это результат изменения течения времени, чем бы ни было вызвано это изменение. Кроме того, это изменение течения времени случилось относительно недавно — иначе трудно объяснить, почему эти два мира населены существами-двойниками, если бы подобные перемены произошли сто и более ста лет назад. Это изменение в ходе времени должно было, несомненно, состояться в тот период, когда Мир-1 постигли тяжелые кошмары, что случилось около тридцати лет назад.

Торн недоверчиво покачал головой. Как же могли эти два мира за такой относительно небольшой срок так значительно отдалиться друг от друга?

Один мир остался свободным, тогда как в другом царила ужасная деспотия. В одном мире — добрые порядочные люди, а народ другого угнетался маленькой группой эмоциональных чудовищ. Невозможно представить, чтобы суть природы людей — людей, которые уважали и любили, — могла зависеть только от обстоятельств.

Тем не менее современный мир постоянно менялся. Часто возникали войны, причем вспыхивали неожиданно. За считанные недели или месяцы в технической промышленности совершались настоящие революции.

В Мире-1 изобретения и развитие субтронной техники использовались на благо всего человечества, правительство же Мира-2 поставило эти открытия на службу горстке людей, от остальных новые виды техники скрывались, а проекты и разработки держались в строжайшей тайне.

Но существует же какая-то возможность проверки.

— Ты еще помнишь что-нибудь из нашего детства? — неожиданно спросил Торн. — Мы всегда играли вместе и постоянно клялись в вечной дружбе.

Они поднялись в ярко освещенный коридор, и Клоули-2 повернулся к своему пленнику.

— Ты все-таки раскисаешь, — удивленно ответил он. — Этого я от тебя не ожидал. Да, конечно, я помню это.

— А потом, года два спустя, — неуклонно продолжал Торн, — наш планер рухнул в озеро. При падении я потерял сознание, и ты вынужден был спасать меня, тащить до берега.

Клоули-2 рассмеялся, но морщинки в уголках рта стали глубже. Он казался сбитым с толку.

— Ты действительно считаешь, что я спасал тебя? Ну, это явно противоречит всему тому, как ты позднее поступил со мной. Нет, тебе хорошо известно, что я тогда поплыл к берегу. Это был день, когда я впервые понял, что я — это Я, а все остальное зависит от соответствующих обстоятельств.

Торн содрогнулся. С одной стороны, он наконец разгадал этого человека, а с другой — он установил, когда изменился ход времени. Все перевернулось в Торне.

— В мире нет места для двух человек с одинаковой точкой зрения, — сказал он с горьким упреком.

— Конечно, только одному начертано место под солнцем, — смеясь, ответил Клоули-2. Он наморщил лоб и, помедлив, добавил как бы против воли: — А почему же ты не хочешь попытаться еще раз? Твой собственный шанс — перед Слугами Народа доказать свою необходимость. Ты должен свыкнуться с мыслью: эти люди оказались вместе в силу различных обстоятельств, к которым нужно приспособиться.

В первое мгновение у Торна появилось чувство, будто Клоули-2 смотрит на него глазами Клоули-1. Пока Торн пытался внести хоть немного ясности в свои мысли и чувства, они вышли на широкую платформу. Клоули-2 ухватил его за руку и повел к другому проходу.

— С этого момента больше никаких разговоров, — сказал он предупредительно, — лучше думай о моем совете.

Они подошли к двойному мосту.

— Человек для Слуг Народа, — сухо отчеканил Клоули-2, и их пропустили.

В конце коридора они подошли к серой двери без номера и какой-либо надписи. В стене была сделана маленькая неприметная боковая дверь.

Клоули-2 нажал на какую-то скрытую кнопку в стене, и боковая дверь открылась. Торн переступил порог. Через несколько шагов по темному коридору они вышли в просторный зал.

Клоули-2 остановился, опять нажав какую-то кнопку. Крошечная дверь захлопнулась, замок защелкнулся.

Клоули-2 оперся спиной на дверь, и в уголках его рта заиграла чуть заметная усмешка.

Глава 9

Зал был обставлен стандартно — минимум мебели, совершенно голые гладкие серые стены.

За подковообразным столом сидело одиннадцать мужчин. Их серая, похожая на мундиры униформы одежда тоже выглядела предельно скромной. Несколько человек лысые, у остальных же видны седые или белые как лунь волосы — перед ними истинные старцы. Они в застывших позах сидели на своих стульях.

Торн окинул всех взглядом, с удивлением отметив: Слуги Народа не выглядели злыми или карателями.

При более внимательном рассмотрении Торн все же усомнился, не скрывается ли за этими масками настоящее зло. Пуританская жестокость, не оставляющая места для юмора. Гипертрофированное чувство ответственности, будто заботы целого мира лежат на их плечах. Отеческий авторитет, позволяющий судить об остальных людях, как о безответственных детях. Выражение беззаветного служения доминировало над остальным, даже казалось эгоистичным. Эти люди полностью осознавали свое величие и безграничную власть, простота в их одежде вступала в явное противоречие с их сознанием и поведением.

Торну не хватало времени сделать соответствующие выводы из первого впечатления от людей, встреченных им. Он не мог внимательно разглядеть лицо каждого в отдельности, хотя понял, что по крайней мере некоторые из них ему знакомы. Его внимание было направлено на человека, сидевшего у края стола; их взгляды скрестились.

Казалось, сидящий впереди человек относится к этому миру, его вид и одежда не давали повода усомниться в таком решении.

И все же это был Конджерли.

— Мне скоро нужно возвращаться назад, — сказал он. — Наркотики, которыми я напичкал другое свое тело, скоро прекратят свое действие; если другой Конджерли придет в сознание, провести обмен будет чрезвычайно трудно. Темперляр, конечно, дежурит там, и он может дать телу дополнительную дозу, но такое действие опасно... Не стоит рисковать проводить обмен, лучше этого избежать. Риск возрастает. Приходится считаться и с тем, что будут блокированы духовные каналы; это приведет к невозполнимым последствиям.

— Совершенно верно, — заметил мужчина из рядов Слуг Народа, он отличался высокой худощавой фигурой; ему, по-видимому, отводилась здесь роль председателя. — Дальнейшие обмены вряд ли необходимы, так как больше затруднений не ожидается.

— Тогда я должен попрощаться, — продолжал Конджерли. — Трансвременная машина готова, и вторжение состоится через три дня в назначенное время. До этого момента мы будем препятствовать Всемирному Комитету готовить соответствующие блокирующие мероприятия.

Торн немного подался вперед, он почувствовал, что сейчас должно произойти.

Клоули-2 положил на его руку свою.

Конджерли наклонил голову и застыл в этой позе.

Двое охранников в мундирах пересекли зал и встали рядом с ним по бокам.

Полминуты ничего не происходило.

Неожиданно по телу Конджерли пробежала дрожь. Он непременно рухнул бы на пол, если бы охранники не подхватили его. Тяжело дыша, он бессильно повис на их руках.

Когда Конджерли поднял голову, выражение его лица изменилось. Он показался Торну больным, одурманенным наркотиком человеком.

— Где... что... — заикаясь, пробормотал он едва разборчиво. Охранники потащили его к двери. Вдруг взгляд Конджерли прояснился, он, казалось, осознал ситуацию. — Вы не имеете права запереть меня! — отчаянно закричал он. — Я — Конджерли, я член Всемирного Комитета. — Он смотрел через плечо назад, лицо его было мертвенно-бледным. — Кто вы? Что вам нужно от меня? Почему меня напичкали снадобьем? Что вы сделали с моим телом? Что вы со мной собираетесь делать? Как...

Охранники утащили его за дверь.

Худощавый председатель опустил взгляд.

— Неприятный случай, но неизбежный. Если мы возьмем этот мир под свой контроль, тогда можно будет, к счастью, избежать подобных ситуаций, исключая, конечно, те случаи, когда участвуют саботажники.

Сидящие за столом молча закивали.

Торн вздрогнул, услышав рядом с собой язвительный смех, что было совершенно неожиданным...

Все глаза устремились в этот угол.

Клоули-2 небрежно шагнул вперед.

— Что за смех? — резко спросил председатель, сморщив на лбу две складки. — И кого вы притащили в этот зал, не проинформировав нас? Мне кажется, мы дождемся такого момента, когда однажды вы зайдете слишком далеко в своем неуважении к предписаниям.

Клоули-2 не обратил внимания на замечания председателя. Он подошел к столу, оперся о него обеими руками и обвел взглядом всех сидящих.

— Я вынужден был засмеяться, ибо невольно подумал — ведь в другом мире вы будете охотиться исключительно за саботажниками. Конечно, трудно мириться с подобной ситуацией, но вам все же необходимо считаться и с обстоятельствами. У нас вряд ли останется выбор, кроме как искоренить большую часть жителей того, другого мира.

— О таких проблемах нам ничего не известно, — холодно возразил председатель. — Лучше позаботиться о том, чтобы из-за ваших странных взглядов не потерять наше доверие. Да, вы хорошее орудие, и только глупец уничтожит орудие, в котором постоянно нуждается. Но есть пределы дозволенного, и, если перейти границы, дело будет выглядеть, конечно, совсем иначе. Что же касается жителей того мира, сбитых с толку нашей пропагандой, то ведь, вы же сами знаете, мы руководствуемся самыми лучшими намерениями.

— Конечно, — с широкой улыбкой согласился Клоули-2. — Но задумайтесь на мгновение, что произойдет на самом деле. Через три дня трансвременная машина произведет субтронную изоляцию, в результате чего образуется участок, который свяжет между собой два мира. В данное место вы направите свои боевые силы. Они окажутся в стране как иностранные интервенты, создавая вокруг себя атмосферу страха и ужаса. Конечно, на стороне захватчиков будет преимущество — внезапность, но уже очень скоро они натолкнутся на сопротивление сил, тоже обладающих субтронным оружием. В нашем мире такое сопротивление ограничилось бы маленькой группой, состоящей из руководителей необученных и невежественных масс, но там подобное мероприятие вызовет сопротивление людей, любящих свободу и достигших такого уровня развития, когда никто не смирится с диктатурой, даже если эта диктатура преследует самые лучшие цели. Подобное сопротивление не прекратится, пока их мир не станет похож на поле субтронной битвы или пока вы сами не будете вынуждены провести субтронное уничтожение, чтобы затем по узкому мосту вернуться в свой мир. Вы должны отчетливо представлять все последствия вашей затеи.

— Вовсе нет, — безжалостным голосом ответил председатель. — Наше вторжение будет проведено без всякого кровавого столкновения, хотя мы на всякий случай и вооружимся. В подходящий момент Конджерли и Темпельмар захватят так называемый Всемирный Комитет и задушат в корне любое сопротивление. Большинству жителей того мира ничего не известно о механизме действия субтронных сил, поэтому они не представляют никакой опасности для нас. И уже спустя короткое время люди с благодарностью признают наши добрые намерения, приветствуя свое освобождение от безответственных правителей. Нам останется лишь позаботиться о дальнейшей безопасности мира, выявив всех инженеров и ученых, знакомых с тайной субтронных сил. И в связи с этим нам, конечно, не следует пугаться возможных насильственных мер. Никогда и ни при каких обстоятельствах мы не должны терять из виду нашу конечную цель — сохранение мира или, вернее, обоих миров. Сбереечь миры

от опасности субтронных сил, которые всегда находятся в руках небольшой элитарной группы избранных.

Торн, пораженный, отступил на шаг. Самая серьезная опасность состояла в том, что эти Слуги Народа твердо убеждены в законности своих действий, направленных на благо населения своего мира или двух миров.

— Совершенно верно, — ответил Клоули, все еще улыбаясь. — Но вы проглядели последствия, которые возникнут вследствие введения планируемых вами мер. Уже сейчас ваша тайна под угрозой разоблачения. Уже существует обмен между двумя мирами, и беженцы нашего мира попадают постоянно в другой мир. И они узнают, что жители того, другого мира в принципе не враги нам, а союзники. Установление взаимопонимания — вопрос времени. Одновременно вы должны считаться и с таким фактом, что в любое время в наш мир может попасть их ученый в области субтроники; если он здесь свяжется с саботажниками, то вы окажетесь лицом к лицу с войной в двух мирах. Ваш единственный шанс, который я, к счастью, хотя бы частично вижу, состоит в немедленном жестоком ударе и уничтожении этого другого мира. Потом вам останется лишь очистить и наш мир от тех, кто случайно попал к нам оттуда. Если вы не пойдете на этот решительный шаг с самого начала, я не ручаюсь за роковые последствия. Считаю целесообразным отбросить все свои псевдоблагие намерения и принять единственное логически верное решение — уничтожение.

Клоули-2 самоуверенно покачался на пятках и обвел внимательным взглядом одиннадцать сидящих за столом мужчин.

Отношение Слуг Народа к Клоули-2 было очевидным: они взирали на него как на гения, не отрицая, правда, что он плохо воспитанный ребенок, которого часто бранили, но никогда не наказывали.

Этот Клоули-2, казалось, несомненно был личностью. Ему не хватало только человечности Клоули-1.

Во всяком случае, было совершенно ясно, что Клоули-2 не только не остановится на месте в своих теориях, но и игнорирует все принципы — и на этот раз он продвинулся в данном направлении еще на шаг.

Председатель долго молча смотрел на него.

— Напрашивается вопрос, не является ли причиной вашей настойчивости и упорства в реализации своего мнения какое-либо душевное расстройство. Мы отказываемся от сотрудничества с вами, поскольку вы призываете немедленно действовать.

Клоули-2 сделал небольшой поклон.

— Сначала я хотел бы предложить вам допросить человека, которого я привел. Вы будете рады узнать, кого я вам доставил.

И он указал на Торна.

Все взгляды устремились на арестованного.

У Торна опять мелькнула мысль о побеге, на этот раз подобная мысль настойчиво сверлила его мозг. Ведь он же видел, как это сделал Конджерли. Если Торн сконцентрирует мысли в нужном направлении, то здесь перед Слугами Народа должен появиться другой Торн, чтобы ответить за свои действия, а сам он будет уже далеко, вне опасности. Ведь Торн должен предупредить свой мир.

Но тем временем он медленно поворачивался к столу. Это его ноги волочились по серой мозаике пола, его пересохшее горло не могло сглотнуть слюну, его холодные руки сжимались в кулаки и снова разжимались.

Лица одиннадцати старых мужчин начали расплываться перед глазами Торна, потом взгляд его снова стал четким и твердым.

Торн остановился у стола.

— Боюсь, что мое время господства над миром пройдет еще не скоро, — услышал он голос Клоули-2. — Вот перед вами стоит ваш главный враг, пойманный мною собственноручно. Вчера вечером мы устроили облаву на штаб-квартиру саботажников, и он попался ко мне в руки. Торн пытался удрать, я, догнав его на Горе, схватил как руководителя саботажников.

Реакция Слуг Народа была совсем иной, нежели ожидал Клоули. Они мрачно смотрели на него.

— Безответственный ребенок! — порывисто воскликнул председатель. — Разве вы не слышали сообщение Конджерли: между Торнами произошел обмен? Этот человек не саботажник, а существо из другого мира — он шпион! Вы как раз подыграли ему, предоставив возможность разведать о наших планах.

Торн почувствовал враждебность со стороны этого Слуги Народа. Он невольно отступил на шаг, но был не в силах отвести взгляда от этих людей.

Председатель опустил руку.

— У нас осталась единственная возможность. — Он вынул руку из-под стола: она сжимала блестящий предмет. — Мы должны уничтожить это чуждое для нас существо, прежде чем у него появится возможность к повторному обмену...

Оцепеневший Торн увидел, как Клоули-2 прыгнул вперед.

— Нет! — услышал он его крик. — Погодите! Разве вы не ви..

Больше он ничего не разобрал, но предполагал, что хотел поведать Клоули-2 и почему именно это он хотел сказать. Теперь Торн-1 знал точно, как Торну-2 удалось перед лицом смерти поменаться с ним местами. В настоящий момент его не волновали намерения председателя: любые действия его не принесут успеха. Наконец-то он отыскал необходимый импульс — это был блестящий предмет, зажатый в руке председателя.

Казалось, цепи, сковывавшие его до сих пор, вдруг разлетелись, и он погрузился в глубокую, безбрежную тьму...

Торн не спрашивал себя, почему он выбрал местом своего отдыха темное, затхлое и жесткое место. Он не пытался выяснить, откуда доносился запах горящего дерева. Торн был доволен тем, что может лежать здесь и медленно приходить в себя. В первую очередь он хотел забыть об ужасном путешествии, которое, к счастью, уже позади. Торн содрогался при одной лишь мысли о Мире-2. Ему казалось, что он очнулся после тяжелого гнетущего сна.

В следующее мгновение Торну надо проснуться и выполнить все запланированное. Он успокоится только тогда, когда предупредит мир о грозящей опасности и предпримет все необходимое, обеспечивающее крах предстоящему вторжению. Для этого нужно мобилизовать все силы.

Но сначала Торн погрузился в абсолютный покой, до конца испив наслаждение от мирного мгновения.

Торн удивился, что не закашлялся от дыма костра и ему так удобно лежать на жестком ложе.

Издали донесся неприятный вой: звучал он приглушенно, словно исходил из глубин земли. А прозвучал угрожающе.

Торн немного приподнялся. Его рука коснулась скалистого потолка и медленно ощупала скальные стены по обеим сторонам ложа.

Торн понял, что вой доносился не из глубин земли, а откуда-то сверху, ибо он сам находился в какой-то норе.

Что, черт побери, мог делать Торн-2 в пещере Мира-1?

Почему на нем оказалась эта тяжелая странная одежда, состоявшая из шкуры и высоких сапог?

Зачем ему этот длинный нож, торчащий за поясом?

Темнота вокруг таила в себе опасность. Торн в лихорадочной спешке, еще раз ощупав пространство вокруг себя, установил, что он находится в своеобразной камере, в центре которой он мог стоять почти во весь рост. В стенах просверлены дыры, пол неровный.

В одной из стен заметно отверстие вниз. Торн опустил на четвереньки и медленно влез в него.

Узкий полый проход вел вверх, по пути запах дыма усилился. Через несколько поворотов замерцал серый сумрачный свет дня.

Тоннель стал шире и выше; теперь Торн мог выпрямиться во весь рост. Перед ним простиралась широкая пещера, ведущая наружу.

Перед пещерой распростерлась плоская местность, состоящая главным образом из нагромождений осколков скал и нескольких взерошенных ветром елей. На земле лежал толстый белый снежный покров.

Торн лишь скользнул беглым взглядом по этой местности; его внимание привлек костер у входа в пещеру. От поднимающихся клубов дыма окружающий мир приобретал расплывчатые очертания.

Костер снова как-то привлек его внимание. Торн и сам не знал, почему. Разглядывая его более внимательно, Торн отметил: костер раз-

ложен и разожжен очень умело. Поленья сложены таким образом, что падают в огонь только при сгорании предыдущих. Неважно, кто разложил этот костер; важнее тот факт, что этот человек стремился обеспечить горение поленьев в костре в течение многих часов.

Почему он тратит время, с удивлением разглядывая этот умело сложенный костер?

Оторвав взгляд от пламени, Торн повернулся назад в своих тяжелых сапогах, добытых бог знает где Торном-2, и подошел снова ко входу в пещеру.

До его слуха донесся скрежет когтей по скале — создавалось впечатление, будто быстро удирал зверек.

Перед пещерой круто вниз уходила скальная стена, а на дне маленькой долины угадывалась замерзающая река. Над долиной висели тяжелые, серые облака: сгущались сумерки. Горизонт не просматривался — его закрывали вздымающиеся высь скалы. Было ужасно холодно.

Вся декорация возле пещеры показалась ему весьма знакомой.

Может быть, Торн-2 сошел с ума?

Иначе зачем же ему забираться в пещеру?

Будто именно он предусмотрел такой шаг, хотя трудно понять, как ему удалось за такое короткое время воплотить свой замысел.

Было бы сумасшествием вернуться в собственный мир и умереть от голода в этой захолустной дикой местности или пасть жертвой диких зверей, которые, несомненно, бесчинствуют здесь.

Первым делом Торну нужно взобраться на скальную стену, возможно, оттуда будет виден какой-нибудь знакомый небоскреб — прекрасный ориентир.

Вдруг Торн понял, что эта долина имеет огромное сходство с той, что находится рядом с театром на открытом воздухе: ведь в детстве они с Клоули часто бродили по ней. Слишком характерной и незабываемой была форма реки.

И все-таки это не та самая долина!

Совсем иной погодный пояс, и лес на зеленых холмах намного гуще. Кроме того, определенно существует много похожих долин.

Торн осмотрел тяжелую одежду, которую носил Торн-2. Его взгляд упал на ладони — и он, пораженный, зажмурился.

Он долго сидел с закрытыми глазами, и даже когда над ним зашуршал какой-то зверек и со скалы посыпались мелкие камешки, он не поменял позу.

Торн принял решение взобраться на скальную стену; оттуда лучше сориентироваться и определить свое местонахождение, а уж потом заняться подробным изучением своих рук и лица.

Это, скорее, принуждение, нежели свободный выбор.

Он подошел к каменной скамье у входа в пещеру; у него опять появилось мимолетное ощущение, будто где-то поблизости какой-то маленький зверек обратился в бегство. Он едва ли был больше кошки.

Торн поднял взгляд вверх и отыскал тропинку, извилистую, ведущую к вершине. И затем начал подниматься.

Через несколько шагов он увидел то, что заставило его застыть на месте.

Примерно в десяти метрах впереди на выступе скалы неподвижно сидели три кошки, разглядывая его.

Несомненно, это были обычные домашние кошки, хотя и со странно густым мехом.

При нормальных обстоятельствах невозможно найти кошек в отдаленной, слишком испещренной расщелинами местности. Присутствие этих животных указывало на близость людей и человеческого жилья.

Поскольку кошки не испугались Торна, можно было судить, что вид человека знаком им. Но почему же они удирали, если это действительно было так?

— Кис! — позвал он. — Кис-кис!

Звук, казалось, замирал в холодном воздухе.

Ему ответила черно-серая кошка, сидевшая справа.

Эхо не воспроизводило точно слово «кис», скорее, протяжное мяуканье, которое разносилось гулко среди каменной пещеры таким ужасным звуком, что по спине пробегала холодная дрожь.

— Кии-ис...

И Торн вдруг испугался.

Его нога зашуршала по скале, и кошки скрылись из виду.

Он храбро продолжил свой трудный путь, порой продираясь через густые заросли; разносилось странное эхо — звучал его голос; ему казалось, что кошки следуют за ним на его призыв по какой-то скрытой от него тропинке рядом.

Мысли Торна непроизвольно переключились на проблему интеллекта домашних кошек. Человек много веков пытался укротить это животное, навязав ему свою волю; однако это удалось не вполне, ибо кошки везде каким-то образом сохраняли свою независимость.

Вдруг до него донесся иной шум: это прозвучал тоскливый вой, который он слышал еще в пещере.

Так могла выть стая волков или собак; вой доносился из глубины долины.

Небо быстро темнело.

Торн сравнительно легко одолел крутой подъем: напрасно он опасался. Дышать становилось труднее, но дыхание оставалось довольно ровным. Он мог продолжать свой путь, но нуждался в передышке.

Здесь, на вершине, росли лишь отдельные деревья. Тропа широкими изгибами постоянно поднималась к вершине.

Над Торном простиралась стена с узким выступом; на нем опять уселись три кошки, внимательно следя за ним. Их склоненные головы свидетельствовали, что они устроили своего рода конференцию, в центре их обсуждения, несомненно, оставалась его личность.

Из глубины долины снова донесся протяжный вой. Кошки навестили уши.

Когда Торн снова двинулся в путь, одна из кошек — черно-серой окраски — прыгнула, едва не угодив в него, и исчезла вниз. Остальные две сопровождали его по тропинке сбоку.

Он ускорил шаги.

Дорога стала ровнее, и Торн быстрым шагом двигался вперед.

Из долины снова донесся вой, но кошки упрямо следовали за ним к вершине.

Все шло нормально, и его тело не испытывало чрезмерных нагрузок при подъеме; наступили сумерки.

Торн долго смотрел по сторонам. Мысли и ощущения теперь не играли никакой роли — все зависело от зрения.

Здесь, наверху, было еще довольно светло, ничто не загромождало горизонт. Вплоть до самого горизонта простирался белый снежный покров. Где-то вдали вздымалась крутая, покрытая льдом гора.

Единственный признак наличия жизни — тонкий столб дыма, поднимающийся к небу в некотором отдалении.

Торн некоторое время заставлял себя не смотреть на руины, попадавшие зачастую в поле зрения. То были причудливые развалины домов и зданий, вздымавшиеся посреди гигантской застывшей лавы.

Мир руин, освещенный последними лучами заходящего солнца.

Но Торн продолжал думать, его мысль работала. Его предположение относительно долины оказалось совершенно правильным. Эти покрытые снегом и льдом кучи обломков — не что иное, как бывшее здание Опалового Креста.

Везде были видны следы и останки громадных небоскребов, в которых когда-то размещался целый город. Некоторые обломки стен круто вздымались вверх, будто простирались к небу руки.

Это гигантское поле руин вряд ли могло быть Миром-1, даже если мир подвергся катастрофе. Нигде не найти следов Голубого Лорена и некоторых других небоскребов, внешний вид которых прочно врезался в память Торна.

Это и не Мир-2, ибо там в небо вздымались бы развалины Черной Звезды.

Торн посмотрел на свои руки.

Они сплошь покрыты твердыми мозолями и местами обморожены. Потрескавшаяся кожа, грязные ногти — и все же это, несомненно, были руки Торна.

Он, прижав ладони к лицу, ощупал щеки, нос, подбородок, почувствовал щетину на подбородке, коснулся длинных прядей волос под меховой шапкой.

Одежда Торна состояла из сшитых вместе меховых шкур и подбитых мехом сапог с мягкими подошвами.

На бедрах был затянут широкий пояс, а под ним два больших кармана. За пояс заткнут длинный нож.

В одном кармане находилась праща с толстой резиновой лентой и множеством гладких круглых камней. Там же лежали три потемневших куска мяса сомнительного происхождения.

В другом кармане Торн нащупал две упаковки высококонцентрированных питательных таблеток, на которых стояла дата выпуска двадцатилетней давности, маленькую фляжку, кремь, несколько пластмассовых книг-лент, пластмассовую лупу, свитый из жил животных шнур, маленький нож, каким пользуются резчики по дереву, массу неопределенных предметов и, наконец, крохотный гладкий серый предмет, присвоенный им во время симхромии об Игдразшле.

Торн попытался внушить себе, что подобного поступка он не совершал, и у него оказался совсем иной предмет, хотя его пальцы поглаживали гладкую поверхность и ощупывали металлический цилиндр. Торн вспомнил, как считал его супергигантской молекулой, ключом, которым можно при правильном применении открыть двери в скрытые миры.

Торн подумал, что эта штука несомненно связана с его душой, а не с телом, которое уже претерпело различные изменения. Тут же невольно он задал вопрос: как же могло получиться, что предмет не обнаружили во время тщательного обыска в здании Черной Звезды.

Его внимание отвлек шум сзади, будто раздался щелчок.

Торн обернулся.

На тропинке, по которой он только что поднялся до вершины, появилась стая волков или собак — самое малое — штук тридцать. Стая бежала тем же путем, что преодолел Торн. Животные в стае явно придерживались какой-то определенной дисциплины. В сумерках Торну почудилось, что на некоторых животных воцарились маленькие существа, напоминая странных всадников.

Теперь Торн понял, зачем у входа в пещеру разожгли костер.

Стая оказалась между ним и костром. Торн, резко повернувшись, заторопился туда, где поднимался к небу дым.

На ходу Торн сунул в рот одну из таблеток концентрата, благодарно подумав о том Торне — он хотел его назвать Торном-3, — который так долго хранил эти таблетки, чтобы теперь попытаться придать ему новые силы.

Торн, не снижая темпа, заторопился по покрытому льдом плато. Когда таблетки подействовали на его кровообращение, он смог повысить темп. Оглянувшись через плечо, Торн убедился, что стая достигла вершины. Вой усилился.

Сквозь наводящую ужас тьму перед ним вспыхнул яркий свет.

По дороге встречались различные препятствия, и было чудом, что у него остались целы ноги. Красноватый свет становился все ярче, и Торн чувствовал: сзади его нагоняет стая.

Он подбежал к огню в последнее мгновение. Один из зверей, оторвавшись от стаи, прыгнул на него сзади. Торн, выхватив из-за пояса нож, повернулся назад. Его взгляд мельком упал на человека, сидевшего на корточках у костра с копьем в руке.

Разразилась настоящая битва, кругом злобное шипение, шелканье, рычание, сверкают белые клыки и мерцают красные глаза. В стороне три кошки, сидящие на спинах волкоподобных собак, по-видимому, дирижировали атакой стаи.

Вдруг, будто по неожиданной команде, звери бросились назад, и все внезапно прекратилось.

Не обменявшись ни единым словом, Торн и второй мужчина принялись наводить порядок, укладывать разбросанные тлеющие поленья. Скоро все следы сражения были ликвидированы.

— Они наверняка поймали тебя где-то? — спросил мужчина. — Возможно, у меня развито воображение, но мне сдается, что проклятые звери в последнее время попортили собак: у них отравлены клыки.

— Я так не думаю, — ответил Торн и начал осматривать руки, ища раны.

Мужчина кивнул.

— У тебя есть какие-нибудь продукты? — неожиданно спросил он.

Торн ответил ему утвердительно и показал запас таблеток концентрата, что произвело на незнакомца огромное впечатление.

— Мы, безусловно, могли бы поохотиться вместе. Это намного лучше: один охраняет стойбище, пока другой спит.

Его слова вырывались торопливо и бессвязно, а голос дрожал, словно он давно не разговаривал. Мужчина искоса разглядывал Торна.

Торн, со своей стороны, рассматривал его гораздо детальнее. Незнакомец был немного ниже Торна и при ходьбе слегка прихрамывал. Лицо не казалось Торну знакомым. Покрасневшие веки под густыми бровями создавали впечатление болезненности у этого человека. Присутствие Торна у костра, вероятно, как-то раздражало его.

— Откуда ты пришел? — спросил мужчина.

— Из пещеры в долине, — ответил Торн, одновременно задумываясь, насколько откровенным он может быть. — А как дела у тебя?

Мужчина медлил, глядя на него. Неожиданно он затрясся всем телом.

Торн присел на корточки у пылающего костра, его взгляд был направлен вдаль, в темноту, где то тут, то там вспыхивали пары красноватых глаз. У него создавалось впечатление, что история, рассказанная сейчас ему, была известна давно.

— Меня звали Даркингтон, я был студентом-геологом. Когда началась эта адская потасовка, я как раз находился в горах — и это спасло мне жизнь. Мы все, конечно, предчувствовали, что несчастье случится когда-нибудь, верно? Это уже витало в воздухе. Мы предполагали: однажды произойдет взрыв — результат скрытых опытов с магнетизмом,

гравитацией и электричеством. — Было заметно, что ему трудно выговаривать слова. — Чем больше такие исследования скрывались от общественности, тем увереннее мы были в своих убеждениях: соответствующие изобретения существуют. Я убежден, подобные вещи вообще нельзя скрывать от народа. С мыслящими созданиями так поступать просто нельзя. Значит, я находился в горах, когда началась заварушка: в мгновение ока расплавились все металлы. Наша маленькая группа попала под облако дыма, двое умерли от удушья. Сначала мы пытались связаться с другими экспедициями, но в нашем районе дым становился все гуще, а после смерти еще двоих мы разбрелись в разные стороны. Потом я примкнул к группе мужчин; мы попытались счастья сначала как фермеры в районе севернее вулкана, но наделали достаточно ошибок. Когда же миновала первая долгая зима, нам пришлось распрощаться со всеми нашими надеждами, ибо климат резко изменился. Не хватало растительности, которая отдает в воздух необходимое количество кислорода. Потом я примыкал несколько раз к различным группам, бродившим по окрестным районам. Но когда появился канибализм, а собаки и кошки становились все опаснее, я вернулся в этот район и, как видишь, с грехом пополам влачу свое существование.

Он повернулся к Торну. При необычном напряжении голос его звучал хрипло.

Торн покачал головой и уставился в темноту.

— Должен быть какой-то выход, — проговорил Торн медленно. — Этот путь, конечно, опасен, ибо ставка в этой игре — наша жизнь, но путь должен существовать.

— Путь? — непонимающе спросил другой.

— Да, дорога в тот район, где люди уже начали восстание. Я думаю, этот район находится где-то на юге. Может быть, нам придется искать эту местность очень долго, но мы обязаны найти ее.

Наступила долгая пауза. Незнакомец скользнул по Торну странным сострадательным взглядом.

— На тебя плохо действовали сны, — пробормотал он тихо. — У меня тоже часто так бывает, эти сны оказывают такое сильное влияние, что я временами воображаю, будто все еще по-старому, как раньше. Но это только сны. Нет никаких общин. Некому больше восстанавливать цивилизацию. Разве только... — он махнул рукой во тьму, — ...разве только вот эти дьяволы возьмут на себя решение такой задачи.

Глава 11

Клоули-1 шел по коридорам и пустым переходам Голубого Лорена к кабинету Октава, и чувство вины давило на него.

Клоули спрашивал себя, не потерял ли он рассудок, как, впрочем, и Файрмур и его сотрудники, симулировав нападение с Марса. Неуже-

ли они находятся под каким-то воздействием, грозящим превратить разумный мир в хаос?

Симуляция нападения с Марса, как он и надеялся, имела успех; это даже превзошло его ожидания: он размышлял об увиденном здесь, в здании, — растерянность, суматоха указывали отчетливо на результат информации об угрозе с Марса.

В ближайших и дальних окрестностях Голубого Лорена царило лихорадочное движение. Целые потоки колонн с запасами тянулись к равнине и рассредоточивались на специально отведенных для этого местах. Очень скоро стало понятно, что высокие небоскребы были под наибольшей угрозой нападения из космоса.

Вокруг гигантской башни Голубого Лорена уже установлены субтронные орудия большого калибра. Если эти небоскребы окажутся под обстрелом из космоса, то они, поскольку представляют современные достижения человечества, должны быть защищены любой ценой.

Взоры людей устремились вверх, стоило оттуда донестись громовому реву космического корабля. И все облегченно вздыхали, увидев, что корабль не принадлежит к вражескому флоту, а является собственностью Земли и совершает полет к следующей космической гавани, где должен оснащаться субтронным оружием. На западном горизонте установлены защитные лучевые поля; после их апробации в пламени исчезла узкая полоска леса.

Люди удивленно поглядывали друг на друга; выражение их лиц выдавало недоумение — они едва ли верили в предстоящее вторжение, хотя все-таки окончательно отбросить такую возможность нельзя.

Клоули гордился таким поведением людей, но его мучили сомнения, правильно ли было распускать подобные слухи.

Отдельные оборонные и защитные мероприятия не ограничивались, конечно, только зданием Голубого Лорена, они проводились повсюду. Использование субтронных сил сделало возможной такую подготовку, какой еще никогда не знала история Земли. Слабым местом осталась организация дела, ибо люди привыкли жить в мире, пользуясь полной личной свободой; правда, для проведения требуемых мероприятий на всех предприятиях были открыты агентства по безопасности, а Всемирный Комитет взял на себя командование боевыми силами. Большинство мероприятий проводилось несколько беспорядочно, но все с огромным энтузиазмом принялись за работу, чтобы защитить Землю от нападения.

Дела шли даже намного лучше, чем ожидал Клоули, и теперь он торопливо направлялся к кабинету Октава. Да, он все привел в движение, а теперь нити правления ускользают из его рук. Ему оставалось только ждать и надеяться, что оборонительные мероприятия окажутся эффективными, если состоится вторжение, причем Клоули знал, что враг придет не из космоса, а из времени.

Нападение должно произойти в ближайшие часы — ведь сегодня уже третий день.

А если вторжение из времени не состоится в течение этих трех дней?

Обман мог обнаружиться в любое мгновение, и Файрмур тоже жалеет, что согласился на такую авантюру.

А если ожидаемое вторжение на Землю вообще не состоится?

Ведь доводы об опасности основывались на совсем слабых доказательствах — исследованиях Торна, некоторых психологических соображениях и несвязных словах, которые пробормотал Конджерли:

— ...Вторжение... три дня...

Клоули понимал: в любой момент он может пробудиться от тяжелого сна и быть представленным перед судом за шарлатанство.

Долго его нервы не выдержат. Ему повсюду не хватало Торна. Клоули никогда еще с такой ужасной отчетливостью не чувствовал, насколько они были зависимы друг от друга.

А Торн до сих пор не объявился, все поиски были тщетны. Перевозбужденная фантазия Клоули уже сыграла с ним злую шутку, когда ему почудилось, что он увидел Торна среди людей у Голубого Лорена.

Да, Торна не хватало, но еще больше не хватало Октава.

Теперешний пик кризиса заставил Клоули снова вернуться к мыслям об Октаве: как много значили для него его советы. С упоминанием имени Октава началась акция о возможности вторжения, а теперь мероприятия, предпринятые против угрозы этого вторжения, заканчивались.

Может быть, это суеверие или гипнотическое воздействие, но Клоули полностью доверял Октаву, допуская возможность, что тот обладает способностями, намного превосходящими потенциал простых смертных. После исчезновения Октава он чувствовал себя маленьким ребенком: его отчаяние уже достигло своего предела. Клоули уже не мог противостоять настойчивым импульсам, заставлявшим его вернуться в кабинет Октава.

Пока Клоули приближался к двери, ему вспомнились предыдущие беседы в этой комнате. Он размышлял о своем последнем разговоре с Октавом, прерванном в связи с появлением того самого существа в одежде раннего средневековья. А немного погодя исчез и Октав, и его странный посетитель, причем непонятным образом.

Клоули еще не успел коснуться двери, как она бесшумно отворилась.

За столом в своем обычном одеянии сидел Октав.

Клоули, словно во сне, переступил порог.

Октав, как всегда, производил впечатление очень старого человека, но Клоули показало, что за прошедшие три дня Октав еще больше постарел. Видимо, он был на пределе сил. Его морщинистые руки лежали на столе, изможденное лицо походило на лицо мертвеца. Но в его впалых глазах все еще горел прежний огонь. Октав производил впечатление, что полон непоколебимой решимости сконцентрировать все свои знания и без раздумья применить их.

По спине Клоули пробежала холодная дрожь.

— Я был в долгом путешествии, — сказал Октав. — Посетил многие миры, которые давно стали мертвыми; я видел, к чему может привести, если смертные будут пользоваться силами, предназначенными природой только богам или богообразным существам. Я в постоянной опасности, ибо существуют те, против кого я взбунтовался и кто поэтому посягает на мою жизнь. Но сейчас я чувствую себя в относительной безопасности. Присаживайся, мне нужно поделиться с тобой некоторыми моими мыслями.

Клоули подчинился требованию. Октав слегка наклонился к нему и постучал своими длинными костлявыми пальцами по столу.

— Я очень долго говорил с тобой загадками, — продолжал он. — Я вынужден был ограничиться намеками, поскольку пытался вести двойную игру. Я хотел дать тебе несколько указаний, но таким образом, чтобы ты не раскрыл мои замыслы. С этим покончено. Отныне я буду говорить с тобой совершенно откровенно. В ближайшее время я буду втянут в отчаянную авантюру. Если добьюсь успеха, то тебе не нужно будет беспокоиться о грозящем твоему миру вторжении. Но мой план может провалиться, поэтому я передам тебе всю информацию, которой располагаю, чтобы ты в таком случае мог сам продумать необходимые меры.

Он быстро взглянул вверх.

Клоули услышал тихий шуршащий звук, но он доносился не из коридора, а из маленькой соседней комнаты.

На пороге двери, соединяющей обе комнаты, возникла такая же темная фигура, какую Клоули уже видел на этом месте раньше. Совершенно застывшее лицо этого странного человека было обращено к Октаву. Правая рука, вытянутая вперед, нацелена точно на Октава.

Клоули едва успел бросить взгляд на темный силуэт, а Октав даже не нашел на это времени: пока он медленно поворачивал голову и, казалось, пытался понять, что происходит, из руки этого человека вырвалось голубое пламя.

На глазах у Клоули на Октаве вспыхнула одежда, тело его обмякло, а затем съежилось, он несколько раз слабо дернулся — и все стихло.

Голубое пламя снова возвратилось к темной фигуре и исчезло в его руке.

Клоули лишь оцепенело наблюдал за происходящим, потеряв всякую способность соображать.

Фигура в темном подошла к письменному столу Октава. Ее движения отличались неловкостью, словно этот человек не привык к трехмерному миру — да, по всей видимости, он с полным презрением смотрел на этот мир.

Скупыми движениями темная фигура порывалась в останках Октава и извлекла маленький серый предмет, по внешнему виду не отличающийся от того, что находился в вытянутой руке прибывшего человека.

Незнакомец скользнул по Клоули беглым взглядом и исчез за дверью, откуда пришел.

Клоули, скорчившись, застыл на своем стуле. Он не в силах был отвести взгляда от убитого, превратившегося теперь в мумию. По какой-то случайности голубое пламя не затронуло высокий лоб Октава — поэтому цвет кожи на лбу был явно контрастом черноте останков обгоревшего тела.

Дверь в коридор открылась, но Клоули все еще продолжал сидеть в оцепенении.

Он слышал свистящее дыхание посетителя, когда тот увидел мертвое тело, но посетитель лишь тогда подошел к Клоули, когда тот сам заметил вошедшего. Но и в тот момент Клоули не выразил ничего — ни удивления, ни потрясения.

Клоули все еще не пришел в себя от пережитой сцены, он не мог ни чувствовать, ни думать. Его мысли и чувства были сконцентрированы на мертвом Октаве.

Посетитель заметил состояние Клоули.

— Да, — сказал он. — Я — Торн, но ты, кажется, уже знаешь, что я не тот Торн, что считался твоим другом, хотя я нахожусь в его теле.

Клоули слышал слова как бы издалека, ему стоило большого напряжения разобрать их вообще. Он должен изо всех сил воспротивиться этой летаргии.

— Другой Торн, — продолжал посетитель, — занял мое место в ином мире; еще три дня назад я с удовольствием представлял, как он там страдает. Я ведь был вашим врагом — его и твоим, — но теперь я не совсем уверен в этом. Меня постепенно начала терзать мысль: наверное, мы даже должны помогать друг другу. Во всяком случае, в моих руках жизнь многих людей, и я не смею рисковать. Попытаюсь объяснить.

При этих словах Торн показал маленькую вещь в своей руке. Излучатель разрушительной силы.

Клоули медленно повернулся к посетителю, ему было бесконечно трудно отвести взгляд от тела Октава. Да, это лицо Торна, но черты его лица выражали необычайную решимость.

— Я следил за тобой, — продолжал посетитель, — так как я узнал из памяти Торна, что вы оба старались защитить существующий мир от угрозы. В последнее время произошли события, после которых у меня появились сомнения. Эти события требуют объяснения. Что означает эта мнимая угроза с Марса? Действительно ли существует такая опасность? Или это только попытка подготовить ваш мир к любой авантуре? Может быть, преследуется иная цель — вызвать всеобщую растерянность для облегчения вторжения Слуг Народа? Почему ты оказался именно в этой комнате? Кто этот мертвый и при каких обстоятельствах он убит?

И он с отвращением показал на тело Октава.

— Кое-что я уловил из разговора, это усиливает мои подозрения: за мнимыми мирами кто-то скрывает свои истинные намерения. Кто-то, кому это выгодно, кто...

Посетитель неожиданно замолчал, лицо его застыло. Он медленно начал поворачиваться, будто почувствовал присутствие какого-то чудовища.

Клоули вздрогнул по той же самой причине.

Это было лишь тихое шуршание, похожее на сдерживаемый кашель, но шум доносился из-за письменного стола.

Скрюченное тело слегка шевельнулось. Черные руки медленно поднялись, оставляя на столе темные следы. Вздрогнул обгоревший подбородок.

Оба мужчины, затаив дыхание, не отрываясь, смотрели на труп.

Постепенно обугленные губы открылись, и они услышали тихий шепот, с трудом произносивший обугленными губами:

— Я уже должен быть мертвым, но тело владельца Талисмана необыкновенно живуче. Мои глаза выжжены, но я все же могу вас видеть. Подойдите ближе: я хочу доверить вам тайну. Я должен сделать завещание, у меня осталось мало времени. Подойдите ко мне, чтобы я мог поведать вам, что нужно сделать для спасения мира.

Они испуганно подчинились. У обоих пот выступил на лбу.

— Чисто случайно человек раннего средневековья обнаружил Талисман — маленький предмет, подчиняющийся мысли и дающий своему владельцу возможность путешествовать во времени и даже сквозь его границы. Потом этот человек попал к семи другим владельцам Талисманов — для создания аппарата, обладающего силой грандиозной мощности, этот прибор он назвал Генератором Вероятностей. Он вступил в союз с семьей остальными, одним из которых был я. Мы все вместе использовали власть Генератора Вероятностей, чтобы создать всевозможные миры, изменить течение времени и сохранить самый лучший мир, убедившись в уничтожении остальных миров.

Клоули и Торн склонились над столом и уставились на выделяющийся ярким пятном лоб на обугленном лице.

— Но однажды я был вынужден убедиться, что якобы уничтоженные миры все же существуют. А я слишком хорошо представлял, что может произойти в этих других мирах, если они изобретут подобные приборы и будут обладать соответствующими знаниями. Вы должны при любых обстоятельствах предотвратить такое развитие мысли и Вселенной, какое старался предотвратить и я. А главное — вы должны постараться отыскать Генератор Вероятностей и его настоящего владельца, который будет неземным существом. Это существо создало Генератор и каким-то образом потеряло первый Талисман. Только неземное существо в силах решить созданные нами проблемы. Для поисков Генератора Вероятностей вам обязательно потребуется Талисман. Терс, только что

уничтоживший мое тело, забрал мой Талисман, который я выкрал. Мой первый Талисман у меня украл Торн — Торн нашего мира, который, по-моему, действовал под импульсом законного владельца Генератора Вероятностей, не исключено даже, совершенно бессознательно. Это законные владельцы постоянно пытаются вновь и вновь овладеть утерянным Генератором. Торн нашего мира сейчас бесконечно далеко — намного дальше, чем вы в состоянии вообразить. Но ты... — при этих словах его черный палец коснулся Торна, и тот не уклонился от этого прикосновения. — ... Ты можешь... с ним... связаться... сквозь мир общих мыслей...

Шепот теперь был едва слышен.

— Талисман, что у него, заряжен. Нужно только одно слово... ключевая мысль, чтобы освободить его силу. Ты должен... передать... ключевую мысль. Эта мысль... это «Три... различных... мира...»

Шепот стих, и голова Октава бессильно упала на грудь.

Клоули, подставив под лоб ладонь, осторожно опустил голову Октава на стол, потом, медленно подняв глаза, уставился на другого Торна.

Глава 12

Высокий Небесный Зал Опалового Креста изменился так сильно, что вряд ли можно было определить, как он выглядел всего три дня назад. Лишь карта Земли и карта Вселенной все еще занимали большую часть помещения. На карте Земли светило множество маленьких огоньков: они указывали расположение космопортов, оборонные объекты, военные штабы. На звездной карте тоже сияло большое количество огоньков, главным образом вблизи сектора Марса, представляя фактическое расположение космического флота.

Оборонные мероприятия Земли не шли ни в какое сравнение с могучей силой гипотетического марсианского флота, вторгающегося с Марса на Землю. Это, казалось, была армада, против которой сопротивление бесполезно.

Остальные стены Небесного Зала были заполнены всевозможной аппаратурой: экранами, субтронными счетными машинами и различными приборами, с помощью которых легко обозревать Вселенную с центрального стола. Ответственность за деятельность одного из секторов с соответствующими устройствами возлагалась на штаб-квартиру, устроенную в здании Опалового Креста. Иные сектора осуществляли связь с другими наблюдательными и контрольными пунктами постоянно.

В настоящий момент отдельные места осуществляющих контроль в секторах были не заняты. Никого не беспокоили выключенные вычислительные машины и другие приборы. Длинные ряды экранов были серыми и безжизненными. Создавалось впечатление, что они выставлены в каком-то музее.

Лица сидящих за центральным столом мужчин пепельно-серого цвета, растерянные. Это члены Всемирного Комитета.

Председатель Шилдинг мрачно уставился в одну точку. Конджерли и Темпельмар вели себя весьма пассивно. Клоули тоже казался апатичным, но по нему было видно: достаточно малейшего толчка, чтобы встряхнуть его. Рядом с ним сидел Файрмур; у него на лбу блестели капли пота.

Шилдинг стоял прямо у стола, объясняя остальным членам Всемирного Комитета, почему обслуживающий персонал отдельных приборов и устройств удален из зала.

Голос его звучал холодно и рассудительно.

— Когда, — продолжал он, — астрономические снимки недвусмысленно показали, что в окрестностях Марса нет никаких приготовлений к наступательным мероприятиям — даже ни малейшего признака присутствия вражеского космического флота, — я не имел права медлить. Под свою личную ответственность я отменил все мероприятия, необходимые для обороны, и приказал немедленно прекратить все действия, связанные с приведением в боевую готовность средств обороны. Это критическое событие произошло полчаса назад.

Неожиданно на стене зала засветился один из экранов. Словно в открытом окне, на фоне экрана показалось лицо молодого светловолосого мужчины. Видимо, он растерялся, увидев многочисленные приборы в зале без обслуживающего персонала. Он, посмотрев по сторонам, включил свой усилитель:

— Сообщение из физического штаба: в непосредственной близости от данного места замечены дискретные темпоральные изменения. Возможные причины пока установить нельзя...

— Вы получили приказ о немедленном прекращении всех оборонительных мероприятий? — перебив его, резко спросил Шилдинг.

— Да, но я думал...

— Мне очень жаль, — проворчал Шилдинг, — но этот приказ касается и вашей службы.

— Ага, — пробормотал молодой человек и, помедлив, кивнул и исчез с экрана.

Казалось, в зале никто не придавал значения короткому диалогу. Конджерли и Темпельмар казались еще безучастнее, чем прежде.

Шилдинг снова повернулся к собравшимся.

— Более того, мы после расследования приходим к выводу, кто мог быть инициатором и дезинформатором этого преступления, жертвой которого уже пали более сотни человек. В основном люди погибли в ходе подготовки всевозможных оборонительных сооружений в результате несчастных случаев.

При этих словах лицо Файрмура смертельно побледнело.

— Несомненно, был поддержан соответствующий слух об участии космической экспедиции против нас. Другого объяснения нет. В первую

очередь давайте займемся виновниками подобного слуха. Я с сожалением должен констатировать, что подозреваются только два определенных человека. По признаниям трех сообщников...

— Сообщение с третьего центрального пункта. — Опять засветился один из экранов на столе, на этот раз усилитель звука был уже включен. — Станция-4 только что прорвалась ко мне с важным сообщением. Речь идет о неизвестной опасности, которая каким-то образом влияет на наши приборы.

— Мы не хотим никаких сообщений! — вне себя от ярости заорал Шилдинг. — Лучше обратитесь к вашему непосредственному руководству, если вам нужны какие-то указания.

— Понял вас, — кратко ответил человек, и экран снова стал серым.

— Вы сами видите, господа, — горестно продолжал Шилдинг, — как трудно остановить подобный слух. Наперекор всем нашим стараниям несчастные случаи не прекратятся и дальше, пока люди снова не придут в себя.

Он огляделся по сторонам, сделав паузу.

— Клоули и Файрмур! Что вы можете сказать в свое оправдание? Не хотите ли вы признать, что показания даны вашими подчиненными, желавшими оказать вам услугу? На всякий случай я хотел бы поставить вас в известность, что у нас есть свидетельства еще двух членов Комитета, имена которых пока должны оставаться в тайне...

— Я не вижу для этого причин, — прервал его Темпельмар.

— Большое спасибо, — кивнул ему Шилдинг. — Тогда я могу объявить вам, что выносятся вопросы о показаниях Конджерли и Темпельмара.

Он снова повернулся к обвиняемым.

Файрмур уставился перед собой — на крышку стола. Клоули твердо смотрел в глаза Шилдингу. И снова засветился один из экранов, нарушив тишину зала.

— Сообщение из центра оповещения-4! Информация о внезапном появлении вооруженных существ в темных неизвестных одеждах...

— Не мешайте нам! — раздраженно крикнул Шилдинг. — Обратитесь к вашему непосредственному начальству! Передайте ему, чтобы впредь все сообщения передавались на первый пункт оповещения.

Экран погас.

Шилдинг нажал главный переключатель: дальнейшие передачи отключены.

Клоули встал, лицо его было серьезным и совершенно спокойным. Видимо, его по-своему веселила неспособность этих людей решать серьезные вопросы.

— Да, это была ложная тревога, — сказал он ледяным тоном, — и я планировал данное мероприятие один. Но это ведь необходимо: нужно было предупредить мир о той, другой агрессии, о чем я уже говорил вам три дня назад. Передовой отряд атакующих уже находится среди

нас. Естественно, Конджерли и Темпельмар выскажутся против меня, ибо именно они относятся к этому передовому отряду.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Шилдинг. — Да вы же сумасшедший! Меня только удивляет, как это вы до сих пор скрывали от психиатров. Не спускайте с него глаз! — крикнул он сидящим рядом с Клоули. — Я сейчас вызову охрану!

— Не двигайтесь! Это касается и вас, Шилдинг! — Клоули отступил на шаг, и в его правой руке блеснул металлический предмет. — Вы правильно сообразили, что я изобрел это вторжение-атаку с Марса, но вы должны понять: я ни перед чем не останавлиюсь, чтобы вдолбить вам правду. Вы же как толпа дураков! Неужели вы ослепли и не видите, что происходит на ваших глазах? Неужели вы даже не поняли смысла сообщений, только что прозвучавших здесь? Немедленно свяжитесь с центром оповещения-1, Шилдинг! Быстро, вопрос идет о жизни и смерти!

В это мгновение Файрмур резко повернулся, схватив Клоули за руку. Оба упали на пол. Металлический предмет выскочил из руки Клоули и со стуком упал на пол. Файрмур отдернул руку Клоули.

— Мне очень жаль, — отчаянно прохрипел Файрмур. — Но я действовал в ваших интересах. Мы и в самом деле ошибались, причем по всем направлениям. Теперь нам ничего не остается, как ответить за свои ошибки. Задумываясь сейчас над случившимся, я даже не могу себе представить, как я вообще...

Клоули не обращал на него внимания. Его взгляд был направлен на Шилдинга.

— Большое спасибо, Файрмур, — сказал Шилдинг с явным облегчением. — Вы действительно должны понести ответственность за все случившееся. Но с виновным нельзя разделаться одним махом. Во всяком случае, ваше энергичное вмешательство говорит в вашу пользу.

Казалось, эти слова не произвели большого впечатления на Файрмура. Клоули продолжал смотреть на Шилдинга и тоже не обращал внимания на Файрмура.

— Немедленно свяжитесь с первым центром оповещения! — сказал Клоули твердым голосом.

Шилдинг поспешно уселся на свое место.

— Охрана войдет с минуты на минуту. Ну, господа, — сказал он, — настала пора принимать меры: мы должны поскорее устранить нанесенный нам вред. Кроме того, нам нужно заняться персональными обвинениями против соучастников.

Стулья со скрипом задвигались.

— Немедленно свяжитесь с первым центром оповещения, — повторил Клоули.

Шилдинг не удостоил его взглядом.

— Мне кажется, вы должны сделать это, — сказал один из членов Комитета.

Шилдинг автоматически собрался было подчиниться требованию, но затем резко выпрямился, внезапно сообразив, кто произнес приказ.

Это был Конджерли, и слова его прозвучали в категоричной форме.

Конджерли и Темпельмар уже стояли. Их прямая, уверенная осанка свидетельствовала о выправке солдат, абсолютно уверенных в своем деле.

Внимание остальных членов Всемирного Комитета немедленно переключилось от Клоули и Файрмура на этих двух мужчин, действия которых расценивались в другом ракурсе.

Шилдинг мгновение молча смотрел на них, будто вовсе не знал, кто они такие. Затем он неожиданно повернулся и быстро нажал переключатель на приборном пульте.

На стене засветился один из субтронных экранов.

На них смотрел мужчина в черном мундире.

— Первый центр оповещения находится в руках Слуг Народа, — сообщил он, в его голосе слышался какой-то незнакомый акцент.

Шилдинг мгновение молча смотрел на экран, потом нажал другой переключатель.

— Солдаты Слуг Народа овладели этим центром, — сказал другой мужчина в черном мундире тем же тоном.

Шилдинг, еще не веря в случившееся, застонал, его пальцы механически, растерянно тыкались в пульт, включая цепи связи, ведущие в Опаловый Крест.

И на большей части экранов появились солдаты в черных мундирах.

Члены Всемирного Комитета быстро установили, что мужчины в черных мундирах воцарились не только на телеэкранах, но и во плоти в этом зале Опалового Креста, ворвавшись сюда и направив свое оружие на собравшихся за столом.

Возможно, это из области иллюзий, но фигуры Темпельмара и Конджерли вдруг выросли.

— Да, — сказал Конджерли, и в его голосе появился странный дружеский оттенок. — Ваше правительство или то, что вы называли правительством, отныне находится в надежных руках Слуг Народа. Выводы Клоули давно должны были привлечь ваше внимание, но вы не удосужились серьезно разобраться в них и нам даже удалось представить их не заслуживающими доверия. Поэтому такой обман стал необходим. Вторжение действительно состоялось, и оно в интересах всех миров, и ваш мир тоже извлечет пользу из него. Вторжение происходит из времени, через мост, который связывает наши миры друг с другом. Предмостное укрепление в вашем мире уже создано. Вы можете сами убедиться, что это предмостное укрепление находится на месте вашего главного штаба.

Клоули ничего не слышал. Его взгляд был прикован к фигуре, приближающейся к столу. Шилдинг, Файрмур и несколько других членов Всемирного Комитета тоже уставились на нее. Это была вторая нереальность, имевшая место в течение этих нескольких минут.

Человек был одет в черный мундир, и сверкающие погоны свидетельствовали, что он занимал высокий пост. Детали лица словно дублировали черты лица Клоули: да, на губах играла та же характерная для него сардоническая улыбка.

Оба Клоули прямо смотрели друг на друга. Никто не смог бы определить, когда началось это противоборство, но теперь, глядя на них, каждый присутствующий чувствовал — происходит дуэль.

Взгляд Клоули стал твердым, как сталь. Казалось, он сконцентрировал все физические и духовные силы, его двойник слегка дрогнул, будто получил удар. Улыбка застыла в уголках рта, взгляд сделался пронзительным.

Наступила мертвая тишина. Взгляды обоих Клоули словно скрестились. Никто ни на миг не сомневался — здесь происходит борьба, ставка в которой — жизнь.

Конджерли, наморщив лоб, шагнул вперед.

В это мгновение лицо Клоули-2 в черном мундире исказилось. Он отпрянул назад, будто стоял на краю пропасти, внезапно разверзшейся перед ним. Из его горла вырвался нечленораздельный крик, а правая рука рванулась к кобуре.

Когда он вынул оружие и навел его на своего соперника, по лицу Клоули скользнула победная улыбка.

Глава 13

В темной узкой пещере Торн короткими со свистом взмахами ножа отбивался от рычащей собаки. Собаки уже не рычали, а бешено выли.

Все же нож Торна достиг своей цели прежде, чем успела защелкнуться на его горле пасть собаки; острые клыки не успели впиться в тело Торна, и собаки отступили назад в проход.

Стук лап и когтей по каменному полу успокоили Торна: звери уже отступили ко входу в пещеру. Он опустился на корточки и задумался о своем теперешнем положении.

Теперь Торн, конечно, понял, что совершил непростительную ошибку, когда вошел в пещеру, не разведя предварительно костра у входа. Тогда он мог бы, по крайней мере, воспользоваться своей пращой.

При спуске со скалы Торну не удалось обнаружить ни малейшего признака присутствия этих зверей. Ему нужно было непременно еще раз обыскать эту пещеру, чтобы убедиться, не создал ли Торн-3 здесь каких-либо запасов еды или оружия. В первую очередь пищи, поскольку вечерняя охота с Даркингтоном не принесла успеха.

Торн раздумывал, придет ли сюда Даркингтон помочь ему. Едва ли на это можно рассчитывать — ведь маленький, энергичный парень только к вечеру вернется с охоты. А там надвигается темная ночь,

станет ли рисковать охотник своей жизнью и спускаться по склону, чтобы помочь человеку, которого считает полусумасшедшим.

Торн много рассказывал ему об альтернативных мирах, в которых цивилизации не уничтожены. Даркингтон всю эту информацию рассматривал как «сны», и Торн в конце концов смирился с таким положением, ибо не хотел легкомысленно разрушить в нем остатки доверия.

Кроме того, Даркингтон сам был немного сумасшедшим. Долгие годы одиночества не прошли для него бесследно, и за это время он приобрел привычки, которые не так легко изживаются. Хотя он постоянно мечтал о товарище, но когда такой товарищ неожиданно появился, он понял, что такое обстоятельство означает для него большие изменения в образе жизни.

Что-то вонзилось в левый бок Торна. Его правая рука все еще сжимала нож, а левая тем временем ощупывала раненое место. Он нащупал маленький странный предмет, сопровождавший его в путешествиях в различные миры.

Он в сердцах оттолкнул предмет в сторону. Уже достаточно потрачено времени на попытки иметь для себя представление о назначении этой штуки. Она была такой же бесполезной, как, например, развалины небоскребов там, наверху.

Он слышал, как предмет покатился по полу и остался лежать в маленьком углублении.

Очевидно, сидевшие у входа в пещеру собаки тоже слышали звук: они начали рычать и фыркать, будто переговариваясь между собой.

Торн готов поклясться, что среди этого множества звуков прозвучало несколько человеческих слов. Мысль, что он охраняется в этой пещере стаей кошек и собак, была очень неприятной.

Вдруг Торну показалось, будто кто-то тихо называет его по имени.

Торн скорчил гримасу, конечно, такие представления могли существовать только в его воображении. Но призыв, где звучало его имя, стал интенсивнее и проник в самое сознание.

Кто может судить, какие мысли приходят в голову человеку, который зажат в тиски, исключающие всякий выход?

Торн попытался убедить себя, что все это результат нервного перенапряжения и продукт воображения. Может быть, непосредственная опасность могла помочь снова переместиться в другое тело? Но это, разумеется, не обязательное условие, даже, скорее, невероятное.

Он мельком подумал о том, что до сих пор каждое подобное перемещение переносило его во все более худшие миры. Теперь он на самом дне, из этой ситуации ему вряд ли вырваться, если никто не придет на помощь извне.

Он не пожелал бы никому другому оказаться в такой ситуации, но, конечно, он ухватился бы за любой шанс к спасению, если бы подобный ему представился.

И опять ему показалось: какой-то голос, будто сквозь сон, позвал его по имени.

Он хотел знать, какая судьба постигла остальных Торнов. Торн-3 в Мире-2? Кто погиб во время обмена или кого Слуги Народа в последний момент оставили в живых?

Торн-2 в Мире-1? Торн-1 в Мире-3? Такой пасьянс — неразумная игра богов, лишенных рассудка.

И тем не менее он имеет дело с сумасшедшей Вселенной. Разве все его научные исследования не подтверждают этот вывод?

Лозунг темного средневековья, значит, правильный: есть змеи, подгрызающие корни Мирового Игдраэшла!

В течение трех дней Торн познакомился с тремя различными мирами, и ни один из этих миров не был совершенным.

Мир-3 — поле руин — результат субтронной войны.

Мир-2 стал ареной безответственных тиранов и угнетателей людей, всем сердцем мечтавших о свободе.

Мир-1 был своего рода утопией совершенных людей, лишенных настоящих духовных ценностей, и существовал исключительно благодаря благоприятным обстоятельствам.

Три различных мира. Торн вздохнул.

Эта последняя мысль, наверное, вызвала в нем силы, о существовании которых он даже не подозревал. Его мысли вдруг приобрели беспредельную силу. Будто он в один миг научился обслуживать какие-то незнакомые ему машины.

От входа в пещеру донесся тихий шум. Он пробудил его, напомнив ему о его труднейшем положении. Шум скорее походил на звук шагов и стук когтей по каменному полу. Торн напряженно прислушался, но шум не повторился. Он невольно крепче сжал рукоятку ножа. Может, это животные решили перейти в нападение? Если бы в этой проклятой темноте можно было что-то различить...

Вспыхнуло желтое пламя — вдруг неожиданно разгорелся костер; языки пламени скользнули по стенам тесной пещеры.

Отблески света упали на собаку и кошку, сидевших рядышком в проходе и, вероятно, приготовившихся к нападению.

Они, как вкопанные, уставились на огонь. Собака, скуля, отбежала на несколько метров, а кошка зашипела на огонь.

Словно выполняя приказ Торна, огонь расширился, заставив отступить кошку. Поначалу она оставляла свою позицию медленно, с неохотой, но затем вынуждена была сдаться. Она повернулась и заспешила к выходу, откуда доносилось рычание и фырканье остальных зверей.

Торн подумал о дневном свете, пламя, будто компенсируя солнечные лучи, стало ярче. Торн медленно протиснулся по проходу: путь к выходу он преодолел намного легче.

Проход стал выше и шире. Торн, почти добравшись до начала пещеры, услышал стук камней.

Пламя тем временем приобрело белый цвет и находилось в центре пещеры.

Торн немного наклонился вперед.

В это мгновение пламя погасло, а в руке у него внезапно оказался маленький серый предмет, который он потерял несколько минут назад.

Теперь Торн не чувствовал себя чужим, непонятым существом. Этот маленький предмет воспринимался Торном как его личная собственность, частица его самого: Торн подчинялся ему, как мускулы подчиняются нервной системе. Торн обретал свое второе тело.

От сознания возможности обладать такой огромной властью у него закружилась голова. Все расплывалось перед глазами: правда, такое состояние длилось всего лишь мгновение. Этот маленький предмет в руке вселял неистощимую силу.

Торн почувствовал себя Творцом.

Теперь в его власти было совершать любые поступки: он мог куда угодно идти, создавать любые приборы, мог изменить мир, впрочем, он мог его даже уничтожить.

А потом пришел страх.

Он испугался, что эта вещь необыкновенно точно следовала за его основной, первостепенной мыслью, могла определить и мысли второстепенные. Ни один человек ведь не в состоянии долго контролировать свои мысли. Некоторые люди случайно, но думали о смерти, о катастрофах, даже о самоубийстве.

Маленький серый предмет становился вдруг неожиданно опасным.

Что же Торну предпринять?

В конце концов, и у этой штуки должны быть определенные границы возможностей. Очевидно, эта вещь следит за ходом его мыслей. Он не должен совершать поступков, непонятных ему, как, положим, переделывать конструкцию субтропной машины.

Или?..

Торн впервые попытался немного привести в порядок свои мысли, одолевавшие его со всех сторон.

Его духовная сущность, по-видимому, совершенно изменилась. Подсознание стало вдруг чем-то более реальным, а не непроницаемым серым экраном. Теперь он в состоянии достигнуть мира мыслей других Торнов.

Он почувствовал, как один из этих других Торнов возложил на него определенную задачу.

Это неожиданное задание потрясло его, и Торн даже вздрогнул.

Он бросил последний взгляд на Мир-3 — на покрытые снегом и льдом равнины и холмы с причудливыми обломанными вершинами деревьев.

Потом все это исчезло под слоем плотной вуали, и Торн мгновенно оказался в непроницаемой тьме, где был только мир мыслей. И эти мысли обладали мощной силой.

В этой абсолютной тьме нет ни пространства, ни измерений в их обычном смысле. Здесь царит бесконечность космоса, и только сила мыслей могла преодолеть эту бесконечность.

Нет такой тьмы, в которой не появился бы проблеск света, но в этой тьме все подавляла власть мыслей и иллюзий.

Еще не осознав внезапной перемены, Торн почувствовал, что теперь в его личности объединились все три Торна.

Он бросил взгляд в три различных мира: теперь, конечно, уже не играло роли, произошли эти изменения одновременно или последовательно.

Находясь в суровой атмосфере Мира-3, он узнал, что нужно много терпения, чтобы примириться с условиями жизни, где действует право сильного. В таком космосе каждый борется против соперника, а победа дается с трудом только отлично подготовленным особям.

В Мире-2 Торн почувствовал бесчеловечность, порой скрытую в людях, надменность и заносчивость малой группы людей, сумевших деспотическими методами угнетать целый мир, превращая остальных людей в безвольных рабов. В этом мире господствовали надменность и готовность к самопожертвованию.

Торн жил в Мире-1, в мире, где личная свобода людей считалась само собой разумеющейся, где особенно выделялись человеческие слабости и наклонности. Этим людям нет надобности на что-либо жаловаться, ибо природа наградила их всем, предоставив все, что они желали.

Все знания о каждом мире теперь были соединены воедино в его мыслях. Представления не противоречили друг другу, но и не представляли монолитное целое. Здесь отсутствовала зависть, чувство вины. Каждое представление о предмете исходило из всеобъемлющего понимания и возникало, исходя из целесообразности для будущего. Так размышляли трое различных людей, объединенных в нем в единое целое. Был только один Торн, переживший три различные судьбы: его детство воплощало развитие всех трех его сущностей, правда, до того, как произошли изменения хода времени.

Торн оказался вне времени и пространства только благодаря чудесной силе своего Талисмана: он чувствовал, что его личность теперь обладает неожиданными способностями. Вдруг ему пришло в голову, что он до сих пор пробирался по жизни на ощупь, как слепой; только теперь он смог понять и оценить по-настоящему значение своего предыдущего жизненного опыта.

И теперь не было никаких колебаний и никакого давления со стороны Торна-2, ибо Торн-2 больше не существовал как отдельная личность. Он вспомнил слова, что прошептал ему Октав в кабинете Голубого Лорена, когда Талисман дал ему силы оттянуть смерть. Он вспомнил до мельчайших подробностей каждый слог этой достойной обдумывания информации.

Торн подумал о первом совете: разыскать Генератор Вероятностей. Он почувствовал, как Талисман контролирует его мысли, и доверился его направляющей силе без сопротивления.

Торн молниеносно пронесся через пространство и время, однако ему казалось, что он стоит на месте, будто вообще не заметно никакого движения. Он понимал, что кое-что здесь созвучно ему.

А потом...

В этой тьме запульсировала сила бесконечной величины. Такая сила могла сотрясти все миры, разрушить их. Эта пустота, возникшая от несправедливых мыслей, содрогалась под непосредственной силой настоящего творения, ибо только такая сила была исходной точкой опоры для всех действительностей и реальностей.

Торн почувствовал присутствие семи других существ, собравшихся вокруг центра, из которого исходила пульсация. Все семеро внешне выглядели людьми, как и он, но у них отсутствовал опыт, как у Торна, побывавшего в трех мирах. Эти семеро, находившиеся здесь, еще больше увлечены лишь собственной персоной, чем Слуги Народа в Мире-2. Они считали себя богоподобными существами, но и все слабости людские были присущи и им. Их незнание реальности доходило до абсурда, но при чудовищном опьянении властью им этот факт не приходил в голову.

Пред взором Торна замелькали в быстрой последовательности разнообразные картины прошлого. Семеро существ настолько углубились в разглядывание этих картин, что даже не замечали присутствия Торна.

Появился Мир-2. Вокруг длинного стола в Зале Слуг Народа собрались одиннадцать старцев. Со всеми признаками удовлетворения они внимали сообщениям об успешном ходе вторжения. Давно лелеемые ими планы исполнились!

Кадр увеличивался и стал отчетливее: теперь уже можно разглядеть длинный поток вооруженных субтронным оружием солдат, втекающий в высокое здание Опалового Креста. Видны отдельные лица, на которых наряду с выражением абсолютной покорности запечатлен неприкрытый страх.

В следующее мгновение виден Мир-1, интерьер Небесного Зала в Опаловом Кресте, где, как в гигантском муравейнике, сновали люди в черных мундирах.

Экран быстро отключили, как будто этим семи существам не понравился такой взгляд на мир — они предпочли бы свой собственный.

В форме панорамы возник Мир-3. Картина охватывала тысячи миль: повсюду видны ужасные руины погибшей цивилизации. Это и ледяной мир Антарктиды, одноотонность которого иногда скрашивалась вздымающимися валунами.

Но все картины — лишь начало повествования.

Отчетливо проступили результаты ранних изменений хода времени. Возник мир, где предрасположенные к телепатии мутанты вели оже-

сточенную войну против существ, научившихся скрывать свои мысли с помощью защитного экрана.

Там был и другой мир, где человеческими существами правила иерархия людей в багряных робах.

В одном из других миров имелась малочисленная группа владеющих гипнозом телепатов, советам и желаниям которых безусловно следовали остальные существа, будто они жили во сне.

И снова другой мир. Здесь уже присутствуют атомные силы и царит феодальная система с бесконечными войнами. Воспоминания о правопорядке и братстве людей сохранились лишь в некоторых уединенных монастырях, не имеющих никакого авторитета.

Мир как микрокосмос. Люди расщеплены на семьи или небольшие группки: цивилизацией считался обмен мыслями на социальные темы, организованный время от времени властями.

Мир, где существование людей находилось под угрозой, вся работа выполнялась специально созданными роботами.

Мир, в котором люди поработены роботами, ими же созданными.

Мир, в котором жили только две большие нации, находившиеся в состоянии жестокой войны друг с другом. Ни одна не могла победить, но ужасная война продолжалась, ибо каждая нация опасалась, что принесенные уже жертвы могут оказаться напрасными.

Мир, поставивший перед собой цель покорить космос.

Мир, в котором мысли людей заполнены новой, великой религией. На вершинах гор проводятся странные церемонии, и только немногие, не признавшие эту религию, лишь смиренно покачивали головами.

Мир, где не было ни городов, ни технических устройств. Люди облачены в лохмотья и ведут предельно примитивное существование.

Скучно заселенный мир, преимущественно с небольшими городками. Лица этих людей озабоченны — они стоят на пороге нового развития.

Мир, состоящий лишь из небольшой группы метеоритов, непрерывно движущихся по своей круговой орбите вокруг Солнца.

— Мы видели достаточно!

Торн уловил в мыслях Прима чувство вины.

Поток кадров прекратился, воцарилась абсолютная тишина, в которой жили только мысли. Через некоторое время Торн воспринял следующую мысль Прима. Очевидно, во время паузы Торн вновь обрел самоуверенность.

— Мы увидели наши ошибки, но эти ошибки поправимы, наши мысли — или, по крайней мере, некоторые из нас — неточно передавали Генератору Вероятностей многие наши намерения. Все существующие миры должны быть уничтожены. Оказалось на деле, что они были лишь затемнены и исчезли из поля зрения оператора. Поэтому наш следующий шаг, естественно, определен. Секонд, твое мнение?

— Абсолютное уничтожение! За исключением мира главного ствола! — немедленно пришел ответ.

- Терс?
- Уничтожение!
- Карт?
- Сначала мир вторжения, потом все остальные. И быстро!
- Кент?
- Может быть... Нет! Уничтожение!

Торн с ужасающей отчетливостью осознал, что эти существа вообще не могут думать без предупреждения. С уверенностью фанатиков они зависели от ранее принятого решения. Все эти созданные ими миры стали теперь нежелательными для них, и поэтому старцы подтверждали свое решение уничтожить все одним мимолетным движением руки. В остальных мирах они замечали только отклонения от жизни в мире главного ствола, которому они постоянно отдавали предпочтение. Их реакции непредсказуемы и истеричны, как у убийцы, который долго находился на месте преступления, потом вдруг рассмотрел, что жертва еще шевелится.

Торн собрал всю силу воли — он осознал теперь, что нужно делать.

- Сикст?
- Уничтожение!
- Септем?
- Уничтожение!
- Ок...

Когда Приму внезапно пришло в голову, что Октава больше нет? Именно в тот момент мысль Прима соединилась с мыслями остальных: чтобы провести уничтожение, темнота снова запульсировала.

Торн послал во тьму свой призыв.

— Кем бы вы ни были и где бы вы ни находились, вы, создавшие зло, знаете: делитель времени здесь, у нас Генератор Вероятностей!

Его призыв вибрировал при передаче, врываясь в миры как пронзительный крик.

Торн тотчас был атакован мыслями Прима и остальных старцев. Они пытались заблокировать его, давить на него морально, потом уничтожить одновременно с мирами.

Пульсация тьмы усилилась и приняла форму ураганной бури, в результате чего мог сорваться с креплений даже Генератор Вероятностей. Зигзагообразная молния осветила часть ответвления миров; вскоре Мир-1 и Мир-2 были разделены, ибо мост вторжения обвалился.

Призыв Торна все еще разносился во тьме. Торн почувствовал, что его призыв о помощи подхвачен и принят каждым Талисманом и Генератором Вероятностей.

Разум Торна затуманился, и сознание покидало его.

Все действительности, видимо, находились на пороге бытия и небытия.

Вдруг ураганный шторм стих, а наступающая тишина шла из вечности, если ее не было здесь с давних пор.

Старцы отдавали глубокое почтение Торну, теперь они выглядели не более как маленькими мальчиками, преклонившими колени в высоком соборе и едва ли осмеливавшимися поднять глаза на священника.

Что-то изменилось — точнее нельзя определить, однако они чувствовали, что это свершилось.

Потом через тьму потянулись мысли. Мощные, величавые мысли, из которых они могли постичь лишь малую часть. Но эта, пусть маленькая, доля информации была совершенно понятной.

Глава 14

Поиски нашего Генератора Вероятностей и каждого относящегося к нему Талисмана продолжают до сих пор. Мы вели эти поиски всеми имеющимися у нас силами, прекрасно сознавая опасность злоупотребления этим прибором.

Мы сконструировали множество подобных Генераторов, надеясь привлечь их на помощь нам в поисках, но затем разразилась катастрофа в космосе, которая дала основания полагать, что Генератор с Талисманами попал в ваш поток энергии и на вашу планету. Но мы не могли проверить эту информацию до конца. Конечно, мы могли бы создать экран действительности, но это предусматривало бы фактор бесконечности, поэтому мы вынуждены были оставить подобную мысль.

Теперь все миновало.

Я не хочу пытаться передать вам наши соображения и обрисовать наш внешний вид. Вам достаточно знать, что мы властелины совсем другого космоса, энергетические свойства которого сильно отличаются от ваших.

Что же касается Генератора Вероятностей, то он никогда не создавался для такого применения, какое продемонстрировали вы. В принципе, это своего рода вычислительная машина, рассчитывающая результат действия множества известных факторов, предварительно тщательно взвешенных. Она расположена за пределами границ времени и пространства, чтобы по возможности точнее анализировать отдельные факторы, не подвергаясь влиянию течения времени. Если возникнет проблема, открывающая различные возможности, то мы с помощью машины моделируем многочисленные варианты в целях принятия соответствующих мер. Таким образом мы исключаем все случайности.

Обратите внимание, мы позволяли машине демонстрировать только результат какой-либо возможности, не реализуя саму возможность.

Но ведь не существует машин, полностью защищенных от дураков. Но факт есть факт: Генератор Вероятностей никогда не создавался для создания реальных миров. Это, конечно, не исключает возможности использования его творческого потенциала в действительном мире, если его напичкать соответствующими мыслями.

Как бы преподнести это вам понятнее?

Ход ваших мыслей доказывает мне, что вы стоите еще на таком уровне развития, когда используются транспортные средства на колесах. Такие машины приводятся в движение двигателями внутреннего сгорания, и мы знаем о них, получая информацию из некоторых остальных миров нашего космоса. Такую машину вы рассматриваете только как средство передвижения. Но подумайте, что могло бы случиться, попади такое средство в руки технически неразвитого человека вашего космоса. Возможно, он узрел бы в нем своего рода оружие, которое можно как-то использовать в войне. Вы могли бы снабдить такую машину какими угодно предохранительными устройствами, но это не помешало бы ему использовать ее по его усмотрению.

Когда вы обнаружили Генератор Вероятностей, вы находились в подобном же положении. К сожалению, машина совершенно не была оборудована защитными средствами, когда исчезла из нашего космоса. Теперь я вижу, как много попыток вы предприняли за это время, и некоторые из них имели совершенно невероятные результаты. Вы в действительности создали альтернативные миры.

Тем самым вы превратили функцию Генератора Вероятностей в ее прямую противоположность. Мы сконструировали его для того, чтобы исключать все подобные возможности, вы же, напротив, на самом деле вызвали к жизни эти нежелательные процессы. Тем самым вы создали миры, где был едва ли минимум возможностей для существования, причем такие миры никогда не возникли бы из вашего мира естественным путем. В нормальных условиях от вас можно было бы ожидать большей осмоторительности действий, вами предпринятых. Вы должны были бы предвидеть последствия. Вместо этого вы навязали Генератору Вероятностей свои мысли и свою волю, и развитие вашего собственного мира опередило вас, а вы даже не заметили такого явления.

Генератор Вероятностей не способствовал, конечно, вашему духовному развитию. Он, скорее, помешал ему, поскольку дал вам власть только посмотреть на то, что вы желали увидеть.

Вы всегда должны были помнить, что это лишь машина — превосходный слуга, но не воспитатель. Образцовые слуги и без того самые скверные воспитатели. Генератор мог бы, возможно, содействовать вашему развитию. Но вы предпочли вести себя так, словно вы подобны богу: вы проводили эксперименты, используя то, что совершенно были не в состоянии понять. В качестве богов вы присвоили себе право судить, благословлять и проклинать. В конце концов вы оказались перед опасностью уничтожить больше, чем намеревались вообще. Это привело бы к плохим последствиям, которые достигли бы и вашего космоса.

И что же нам теперь делать со всеми вашими мирами, живые создания, маленькие существа?

Вполне очевидно, что нельзя больше оставлять Генератор Вероятностей в ваших руках, мы должны изъять у вас каждый Талисман, ибо представление власти превышает все границы вашего воображения. Созданные вами миры, конечно, нельзя уничтожить ни в коем случае, мы на это не пойдем. Все миры и все люди, которым была дарована жизнь, должны иметь возможность продолжить свое существование. Если бы эти изменения хода времени состоялись недавно, то мы, возможно, приняли бы меры исправить их, но все зашло слишком далеко, чтобы вылечить такие миры.

Мы могли бы остаться здесь, у вас, и держать в поле зрения отдельные фазы развития, чтобы время от времени вмешиваться и вносить необходимую корректировку для ускорения процесса развития. Но ведь дело не в том, чтобы стать здесь богами. В этом отношении у нас есть уже плохой опыт; мы придерживаемся мнения о необходимости совершенно самостоятельного развития и стремления вверх собственными силами.

Мы могли бы остаться здесь и провести различные эксперименты, причем мы шли бы уже проторенными путями и использовали бы испытанные средства. Но это тоже нецелесообразно.

Итак, маленькие существа, у нас нет другого выбора, кроме как отнять у вас Генератор Вероятностей и оставить ситуацию такой, какой вы ее создали, чтобы все могло развиваться соответственным путем. Отсюда не исключена возможность вторжения из времени и межзвездных войн. Все покажет будущее. Все трудности и нужды существуют в действительности, но каждый отдельный индивидуум должен иметь возможность беспрепятственно стремиться к тому, чтобы решать свои проблемы по-своему. Будущее открывает многообещающие перспективы подобного развития, так как, насколько мы знаем, во всем космосе существует только один такой разнообразный мир, как ваш.

Мы будем с особым интересом наблюдать будущее этого мира и всем сердцем надеемся поприветствовать однажды вас в Великой Лиге всех разумных существ.

Возможно, в будущем вы определите это как ошибку, допущенную нами, — что Генератор Вероятностей попал в ваши руки. Обратим особое внимание на то, что утеря Генератора больше никогда не повторится. Но кое-что должно постоянно оставаться у вас перед глазами. Вы еще юная и примитивная раса, но вы уже не дети, а совершенно ответственные люди. Ключ к вашему будущему в ваших руках. Если произойдут какие-то ошибки, вся вина за них ляжет на вас самих.

Вместе с индивидуумами, ответственными за создание призрачных миров, я разделяю понимание, ибо все же полагаю, что большинство из вас были воодушевлены добрыми мотивами и намерениями. Но вы возносили себя до роли богов и, как боги, должны сполна ответить за свои действия.

И сейчас мы переходим к важной части заявления — к решению вопроса о вашей судьбе.

В твоём случае, Торн, конечно, все совершенно иначе. Ты позволил себе услышать наш призыв взять Талисман и, наконец, своевременно позвать нас для предотвращения катастрофы буквально в последнее мгновение. Мы благодарны тебе за это. Мы могли бы вырвать тебя из твоего обычного окружения и поместить в нашу сферу. Но это был бы шаг, о котором, в конце концов, ты пожалел бы сам и, возможно, даже проклял бы нас. Мы не можем оставить тебе Талисман, поскольку достаточно скоро может оказаться — имея в виду длительный срок владения Талисманом, — что ты тоже вряд ли сможешь применить свою силу лучше, чем другие представители твоей расы. Для нас было бы желательным оставить тебя в теперешнем состоянии тройной личности — тем самым для нас открываются совершенно новые и интересные перспективы. Но и этого не должно быть: в трех различных мирах ты имел три совершенно разные судьбы. Все же мы готовы на своего рода компромисс — позволить тебе сохранить все лучшие способности твоей тройной личности.

А теперь, маленькие существа, мы вас покинем.

* * *

Из множества небольших укрытий в ближних и дальних окрестностях Опалового Креста появлялись люди, чтобы формироваться в маленькие армии. Другие прибывали по воздуху на своих летательных аппаратах, дабы тоже присоединиться к ним.

Лишь изредка можно было увидеть несколько мундиров космической службы. Среди этих людей находились и некоторые саботажники из Мира-2, которым Торн-2 в последнюю минуту дал возможность бежать из своего мира.

Воздух был насыщен едкими кислотными парами. Из разных мест вырывались белые облачка дыма — там, где Земля была опалена во время битвы субтронным оружием.

В ближайших окрестностях Опалового Креста виднелись свежие следы гигантских машин и транспортных средств. Когда-то зеленые газоны представляли картину опустошения. Даже крохотные здания не пощадили. Воздух, казалось, все еще содрогался от чудовищного грохота огромных летательных аппаратов.

От всей армии вторжения не осталось ни одного солдата.

* * *

В Небесном Зале Опалового Креста члены Всемирного Комитета пустыми глазами взирали перед собой. Только лежащие на полу останки тела Клоули напоминали о том, что здесь разыгралось.

Двойник Клоули исчез вместе с другими фигурами в черных мундирах.

Шилдинг, видимо, первым переборол шок: он повернулся к Конджерли и Темпельмару.

Теперь они уже не казались больше роботами, уверенными в своей победе. Но они не выглядели и завоевателями в ловушке. Их лица заметно изменились, и по отдельным характерным признакам Шилдинг понял, что время маскарадов миновало: в этот зал вернулись настоящие Конджерли и Темпельмар.

Файрмур истерически захохотал.

Шилдинг опустилcя на стул.

* * *

В Мире-2 на том месте, где только что стояло гигантское здание Опалового Креста, теперь зияла глубокая пропасть, из которой поднимались клубы черного дыма. Вся армия вторжения со всем ее оружием и техническими средствами исчезла в этой дымящейся пропасти. Картина — видение ада.

На одной стороне пропасти вырисовывался раздробленный остов трансвременной машины. Отдельные металлические части и крепления создавали беспорядок опустошения. Воздух все еще раздирали пронзительные звуки, и над пропастью завывал ураганный ветер.

Черный ворон кружил над извергающимся вулканом; на фоне этой картины бежал Клоули. Даже при виде полного опустошения и под действием шока трансвременной машины его не оставляла мысль, как другой Клоули пытался убить его. Своим поведением он вынес сам себе смертный приговор и сделал возможным мгновенный обмен.

Теперь он навеки связан с Миром-2 и вынужден жить в теле Клоули-2. Но ему теперь открылось и сознание Клоули-2, поскольку его дух не мог долго препятствовать этому. Тем самым он стал почти равноправным жителем того мира. Он понял, где находится, знал, что ему теперь делать, и у него не оставалось времени для сожаления.

В относительно короткий срок Клоули достиг высокого здания и нашел вход в Зал Слуг Народа.

Одиннадцать старцев выглядели неуверенными в себе, какими-то надломленными личностями. Они все еще находились под впечатлением сообщений об абсолютном поражении.

Узкие губы председателя дрожали.

— Я всегда предупреждал вас, Клоули, что ваши необдуманные действия когда-нибудь приведут к вашему концу. Вы почти полностью ответственны за такое неожиданное поражение. В общем, вполне возможно, что вы в результате своего безответственного поведения дали повод арестованному Торну предупредить другой мир о предстоящем вторжении. Мы пришли к решению стереть вас. — Он остановился и после паузы, помедлив, продолжил: — Прежде чем исполнится приговор, мы хотим все же дать вам возможность сказать что-нибудь в свою защиту.

Клоули едва сдержал улыбку. Он знал подобные сцены, которые, вернее всего, брали истоки еще из мифов. Непосредственно перед «смерками богов» боги пытались все свои неудачи свалить на Локи и, запугав его, надеются таким образом заставить его найти выход из дилеммы.

Это блеф Слуг Народа. Разыгрывая из себя судей, они на самом деле лихорадочно искали руку помощи.

Клоули видел, что находится здесь в своем мире — это был мир приключений, мир, о котором он давно мечтал. Этот мир полностью соответствовал его характеру. В таком мире он мог играть тайную роль предателя, он мог внешне поддерживать дело Слуг Народа и одновременно сводить на нет все будущие их планы вторжения. В данном мире он мог крепко держать в руках нить судьбы.

В уголках его рта опять заиграла необъяснимая улыбка, и он шагнул вперед, чтобы ответить на обвинение Слуги Народа.

* * *

Торн находился в космической тьме, он каждое мгновение ждал, что его тройная личность снова будет разделена. Он понимал: настоящие владельцы Генератора Вероятностей дали ему передышку, чтобы он вышел на лучшее решение стоящей перед ним проблемы.

И он уже нашел это решение!

С этих пор три Торна через некоторое время должны обмениваться телами, тогда каждый из них поймет и изопьет до дна и счастье, и несчастье соответствующего мира. Предвидится странное существование: неделя свободы и привольной жизни в Мире-1, неделя в деспотии и ненависти Мира-2 и, наконец, неделя в суровом, неумолимом Мире-3.

При этом, конечно, не происходило все гладко: как отдельные личности эти три Торна, конечно, хотели бы уклониться от такой судьбы, но каждый из троих вспоминал соответствующие мгновения и находил необходимые силы для выполнения приговора.

Да, странная судьба, подумал Торн снова, почувствовав, как его тройная личность медленно разделяется:

Но действительно ли его судьба уж слишком отличается от судьбы обычной человеческой жизни?

Неделя в небе, неделя в аду и неделя в мире духов...

В семи различных мирах совершенно разного уровня развития озирались вокруг семь темных фигур, пораженные и подавленные, рассматривали они последствия своих творений.

ПЕЧАЛЬ ПАЛАЧА

Рассказ

Седой рассвет окрасил небо.
Случилось это далеко.
И был там тот, что был печален...

Сидя на своем скромном, с темной обивкой троне в низком, хаотично выстроенном замке в Стране Теней, Смерть покачал своей белесой головой, слегка помассировав свои опаловые виски и чуть поджав губы, напоминающие цветом виноградные гроздья, усыпанные седым налетом. Его хрупкая фигура была одета в кованую кольчугу, подпоясанную черным поясом и украшенную серебряными черепами, до черноты потускневшими от времени. С пояса свисал обнаженный меч, непревзойденный по отделке.

Смерть был сравнительно маленькой смертью, всего лишь Смертью мира Невоны, но у него хватало своих проблем. Двести горящих и мерцающих жизней, которые предстоит погасить в двадцать ударов сердца. И хотя сердце Смерти билось глубоко под землей, словно огромный гулкий колокол, и каждый удар казался малюсенькой вечностью, но ведь всему приходит конец. Теперь осталось всего девятнадцать, и Властелин Неминуемого, который рангом куда выше Смерти, должен быть удовлетворен.

Посудите сами, несмотря на то что мысли Смерти пронизаны холодом и вечным спокойствием, в них все-таки чувствовалось некоторое брожение — сто шестьдесят душ крестьян и всякого сброда, двадцать кочевников, десять воинов, двое нищих, шлюха, торгаш, священник, аристократ, ремесленник, король и два героя. Вот что следовало из его книги.

В три удара он отобрал сто девяносто шесть из двухсот и наложил на них проклятие. Где-то почти невидимые создания — ядовитые, наделенные живой плотью и отсиживающиеся до сих пор в темных и громоздких сгустках крови, — внезапно начинали размножаться и превращаться в бесчисленные орды, беспрепятственно проникающие в вены и блокирующие животворные каналы, куда впадали изъеденные долгой эрозией артерии. Где-то скользкая вездесущая слизь заведомо просачивалась под ступню скалолаза, гадюка знала, как извернуться и куда ужалить, а паук — где схорониться.

Благодаря своему четкому коду Смерть только один раз чуть было не ошибся на короле. На какой-то миг один из самых глубоких и

темных уголков его сознания дрогнул, прикидывая судьбу сегодняшнего правителя Ланкмара, главного города-государства Невоны. Этот правитель был добрым и мягкотелым ученым, по-настоящему любившим только своих семнадцать кошек. Правда, не желал он зла и остальным животным Невоны. Правитель совершал проступки, непонятные для Смерти, — миловал преступников, мирил воюющих братьев и враждующие семьи, посылал баржи и обозы зерна в голодающие районы, спасал маленьких умирающих зверушек, кормил голубей, поощрял развитие медицины и всяческих искусств, был прост в обращении и, как свежая фонтанная струя в жаркий день, распространял вокруг себя атмосферу милого и мудрого спокойствия, удерживающего мечи в ножах, брови — прямые, а зубы — не сжатые. А теперь, в этот великий миг, подготовленный благодаря Смерти, тонкие запястья великодушного монарха исцарапаны в невинной игре со своим любимым котом; когти животного поздней ночью завистливый племянник царственной особы смазал быстро улетающим ядом редкой тропической змеи.

И все-таки при умерщвлении четырех оставшихся, особенно двух героев, Смерть брал на себя ответственность: он решил импровизировать убийство. У него совершенно не было времени присмотреть за Лисквиллом, Безумным Герцогом Ул Храспа, наблюдавшим с высокого балкона при свете факелов за тремя северными берсеркерами, которые орудовали зазубренными семитами в смертельной схватке с четырьмя прозрачными и розовокостными вампирами, вооруженными кинжалами и боевыми топорами. Это был своеобразный эксперимент Лисквилла, который Смерть не предполагал досмотреть до конца. Эта кровавая бойня, к счастью, давала возможность избавиться от почти десятка воинов, смертью обреченных на уничтожение.

На какой-то миг Смерть почувствовал нечто наподобие угрызений совести, вспомнив, как хорошо Лисквилл служил ему эти годы. Даже лучшие слуги должны когда-то выйти на пенсию, быть преданы земле. Между прочим, во всех мирах, о которых Смерть когда-либо слышал, существовала нехватка призванных палачей, страстно преданных, невероятной продуктивных и фантастически услужливых. Когда эта информация дошла до Смерти, он послал туда свою мысль. Стоящий сзади вампир взглянул вверх своими невидящими очами: его обрамленные розовым ободком, тусклые глазные впадины остановились на Лисквилле и двух стражниках, стоящих по бокам Безумного Герцога. Охранники готовы в любую минуту сомкнуть тяжелые щиты, защищая своего хозяина. Именно в тот же миг вскинутый над головой короткий топор вампира пролетел сквозь узкую щель между щитами и раздробил Лисквиллу переносицу.

Не успел еще Лисквилл пошатнуться, не успел кто-либо из присутствующих пустить стрелу, чтобы утихомирить убийцу, не успела обнаженная рабыня-девушка, обещанная в награду уцелевшему гладиатору, набрать воздуха в легкие для пронзительного крика, а волшеб-

ный взор Смерти уже сосредоточился на Харборриксене — городе-ци-тадели Короля Королей. Но не на внутреннем убранстве громадного Золотого Дворца, в котором Смерть успел заметить его пышность и великолепии, а на грязной мастерской, где очень старый человек смотрел прямо перед собой, сидя на грубых нарах, искренне желая, чтобы холодный свет зари, проникающий сквозь окна и ставни, больше никогда не тревожил паутины, призрачно мерцавшие над его головой.

Этот старец, который носил имя Горекса, был в Харборриксене, а возможно, и во всей Невоне, самым искусным умельцем: он работал с драгоценными и черными металлами, изобретал хитроумные механизмы. Но последние тяжкие двенадцать месяцев он не занимался работой, утратив к ней интерес, как, впрочем, и к другим радостям жизни. Собственно, это произошло с тех пор, как его единственную правнучку Исафем, которая была последней уцелевшей наследницей и одаренной ученицей в его трудном деле, изящную, красивую и едва сформировавшуюся девочку с миндалевидными глазами, колючими, как иголки, насильно уволокли в гарем Короля Королей. Его очаг стал холодным, инструменты покрылись пылью, а сам он был во власти скорби.

Смерть был настолько удручен увиденным, что добавил только каплю своего горького юмора к черной меланхолии, медленно и с трудом текущей по натруженным венам Горекса, мгновенно и безболезненно скончавшегося, оставшись наедине со своей паутиной.

Так что от аристократа и ремесленника Смерть избавился двумя щелчками большого и указательного пальцев, оставив напоследок двух героев.

Миновало двенадцать ударов.

Смерть вдруг почувствовал, что, хотя бы ради эстетического удовлетворения, герои должны уйти из жизни в стиле хорошей мелодрамы, когда только одному из пятисот разрешается умереть от старости в собственной постели, да и то по иронии судьбы. И необходимость этого была настолько велика, что позволяла, а он верил, что имеет на это право, использовать откровенную и неприкрытую магию без всякого налета реализма, как в случае со всеми прочими особями, навевавшими на него тоску.

Так что следующие два удара сердца он слышал сквозь тихое течение мыслей, слегка массируя виски кончиками пальцев. В его мозгу возник образ Фафхрда, чрезвычайно доброго и весьма романтического варвара, чьи мозги варили одинаково хорошо, причем неважно, был он пьян или трезв. А вот и образ его закадычного друга Серого Мышатника, наверняка одного из самых умных и смелых воров во всей Невоне, обладавшего, несомненно, просто чудовищным самомнением.

Все же едва ощутимое угрызение совести, которое Смерть испытал на этот раз, было куда значительнее того, что тронуло его в случае с

Лисквиллом. Фахрд и Мышатник служили ему верой и правдой, причем на разный лад, в отличие от Безумного Герцога, набившего руку на рукопашной, в которой предпочитал исключительно резню и рубку на боевых топорах. Да, огромному бродяге-северянину и маленькому ехидному пройдохе предстоит стать весьма достойными фигурами в последней партии Смерти.

Тем не менее было очевидно, что по окончании игры все пешки до одной придется снять с доски, даже если они дойдут до последней клетки, став королем или королевой. Тут Смерть напомнил себе, что должен непременно умереть сам, поэтому принял интуитивно-творческое решение, быстрое и безжалостное, как стрела, ракета или полет падающей звезды.

Бросив мимолетный взгляд на юго-запад, на огромный освещенный утренней зарей город Ланкмар, Смерть успокоился, обнаружив Фахрда и Мышатника. Оба обосновались в хлипкой комнатухе на вершине гостиницы, обслуживающей обедневших торговцев и выходцев из крестьян, с окнами на Сенную улицу, рядом с Главными Воротами, а потом вновь заглянул в замок Лисквилла, где все еще продолжалась бойня. Как всякий талантливый художник, Смерть в своих импровизациях пользовался только подручным материалом.

Лицо Лисквилла было разворочено. Девочка-рабыня взвизгнула. Самый могучий из берсеркеров, чье огромное лицо исказилось бешеной яростью, которая не погаснет до тех пор, пока не иссякнут силы, ударил сплеча по розовому, покрытому прозрачной кожей черепу убийцы Лисквилла. И в тот же миг — пусть напрасно и даже глупо, но большинство деяний Смерти случаются именно так, — шальная стрела, пущенная с галереи, едва не пронзила мстителя.

Смерть поколдовал, и берсеркера не стало. Десяток стрел пронзило пустое место, и на этот раз Смерть воспользовался принципом экономии материала, снова заглянув в Харборриксен в большую келью, освещенную слабым светом, проникающим сквозь зарешеченное окно. Келья была расположена в самом сердце гарема Короля Королей. Как ни странно, там в нише находился маленький горн, несколько молоточков и множество других приспособлений для работ по металлу и, наконец, небольшой запас обыкновенных и драгоценных металлов.

В центре кельи, рассматривая себя в полированном серебряном зеркале миндалевидными, колючими глазами, теперь совсем безумными, стояла удивительно хрупкая девушка не более шестнадцати лет от роду, совершенно нагая, если не считать четырех филигранных серебряных украшений. Собственно, она была даже больше, чем обнажена, поскольку каждый волосок на ее теле, за исключением ресниц, был заменен удивительной сине-зеленой татуировкой.

Даже теперь, спустя семь лун, Исафем находилась в одиночной камере за нанесение увечий на лица любимых содержанок Короля Королей — близнецов Илмереток — во время гаремной свары. Правда,

в глубине души Король Королей не очень огорчился этим событием. Скорее, изувеченные лица его излюбленных милашек только усилили их притягательность для его извращенного вкуса. Но в гареме нужно было блюсти дисциплину — отсюда и заключение Исафем, полное лишение волос у нее на теле, причем строго по одному за раз, и татуировка.

Король Королей был бережливым человеком, в отличие от большинства монархов, заставляя всех своих жен и наложниц заниматься привычной работой, а не бездельничать, принимать ванны, сплетничать и браниться. Поскольку Исафем к этой работе привыкла и, исполняя ее, могла принести максимальную пользу, ее обеспечили кузнечными принадлежностями и металлом.

Но несмотря на ее ежедневные занятия и изготовление бесчисленных ювелирных украшений, молодой разум Исафем остервенел от двенадцатилетнего заточения в гареме, семь из которых она провела в одиночной камере, а также от того, что Король Королей все же имел наглость нанести ей визит для удовлетворения своей похоти или для чего-то там еще, несмотря на очаровательные металлические побрякушки, которыми она его задарила. Больше ее не посещал ни один мужчина, за исключением евнухов, наставлявших ее в искусстве любви. В такие моменты она, конечно, было крепко связана, иначе бросилась бы на их поганые лица, словно дикая кошка. Но и так они буквально захлебывались ее плевками, тем не менее давали обстоятельные советы насчет ее работы, которые она гордо игнорировала, как и прочие их слащавые речи.

Вместо этого ее творчество, подогреваемое мукой пыток и безумной жаждой свободы, приобретало все новые и новые формы и направления.

Всматриваясь в серебряное зеркало, она внимательно изучала четыре украшения, свисавшие с ее щуплой и вместе с тем выносливой фигуры. Это были две нагрудные чашечки и два наколенных браслета, состоящие главным образом из тончайшей серебряной филиграни, которая хорошо сочеталась с ее зелено-голубой татуировкой.

Один раз ее взгляд скользнул по плечам одного человека, не обратив внимания на обезображенную голову, покрытую изящной, фантастической тубетейкой, и перенесся на серебряную клетку, в которой на жердочке сидел сине-зеленый попугай с холодными, злорадными глазами, похожими на ее собственные, — вечное напоминание об одиночном заключении.

В ее филигранных украшениях чувствовалась какая-то странность — нагрудные чашечки, закрывающие соски, оканчивались короткими стрелами, направленными прямо вперед, а наколенники поднимались до самых бедер и были украшены четырьмя вертикальными ромбами толщиной с человеческий палец.

Эти элементы благопристойности были не очень броски, иглы отливали сине-зеленым светом, сливаясь с ее татуировкой.

Поэтому Исафем, разглядывая себя, хитро и одобрительно улыбалась. И поэтому Смерть смотрел на нее с еще большим лукавством и куда большим одобрением, чем любой из евнухов. И именно поэтому она вдруг исчезла из своей кельи во вспышке пламени. И не успел сине-зеленый попугай выразить криком свой испуг, как глаза и уши Смерти оказались в другом месте.

Оставалось только семь ударов сердца.

Теперь уже казалось вполне возможным, что в мире Невоны существовали боги, о которых даже Смерть ничего не знал и которые время от времени вставляли ему палки в колеса. Или вероятность была такой незначительной величиной, что и сама необходимость. Так или иначе, но в то время, в то самое знаменитое утро, когда северянин Фафхрд, который обычно дрых до самого обеда, вскочил с первыми лучами серебристого рассвета, выхватил свой любимый Серый Прутик и на ощупь выбрался из своей каморки на крышу, где начал упражняться в искусстве фехтования, грохоча ногами при выпадах и время от времени издавая воинственный крик, не заботясь об усталых торговцах, пробуждающихся со стонами и проклятиями внизу. Вначале он дрожал от холода, которым тянуло из подозрительного зеленого болота, но вскоре он вспотел от упражнений, пронзая и парируя все время, вначале небрежно, постепенно, потом увеличивая скорость и показывая истинный профессионализм.

Не принимая во внимание Фафхрда, в Ланкмаре было тихое утро. Колокола еще не звонили, глухие гонги не возвещали о кончине кроткого правителя города, и жуткие слухи о семнадцати кошках, пойманных и загнанных в Великую Тюрьму, где они, сидя в одиночных камерах, ждали суда, не успели распространиться.

Так уж получилось, что в тот же день Мышатник тоже очнулся до рассвета, который он обычно просыпал часа на два или три. Он свернулся на куче подушек за низким столиком, прижав руку к подбородку и закутавшись в серую шерстяную робу. Время от времени он, морщась, посасывал винцо, кисло размышляя о злом и неблагоприятном народце, с которым он познакомился на протяжении своей беспутной жизни. Мышатник не обращал внимания на кульбиты Фафхрда и заткнул уши, чтобы не слышать шумных пируэтов, но чем сильнее он старался заснуть, тем все больше покидал его сон.

С налитыми кровью глазами и пеной у рта Фафхрд материализовался в берсеркера, которому, по-видимому, только недавно присвоили звание стражника низшего ранга. Его правая рука была выброшена вперед, вниз и чуть вправо, а сабля немного наклонена. Он немного оторопел от внезапного превращения, но быстро сориентировался благодаря своей умственной тупости, мгновенно прицелился в обнаженную шею северянина своей зазубренной симитой, которая сразу сверкнула веером коротких широких кинжалов, испачканных не так уж давно кровью. Но в тот же миг чисто автоматически Фафхрд привел в дей-

ствие свою защиту, сделал высокое карте, отразившее меч берсеркера, так что тот просвистел над головой Фафхрда со звуком, напоминавшим звон стального прута, которым ударили по железной ограде — видимо, это зубья симиты встретились с клинком варвара.

А потом вступил в игру рассудок, и, прежде чем берсеркер успел отвести руку для повторного удара, кончик Серого Прутика сделал быстрый круг по часовой стрелке и чиркнул повыше запястья берсеркера; его оружие вместе с кистью руки отлетело прочь. Обезопасив себя — обезоружив, точнее, обезручив противника — и увидев, какую ярость тот испытывает, Фафхрд понял, что следует нанести удар в сердце, что он незамедлительно и сделал.

Мышатник между тем также оторопел от внезапного, непредусмотренного появления Исафем в центре комнаты. Это скорее напоминало воплощение в жизнь одного из его мрачных эротических снов. Выпучив глаза, он смотрел, как она, улыбаясь, сделала к нему маленький шагжок, и внимательно посмотрел ей в лицо. Потянувшись к ней, он опустил ее поднятые руки, прижав их к бокам, так что сжались ленты, поддерживающие ее нагрудные чашечки. Миндалевидные глаза девушки вспыхнули злоеющим зеленым пламенем.

Мышатника спасло только то, что он всю жизнь ненавидел, когда на него было направлено что-нибудь острое, даже острые иголки или игрушечные острые пики на прелестных нагрудных чашечках, за которыми скрывались, несомненно, такие же прекрасные груди. Он отклонился в сторону как раз в тот момент, когда одновременно зазвенели маленькие, но мощные пружины, выпуская отравленные стрелы, которые сошлись вместе и впились с двойным щелчком в стену, где он только что стоял.

Мышатник мгновенно вскочил на ноги и бросился на девушку. Теперь рассудок или интуиция подсказали ему, зачем она потянулась к двум черным ромбам, венчавшим наколенники. Схватив Исафем, он умудрился дотянуться до них первым, выхватить пару стилетов и отбросить их на мягкую постель Фафхрда.

Потом, обвив ее ноги своими, чтобы она не смогла ударить коленом в пах, и удерживая за ухо кусающуюся и плюющуюся головку согнутой левой рукой, после тщетных попыток ухватить за волосы наконец совладав правой рукой с ее вооруженными острыми когтями цепкими пальцами, он продолжил свои бесцельные попытки овладеть ею. Наконец, перестав сопротивляться, она затихла, ее груди оказались маленькими, но вдвойне очаровательными.

Фафхрд, вернувшись с крыши и тяжело дыша, вытаращил от изумления глаза. Откуда, черт побери, Мышатник умудрился добыть такой лакомый кусочек. Ну ладно, это не его дело... С вежливым «простите, не хочу вам мешать» он захлопнул за собой дверь и занялся избавлением честных людей от трупа берсеркера. Это, собственно, было легко достигнуто водружением его на плечи и сбрасыванием с четвертого

этажа в огромную кучу мусора, которая перегородила почти всю Призрачную Аллею. Потом Фафхрд подобрал зазубренную симиту, вырвал ее из сжимавшей ее ладони и швырнул руку вслед за трупом.

Затем, нахмурившись, осмотрел окровавленное оружие, которое намеревался оставить себе в качестве сувенира, и задумался: «Чья же это кровь?»

Избавиться от Исафем оказалось куда труднее: здесь нельзя было просто умыть руки. Спасибо за то, что она почти совсем избавилась от своего безумия и частично от мужененавистничества, научилась бегло говорить на ланкмарском и в конце концов полностью удовлетворилась, получив маленькую кузницу в Медном ряду за Серебряной улицей, где она создавала прекрасные украшения и продавала из-под прилавка всяческие безделушки, вроде очаровательных колючек с отравленными шипами, известными на всю Невону.

Тем временем Смерть — для него время двигалось совсем не так, как для всех людей, — пришел к выводу, что для полной квоты ему остается два удара. Та чрезвычайно слабая дрожь от волнения, которую он испытывал при виде двух любимых героев, разрушивших его гениальную импровизацию, допуская, конечно, что здесь вмешались неизвестные и превосходящие даже его силы, сменилась жестокой ненавистью из-за сознания того, что не осталось больше времени на изощренные выдумки. Теперь ему самому придется взяться за дело — этот акт он в глубине души ненавидел.

Стоит ли ему отсюда пытаться уничтожить Фафхрда и Серого Мышатника? Нет, безусловно, они бы как-нибудь его перехитрили, что при любом правосудии, если оно существует, дало бы им отсрочку. Кроме того, это породило бы только обиду и негодование, да и несмотря на свои манеры и злобу, на свое постоянное неизбежное лукавство, Смерть был по натуре настоящим спортсменом.

Со слабым усталым вздохом Смерть перенесся на Королевскую Гауптвахту в Великий Золотой Дворец Харборриксена, где двумя быстрыми, едва уловимыми ударами он лишил двух благородных и невинных героев, едва виденных им раньше, но отмеченных его безбрежной и непогрешимой памятью, двух братьев, присягнувших на вечное безбрачие и никогда не нашедших покоя. И вот теперь они ушли от всех превратностей судьбы, а Смерть возвратился в свой скромный замок в Стране Теней, чтобы печально восседать на своем низком троне, ожидая новой миссии.

Прозвучал двадцатый удар.

ТРЕБУЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЬ

Рассказ

•

Яркие звезды марсианского неба сияющей крышей нависли над фантастически неожиданной, непредвиденной картиной. Существо, обладающее оптическим зрением, увидело бы землянина, одетого в самые обычные пиджак и брюки жителя двадцатого столетия; он стоял на валуне, торчащем фута на четыре из ржавого песка. Лицо его было худым и аскетичным; глаза в глубоких глазницах неистово сверкали. Время от времени его длинные волосы падали на глаза. Губы безостановочно двигались, обнажая большие желтоватые зубы, а перед ними висело облачко слюны — он произносил речь. На английском языке, между прочим. Он так сильно напоминал старинного уличного оратора, что безумно хотелось поискать глазами фонарный столб, тупые лица слушателей, столпившихся на обочине, и разгуливающего поблизости полицейского.

Удивительный, мягко сияющий ореол, окружающий мистера Уитлоу, отбрасывал блики на лаково-черные панцири и приделанные к ним ноги, слегка напоминающие муравьиные, но увеличенные во много раз. Каждое существо из собравшихся перед оратором состояло из мертвого овального туловища, у которого не было четко выделенной головы и никаких отверстий на сверкающей черной поверхности, если не считать маленького рта, функционировавшего как скользящая дверь и открывающегося и закрывающегося через разные промежутки времени. К этому туловищу прикреплялись восемь членистых ног, заканчивающихся искусно манипулирующими рабочими органами.

Эти существа собрались вокруг валуна мистера Уитлоу. Прямо перед ним, немного в стороне от остальных, пристроилось еще одно существо. По бокам от него расположились еще двое, чьи отливающие серебром скорлупы вызвали мысль о ветровой эрозии и, стало быть, о возрасте.

А вокруг всего этого сборища — черная пустыня до горизонта, очерченного лишь исчезновением звездного поля. Низко над горизонтом сверкала лазурная Земля — вечерняя звезда Марса, а рядом с ней — тонкий полумесяц Фобоса.

Марсианским жесткокрылым вся эта картина вырисовывалась совершенно в другом виде, поскольку их представления основывались на

совершенно иных принципах восприятия, чем у человека, наделенного утонченными органами чувств. Их мозги, расположенные в глубине тел, непосредственно ощущали все находящееся в радиусе примерно пятидесяти метров. Для них голубое сияние Земли было всего лишь рассеянным фотонным облачком, чуть превосходящим порог восприятия, но в то же время слегка отличающимся от фотонных облачков света звезд и слабого лунного сияния. Марсианские жесткокрылые не могли не пользоваться линзами, чтобы создать такой образ внутри себя. Они представляли себе твердую поверхность под собой как песчаную полусферу, изрытую ходами различных ползучих и сороконожкообразных норкопателей. Марсиане ощущали бронированные тела и мысли друг друга. Но главным образом их внимание было сосредоточено на этой головноюгой, незащищенной внешне, неэкономичной конструкции — беспорядочной куче, которая считала себя мистером Уитлоу, — удивительно мокрой, водолюбивой форме жизни, невесть откуда появившейся на сухом Марсе.

Физиология жесткокрылов была типичной для истощенной планеты. Скорлупы их были двойными: пространство между стенками ночью опустошалось, чтобы сохранить тепло, и наполнялось днем для его поглощения; легкие были настоящими аккумуляторами кислорода. Марсиане вдыхали разреженный воздух, рот, этот двойной клапан, позволял им создавать высокое внутреннее давление. Вдыхаемый кислород использовался стопроцентно, а выделялась чистая двуокись углерода, содержащая и другие респираторные выделения. Чрезвычайно бурное дыхание заставляло мистера Уитлоу морщить свой крупный нос.

А вот что позволяло мистеру Уитлоу существовать и даже произносить речь на холоде и при недостатке кислорода — факт совсем неясный. Это было так же любопытно, как и вопрос об источнике мягкого сияния, которое окружало землянина.

Обмен информацией между человеком и его аудиторией происходил с применением телепатии, мистер Уитлоу говорил вслух по просьбе жесткокрылов, поскольку у него, как и у большинства нетелепатов, мысли упорядочивались и прояснялись в процессе речи. Звуки его голоса быстро затухали — в разреженном воздухе они звучали словно из-под патефонной иглы без усилителя, что увеличивало жуткую нелепость его неистовых жестов и гримас.

— Итак, — заключил мистер Уитлоу хриплым голосом, отбрасывая длинные волосы со лба, — я возвращаюсь к своему первому предложению: не хотите ли вы напасть на Землю?

— А мы, мистер Уитлоу, — промямлил Главный Жесткокрыл, — возвращаемся к нашему первоначальному вопросу, на который вы так и не ответили: зачем нам это?

На лице мистера Уитлоу появилась гримаса, выражающая раздражение и нетерпеливость.

— Как я уже неоднократно говорил, я не могу все объяснить в полном объеме. Но я уверяю вас в своем чистосердечии. Я обещаю обеспечить транспортировку и всемерно облегчить вам выполнение задания. Видите ли, вторжение должно быть чисто символическим. Вскоре вы вернетесь на Марс со своими трофеями. Я уверен, вы не упустите такой шанс.

— Мистер Уитлоу, — ответил Главный Жесткокрыл с юмором, таким же ядовитым и сухим, как и сама его планета. — Я не могу прочесть ваши мысли, если вы не произносите их вслух. Они слишком запутанны, но я ощущаю ваши предубеждения. Вы основываетесь на совершенно неправильном представлении о нашей психологии. Очевидно, для вашего мира является обычным представлять чуждые разумные существа злобными чудовищами, единственное стремление которых — разрушать, уничтожать, покорять, обрушивать невообразимые жестоко-сти на существа, менее развитые, по их меркам, чем они сами. Мы — древняя и бесстрашная раса. Мы стоим выше таких пороков, как страсти, тщеславие, даже честолюбивые устремления юности. Мы не принимаем никаких планов, если они не соответствуют здравому смыслу и не вызваны важными мотивами.

— Но если причина только в этом, то вы, несомненно, должны видеть выгоду моего предложения: почти или совсем никакого риска, и вы получаете существенную добычу.

Главный Жесткокрыл прочнее устроился на своем валуне и начал передавать свои мысли:

— Мистер Уитлоу, позвольте напомнить вам, что нас всегда было трудно втянуть в войну. За всю нашу историю нашими единственными врагами считались моллюски из бескрайних океанов Венеры. В пору расцвета их культуры они прибыли в своих заполненных водой кораблях с целью покорить нас, вследствие чего произошло несколько длительных и ожесточенных войн. Но в конце концов и они обрели расовую зрелость и некоторую бесстрастную мудрость, хотя и не равную нашей. Было объявлено вечное перемирие на тех условиях, что каждая из сторон остается на своей планете и больше не пред-принимает попыток набега. Веками мы оставались верными этому перемирию и жили в обоюдной изоляции. Сами видите, мистер Уитлоу, что нам невыгодно принимать ваше такое неожиданное и таин-ственное предложение.

— Вношу предложение, — вмешался Старший Жесткокрыл, сидев-ший справа от Главного. Мысли его молнией метнулись к Уитлоу. — Кажется, ты, землянин, обладаешь такой энергией, мощностью и сила-ми, которые, возможно, даже превосходят наши. Твое появление на Марсе без всякого видимого транспортного средства и твоя способность переносить холод без особого прибора — вот достаточные доказы-тельства этого. Насколько мы поняли, другие обитатели твоей планеты не обладают такими силами. Почему бы тебе самому не напасть на них,

подобно бронированному ядовитому червяку-отшельнику?! Зачем тебе наша помощь?

— Друг мой, — веско сказал Уитлоу, наклоняясь вперед и вонзая взгляд в серебристую раковину старейшины, — я ненавижу войну как подлейшее занятие, и активное участие в ней считаю величайшим злодеянием. И тем не менее я принес бы себя в жертву, если бы мог добиться своей цели подобным образом. К сожалению, не могу. Не возникает чисто психологического эффекта, который мне нужен. Более того, — он помолчал в замешательстве, — я должен признаться, что еще не вполне управляю своими силами. Я их порой не понимаю. Волею непостижимого провидения в мои руки попало устройство, которое, вероятно, является творением существ неизмеримо более развитых, чем мы, что дает мне возможность путешествовать в пространстве и времени, защищает меня от опасностей, дает мне тепло и свет, контролирует марсианскую атмосферу вокруг меня и концентрирует ее так, что я могу нормально дышать. Что же касается более широкого использования моих возможностей, то я смертельно боюсь: вдруг устройство выйдет из-под контроля. Мой собственный небольшой эксперимент имел катастрофические последствия, повторить его я не осмеливаюсь.

Старший Жесткокрыл частным образом обменялся мыслями с Главным:

— Может быть, мне стоит попытаться загипнотизировать его помутившийся разум и отобрать у него это устройство?

— Давай.

— Только я допускаю, что оно защитит его разум так же успешно, как и тело.

— Мистер Уитлоу, — резко передал свои мысли Главный, — вернемся к доводам. С каждым произнесенным словом ваше предложение становится все более безрассудным, а ваши мотивы абсолютно неясными. Если вы хотите, чтобы мы проявили серьезный интерес, вы должны дать нам ответ на один вопрос: почему вы хотите, чтобы мы напали на Землю?

Уитлоу скривился.

— Именно на этот вопрос я не хотел бы отвечать.

— Хорошо, сформулируем по-другому, — настойчиво продолжал Главный. — Какую личную выгоду вы собираетесь извлечь из нашего нападения?

Уитлоу выпрямился как струна и поправил галстук.

— Никакой! Абсолютно никакой! Для себя я ничего не добиваюсь.

— Вы хотите править Землей? — настаивал Главный.

— Нет! Нет! Я ненавижу любую тиранию.

— Значит, месть? Земля обидела вас и вы пытаетесь отомстить?

— Нет! Я никогда не опущусь до такого варварского поведения. Я никого не обвиняю и ни к кому не питаю ненависти. Желание причинить кому-нибудь вред — далеко от моих мыслей.

— Ну, ну, мистер Уитлоу! Вы же только что пригласили нас напасть на Землю. Как же это согласуется с вашими чувствами?

Уитлоу разочарованно закусил губу.

Главный быстро спросил Старшего:

— Как успехи?

— Совершенно никаких. За его разум чрезвычайно трудно ухватиться. И, как я предвидел, он защищен.

Глаза Уитлоу остановились на очерченном звездами горизонте.

— Я и так сказал вам очень много, — произнес он. — Исключительно из-за того, что я сильно люблю Землю и человечество, я прошу вас напасть на нее.

— Вы выбрали странный способ выразить свою любовь, — заметил Главный.

— Да, — продолжал Уитлоу, и голос его слегка потеплел, но глаза сохраняли отсутствующее выражение. — Я хочу, чтобы ваше нападение предотвратило войну.

— Это становится все более и более загадочным. Развязать войну, чтобы прекратить ее? Данный парадокс требует объяснения. Берегитесь, мистер Уитлоу, как бы я не впал в заблуждение и не начал считать чуждых существ слабоумными чудовищами.

Взгляд Уитлоу сконцентрировался и остановился на Главном. Он шумно вздохнул:

— Полагаю, мне придется объясниться, — пробормотал он. — Вероятно, в конце концов вы сами все выясните. Хотя проще было бы другим образом...

Он отбросил непослушные волосы и слегка утомленно помассировал лоб. Заговорив снова, он стал гораздо меньше походить на оратора.

— Я — пацифист. Жизнь моя посвящена благородной задаче предотвращения войн. Я люблю людей. Но они впали в заблуждение и грех, пали жертвой своих низменных страстей. Вместо того чтобы доверчиво шагать рука об руку к исполнению всех своих великолепных мечтаний, они постоянно впадают в конфликты, в гнусные войны.

— Возможно, на то есть причины, — мягко предположил Главный. — Какие-нибудь вопросы неравенства, нуждающиеся в урегулировании, или...

— Не надо, — осуждающе остановил его пацифист. — Войны становятся все более жестокими и ужасными, и я, и другие члены общества обращались к здравому смыслу большинства, но тщетно. Я ломал себе голову в поисках решения, рассматривал все имеющиеся средства. С тех пор, как мне в руки попало это... э... это устройство, я искал в космосе и даже во временных потоках секрет предотвращения войн. Безуспешно. Те разумные расы, которые я обнаружил, либо сами воевали, либо никогда не знали войн. Последние, конечно, очень милые существа, но они не могли дать мне никакой полезной информации. Есть еще один вариант: когда войны перерастали в мучительные и

ужасающие побоища, в результате которых не оставалось никого живого и ничего материального и физического.

«Как у нас», — подумал Главный про себя.

Пацифист протянул руки, обратив ладони к звездам.

— И поэтому я снова должен был обходиться собственными силами. Я всесторонне изучил человечество. Наконец, я понял: наиболее худшая его черта и одна из тех, что наиболее ответственна за войны, — это чрезвычайно преувеличенное самомнение. На моей планете человек — венец творения. Все другие живые существа мало чем отличаются друг от друга — ни один вид не превалирует. У хищников есть свои конкуренты. Каждое травоядное конкурирует с другими видами животных из-за растительности — травы, листьев. Даже рыбы в море и мириады паразитов, роящихся в крови, делятся на породы примерно равных возможностей и способностей. Такое верное и справедливое распределение способствует скромности и чувству реальности у всех видов. Никакие живые существа не склонны сражаться между собой, так как это расчищает дорогу к превосходству какого-либо вида животного. И лишь только у человека нет серьезных конкурентов. И в результате человек приобрел манию величия, а заодно и манию преследования и ненависти. В отсутствие ограничений, которые возникали бы при конкуренции, он заполнил свой дом, свою планету нескончаемыми войнами.

Некоторое время я обосновывал свою идею. Я с тоской думал о том, что развитие человечества могло идти совершенно иным путем, если бы человечеству пришлось делить планету с каким-то равным ему по разуму видом. Скажем, с каким-либо морским народом, способным создавать машины... Я вспомнил, как во время величайших природных катастроф, таких, как пожары, наводнения, землетрясения и чума, люди на время прекращали раздоры и работали рука об руку — бедные и богатые, враги и друзья. К несчастью, такое сотрудничество длится только до тех пор, пока люди еще раз не докажут свое превосходство над окружающей средой. Никогда не существует постоянно отрезвляющая угроза. И тогда... на меня снизошло откровение.

Взгляд мистера Уитлоу скользнул по черным раковинам — беспорядочной куче атласных серповидных световых пятен, собравшихся вокруг обхватывающей его светящейся сферы. И разум его скользнул по их скрытым бронированным мыслям.

— Я вспомнил случай из детства. Радиовещание — мы использовали вибрацию высокой частоты, чтобы передавать звук, — транслировало шуточный репортаж, фиктивный, но правдоподобный о вторжении на Землю жителей Марса, существ той злобной и разрушительной породы, которой, как говорилось выше, мы склонны наделять чужую жизнь. И многие поверили этому репортажу. Ненадолго вспыхнула паника. И мне представилось, как при первых же признаках настоящего вторжения воюющие народы забудут свои разногласия и встанут бок о бок, чтобы отразить напор захватчиков. Люди осознают: то, из-за чего они сража-

лись, в действительности пустяки, фантомы, порожденные дурным настроением и страхами. Они поймут: наиважнейшим фактором является тот, что они люди, столкнувшиеся со всеобщим врагом и величественно принявшие вызов. Ах, друзья, когда перед моими глазами возникла эта картина, как воюющее человечество при первом ударе объединится навсегда, я задрожал... Я...

Даже на Марсе эмоции захлестнули его.

— Очень интересно, — вкрадчиво промолвил Старший Жесткокрыл, — но не будет ли предлагаемый вами метод противоречить той высочайшей морали, которую я ощущаю в ваших признаниях?

Пацифист склонил голову.

— Друг мой, вы совершенно правы — в глобальном и окончательном смысле. Но позвольте мне заверить вас, — живость снова вернулась к нему, — что в тот день, когда возникнет вопрос о межпланетных отношениях, я буду в авангарде защитников межзвездного равенства, буду добиваться полного равенства для жесткокрылов и людей. Но... — его глаза, лихорадочно блестящие, снова смотрели из-под волос, упавших на лоб, — это дело будущего. Животрепещущий вопрос — как остановить войну на Земле? Как я уже говорил, ваше вторжение должно быть чисто символическим и как можно менее кровопролитным. Однако даже лишь видимость внешней угрозы — убедительное доказательство того, что человек имеет равных себе или даже превосходящих его соседей во Вселенной, и этот факт вернет человечеству естественную точку зрения, сплотит его во взаимооборонительное братство и установит вечный мир.

— Это неважно, — ответил Главный сухо, впервые высказывая некоторое высокомерие и расовую гордость, порожденную соответствующими традициями. — Как я уже говорил, моллюски, очевидно, низшая раса. Всего лишь существа, обитающие в воде. Мы их не видели уже много веков. Насколько мы знаем, они вымерли. И конечно, нас ни сколько не сдерживала такая древняя и затасканная форма содружества, как соглашение с ними, если бы имелся хоть какой-то здравый и выгодный повод нарушить миролюбивое сосуществование. И нам нет смысла — и никогда не было — бояться их.

Мысли Уитлоу пришли в замешательство и смущение, его руки с плоскими пальцами бессознательно совершали какие-то жесты. Вынужденный вернуться к своему первоначальному аргументу, он неуверенно заговорил:

— Но ведь, конечно, должна быть какая-то добыча, которая будет иметь для вас ценность после вторжения на Землю. В конце концов, Земля — планета, богатая кислородом, водой, минералами и жизненными формами, в то время как Марс испытывает недостаток всех перечисленных выше элементов.

— Совершенно верно, — согласился Главный. — И мы выработали такой образ жизни, который точно соответствует данным условиям. Со-

бирая межзвездную пыль по соседству с Марсом и разумно используя трансмутацию элементов и другую технологию, мы обеспечиваем себя достаточным количеством всего необходимого. Чрезмерное земное изобилие поставит нас в затруднительное положение, нарушит систему. Увеличение запаса кислорода заставит нас изучать новый тип дыхания, дабы избежать кислородного опьянения, что само по себе делает вторжение на Землю небезопасным. Подобные же опасности таит в себе и пересыщение другими элементами и соединениями. Теперь об отвратительных, кишасих повсюду жизненных формах — ни одна из них не может стать полезной нам на Марсе, — разве что, к несчастью, какая-то из них найдет пристанище в наших телах и вызовет эпидемию.

Уитлоу вздрогнул. Сознавал он это или нет, но его планетарное тщеславие было задето.

— Но все же вы упускаете нечто более важное, — убеждал он, — творения человеческой промышленности и мастерства. Человек измерил лик своей планеты гораздо более существенно, чем вы своей. Он покрыл ее дорогами. Он не толпится на открытой местности, как вы, а построил обширные города. Человек создал всевозможные транспортные средства. Без сомнения, среди таких ценных вещей вам многое придется по душе.

— Маловероятно, — возразил Главный. — Я не вижу в вашем мозгу никаких признаков того, что могло бы вызвать даже малейший наш интерес. Мы приспособились к окружающей среде. Мы не нуждаемся в одежде и домах, в прочих искусственных средствах выживания, которые требуются вам, плохо приспособленным к жизни земляшкам. Наше господство над собственной планетой превосходит ваше, но мы не рекламируем его столь назойливо. Из картины, нарисованной вами, я понял, что вы, земляне, страдаете гигантоманией и грубым, ничем не прикрытым эксгибиционизмом.

— Но ведь есть еще наши машины, — настаивал Уитлоу, кипя от гнева и дергая себя за воротник. — Ужасно сложные машины для различных целей. Они могут быть полезны другим существам так же, как и нам.

— Да, представляю себе, — ядовито заметил Главный, — огромная неуклюжая груда колес и рычагов, проволок и трубок. В любом случае, наши тела лучше.

Он быстро послал вопрос Старшему:

— Ну как, гнев не сделал его разум более уязвимым?

— Еще нет.

Уитлоу предпринял последнее усилие убедить оппонентов своей идеи, с огромным трудом сдержав свое негодование.

— Кроме всего прочего, есть и искусство. Культурные сокровища неизмеримой ценности. Деятельность существ, творчески одаренных гораздо больше, чем вы. Картины, музыка, живопись, скульптура, конечно...

— Мистер Уитлоу, не делайте из себя посмешище, — прервал выступление Главный. — Искусство становится бессмысленным вне его культурного окружения. Что интересного можно ожидать от неуклюжего самовыражения незрелой расы? Более того, ни один из тех видов искусства, что вы перечислили, не может быть приспособлен к нашему способу восприятия, исключая скульптуру, а в этой области наши достижения неизмеримо выше, поскольку мы непосредственно воспринимаем объем — всего лишь улавливанием теней, ограничиваясь неестественными двухмерными образами.

Уитлоу выпрямился, скрестив руки на груди.

— Отлично, — проскрежетал он зубами. — Вижу, что я не могу уговорить вас. Но... — он погрозил пальцем Главному, — позвольте мне кое-что добавить! Вы презираете людей, называете их грубыми и незрелыми. Вы обливаете грязью их индустрию, научную мысль и искусство, отказываетесь помочь им в беде. Вы думаете, что имеете возможность пренебречь ими. Отлично. Продолжайте в том же духе — посмотрим, что произойдет!

Мстительный огонь загорелся в его глазах.

— Я знаю своего соплеменника — человека. Войны сделали его деспотичным и предприимчивым. Он закабалил уже многих животных, ранее свободно обитавших в полях и лесах. Когда представляется случай, он поработает и себе подобных, а когда не может этого сделать, то опутывает их незримыми цепями экономической зависимости и заставляет благоденствовать перед его престижем. Он — тупоголовая марионетка своих низменных инстинктов, но в то же время он талантлив, чертовски упорен, влекомый своими безграничными амбициями! У него уже есть атомная энергия и ракеты. Через несколько тысячелетий у него появятся космические корабли и субатомное оружие. Продолжайте свое существование в том же духе и выжидайте! Постоянные войны побуждают человека совершенствовать оружие до невообразимого уровня. Дождетесь вы и этого! Дождетесь, когда человек появится на Марсе во всей своей мощи! Дожидайтесь с вашей бронированной приспособляемостью ко всем видам окружающей среды. Сидите и выжидайте, когда он добьется раздоров с вами, победит и поработит вас, погрузит на корабли, набив вами вонючие трюмы, чтобы вы работали в земных шахтах, на океанском дне, в стратосфере и на тех планетоидах, которые земляне захотят эксплуатировать. Да, продолжайте жить в том же духе и ждите!

Уитлоу прервал речь, грудь его высоко вздымалась. Какое-то время он сознавал лишь свое злобное удовлетворение, высказав накопившееся в нем недовольство этим противным жукоподобным созданиям.

Мистер Уитлоу огляделся, чтобы убедиться, какое он произвел впечатление своей речью.

Жесткокрылые приближались. Передние особи — паукообразные — ступали во всем своем отвратительном облике, почти вторгаясь в его

защитную сферу. Точно так же приближались и их мысли, образовав определенный заслон угрозы, гораздо чернее окружающей их марсианской ночи. Исчезло в них высокомерное веселье и хладнокровная отрешенность, так раздражавшие его. Он, еще не веря в это, осознал, что каким-то образом пробился сквозь их броню непроницаемости и попал в уязвимое место.

Уитлоу поймал быструю мысль от Старшего к Главному:

— Если и другие хоть в чем-то похожи на этого глупца, они ведут себя точь-в-точь, как он сказал. Это им же и подтверждено.

Уитлоу медленно огляделся вокруг, наклонил голову, пытаясь отыскать ответ на внезапное изменение позиции жесткокрылов. Его озадаченный взгляд остановился на Главном.

— Мы переменили мнение, мистер Уитлоу, — хмуро признался Главный. — Я говорил вам с самого начала, что мы не колеблемся, принимая решения, когда располагаем ясными и убедительными аргументами. Если ваши глупые доводы относительно гуманности и добычи были явно неудачными, то ваша последняя вспышка убедила нас. Все именно так оно и есть, как вы говорите. Тупоумные земляне в конце концов нападут на нас, причем даже надеясь на успех, если мы займем выжидательную позицию. Поэтому, по логике вещей, мы должны провести предупреждающую акцию, естественно, чем скорее, тем лучше. Мы проведем разведку, и если условия на Земле такие, как вы утверждаете, то мы нападём на вашу планету.

Из состояния смятения и уныния Уитлоу вдруг в один момент достиг пика радостного возбуждения. Его долговязое тело, казалось, вытянулось и стало еще длиннее. Все, наконец, встало на свои места.

— Изумительно! — фыркнул он, а затем взволнованно затрещал. — Конечно, я сделаю все, что в моих возможностях. Я обеспечу транспортировку!

— В этом нет нужды, — решительно заявил Главный. — Мы более не доверяем вашим огромным силам, как и вы сами. У нас есть свои космические корабли, полностью пригодные для подобного предприятия. Мы не выставляем их напоказ, как и не хвастаемся другими техническими достижениями нашей науки. Мы не используем свой военный потенциал как вы, земляшки, чтобы бесцельно носиться туда-сюда. Тем не менее космические корабли у нас есть, накоплены про запас на случай необходимости.

Но даже этот презрительный отказ в помощи не испортил ликования Уитлоу. Лицо его сияло. Навертывающиеся слезы заставляли моргать лихорадочно блестящие глаза. Его адамово яблоко дергалось от удушья.

— Ах, друзья мои... мои дорогие друзья! Если бы я только мог выразить вам, что означает этот момент для меня! Если бы я сумел рассказать вам, как я счастлив, представляя тот великий грядущий момент! Когда люди выглянут из своих траншей и окопов, из бомбардировщиков и истребителей, домов и фабрик, из наблюдательных постов

и штабов, чтобы увидеть новую угрозу в небесах. Когда эти жалкие воззрения о миролюбии отпадут, как грязные и рваные одеяла. Когда земляне перережут опутывающую их колючую проволоку ненависти и соединятся рука об руку, как истинные братья, что встретят общего врага. Когда, выполнив общую задачу, они добьются истинного и прочного мира!

Уитлоу остановился, чтобы перевести дыхание. Его остекленевшие глаза любовно остановились на голубой звездочке Земли, едва возвышающейся над горизонтом.

— Да, — издалека дошла до него весьма простая мысль Главного. — Для обладающего твоим темпераментом это будет, вероятно, очень радостная и трогательная сцена. Но ненадолго...

Уитлоу тупо посмотрел вниз. Последняя мысль Главного будто слегка задела его, цапнув кожу, — легкий удар огромной ядовитой клешни. Он не понял, но ощутил неосознанный страх.

— Что... — запинаясь, проговорил он. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — заявил Главный, — что во время нашего вторжения на Землю нам не придется воспользоваться тактикой «разделяй и властвуй», которую обычно применяют в подобных случаях. Вы же знаете наверняка этот принцип: присоединиться к одной фракции, чтобы победить другую — ведь воюющие стороны не очень разборчивы в союзниках, — затем подстрекать к дальнейшему расколу и так далее. Нет, с нашим превосходством в вооружении мы, вероятно, проведем прямую акцию стирания и не станем связываться с утомительными махинациями. А поэтому вы, вероятно, увидите ту вспышку единения глупышек-землян, которому придаете большое значение.

Уитлоу уставился на Главного, лицо пацифиста моментально побелело от ужаса. Он облизал губы.

— Что вы подразумеваете под словами «ненадолго»? — прошептал сипло Уитлоу. — Что вы имеете в виду под понятием «вспышка»?

— Неужели вам все еще непонятно, Уитлоу? — откликнулся Главный с оскорбительным сарказмом. — Неужели вы могли хоть на минуту предположить, что мы совершим какое-то миниатюрное вторжение на Землю и, внушив землянам благоговейный страх, вернемся на Марс. Таким методом мы наверняка добьемся вторжения на Марс, что со временем и произойдет. Следуя вашему совету, мы только ускорили бы эту агрессию: ведь земляне тут же появились бы на Марсе с намерением предотвратить угрозу. Нет, мистер Уитлоу, мы нападём на вас только для того, чтобы защитить себя от потенциальной опасности. Нашей целью будет полное и тотальное уничтожение Земли, совершенно быстрое и эффективное. Наше сегодняшнее военное превосходство делает успех неизбежным.

Уитлоу, похожий на грязную и желтоватую статую самого себя, тупо уставился вытаращенными глазами на Главного. Он раскрыл рот, но не произнес ни слова.

— Вы ведь не могли и предполагать, мистер Уитлоу, не правда ли, — сердечно продолжал Главный, — что мы сделаем что-либо, пусть даже малость, для вашего блага? Или для блага любого, а не жесткокрылых?

Уитлоу не сводил глаз с ужасных черных восьминогих яиц, подкатившихся поближе, — живых воплощений ядовитой черноты древней планеты.

Он только смог мысленно пробормотать:

— Но... я думал, вы сказали... что нельзя думать о чуждых созданиях, как о зловонных чудовищах, стремящихся только к уничтожению и разрушению...

— Возможно, — отрезал Главный.

И только тут мистер Уитлоу осознал, чем в действительности являются эти чуждые ему создания.

Будто в удушливом кошмаре он заметил, что жесткокрылые подобрались к нему еще ближе. Он услышал высокомерную нескрытую мысль, посланную Главным Старшему:

— Ты еще не добрался до его разума?

И ответ Старшего:

— Нет.

И быстрый приказ Главного.

Черные яйца ворвались в его световую сферу, грозные бронированные клешни потянулись к нему, и это было последним осознанным впечатлением мистера Уитлоу на Марсе.

Мгновением позже защитное устройство спасло его от гибели, переместив на огромное расстояние, — мистер Уитлоу пришел в себя внутри воздушного пузыря, который чудесным образом поддерживал нормальное атмосферное давление в глубинах бескрайних венерианских морей. Подобно рыбе в аквариуме, только с другой стороны, он рассматривал мягко колышущиеся люминесцирующие водоросли и наполовину покрытые ими или полупогруженные в них огромные здания. Вокруг носились сверкающие корабли и существа со щупальцами.

Главный Моллюск рассматривал существо, вторгшееся в его частный сад, с высокомерным неодобрением, которое даже удивление не могло поколебать.

— Кто вы? — холодно спросил он.

— Я... я прибыл, чтобы информировать вас о зловонном нарушении правил перемирия. — Пять глаз на длинных стебельках рассматривали пацифиста с той же холодностью, что прозвучала повторно во фразе:

— Но кто вы?

Внезапный прилив горькой правдивости заставил мистера Уитлоу ответить:

— Наверное... меня можно назвать поджигателем войны.

ПОБРОСАЮ-КА Я КОСТИ

Рассказ

(лауреат премий научной фантастики
«Хьюго» и «Небьюле» за 1967 год)

Джо Слеттермен внезапно понял: если он не уберется отсюда сейчас же, то в его черепе что-то взорвется и осколки его, словно шrapнель, сметут многочисленные подпорки и заплаты, удерживающие его ветхую хижину от окончательного разрушения. Его жилище более всего походило на картонный домик из деревянных, пластмассовых и картонных карт, а очаг, печи и камин были неожиданно тяжеловесными.

И все это, сделанное из твердого камня, выглядело прочным. Очаг доходил ему до подбородка, был раза в два больше в длину и до краев полон пламени. Выше располагался ряд квадратных печных заслонок: его жена пекла хлеб, что составляло часть их доходов. Над печью прибита длинная, во всю стену, полка, слишком высокая, чтобы его мать могла дотянуться, а мистер Пузик допрыгнуть, заставленная всевозможными семейными реликвиями. Некоторые из них, сделанные из камня или фарфора, настолько высохли от постоянной жары, что казались не чем иным, как высохшими человеческими головами или мячами для гольфа. Сбоку стояли плоские бутылки из-под джина, бережно хранимые женой. Еще выше висел старый мультихром. Его водрузили настолько высоко и он так был покрыт сажей и салом, что нельзя было точно сказать, был ли этот сигарообразный предмет, окруженный воронками, китобойным орудием или же космическим кораблем, пробирающимся сквозь облако гонимой солнечным светом космической пыли.

Не успел Джо согнуть пальцы ног, как его мать поняла, куда он собрался.

— Идет бездельничать, — пробормотала она с осуждением. — Карманы полны монет — это домашние деньги, которые будут пущены на грех. — И она снова принялась жевать индюшатины: куски она отрывала правой рукой от тушки, лежащей на решетке в пламени камина, тогда как левая была готова отогнать не сводящего с нее взгляда мистера Пузика: желтоглазого, тощего, с драным, нервно подрагивающим хвостом. Мать Джо в своем грязном платье, полосатом, словно бока индейки, походила на продавленный портфель, а пальцы — на обрубленные сучки.

Жена Джо, видимо, думала то же самое, потому что она улыбунулась ему через плечо, возясь около средней печки. До того, как она захлопнула дверцу, Джо успел заметить: она посадила два длинных, похожих на флейты хлеба и один высокий пышный каравай. Жена Джо была худющей, словно смерть, болезненной и постоянно куталась в фиолетовую шаль. Она, не глядя, протянула костлявую, в ярд длиной, руку к ближайшей бутылке джина, сделала смачный глоток и улыбунулась снова. Джо без слов понял, что она хотела сказать: «Ты уйдешь истроишься к кому-нибудь играть, а потом напьешься и будешь где-то валяться, придешь домой, изобьешь меня и попадешь в каталажку». И в его мозгу вспыхнуло воспоминание о том, как он в последний раз сидел в грязном подвале и она пришла к нему, а лунный свет озарял зеленые и желтые синяки, которыми он украсил ее впалое лицо. И жена шепталась с ним через крохотное окошко, сунув ему через прутья полпинты.

Джо уверен, что сейчас повторится то же самое, если не хуже, но тем не менее он тяжело поднялся, и карманы его приглушенно звякнули; он направился напрямик к двери, пробормотав: «Пойду-ка я на гору, побросаю кости. И сразу вернусь». Джо помахал узловатыми, согнутыми в локтях руками наподобие паровозного колеса, как бы показывая, что он вроде бы пошутил.

Он шагнул за порог, оставив дверь на пару секунд приоткрытой. А когда захлопнул ее, то почувствовал себя глубоко несчастным. Раньше мистер Пузик непременно прыгнул бы следом, чтобы поглядеть драки кошек и собак на крышах и заборах, а теперь большой кот предпочитал сидеть дома, шипеть на огонь, таскать индюшатину, увертываясь от метлы, и воевать с женщинами. Никто не подошел к двери, только слышалось чавканье матери Джо, ее порывистое дыхание; скрипели половицы под ногами его жены, да звякнула поставленная на полу бутылка джина.

Ночь подобна бархатной бездне, усеянной морозными звездами. Некоторые из них, казалось, двигались, словно уходящие космические корабли. А Карьер выглядел так, будто его огни разом задуты, а жители улеглись спать, предоставив все улицы и площади в распоряжение бризу и невидимкам-духам. Джо стоял прямо в середине полусферы пыльного сухого аромата, исходящего от высохшего строения, находившегося за его спиной, и, ощущая и слушая прикосновение к ногам ломкой от дневного зноя травы, осознавал, что где-то глубоко внутри него долгие годы укреплялось мнение, что он, его дом, жена и мистер Пузик должны подойти к концу все вместе. То, что пламя очага до сих пор не спалило его сухую, словно солома, хибарку, было просто чудо.

Джо зашагал, привычно ссутулившись, но не вверх, в гору, а вниз, по грязной дороге, которая вела мимо Кипарисового Кладбища в Ночной Город.

Ветер мягко ласкал, но, что необычно, не стихал, а дул порывами, словно шквал в царстве гномов. Он раскачивал чахлые деревья за покосившимися, добела отмытыми дождями воротами кладбища, смутно видневшимися в свете звезд. И казалось, что эти врата трясут бородами исполинского мха. Духи, подумал Джо, так же не знают отдыха, как и ветер. Духам все равно: то ли за кем-нибудь гнаться, то ли плыть всю ночь по небу в скорбно-распутном обществе других теней. Временами среди деревьев вспыхивали красно-зеленые глаза вампиров, пульсирующие, словно бортовые огни или выхлоп космического скутера. Чувство глубокой тоски не проходило, оно становилось все глубже, звало Джо свернуть с дороги, найти себе удобное местечко возле какой-нибудь плиты или покосившегося креста и лежать долго-долго, чтобы жена подумала, будто он умер. И еще он размышлял вслух: «Побросая кости, да пойду спать». Но пока он так раздумывал, распахантутые, висящие на одной петле ворота и похожий на мираж забор и Шантвиль остались позади.

Сначала Ночной Город показался ему вымершим, как и сам Карьер, но потом он заметил тусклые огоньки, слабые, словно глаза вампиров, но мигающие несколько чаще и сопровождающиеся отбивающей такт музыкой, чуть слышной, словно джаз для пляшущих джиттербаг муравьев. Он шел по твердому тротуару, с грустью вспоминая те дни, когда в его ногах были будто пружины и он бросался в драку, словно дикий кот или марсианский песчаный паук. Господи, сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз дрался по-настоящему или ощущал в себе силу. Чуть слышная музыка постепенно звучала все громче и вскоре уже грохотала, словно танго для гризли или полька для слонов. Свет превратился в бушующее море языков газа, факелов, мертвенно-бледных ртутных ламп и подрагивающих розовых неоновых трубок, и все это великолепие смеялось над звездами, меж которых устало брели космические корабли. Следующее, что он увидел, это фальшивый трехэтажный фасад, охваченный, словно дьявольской радугой, огнями Святого Эльма. В центре его сияли широкие, распахивающиеся в любую сторону двери, из-за которых сверху и снизу вырывался свет. Над входом невидимая рука без устали писала золотистым пламенем с росчерком и завитушками «ПОПЫТАЙ», а справа сатанинским красным огнем пылало «СЧАСТЬЯ».

Итак, новое заведение, о котором столько толковали, наконец открылось. Впервые за ночь Джо Слеттермен почувствовал в себе желание вкусить настоящую жизнь и ласковую щекотку возбуждения.

— Побросая кости, — подумал он.

Джо встряхнул свой сине-зеленый рабочий комбинезон несколькими сильными, беззаботными взмахами и похлопал себя по карманам, чтобы еще раз услышать звяканье. Затем он, раздвинув плечи, растянул губы в пренебрежительной улыбке и толкнул дверь так, словно хотел ударить стоящего за ней врага.

Внутри заведение было вместительным, как городская площадь, а стойка была длиной в вагон. Круглые колодцы света над покерными столами контрастировали с нечеткими очертаниями сгустков возбуждающего мрака, напоминающих песочные часы. Сквозь эту тьму продирались девушки с подносами и девушки-менялы, похожие на белоногих ведьм. В отдалении, рядом с возвышением для джаза, виднелись подобные тем же песочным часам силуэты исполнительниц танца живота. Игроки толсты и сгорбленны, будто грибы. Все они облысели из-за мучительных переживаний, которые доставлял им каждый шлепок карт, каждая задержка или окончательная остановка маленького костяного шарика. А Алые женщины радовали глаз, словно поле пионов.

Выкрики крупные и шорох карт были незаметными, но уверенными стокаatto, похожие на перемежающиеся удары щеток и палочек по барабанам. Каждый плотно спрессованный атом, относящийся к заведению, прыгал, подчиняясь общему ритму. Ему подчинялись также пылинки, пляшущие в конусах света.

Возбуждение Джо возросло, и он почувствовал, как мелкая дрожь прошла по его телу, словно бриз, предвещающий ураган, — слабое дыхание уверенности, которое, он знал это, могло превратиться в торнадо. Все его мысли о доме, о матери моментально выскочили из головы, а мистер Пузик преобразился в молодого проворного кота, крадущегося на упругих лапах на грани его разума. Мускулы собственных ног Джо позанимствовали эту упругость, и он ощутил, как ноги становятся все тверже.

Он изучающе оглядел заведение, его рука автоматически поднялась словно сама по себе и взяла стакан сдвигающегося мимо, слегка загнутого по краям подноса. Вот и игральный столик номер один. Похоже, что там собирались все Большие Грибы, такие же лысые, как и остальные, но выше ростом. Белые Мухоморы. В просвете между ними Джо увидел на той стороне стола фигуру более высокую, в длинном темном пиджаке с поднятыми бортами и в темной, надвинутой на глаза шляпе с отвислыми полями, не затеняющими только белый треугольник лица. Надежда и ожидание соединились в душе Джо, и он направился прямо к просвету между Большими Грибами.

По мере того как он подходил ближе и белоногие девушки с блестящими волосами уступали ему дорогу, его ожидание получало подтверждение, а надежда росла и крепла. С краю за столом сидел мужчина, самый толстый из всех, кого ему приходилось видеть, с большой сигарой во рту, в серебристом жилете и золотистом галстуке шириной чуть ли не в восемь дюймов; на галстуке было написано: «МИСТЕР КОСТИ». На другом конце стола сидела совершенно обнаженная девушка — единственная, на которую он смотрел: поднос, висящий на перекинутом через плечо ремне и подхватывающий ее как раз под грудями, был заставлен сверкающими золотыми башенками и

черными агатовыми фишками. Рядом с ней — ассистентка, еще более костлявая и длиннорукая, чем его жена; на ней, похоже, тоже ничего не было, кроме пары длинных белых перчаток. Она была хороша, особенно если вам нравятся обтянутые белой кожей кости и груди, похожие на китайские дверные ручки.

Рядом с каждым игроком стоял высокий круглый стол для выигранных фишек. Один из них был пуст. Ухватив за плечо ближайшую менялу, Джо обменял все свои засаленные доллары на эквивалентное число светлых фишек и дернул ее за левый сосок на счастье. Она игриво щелкнула зубами рядом с его пальцами.

Не торопясь, но и не теряя времени, Джо шагнул вперед, высыпав свои скромные запасы на пустой стол, и занял свободное место. Он заметил, что Большой Гриб справа как раз держит кости. Сердце Джо, только сердце и больше ничего, совершило дикий скачок. Он неторопливо поднял глаза и посмотрел на ту сторону стола.

Пиджак напоминал переливающуюся элегантную колонну из черного атласа, на которой блестели галалитовые пуговицы; поднятый вверх воротник сделан из прекрасного матово-черного плюша, темного, словно глубокий погреб; из плюша была и шляпа с широкими опущенными полями, вместо тесьмы на которой лежал тонкий шнурок, сплетенный из конского волоса. Рукава пиджака походили также на атласные колонны, но меньшего размера, постепенно переходя в изящные колонны с длинными тонкими пальцами, которые, когда были заняты делом, двигались чрезвычайно быстро, а в промежутках замирали неподвижно, как изваяния.

Джо тщетно старался разглядеть детально его лицо: только гладкий лоб, на котором ни бисеринки пота, брови, похожие на обрезки шнура на шляпе, худые аристократические щеки и узкий, но тем не менее плоский нос. Цвет лица не был белым, как показалось Джо вначале. Кожа лица отличалась слабой, чуть заметной примесью коричневого цвета, словно начинающей стареть слоновой кости или венерианского мыльного камня. Взгляд на руки подтвердил это.

Позади человека в черном стояла толпа людей вызывающего вида — мужчин и женщин, отвратительнее которых Джо никогда не видел. С одного взгляда ему стало понятно, что каждый из этих напояженных бриллиантом ребят имеет под полой пиджака револьвер, а в кармане — складной нож, а каждая девушка со спортивной фигурой и змеиным взглядом носит за подвязками для чулок стилет, а в ложбинке между торчащими грудями — кинжал с серебряной рукояткой, украшенной жемчугом.

И в это же время Джо понял, что все они просто пижоны. А вот человек в черном — их хозяин, он опасен по-настоящему, ибо относится к людям, одного взгляда которых достаточно, чтобы понять: тронуть его — значит умереть. Если вы просто коснетесь его рукава, независимо от того, насколько легко и уважительно, рука цвета слоновой кости

метнется быстрее мысли, и вы будете либо застрелены, либо зарезаны. А может, вас убьет само прикосновение, как если бы каждая частица его черной одежды была заряжена от его бледной кожи током в миллион ампер. Джо еще раз посмотрел на удлинненное лицо и решил: он, пожалуй, делать этого не будет.

Потому что существовали еще глаза, наиболее выразительная часть лица. У всех больших игроков темные, словно затененные, глубоко посаженные глаза. Но эти глаза посажены так глубоко, что нельзя с уверенностью сказать, виден ли на дне их блеск. Они являли собой воплощение непроницаемости. Они были бездонны. Они были подобны двум черным колодцам.

Но это не выбило его из колеи, хоть и изрядно напугало. Наоборот, такое открытие привело его в восторг. Ожидания Джо полностью подтвердились, а надежда не обманула его. Это, безусловно, один из тех воистину настоящих игроков, кто посещает Карьер раз в десять лет, если не реже, спускаясь из большого города на речных пароходах, которые режут водную гладь, подобно роскошным кометам, рассыпая хвосты искр из высоченных секвой с кронами из гнутого железа. Или серебряным космическим лайнерам с дюжиной дюз, сверкающих, словно драгоценности. А мерцающие ряды их иллюминаторов похожи на рой астероидов.

Кто знает, может быть, некоторые из этих больших игроков действительно явились сюда с других планет, где дыхание ночи было горячим, а жизнь состояла целиком из риска и минутного восторга.

Да, это тот человек, против которого Джо просто рвался проявить свое умение. Он уже чувствовал едва заметное покалывание в пальцах, лежащих на фишках, — явное проявление его силы.

Джо опустил взгляд на покрытый крепом стол шириной примерно в человеческий рост, раза в два больше в длину, необычно глубокий и обтянутый материей черного, а не желтого цвета, что делало его похожим на гигантский гроб. В его форме было что-то знакомое, но что именно — он никак не мог определить. Дно стола, а не боковины и не верх, поблескивало маленькими искорками, как бы усеянное крошечными алмазами. А когда Джо устремил свой взгляд вертикально вниз, у него мелькнула сумасшедшая мысль: это не стол, а колодец, который пронизывает всю землю насквозь, а искорки — это звезды, видимые вопреки сияющему здесь свету, подобно тому, как ему самому частенько доводилось видеть звезды днем из шахты, в которой он работал. Проигравшийся до тла человек, вдруг упавший туда с закружившейся головой от полного отчаяния, падал бы вечно в бездонную пропасть, может, в преисподнюю, может, в какую-нибудь черную дыру-галактику. Мысли Джо разбежались в разные стороны, и он почувствовал, как его изнутри сжала холодная цепкая рука страха. Кто-то позади него произнес мягко:

— Давай, Дик.

И кости тем временем выкатились откуда-то справа, покатались к Большому Грибу и почти в самом центре стола закрутились волчком, словно для того, чтобы Джо не смог их разглядеть. Но их необычность сразу привлекла его взгляд. Кубики из слоновой кости были непривычно велики, имели закругленные углы и темно-красные точки, которые сверкали, как настоящие рубины. Эти точки располагались таким образом, что каждая грань походила на миниатюрный череп. Например, выпавшая сейчас семерка, на которой Большой Гриб справа от Джо терял три очка, ведь она могла быть десяткой; кубик с семеркой состоял из двойки — двух скошенных в одну сторону точек-глаз вместо их привычного расположения в противоположных углах — и пятерки, тех же двух глаз, красного носа в середине и двух точек рядом, образующих зубы.

Длинная рука в белой перчатке нырнула вперед и забрала кости, положив их на краю стола перед Джо. Он подобрал в себя побольше воздуха, взял со своего стола одну фишку, совсем было положил ее рядом с костями. Но тут до него дошло, что здесь эти вещи делаются, видимо, совсем не так, и Джо положил фишку обратно. Пожалуй, не мешало бы поглядеть на эту фишку повнимательнее. Она была на удивление легка и светла, цвета сливок с капелькой кофе, а на ее поверхности запечатлен какой-то знак, который Джо не разглядел, хотя ощутил. И все же фишка была ошупана очень старательно, и сила больно кольнула его напрягшуюся руку.

Джо словно незначай обвел быстрым взглядом всех сидящих за столом, не исключая и большого игрока напротив, и тихо сказал:

— Бросаю пенки, — подразумевая, конечно, одну светлую фишку, то есть доллар.

Это вызвало среди Больших Грибов недовольное шипение, и Мистер Кости с побагровевшим луноподобным лицом шагнул вперед, чтобы успокоить их.

Большой Игрок поднял вверх черную атласную руку с мраморной кистью. Мистер Кости моментально вновь обрел самообладание, а шипение прекратилось быстрее, чем прекращается шипение метеора в самозатягивающейся обшивке космического корабля. Пришептывающим голосом, безо всякого намека на недовольство человек в черном произнес:

— Принимается.

«Это, — подумал Джо, — было подтверждением моего предположения. Настоящие великие игроки всегда были истинными джентльменами, великодушными к бедности».

Голосом, в котором почти не чувствовалось раздражения, один из Больших Грибов сказал:

— Ваша очередь.

Джо взял рубиновые кости.

С тех пор как он впервые удержал два яйца на одной тарелке, подчинил себе все мраморные осколки в Карьере и бросил семь пла-

стмассовых букв детской азбуки так, что они легли на ковер в ряд и образовали слово «мамочка», о Джо Слеттермене шла слава, как о человеке, обладающем необыкновенной меткостью броска. Он мог метнуть в шахте кусок угля в крысу и попасть ей в темноте в череп на расстоянии пятидесяти футов, а иногда он забавлялся тем, что метал куски руды в то место, откуда они отвалились, и эти куски, точно попав в цель, на несколько минут прилипали к стене. Временами, практикуясь в скорострельности, он бросал семь-восемь обломков в дыру, из которой они вываливались, и это было похоже на сборку головоломки. Если бы ему довелось выйти в открытый космос, он несомненно смог бы пилотировать шесть лунных скиммеров зараз и выписывать восьмерки в самой гуще колец Сатурна.

Единственным же отличием между бросанием камней и костей становится такая деталь: кости-кубики должны отскочить от боковины стола, что делало испытание искусства Джо еще более интересным.

Погромыав зажатými в кулаке костями, он почувствовал в пальцах и ладонях необыкновенную силу.

Он сделал быстрый бросок снизу так, чтобы кости упали прямо перед ассистенткой в белых перчатках. Его семерка, естественно, сложилась так, как он и рассчитывал, из четверки и тройки. Красные точки на цифрах располагались таким же образом, что и на пятерке, только у каждого черепа был один-единственный зуб, а у тройки отсутствовал нос. Это были детские черепа. Он выиграл пенни, то есть доллар.

— Ставлю на два цента, — сказал Джо.

На этот раз он выбросил одиннадцать очков, шестерка была похожа на пятерку, только выделялось три зуба; данный череп выглядел наилучшим образом.

— Ставлю никель без одного.

Эту ставку разделили между собой два Больших Гриба, обменявшись насмешливыми улыбками.

Теперь Джо выкинул тройку и единицу — четыре очка. Единица с ее единственной точкой, смещенной от центра к краю, выглядела тем не менее, как череп, может быть, череп циклопа-лилипута.

Джо выиграл еще немного, с отсутствующим видом выбросив три десятки весьма нетривиальным способом. Ему хотелось разглядеть, как ассистентка собирает кубики. Джо каждый раз мерещилось, что ее пальцы со стремительностью змеи проходят под костями, хотя на ощупь костяшки казались совершенно плоскими. В конце концов он решил, что его восприятие не может быть иллюзией, хотя кости не могли пройти сквозь креп; ее рука в белой перчатке вполне способна преодолевать манипуляции с костями, погружаясь в черную, вспыхивающую алмазами материю, как если бы ее вообще не существовало.

И опять в голову Джо пришла мысль о дыре размером в игорный стол, пронизывающей Землю насквозь. Значит, кости вертелись и ло-

жились на абсолютно гладкую прозрачную плоскую поверхность, непроницаемую только для простых смертных. Или, пожалуй, руки ассистентки оставались единственным, что могло пройти сквозь эту поверхность, и такое простое объяснение превращало в вымышленную фантазию представшую перед мысленным взором Джо фигуру проигравшегося дотла игрока, совершающего Большой Прыжок в этот ужасный колодец, рядом с которым глубочайшая шахта становилась обычной оспинкой.

Джо решил, что он непременно должен узнать правду. Без этого ему не обойтись, ибо он не хотел иметь никаких осложнений, если в случае критической ситуации у него закружится голова.

Он сделал несколько ничего не значащих бросков, бормоча время от времени: «Ну, давай, милый, давай, Джо». Наконец, он взялся за осуществление своего плана. Когда он бросил кости, полетевшие по довольно сложной траектории и принесшие ему две двойки, он сделал так, чтобы они отскочили от дальнего угла и остановились прямо перед ним. Затем, чуть-чуть подождав, когда очки будут замечены, он протянул левую руку к кубикам, на какое-то мгновение опередив руки в белых перчатках, и схватил кости.

Ух ты! Джо ни разу в жизни не приходилось испытывать подобных мучений и сохранять при этом спокойное выражение лица, даже когда его ужалила оса в шею, как раз в тот момент, когда он впервые запустил руку под юбку своей жеманной, капризной, легко меняющей решения будущей жене. Его пальцы и обратная сторона ладони болели так сильно, так невыносимо, будто он сунул их в раскаленную печь. Ничего удивительного, что на ассистентке перчатки. Они, наверное, асбестовые. И очень хорошо, что он выполнил это манипулирование правой рукой, подумал Джо, глядя на проступившие волдыри.

Он вспомнил то, чему учили его в школе, то, что наглядно подтвердила Двадцатимильная скважина: Земля под корой ужасно горяча. Эта дыра размером с игровой стол, должно быть, втягивала страшный жар, поэтому любой игрок, совершающий Большой Прыжок, неминуемо зажарится, прежде чем успеет упасть на достаточную глубину, и вылетит в Китае в виде сажи, а то и вовсе ничем.

Большие Грибы снова зашипели без малейшего снисхождения к его обожженной руке, и Мистер Кости, опять побагровев, открыл рот, чтобы прикрикнуть на них. И снова движение руки Большого Игрока спасло Джо. Шепелявящий мягкий голос произнес:

— Скажите ему, Мистер Кости.

Последний проревел:

— Ни один игрок не может брать со стола кости, бросил ли их другой игрок или же он сам. Только моя ассистентка имеет право это сделать. Правило заведения!

Джо коротко кивнул Мистеру Кости. Тот холодно сказал: «Ставлю займ без двух». И пока покрывалась эта все еще смехотворная ставка,

Джо назвал себе сумму, а затем специально стал выбрасывать пятерки и семерки все время, пока пульсирующая боль в левой руке не утихла, а нервы снова не успокоились. Сила в правой руке не слабела ни на минуту, она, пожалуй, даже увеличивалась.

Примерно в середине этой интермедии Большой Игрок чуть заметно, но с уважением наклонил голову в сторону Джо, прикрыв колодцы глаз перед тем, как повернуться и взять длинную черную сигару у самой хорошенькой и наиболее злобно выглядевшей девушки из своего окружения. Учтивость в каждой мелочи, подумал Джо, еще один признак магистра игры, где правит случай. Большой Игрок конечно же имел под своим началом блестящую команду, хотя, обеда всех внимательным взглядом во время очередного броска, Джо заметил человека, который явно в нее не вписывался, — юношу в элегантных обноскох, со спутанной шевелюрой, пристальным взглядом и чахоточным румянцем на щеках.

Когда он взглянул на дым, поднимающийся из-под низко опущенной шляпы, он решил, что либо огни над столом потускнели, либо цвет лица Большого Игрока стал чуточку темнее, чем в начале. Или, что за дивная фантазия, кожа Большого Игрока слабо темнела в течение всего вечера, словно обкуриваемая пеньковая трубка. Об этом почти смешно думать: ведь здесь было предостаточно жарко, чтобы пенька успела потемнеть. Джо знал это по собственному опыту, но, насколько ему было известно, так происходило с ним, когда он оказывался под столом.

За все это время ни одна мысль Джо — ни обычная, ни восторженная — даже в малейшей степени не ослабила его уверенности в сверхъестественной опасности человека в черном, в его убеждении: тронуть того — значит умереть. Если бы у него в голове и зашевелились какие-либо сомнения, они были моментально развеяны последующим происшествием, от которого у него побежали мурашки по телу.

Большой Игрок как раз положил руку на плечо самой хорошенькой и самой злобой из своих девушек, стал ее ласково поглаживать. Тогда поэт с позеленевшими от ревности и любви глазами прыгнул вперед, словно дикий кот, и ударил длинным сверкающим кинжалом в черную атласную спину.

Джо не понял, как такой удар мог пройти мимо, но Большой Игрок, не снимая руки с плеча девушки, сделал движение левой рукой — словно распрямилась стальная пружина. Джо не успел даже подумать, воткнул ли Игрок поэту нож в горло, ударил ли ребром ладони, применил ли марсианский прием Два пальца или просто коснулся его, но так или иначе, парень замер, словно в него выстрелили из бесшумного пистолета или невидимого лучевого ружья, и рухнул на пол. Двое чернокожих утащили тело, и никто не обратил на этот эпизод ни малейшего внимания. Такие происшествия считались здесь обычным делом.

Развернувшееся событие здорово ударило Джо по нервам, и он чуть не проиграл, но тут же взял себя в руки.

Теперь волны боли перестали прокатываться по левой руке, а нервы стали живыми металлическими гитарными струнами; тремя бросками, последовавшими после описанного случая, он выкинул пятерку, набрав нужное количество очков, и начал постепенно очищать стол от фишек.

Джо выкинул девять удачных сочетаний — семь раз по семь очков и два раза по одиннадцать, увеличив свою ставку с одного до более чем четырех тысяч долларов. Ни один из Больших Грибов не покинул стола, но некоторые из них стали проявлять беспокойство, а у двоих на лысинах выступил пот. Большой Игрок все еще не принимал участия в игре, но, казалось, с интересом следил за происходящим бездонными глубинами своих глаз.

А затем в голову Джо пришла дьявольская мысль. Никто не мог побить его в этот вечер. Джо знал это наверняка, но если он будет все время удваивать ставки, пока не очистит стол, у него не будет возможности убедиться в умении Большого Игрока, а Джону это было по-настоящему интересно. Кроме того, подумал Джон, он должен ответить любезностью на любезность, заставить себя быть джентльменом.

На этот раз шипения не последовало, и луноподобное лицо Мистера Кости даже не потемнело. Но Джо увидел, как Большой Игрок взглянул на него: расстроено, с грустью, похоже, размышляя о чем-то.

Джо немедленно проиграл ставку неловким броском, довольный тем, что выпали наиболее хорошо смотревшиеся черепа, тесно прижавшиеся друг к другу и скалящие рубиновые зубы, и кости перешли к сидящему слева Большому Грибу.

— Знал, когда кончить, — услышал он бормотание, в котором слышалось недовольство и восхищение.

Игра за столом пошла несколько оживленнее, но никто особенно не горячился, ставки были средними. «Ставлю пятерку», «Бросаю десятку», «Эндрю Джексы» (25 долларов), «Бросаю тридцать бумажек». И опять Джо проигрывал часть ставок, выигрывая, однако, более, чем теряя. У него было уже свыше семи тысяч долларов (в деньгах, а не в фишках), когда кости перешли к Большому Игроку.

Он надолго задержал кости на своей неподвижной, как у статуи, ладони, сосредоточенно глядя на них, хотя на его коричневатом лбу не появилось даже намека на морщинку, ни единой бисеринки пота. Он пробормотал: «Бросаю две десятки» — и, как только умолк, сжав пальцы, слегка погремев кубиками — звук был словно стук крупных семечек в маленьком, наполовину высохшем кругляшке тыквы, — и едва заметным движением бросил кости к краю стола.

Вот это был бросок, подобного Джо не приходилось видеть ни за одним столом. Кости пролетели плоско, ни разу не повернувшись, упали

точно на пересечение днища с боковиной и неподвижно замерли, показывая семерку.

Джо был расстроен, как никогда. Его собственные броски требовали всегда быстрого расчета: типа: «Бросить тройкой вверх, пятеркой к северу, два с половиной оборота в воздухе, падение на угол шесть-пять-три, отскок и три четверти оборота вправо, пятерка вверх и два раза перевернуться, выходит двойка». И это для одной только кости и довольно обычного броска, без сверхотскоков.

По сравнению с этим техника Большого Игрока была на редкость, на удивление, до крайности проста. Джо, конечно, смог бы воспроизвести такой бросок без особого труда. Это относилось не более чем к элементарной форме его старых развлечений, когда он швырял отпавшие обломки угольного пласта на свои места. Но Джо никогда не помышлял о том, чтобы заниматься такими детскими фокусами за игорным столом. Уж слишком просто и нарушает красоту игры.

Еще одна веская причина, по которой Джо никогда не использовал такой трюк: он наверняка даже не рассчитывал, что подобный фокус сойдет ему с рук. По всем правилам, о которых он когда-либо слышал, это был самый сомнительный бросок. Всегда существовала вероятность, что та или иная кость будет неплотно прилегать к боковине стола или станет чуть-чуть наклонно, касаясь днища и боковины ребрами, а не гранями. Кроме того, напомнил он себе, разве не могут кости не долететь до боковины, пусть даже на полдюйма?

Однако, насколько могли видеть зоркие глаза Джо, обе кости лежали абсолютно горизонтально и четко прилегали к боковине. Более того, все присутствующие приняли этот бросок, и ассистентка собирала кубики. Большие Грибы, согласившиеся со ставкой человека в черном, выплатили деньги. С тех пор как существует бизнес на игре в кости, данное заведение, похоже, имело собственную интерпретацию этого правила на случай крайней нужды. Как учили Джо мать и жена задолго до его увлечения игрой в кости, это считалось последним и всегда удобным способом.

Впрочем, в деньгах, которые покрыл последний бросок Большого Игрока, его доли не было.

Голосом, похожим на вой ветра на Кипарисовом Кладбище на Марсе, Большой Игрок провозгласил: «Бросаю сотню». Это была крупнейшая из ставок сегодняшнего вечера — десять тысяч долларов. Но то, как Большой Игрок произнес эти слова, заставляло думать, что он имел в виду нечто большее. Сразу же все как-то затихли. На трубы надели сурдины, выкрики крупные стали более доверительными, карты начали падать мягче, даже шарики рулетки, казалось, старались производить меньше шума, носясь по своим орбитам. Вокруг стола номер один молчаливо скапливалась толпа. Парни и девушки в окружении Большого Игрока образовали двойное полукольцо, оберегая его от случайных толчков.

Эта ставка, подумал Джо, на тридцать долларов больше его кучи. Три или четыре Больших Гриба обменялись знаками перед тем, как разделить ее.

Большой Игрок выкинул еще одну семерку точно таким же способом.

Он поставил еще сотню и выиграл.

И еще.

И еще...

Джо был в высшей степени заинтересован и в то же время разочарован. Пожалуй, просто несправедливо, что Большой Игрок выигрывает такие огромные ставки таким программно-машинным методом. Какие же это первоклассные броски, если кости ни на йоту не переворачиваются ни в воздухе, ни на столе... Таких бросков можно было ожидать разве что от робота, причем весьма примитивно запрограммированного робота. Джо не собиравшись рисковать и выступать против Большого Игрока ни единой фишкой, но если дела и дальше пойдут так, отказаться ему будет нельзя. Два Больших Гриба, покрывшихся потом, уже ретировались, признав свое поражение, и никто не занял их места. Очень скоро должно было случиться, что оставшиеся Большие Грибы не смогут полностью покрыть ставку, Джо должен будет рискнуть своими фишками или выйти из игры, чего он не мог сделать, ибо в его правой руке билась сила, подобная прикованной молнии.

Джо сидел и ждал, что кто-нибудь еще возьмется покрыть бросок Большого Игрока, но смельчаков не находилось. Вдруг Джо почувствовал, как, вопреки его усилиям казаться невозмутимым, лицо его краснеет.

Слегка приподняв левую руку, большой Игрок остановил ассистентку, намеревавшуюся поднять кубики. Глаза, подобные черным бездонным колодцам, уперлись в Джо, который изо всех сил заставлял себя смотреть в них. Он все еще никак не мог уловить в них ни малейшего блеска. По его спине вдруг побежали мурашки от страшного подозрения.

Большой Игрок с удивительным доброжелательством и дружелюбием прошептал:

— Мне кажется, что у игрока напротив возникли сомнения относительно законности моего последнего броска, хотя он настолько джентльмен, что не произнес этого вслух. Лотти, карточный тест.

Высокая, словно призрак, ассистентка с кожей цвета слоновой кости вытащила из-под крышки стола игральную карту и, язвительно сверкнув маленькими белыми зубами, бросила ее Джо. Он, поймав вращающуюся карточку, быстро оглядел ее. Джо рассматривал самую тонкую, жесткую, плоскую и сверкающую карту из всех, что ему приходилось держать в руках. Перед ним был джокер, если это хоть что-нибудь значило. Джо лениво бросил его обратно, и девушка мягко опустила

карту, заставив скользнуть ее под собственным весом вдоль боковины, у которой лежали две кости. Карта застыла в углублении, образованном закругленными краями. Ассистентка осторожно, не надавливая, переместила карту, демонстрируя отсутствие зазора между кубиками и столом во всех точках.

— Удовлетворены? — спросил Большой Игрок. Джо почти произвольно кивнул. Большой Игрок поклонился в ответ. Ассистентка насмешливо раздвинула свои маленькие тонкие губки и выпрямилась: ее белые, похожие на китайские дверные ручки груди качнулись в сторону Джо.

Большой Игрок, насыщая сам воздух вокруг себя скукой, незамедлительно вернулся к своему шаблону: ставка в сто долларов и бросок в семь очков. Большие Грибы сникли и стали один за другим отходить от стола. Белый Мухомор с необычайно розовым лицом, задыхаясь, словно бегун у финиша, поставил довольно кругленькую сумму, но и это не могло ему помочь: он только потерял свои сотни. А башенка черных и светлых фишек рядом с Большим Игроком выросла в небоскреб.

Джо бесился все больше и больше, страстно желая схватки. Он смотрел на кости, лежащие у края стола, словно стервятник или спутник-шпион, но никак не мог найти законного повода для нового карточного теста или сил заставить себя оспорить правила заведения — он упустил момент. Его выводило из себя, просто бесило сознание того, что он знал: попади только кубик в его руки, и он сделает все что угодно и с этой черно-бархатной колонной, и с тутошней аристократией, строившей из себя невесть что. Джо клял себя на тысячу ладов за идиотский самоуверенный, убийственный импульс-сомнение, заставивший его отказаться от счастья, когда оно само шло к нему в руки.

Что еще хуже, Большой Игрок принялся смотреть на Джо в упор своими глазами, похожими на угольные шахты. Он сделал три броска, даже не глядя на кости. Для Джо такой пассаж уж слишком задевал его амбицию. Он поступил так же нехорошо, как делали иногда его жена и мать: они молча с осуждением смотрели, смотрели и смотрели на него.

Но пристальный взгляд черных глаз, которые не были глазами, посеял в Джо ужасный страх. К его уверенности в смертоносности Большого Игрока прибавился сверхъестественный ужас. С кем, не переставал спрашивать себя Джо, он ввязался в игру? В этом вопросе любопытство было так же сильно, как и желание победить, взяв кости; оставался и ужас, но и смешанное с ужасом любопытство. Волосы у Джо поднялись, и он весь покрылся гусиной кожей, хотя сила пульсировала в его руке, подобно тормозящему локомотиву или отрывающейся от стартовой установки ракеты.

В то же время Большой Игрок оставался таким, как и прежде: черный атласный пиджак, элегантная широкополая шляпа, учтивость,

вежливость, смертоносность. Фактически единственным темным пятном, обнаруженным Джо, можно считать одно лишь обстоятельство — при всем восхищении манерами Большого Игрока Джо был разочарован его примитивно механическими отработанными бросками и рвался теперь переиграть его, используя все свое умение.

Безжалостное истребление Больших Грибов закончилось. Их место заняла рать Белых Мухоморов. Вскоре и их осталось только трое.

Заведение стало вдруг пустынным, словно Кипарисовое Кладбище или луна. Джаз смолк, и вместе с ним смолкли смех, шарканье подошв, хихиканье девушек, звон стаканов и монет. Все, казалось, собрались вокруг стола номер один и молча стояли и смотрели.

Джо был изумлен постоянным наблюдением за костями, чувством несправедливости, презрением к самому себе, дикими надеждами, любопытством и ужасом.

Цвет лица Большого Игрока, насколько это можно было заметить, продолжал темнеть. Джо вдруг поймал себя на дикой мысли: не ввязался ли он в игру с негром, африканским колдуном, с которого теперь облезал грим?

Очень скоро два оставшихся Белых Мухомора не смогли покрыть очередную сотню долларов. Джо оставалось либо поставить десять долларов из своей маленькой кучки, либо выходить из игры. После секундного размышления он выбрал первое.

И потерял свою десятку.

Два Мухомора присоединились к молчаливой толпе.

В Джо вонзились бездонные глаза. Раздался шепот:

— Ставлю всю кучу.

Джо отчаянно и отчетливо ощутил в себе постыдное желание признать себя побежденным и отправиться домой. В конце концов, шесть тысяч долларов произведут достаточное впечатление на жену и мать.

Но он не смог вынести даже мысли о смехе толпы, мысли о том, как он будет жить, зная, что имел последний шанс, хотя и очень ничтожный, обыграть Большого Игрока и отказался от него.

Он кивнул.

Большой Игрок бросил кости. Джо перегнулся через стол, забыв про боязнь головокружения, и следил за броском, словно орел или космический телескоп.

— Удовлетворены?

Джо знал, что он должен сказать «да» и уйти с высоко поднятой головой. Так было бы действительно по-джентльменски. Но затем он напомним себе: он ведь не джентльмен, а потный, грязный работяга-горняк, вкалывающий до изнеможения, с талантом метко бросать предметы.

Он знал, что для него весьма опасно говорить что-нибудь кроме «да», будучи окруженным врагами и незнакомцами. Но потом Джо спро-

сил себя: «А какое право у меня, презренного смертного неудачника, беспокоиться об опасности?»

Кроме того, одна из усмехающихся рубиновым ртом костей лежала, казалось, на волосок дальше от боковины стола, чем соседняя.

Джо сделал величайшее усилие, сглотнул слюну и заставил себя произнести:

— Нет. Лотти, карточный тест.

Ассистентка вздрогнула, словно ужаленная, и отшатнулась назад, будто собираясь плюнуть ему в глаза, и у Джо появилось чувство, что ее рывок равносителен укусу змеи. Но Большой Игрок предостерегающе поднял палец, и она бросила Джо карту, но так низко и зло, что та сначала исчезла под черной материей, а потом влетела в руку Джо.

Карта была горячая на ощупь и вся потемнела, хотя остальные превращения не были заметны.

Джо с трудом заглотнул воздух и бросил карту обратно.

Вонзив в него отравленный кинжал усмешки, ассистентка заставила карту скользнуть вдоль боковой стенки, и после секундной остановки та провалилась за кость, которую и подозревал Джо.

Поклон и шепот.

— У вас зоркие глаза, сэр. Кость, несомненно, не достигла боковины. Мои искренние извинения и... ваша очередь, сэр.

Вид кубиков, лежащих перед ним на черной материи, чуть не довел Джо до удара. Все чувства его растерзанной души достигли неимоверной силы, когда он сказал: «Ставлю все, что есть». Большой Игрок ответил: «Принимается». Джо завопил и, подчиняясь какому-то импульсу, схватил кости и швырнул их прямо в лишенные блеска, полуночные глаза Большого Игрока.

Она попали в цель и загремели внутри черепа, словно крупные семечки в высушенной не до конца тыкве.

Выбросив в стороны руки ладонями вверх, чтобы никто из присутствующих не набросился на Джо, Большой Игрок, прополоскав рот, выплюнул кости на стол. Они упали в самом центре — одна горизонтально, другая, прислонившись к первой, на ребро.

— Кость на ребре, сэр, — прошептал он так вежливо, словно поступок Джо не вызвал у него ни малейшего неудовольствия. — Повторите бросок.

Джо машинально погромел костями, приходя в себя от потрясения. После секундного колебания Джо решил, что, хотя теперь он может догадываться об истинном имени Большого Игрока, бедный работяга все-таки должен драться за свои денежки.

Где-то в глубине его мозга билась мысль: «Интересно, а как соединяются кости в этом скелете? Может быть, они до сих пор сохранили хрящи? Связаны проволокой или силовыми полями? А вдруг кости — притягивающиеся друг к другу кальциевые магниты?

Последнее, возможно, было связано со смертельно опасным бледным электричеством».

Кто-то кашлянул в полнейшей тишине, опустившейся на заведение. Алая женщина истерично вскрикнула. С подноса обнаженной менялы посыпались монеты, с музыкальным звоном покатившиеся по полу.

— Молчание! — приказал Большой Игрок и движением, почти незаметным для глаза, сунул руку под пиджак и извлек ее обратно. Короткоствольный серебряный револьвер мягко блеснул на черном крепе. — Тот, кто издаст хотя бы звук, пока мой уважаемый соперник будет бросать кости, получит пулю в лоб.

Джо учтиво поклонился, чувствуя, что это получилось у него весьма забавно, и решил начать с семерки, состоящей из шестерки и единицы. Он бросил кости, и Большой Игрок, движением черепа оценивший бросок, проследил за полетом кубиков внимательным взглядом глаз, которых фактически у него не было.

Кости упали, перевернулись и остановились. Невероятно! Джо убедился, что в первый раз за всю жизнь допустил ошибку в броске. Или во взгляде Большого Игрока заключалась сила большая, чем в его правой руке. Шестерка легла как надо, но единица перевернулась лишний раз, и этот кубик показал еще одну шестерку.

— Конец игры, — возвестил Мистер Кости погребальным голосом.

Большой Игрок поднял сухую коричневую руку.

— Нет необходимости, — прошептал он. Его черные глазницы уперлись в Джо подобно жерлам осадных орудий. — Джо Слеттермен, у вас есть нечто еще, что можно поставить на кон, если пожелаете, Вашу жизнь.

При этих словах толпа взорвалась насмешками, истерическим смехом, диким хохотом и визгливыми выкриками. Мистер Кости, выражая общее настроение, проревел, перекрывая гул толпы:

— Какую пользу или ценность может иметь теперь жизнь такого ничтожества, как Джо Слеттермен? Два цента в обычных деньгах!

Большой Игрок накрыл ладонью блестящий револьвер, и смех как отрезало.

— В ней вижу пользу я, — прошептал Большой Игрок. — Джо Слеттермен, я со своей стороны рискну всем своим выигрышем за этот вечер и ставлю мир и все, что в нем есть, в придачу. Вы довольны?

Джо Слеттермен был готов пойти на попятную, но тут до него дошла вся драматичность сложившейся ситуации. Он обдумал ее и осознал, что не собирается отказываться от роли центральной фигуры в этом спектакле ради того, чтобы вернуться с рухнувшими надеждами к жене, матери и ипохондричному мистеру Пузику в свой дом-развлекуху. Может быть, смело подбодрил он себя, во взгляде Большого Игрока нет никакой силы, не исключено, Джо просто допустил единственную и непоправимую ошибку во время броска. Кроме того,

Джо склонился к тому, что Мистер Кости оценил его жизнь точнее, чем Большой Игрок.

— Ставлю, — сказал он.

— Лотти, дайте ему кости.

Джо изо всех сил напряг свой мозг, победоносная сила наполнила его правую руку, и он сделал свой бросок.

Кости упали на стол. Они метнулись вниз, потом вверх по какой-то дикой кривой, взлетели над краем стола, а потом, подобно сверкающим красным метеорам, ударились о лицо Большого Игрока, где они неожиданно замерли в черных глазницах, каждая сверкая рубиновым блеском единицы.

Глаза змеи.

Красные глаза с усмешкой уставились на него, и он услышал:

— Джо Слеттермен, кости вылетели за пределы стола.

С помощью большого и среднего пальцев обеих рук Большой Игрок извлек кости из глазниц и бросил их в протянутую ладонь Лотти.

— Да, Джо Слеттермен, кости вылетели за пределы стола, — повторил он спокойно. — А теперь вы можете застрелиться, — он дотронулся до серебряного револьвера. — Или перерезать себе горло, — он достал из-за пазухи и положил рядом с револьвером кривой кинжал с золоченой ручкой. — Или отравиться, — к оружию добавилась черная бутылочка с белым черепом и скрещенными костями. — Или мисс Фосси зацелует вас до смерти, — он подтолкнул вперед самую красивую и злобную девушку. Она выпрямилась, одернув свою коротенькую юбочку, и бросила на Джо провокационный холодный взгляд, приподняв карминовую верхнюю губу и показывая длинные белые клыки.

— Или еще, — добавил Большой Игрок, кивнув в сторону затянутого крепом стола, — вы можете совершить Большой Прыжок.

Джо со злостью произнес:

— Я выбираю Большой Прыжок.

Он поставил правую руку на свой, теперь пустой стол для фишек, наклонился вперед... и неожиданно оттолкнувшись от края, в тигрином прыжке бросился через стол и вцепился в горло Большому Игроку, утешая себя мыслью, что мучиться придется недолго.

Когда Джо пролетал над центром стола, в мозгу его отпечатались мгновенная фотография того, что в действительности было внизу, но он не успел всего этого осознать, потому что в следующее мгновение врезался в Большого Игрока.

Жестким ребром коричневой руки Игрок ударил Джо в висок со стремительностью молнии, но коричневые пальцы или кости рассыпались, словно были сделаны из воздушного теста. Левая рука Джо прошла сквозь грудь Большого Игрока, будто бы там не было ничего, кроме атласного пиджака, в то время как правая мертвой хваткой вцепилась

в череп под шляпой, разломив его на кусочки. В следующее мгновение Джо рухнул на пол, сжимая в пальцах черные лоскутья и коричневые обломки.

Затем он, стремительно вскочив на ноги, протянул руку к башенкам на столе Большого Игрока. Времени оставалось лишь на то, чтобы схватить все, что подвернется под руку. Как назло, ему не попалось ни золотых, ни серебряных фишек, поэтому он, сунув в карман горсть светлых, помчался прочь.

И в тот же момент все окружение Большого Игрока водрузилось к нему на плечи. Его били, царапали, рвали на куски и топтали подбитыми гвоздями каблуками. В ход шли зубы, ножи, медные шары. Кто-то с черным лицом, на котором выделялись налитые кровью глаза, нахлобучил ему на голову золоченую трубу. Рядом мелькнуло голое тело ассистентки, и он потянулся к ней, но она увернулась. Невесть кто старался ткнуть ему в глаз тлеющую сигару. Лотти, шипя и извиваясь, словно белый удав, пыталась задушить его и в то же время выколоть ножницами глаза. Флосси, выскочившая словно чертенок из коробочки, плеснула ему в лицо из широкогорлой квадратной бутылки чем-то, напоминающим по запаху кислоту. Мистер Кости всаживал в Джо пулю за пулей из серебряного револьвера. Джо был зарезан, застрелен, разорван на куски, избит, искромсан, как шинкованная капуста, ему переломали все кости.

Но почему-то все эти удары не достигали цели. Такая битва была похожа на драку с привидениями. В конце концов оказалось, что все эти бандиты, вместе взятые, все же уступали в силе Джо. Он почувствовал, что его поднимают многочисленные руки, тащат сквозь двери и бросают на тротуар. Но даже и такой бросок не прибавил боли. Подобная процедура походила скорее на ободряющее похлопывание по плечу.

Джо глубоко вздохнул, перевернулся и подвигал конечностями. Похоже, ничего серьезного. Он поднялся и огляделся. Заведение темно и молчаливо, словно Плутон или весь остальной Карьер. Когда глаза Джо привыкли к свету звезд и перемещавшимся огонькам — изредка проплывающим по небу космическим кораблям, — он заметил запертую на засов железную дверь, в которой находилась другая — та, через которую его выкинули.

Вдруг Джо обнаружил: он жует нечто хрустящее, что он все это время сжимал в правой руке. Чрезвычайно вкусное, словно хлеб, который его жена пекла для постоянных покупателей. В этот момент его память воспроизвела картинку, увиденную им, когда он пролетал над центром черного стола: высокая стена пламени, заполняющая всю поверхность стола, а за ней — удивленные лица его жены, матери и Мистера Пузика. До него дошло, что он жует: череп Большого Игрока, и он вспомнил форму трех караваев, которые пекла его жена, когда он уходил. И понял волшебство, которое она совершила, разрешив ему

ненадолго уйти из дому и почувствовать себя наполовину мужчиной, а потом вернуться назад с обожженными пальчиками.

Он выплюнул все содержимое изо рта, швырнув остаток гигантского черепа на дорогу.

Джо запустил руку в левый карман. Большинство светлых фишек раскрошились во время драки, но он нашел одну целую и ощупал ее. Оттиснутые на ней знак был крестом. Он поднес фишку к губам и откусил от нее небольшой кусочек. Вкус был нежным, просто восхитительным. Он съел ее всю, почувствовав, как прибывают у него силы. Джо похлопал рукой по туго набитому карману. В конце концов, у него достаточно провизии на дорогу.

Он повернулся и направился напрямик к дому, но длинным путем — вокруг света.

СОДЕРЖАНИЕ

МРАК, СОМКНИСЬ!

Роман

• 5

СТРАННИК

Роман

135

ТРЕБУЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЬ

Повесть, рассказы

429

Литературно-художественное издание

Лейбер Фриц

МРАК, СОМКНИСЬ!

Фантастические романы, повесть, рассказы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*

Редактор *С.А. Кукуш*

Художник *А.Б. Державин*

Технический редактор *Ю.А. Мухин*

Корректор *К.И. Каревская*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 30.11.92.

Формат 60 х 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,62.

Уч.-изд. л. 39,96. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4097

Оригинал-макет (диапозитивы) подготовлен ТОО "Макет".
141700, М.О., г. Долгопрудный-1, а/я № 31; тел.: (095) 408-71-63

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП "Нижполиграф".
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ИНТЕРАГЕНТСТВО «ДЕПОЛЬ»

предлагает Вашему вниманию следующие туры на 1993 - 1994 гг.
(гостиницы 3-4 звезды).

Кипр	- от 310 \$ + авиабилеты, 7/8 дней, полупансион, трансфер, экскурсии; или 505 \$ (авиабилет в стоимость включен).
Таиланд	- от 187 \$ + авиабилет (Бангкок, Патая), отдых, экскурсия, 4/5 дней, 7/8 дней.
Греция	- от 285 \$ + авиабилет, 7/8 дней, экскурсия и отдых на море.
Балеарские острова (остров Майорка)	- от 500 \$ + авиабилет, полупансион, трансфер, экскурсии.
Лондон	- 498 \$ + авиабилет, трансфер, экскурсии, полупансион, 6/7 дней.
Голландия (за автомобилями)	- 317 \$ + авиабилет, трансфер, полупансион, 5/6 дней.
Франция	- от 411 \$ + авиабилет, 6/11 дней, полупансион, трансфер, экскурсии.
Каир - Александрия - Порт-Саид	- от 202 \$ + авиабилет, 7/8 дней, трансфер, полупансион, экскурсии.
ОА Эмираты	- 300 \$ + авиабилет, 5/6 дней, трансфер, экскурсии; 260 \$ + авиабилет, 4/5 дней.
Индия	- 410 \$ + авиабилет, 8/9 дней.
Италия	- 615 \$ + авиабилет, 8/9 дней; 490 \$ + авиабилет, 5/6 дней.
Венгрия	- от 178 \$ + авиабилет, 4/5 дней; 318 \$ + авиабилет, 7/6 дней.
Болгария (Солнечный берег)	- 230 \$ + авиабилет, 9/10 дней.
Болгария (Солнечный берег)	- 8/8-дней и Стамбул 1/2 дня - 287 \$ + авиабилет.
Испания	- Мадрид - 665 \$ + авиабилет, 6/5 дней; Мадрид 3/3 дня и Торремолин 5/4 дней, 562 \$; Мадрид - Толедо - Кордова - Севилья - Гранада - 8/7 дней, 643 \$ + авиабилет.
Канарские острова (о.Тенерифе и о. Гран-Канария)	- 9/10 дней, 740 \$.
США	- от 435 \$ + авиабилет, 6/8 дней; 5/6 дней Майями - от 355 \$ + 320000 руб.

Южная Корея и т.д., бизнес-туры в США и обучение в американских колледжах на бизнескурсах с получением американского диплома на 2 - 4 недели, со всеми удобствами и практикой на американских фирмах, банках и т.п. по желанию клиента. Стоимость тура 2800-3800 \$, включая питание, проживание, трансферы, экскурсии и т.п.

Форма оплаты любая.

Мы всегда рады выполнить любые Ваши пожелания!

Тел.: (095) 925 94 20, (095) 923 99 10

Факс: (095) 923 99 10

УВАЖАЕМЫЕ ХУДОЖНИКИ!

Если Вы владеете
ЧЕТКИМ, ДИНАМИЧНЫМ РИСУНКОМ,
ЯРКИМИ КРАСКАМИ,
Знакомыми по обложкам американских книг
детективного и фантастического жанра,
приглашаем Вас к долгосрочному сотрудничеству,
даже если у Вас нет опыта в книжной графике.
Оплата — по самым высоким расценкам.

**НЕ ОТКЛАДЫВАЯ,
ПОЗВОНИТЕ**
208 74 01
208 56 34

Юрий ЛЕЙБЕР

**МРАК, СОМКНИСЬ !
СТРАННИК
ТРЕБУЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЬ**

романы
рассказы

